

Acta Historica

REVUE DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE HONGRIE

ЖУРНАЛ ВЕНГЕРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

JOURNAL OF THE HUNGARIAN ACADEMY OF SCIENCES

ZEITSCHRIFT DER UNGARISCHEN AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN

Index

Avant-propos

ETUDES

Э. Мольнар: Великая Октябрьская социалистическая революция

L. Makkai: The Hungarian Puritans and the English Revolution

L. Zsigmond: Versuche des deutschen Imperialismus, seine Machtpositionen nach Ost- und Südosteuropa hinüberzuretten (1919—1920)

Б. Балаж: Роль национальных комитетов в создании Венгерской народной демократии

DOCUMENTS

B. Köpeczi: Politique et jansénisme. Lettres de François II. Rákóczi

RAPPORT SUR LES RECHERCHES

COMPTE RENDU DE LIVRES

CHRONIQUE

NOTES BIBLIOGRAPHIQUES

BIBLIOGRAPHIE

1958

TOMUS V

Nr. 1—2

ACTA HISTORICA

JOURNAL DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE HONGRIE
ЖУРНАЛ ВЕНГЕРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
PERIODICAL OF THE HUNGARIAN ACADEMY OF SCIENCES
ZEITSCHRIFT DER UNGARISCHEN AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN

ADRESSE DE LA RÉDACTION: BUDAPEST V, BELGRÁD RKP. 5.

Membres du Comité de la rédaction: K. BENDA, L. ELEKES, GY. EMBER, E. MOLNÁR
(rédacteur en chef), P. ZS. PACH, E. PAMLÉNYI (rédacteur), J. PERÉNYI, L. ZSIGMOND

Az *Acta Historica*, az MTA történettudományi folyóirata francia, orosz, angol és német nyelven közöl értekezéseket a történettudomány köréből.

Az *Acta Historica* változó terjedelmű füzetekben jelenik meg: négy füzet alkot egy kb. 25–30 íves, évente megjelenő kötetet.

Az *Acta Historica* előfizetési ára kötetenként belföldre 80 Ft, külföldre 110 Ft. Megrendelhető a belföld számára az »Akadémiai Kiadó«-nál (Budapest V. Alkotmány utca 21, bankszámla 04-878-111-46), a külföld számára pedig a »Kultura« Könyv és Hírlap Külkereskedelmi Vállalatnál (Budapest VI. Népköztársaság útja 21, bankszámla: 43-790-057-181), vagy külföldi képviselőinél és bizományosainál.

Les *Acta Historica* paraissent en français, russe, anglais et allemand et publient des travaux du domaine des sciences historiques.

Les *Acta Historica* sont publiés sous forme de fascicules qui forment un volume à 400–500 pages par an.

Le prix de l'abonnement est de 110 forints par volume.

On peut s'abonner à l'Entreprise du commerce extérieur de livres et journaux «Kultura» (Budapest 62, POB. 149) ou à l'étranger chez tous les représentants ou dépositaires.

Avant-propos

Le présent numéro des Acta Historica, bulletin périodique de l'Académie des Sciences de Hongrie, diffère des numéros précédents à la fois par sa présentation et par la richesse de son contenu. Nous estimons que le développement de l'historiographie hongroise marxiste nous permet d'ores et déjà de rendre compte — dans une revue trimestrielle — de nos résultats aux spécialistes étrangers et à tous ceux qui s'intéressent aux sciences historiques. Cet objectif, à savoir la connaissance plus approfondie de notre travail, pourrait être — selon tout espoir — mieux réalisé par les rubriques de la nouvelle revue, par ses communiqués, ses comptes-rendus, ses critiques et par sa large rubrique de bibliographie.

En ce qui concerne la thématique du nouveau bulletin, nous tenons tout d'abord à souligner que nous traitons avant tout des sujets d'un intérêt universel, ou ceux qui ont trait à nos rapports avec les autres peuples — en particulier à ceux avec les peuples voisins. Quant aux études consacrées à l'histoire hongroise, nous y réservons la préférence à celles qui, à notre avis, fourniront, du point de vue théorique et méthodologique, un certain enseignement même à nos lecteurs étrangers.

Une importante tâche nous incombe à propos de la mise à jour de nos relations avec les peuples des pays voisins. Sous ce rapport nous ne saurions nous limiter uniquement aux relations historiques effectives, bien que leur étude systématique n'en soit encore qu'à ses débuts. Nous y renvoyons en premier lieu aux problèmes communs qui se présentent dans l'histoire des peuples voisins et dans celle du peuple hongrois, problèmes dont la solution communiquera un nouvel essor à l'historiographie de certains pays, et fournira en même temps un enseignement de principe pour toute l'historiographie progressiste. Les problèmes qui se posent à propos du servage en Europe Orientale, l'évolution capitaliste des pays ayant fait partie de l'ancienne monarchie austro-hongroise, l'histoire des mouvements ouvriers révolutionnaires, les questions portant sur l'évolution économique et politique de la période allant du déclenchement de la première guerre mondiale à 1945 — pour ne mentionner que les problèmes actuellement les plus importants — sont autant de questions qui ne sauraient être résolues qu'à l'aide d'efforts collectifs et par l'échange mutuel des résultats obtenus dans le domaine des recherches scientifiques.

C'est par la diffusion des résultats scientifiques obtenus par les historiens hongrois et par les comptes-rendus critiques ayant trait aux ouvrages étrangers que la nouvelle revue espère faciliter la solution des problèmes communs.

*Les langues employées par notre revue sont aussi au service de ces objectifs. Nous désirons continuer la méthode des *Acta Historica* et publier les études en différentes langues, selon les pays susceptibles de s'intéresser à telle ou telle étude. En ce qui concerne les résumés abrégés, qui suivront les études, ceux-ci seront rédigés dans une langue qui différera de celle de l'étude.*

Nous voudrions veiller avec soin — chose assez négligée dans le passé — à ce que les résultats les plus appréciables de notre historiographie marxiste soient accessibles même aux spécialistes de l'historiographie occidentale.

*Depuis le Xe Congrès International des Sciences Historiques qui a eu lieu à Rome en 1955, la coopération internationale des historiens s'est beaucoup développée. Le renforcement des liens d'amitié déjà existants avec les historiens de l'Union Soviétique, aussi bien qu'avec ceux des pays de démocratie populaire et la coopération avec les milieux progressistes de l'historiographie occidentale, tels sont les objectifs par lesquels les *Acta Historica* espèrent servir la cause de l'évolution internationale des sciences historiques.*

La Rédaction

Великая Октябрьская социалистическая революция

Э. МОЛЬНАР

Великая Октябрьская социалистическая революция представляет собой такое событие всемирной истории, свет которого никогда не затмится, величие которого все ярче разворачивается в течение времени. Величие исторических событий оценивается по их последствиям. Последствия Октябрьской социалистической революции в течение 40 лет преобразовали облик мира и начали процесс, который в конечном итоге приведет к коренному обновлению человечества.

Социалистический строй является коренным преобразованием. Ставший мировой системой, социализм навсегда кладет конец всякому угнетению и всякой эксплуатации, кладет конец телесной, моральной и духовной нищете, кладет конец господству денег и насилия, мошенничества и обмана. В мировой системе социализма человечество одержит победу над слепыми общественными силами, которые направляли до сих пор его историю через губительные войны и кризисы, и оно сознательно берет в собственные руки свою судьбу. Источником, великим подготовителем этой мировой системы социализма, создающей настоящего человека, является Октябрьская революция. Величие начатого ею преобразования делает Октябрьскую революцию, без преувеличения можно сказать, самым великим до сих пор событием всемирной истории.

Великим событием являлась и французская революция, когда массы поднялись, чтобы свергнуть иго феодализма. После французской революции, все же, последовало разочарование. И не потому, что она не достигла своей цели. Потому, что ее цель была ограничена. Она положила конец господству феодальных тунейдцев, но поставила на его место лицемерное господство капиталистов, стремящихся к сверхприбыли. В этот момент уже признавали, что человек рожден свободным. В действительности, однако, надсмеивались над свободной личностью, когда она принуждалась служить вместо феодальных королей нефтяным королям. Человечество должно было идти дальше по пути, ведущему вверх. Двери настоящей свободы человека, свободного и всестороннего развертывания его личности были открыты только Великой Октябрьской социалистической революцией.

Какое было положение до Октября, какое было положение до первой империалистической мировой войны? В ведущих капиталистических странах крупные капиталистические монополии захватили власть в свои руки. Либеральный период капитализма пришел к концу. Брали верх насилие и реакция. Монополии наложили свои лапы и на неразвитые народы и через тысяч каналов сосали их жизненные силы, чтобы преобразовать их в прибыль. Монополии, и направляемые монополиями великие капиталистические государства смотрели в упор друг на друга, готовые к прыжку, чтобы вырвать добычу из рук другого.

Рабочее движение ослабело в ведущих капиталистических странах, не смогло энергично противостоять необузданным силам капитализма. Те, которые руководили рабочим движением в западных странах, даже и не хотели бороться с капитализмом. Руководители, верхняя прослойка рабочего класса и сама обуржуазилась и стала жить за счет колониальной эксплуатации. В этих странах и марксистская теория приходила в упадок. Развитие выдвигало новые факты, требующие разъяснения. Задача заключалась в следующем: привести теорию в соответствие с новыми фактами, даже если следует отбросить привычный смысл каких-то старых положений. Вместо этого одно крыло, ревизионисты, ради новых фактов отрицали всю марксистскую теорию. Другое крыло, догматики, названные ортодоксами, ради привычного смысла старых положений стали отрицать новые факты. А разочарованные в официальном движении, но стремящиеся бороться рабочие, массами примкнули к синдикализму, воскресившему примитивные мысли анархистов.

В это время, однако, на востоке Европы, в России стала сотрясаться земля. В этой отсталой стране антифеодальная крестьянская революция была поставлена на повестку дня в такое время, когда капитализму уже противопоставилось революционное рабочее движение. И народы России страдали не только от феодальной, не только от капиталистической эксплуатации, на них ложилось и бремя национального угнетения и гнета ведущих империалистических стран. В этой стране, где накопилось и шло к революционному взрыву столько противоречий, на революционирующей почве возродились революционная теория и практика марксизма.

Возрождение марксизма неотделимо от имени Ленина. Разработав учение об империализме, Ленин привел марксистскую теорию в соответствие с новыми фактами, не колеблясь порвав с привычным смыслом некоторых старых положений. Приведя организационные формы партии в соответствие с условиями революционного развития, Ленин создал революционную партию большевиков, передовой отряд рабочего класса. Ленин доказал, что социализм может быть построен только диктатурой пролетариата, и что диктатура пролетариата тождественна пролетарской демократии. Ленин связал ее со стоящей на пороге антифеодальной крестьянской революцией,

выработав теорию рабоче-крестьянского союза и идею пролетарской революции, которая положит конец национальному угнетению и империалистической зависимости. Это он связал с пролетарской революцией освободительную борьбу угнетенных колониальных народов. Когда вспыхнула империалистическая мировая война, он выступил с лозунгом: империалистическую войну следует превратить в гражданскую войну. Став во главе вооруженного восстания и определив единственный момент, когда условия успеха уже созрели и еще не пошли на убыль, он перевел февральскую, по непосредственным целям являющуюся антифеодальной и антивоенной буржуазной революцией в Октябрьскую социалистическую пролетарскую революцию, первым шагом которой являлись раздел земли и провозглашение мира. Ленин организовал победоносную борьбу масс против сил контрреволюции и интервенции. Под руководством Ленина, после окончательной победы пролетарской революции, началось социалистическое строительство, теперь уже в Союзе советских республик, который стал родиной равноправных народов.

Это была трудная и смелая задача в тогдашней России. До того социалистическое преобразование представляли себе таким образом, что оно произойдет сперва в ведущих капиталистических странах, где производительные силы и культура являются самыми развитыми, где экономические и культурные предпосылки социалистического преобразования в наибольшей мере налицо. От этой мысли, однако, пришлось отказаться, потому что было доказано, что там, где экономические и культурные условия наиболее созрели, еще отсутствуют субъективные условия революционного преобразования. Они были в наибольшей мере налицо именно в отсталой в экономическом и культурном отношении России. Какая была бы это революционная, какая социалистическая партия, которая не воспользовалась бы возможностями социалистической революции, предложенными исторической ситуацией? Ведь они вместе с тем доказали и то, что экономические и культурные условия социалистической революции и сами в необходимой мере налицо.

Но именно из этого положения последовали большие трудности социалистического строительства. Социализм пришлось строить в отсталой крестьянской стране, где унаследованные от капитализма промышленные производительные силы являлись неразвитыми, где сам рабочий класс представлял собой численное меньшинство. Империалистическая и гражданская войны разрушили даже и унаследованные производительные силы, разрешили и ряды рабочих. И социализм пришлось строить не в среде дружественных стран, а в окружении неприятельских империалистических стран, в одиночестве против всего вражеского мира, готового напасть на страну строящегося социализма.

В таких условиях нельзя было начать социалистическое строительство с быстрого подъема жизненного уровня. Быстрый подъем жизненного

уровня возможен лишь на основе развитых производительных сил. Развитые производительные силы необходимы были и для материального основания военной мощи Советского Союза. Без этого невозможно было обеспечить внешние условия социалистического строительства, невозможно было обеспечить против империалистов условия мирного социалистического строительства.

Таким образом, дорога социалистического строительства была уже заранее намечена. Прежде всего надо было развивать производительные силы Советского Союза, не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Это была непосредственная задача, которую следовало разрешить и которая могла и должна была быть связана с подъемом культурного уровня масс. Опираясь на творческие силы народных масс и на богатые природные ресурсы страны, преодолев трудности и сопротивление, оказанное против правильной линии правыми и левыми фракциями, Коммунистическая партия Советского Союза с успехом разрешила эту задачу. Когда фашистская Германия напала на Советский Союз, развитые социалистические производительные силы сделали возможным для советского народа защитить социалистическую родину от фашистских захватчиков, уничтожить фашистскую Германию, распоряжающуюся всеми средствами современной техники, и этим путем устранить угрозу господства фашистского варварства.

А сегодня, когда Советский Союз стал второй в мире промышленной великой державой и идет по пути достижения первенства, налицо и возможность того, чтобы параллельно с развитием производительных сил в быстром темпе повышался и жизненный уровень советских масс. Все предпосылки этого созданы уже теперь достигнутым техническим и культурным уровнем Советского Союза, большим числом хорошо образованных научных и технических кадров, с которым Советский Союз обогнал и ведущие капиталистические страны, социалистическим общественным строем страны, который не знает эксплуататорских классов и объединяет всех трудящихся в общем напряжении сил. Не подлежит сомнению, что подъем жизненного уровня мог бы быть более быстрым, если бы политика империализма, подготавливающая войну, не принудила Советский Союз уделять значительную часть своих ресурсов на рост своей военной мощи. Но из этого также следует мирная политика Советского Союза. Советский Союз должен стремиться к ослаблению международной напряженности и добиться всеобщего разоружения для того, чтобы применить все силы к мирному социалистическому строительству, к дальнейшему развитию социалистических производительных сил и к подъему жизненного уровня масс. Поэтому, советская внешняя политика стремится, ликвидировав атмосферу холодной войны, к созданию условий коэкзистенции, мирного соревнования социалистической и капиталистической системы. Этого соревнования Советскому

Союзу нечего бояться. В нем наверное организованные силы социализма одержат победу над анархическими силами капитализма. Спутник, который обращается вокруг нашей Земли, предвещает уже эту победу.

Советский народ должен был принести крупные жертвы за достигнутые успехи. Сегодня эти жертвы уже позади, Коммунистическая партия Советского Союза исправляет допущенные ошибки. Без ошибок нет великого исторического процесса. Каждый период имеет двойное лицо. Одно обращается к моменту. На нем могут находиться и отвратительные черты. Другое обращено к будущему. На этом лице отражается величие истории. Ошибки следует измерить успехами. Великое историческое достижение — если при образовании применялись и ошибочные средства — создание социалистического Советского Союза, при помощи которого была построена основа распространения социалистической системы в мировом масштабе.

Советский Союз стал прочной основой распространения социализма. В период между двумя мировыми войнами угнетенный рабочий класс капиталистических стран не сводил глаза с Советского Союза, в своей борьбе он черпал силу из успехов Советского Союза. Когда во второй мировой войне Советский Союз победил, его победа привела здесь, на востоке Европы к образованию стран народной демократий. Опираясь на Советский Союз, на опыт Коммунистической партии Советского Союза, победила китайская революция, это второе крупного значения событие истории XX в.

Советский Союз уже своим образованием и существованием вдохновил освободительную борьбу угнетенных колониальных и полуколониальных народов. Пример Советского Союза, свергнувшего империалистическую зависимость, вдохновил их национально-освободительную борьбу, симпатия и поддержка со стороны Советского Союза способствовали успеху их борьбы. Когда они добились политической независимости, плановое хозяйство Советского Союза показало, в каком направлении они должны идти, если они стремятся быстро развивать свои производительные силы. Третье великое событие истории XX в., все усиливающийся распад империалистических колониальных империй, отражает влияние Советского Союза.

Всемирно — исторические достижения Советского Союза сводят на-нет клевету и необоснованные обвинения, которыми империалистические агенты, замаскированные в представителей «свободного мира», нападают на Советский Союз. Нет ничего удивительного в том, что империалисты пользуются всеми возможностями наносить вред Советскому Союзу, будь эта возможность смелая критика XX съезда партии, или октябрьские события в Венгрии. Но вопреки все обновляющимся усилиям холодной войны все возрастает возможность того, что мирная политика Советского Союза, которая сегодня может опираться — кроме социалистических стран и прогрессивных сил в империалистических странах — уже и на расширяющийся круг нейтральных стран, одержит победу и предотвратит новые войны. Если Советский

Союз добьется этого, это будет новым крупным поворотом в истории человечества, жаждущего мира.

Что означала Октябрьская революция, что означал и что означает Советский Союз для Венгрии? Октябрьская революция оказалась сигналом для народов, тонувших в море крови империалистической мировой войны, чтобы свергнуть иго империалистических палачей, провозглашением на весь мир банкротства капитализма, примером того, что народы могут преуспевать и без капиталистического руководства и только так могут преуспевать. В венгерском народе, жившем в подобных общественных условиях, что и народы России, Октябрьская революция вызвала глубокий отклик. Там, в России, десятки тысяч военнопленных взяли за оружие в защиту Октябрьской революции, потому что они осознали, что дело Октябрьской революции является в то же время и делом венгерского народа. В городах Сибири, вдоль большой магистрали, опять отправлялись в поход на станциях венгерские маршевые роты, под звуки марша Ракоци, но теперь под красными знаменами. Были времена в Сибири, когда советская власть опиралась не в малой мере на венгерских воинов интернациональных полков.

В Октябрьской революции родилась венгерская коммунистическая партия, первая партия, которая представляла в Венгрии идеи революционного марксизма, возрожденного в России революционного марксизма, марксизма-ленинизма. В течение некоторых кратких месяцев коммунистическая партия стала во главе масс и в марте 1919 г., первой из народов мира последовав примеру России, Венгрия провозгласила Советскую республику.

Это также было трудное и смелое предприятие. Экономика страны была разрушена войной, страна была окружена кольцом империалистических войск. Революция победила, однако, не только в России, волна революции во всем мире была на подъеме, возможно и надо было взять на себя риск. Так Венгрия опять — как когда-то в 1848 г. — встала в первые ряды международного прогресса, тесно примкнув к Советскому Союзу. Несмотря на героическую борьбу венгерского рабочего класса Советская республика была разгромлена. Советский Союз не сумел оказать необходимую помощь, потому что тогда и сам боролся за свое существование. Тот факт, однако, что Венгерская Советская Республика *была*, что венгерский рабочий класс держал власть в своих руках в течение четырех месяцев, дал веру и силу венгерскому революционному рабочему движению также и в десятилетия после разгрома во время террора Хорти.

Во время режима Хорти угнетенный и эксплуатируемый, стоящий весь под полицейским надзором венгерский рабочий класс не был введен в заблуждение лживой и злостной пропагандой господствующих классов, которая делала все, чтобы запятнать Октябрьскую революцию и разочаровать рабочих в Советском Союзе. Здравый классовый инстинкт — и просветительная работа венгерских коммунистов — обращали тем больше внима-

ние венгерских рабочих на Советский Союз, чем больше его порочили продажные публицисты режима Хорти. А венгерские коммунисты в свете опыта Октябрьской революции просмотрели собственную революционную деятельность, ошибки, допущенные ими во время Венгерской советской республики.

Пришла вторая мировая война, которая принесла с собою развал германского фашизма и режима Хорти. То, во что столько людей надеялось и в самые мрачные дни режима Хорти, то, что казалось уже бредовым сном в глазах малодушных, осуществилось. Советские войска появились в Венгрии и под ударами их оружий был уничтожен режим, который прикрыл служение интересам графов, банкиров, промышленников, беспощадное угнетение венгерских трудящихся ложным флагом национального дела. И в течение нескольких лет, в результате труда лучших сынов венгерских рабочих, крестьян и интеллигенции, под руководством венгерских коммунистов, опять была создана венгерская диктатура пролетариата, венгерский народ сумел приступить к социалистическому строительству.

Дорога вела не через кровавую гражданскую войну. Венгерский народ мог даром воспользоваться плодами Октябрьской революции. Кровь русских рабочих и крестьян лилась ручьями в последовавшей за октябрьским восстанием, беспощадной гражданской войне, чтобы в Венгрии диктатура пролетариата могла одержать победу. Их жертвы создали советскую армию, которая освободила Венгрию, кровь советских воинов лилась для того, чтобы Венгрия была освобождена. Все наше развитие после освобождения, тот факт, что мы могли вступить на путь социализма, было обеспечено освобождением и нашим союзом с Советским Союзом, который оказал защиту против интервенции империалистов. Венгерской диктатурой пролетариата, венгерской народной демократией мы обязаны Октябрьской революции и великому творению Октябрьской революции, Советскому Союзу.

Каким образом хозяйствовали мы вверенными нам возможностями? Знаем, что руководство страны допустило серьезные ошибки. Оно погрешило против основного закона диалектики, следуя которому надо брать во внимание требования места и времени. Однако, несмотря на ошибки, это была диктатура пролетариата, режим, который строил социализм, власть, без которой невозможно построить социализм, дело, за победу которого лучшие коммунисты, если это было необходимо, жертвовали и жизнью. Этот режим развил производительные силы страны и этим расширил основу, на которой производительные силы могли развиваться дальше и их развитие может связываться со все ускоряющимся подъемом жизненного уровня; он воспитал десятки тысяч рабочих, крестьян для руководства государством и экономикой, распространял потребность к культуре в широких массах и дал политические знания массам. Имелись, однако, ошибки в соотношениях развития отдельных отраслей народного хозяйства, укоренилась бю-

рократия, и до известной степени произошло ограничение пролетарской демократии.

Эти ошибки потом сказались. Когда пришла очередь их исправления, ревизионисты захватили руководство. Когда ревизионисты разожгли страсти, контрреволюция воспользовалась ими против диктатуры пролетариата. В этот момент речь шла уже не об исправлении ошибок диктатуры пролетариата, а существование диктатуры пролетариата и тем самым и социалистическое будущее страны были поставлены на карту. Ошибки сектантов и демагогия ревизионистов ввели в заблуждение рабочие массы, даже и членов партии, затуманили их дальновидность и тем самым разложили ту силу, которая могла бы отразить атаку, направленную против диктатуры пролетариата. Казалось, что дело социализма в Венгрии пропало. Через белый террор на улицах события шли к господству контрреволюции, закрепленную уже и учреждениями.

В этом трудном положении опять Советский Союз поспешил нам к помощи. Интернациональные принципы Великой Октябрьской социалистической революции обязали его не остаться безразличным, когда в Венгрии дело социализма находится в опасности. При помощи советских войск венгерская диктатура пролетариата была опять восстановлена и открылась возможность того, чтобы твердой рукой исправив ошибки прошлого, она продолжала вести венгерский народ к социализму.

Есть такие, кто сомневаются в том, что мы идем по правильному пути. Но этот путь бесповоротно намечен исторической необходимостью, которая появилась в Великой Октябрьской революции, которая отражается в учении Ленина. Это — путь социалистической индустриализации и развивающегося на добровольческом принципе социалистического сельского хозяйства, путь постоянного подъема жизненного уровня, путь самого тесного сотрудничества с Советским Союзом, с Китайской Народной Республикой и с другими социалистическими странами в целях защиты социалистического развития и национальной независимости страны, ленинский путь пролетарской демократии. Идя по пути пролетарской демократии, постепенно развивая учреждения пролетарской демократии для воспитания масс — и в то же время твердой рукой отбивая опыты контрреволюции — мы должны достигнуть того, чтобы руководство партии и страны, которое верно представляет объективные интересы рабочего класса и всего венгерского народа, выразило и субъективную волю самых широких масс.

Наша рабочая власть, если она и связана многими нитями с Великой Октябрьской социалистической революцией и с рожденным революцией Советским Союзом, происходит не из кровавой гражданской войны, как Советский Союз из Октябрьской революции. Наш путь был облегчен Октябрьской революцией и Советским Союзом, которые устранили бремя кровавых боев. Это облегчило захват власти, но не облегчило сохранение власти.

Однако веру и воодушевление, которые овладели рабочими и крестьянскими массами Октябрьской революции, можно воскресить и в Венгрии, если мы окажемся достойными величия дела. И если венгерская диктатура пролетариата будет опираться на восторженную веру самых широких масс, тогда нет такой силы, которая могла бы одержать победу над ней, тогда — пользуясь словами Кошута — даже врата ада не сумеют свергнуть ее.

La Grande Révolution Socialiste d'Octobre

E. MOLNÁR

R é s u m é

La Grande Révolution Socialiste d'Octobre, événement historique d'une portée immense, a transformé l'aspect du monde, et ce processus est encore en cours.

Au cours de la première guerre mondiale la Terre trembla à l'Est. Pendant que l'élan des mouvements ouvriers en Occident fléchissait, en Russie — où le mouvement antiféodal s'accompagnait de la lutte de la classe ouvrière contre le capital — à la suite de l'activité de Lénine et des bolchévistes, le marxisme connut un renouveau.

La victoire de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre, les premiers succès obtenus dans l'édification du socialisme se rattachent à la personne de Lénine. C'était lui qui avait coordonné l'idéologie marxiste avec les nouveaux faits de l'évolution, qui organisait la révolution socialiste et les luttes engagées contre l'intervention impérialiste et les luttes engagées contre l'intervention armée ; c'est encore sous sa direction que fut entreprise l'édification du socialisme.

L'existence de l'Union Soviétique devint la base solide des mouvements socialistes du monde. Dans la période d'entre les deux guerres mondiales c'est sur l'Union Soviétique que la classe ouvrière opprimée des pays capitalistes fixa les yeux, et après la deuxième guerre mondiale, à la suite des victoires remportées par l'Union Soviétique, les pays de démocratie populaire étaient nés ; la révolution du peuple chinois doit également sa victoire aux expériences acquises par l'Union Soviétique. L'existence de l'Union Soviétique prêta un nouvel essor aux luttes menées par les colonies et les semi-colonies pour leur indépendance.

La révolution d'octobre fut en même temps un signal pour le peuple hongrois. Des milliers de prisonniers de guerre hongrois luttèrent en Russie pour faire triompher la cause du socialisme, et c'est à la suite de la révolution d'octobre que se forma en Hongrie le parti communiste, qui en 1919, étant le premier à suivre l'exemple du Grand Octobre, et à proclamer la République Hongroise des Conseils. Après l'échec de la République Hongroise des Conseils, pendant les 25 années sombres du régime contre-révolutionnaire, la lutte de l'élite de la classe ouvrière fut inspirée par l'exemple de l'Union Soviétique. Dans la deuxième guerre mondiale c'est encore l'Union Soviétique qui amena au peuple hongrois la libération du joug fasciste. En octobre 1956 c'est encore l'Union Soviétique qui sauva la cause de la dictature du prolétariat et de la paix mondiale.

The Hungarian Puritans and the English Revolution

L. MAKKAI

“I seem to survey, as from a towering height, the far extended tracts of sea and land, and innumerable crowds of spectators, betraying in their looks the liveliest interest, and sensations the most congenial with my own. Surrounded by congregated multitudes, I now imagine that, from the columns of Hercules to the Indian Ocean, I behold the nations of the earth recovering that liberty which they so long had lost . . .”

Milton's poetic vision of the peoples gathering round the English Revolution reveals his prophetic insight into the future, but it could scarcely come true in his own day. On the European continent only a few progressive intellectuals sided with the Puritan Revolution, but their voice was isolated by reaction which viewed the events in England as the rage of satanic anarchy. The epoch-making efforts of the English people aroused a wide sympathy and a similar mass movement only in distant Hungary.¹

The Hungarian Puritan movement not only coincided in time with the two revolutionary decades, but also its destiny was determined by the events in England. This parallelism is due to the continuous and close contact maintained by the Hungarian Puritans with English revolutionary leaders. The enormous geographical distance was bridged by frequent correspondence, by news and messages brought by travelling students. But the real enigma of the Hungarian Puritan movement must be sought elsewhere: how could the difference between the social conditions of England and those of Hungary be

¹ The first comprehensive study of the history on the Hungarian Puritans, richly documented; Jenő Zovány : Puritánus mozgalmak a magyar református egyházban (Puritan trends in the Hungarian Reformed Church). Budapest 1911. This is completed by two important studies, both by Imre Révész : A szatmárnémeti nemzeti zsinat és az első magyar református ébredés (The national synod at Szatmárnémeti and the first awakening of the Hungarian Reformed Church), Budapest 1947, and Társadalmi és politikai eszmék a magyar puritanizmusban (Social and political ideas in Hungarian Puritanism). *Theológiai Szemle* 1948. For references to literary history see : Pál Berg : Angol hatások tizenhetedik századi irodalmunkban (English influence on our 17th century literature), Budapest 1946 and József Bodonhelyi : Az angol puritanizmus lelki élete és magyar hatásai (The spiritual life of English Puritanism and its influence upon Hungarian life), Debrecen 1942. Latest monograph : László Makkai : A magyar puritánusok harca a feudalizmus ellen (The fight of Hungarian Puritans against feudalism). Budapest 1952. The present study relies mainly upon the material of the latter which thus contains detailed information as to literature and sources.

surmounted, a difference separating the two countries more than geographical distance, mountains and seas, or the blood-stained battlefields of the Thirty Years War. The English Puritan Revolution was the work of an advanced, class-conscious bourgeoisie, liquidating the moribund feudal system, while in Hungary bourgeois evolution languished under the oppressing burden of a solidifying feudalism. Religious and political ideas penetrate the boundaries of nations with ease, but they do not ignite unless inflammable material has accumulated. The Puritan ideas — the separation of Church and State, a democratic Church organization, public education in the mother tongue, sincere piety instead of “papist ceremonies” and scholastic hair-splitting — had repercussions in Hungary only because they coincided with the aspirations of broad social strata in this country. The English Revolution awakened passionate sympathy, and an organized mass movement in Hungary — under entirely different social conditions — because the question of the Hungarian Reformed Church organization became the focus of social and political struggles in the first half of the 17th century. To put it exactly, contemporaries were faced by the alternative of whether reformed ecclesiastical development, interrupted halfway at the end of the 16th century, should go forward to the consequent realization of Calvinist principles or revert towards a compromise with Catholicism.

In Hungary which had been divided into three parts — the Kingdom of the Hapsburgs, the Principality of Transylvania and the territories dominated by the Turks — the Helvetian (“Reformed”) trend of the Reformation won ground chiefly in the areas inhabited by the Magyars. At the beginning of the 17th century, it embraced the majority of the population; in the Transylvanian Principality ruled by Protestant Princes it became the dominant religion. As a matter of fact, it became interwoven with the struggles for national independence led by the Princes of Transylvania against the Hapsburgs, the champions of counter-Reformation. By this time it has lost its original impetus; it abandoned its reformatory zeal directed against feudal tyranny and became an obedient lackey of the feudal ruling class. In the Netherlands and in England, Calvinism, progressing along the path of bourgeois evolution, and being politically active from the beginning, amalgamated the fervent revolutionary spirit of the underground Anabaptist movement, whereas in Germany, stopping short in a state of economic and social stagnation it shared the fate of Lutheran Reformation which accepted the oppressive patronage of the Princes. Hungarian Reformed preachers were trained in the lifeless dogmatical constructions and narrow-minded confessional polemics of the Heidelberg court theologians. Calvinist “orthodoxy” donned the heavy armour of medieval scholasticism, giving no outlet to the revolutionary elements of Calvin’s teachings. In Hungary these progressive ideas had even less of an opportunity of breaking through their dogmatic shell than in Germany, as the characteristic Eastern European

system of "second serfdom" — a system that bound the peasants to the soil and drove them to corvée on the manor farms of the landlords — developed precisely in these decades.

So Hungarian Calvinism degenerated under the burden of the growing feudal oppression. Though it adhered rigidly to the letter of the "Second Helvetic Creed" and of the "Heidelberg Catechism", it in fact drifted farther and farther from the spirit of them. Its organisation and religious activity became more and more enmeshed with the retrogressive forces of feudal society, which were engaged on a spontaneous inner counter-Reformation more effective than the violent Catholic Restoration patronized by the Hapsburgs. From the very beginning Hungarian Reformation made no attempts to liquidate radically clerical feudalism. The organization of the Reformed Church was based on two feudal institutions, the patronage and the preachers' synod. The rights of the patron, including the appointment and dismissal of pastors, belonged to the superior jurisdiction of the community: to the landlord in the countryside, and to the city council in the towns. The income of the pastors also were of a feudal character, for they inherited the local revenues of the Catholic clergy: a part of the tithe, the parson's land, revenues in money and in kind. The preachers' synod or rather its commission, the *presbiterium* decided questions of church discipline, liturgy and dogma, leaving no room for the laical element. The religious orders survived in practice, although it had been abolished theoretically. So patrons and preachers divided the Church administration among themselves.

However, this division gave rise to some disagreement. As the patron was entitled by custom to dismiss the preacher after the period of one year, the parson was thrown on his patron's mercy. This custom also made it possible to reduce the preacher's income. To offset this, the preachers fought for a system which would bind a pastor's appointment or dismissal to his own assent and fix his income as well. This struggle became more acute as feudal exploitation intensified. The landlords not only confiscated the serfs' land for their manors, they attempted to seize also ecclesiastical property. At the same time the serfs expropriated by their lords sought recompense by occupying the pastor's land. The burden of sustaining the Church was placed only on the shoulders of the serfs, as the nobles, being exempt from taxation, refused to pay the tithe and other pastors' revenues due from the manorial grounds under their management. Some landlords hindered their tenants in paying the pastor, and now and then the officials of the lord drove the serfs to corvée directly from church. The exhausted peasants could barely maintain the parson, nor were they encouraged to undertake sacrifices beyond their capacity by the dry dogmatic disquisitions of the church, which held out neither consolation nor hope. It was often necessary to collect the preachers' revenues by force, and here and there the peasants resisted even this. Under these conditions

village parsons continually quarrelled with the nobles and with the peasants as well; this strife led to the depopulation of the churches, the relaxation of ecclesiastical discipline and, last but not least, to the destitution of the preachers.

The pastors brandished the sword of medieval interdict against the arbitrary acts of the patrons and the resistance of the people, withdrawing ecclesiastical services from the patron and the village. But this weapon could be blunted by a private agreement between the preacher and the respective patron. This custom necessitated the strengthening of discipline within the pastors' community, which cleared the way for the evolution of clerical hierarchy. By the beginning of the 17th century not only had the preachers' synod been relegated to a position below the presbytery but also the jurisdiction of the presbytery came under the control of its president, the archdeacon (*senior*) and of the superior authority, the bishop (*superintendent*). The estrangement between the pastors and their congregations strengthened the hierarchic features of Church organization, and, closely bound up with these, it led to the survival and mass revival of Roman Catholic liturgy. In the hostile atmosphere, the pastors tried to compensate for their pointless sermons and diminished authority by conventional texts, solemn rituals and mystical acts, or — in the Puritan terminology — “papist survivals”.

Therefore, feudal oppression which intensified more and more the system of “second serfdom”, tended to make the Reformed Church more and more feudalistic. At the same time it caused discord between the two fundamental feudal institutions of the Church: the patronage and the preachers' orders. The counter-Reformation made it impossible to bridge the deep cleavage between the patrons and the preachers. In the first decades of the 17th century, many magnates, seeking the favour of the Hapsburgs, converted to Catholicism, took away the Protestant churches and ejected the pastors — on the pretext of their rights as patrons. Catholics reasoned on the grounds of the laws of reprisal passed after the defeat of the Peasant War led by Dózsa (1514): if the serf cannot own property and is entitled only to hire out his labour, how can the church be his. The Reformed preachers, whose very existence was endangered thereby, were the ones who initiated the campaign against the religious domination of the landlords. They demanded, in their own selfish interests, freedom of worship for the peasants. But the Protestant nobility shared the Catholic view, fearing that religious freedom would pave the way for peasant rule; so they proposed a compromise that would uphold the patrons' rights even if the church belonged to tenants of another faith. In the heat of the debate, the preachers arrived at the theoretical conclusion that the church building was the collective property of the Church, not the private property of the landlord; and that the landlord could not take it from the people because the peasants possess it but as members of their Church, and not as his tenants. This reasoning, however, was unfounded since no one even con-

sidered separating the parish from the political community, or rooting out patronage.

The first move in this direction was begun in Transdanubia which was ruled by the Hapsburgs. Here the pastors sought the support of the people against the counter-Reformation represented by the state and the landlords; they founded the elected consistory, the presbytery. The first laical consistory was established, in 1616, in the border fortress of Pápa; its members "elected by the will of the whole congregation" were recruited half from "the nobility" and half from "the commons". The presbytery was nested with authority over the private life of the congregation and the teaching and morals of the preacher as well, but the financial management of the Church remained under the control of the political community and of the patrons. The presbytery of Pápa was not an autonomous body of the Church separated from the State; it was only a more democratic disciplinary court of the Church. However, it was highly important as it broke the "clerical rule" established in the Reformed Church of those days² by enlisting the services of laymen. During the first half of the 17th century, the new institution extended to other Transdanubian border fortresses and villages.

In the Eastern parts of the country the conflict between the patrons and preachers took a different course. From the time of Stephen Bocskai (1604—1606), in Transylvania, Protestant Princes came into power, who fought with arms for the independence of Transylvania, the political autonomy of the Hapsburg-dominated Hungarian territories, and for religious freedom for the Protestant Church, against the absolutism of the Viennese counter-Reformation. Gabriel Bethlen occupied a large part of Hungary in 1619, and retained seven counties of the Upper Tisza region till his death in 1629. So three extensive Reformed Church districts, two bordering the river Tisza and the third in Transylvania, were saved from forcible counter-Reformation for a time. The Prince of Transylvania defended the pastors against counter-Reformation as well as against the encroachment of their noble patrons. Aiming at absolute power through the curtailing of the political rights of the nobility, the Princes weakened the opposition of their policy of centralization by supporting the pastors in their struggle with the noble patrons. Centralization however — badly needing a strong lay intelligentsia — could not dispense with the services of several thousands of these preachers, the most cultivated segment of Hungarian society, which alone had the benefit of schooling abroad. Their vital interests made them the champions of an anti-Hapsburg patriotic policy within the feudal ruling class, which they pursued, in the given instance, even against the Prince and the magnates.

²József Pokoly: Az első magyar református presbitérium keletkezése és szervezete. (The formation and organization of the first Hungarian Reformed Presbytery). *Protestáns Szemle* 1901.

The Princes did their utmost to increase the number, culture and prestige of the preachers. They sent many students to the universities of Germany, and later to the Netherlands and England. They promoted the education of future pastors by giving generous donations to the schools in the country. But above all they endeavoured to assure the material position and social status of the pastors by linking them directly to the princely power, thereby making them independent of the patrons. They assisted the pastors in their struggle to establish constitutional holy orders and to restrict the rights of the patrons. Gabriel Bethlen raised, in 1629, as a group to the rank of nobles the preachers living under his rule, who also participated in the Transylvanian Diet. In the Church districts of the Tisza region and of Transylvania, the Prince promoted the victory of an important principle by the thirties of the 17th century: to obtain the office of a preacher it was necessary to secure the permission of the archdeacon and that of the bishop; in fact, these dignitaries were in extraordinary cases entitled to appoint and to transfer pastors without the consent of the patrons. This was a great achievement in the struggle against the encroachments of the patrons, but at the same time it strengthened the hierarchy, giving the pontiff's office somewhat the same status as that of the Catholic prelate. As the preachers could be held in check through the medium of the bishops, the policy of centralization militated for a centralized Church. So the Princes deliberately strengthened the authority of the bishops, which shortly developed into real tyranny, the forcible oppression of the preachers. The alliance with the Princely power defended the pastors against the attacks of the landlords, but it threw them on the bishops' mercy at the same time.

The schism between the preachers and the feudal ecclesiastical system began with their action against the hierarchy of the Church. Lucas Hodászi, bishop of the district beyond the Tisza reduced recalcitrant preachers to obedience by fine, imprisonment, and by putting them in chains. The archdeacon of Várad, Emeric Szilvásujfalvi Anderkó, initiated a movement against the arbitrary church administration of Hodászi. He did not stop at demanding redress of grievances, but he also denounced the episcopal institution as the continuation of papal tyranny, conflicting with the principles of Reformation. The bishop was helpless in face of Anderkó's passionate agitation, denouncing the bishop as a pope, an Antichrist, a tyrant and a simoniac. Finally the bishop appealed to Prince Gabriel Báthori for help and this dangerous man was imprisoned in 1612. But the archdeacon continued to denounce the bishop from his Várad prison, and, in 1614, Gabriel Bethlen exiled him from the Principality at the bishop's request.³ His struggle and fall illustrates the fact that the sharpening inner contradictions of Hungarian feudalism upset the balance of advantages and disadvantages accruing to the pastors from the landlords'

³ Lampe: *Historia ecclesiae reformatae in Hungaria et Transylvania*. Utrecht 1728, pp. 337—355.

patronage and the episcopal hierarchy supported by princely power. Some preachers felt the restrictions of feudal constraint more than its defence, and began to turn against the entire feudal Church system. They found a social base for their anti-feudal campaign among the serf peasant population of the market-towns.

The market-towns, serf settlements under the jurisdiction of the landlords, differed from the villages legally in that they possessed privileges granted by the landlords or the potentates. They were entitled to redeem their feudal services (the *corvée*, the ninth part, etc.) in money, to have their market, to elect their magistrate and parson without restriction. These market-towns were centres of agricultural commodity production. Hungary's two most important export commodities — wine and cattle — came chiefly from the farms of the market-towns in those days. But from the second half of the 16th century onwards more and more landlords organized their manors, and launched repeated attacks against the privileges and the commodity production of the market-town serfs. They attempted to introduce the *corvée*, to restrict the jurisdiction of the elected magistrate and the council, and seized vineyards, fields and pastures for their own use. The citizens of the market-towns fought bitterly against the curtailing of their rights; in 1631—1632 they organized an armed revolt in the region of Tokaj (the region where the most prosperous grape-growing market-towns were located), together with the rural serfs, against the transgressions of the Hapsburg mercenaries, and landlord oppression. Poekets of resistance continued even after the suppression of the revolt, and the Hungarian Puritan movement arose on this volcanic soil in the thirties.

The citizens of the market-towns became the nucleus of the struggle against feudalism and for national independence. Because of their peculiar dual position — the constraints of serfdom and their initiative in commodity production — they embodied the motives and energies of the peasant and town class struggle. It was in their vital interests to fight against Hapsburg-absolutism, manifested in the depravities of the mercenaries and the violent counter-Reformation, and threatening to stifle Hungarian bourgeois development. "Independent" Puritanism, embraced more or less consequently by the Hungarian Puritans, became the militant ideology of the commodity-producing middle strata of agriculture and industry in England, especially that of the well-to-do yeomanry. The Hungarian market-town peasantry also endeavoured to become an agricultural commodity producing stratum, free from feudal bonds. We cannot of course equate the English yeomanry with the Hungarian market-town peasantry, as the two strata are divided by a long historical development; the principal difference is that the English yeoman was a free producer for the market, while the Hungarian market-town inhabitant was a serf. But they could be linked together as the fight of the Hungarian market-town citizens aimed at eliminating that difference. Therefore the features of the Puri-

tan ideology which were too advanced for Hungarian conditions also had a mobilizing influence, becoming the ideas of mass movements and propelling them forward to more radical aims in line with Hungarian bourgeois development.

The combustible matter ripe for the sparks of the Puritan ideas accumulated in the ecclesiastical life of the market towns. The struggle centred around the issue of whether the pastor should be the employee and representative of the market-town citizenry or the feudal oppressors. In the thirties of the 17th century, frequent clashes occurred between the Church hierarchy, eager to force its candidates on the market-town population, or the landlord, and the market-towns which clung to their right of election. The archdeacon placed Tolcsva — the famous grape-growing district — under an interdict, in 1636, for its obstinacy. The population answered by appointing a lay preacher in place of the ordained clergyman. The archdeacon was scandalized and wrote: "What has been unheard of in our country *patrum nostraque memoria* . . . unheeding the inhibitions of God they have appointed priests for themselves from among the peasantry instead of from the tribe of Levi . . . Moreover they directed the schoolmaster to be obedient to them, being their servant, and to teach the children to chant Hungarian rhythms. By these acts they have pulled the beard of His Lordship (the Prince of Transylvania, the landlord of Tolcsva), snatching his property, the *ius patronatus* for themselves."⁴ Similar incidents happened frequently, and only the spiritual guidance was missing for the growth of a nonconformist movement in the market-towns of Hungary. When in the twenties of the 17th century, Hungarian students began to attend Dutch and English universities instead of the German universities destroyed by the Thirty Years War, they sowed the seeds of Puritan ideas which they brought home in the fertile soil of the market-towns.

*

However, the first centre of the Hungarian Puritan movement was not developed in the market-towns, but in the court of the Prince of Transylvania. The first disciple of Puritan ideas in Hungary was Henry John Bisterfeld, professor at the Academy of Gyulafehérvár, founded by Gabriel Bethlen. Bisterfeld settled in Transylvania in 1630, after Herborn University was destroyed. He was an eminent scholar, with a background of English and Dutch culture, of broad vision, and convinced champion of Independent Puritanism and the new pedagogy linked with the name of Comenius. A German Protestant and patriot, he was the chief spokesman and an active diplomat of the anti-Hapsburg and anti-papal policy of the Transylvanian Princes. While taking on open and clear-cut position on issues of international politics, he was extremely

⁴ Protocol of the Reformed Diocese of Zemplén, I. 266/a.—279/b. 1. MS in the Sárospatak Library.

reserved with respect to the ecclesiastical and political party struggles in Transylvania. His radicalism remained only in theory to the very end, though he made no secret of his Puritan beliefs, and held radical antifeudal ideas "about the reform of the economic state, and through that of the political, scholastic and ecclesiastical states too".⁵ He did not initiate an organization for the realization of his ideas in practice, and, in fact, he supported the existent Puritan movement only by his advice as a distinguished foreigner. He yearned constantly to leave Transylvania, which he felt was a grim prison for him, and to return to the Netherlands, which he regarded as the home of liberty. But all this considered, his services to the Puritan movement should not be underrated. He was the spiritual mentor of the distinguished Hungarian Puritan leaders, Tolnai, Apáczai and Martonfalvi. Even more important was his personal contact with Samuel Hartlib, the group of radical intellectuals, whose rôle in the English Revolution is well known. He drew the attention of his Hungarian pupils to the source of the new political, religious and educational ideas which had caught the imagination of the progressive intellectuals of Europe, while keeping Hartlib's group interested in remote Transylvania. He used his good offices to enlist the Reformed Church of Transylvania in the movement aimed at uniting the Protestant Churches, launched, in 1634, by Hartlib's friend, Dury. And it was Professor Bisterfeld who convinced the Royal Court of Transylvania to attempt repeatedly, from 1643 onwards, to secure Comenius' services for the reorganization of Hungarian education.

The successor of Gabriel Bethlen, George Rákóczi I (1630—1648), was an inveterate feudal-minded and ambitious ruler, who, like King James I, firmly believed in the episcopal system. But he had confidence in Bisterfeld, and both approved of and supported him in the early days of his Puritan connections. Prince Rákóczi, preparing for a conflict with the Hapsburgs, regarded every international Protestant union as the strengthening of the anti-Hapsburg forces. His attention was drawn to England by the scheme of Dury, for union of the Protestant Churches and therefore he appraised Puritanism as an "antipapist" movement. Hearing of the appointment of Laud to the see of Canterbury, he attributed it to Jesuit strategy. He charged that the ecclesiastical policy of Charles I was why "England is flaring up",⁶ because he viewed the struggle of the Puritans and the bishops from the viewpoint of the international complications of the Thirty Years War, instead of English home policy. He expected the intervention of England against Spain should the Puritans be victorious. Although he might have known of the Puritans democratic ideas pertaining to Church organization, he did not fear an immediate danger in his country. If he had, he would not have summoned as pastor to

⁵ G. H. Turnbull: *Hartlib, Dury and Comenius*. London 1947, p. 386.

⁶ *Protestáns egyházi iskolai lap* (A periodical of a Protestant Church School) 1875, p. 650.

his court Paul Medgyesi, the first Hungarian Puritan who openly propagated his ideas.

Medgyesi visited England in 1631. There the deep piety of the Puritans and the institution of the presbytery left a lasting impression on his mind. Returning to Hungary, he translated Lewis Bayly's Puritan work *Praxis Pietatis*. The book was published in 1636, appearing in six more editions during the 17th century, and acquiring a relatively large reading public for ecclesiastical literature with a Puritan spirit. Then the Hungarian editions of two works by Perkin were published in 1637. This was followed by a series of Puritan piety tracts and conduct books. After the dry "orthodox" dogmatic tracts and complicated religious discussions this Puritan literature, written in an easy style and dealing with spiritual and moral problems of the individual, was eagerly read by preachers and laymen, nobles and burgesses, and by the market-town peasantry as well. Medgyesi and his co-translators made an ever more conscious effort to provide spiritual guidance to both the narrow group of pastors, and the multitude of men and women as well. They desired to write for people of all walks of life, and they employed a style and orthography understandable to all. The discussion between Medgyesi and the orthodox Bishop Stephen Geleji Katona on the phonetical or etymological principles of orthography revolved in fact around the problem of democracy, as did all the points of the Puritan reform program extending to the entire life of the Church. Medgyesi in this program closely linked Puritan religiosity activating all social strata, with education in the mother tongue and with the lay presbytery. Research has not revealed the immediate sources and the course of evolution of his far-reaching conception in all details, but it seems to be certain that such an organic and multilateral mastery of Puritan ideas cannot be explained by his short stay in England. His views were certainly influenced by his friendship and close collaboration with Bisterfeld, but we may infer from some data that he continued to foster his English contacts after his return to Hungary. He corresponded regularly with John Bánffyhunyadi, the Hungarian professor of mathematics and chemistry at Gresham College. As Hartlib and his friends (the "Ingeniosi") held their meetings in this College, it is quite probable that Medgyesi communicated with them through other persons besides Bisterfeld.

However Medgyesi did not take advantage of revolutionary methods in order to realize his revolutionary program. He preferred to tread the path of peaceful reform, to transform ecclesiastical life not by the pressure of a mass movement, but with the consent and help of the Prince and the Church authorities. He explained the advantages of the Presbyterian system in the intimate circles of the court. As long as he remained on theoretical grounds, the powers of the Church and State nodded assent, and promised to initiate the reforms when the time for it had come. Medgyesi believed for a long time that demo-

eratization of Church administration could be best attained by initiative from above. He had been misled by the semblance of the struggle between the Prince and the nobility opposing centralization. He was convinced that the presbytery would be most opportune for the Prince because the nobles would be deprived of an important position of power by the abolition of patronage. The Church hierarchy, he believed, would become superfluous and decline, since there would no longer be need of an organized resistance to the excesses of the nobility. These illusions, based on utter misunderstanding of the feudal character of centralization, prevented Medgyesi, for a long time, from initiating action to implement his program and brought him bitter disappointment at the end. Perhaps if he had become acquainted with England during the sharpening conflicts of the thirties, his experiences might have led him to a different point of view, to more active measures, and to an attack on the powers-that-be. But he did not sense the approaching Revolution in the isolated atmosphere of the court.

It was John Tolnai Dali who first brought word of the English Revolution to Hungary. He arrived to England, in 1633, in the year of Laud's appointment as archbishop, and he left for Hungary, in 1638, on the eve of the conflict between the King and the Scottish covenanters. Prior to his stay in England, he attended for a while Amesius' lectures at Franekera University. The influence of the great emigrant theologian, who freed the heritage of Calvin from "orthodox" metaphysical speculations and applied it to the moral interpretation of life, was to be a deciding factor in Tolnai's career. Tolnai was impressed, in particular, by Amesius' consistent adherence to Independent Puritanism and his bold practical approach. His experiences in London supplemented and activated this basic principal. Hartlib was glad to receive him in his group as a beloved pupil of Bisterfeld. He had therefore the opportunity of participating in that important exchange of opinion which centered around the pioneer initiative of Comenius and others regarding a scientific policy, aiming at "the accomplishment of reformation in Church and State",⁷ as the Puritans said. Tolnai's object in life became the continuation of the reformers work which had been left half-done, a "complete reformation". But he did not strive for institutional reform, first and foremost, as Medgyesi had, but rather for the reformation of men. He studied the new practical pedagogy with passionate interest, and was the first Hungarian to adopt Comenius' views. But, as his Hungarian adversaries charged later, he learnt at least as much through his close contact with the London nonconformist community, the powder kegs of the revolution, "in the nooks and cellars of London, from cobblers and tailors, among the Anabaptists, libertines, Independents, devotees, fanatics, seekers and waiters".⁸ He returned home fired with the zeal

⁷ The title of one of Hartlib's works. See Turnbull *op. cit.* p. 92.

⁸ Sárospataki Füzetek 1857, p. 173.

to educate, rally, organize men and women for the exalted goal, the "entire reformation" of the Hungarian society. He concluded an alliance on February 9, 1638, with nine Hungarian fellow-students in London, following the example of the Puritan covenanters, declaring that they dedicated themselves to the service of God who "performed noble acts with our loathsome and sinful souls in England."⁹ There are no concrete aims mentioned in the covenant, but the signatories did not conceal after their return home that they aimed at "the reform of churches and schools in Hungary and Transylvania and the reestablishment of their ancient apostolic purity."¹⁰ Tolnai returned home in the summer of 1638, bringing with him the work *Felicitas ultimi saeculi* by John Stoughton, a preacher in London and a friend of Hartlib. The author gave him a letter, dedicated to Rákóczi, outlining the contours of a magnificent new era heralded by Bacon, Dury and Comenius, and urging his departing friend to work for its advent in remote Hungary. (We do not know whether this letter reached the Prince or not, but Hartlib published it, in 1640, after the author's death.)

Tolnai was the first apostle of modern pedagogy and the first "revivalist" preacher of the Anglo-Saxon type on Hungarian soil. He travelled throughout the country during the year after his return, and for years afterwards people recalled that tour. Discarding the pedantic and didactic manner of preaching in vogue at the time, he adopted a lively and popular approach, sometimes producing brutal psychological effects. He scornfully castigated the preachers and laymen for their sins, passionately calling his audiences "bastards, brute beasts, animals, dogs, swine."¹¹ When the pastors refused him the use of the churches, he called his listeners together in private homes. In the meantime, he recruited co-workers. He visited, for instance, a nobleman in his mansion, chatted with his host about his experiences in England, and on parting, left a Puritan tract with the request that he translate it. The nobleman translated — and also published it. Tolnai's unorthodox activity created a sensation; his sermons inflamed passions. On many places, the storm of scandal broke around his head. In Kassa the citizen who had offered his home for a meeting of Tolnai's followers was dragged away and assaulted by his Lutheran neighbours. For years thereafter his partisans and opponents came to blows. His propaganda was especially effective in the uneasy atmosphere of the market-towns, and he became very popular among the market-town citizens. Gönc, Miskolc and other market-towns vied with each other to secure him as their pastor; while the Nagybánya town council coined a medal commemorating his visit there.

⁹ Zoványi *op. cit.* p. 25.

¹⁰ Benjámín István Szilágyi: *Acta Synodi Nationalis* (1646). p. 20. MS in the Sárospatak Library.

¹¹ *Történelmi Tár* 1906, p. 394.

The elderly and influential members of the pastors' association, however, soon became his vitriolic opponents since Tolnai's agitation was directed chiefly against them. He denounced bishops, archdeacons, influential preachers for their ignorance, tyranny, and worldly conduct. They considered the London covenant a conspiracy aimed at their vital welfare, or at least the nucleus of a pastors' organization independent of the official Church administration, with the same inherent dangers which the "Independent" synods of the English Puritans represented for the Established Church of England. They determined to root out this "evil heresy", which "seems entirely to enjoin anarchy against the supervision and the jurisdiction of the bishops and archdeacons."¹² And the persecution of Puritans commenced in Hungary as well.

At the request of the ecclesiastical authorities, Prince Rákóczi ordered Tolnai to dissolve the London association and to sign a bond of obedience. At the same time, owing to the intervention of Bisterfeld, he appointed him director of the Theological Academy at Sárospatak, situated in the centre of his domains. Tolnai's appointment caused a panic among the "orthodox" preachers. Should he be responsible for the young pastors' education, they feared "he may inflame all Hungary by his agents" from Sárospatak "as was done with the wooden horse of Troy."¹³ Their misgivings were not unfounded. Tolnai, heedless of his vow of obedience, completely reshaped education.

He eliminated all text-books with orthodox teachings, abolishing instruction in scholastic philosophy. In the manner of a true Puritan, he forbade the use of philosophical conceptions as "diabolic terminus". Disregarding the discussions aiming at denominational polemics, he arranged ethical talks on subjects of practical interest, like on usury. He did not urge the teaching of classical languages, but paved the way for education in the mother tongue by teaching the students to sing the Hungarian verses of Albert Szenczi Molnár, instead of using the Latin text of the Psalms. He explained to his students the futility of scholastics and of formalist humanism. He simply denied that metaphysics, the highest branch of scholastics, was a science. He declared that physics as taught then was a poor joke and a pure fabrication, denouncing scholastic logic as a confused collection of hair-splitting and erroneous rules. He ridiculed and discarded the attempt to attain a classical, polished Latin style and a formal ability. But his most revolutionary act was to introduce the works of Amesius instead of the discarded orthodox text-books, and to teach the major subjects — theology, ethics and oratory — on the basis of them. It was at this time that the theology of Amesius began its triumphal march at Sárospatak, to replace entirely orthodoxy in Reformed Hungarian education in the second half of the century.

¹² The Zemplén Protocol, I. p. 314/b.

¹³ Acta Synodi p. 28.

Arousing the scandalized protests of "orthodox" preachers, the activity of Tolnai at Sárospatak called the attention of Stephen Geleji Katona to the Puritan danger. Katona, Reformed Bishop of Transylvania, the most influential representative of Hungarian "orthodoxy", a man of wide knowledge and of a tyrannical bent, led the fight against Puritanism. His paper, published in 1640, sharply accusing the preachers returning from England "with the dissemination of some kind of semi-Anabaptism or Puritanism"¹⁴ was the beginning of the anti-Puritan polemical literature. Bishop Katona advised the Prince to change his policy of scholarships, and to stop sending students to England, as "they imbibe an utterly venomous knowledge."¹⁵ He demanded the dismissal of Tolnai, against the intervention of the Prince's consort, Susanna Lórántffy who, under the influence of Bisterfeld and Medgyesi, came to his defence. At last Tolnai had to leave Sárospatak, in 1642, but could not be silenced. With the help of his protectors, he became preacher in Miskolc, then in Tokaj, both wealthy and populous market-towns. He was in fact chosen archdeacon in 1645, through the pressure of his young followers among the clergy. The market-towns proved to be fertile soil for the expansion of the Puritan movement.

Tolnai, after his attack on scholasticism, began the fight against the "popish" traditions in ecclesiastical life. He "purified" divine service according to Puritan principles, condemned scholastic theological speculation and allowed only sermons with a practical moral tendency. He discarded prayers with a rigid text and replaced the medieval hymns by the Hungarian Psalms of Albert Szenczi Molnár. Tolnai forbade baptism outside the church and denounced the many celebrations held on days other, than Sunday as "devil-born heathenism." The reactionaries were infuriated. They threatened him, not so much due to the religious contents of the orders, but because they were issued without the consent of the Church authorities; they viewed these arbitrary innovations as the first step towards the dissolution of the existing social order.

Tolnai knew, however, that the destiny of the Puritan initiative depended on the question of whether it remained "the matter of the priests" or would broaden into a wide popular movement. As an archdeacon he continued his tours; he arranged meetings which gave him the opportunity of discussing thoroughly issues of the Church with the laymen directly. Small groups were formed wherever he went. The Church authorities shouted "sectarianism", accusing him of "founding a separate church within the common Church."

But it was the plan of establishing the presbytery which caused the greatest anxiety to the ruling class and especially among the hierarchical-minded preachers. Although Tolnai had not put forth the demand, rumours were spread that he intended to transform the Church on the pattern of English Puritanism

¹⁴ In the Preface to *Preconii Evangelici Tomus Secundus*.

¹⁵ *Uj Magyar Muzeum* 1859/1. 225.

and that he was translating the book on which the new order would be based (perhaps *Puritanism in England* by Amesius). People claimed that the new order would mean that "each pastor will be a bishop with absolute powers in his congregation by abolishing all differences of rank, dignity and precedence among the preachers; and all Church disputes and disciplinary cases will be subjected to the jurisdiction of the preacher and the presbytery of the congregation, following the example of the Reformed Churches abroad."¹⁶

The "orthodox" reactionary forces were unable to stem the mass movement, and therefore they asked the Prince to intervene. Tolnai could no longer expect protection, in fact not even forbearance from him, as in the meantime Rákóczi's ecclesiastical policy assumed a conscious anti-Puritan character. Prince Rákóczi regarded the Puritan movement claiming the independence of the congregations and the inner democratization of the preachers' order as an obstacle in the way of centralization. The events in England had opened his eyes to the political importance of Puritanism, and Hungarian orthodox leaders constantly cited the English Revolution as a deterrent when he did display under Medgyesi's influence any inclination to concede to Puritan aspirations.

Stephen Geleji Katona renewed the discussion with the Puritans in the preface of his volume of sermons *The Secret of Redemption*. Not satisfied with refuting their views by theological arguments he now accused them of subversive intentions. In his judgement Puritans were trying "to throw the flock of God into confusion and to disrupt its unity by this or that unnecessary innovation and unreasonable zeal." Therefore, he argued, they were dangerous not only in the Church but in political affairs as well, since "a tiny spark may start a big fire! England, from which all countries could draw the lesson is a woeful example of that today."

Rákóczi also learned from that example. He instituted an investigation against Tolnai and his followers, enjoining the authorities to expel "the fabricators of new teachings" from the country, to order the communities to dismiss them, and in fact to notify them that their lives might be at stake.¹⁷ Emboldened by Prince Rákóczi's opinion, the "orthodox" reactionaries compelled the preachers' synod of the regions on both sides of the Tisza to suspend Tolnai and eight of his co-workers, referring their case to the national synod summoned to Szatmárnémeti by Rákóczi.

The aim of Prince Rákóczi's ecclesiastical policy was to organize an Established Church, that is an official body of pastors directed by bishops and archdeacons dependent on the Prince. The fulfilment of this plan involved the far-reaching limitation of the landlords' patronage and of the preachers' autonomy, but it also precluded the possibility of any popular self-govern-

¹⁶ Acta Synodi p. 58.

¹⁷ *Ibid.* pp. 65—66.

ment in the Church. But the Prince had to take into consideration widespread resistance to his scheme: the opposition of the nobility; the aspirations of the preachers' community for independence; and, primarily the Puritan movement, the most dangerous enemy of all. He hit upon the idea of a common national synod, which was designed to play off one group against the other, and to eliminate all resistance at one blow.

The patronage of the landlords became the chief object of the struggle, although this was not an avowed fact. Beside the peasantry there were also some members of the ruling class who were anxious to eliminate or at least to restrict this institution. Prince Rákóczi believed that it was of vital importance to snatch this weapon out of the hands of the counter-Reformation representing Hapsburg tyranny and of the nobility who opposed centralization. Rákóczi signed at this time (in 1645) the peace treaty with the Hapsburgs. He demanded that the terms of the Treaty should include free use of the churches by the serfs, and the abolition of *corvée* due to the clergy of other denominations, while extending the preachers full protection against the patrons. During the time of the national synod, one of the most powerful landlords of the Upper Tisza region, Sigismund Lónyai had to ask the Prince to protect him against the preachers who laid his villages under an interdict without consulting him beforehand.

The preachers attacked the patronage of the landlords with growing determination because they felt that the forces aiming to restrict the ambition of the nobles — the market-town peasantry and the Prince — were behind them. But the nobles quickly took note of the contradiction between the interests of the market-town peasantry and the Prince and attempted to turn the situation to their own advantage. The nobility knew that a Church policy based on the cooperation of the peasants and the Prince could not endure. It was Sigismund Lónyai who formulated the program of the nobles aimed at weakening the "papal" ambitions serving the Prince by Puritanism which claimed to abolish the privileges of the nobility at least in ecclesiastical matters. He did not approve of Puritan ideas; nevertheless he stood for the establishment of a lay presbytery (composed of nobles) "in order to refrain the ministers" (the pastors).¹⁸ But this continuation of patronage under the disguise of a pseudo-presbytery was equally unacceptable to Prince Rákóczi, to the reactionary bishops in the Church, and to the Puritans.

Bishop Geleji, as the president of the national synod, which met in 1646, exploited the clash of divergent interests to play off the Prince, the nobility and the Puritans against each other on behalf of the pastors. By clever tactics he endeavoured to secure the acceptance of the episcopal Established Church, as desired by Prince Rákóczi, but without formally acknowledging the Prince as the Head of the Church as the Anglicans or Lutherans were accustomed

¹⁸ Magyar Protestáns Egyházi és Iskolai Figyelmező 1886, p. 147.

to do. At the same time, he attempted to weaken and to solve incompletely the claims of the Puritans and the nobles, referring to the Princes's will. He dealt a severe blow at patronage by adopting the recommendation of Medgyesi regarding the establishment of the elected presbytery and primary schools in the native language; the synod approved the measure, but postponed indefinitely its implementation by requiring the consent of the Prince and the secular authorities for its realization. Bishop Geleji crippled the mass movement of the Puritans by dismissing Tolnai from office. He succeeded ultimately in convincing the synod to entrust him with formulating the canons universally binding on the Reformed Church in Hungary.

Bishop Geleji drafted the Canon Book which precipitated a violent struggle, similar to the 17 canons of Laud, which played such a decisive part in the outbreak of the English Revolution a few years before. Prince Rákóczi did not live to see the victory of his ecclesiastical policy codified; he died in 1648, leaving the task of confirming the Canons to his son, George Rákóczi II (1648--1660). The new Prince was urged from two sides to change the draft of Bishop Geleji. His mother, his younger brother, Prince Sigismund, Bisterfeld and Medgyesi protested against episcopal tyranny, on the one hand — the aristocracy, on the other tried to exploit the demise of the crown in order to seize power over the Church. The chances of the Puritans suffered a setback also because the rule of George Rákóczi II coincided with the most radical phase of the English Revolution, marked by the campaign of the Levellers, the execution of the King, and the proclamation of the Republic. The events in England naturally resounded also in Transylvania; everybody shared the view of an unknown informer of Prince Rákóczi, reporting the death of Charles I, who said "this example is unheard of in Christendom."¹⁹ Reactionary clergymen and nobles did not cease warning the Prince that he would meet the same fate should he make concessions to the Puritans. The counter-argument of Medgyesi, that the fate of Charles was due to his episcopal counsellors, "misleading the King with similar manoeuvres (like Geleji's) in England"²⁰ had no effect. Prince Rákóczi not only confirmed the canons, but submitting to the demands of the nobility, he divided Church government between the Prince, the preachers and the nobles.

Thus, matters came to an open breach between the Puritans and the Prince. Susanna Lórántffy and his youngest son, Prince Sigismund sided with the Puritans and left Transylvania, settling at Sárospatak, the centre of the Rákóczi estates in Hapsburg dominated territory. Medgyesi, bitterly disappointed, accompanied them as their court pastor. Tolnai, who had been roaming around without a post, was reinstalled in his former position as director of the Academy. Medgyesi published, in 1650, his great work, *Dialogus poli-*

¹⁹ Történelmi Tár 1879, p. 396.

²⁰ Magyar Protestáns . . . Figyelmező 1886, p. 419.

tico-ecclesiasticus on the presbytery, attacking the episcopal system and castigating Bishop Geleji — who had died in the meantime — and his Church policy. He demanded extensive autonomy for the parishes on the basis of Independent principles, rejected patronage and the episcopal system, and declared the powers of the synod should be restricted to giving advice. At the same time he emphasized again the necessity of popular education in the mother tongue, as the spiritual prerequisite of the presbytery. But the radical views of Medgyesi were not followed by revolutionary action. He remained a champion of the idea of organization presbytery from the top, and he tried to exploit the power of the Princess in her dominions in order to convince the preachers and the nobles to grant legal acknowledgement to the presbytery and to establish them. The resistance, however, was so stubborn that it was possible to organize presbyteries only in the villages under the patronage of Susanna Lórántffy. The presbytery finally became a weapon of the patrons' tyranny due to Medgyesi's incurable demand for reforms, and his continual compromise with the ruling class. The people did not want a presbytery given to them by the good-will of the landlord, and, in many places, they opposed the institution.

The Puritan group at Sárospatak tried to break out of its isolation in foreign affairs and cultural policy. The Puritans saw no possibility of cooperating with George Rákóczi II and therefore pinned their hopes on Prince Sigismund, a man of weak will, conceited, but flexible and clever, who later became the center of extensive political combinations. George Rákóczi I had attempted to acquire the throne of Poland for his younger son, and this plan was promoted by George Rákóczi II after the death of his father. First they attempted to win over supporters among the Polish nobility, but after his failure at the election they tried to join his cause with the movement of the Cossacks. These plans were motivated by the aims of Bethlen unify Hungary and establish a Protestant Hungarian Kingdom with Polish help. To further his aims, Bethlen attempted, during the Thirty Years' War, to set up a broad European coalition of Western and Eastern states defending their national independence against the Spanish—Austrian—Polish bloc allied with the counter-Reformation. The scheme succeeded only partially, and the bloc had but a transitory existence. George Rákóczi I, however, was contented with accommodating himself to the given international relations, instead of shaping them actively as Bethlen had done. He hesitated so long over the question of intervention that his role in the great conflict came only during the final phase, when the exhausted parties desired nothing but peace.

The Peace of Westphalen blocked the way of Austria towards the West, but it did not solve the problem of German and French Protestantism, and especially that of the Eastern European peoples exposed to Hapsburg—Polish conquest. The Czechs suffered under Hapsburg oppression, the Hungarians

were menaced by the same fate, and the anti-Russian plans of Poland had not been discarded. Bisterfeld, formerly the most prominent diplomat of George Rákóczi I, was induced by his individual position to interrelate the future of Western European Protestantism and of the East European peoples. He became the most consistent spokesman of Bethlen's ideas concerning foreign policy, that is a great European anti-Hapsburg coalition. He was convinced that only a European union could settle matters with "Babylon", — that is, with the reactionary bloc led by Rome and the Hapsburgs. Despite the peace treaty, he thought the international situation was suitable for this show-down. He wrote, at the end of 1649, to Prince Sigismund: "The German peace is either invalid or it is sheer fraud. My hopes for the destruction of Rome are growing stronger day by day, based on my experiences and the Holy Writ."²¹ He was clearly alluding to the biblical-apocalyptic prophecies circulating in Europe. But as an informed diplomat he based his hopes primarily on his experience instead of predictions. His experience had taught him that the international situation was dominated by the English Revolution and the spread of Swedish power. There were other people in Hungary who viewed the balance of power in foreign policy in the same light. Jonas Mednyánszky, Prince Rákóczi's emissary at the Hungarian Diet meeting in Pozsony in 1655, voiced the opinion of the Diet when he reported home: "Not long ago the English and the Swedes were despised nations in Europe, so that few people had heard of them at all. Now I see that they have become the terror of all Europe . . ., all Powers fervently desire the alliance of these two nations for the sole reason that they fear them."²² Bisterfeld deliberately attempted to link up the cause of Transylvania and of the Hungarian Protestant Kingdom with English and Swedish policy, for he expected these countries to initiate a new and far-reaching Protestant alliance.

Bisterfeld did his utmost to influence the ruler and especially Prince Sigismund accordingly. He did not conceal from Sigismund his sympathies with the revolutionaries in England. The foreign agents of the Rákóczis, like Lubieniecki of Poland, constantly predicted the impending collapse of Cromwell's party and a Stuart restoration. Bisterfeld, however, informed them of the news he received from his Puritan correspondents, emphasizing the victories of the revolution. At the same time he tried to convince Prince Sigismund that the victory of Independent policy in England and elsewhere would result in stabilizing peace and order, and not in anarchy. He notified the Prince with satisfaction, in August 1649, that Cromwell had crushed the levellers, and "the facts themselves show that the Independents are not enemies of public order." Denouncing Leveller Radicalism he dissociated himself from Pres-

²¹ *Történelmi Tár* 1890, p. 932.

²² *Ibid.* 1871, p. 86.

byterian and Royalist reaction as well. A year later he informed the Prince that "If the Dutch recognize the English Republic, wonderful changes may be expected in the Netherlands . . . This revolution (*tumultus*) in the Netherlands will not be an upheaval (*eversio*), but will be a conversion (*conversio*)."²³ He expected the peace between England and Holland to bring a democratic change within the country, and not only a turn in foreign policy, and scorned to conceal his approval: "I persist in wanting to go there", he said.²⁴

Bisterfeld therefore consciously linked social progress with foreign policy. He endeavoured to harmonize the marriage plans of Sigismund Rákóczi with his foreign policy based on revolutionary England. The dominant motive of his frequent correspondence in this matter was the view that the choice of a fiancée should be considered mainly with respect to the alliance with England. This was a matter requiring tact since the European dynasties had been estranged from the English Republic by the Revolution and especially the death of Charles I. The name of Henrietta of Pfalz became prominent among the prospective brides from the outset because the relationship of the Rákóczis with the family of the "Winter King" would have been symbolic in the event of a renewed Protestant venture. But she was the niece of Charles I, and therefore Bisterfeld hesitated. "If the estrangement of England would not refrain me, I would know what to do or say," he meditated; "but should this matter promise the effective alliance of the English (which they continue to maintain with the Elector, as I learn), I should dare something."²⁵ So he counted on the survival of the English Republic, not on the Restoration, and he adjusted his policy accordingly. Later, — from the point of view of relations with Cromwell too — he deemed contact with the House of Orange to be more advantageous, because this relationship "would mean much for the benefit of the common cause and for all connected with the House of Orange, should the Belgians (the Dutch) sign a peace with Britain."²⁶ But the long-expected peace did not come, and Bisterfeld gave way to the wish of the Prince and his entourage in favour of the Duchess of Pfalz. He consoled himself and Sigismund Rákóczi, saying "if the King (Frederic of Pfalz) makes peace with England, this alliance will be of great importance."²⁷ The marriage was celebrated in the summer of 1651, and the entry of Henrietta of Pfalz at Sárospatak gave the centre of Hungarian Puritanism an international political significance.

The cultural policy of the Puritan group at Sárospatak was organically connected with its foreign policy. The Anglo-Dutch orientation meant the unification of the progressive intellectuals of Europe and of the "anti-Babylon" political forces. Nothing proved this better than the invitation issued to

²³ *Ibid.* 1887, p. 663.

²⁴ *Ibid.* 1890, p. 443.

²⁵ *Ibid.* p. 231.

²⁶ *Ibid.* p. 252.

²⁷ *Ibid.* pp. 257 and 427.

Comenius to visit Sárospatak. Comenius came to Hungary in 1650, not only as a world-renowned educationalist, but in particular as an emigrant Czech politician seeking support for the liberation of his country from the despotism of the Hapsburgs. But the hopes invested in Sigismund Rákóczi by Comenius and the Hungarian Puritans were soon to be dashed to the ground. First Henrietta of Pfalz the pledge of international relations, died suddenly, followed shortly thereafter by the Prince (early in 1652).

Comenius could expect nothing more than the launching of an anti-Hapsburg campaign by George Rákóczi II, with whom Bisterfeld, Medgyesi and Tolnai negotiated on the matter. They waited for the moment when — after the end of the Anglo-Dutch war — Cromwell would have a free hand to organize the Protestant union. Peace was concluded, in the spring of 1654, and Dury, the English chargé d'affaires at Zurich, renewed contact with his old friends, Comenius and Bisterfeld. But George Rákóczi II continued to hesitate, unable to overcome his antipathy against the English Independents who had killed their King.

Comenius lost patience. He left Hungary in the summer, with bitter memories of the place in which, he believed, all his grand hopes had been defeated. Before departing, he wrote his pamphlet called *Gentis felicitas*, as a final warning and a sharp criticism of the state of affairs in Hungary. The program outlined in this tract merged the national war for independence against the Hapsburgs and the Turks with the policy of centralization of the Prince favouring bourgeois development and the Puritan Reformation. The pamphlet expressed not only the personal views of Comenius but those of the Puritan group at Sárospatak as well.²⁸ And when George Rákóczi II decided to approach Cromwell through the medium of Comenius, and sent his diplomatic agent, Constantine Schaum to England, at the end of 1654, it appeared that their policy had emerged victorious. But this step gave no help to the Hungarian Puritans. Rákóczi sought an alliance with Cromwell preparing for a restoration, and not that of the revolutionary leader. In his letter, he stated that the shedding of royal blood had been the obstacle to establishing relations, adding that the appeasement of the storm of revolution by the Lord Protector had made their relations possible. Bisterfeld fell out of grace with the Prince and although he was the most eminent diplomat of Transylvania, he had no part in the preparations for Schaum's mission to England. Hartlib took note of this fact with deep regret, but neither he nor his friends could stem the general reactionary trend. Bisterfeld did not live to learn about the meeting of Cromwell and the Transylvanian minister (he died at the beginning of 1655), but he would have been deeply disappointed since their meeting was marked by the mutual exchange of courtesies and cautious probings. Hartlib prepared

²⁸ Turnbull *op. cit.* p. 374.

for the audiences with zeal, but nothing was done to establish a Protestant front, nor to support the Hungarian Puritan movement; in fact, the Puritans were the victims of undisguised persecution during that time.

The attack on the Puritans gathered momentum because, while the movement was gradually isolated at Sárospatak, it broadened and became more radical in the region beyond the Tisza river with its centre at Váradi. The Váradi Academy became a new centre of Puritanism. Its eminent professors sent many young pastors, adherents of Puritanism, to the neighbouring market-towns; the Váradi press published scores of Puritan books, including the works of Amesius, some in the original Latin text, and others in Hungarian translations. The many students travelling abroad each year maintained regular contact with revolutionary England, and their Puritan principles assumed an Independent character. Despite the repeated prohibitions and disciplinary proceedings of the ecclesiastical authorities, presbyteries were established in the market-towns situated in the region beyond the Tisza.

The growth of the Puritan movement, by 1652, frightened not only the "orthodox" preachers but the nobility of the Tisza region as well, and an inquiry commenced against "the master preachers following the English way." The nobles clamoured for the liquidation of Puritan activity. At the beginning of 1653, the Transylvanian Diet renewed an Act of 1574 banning all religious reforms of a dogmatic nature. The "Reform Article" of 1653 out-did the old Act by requiring the sanction of the secular authorities, before changes in organization and liturgy could be introduced, and infringers of the Act were threatened with the loss of their heads and rights under the charge of "high treason". Bisterfeld lodged the protest of the Puritans with the Prince, but Rákóczi remained unyielding. He did not deny that the Act was directed against the Puritans and especially the institution of the presbytery, which he admitted to be right in principle, but he feared that "its consequences will be the same as in England."²⁹ On the basis of the Act, Bishop Csulai, the successor of Geleji (a man possessing less knowledge but with the same anti-Puritan fanaticism) demanded political measures against the Puritans, reminding the Prince of "the ugly chaotic situation in England."³⁰

By this time Hungarian Puritanism aroused repercussions beyond the country's borders. Samuel Maresius, professor at Groningen, who obstructed the activities of Hartlib, Dury and their Dutch friends in every possible manner, directed his attack against the Hungarian Puritan movement in a pamphlet published in 1649. He declared that the existing order must not be disturbed even on the basis of sound principles, and he pointed out that the transformation of the traditional Church organization, in England, had resulted in

²⁹ Erdélyi országgyűlési emlékek (Diaries of Transylvanian national assemblies) XIII, pp. 444—446.

³⁰ Történelmi Tár 1889, p. 480.

dire consequences. But the Hungarian Puritans did not regard the consequences as dire as did Maresius. Bisterfeld, in his letter to Sigismund Rákóczi wrote that the attack was auspicious in that it had exposed opportunist pseudo-theologians like Maresius, whose blustering was, he said, a sign of impending great changes: "It seems to me that complete reformation is preceded by similar chaos in theology as it is in politics."³¹

It was Peter Szathmári Baka, a student in the Netherlands at the time, who replied to Maresius on behalf of the Hungarian Puritans. He proved that the author had no knowledge of conditions in Hungary which he had judged so scornfully, and that his arguments against Puritan principles could not be substantiated. Maresius, writing a reply replete with personal invective, emphasized once again the political dangers of Puritanism: formerly the "Hungarian fever" (*morbus Hungaricus*) penetrated distant England, now the English pest menaces the churches of Hungary with its poison. He warned Hungarians to beware of the infection, advising his opponent to seek posts as preachers among the North American sectarians, for no other congregation would appoint them. Baka published two replies, which appeared a bit late, in 1653, but they ended the discussion. Maresius did not meddle in Hungarian affairs again, and Voetius and Coccejus, the favourite sons of Dutch Protestantism answered the questions put to them cautiously, but, in essence, favourably for the Hungarian Puritans.

At home the conflict between "orthodoxy" and Puritanism became sharper. At the beginning of 1654 an anonymous document was circulated in the country, attacking the well-known Puritan principles: protest against the remnants of Catholic sacramentalism; the Latin hymns; the conventional prayers and subjects for sermons; the celebrations on weekdays; the agitation for the introduction of civil marriage, etc. It went farther than a general denouncing of Puritan reforms, accusing adherents of them with being Independents. "Although they did not profess Independent beliefs publicly till now, but as it appears *ex subsequentibus*, they are fomenting it, some of them conspiring to disseminate this unripe and poisonous fruit." "We have heard of some among them, who are spreading Puritanism, giddy Independent beliefs, anarchy, Arianism, Anabaptism and other sects and errors of this kind." The indictment attempted to separate the Puritan question from the narrow orbit of the Church, denouncing it as a political danger, in order to justify the intervention of the secular powers. This motive became clear by the fact that it attempted to present Puritan reforms as an attempt against the nobility: it alleged that the Puritan preachers wanted to make congregations independent of the central ecclesiastical leadership and of the county as well; that they expelled noblemen from the Church without due process, humiliating them by proclaiming on their marriages bans in Church as if they were suspicious persons; that they re-

³¹ *Ibid.* 1890, pp. 235 and 299.

fused to celebrate marriages or christenings in their homes. Their activity, it was alleged, was provoking the counter-Reformation to attack the Reformed Church, so that "who knows what danger will come to the preachers, and to the patrons faithful to the true Helvetic confession, because of them."³²

The book „Independent Beliefs in England,” published in Utrecht, early in 1654, greatly influenced public opinion. Its author was a student, Caspar Miskolczi Csulyak, who had been driven away from Sárospatak by his fellow students for denouncing Tolnai to the Church authorities. This work shortly became well-known in Hungary. Quoting chiefly reactionary sources, it relates the history of English Puritanism in detail, with special emphasis on its role in the revolution. It calls the members of the revolutionary Parliament "mad Independent villains," to whom Cromwell "entrusted the government of the country, although they would have been unfit even to manage the London lunatic asylum." According to the author "the liberty of all England, the purity of the Church" fell together with the executed Charles I. Cromwell was to the author a wicked and treacherous man, and his government, the rule of the mob. He called the reader's attention to the features of the English Independents movement, which would remind him of the Hungarian Puritans without explicit mention. At the end he appealed directly to the secular authorities to exterminate the Independents (that is, the Puritans) as a public menace: "There is no Christian magistrate under the sun, no authority on earth, though it is a right one and ordained by God, which would not be dispatched at a glance to hell by these minions (that is, the Independents), if they had the chance, so as to transform the beautiful Church into a wish-wash of heresies, and outer society (that is, state and society) to a den of robbers. In is necessary for all Christian magistrates, kings, princes, magnates, all pillars of the Church ordained by God, to open their eyes; it is dangerous for them to hesitate; they must hasten to weed them out of God's vineyard, where they have already warmed themselves in, and to watch them with the eyes of the lynx wherever they try to get in."

The Hungarian Puritans attempted to defend themselves against the charge of being Independents levelled against them at home and abroad, as this was always linked with the threat of political sanction. They tried first and foremost to get rid of the dangerous tag "Independents", but in fact reaction was right: the Hungarian Puritan movement followed Independent principles and practices by now. This was indicated by the act of the Hungarian Puritan students in the Netherlands, who attempted to offset the effect of Miskolczi Csulyak's book by publishing Amesius' work *Puritanism in England*, translated by Stephen Telkibányai. The book was brought out in Utrecht, in the same year, in order to inform public opinion. The book was an apology for

³² *Ibid.* 1889, p. 479.

Puritan aspirations with Independent aims; its publication meant no retreat, but rather upheld the banner of the Independents.

The most prominent representative of the young Puritan generation was John Apáczai Csere. Of Székely peasant descent, he came to the Netherlands, in 1648, with a Geleji scholarship, where he lived through one of the most decisive periods of European history. It was he, among all the Hungarian Puritans and his Hungarian contemporaries in general, who saw most clearly the fundamental turn, the revolution in the history of mankind brought about by the European events of these years.

All the thought and lifework of Apáczai was determined by his impression of the "new" represented by the bourgeois revolution, involving the re-valuation of the conception of the world and the forms of social consciousness, and the necessity for developing a new world, a new outlook. Apáczai undertook this task when he began to write his *Hungarian Encyclopaedia* during his stay in the Netherlands. (It was published in Utrecht in 1655.)

He counterposed the principle of progress to conservatism in his country: "Those of you who are whispering that ancestral custom should not be changed, ought to know that bad custom is only based on inveterate erring. They ought to focus their attention on the changes happening day by day in political and economic life, just as in the Church and in the school."³³ When he supplemented the historical data compiled from foreign source, in his *Encyclopaedia* he noted the dates of the execution of Charles Stuart, the Anglo-Dutch war and peace and the birth of Descartes.

The sections of the *Encyclopaedia* dealing with the forms of social consciousness (ethics, politics, theology) originated from Amesius and, to a smaller extent, from Althusius, but the material secured from others fit into the system of Amesius. The society professed as the author's model was the late feudal society moving towards bourgeois revolution, and more advanced than Hungarian society. When he chose this society as his ideal, he in fact prepared the revolution in Eastern Hungary. His well-known outburst, "The miserable bondage of to-day, surely surpassing Egyptian slavery at many places in our country, came from the evil use of the cotters,"³⁴ is a typical bourgeois statement, attacking not exploitation in general, but only its feudal form. His words implicitly contain the possibility of dealing well with the cotters instead of treating them "evilly," thus approving the system of free labour.

Apáczai's teaching on tyrannicide fitted into the political dissertation borrowed from Althusius as a foreign matter, is even more revolutionary, connected clearly with Amesius and the events in England. "The tyrant is a person distorting and oppressing the rights of a country; someone subduing

³³ István Hegedűs: Apáczai Cseri János pedagógiai munkái (The pedagogical works of J. Apáczai Csere) Budapest 1899, p. 146.

³⁴ Magyar Encyclopaedia, p. 320.

the country by fraud or by force before its own submission . . . Even a commoner can resist him, or is allowed to kill him when occasion presents itself, as long as the people and civic society do not transfer their dignity to him by conviction." This view based on the unconditional right of tyrannicide of antiquity, savouring of Amesius is opposed to Calvin's theory of conditional tyrannicide. It contains an unmistakable hint at Cromwell, legalizing the execution of the King on the one hand, and the coming to power of the Protector on the other. Apáczai's view in this respect is not surprising when knowing Bisterfeld's attitude to the English Revolution, but it is all the more admirable when we consider that it was meant for public teaching in the Transylvania of George Rákóczi II. Apáczai writes about the presbytery with the same boldness — and precisely of its consistently Independent form — as the only proper Church government, as if the Reform Act banning the organization of the presbytery under the threat of the death penalty did not even exist.

A new leader of the Puritan movement of Transylvania came forward in the person of Apáczai, a man championing the growing "Independent" trend, and diverging from the old reformist path. The Puritans of Transylvania were in a predicament, because the strongest pressure on the movement had been exerted here. The place of Bisterfeld in the court and the Gyulafehérvár school had been occupied by the Frenchman Isaac Basire, the former court preacher of beheaded Charles I. He escaped the revolution to Eastern Europe, coming to Transylvania from Constantinople after a long period of wandering, hearing an ardent hatred for Puritanism and the hope of the English Restoration. He took over the heritage of Bisterfeld, in March 1655, and tried to play the rôle of his predecessor in foreign policy, but naturally in the opposite direction. Whereas Bisterfeld corresponded with Hartlib's group, Basire wrote submissive letters to Charles II, the Pretender to the throne, regarding himself as the Eastern outpost of the anti-Puritan campaign. The reactionaries of Hungary found in him an aggressive and authoritative leader. Puritan preachers had to flee from Transylvania, if they were unwilling to compromise. Under such circumstances, it was a bold act for Apáczai to expound his progressive views, and, what is more, to attempt to start a Puritan organization.

The ecclesiastical authorities of the church districts of the Tisza river region were the first to apply the "Innovation Article" against Puritan propaganda which encompassed all of Eastern Hungary. The synod meeting, in 1655, at Debrecen, the stronghold of "orthodox" reaction, removed from office eight Puritan pastors, among them Tolnai, Medgyesi and both preachers of Várard, Benedict Nagyari and Peter Kovásznai.

This decision supported by the authority of the Prince was a turning-point in the struggle for Puritanism. From the time the national synod had been established, the reactionaries had protested and threatened, but lacked

the courage to apply either the rules of the Church or the articles adopted by the Diet against the reformers. In fact years passed by without the suspension of a Puritan pastor. Previously, George Rákóczi II had refrained from direct interference. He was induced to this step only by the fact that the action of the Várad Puritans in organizing the presbytery had begun to assume the nature of an Independent popular movement. In the meantime, the failure of his envoy to Cromwell convinced him that the Puritans could not hope for assistance from England. The stagnation of the English Revolution was accompanied by a declining interest in progressive aspirations in Europe, as that became apparent to other Hungarians. "The Parliament of England passed some decrees in the matter of religion within the country, and they aroused great hopes in the Christians abroad that they would support the cause of religion in other countries too, with the forces at their disposal . . . especially because they were seen to make alliances with foreign countries, but . . . as they were only troubling the poor Dutch, these hopes went up in smoke," wrote Mednyánszky to Susanna Lórántffy from the Pozsony diet.³⁵ Thus, considerations of foreign policy did not deter Prince Rákóczi from openly supporting the persecution of the Puritans.

But the people of the market-towns, first and foremost of Nagyvárad supported the Puritan preachers. The sympathy for the dismissed pastors and the mass demonstrations projected the nightmare of the English Revolution in the minds of the feudal lords. In fact an upheaval of unheard dimensions commenced also in Transylvania. The Puritanism did not possess such a strong mass base here as it did in the Upper Tisza region or in the counties of the Principality bordering on Hungary, due to the relative backwardness of the market-towns. The ideas of the Puritans could only mobilize the petty-bourgeoisie of Kolozsvár. But the petty-bourgeoisie was not a consistent anti-feudal force by itself; as a rule it wavered and became militant only, when touched by radical influences. Puritans transplanted the fighting spirit of the market-town peasantry to the petty-bourgeoisie of the Transylvanian towns. And as a result, in 1655, the membership of the guilds sided with them not only at Kolozsvár but also in the other Hungarian town, Marosvásárhely, which had been granted, in 1619, the status of a free town.

The expansion of the movement induced the reactionaries to take measures against the Puritans of Transylvania as well. The target of their offensive here was Apáczai, who steadily marched ahead on his "Independent" path. Basire willingly undertook the launching of the anti-Puritan campaign. He scheduled a public discussion, on September 24, 1655, which was attended by the Prince. Professor Basire sharply attacked the Independents in his sermon, then he mentioned the death of Charles I, hinting at the possibility of a similar fate facing Prince Rákóczi. The Prince lost his temper, interrupted him, and

³⁵ *Történeti Lapok* 1874, p. 102.

called upon the Independents in the audience to declare themselves. Obviously he meant Apáczai, who understood the hint and declared that there were no Independents among the teachers, but there were Presbyterians and he was one of them. Since the passing of the Act against reformers it was dangerous to avow even Presbyterianism, but Rákóczi knew that this difference did not mean much in reality. "Presbyterianism leads to the Independents", he retorted to Apáczai, who refuted the charge cautiously by saying that it was only hearsay.

When Basire began to refute the Presbyterian arguments, Apáczai refused to retreat and contradicted him. The Prince then commanded a debate. The young professor was placed in a delicate position; nobody dared to support him in the strained atmosphere. "All have forsaken me," he complained later. Of course arguments did not mean much, since Basire intended Apáczai to expose himself — and he attained his aim. Rákóczi shouted at Apáczai in rage: "But so help me God, Mr Apáczai, you will not introduce the Medgyesi presbytery here as long as I live. Nor shall you teach anything else, for — so help me God — I shall have anyone teaching anything else thrown into the Maros (river) or hurled down from the tower."³⁶ That closed the debate. Apáczai lost his post by his statement. Now there were proscribed Puritans in all the three Church districts.

Nevertheless Puritans driven to the wall defied all threats; they even attempted a counter-attack as soon as they recovered their wits after the first blows. Now it was evident that they could count on the masses for the demonstrations caused by the persecutions revealed that the „Independent” Puritan movement had set in motion relatively broad strata of the population. The popularity of the persecuted „Independents” achieved what the reformists of Sárospatak could not attain, although they were backed by the prestige of their patroness, the Princess. The town of Tarczal invited, in 1655, Tolnai to be its pastor, thereby supporting the Puritan reforms. The fact that the second most important market-town of Hegyalja joined forces with the Puritans had a great effect on all the Upper Tisza region.

The upheaval was the most violent in Transylvania, where the Puritans were emboldened by Apáczai's anti-Basire pamphlets, written by hand. Some of them even planned to bring an indictment against Basire in the Diet, in order to give emphasis to the protect lodged by Susanna Lórántffy. But the Orders decided once more against the Puritans. The growing persecution did not deter the Puritan preachers from citing Basire before the synod at least. But the synod was also under reactionary pressure and though public opinion turned against Basire, he became — evidently on orders from above —

³⁶ Farkas Gyula : Apáczai Cseri János életrajzához és műveinek bibliográfiájához (Contributions to J. Apáczai Cseri's biography and to the bibliography of his works). Kolozsvár 1892, pp. 10—12.

the president of the synod by the decision of "the better members if not of the majority". This fact made the procedure planned against him impossible. Basire was hated not only for his anti-Puritan principles, but also for his political attitude. Everybody knew that he had close contact with English groups working for restoration, and he made no attempt to conceal it. "The distinction conferred upon me by Your Majesty," he wrote to Charles II "intensifies the envy of my enemies."³⁷ But the Puritans ("this gang", as Basire called them) were not to be silenced in this way. They published an annihilating answer to Basire's anti-presbyterian pamphlet, and launched such a propaganda campaign against him which compelled him to use, at the synod meeting in June 1655, a more conciliatory tone, speaking of peace and amity, in trying to secure the acceptance of his episcopal principles, but he failed.

The reactionaries dared not resort to stronger measures either in the Upper Tisza region or in Transylvania. They attempted to apply rigorous measures only in the region beyond the Tisza where, they believed, the greatest danger existed in the Puritan organization of Várads. The synod, meeting on the June 18 in Szatmár, wanted to set an example, and they handed over the two most obstinate of the suspended Puritan preachers, Nagyari and Kovásznai to the secular authorities. But the case of the pastors imprisoned in the Szatmár fortress aroused a tremendous movement throughout the country. The synod overshot its mark, because Prince Rákóczi — who previously might have used force against the Puritans — manifested more caution this time. The attitude of the towns in favour of the Puritans set him thinking. Because of his negotiations with the Swedes, the support of Cromwell had become indispensable for him. He was fully aware that the day of the Radical Puritans was over also in England, but Hartlib and his friends had kept their influence, and it was through Comenius and them that the Anglo-Transylvanian relations were maintained. The overt persecution of the Puritans could have endangered good relations, and it would be good policy to moderate the attack on them. For this reason Nagyari and his co-worker were released after three weeks imprisonment. The mass demonstrations of the market-town peasantry and of the petty-bourgeoisie in the guilds, together with the spread of Puritanism in the preachers' community compelled the reactionaries to retreat.

The Principality lived through days of terrible trials in 1657, — the fight of Rákóczi, deposed by the Turks, and of the pretender Barcsai, for the throne, and the series of Turkish punitive expeditions afterwards. The Puritans saw the reason for Rákóczi's danger in his anti-presbyterian attitude, and they took an unanimous stand against him. It was therefore natural for Barcsai, the embittered enemy of the "reformers", to seek their support. He surrounded himself with Puritan pastors.

³⁷ *Történelmi Tár* 1889, p. 494.

The antagonism between Prince Rákóczi and the Puritans became extremely sharp. The embittered struggle of the two parties spread from town to town, degenerating to an extent, especially at Várad where even women assaulted each other. The soldiers of Prince Rákóczi seriously wounded Samuel Enyedi, the celebrated Puritan professor of medicine as he was returning from Debrecen; they dragged him before the Prince, who — unwilling to add to his troubles — dismissed him. Nagyari also faced grave danger; followers of Prince Rákóczi threatened him with death because of his reproachful speeches, accusing him and his friends with responsibility for Rákóczi's downfall, like, they said, his English friends had ruined Charles I.

There was justification for alluding to the example of England, as Puritanism had become a political line of demarcation precisely at that time. Barcsai demanded that the pastors show their true colours, so he had the diet bind them to an oath of fealty. The Puritans were willing to take the oath but the "orthodox" pastors refused, and the abuse of the diet rained on their heads: "Priests are like women of bad repute." The majority of the pastors, led by Bishop Csulai supported Rákóczi openly; Basire, before leaving his position in Transylvania which had become quite embarrassing, published a final pamphlet in defence of Rákóczi (*Vindiciae honoris Hungarici*) as an answer to the work of John Bethlen (*Innocentia Transylvaniae*) a follower of Barcsai. With this work, Barcsai wished to deal a decisive blow against the ideological champions of his adversary, the "orthodox" preachers, by giving a free hand to his Puritan followers to abolish the episcopate and to organize the presbytery.

The day dreamt of by reformist Puritans for two decades had dawned at last: Puritanism became the official Church policy of the Transylvanian Principality. Though Barcsai was not "the Cromwell of Transylvania" as Basire put it, he was forced to collaborate with "pius priests" hated so much by Rákóczi, and therefore he paved the way for Puritan reforms. Apáczai himself hoped for the advent of a new era. He submitted a proposal for a Transylvanian Academy to Barcsai, expounding his views on developing a lay body of intellectuals as well. He asked the Prince to confer the rank of nobility on students graduating from the Academy, whether they chose the profession of a preacher or any other. Thus the aim of the Prince's policy of centralization for developing a bureaucratic nobility coincided with the educational goals of the Puritans.

But the outcome of the civil war in Transylvania was unfavourable to Puritanism. The death of Rákóczi (1660) stabilized the rule of Barcsai for a time, but at a terrible price: the Turks occupied Várad and this "Independent" Puritan centre was annihilated. Its preachers and professors were scattered to all corners of the country. The sequence of events dealt another blow at the Puritans. John Kemény, with the support of the Hapsburgs, brought about the fall of Barcsai, thereby nullifying the Puritan achievements in eccle-

siastical policy. The new Prince, known far and wide as an enemy of the “reformers”, and the synod of Marosvásárhely announced, early in 1661, that “in the Reformed Churches of Transylvania episcopal government shall be retained in the future”, and that “the discord resulting from Presbyterianism shall be eliminated.” The Puritan movement collapsed outside of Transylvania at the same time. Susanna Lórántffy died in the spring of 1660, and the local reactionaries hastened to restore the ancient order at Sárospatak “by the Grace of God.” The leadership of the Puritan movement was also decimated. Apáczai died at the end of 1659; Tolnai followed him in the spring of 1660; and Medgyesi, who lived until 1663, witnessed the final annihilation of his hopes.

The catastrophe of the Transylvanian Principality and the events connected with it were fatal for Puritanism. The reactionary nobility, liquidating centralization to an ever greater extent, deprived the Puritans of the support of the Prince, the unstable basis on which they had been able to rely somewhat in their struggle against feudal patronage. Puritanism atrophied to become an inner affair of the Church, and even then it suffered a series of setbacks. The essential requisites of Puritan “reformation”, — the liquidation of feudal patronage and the establishment of autonomous presbyteries — came to nought. The movement of the Puritan pastors after 1661, spent its force on the declaration of pious wishes and compromising attempts at reform here and there.

The activity of the lone intransigent Puritan, George Martonfalvy Tóth only proved the potentials for development inherent in Hungarian Puritanism.

Although he spent most of his life as a professor at the Debrecen Academy, Martonfalvi, the pre-eminent Hungarian Puritan as regards theological schooling and originality, continued in fact the traditions of Várad in his new environment. It was at Várad that he acquired an implicit respect for Amesius. Martonfalvi, the most consistent Amesian in Hungary, built up his theology on the views of his master. The Puritan character of theological thinking of the Hungarian Reformed Church of that period can be attributed to the impact of his prestige and intellectual superiority.

The legacy of the Várad centre, the most radical wing of Hungarian Puritanism, is evident in the social criticism expressed by Martonfalvi on feudal conditions in the country, in general, and on those in Debrecen in particular. There were some villages at Debrecen, one of which was placed at the service of the Church. The pastors exercised feudal jurisdiction over the village, quite a natural phenomena with “orthodox” way of thinking, but exactly the opposite to the Puritan Martonfalvi. “Serfdom such as this does not arise lawfully, but unlawfully,” he said in condemning the entire system of serfdom, “for man received empire only over other creatures, not over his fellow-men,” and “because all men by their very nature are equal.” And, to emphasize the matter, he added: „We are teaching this in opposition to those Christians and some

of their preachers, who possess serfs and who defend serfdom." Martonfalvi did not borrow this view from Amesius; it was his original deduction. Even if some of his arguments were taken from Augustine's works, it would not change the fact that his progressive views on society originated out of his experiences in the Várad Puritan movement.

Martonfalvi raised to a higher level the democratic principles formulated — if only casually and incoherently — by the Hungarian Puritanism in the 1650s. He was the first Hungarian Puritan thinker who generalized ecclesiastical democracy in respect to politics: "Does God ordain that society should be governed by a great lord, by a few magnates, or by several of the common people? No, but he trusts that society to govern itself as it deems most useful in order to establish and practice piety and justice." This statement is a criticism and condemnation of not only feudalism in general, but of absolutism ruling by "divine right."³⁸

Martonfalvi was the last Hungarian Puritan, whose ideas indicated the possibility of continued development. But he was completely isolated, unable to initiate a movement, and he had no successors.

*

The Hungarian Puritans fought the good fight for two decades, their eyes focussed on the encouraging example of the English Revolution, as they struggled to undo the bonds fettering of Hungarian peasantry in the system of "perpetual bondage". Their fall came simultaneously with the English Restoration, but whereas the Puritan Revolution in England — though it suffered temporary defeat — finally triumphed over the feudal order, bourgeois evolution could not take place yet under East European conditions. But the mass movement which sprang up in support of Puritanism proved that the feudalism had begun to disintegrate in Hungary as well. Fighting against the overwhelming force of reaction at home and abroad, the Hungarian Puritans strove to hold their ground in a difficult situation on the front of progress, contributing their modest part to founding the nascent Europe.

Венгерские пуритане и английская революция

Л. МАККАИ

Резюме

Движение венгерских пуритан совпадает не только по времени с двумя десятилетиями английской революции. В постоянной связи с духовными предводителями английской революции, прежде всего с кругом Сэлюсла Гатлиба, пуритане попытались ослабить оковы, которыми система «вечного крепостничества» связала венгерское крестьянство. Их программа охватывала демократию церковной организации, замену

³⁸ On Martonfalvi's views see Imre Révész: Társadalmi és politikai eszmék a magyar puritanizmusban (Social and political ideas in Hungarian Puritanism). Theologiai Szemle 1948.

формального преподавания наглядным образованием, предоставляющим реальные знания. Причина того, что английская революция вызвала в существенно иных общественных условиях организованное массовое движение в Венгрии, заключается в том, что пуританизм и в Венгрии выражал стремления широких масс.

В Венгрии, разделенной на Габсбургское королевство, Трансильванское княжество и захваченную турками территорию, распространилось кальвинское направление реформации. Кальвинская церковь, однако, к началу XVII века стала послушным прислужником господствующего класса. Все усиливающееся феодальное угнетение в то же время поставило друг против друга два основных учреждения церковной организации, патронат и сословие проповедников. В Трансильвании в этом противоречии брали верх последние: княжеская власть — следуя интересам централизации — защищала проповедников от помещиков-патронов, но выдала их епископам. Разрыв проповедников с феодальной церковной системой начался с выступлениями против внутренней иерархии. В своей борьбе они опирались на крестьянскую буржуазию посадов, послужившей массовым базисом движения венгерских пуритан.

Первый центр движения венгерских пуритан образовался при дворе трансильванского князя Дьёрдя Ракоци I, так как часть пуритан попыталась опираться на княжескую власть против помещиков. Первым представителем пуританизма оказался Пал Меддеши, который пытался осуществить свои революционные принципы при помощи князя путем реформы.

Первое революционное выступление пуританизма в Венгрии связывается с именем Яноша Толнаи Дали, который являлся первым проповедником английского типа «ревайвалист» вместе с тем и первым представителем педагогических принципов Комения. В качестве директора коллегии (высшей школы) в Шарошпатаке, он реформировал преподавание в духе пуританизма в Венгрии. В 1642 году, однако, он должен был удалиться под давлением реакционных церковных кругов. Он стал проповедником в Токае, где выступил против епископской церковной организации. Но реакция изгнала его оттуда. Преследованные пуритане, прежде всего Меддеши и Толнаи нашли убежище в Шарошпатаке под покровительством овдовевшей княгини, Жужанны Лорантфи и её сына, Жигмонда Ракоци.

Пуритане не прекращали борьбы и после того, как под влиянием полевения английской революции большинство феодального господствующего класса выступило против них. В этот момент, однако, произошел уже открытый разрыв между пуританами и княжеской властью. Надеявшись в принце, Жигмонде Ракоци, пуритане хотели связать план его брака с внешней политикой, согласованной с революционной Англией. Они намеревались приладить и культурную политику к этой внешней политике. Поэтому они пригласили Комения в Шарошпатак. После скорой смерти Жигмонда Ракоци, они стремились осуществить свои замыслы через князя Дьёрдя Ракоци II, который, однако, являлся врагом пуританизма и пользовался их помощью только в интересах своих внешнеполитических планов. Тот факт, что князь приблизился к Кромвелю, казался победой пуританов. Но в то же время шло открытое преследование пуритан по той причине, что движение с центром в Надьвараде расширялось и левело.

Самым выдающимся представителем нового пуританского поколения являлся Янош Апацаи Чере, который учился в голландском университете. В своей «Энциклопедии» он передал прогрессивную науку своего времени на венгерском языке. Он был сторонником «индепендентского» направления. Его выступление, связанное с полевением движения, вызвало контрнаступление реакции. В 1655 году он был принужден к открытой дискуссии и лишен должности профессора. Ряд пуританских проповедников были изгнаны, некоторые посажены в тюрьму.

После катастрофического польского похода Дьёрдя Ракоци II противоречие между пуританами и князем обострилось до крайностей. В этот момент пуританизм разделил уже людей в политическом отношении. В ходе борьбы Дьёрдя Ракоци II и Аюша Барчаи за трансильванский престол на краткое время последний сделал пуританизм официальной церковной политикой княжества. Их торжество, однако, не длилось долгое время. После падения Барчаи и гибели трансильванского княжества, однако, и движение пуритан пошло на убыль под ударами реакции.

Versuche des deutschen Imperialismus, seine Machtpositionen nach Ost- und Südosteuropa hinüberzuretten (1919–1920)

L. ZSIGMOND

In dem Maße, wie sich der Zeitpunkt des Inkrafttretens des Friedensvertrages von Versailles näherte, erneuerten sich — von seiten Deutschlands — die Bestrebungen, sich für die im Westen und in Übersee erlittenen Verluste im Osten zu entschädigen. Daß es eine solche Tendenz gebe und daß man nach der Unterzeichnung des Friedensvertrages nicht mit ihrer Abschwächung, sondern im Gegenteil mit ihrer Zunahme rechnen kann, ja rechnen müsse, blieb auch den verantwortlichen Faktoren der Friedenskonferenz nicht verborgen. Am 24. Juni 1919, einige Tage vor der Unterzeichnung des Friedensvertrages unterbreitete Lloyd George in der Sitzung des Obersten Rates den Entwurf einer Note, die man an Deutschland zu richten beabsichtigte; diese Note sollte sich mit den sich an der Ostgrenze abspielenden antipolnischen Umtrieben befassen.¹ Die Note, deren Text mit kleineren Abänderungen angenommen wurde, hält es für notwendig, Deutschland darauf aufmerksam zu machen, daß die polnischen Behörden in den Besitz einer amtlichen Depesche gelangten, deren Text davon zeugt, daß die deutsche Regierung, auch wenn sie den Friedensvertrag unterzeichnet, willens ist, jene lokalen Widerstandsbewegungen, deren Aufgabe es wäre, das Zustandekommen der polnischen Souveränität in den Polen zugefallenen Gebieten Posens, Ost- und Westpreußens sowie die Besetzung Oberschlesiens durch die verbündeten und assoziierten Mächte zu vereiteln, mit allen ihr zur Verfügung stehenden Mitteln — inoffiziell — zu unterstützen.²

Die zur Zeit nach Abschluß des Friedensvertrages im deutsch—polnischen Grenzgebiet vorgekommenen kleineren und größeren Zwischenfälle sowie die wiederholten Interventionen und Notenwechsel der Friedenskonferenz diesmal außer acht lassend, kann man Ende 1919 resp. Anfang 1920 Zeuge von deutschen Aktionen sein, die entschiedener und beharrlicher sind als bisher. In der am 31. Dezember 1919 abgehaltenen Sitzung des Obersten Rates legte General

¹ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States — The Paris Peace Conference — 1919. Volume VI. S. 674 (Washington 1946). — Im weiteren F. R.—P. P. C.—1919 abgekürzt bei Angabe der Nummer des betreffenden Bandes.

² *Ebenda* S. 683.

Weygand die an den Vorsitzenden der Friedenskonferenz gerichtete Note des Marschalls Foch³ vor, die über die in Oberschlesien entstandene, mit einem ernststen Konflikt drohende kritische Lage berichtet.⁴ Für das Zustandekommen dieser Situation macht Foch in erster Linie die dort tätigen deutschen nationalistischen zivilen und Militärorganisationen verantwortlich, gibt gleichzeitig aber auch seiner Befürchtung Ausdruck, all dies geschehe nicht ohne Wissen, ja stillschweigender Unterstützung der deutschen Regierung. Der Bericht hält besonders den Umstand für besorgniserregend, daß die Stärke der den Deutschen zur Verfügung stehenden bewaffneten Kräfte jenes Maß übersteigt, das durch die Notwendigkeit der Aufrechterhaltung der Ordnung im Innern oder durch die Erfordernisse der militärischen Lage begründet werden könnte.⁵

Daß es sich deutscherseits nicht um zufällige Aktionen und eigenmächtige Unternehmungen einzelner Kreise handelte, beweist der Umstand, daß die gegen Polen gerichtete Tätigkeit militärischen Charakters durch — ein ähnliches Ziel verfolgende — diplomatische Schritte ergänzt wurde. Vier Tage vor Inkrafttreten des Friedensvertrages, am 6. Januar 1920, berichtete in der Sitzung des Obersten Rates General Le Rond, Vorsitzender der sich mit Terri-

³ F. R.—P. P. C.—1919. Bd. IX, S. 732 ; 753—755.

⁴ F. R.—P. P. C.—1919. Bd. XI, S. 260. — Die Bedeutung Oberschlesiens — in wirtschaftlicher Hinsicht — war unter anderem dadurch gegeben, daß die dortigen Kohlenreviere die wichtigsten Quellen der Kohlenversorgung Ost- und Südosteuropas waren. Ihr Besitz hätte Deutschland die Kontrolle der Industrie der auf diesem Gebiet befindlichen Staaten gesichert.

Hermann Aubin : Der deutsche Osten und das Abendland. S. 183 (München 1953). — Die »Die ostdeutsche Wirtschaft im Rahmen Europas« betitelte Studie des Bandes anerkennt in erster Linie die politische Bedeutung des Besitzes von Oberschlesien — nachträglich und im Zusammenhang mit der jetzigen internationalen Lage —, wenn der Verfasser schreibt : »Es hieße die oberschlesische Eisen- und Stahlindustrie demnach überschätzen, wollte man sie als unbedingt notwendigen Lebensnerv der deutschen Wirtschaft hinstellen. Und doch ist gerade unter dem gegenwärtigen politischen Aspekt der Verlust der oberschlesischen Montanindustrie zu bedauern, nicht nur für Deutschlands Wirtschaft allein, sondern im Hinblick auf den ökonomischen Zusammenschluß der westeuropäischen Staaten. Es kann uns, wirtschaftlich und politisch gesehen, nicht gleichgültig sein, ob die oberschlesische Montanindustrie dem Ostblock oder dem Westblock zugehörig erscheint.«

Étienne Mantoux : The Carthaginian Peace of the Economic Consequences of Mr. Keynes. S. 77 (London 1946). — Der Verfasser verweist, auf Grund des Buches A. Wierzbicki : The Truth about Upper-Silesia (Warsaw 1921) mit Keynes polemisierend sehr treffend auf den organischen Zusammenhang, der zwischen den auf Oberschlesien angemeldeten deutschen politischen Ansprüchen und den wirtschaftlichen Forderungen der deutschen Großindustrie besteht. Als natürliche Ergänzung der oberschlesischen Kohle wurden — deutscherseits — die Eisenerzvorkommen auf dem Gebiete Rußlands und der Österreichisch-Ungarischen Monarchie betrachtet (S.: Handbuch des Oberschlesischen Industriebezirkes [Kattowitz 1913]) und im Verlaufe des ersten Weltkrieges konnten bedeutende wirtschaftliche Interessengruppen nicht genügend betonen, daß die Ausbeutung der durch Oberschlesien gebotenen mächtigen Möglichkeiten nicht durchführbar sei, wenn nicht Polen, besonders seine südlichen Kreise Oberschlesien angeschlossen werden. (S.: Das Interesse Oberschlesiens an der Zukunft Polens. Oppeln 1917).

J. F. D. Morrow : The Peace Settlement in the German — Polish Borderlands. — A Study of Conditions to-day in the pre-war Prussian Provinces of East and West Prussia. S. 398—403. (Oxford 1936)

⁵ F. R.—P. P. C.—1919. Bd. IX. S. 753—754. — Die Stärke der regulären deutschen Streitkräfte wurde auf 80 000—200 000 Mann geschätzt ; hiezu kamen noch die unter verschiedenen Benennungen tätigen sonstigen bewaffneten Formationen. Zu gleicher Zeit wurde die Stärke der Besatzungstruppen der Entente mit 12 000 Mann veranschlagt.

torialfragen befassenden Subkommission über die mündliche Mitteilung Simsons, des Leiters der deutschen Sachverständigen-Kommission, der sich beschwerte, daß auf ihre Note vom 28. Oktober des Vorjahres, in der beantragt wurde, die Revision der deutsch—polnischen Grenze auf die Tagesordnung zu setzen⁶, bisher noch keine Antwort erteilt wurde⁷. Auf Grund der Mitteilungen Le Ronds befaßte sich der Oberste Rat mit dem deutschen Antrag und entschied, denselben nicht zur Diskussion zu stellen, denn dies wäre gleichbedeutend damit, den Friedensvertrag von Versailles selbst in Frage zu stellen.⁸

*

In verantwortlichen deutschen politischen und militärischen Kreisen war man sich darüber klar (was übrigens die Ereignisse der der Unterzeichnung des Friedensvertrages vorangehenden Wochen und Tage bestätigten), daß bei den bestehenden Machtverhältnissen keine Rede davon sein könne, den Versailler Friedensvertrag als Ganzes in Frage zu stellen. Die nüchterneren Vertreter des besiegten, aber nicht vernichteten deutschen Imperialismus und Militarismus waren bestrebt, die ursprünglichen Machtbestrebungen nicht aus dem Auge verlierende, aber der neuen Situation angepaßte, die Wirklichkeit in Rechnung ziehende diplomatische Methoden auszuarbeiten, die die Widersprüche der neuen Situation auszunutzen verstehen und auch ausnutzen wollen. Die Umriss der neuen Taktik wurden vielleicht am treffendsten von Stresemann skizziert, als er die Aufmerksamkeit der deutschen Diplomatie darauf lenkte, daß sie in naher Zukunft mit der Berufung auf das Selbstbestimmungsrecht, mit der Ausnutzung der zwischen den Siegermächten bestehenden Gegensätze⁹ und endlich, aber nicht zuletzt mit der antisowjetischen Einstellung der kapitalistischen Mächte operieren müsse.¹⁰

Die deutsche Außenpolitik war denn auch bestrebt, sich alle drei Möglichkeiten zunutze zu machen; zur Teilnahme an der antisowjetischen Intervention gab selbst das Waffenstillstandsabkommen¹¹ resp. der Friedensvertrag

⁶ Documents on British Foreign Policy 1919—1939 — First series — Volume VI.—1919 S. 318—319 (London 1956). —Im weiteren Br. F. P. abgekürzt, bei Angabe der Serie und des Bandes.

⁷F. R.—P. P. C.—1919. Bd. IX, S. 807.

⁸ *Ebenda* S. 812.

⁹ Gustav Stresemann: Von der Revolution bis zum Frieden von Versailles. S. 194—196 (Berlin 1919).

¹⁰ Anneliese Thimme: Gustav Stresemann, Legende und Wirklichkeit. — Historische Zeitschrift. S. 302 (1956).

¹¹ Der Waffenstillstand 1918—1919 — Das Dokumenten-Material der Waffenstillstands-Verhandlungen von Compiègne, Spa, Trier und Brüssel. Herausgegeben im Auftrage der Deutschen Waffenstillstands-Kommission. — Mit Genehmigung des Auswärtigen Amtes. Bd. I. S. 20—57 (Berlin 1928). — Mit dem Haß der siegreichen Großmächte Rußland gegenüber rechnend hat die Deutsche Waffenstillstands-Kommission selbst den Antrag gestellt, Deutschland mit der Rolle des Gendarmen auf den Gebieten des einstigen zaristischen Rußland zu betrauen. Die deutschen Einwendungen gegen den Artikel XII des Friedensvertragsentwurfes hatten folgenden Wortlaut: »Die Räumung der bisher zur österreichisch-ungarischen Monarchie gehörenden, ferner der rumänischen und türkischen Gebiete kann sofort erfolgen. Dagegen wird

Gelegenheit. Artikel 433 des Friedensvertrages¹² erneuerte — trotz der, in den der Unterzeichnung vorangehenden Wochen, ja sogar Tagen laut gewordenen vielen Befürchtungen¹³ — jene Bestimmung des Waffenstillstandsabkommens, wonach deutsche Truppen so lange auf dem Gebiete des einstigen Rußlands verbleiben, als es die verbündeten und assoziierten Mächte mit Rücksicht auf die dortige innere Lage für notwendig erachten.

Die Inanspruchnahme Deutschlands im Baltikum und in der Ukraine, im allgemeinen gegen Sowjetrußland, weckte in jenen Kreisen große Hoffnungen, die es der politischen und militärischen Führung zur Zeit des ersten Weltkrieges als verhängnisvollen Fehler anrechneten, daß man es in den Jahren 1917—1918 versäumt hatte, die infolge der revolutionären Bewegungen in Rußland entstandene Situation auszunutzen, um die Positionen Deutschlands — wenigstens im Osten — herüberzueretten.¹⁴ Was Deutschland im Verlaufe des Krieges, zur Zeit der Siege nicht gelang, das erwies sich — Ironie des Schicksals! — nach der Niederlage, infolge des erniedrigenden Waffenstillstandsabkommens und des Friedensvertrages als möglich. Als Rüdiger Graf von der Goltz im Februar 1919 das Kommando über die deutschen Truppen im Baltikum übernahm, konnte er mit Recht die Frage stellen: »Warum sollte nicht die im August 1918 verhinderte Ostpolitik zusammen mit den 'weißen' Russen in irgendeiner veränderten anpassungsfähigen Form unter der Flagge der Bolschewiken-Bekämpfung noch möglich sein . . . ? Warum sollte nicht vor allem eine wirtschaftliche und politische Annäherung an das kommende Rußland angebahnt werden können? An das Rußland, das nach Abschlichten seiner eigenen Intelligenz nach deutschen Kaufleuten, Technikern, Führern hungerte, dessen verwüstete, menschenleere Randprovinzen nach fleißigen Bauern für seinen fruchtbaren Boden verlangten.«¹⁵

darauf aufmerksam gemacht, daß die sofortige Räumung der ehemals russischen, jetzt noch eben von deutschen Truppen besetzten Gebiete die dortige Bevölkerung den Greuelthaten des Bolschewismus schutzlos preisgeben würde« (S. 36). Foch hatte Verständnis für das deutsche Anerbieten und hat den ursprünglichen Entwurf dementsprechend abgeändert.

¹² Der Friedensvertrag von Versailles. S. 220—221 (Berlin 1919).

F. C. Zitelmann: Rußland im Friedensvertrag von Versailles (Artikel 116, 117, 292, 293, 433 des Friedensvertrages. S. 95—98 (Berlin 1920).

¹³ F. R. — P. P. C. — 1919. Bd. VI, S. 243 ; 373—376 ; 672—674 ; 680—683. — Bd. VII, S. 740—744.

Br. F. P. Erste Serie. Bd. III, S. 1—2.

F. C. Zitelmann : a. a. O. S. 101—105.

¹⁴ General Max Hoffmann : Der Krieg der versäumten Gelegenheiten. S. 167—232 (München 1923).

¹⁵ Rüdiger Graf von der Goltz : Als politischer General im Osten. S. 85 (Leipzig 1936).

Herbert Helbig : Die Moskauer Mission des Grafen Brockdorff-Rantzau — Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 2, S. 289 (Berlin 1955). — Im Zusammenhang mit dem August 1918 verweist Goltz auf die Erwägung Helfferichs und des Oberkommandos Ost, man hätte die sich aus dem Attentat gegen den Grafen Mirbach ergebene Situation ausnutzen sollen und die deutschen Truppen auf Petersburg und Moskau in Marsch setzen, die Sowjetmacht stürzen und an deren Stelle eine mit den Deutschen zusammenarbeitende Regierung einsetzen sollen.

Karl Helfferich : Der Weltkrieg. Bd. III, S. 482—493 (Berlin 1919).

Von ihrem Haß gegen Sowjetrußland geleitet, machten die siegreichen Großmächte Deutschland zum Gendarmen der baltischen Staaten.¹⁶ Das Baltikum hatte wiederum vom Standpunkt der Erringung und der Sicherung der Herrschaft über Rußland eine spezielle Bedeutung.¹⁷ Im Besitze der baltischen Staaten schien Deutschland das Ziel sehr nahe, seine Hand nach dem Gebiet des einstigen zaristischen Rußlands auszustrecken und sich dadurch — vorläufig und in nicht unbedeutendem Maße — für die im Westen und in Übersee erlittenen Niederlagen zu entschädigen.¹⁸ Diese Möglichkeit bedeutete natürlich — wenn auch nicht in gleichem Maße — auch eine ernste Gefahr

Kurt von Raumer: Das Ende von Helfferichs Moskauer Mission 1918. — Gesamtdeutsche Vergangenheit. Festgabe für Heinrich Ritter von Srbik zum 60. Geburtstag am 10 November 1938 S. 392—399 (München 1938).

Sächs. Landeshauptarchiv Dresden. Außenministerium, Nr. 2080 ; S. 347.

Sächs. Landeshauptarchiv Dresden. Gesandtschaft Berlin, Nr. 274 ; S. 98.

Erich Ludendorff: Urkunden der Obersten Heeresleitung über ihre Tätigkeit 1916/18. S. 488—513 (Berlin 1922). — Im Juni 1918 und in den darauffolgenden Monaten waren Ludendorff und sein Kreis mit besonderer Rücksicht darauf, daß es aussichtslos erschien, im Westen eine Entscheidung mit den Waffen herbeizuführen (S. 501) immer mehr bereit im Westen Konzessionen zu machen und zu einem Übereinkommen zu gelangen, um als Preis dafür die Positionen im Osten retten zu können.

Br. F. P. Erste Serie. Bd. VI, S. 230—231. — S. General Max Hoffmanns Gespräch mit T. F. Breen im September 1919. Auf die Ereignisse zu Beginn des Jahres 1918 verweisend, resümiert er die Ansicht des Generals Hoffmann folgendermaßen: »His intention was to sign peace with the Bolsheviks, refuse diplomatic intercourse and, on the pretext the Bolshevik Government were not maintaining order, march to Moscow with such a force that on his arrival five bataillons would be available for the occupation of the town. He would then have restored the Empire, replacing the Tsar on the throne. Hoffmann would not say whom he proposed to elect tsar. The military authorities failed to consent to his proposal, the ultimate object of which was a close alliance with the new Russia, for the purpose of exploiting her endless resources for immediate war needs and future war expansion.« (Hervorhebungen von mir—L. Zs.).

¹⁶ F. R.—P. P. C.—1919. Bd. IV, S. 691. — Auf das Paradoxe der Situation verwies — absichtlich oder unabsichtlich — sehr treffend der amerikanische Außenminister Lansing, als er im Mai 1919 in der Debatte über die Lage im Baltikum Folgendes sagte: »... paradoxical as it might seem, the Allied and Associated Governments were, by the Armistice, Allies of Germany in the Baltic provinces...«

Ebenda S. 592. — Der englische Außenminister Balfour war genötigt anzuerkennen, daß die Entente durch die Inanspruchnahme Deutschlands im Baltikum in eine sehr demütigende Lage geriet.

F. R.—P. P. C.—1919. Bd. XII, S. 138—206. — Auf die Motive, welche zur Inanspruchnahme deutscher Truppen in den Baltischen Staaten führten, wirft der Bericht der amerikanischen Green-Mission ein Licht.

¹⁷ F. R.—P. P. C.—1919. Bd. XII, S. 208. — Greene befaßt sich in seiner detaillierten Meldung vom 30. Juni 1919 auch mit der strategischen Bedeutung des Baltikums. Das Baltikum ist — schreibt Greene — der militärische und kommunikationstechnische Schlüssel zum russischen Hinterland. Auf dem Gebiet der baltischen Staaten befindet sich der ganze Meeressaum Rußlands; dort befinden sich die wichtigsten Häfen, mit Ausnahme Petrograds, das aber im Besitz der andren beherrscht werden kann; dort münden die westlich fließenden großen Flüsse, dort enden die Hauptkommunikationslinien, den Flügel anderer wichtiger Kommunikationslinien decken die baltischen Staaten.

Der Waffenstillstand 1918—1919. S. 139—140.

¹⁸ Rüdiger Graf von der Goltz: a. a. O. S. 102. — »Schlimmer hätte es auch nicht kommen können, wenn wir trotz Ententeinspruchs dem russischen Bolschewismus mit Denikin und Koltshak gemeinsam den Gnadenstoß gegeben, dadurch die bolschewistische Gefahr für Deutschland beseitigt, uns weite Wirtschaftsgebiete erschlossen und uns am kommenden Rußland einen neuen Freund im Bunde gegen die siegreichen Westmächte gewonnen hätten.«

Wipert von Blücher: Deutschlands Weg nach Rapallo. S. 20 (Wiesbaden 1951).

für die siegreichen Großmächte; es war zu befürchten, daß die Deutschen durch ihren Gebiets- und Positionsgewinn im Osten die durch den Kriegsausgang herausgebildete Situation zunichte oder zumindest sehr unsicher machen können. Die Inanspruchnahme Deutschlands bei der Intervention gegen Sowjetrußland¹⁹ erwies sich deshalb — schon von Anbeginn — als ein zweiseitiges Schwert für die Entente.²⁰ Die Hoffnung, das deutsche Schwert — nachdem es seine Aufgabe erfüllt hat und zu einem Zeitpunkt, den man für geeignet halte — wieder in die Scheide zu stecken, zerstob alsbald und alle Bestrebungen der siegreichen Großmächte, den deutschen Imperialisten und Militaristen im Baltikum Mäßigung aufzuerlegen, stieß auf immer größere Schwierigkeiten. Schon im Mai 1919, als die Friedenskonferenz die Abberufung des aggressivsten Vertreters der Expansion im Osten, des Kommandanten der im Baltikum tätigen deutschen Interventionskräfte, General von der Goltz forderte, antwortete die deutsche Regierung mit der Drohung, ihre Truppen zurückzuziehen.²¹ Im Zusammenhang mit der Forderung der Entente bemerkt Goltz: »In einer Sitzung im Reichskanzlerpalais wurde mir in Gegenwart Nos-

Br. F. P. Erste Serie. Bd. VI. S. 287. — In seinem Bericht über die Lage in Ost- und Südosteuropa (13. Oktober 1919) schreibt Butler folgendes: »The signs as I read them point to Germany's contention being right — viz, that in long run with industry and selfsacrifice at home with the power of expanding into Russia which is before her she has in reality won the war.«

¹⁹ *Ebenda* S. 69—79.

²⁰ Der Waffenstillstand 1918—1919, S. 19. — »Wenn man aber deutsche Truppen gegen die Bolschewisten kämpfen lassen wollte, so dürfte man ihnen wenigstens nicht dauernd entgegenarbeiten. Die Entente war sich aber über das einzuschlagende Verfahren offenbar nicht klar. Die Fragen waren eben, wie General Weygand bei einer Gelegenheit mit dem General von der Winterfeldt erklärte, für die Alliierten ‚sehr dornig‘ (épineuses).«

Gordon A. Craig and Felix Gilbert: *The diplomats, 1919—1939*. S. 146—147 (Princeton 1953). — Die Teilnahme an der antisowjetischen Intervention erwies sich auch für Deutschland als zweiseitiges Schwert. Es wurde nicht nur der Möglichkeit beraubt, sich auf die wirklich revolutionären Kräfte stützend im Interesse der Mehrheit des deutschen Volkes konsequent gegen den imperialistischen Friedensvertrag von Versailles kämpfen zu können, sondern auch die Manövriermöglichkeiten der Diplomatie des bürgerlichen Deutschland wurden sehr beschränkt.

Werner Freiherr von Rheinbaben: *Deutsche Ostpolitik in Locarno — Außenpolitik*. Nr. 1. S. 38 (Stuttgart 1953). — Die deutsche Außenpolitik war im weiteren bestrebt, die aus der Einseitigkeit stammende nachteilige Lage, eben im Interesse des deutschen Imperialismus zu verbessern, aus der Betrachtung heraus, »... daß ein *machloses* Deutschland immer und in jeder denkbaren Lage seine Politik nach West und Ost orientieren muß ...«

Edgar Alexander: *Europa und die westliche Welt — Die ethisch-politischen Grundlagen ihrer Einheit* — Eduard Spranger zum 75. Geburtstag — »Aus Politik und Zeitgeschichte« — Beilage zur Wochenzeitung »Das Parlament« 17. April 1957 (B XV/57) S. 250—253. — Auf den ideologischen Nachlaß Sprangers, Troeltsch's und Meineckes, auf den politischen Nachlaß Stresemanns sich berufend, will der Verfasser die Möglichkeit und die Notwendigkeit beweisen, den zum zweitenmal eine Niederlage erlittenen Imperialismus und Militarismus in die sog. europäische Gemeinschaft einzufügen. Wie bei Spranger nach dem ersten Weltkrieg der Völkerbundgedanke, so deckt bei seinen ideologischen Nachfahren der Europagedanke — in der Praxis — das namenlose Reich der Weltherrschaft, in dessen Nutznießung der Besiegte, aber nicht vernichtete deutsche Imperialismus und Militarismus mit den siegreichen imperialistischen Mächten — einstweilen auf Grund der Gleichberechtigung — solange Anteil hat, bis er sich nicht stark genug fühlt, die Verwirklichung seiner selbständigen Weltherrschaftspläne auf die Tagesordnung zu stellen.

²¹ F. C. Zitelmann: a. a. O. S. 101—104.

kes und Burchardts von Erzberger davon Mitteilung gemacht. Statt dessen sei der Entente von der Regierung die Absicht der Räumung Lettlands mitgeteilt. Darauf sei die Entente nicht eingegangen, sondern sie haben nochmals meine Abberufung gefordert . . . — Wenn die Entente im Mai nur meine eigene Abberufung forderte, nicht aber auf die Räumung Lettlands einging, so beweist das, daß sie damals noch auf die Bolschewiken-Bekämpfung durch deutsche Truppen Wert legte.«²²

Deutscherseits war man sich sehr damit im reinen, daß ihre Hinzuziehung zur Intervention gegen Sowjetrußland ein Zeichen der Schwäche des

²² Rüdiger Graf von der Goltz: a. a. O. S. 117—118.

D. H. Miller: My diary at the Conference of Peace. Bd. XVIII, S. 314. — In seinem Schreiben an den Vorsitzenden der Friedenskonferenz (13. Mai 1919) protestierte Marschall Foch gegen die Zurückziehung der deutschen Truppen aus dem Baltikum. »It is therefore essential to summon the German Government to fulfill its obligations« — schreibt Foch und setzt dann fort: — »In the Baltic provinces, in fact, the withdrawal of the German troops cannot be contemplated until such time as the local contingents shall be in a position to assure by their own efforts the defence of their country against Bolchevism.—It is the part of the Entente to determine the date of this withdrawal.«

Annales de la Chambre des Députés. 11me législature. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1919. Tome unique. Troisième partie. Du 1 Juillet au 17 Septembre 1919. S. 4318 (Paris 1920). — In der französischen Nationalversammlung entspann sich einesteils im Zusammenhang mit der Ratifikation des Friedensvertrages von Versailles, sodann mit dem Antrag André Lefèvres eine lebhafte Debatte darüber, warum die französische Regierung resp. der Generalstab nicht die völlige Entwaffnung Deutschlands gefordert hatten. Im Verlauf der Debatte erklärte Barthou als Berichterstatter, französischerseits habe Marschall Foch den Deutschen Konzessionen gemacht. »... j'ai dit,« erklärte Barthou, »que le Maréchal Foch avait consenti une réduction sur la livraison des mitrailleuses, qui devait nous être faite par l'Allemagne. Personne n'a pu contredire cette affirmation; elle est l'expression exacte de la vérité. M. Erzberger avait donné comme raison, à l'appui de la demande de l'Allemagne, la nécessité à la possibilité d'employer ces 5000 mitrailleuses contre la révolution allemande« (S. 4311). Diese Erklärung rief unter den Abgeordneten große Bestürzung hervor, die Linke, unter anderen Cachin zwangen schließlich auch den Ministerpräsidenten, Farbe zu bekennen. Clémenceau war genötigt, die Zusammenarbeit mit den Deutschen gegen die Revolution zu bekennen. »M. Noske nous ayant demandé un délai pour la reddition d'un certain nombre de mitrailleuses, nous l'avons accordé après avoir consulté l'état-major général de l'armée« (Hervorhebung von mir — L. Zs.). Die Politik des Marschalls Foch Deutschland gegenüber ließ einesteils im Interesse des Kampfes gegen die deutsche Revolution und Sowjetrußland das militärische Potential Deutschlands im großen und ganzen unberührt, wünschte jedoch anderseits, zu gleicher Zeit Sicherungen zu schaffen, mit Rücksicht auf die in Zukunft mögliche deutsche Aggression. Auf den Widerspruch in seiner Politik wiesen im Laufe der Debatte viele hin, sehr bezeichnend waren zwei Zwischenrufe, welche Foch resp. das durch ihn geplante Sicherheitssystem betrafen: »Il l'affaiblissait d'un côté et la fortifiait de l'autre« (S. 3703), sagte der Abgeordnete Raffin-Dugens auf Deutschland zielend; sein Zwischenruf wurde von Jean Bon ergänzt: »C'est merveilleux! Ce système consiste à conserver un ennemi pour avoir à le combattre« (Ebenda).

The Intimate Papers of Colonel House. Arranged as a narrative by Charles Seymour. Bd. IV, S. 139 (New York 1928). — In seinem am 9. November 1918 an House gerichteten Brief schrieb Clémenceau: »I have just seen Foch who has given me a *proces-verbal* (of the interview with the German delegates) which shall send you as soon as it is typewritten. They made no observation with regard to either the bridgehead or the fleet. Their line is to say that they will be overwhelmed by Bolshevism if we do not help them resist it, and that afterward we shall be invaded by the same plague. They asked that they may be permitted to retire more slowly from the left bank of the Rhine, saying that they must have the means to combat Bolshevism and to reestablish order. Foch replied that they could form their army on the right bank. They also objected that we were taking too many mashineguns and that they would have none left with which to fire on their compatriots. Foch replied that they had their rifles.«

Feindes von gestern ist²³ und es wurde nicht verabsäumt, dies anfangs 1919 und auch später auszunutzen. Im Baltikum wurde die Lage im Herbst 1919 vom Standpunkt der Entente immer verwickelter.²⁴ In der zweiten Hälfte des Monats Oktober wandte man sich englischerseits an Kolttschak mit dem Ersuchen, in der Frage der Selbständigkeit der baltischen Staaten Zugeständnisse zu machen.²⁵ Die nationale Unabhängigkeit der baltischen Staaten wurde im Friedensvertrag von Versailles umgangen resp. wurde ihr Platz — mit Rücksicht auf die gegenrevolutionären großrussischen Tendenzen und auf deren Sieg rechnend — im Rahmen des russischen Reiches festgelegt.²⁶ Der Oberste Rat genehmigte in seiner Sitzung vom 11. Juni 1919 — wie bekannt — den Text des Telegramms Kolttschaks²⁷ vom 4. Juni, laut dem (Punkt 4) für Estland, Lettland und Litauen nur eine sog. nationale Autonomie in Betracht komme. Wenn man englischerseits einige Monate später doch mit der Selbständigkeit Litauens, Lettlands und Estlands herausrückte, so ist der Grund hierfür — in engem Zusammenhang mit dem immer offensichtlicheren Fiasko der Intervention²⁸ — vor allem darin zu suchen, daß man solcherart bestrebt war, die Herstellung des Friedenszustandes zwischen den baltischen Staaten und Sowjetrußland zu vereiteln.²⁹

Die englische Initiative fand kein Verständnis bei Kolttschak und die Gefahr nahm zu, daß die russische Gegenrevolution — nachdem sie sich in der Entente getäuscht hatte — ein enges Bündnis mit Deutschland eingehe. Derartigen Andeutungen gelangten in wachsender Anzahl zu der englischen Regierung, noch dazu aus maßgebender Quelle.³⁰ Das vom 9. Oktober datierte Memo-

²³ Der Waffenstillstand 1918—1919, S. 21. »Man verbot zwar die deutscherseits immer wieder beantragte, dringend nötige Ostseeschiffahrt — nur die in Finnland befindlichen deutschen Truppen ließ man unbehelligt sich einschiffen —, man erschwerte mit allerlei kleinlichen Mitteln Deutschlands Stellung gegenüber den halb bolschewistischen Randvölkern, aber man ließ Deutschland hier doch im großen ganzen zunächst frei walten.«

Herbert von Dirksen: Moskau-Tokio-London, 20 Jahre deutscher Außenpolitik. S. 31—32 (Stuttgart 1950).

Franz von Papen: Memoirs. S. 101—102 (London 1952).

²⁴ Br. F. P. Erste Serie. Bd. III. S. 1—308. — Siehe die auf diesen Zeitabschnitt bezüglichen Dokumente.

²⁵ Ebenda S. 619—620.

²⁶ Der Friedensvertrag von Versailles, S. 220.

Alfred Bilmanis: The Legend of the Baltic Barrier States. Journal of Central European Affairs. Juli 1946. S. 136. — Das Telegramm des Außenministeriums der Vereinigten Staaten vom 23. August 1919 stellt dezidiert fest, daß der Friedensvertrag von Versailles die Baltischen Staaten nicht anerkannt hatte.

H. M. W. Temperley: A History of the Peace Conference of Paris. Bd. VI, S. 284—310 (London, 1924).

²⁷ Br. F. P. Erste Serie. Bd. III, S. 316—364.

²⁸ Wipert von Blücher: a. a. O. S. 79—86.

Br. F. P. Erste Serie. Bd. VI, S. 428—429. — Meldung des Generals Malcolm an das englische Kriegsministerium (27. November 1919), in der er über das militärische Fiasko und die gänzliche Demoralisierung der im Baltikum befindlichen deutschen Kräfte berichtet.

²⁹ Br. F. P. Erste Serie. Bd. III, S. 619.

³⁰ Ebenda S. 123—124. — Der englische Außenminister Curzon informierte Eyre Crowe, daß Gutschkow aus dem Baltikum kommend bei ihm war und über die dortige Lage Mitteilung

randum des englischen Außenministeriums »Deutschland und die westrussische Regierung«³¹ befürchtet, daß Koltshak und Denikin sich mit den Deutschen vereinigen, als Folge dessen nicht nur Rußland, sondern auch die umgrenzenden Staaten unter deutschen Einfluß oder gar unter deutsche Herrschaft gelangen würden. Sehr weit reichende deutsche Pläne erwähnt Ward in seinem Bericht an Curzon am 11. November.³² Sich auf eine verlässliche Quelle berufend meldet er, die Deutschen beabsichtigten aus Ostpreußen, Lettland und Litauen unter dem Namen Ost-Deutschland ein neues Staatsgebilde zu errichten, welches vorübergehend nicht in den Kompetenzbereich der deutschen Regierung fiel, jedoch in das Deutsche Reich rückkehren würde, sobald sich die Lage in Lettland und Litauen konsolidiert und es gelingt, einen entscheidenden Einfluß in Rußland zu sichern. »Der neue Staat wird«, heißt es im Bericht, »der Truppenübungsplatz und die Kriegsmaterialfabrik jenes größeren Deutschlands werden, welches aus Ost-Deutschland, Deutschland und anderen (? einigen) vorübergehend ausgeschiedenen Staaten gebildet werden wird.«³³

Der Bericht Wards, doch auch andere Aufzeichnungen bezeugen, daß die auf die baltischen Staaten Bezug habenden Pläne Deutschlands in engem Zusammenhang mit bestimmten wirtschaftlichen Vorstellungen einzelner Gruppen der Schwerindustrie standen.³⁴ Das englische Außenministerium ließ im November 1919 zur Information der Kabinettsmitglieder ein zusammenfassendes Memorandum über die weitgehenden wirtschaftlichen, militärischen und politischen Pläne Deutschlands ausarbeiten.³⁵ Hinter den im Baltikum sich immer eigenmächtiger und herausfordernder benehmenden deutschen militärischen Gruppen und Personen stehen³⁶ — besagt der Bericht — einflußreiche und

machte. Nach Ansicht Gutschkows warten die Deutschen darauf, daß man englischerseits die russischen gegenrevolutionären Kräfte im Stich lassen werde und dann ergibt sich eine günstige Gelegenheit, ihr Hilfe anzubieten.

³¹ *Ebenda* S. 140—143.

³² *Ebenda* S. 219—222.

³³ *Ebenda* S. 221.

³⁴ *Ebenda* S. 221.

Ebenda S. 45. — W. H. Macduff, Mitglied der englischen Tallens-Mission berichtete am 5. August 1919, daß deutsche Handelsbeauftragte nach Riga gekommen sind, um einerseits die früheren Wirtschaftsbeziehungen zu erneuern, andererseits für das deutsche Kapital neue Investitions- und Verwertungsmöglichkeiten zu schaffen.

Ebenda S. 53. — General Malcolm erwähnte in seinem Informationsbericht vom 8. August 1919 die Vorstellungen führender Wirtschaftskreise. Er verwies darauf, daß man sehr große Hoffnungen in die Aktionen des deutschen Militärs in den baltischen Staaten setzt, denn im Falle dieselben erfolgreich enden, wird der Weg nach Rußland frei.

³⁵ *Ebenda* S. 225—229. — Der erste Teil der Denkschrift skizziert die ethnographische Zusammensetzung, die innere Lage der baltischen Staaten; der zweite Teil behandelt das Verhältnis zwischen den baltischen Staaten und Rußland; der dritte und vierte Teil befaßt sich mit den auf dem Gebiet der baltischen Staaten operierenden deutschen und gegenrevolutionären russischen Streitkräften, berichtet über ihre Tätigkeit sowie über die Verhandlungen die im Zusammenhang mit ihrer Zurückziehung geführt wurden; der fünfte und zugleich wichtigste Teil analysiert das deutsche Eindringen ins Baltikum und dessen Beweggründe.

³⁶ Cuno Horkenbach: Das Deutsche Reich von 1918 bis heute. S. 88 (Berlin 1930). — General Goltz zog sich zwar zurück und übergab am 12. Oktober das Kommando über die im Baltikum befindlichen deutschen Streitkräfte an General Eberhardt, dies hat jedoch an der tatsächlichen Lage nicht viel geändert.

gewichtige Fraktionen und Vertreter der deutschen Schwerindustrie, unter anderen auch Krupp. Diese Richtung des deutschen Großkapitals erwartete von dem Gebietsgewinn im Osten die Erneuerung seiner alten Kraft. Das Hauptziel ist: Rußland zu unterwerfen, seine landwirtschaftlichen und Bodenschätze sowie sein Menschenmaterial in den Dienst des geschwächten, aber sich auf eine Revanche vorbereitenden deutschen Imperialismus und Militarismus zu stellen.³⁷

*

Im imperialistischen Wettlauf um den Besitz des russischen Raumes war das Baltikum der eine, nicht aber der einzige Weg. Die strategische Bedeutung der baltischen Staaten wuchs nur unter gewissen geschichtlichen Verhältnissen an und kam an erste Stelle. Treffend verweist darauf der Bericht von O. N. Solbert, eines Mitgliedes der in den baltischen Staaten tätigen amerikanischen Mission. »Der logische Weg Deutschlands nach Rußland«, schreibt O. N. Solbert am 28. April 1919, »geht nach Schaffung des polnischen, tschechoslowakischen usw. Pufferstaates also über Lettland.«³⁸

Im Frühjahr 1919 sah sich Deutschland — im Gegensatz zu den baltischen Staaten³⁹ — vor einem *Fait accompli*. Im Februar 1919 hatten die siegreichen Großmächte Polen anerkannt⁴⁰ und das in Trier erneuerte Waffenstillstandsabkommen (16. Februar 1919) setzte nicht nur dem gegen Polen begonnenen deutschen Angriff ein Ende, sondern legte auch — vom Waffenstillstandsabkommen vom 11. November 1918 abweichend — die provisorische deutsch—polnische Grenze fest.⁴¹ Dies bedeutete aber keineswegs, daß deutscherseits die auf Polen bezüglichen Pläne aufgegeben würden. Die gegen Polen geführten Operationen wurden lediglich als suspendiert betrachtet und man wartete nur auf eine günstige Gelegenheit, um dieselben neu zu beginnen. Offensives Auftreten in den baltischen Staaten, defensives Verhalten in der Provinz Posen (zu gleicher Zeit Vorbereitungen zur Wiederaufnahme der Operationen), so charakterisierte General Groener am 24. April 1919 die Lage vor den Mitgliedern der Regierung.⁴² Angeeifert durch die in den baltischen Staaten — dank der Entente — erzielten Erfolge, meinte man deutscherseits im Frühjahr 1919, die Zeit sei gekommen, um für die Teilnahme an der antisowjetischen Intervention die Rechnung zu präsentieren. »Wir haben der Entente

³⁷ Br. F. P. Erste Serie. Bd. III, S. 227.

Ebenda S. 294—298. — In seinem Memorandum vom 31. Dezember 1919 resümierte Maude seine Beobachtungen in den letzten sechs Monaten. Sein Bericht bekräftigt die Informationen über die Verbindung einzelner Gruppen der deutschen Schwerindustrie mit der russischen Gegenrevolution.

³⁸ F. R.—P. P. C. — 1919. Bd. XII, S. 152—153.

³⁹ *Ebenda* Bd. IV, S. 687—693.

⁴⁰ *Ebenda* S. 61—62.

⁴¹ Urkunden zum Friedensvertrage von Versailles vom 28. Juni 1919. Bd. I, S. 97 (Berlin 1920).

⁴² Reginald H. Phelps: Die Außenpolitik der O. H. L. bis zum Friedensvertrag. Deutsche Rundschau. Nr. 8, S. 621 (August 1950).

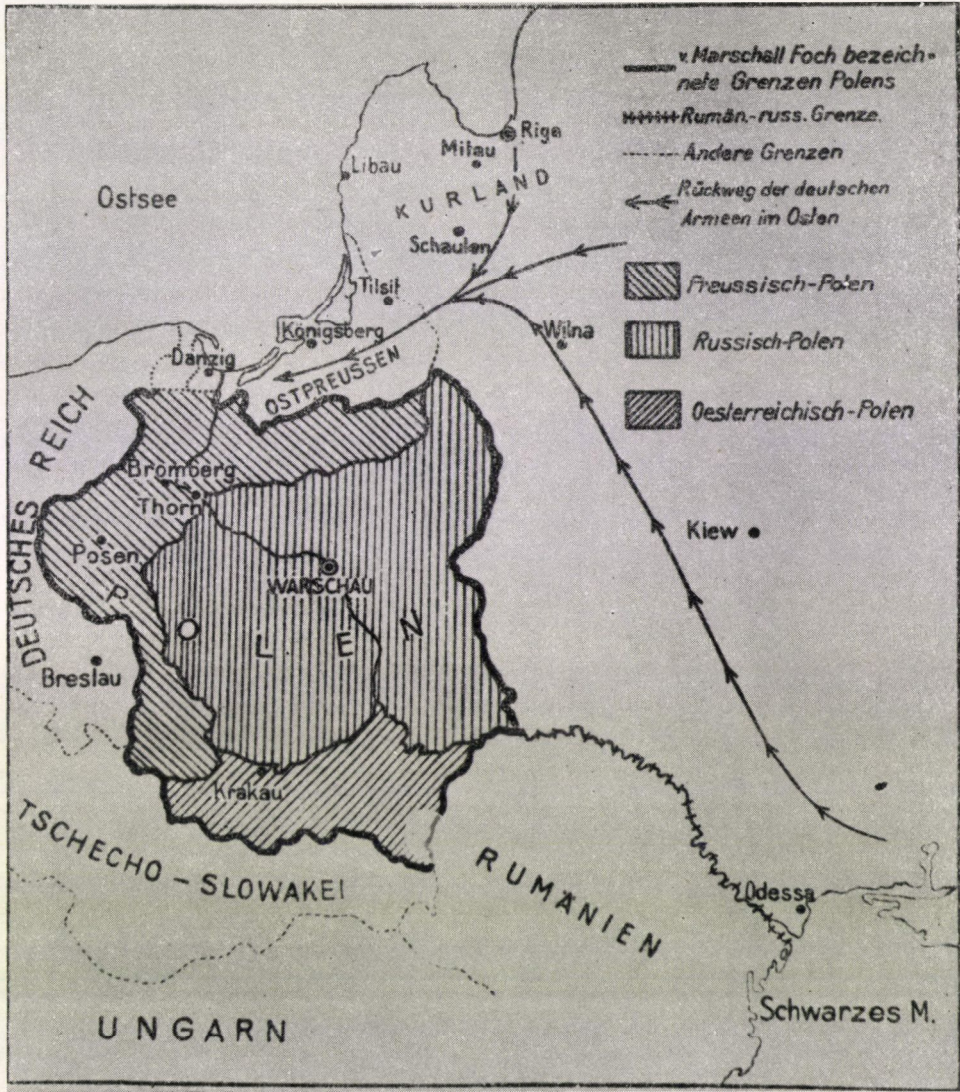

Abb. 1. Die provisorischen Grenzen Polens nach dem Ultimatum vom 20. Februar 1919 (J. Benoist-Méchin: Geschichte des deutschen Heeres seit dem Waffenstillstand. 1918—1938. Bd. 1. Berlin, 1939). — Die Abbildung will zwar den Rückweg der deutschen Truppen aus Sowjetrußland darstellen, sie zeigt aber anschaulich auch die andere Möglichkeit, die Inanspruchnahme Deutschlands im Baltikum.

immer wieder erklärt«, sagte Groener, »daß wir gegen Bolschewismus kämpfen werden . . . Jetzt können wir der Entente jederzeit sagen, wir haben den Wall gegen den Bolschewismus errichtet, wir fordern eine Gegenleistung, die ich in einer entsprechenden Regelung der polnischen Frage sehen würde.«⁴³

⁴³ Ebenda S. 622.

Die gegen die baltischen Staaten und gegen Polen gerichteten deutschen Aggressionen waren eng und organisch miteinander verbunden und bildeten nur einen Teil jenes größeren Planes, der sich gegen Sowjetrußland richtete. Den Sinn desselben setzte nicht nur General Goltz, Kommandant der deutschen Kräfte in den baltischen Staaten wiederholt auseinander, sondern auch General Hoffmann, dem man im Jahre 1919 ursprünglich die Führung der ganzen polnischen Front anvertrauen wollte.⁴⁴ Als ihn im September 1919 T. F. Breen im Hauptquartier aufsuchte,⁴⁵ beschuldigte General Hoffmann — ähnlich wie General Goltz — die seinerzeitige deutsche politische und militärische Führung, daß sie es nicht verstand, die durch die russische Revolution entstandene Lage in den Jahren 1917/18 auszunutzen. Wenn auch nachträglich, sah er seinen eigenen Standpunkt bestätigt, den er im Januar 1918 Ludendorff gegenüber auseinandergesetzt hatte als er betonte, die Wahrung der Positionen im Osten habe den Vorrang.⁴⁶ Was die Zukunft betrifft, hatte Breen den Eindruck, General Hoffmann sehe dieselbe nicht hoffnungslos, denn der Schlüssel zur Lösung liege — seiner Meinung nach — nicht in Versailles, sondern in Moskau.⁴⁷ Damit wollte er gewiß — gleichzeitig mit der Feststellung, Polen sei lebensunfähig⁴⁸ — durchblicken lassen, daß Deutschland in der gegebenen — relativ wieder günstigen — Lage alles daran setzen werde, um das in den Jahren 1917—1918 Versäumte nachzuholen.

Es lag nicht an Deutschland und auch nicht an den Entente-Mächten, daß dies nicht gelang. Die unüberbrückbaren Gegensätze der letzteren untereinander und mit Deutschland im Baltikum, die unüberwindliche Kraft der nationalen Unabhängigkeitsbewegungen der kleinen Völker und nicht in letzter Reihe das Fiasko der Intervention gegen Sowjetrußland, der Erfolg des heroischen Widerstandes des Sowjetvolkes⁴⁹ vereitelten den Plan der aggressivsten Kreise des deutschen Imperialismus und Militarismus, sich für die im Westen und in Übersee erlittenen Verluste auf Kosten der baltischen Staaten,

⁴⁴ Br. F. P. Erste Serie. Bd. VI, S. 229—230. — „The command of the entire front against Poland was originally intended to be entrusted to Hoffmann“, schrieb in seinem Bericht vom 11. September 1919 T. F. Breen, „but the Scheidemann Government feared to incur odium by such direct association with the man who popularly is regarded as responsible beyond all others for the Treaty of Brest-Litovsk. In the hope that the command of a mere sector would be unwelcome to him, the Vth Sector was offered him, and in order that he might remain in touch with the troops for party and sentimental reasons, he accepted and still holds the post. He makes no apology for the part which he played in Russia.“

⁴⁵ *Ebenda* S. 223—232. — General Malcolm schrieb in seinem Bericht vom 12. September 1919 an das englische Kriegsministerium über die Lage in Deutschland und legte die Aufzeichnungen T. F. Breens über seinen Besuch im Hauptquartier des Generals Hoffmann bei.

⁴⁶ *Ebenda* S. 231. — „He had maintained against Ludendorff in January, 1918, that peace in East, namely peace as he conceived it, meant victory, or at worst a *status quo*.“

⁴⁷ *Ebenda* S. 231.

⁴⁸ *Ebenda* S. 230.

⁴⁹ Fr. von Rabenau: Hans v. Seeckt. Aus seinem Leben 1918—1936. Bd. II, S. 208—209 (Berlin 1940). — „Die Wende des Oktober zum November 1919 brachte an allen Stellen Erfolge der Bolschewiken . . .“

Lenins Werke, Bd. 30.

Polens und Sowjetrußlands zu entschädigen. Der Sieg Sowjetrußlands über die Intervention ermöglichte und sicherte die Unabhängigkeit Estlands, Lettlands und Litauens, die Liquidierung der deutschen Herrschaft im Baltikum hinwieder erhöhte die Sicherheit Polens, förderte die Fundierung seiner staatlichen Selbständigkeit.⁵⁰

Die notgedrungene Herausziehung der deutschen Truppen aus der Ukraine, danach aus dem Baltikum⁵¹ bedeutete eine ernste Schlappe in bezug auf die Pläne in Osteuropa und es ist kein Zufall, daß man deutscherseits — noch hartnäckiger und ungezügelter — versuchte, die bisherigen Positionen zu halten und zu verbreitern — auf Kosten Polens, dessen Bestand und Lebensfähigkeit von den diversen imperialistischen militärischen und politischen Organisationen und Parteien gleichermaßen bezweifelt wurde.⁵² In der am 9. Ja-

⁵⁰ Procès des grands criminels de guerre devant le Tribunal Militaire International (Nürnberg 1949). Bd. XXXIV. S. 380—422. Document C. — 120. — Wenn man den besiegten, aber nicht vernichteten deutschen Imperialismus und Militarismus als Ganzes betrachtet und im System Hitlers nicht nur seine wirtschaftliche, gesellschaftliche und politische, sondern auch militärische Kulmination sieht, kann man ohne Gefahr einer geschichtlichen Parallele spätere Ereignisse zu Hilfe rufen, um in ihrem Licht frühere, in ihrer Form noch nicht entwickelte, aber Gleiches beinhaltende Phänomene zu beleuchten. Als im Frühjahr 1939 der Plan zum Angriff gegen Polen (Fall Weiß) ausgearbeitet wurde, wurde die Frage der Möglichkeit resp. Notwendigkeit der Besetzung eines Teiles des Baltikums aufgeworfen. „Die Haltung der Randstaaten wird allein von den militärischen Erfordernissen Deutschlands bestimmt werden. Im Zuge der weiteren Entwicklung kann es erforderlich werden, die Randstaaten bis zu der Grenze des alten Kurland zu besetzen und dem Reich einzugliedern“ (S. 389).

Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Bd. XXVI, S. 47—52 (Nürnberg 1947). — Document 446 — PS. — Nachdem Deutschland Polen unterworfen hatte, wurde das polnische Territorium, wie auch der Plan Barbarossa zeigt, der Ausgangspunkt des Angriffs auf die Baltischen Staaten resp. die Sowjetunion. „In dem durch die Pripetsümpfe in eine südliche und eine nördliche Hälfte getrennten Operationsraum ist der Schwerpunkt nördlich dieses Gebietes zu bilden. Hier sind 2 Heeresgruppen vorzusehen. Der südlichen dieser beiden Heeresgruppen — Mitte der Gesamtfront — fällt die Aufgabe zu, mit besonders starken Panzer- und mot. Verbänden aus dem Raum um und nördlich Warschau vordringend die feindlichen Kräfte in Weißrußland zu versprengen. Dadurch muß die Voraussetzung geschaffen werden für das Eindrehen von starken Teilen der schnellen Truppen nach Norden, um im Zusammenwirken mit der aus Ostpreußen in allgemeiner Richtung Leningrad operierenden nördlichen Heeresgruppe die im Baltikum kämpfenden feindlichen Kräfte zu vernichten. Erst nach Sicherstellung dieser vordringlichsten Aufgabe, welcher die Besetzung von Leningrad und Kronstadt folgen muß, sind die Angriffsoperationen zur Besitznahme des wichtigen Verkehrs- und Richtungszentrums Moskau fortzuführen“ (S. 49).

Bilanz des zweiten Weltkrieges. Erkenntnisse und Verpflichtungen für die Zukunft (Hamburg, 1953). — Eine Kritik des Barbarossa-Planes geben, mit besonderer Rücksicht auf die das Baltikum betreffenden Weisungen in ihren Studien Kurt von Tippelskirch: „Operative Führungsschlüsse in Höhepunkten des Landkrieges“ und Heinz Guderian: „Erfahrungen im Rußlandkrieg“. Guderian gelangt — im Gegensatz zu Tippelskirch — zu anderen Folgerungen; er betont die besondere Bedeutung des Baltikums vom Standpunkt eines erfolgreichen Angriffs auf die Sowjetunion. Guderian stellt fest: „Die Anlage des Feldzuges sah — im großen betrachtet — einen reinen Frontalangriff einer Minderheit an Zahl gegen eine beachtliche Überlegenheit vor. Eine derartige Strategie hat selten zum Erfolg geführt.“ — Dann setzt er folgendermaßen fort: „Die einzige Milderung dieser für die Kontinentalmacht Deutschland unvermeidlichen Ausgangslage hatte in der ursprünglich beabsichtigten Wegnahme Leningrads, der Herstellung der Verbindung mit den Finnen und einer Umfassung des russischen Nordflügels und damit der russischen Gesamtfront bestanden“ (S. 88).

⁵¹ J. Benoist-Méchin: Geschichte des deutschen Heeres seit dem Waffenstillstand. 1918 bis 1938. Bd. I, S. 172 (Berlin 1939).

⁵² H. M. V. Temperley: A History of the Peace Conference of Paris. Bd. II, S. 4—5 (London 1920). — Die auf Polen Bezug nehmenden Teile der Note der Deutschen Friedensdelega-

nuar 1920 abgehaltenen Sitzung des Obersten Rates legte General Weygand die Aufzeichnung des Marschalls Foch vor,⁵³ die sich auf die Meldung des Generals Rozwadowski, Führers der polnischen Militärkommission beruft und über die in West-Preußen durchgeführten großangelegten deutschen Truppenzusammenziehungen berichtet.⁵⁴ In Kenntnis der Vorbereitungen Polens zur antisowjetischen Intervention anfangs 1920, wurde in deutschen politischen Kreisen die Lage für günstig erachtet, die Operationen gegen Polen wieder aufzunehmen.⁵⁵ Es ist sicher, daß das revolutionäre Deutschland imstande gewesen wäre, im Bündnis mit Sowjetrußland das Versailler Friedenssystem zu sprengen und es endgültig unmöglich zu machen, daß einzelne unter den jungen Nationalstaaten von Ost- und Südosteuropa, in erster Reihe Polen, zu bereitwilligen Werkzeugen der westlichen imperialistischen Großmächte erniedrigt werde. Deutsche Regierungskreise betrachteten jedoch Sowjetrußland als ihren Hauptfeind; der im Frühjahr 1919 nach Polen entsandte Vertreter, Graf Obendorff bot die Teilnahme seines Landes an der neuerlichen antisowjetischen Intervention an.⁵⁶ Ihr rasches Fiasko war von entscheidender Bedeutung, daß die durch den Sieg der Sozialistischen Revolution und durch die Erfolge der nationalen Unabhängigkeitsbewegungen in Ost- und Südosteuropa entstandene Situation unverändert weiterbestand und jedweder Versuch, dieselbe mit Waffengewalt abzuändern, auf längere Zeit von der Tagesordnung verschwand.

*

tion vom 29. Mai 1919 erinnerten stark an die Feststellungen der deutschen reaktionären Geschichtsschreibung, die slawischen Völker seien unfähig, einen Staat zu bilden

Urkunden zum Friedensvertrage von Versailles vom 28. Juni 1919. Bd. I, S. 465—472; 507 (Berlin 1920).

Br. F. P. Erste Serie. Bd. VI. S. 230. — Aus der Meldung T. F. Breens vom 11. September 1919: „Hoffmann regards the creation of an independent Poland as purely temporary.“

Gustav Stresemann: Von der Revolution bis zum Frieden von Versailles. S. 197 (Berlin 1919). — In seiner Rede zum Jahrestage der deutschen Revolution des Jahres 1918 meinte Stresemann, „alles fließt, alles ist in Neubildung und Gärung begriffen“. Über Polen sprechend fragte er, ob es jemand gebe, der „Auskunft darüber zu geben vermag, ob das polnische Volk, das bisher staatenbildende Kraft nicht gezeigt hat, diesmal in der Lage sein wird einen polnischen Staat zu erhalten“.

⁵³ F. R.—P. P. C. — 1919. Bd. IX, S. 822.

⁵⁴ *Ebenda* S. 825—830.

Procès des grands criminels de guerre... B. XXX, S. 191 — Document P. S.—2327. — Es lohnt sich, bei dieser Gelegenheit auf die Bedeutung dieser Gebiete hinzuweisen im Spiegel des gegen Polen am 14. Juni 1939 fertiggestellten Angriffsplanes: „Der Kampf um Zeitgewinn schließt eine *angriffssweise* Eröffnung des Krieges durch Polen, mit dem Ziel, die ihm gefährlichsten Aufmarschräume des Gegners in *Ostprenßen* und *Oberschlesien—Westslowakei* einzunengen, nicht aus.“

⁵⁵ *Rabenau*: a. a. O. S. 213; 297.

⁵⁶ H. v. Dirksen: a. a. O. S. 36. — Dirksen charakterisiert die Tätigkeit Oberndorffs, des einstigen Mitgliedes der deutschen Waffenstillstandskommission in Compiègne folgendermaßen: „Auch auf einem so schwierigen und mit mehr als durchschnittlicher Deutscheindlichkeit geladenen Posten in Warschau glaubte der neue Gesandte, eine Grundlage für eine gemeinsame Aktion mit Polen und den anderen Großmächten gefunden zu haben. Aus politischer Überzeugung und ethisch-religiösem Gefühl heraus, von einem beinahe physischen Widerwillen gegen den Bolschewismus beseelt, hoffte er auf Entgegenkommen bei die Außenwelt zu stoßen, wenn er der polnischen Regierung und den Botschaften der Westmächte die Einziehung Deutschlands in die Front gegen den Bolschewismus anbot.“

Während im Falle der bewaffneten Interventionen gegen Sowjetrußland, in erster Reihe bei den Aktionen gegen die baltischen Staaten und gegen Polen,⁵⁷ in großem Maße die Berufung auf den Kampf gegen den Bolschewismus im Vordergrund stand, schien im Falle der Tschechoslowakei und hauptsächlich Österreichs der Appell auf das Prinzip der Selbstbestimmung als wirksamstes Mittel zur Verschleierung der Großmachtbestrebungen.

Im Falle der Tschechoslowakei mußte Deutschland mit einem *Fait accompli* rechnen.⁵⁸ In der Relation Deutschland—Tschechoslowakei verlief die Regelung der Grenzfragen relativ glatt und brachte — territorial — keine größeren Veränderungen. Im Sinne des Artikels 81⁵⁹ des Friedensvertrages anerkannte Deutschland die vollkommene Unabhängigkeit der Tschechoslowakei und so versprach das Verhältnis der beiden Staaten zueinander — formell — normal zu werden.⁶⁰

Die Erklärung für das — relativ — friedlicher und duldsamer scheinende Verhalten der Tschechoslowakei gegenüber⁶¹ ist darin zu suchen, daß in dieser Relation eine entschiedene Arbeitsteilung zwischen Deutschland und Österreich zustande kam. Nachdem der zweite Artikel des »Gesetz[es] vom 12. November 1918 über die Staats- und Regierungsform von Deutschösterreich« festlegte: »Deutschösterreich ist ein Bestandteil der Deutschen Republik«,⁶² wurde der österreichisch—tschechoslowakische territoriale Streit zum organischen Teil der gegen Osten gerichteten Kompensationsbestrebungen Deutschlands.⁶³ Zugleich mit der Erklärung der Vereinigung mit Deutschland teilte

⁵⁷ F. R.—P. P. C. — 1919. Bd. IV, S. 28—43. — Erzberger, der Leiter der deutschen Waffenstillstandsdelegation wünscht in seinem an die Interalliierte Waffenstillstandskommission gerichteten Memorandum (14. Februar 1919) — unter anderem — zu beweisen, daß Deutschland eine verlässlichere Bastion gegen den Bolschewismus sei als Polen.

Br. F. P. Erste Serie. Bd. III, S. 605. — Von seiten Polens wiederum wird immer von neuem betont, Polen könne den Posten des gegenrevolutionären Gendarmen in Osteuropa vom Gesichtspunkt der westliche Großmächte mit viel weniger Risiko einnehmen als Deutschland.

⁵⁸ Charles Seymour: *Czechoslovak Frontiers*. The Yale Review. Dezember 1938. Nr. 2, S. 274.

F. J. Vondracek: *The foreign policy of Czechoslovakia 1918—1938*. S. 13—59 (New York 1947).

⁵⁹ Der Friedensvertrag von Versailles, S. 48.

⁶⁰ F. J. Vondracek, a. a. O. S. 98—99. — Der Verfasser läßt außer acht, daß die bezüglich der Tschechoslowakei gestellten deutschen Ansprüche nicht direkt, sondern indirekt, auf dem Wege der österreichischen territorialen Ansprüche geltend gemacht wurden.

⁶¹ F. R.—P. P. C. — 1919. Bd. IV, S. 317—320 ; 327—330. — Am 11. März 1919 befaßte sich die Friedenskonferenz mit dem Schreiben Außenminister Beneš', in dem er über die gegen die Tschechoslowakei gerichtete deutsche Wühlarbeit Beschwerde führt.

⁶² Staatsgesetzblatt für den Staat Deutschösterreich. Jahrgang 1918. 1. Stück.

Hans Kelsen: *Die Verfassungsgesetze der Republik Deutschösterreich*. Teil I, S. 29 (Wien 1919).

⁶³ H. W. V. Temperley: a. a. O. Bd. II, S. 117—118.

Stresemann: *Reden und Schriften* Bd. I, S. 237 (Dresden 1926). — In seiner im Dezember 1918 gehaltenen Rede sah er in der Vereinigung Österreichs mit Deutschland eine teilweise, doch sehr wertvolle Entschädigung für die in anderer Richtung erlittenen Verluste.

Anneliese Thimme: a. a. O. — Auf Grund reichlichen und neuen Quellenmaterials gibt die Verfasserin ein vielseitiges Bild Stresemanns, eines der charakteristischsten Persönlichkeiten des deutschen politischen Lebens. Stresemann, der bis zum letzten Abschnitt des ersten Welt-

in der am 12. November abgehaltenen Sitzung der provisorischen Nationalversammlung Kanzler Renner mit, welche Länder und Provinzen ihren Beitritt zum neuen Staate angemeldet haben. »Es haben nun nacheinander die Länder Niederösterreich, Oberösterreich, Salzburg, Steiermark, Kärnten, Tirol und Vorarlberg ihren Beitritt vollzogen, sich den Beschlüssen der provisorischen Nationalversammlung unterworfen und erklärt, daß sie den Behörden und den behördlichen Verfügungen des Staates Deutschösterreich sich unterwerfen«, erklärte Renner und wandte sich dann dem Schicksal jener Territorien zu, die der Tschechoslowakei gegenüber strittig sind. »Es hat aber auch die Konstituierung der Provinz Deutschböhmen, die Konstituierung der Provinz Sudetenland bereits stattgefunden. Diese Länder bzw. Provinzen haben ihre konstituierenden Urkunden an die provisorische Nationalversammlung geleitet. Außerdem hat der Kreis Südmähren mit dem Hauptorte Znaim sich selbständig konstituiert und hat aus eigener Machtvollkommenheit beschlossen, dem Lande Niederösterreich beizutreten. Ebenso hat der Böhmerwaldgau sich konstituiert und den Beschluß gefaßt, sich dem Lande Oberösterreich anzuschließen. Auf Grund dieser Erklärungen hat die Staatsregierung alle diejenigen gesetzlichen Maßregeln vorbereitet und zum Teil schon in Durchführung genommen, welche die Eingliederung der Länder in das deutsch-österreichische Staatsgebiet und übrigens auch den Anschluß des deutschen Südmährens und des Böhmerwaldgaves an die Länder Niederösterreich bzw. Oberösterreich verwirklichen sollen. Es würde sich also heute darum handeln«, resümierte der Kanzler, »daß die provisorische Nationalversammlung diese Anschlußerklärungen zur Kenntnis nimmt und durch diese Kenntnisnahme sich entschließt, bei der Ordnung der Verwaltung den Wünschen dieser Länder Rechnung zu tragen.«⁶⁴

Nach dieser Deklaration Renners erbrachte die Nationalversammlung einen Beschluß, in welchem sie erklärt: (die provisorische Nationalversammlung) »nimmt die feierlichen Beitrittserklärungen der Länder, Kreise und Gaue des Staatsgebietes zur Kenntnis und stellt diese Gebiete des Staates unter den Schutz der ganzen Nation.«⁶⁵

Die Ansprüche des auf den Ruinen der ehemaligen Österreichisch-Ungarischen Monarchie entstandenen neuen deutschen Staates waren mit Obigem — obzwar auch diese genug weitgehend waren, speziell was das Territorium der

krieges die Totalität der deutschen Kriegsziele, die Einheit und Untrennbarkeit der sich nach Ost und West, auf den Kontinent und Übersee gleichermaßen und gleichzeitig erstreckenden Gebietseroberungen verkündete, zeigte sich im Herbst 1918, an der Schwelle der offensichtlichen militärischen Niederlage, dann in den Monaten nach Unterzeichnung des Waffenstillstandes geneigt, im Westen Zugeständnisse zu machen, damit der deutsche Imperialismus im Osten freie Hand erhalte.

⁶⁴ Kurt Trampler: Deutschösterreich 1918/19. S. 79. (Berlin 1935). — S.: Stenographisches Protokoll der 3. Sitzung der provisorischen Nationalversammlung für Deutschösterreich am 12. November 1918.

⁶⁵ *Ebenda* S. 79—80. — S.: Gesetz Nr. 23, Staatsgesetzblatt für den Staat Deutschösterreich. Jahrgang 1918. 5. Stück.

Tschechoslowakei betrifft — noch nicht zu Ende. Der Antrag, den der Staatsrat unter dem Titel »Staatserklärung über Umfang, Grenzen und Beziehungen des Staatsgebietes von Deutschösterreich. Mit drei Anhängen und einer Begründung«⁶⁶ der Nationalversammlung vorlegte, wollte — mit den Begriffen Rechtsbereich, zwischenstaatliches Verwaltungsgebiet, nationales Interessenbereich, weiterhin wirtschaftliches und kulturelles Interessenbereich operierend — die Souveränität Deutschösterreichs neben dem hauptsächlich von Österreichern bewohnten und im eigentlichen Sinne genommenen Staatsgebietes ganz oder teilweise auch auf weitere, sehr beträchtliche Territorien der ehemaligen Österreichisch—Ungarischen Monarchie ausbreiten. Die Nationalversammlung umriß auf Grund des »Gesetz[es] vom 22. November 1918 über Umfang, Grenzen und Beziehungen des Staatsgebietes von Deutschösterreich« im Geiste des Antrages das Gebiet Deutschösterreich;⁶⁷ die gleichzeitig damit erschiene »Staatserklärung vom 22. November 1918 über Umfang, Grenzen und Beziehungen des Staatsgebietes von Deutsch-Österreich« detaillierte, was unter den Begriffen Rechtsbereich, zwischenstaatliches Verwaltungsgebiet, nationaler Interessenbereich, wirtschaftlicher und kultureller Interessenbereich zu verstehen sei.⁶⁸

⁶⁶ *Ebenda* S. 80—89. — S.: Protokoll der provisorischen Nationalversammlung für Deutschösterreich. Beilagen-Band 1918.

⁶⁷ Hans Kelsen : Die Verfassungsgesetze der Republik Deutschösterreich Teil I, S. 62—63 (Wien 1919). — S.: Gesetz No. 40, Staatsgesetzblatt für den Staat Deutschösterreich, Jahrgang 1918. 9. Stück. — »Die Republik Deutschösterreich übt die Gebietshoheit über das geschlossene Siedlungsgebiet der Deutschen innerhalb der bisher im Reichsrate vertretenen Königreiche und Länder aus.

Die Republik umfaßt :

Die Länder Österreich unter der Enns einschließlich des Kreises Deutsch-Südmähren und des deutschen Gebietes unter Neubistritz, Österreich ob der Enns einschließlich des Kreises Deutsch-Südböhmen, Salzburg, Steiermark und Kärnten mit Ausschluß der geschlossenen jugoslawischen Siedlungsgebiete, die Grafschaft Tirol mit Ausschluß des geschlossenen italienischen Siedlungsgebietes, Vorarlberg, Deutschböhmen und Sudetenland, sowie die deutschen Siedlungsgebiete von Brünn, Iglau und Olmütz« (S. 62).

⁶⁸ *Ebenda*, S. 64—67. — S.: Gesetz Nr. 41, Staatsgesetzblatt für den Staat Deutschösterreich, Jahrgang 1918. 9. Stück.

»Die in den Siedlungsgebieten anderer Nationen eingeschlossenen, allein oder überwiegend von Deutschen bewohnten oder verwalteten Sprachinseln, Städte, Gemeinden und Ortschaften der im Reichsrate vertretenen Königreiche und Länder bleiben zur verfassungs- und völkerrechtlichen Sicherstellung ihrer politischen und nationalen Rechte unter der Hoheit der Republik Deutschösterreich als ihr *Rechtsbereich*« (S. 64).

»Das Industriegebiet im äußersten Norden Ostmährens und Ostschlesiens, einschließlich der Sprachinsel Bielitz-Biela, bilden mit ihrem Bergbau und ihrer Industrie ein einheitliches Wirtschaftsgebiet, auf das die Staaten Deutschösterreich, der tschechoslowakische Staat und der polnische Staat gleichermaßen Anspruch haben, zumal auch seine Eisenbahnen und Wasserstraßen für jeden von ihnen die größte Bedeutung haben. Schon hierdurch ist der zwischenstaatliche Charakter dieses Gebietes festgestellt. Deshalb ist dieses einheitliche Wirtschaftsgebiet als *zwischenstaatliches Verwaltungsgebiet der drei Staaten* mit einer von ihnen zu vereinbarenden zwischenstaatlichen Verwaltung völkerrechtlich zu gestalten; diese Forderung vertritt der Staat Deutschösterreich schon jetzt und für den Friedensschluß« (S. 65).

»Die in den Ländern der ungarischen Krone gelegenen deutschen Sprachinseln sowie in Siedlungsgebiete eingestreute Städte und Gemeinden samt ihren deutschen Bewohnern, aber auch alle deutschen Minderheiten in den auf den Gebieten Österreich-Ungarns neugegründeten Nationalstaaten überhaupt gehören Kraft der unzerstörbaren Volksgemeinschaft und Kraft ihrer bisherigen mehrhundertjährigen Reichsgemeinschaft *zum nationalen Interessen-*

Zur praktischen Geltendmachung der territorialen Ansprüche — die keineswegs bescheiden genannt werden können — erschien anfangs Januar die »Vollzugsanweisung des deutschösterreichischen Staatsrates vom 3. Jänner 1919 über die das deutschösterreichische Staatsgebiet bildenden Gebietsbezirke, Gemeinden und Ortschaften«,⁶⁹ welche — unter anderem — die Tschechoslowakei vor ein *Fait accompli* stellen wollte. Die Beschlüsse der österreichischen Nationalversammlung hätten den jungen tschechoslowakischen Staat — sowohl von wirtschaftlichem als aus strategischem Standpunkt — in eine unhaltbare Lage gebracht, die mechanische Geltendmachung der ethnographischen Prinzipien hätte die Tschechoslowakei — durch den Anschluß Österreichs an Deutschland — zu einem Anhängsel Großdeutschlands gemacht. Zu Beginn des Jahres 1919 war der Zusammenschluß Deutschlands und Österreichs schon in vorgeschrittenem Stadium, denn es spinneten sich immer engere Fäden zwischen den zwei Staaten. Die österreichische verfassunggebende Nationalversammlung, welche nach den Wahlen am 4. März 1919 an Stelle der provisorischen Nationalversammlung trat, bestätigte den Beschluß ihres Rechtsvorgängers über die Vereinigung und bekräftigte denselben von neuem in dem Gesetz vom 12. März 1919⁷⁰. Inzwischen wurden in Deutschland — unter Teilnahme der Vertreter Österreichs — die Verhandlungen, welche berufen waren, den Anschluß unter Dach und Fach zu bringen,⁷¹ intensiv fortgesetzt. Grund zu dieser Eile war — unter anderem —, daß man die Friedenskonferenz in der Frage des österreichisch—deutschen Zusammenschlusses vor fertige Tatsachen stellen wollte. In der Antwort, die auf die Friedensbedingungen am 29. Mai 1919 gegeben wurde, wird festgestellt, Deutschland habe nicht die Absicht gehabt und habe sie auch jetzt nicht, die deutsch—österreichische Grenze gewaltsam zu ändern, wenn sich aber das Volk Österreichs dennoch für den Zusammenschluß erklären würde, werde man sich deutscherseits dem nicht entgegenstellen. Die deutsche Antwort ließ daher — auf das Selbstbestimmungsrecht verweisend — die Frage des Anschlusses offen, und zwar absichtlich. Die Antwort der Friedenskonferenz vom 16. Juni 1919 begnügte sich in dem auf Österreich bezughabenden Teil⁷² im wesentlichen damit, daß sie die Erklärung Deutschlands zur Kenntnis nahm, es werde keine gewaltsamen Mittel

bereich des Staates Deutsch-Österreich. Er wird sich bemühen, ihren Bestand, ihre Zukunft und ihre nationalen Beziehungen zu Deutsch-Österreich völkerrechtlich zu sichern« (S. 66).

»Kraft der seit undenklicher Zeit bestehenden Verkehrs- und Handelsbeziehungen, die das Land über den Karst und die Alpenpässe mit der Adria und die Donau abwärts mit dem Balkan und dem nahen Orient verknüpfen, die aber zurzeit bedroht sind, erklärt der Staat Deutschösterreich die volle Freiheit der Handels- und Verkehrswege, die diesen Beziehungen dienen, für eine seiner Lebensnotwendigkeiten und erwartet, daß der Friedensschluß diesen *wirtschaftlichen und kulturellen Interessenbereich* Deutschösterreichs anerkennt« (S. 66).

⁶⁹ Kurt Trampler : a. a. O. S. 92—99. — S. Gesetz Nr. 4. Staatsgesetzblatt für den Staat Deutschösterreich. Jahrgang 1919. 5. Jänner. 3. Stück.

⁷⁰ Hans Kelsen : a. a. O. Teil III, S. 115.

⁷¹ Rudolf Laun : Deutschösterreich im Friedensvertrag von Versailles (Artikel 80 des Friedensvertrages) — S. 14—16 (Berlin 1921).

⁷² F. R.—P. P. C. — 1919. Bd. VI, S. 945.

in Anspruch nehmen, um die bestehende Lage zu ändern. Die Antwort war allgemein gehalten und konnte auf vielerlei Art ausgelegt werden, im Hintergrund waren die zutage tretenden Meinungsverschiedenheiten und Gegensätze der siegreichen Großmächte spürbar.⁷³ Die auf Österreich bezüglichen Bestimmungen des Friedensvertrages von Versailles (Artikel 80)⁷⁴ haben ebendeshalb auch im weiteren die Frage offen gelassen, was in dem Falle zu geschehen habe, wenn sich — die Antwortnote vom 29. Mai verweist auch darauf als auf eine Möglichkeit — seitens Österreichs der Wunsch zur Vereinigung mit Deutschland kundgibt. Artikel 80 des Friedensvertrages von Versailles bedeutete nur in Richtung Deutschland eine gewisse Schranke, enthielt aber keinerlei Sicherungen für den Fall, daß der Anschluß auf österreichische Initiative zustande kommt.

Wenn im Herbst 1919 die Friedenskonferenz — in erster Reihe auf die Initiative Frankreichs, doch mit Unterstützung Englands⁷⁵ einen entschiedeneren Standpunkt einnahm, so ist der Grund hierfür in einem neuerlichen provokativen Schritt Deutschlands zu suchen. Artikel 61 der von der deutschen Nationalversammlung am 31. Juli 1919 angenommenen und am 11. August verkündeten Verfassung sicherte in seinem zweiten Absatz — den Anschluß vorausgesetzt — Österreich Vertretung im Reichsrat;⁷⁶ dies rief in den Kreisen der Friedenskonferenz, hauptsächlich bei den französischen Mitgliedern, große Bestürzung hervor. Auf der Sitzung des Obersten Rates vom 25. August 1919 lenkte Tardieu die Aufmerksamkeit der Konferenz auf die Gefahr, welche, seiner Ansicht nach, die Eigenstellung Österreichs bedrohe.⁷⁷ Der Versuch Deutschlands, in Richtung Österreich Raum zu gewinnen, konnte nur so abgewendet werden, wenn es gelingt — auch diesmal —, einesteils das gemeinsame Auftreten der siegreichen Großmächte zu sichern oder zumindest zu demonstrieren, andernteils in den zur Unterschrift bereit stehenden österreichischen Friedensvertrag — nachträglich — einen Punkt einzugliedern, welcher die sich aus der verschiedenen Auslegung des Artikels 80 des Friedensvertrages von Versailles ergebenden Ausflüchte unmöglich macht. Dies geschah auch auf der am 30. August abgehaltenen Konferenz des Obersten Rates, als der

⁷³ E. M. House and Ch. Seymour: *What really happened at Paris. The story of the Peace Conference 1918—1919 by American Delegates.* S. 108—109 (New York 1921).

Robert Lansing: *The Peace Negotiations. A Personal Narrative.* S. 88 (London 1921).

⁷⁴ F. R.—P. P. C. — 1919. Bd. XIII, S. 198.

Rudolf Laun, a. a. O. S. 27.

Fritz Berber: *Das Diktat von Versailles* Bd. 19, S. 539 (Berlin). — Alle drei Werke behandeln auch die Vorgeschichte des Artikels 80 und die mit demselben in Zusammenhang stehenden weiteren Entwicklungen.

Nina Almand and Ralph Haswell Lutz: *The Treaty of St. Germain. A Documentary History of its Territorial and Political Clauses* (London 1935). —

⁷⁵ F. R.—P. P. C. — 1919. Bd. VIII, S. 172—175.

⁷⁶ Die Verfassung des Deutschen Reichs vom 11. August 1919 nebst Ergänzungsgesetzen. S. 77 (Leipzig 1929). »Deutschösterreich erhält nach seinem Anschluß an das Deutsche Reich das Recht der Teilnahme am Reichsrat mit der seiner Bevölkerung entsprechenden Stimmenzahl. Bis dahin haben die Vertreter Deutschösterreichs beratende Stimmen.«

⁷⁷ F. R.—P. P. C. — 1919. Bd. VII, S. 844—845.

österreichische Friedensvertrag mit einer Bestimmung ergänzt wurde, welche die Selbständigkeit Österreichs wirksamer als bisher zu sichern wünschte.⁷⁸ Am 2. September wurde den Vertretern Österreichs der endgültige Text des Friedensvertrages überreicht, dessen Artikel 88 schon in entschiedenerer Form die Möglichkeit des Anschlusses zu vereiteln suchte. Gleichzeitig damit richtete der Oberste Rat an Deutschland eine Note, in der er forderte, daß der auf Österreich bezügliche Abschnitt der deutschen Verfassung innerhalb einer gestellten Frist annulliert werde.⁷⁹

Nach kurzem Feilschen, wobei seitens der Entente-Mächte — für den Fall, daß ihre Forderungen abgelehnt würden — die Erweiterung der Besatzungszone auf dem rechten Rheinufer in Aussicht gestellt wurde, erklärte man sich am 22. September deutscherseits bereit, die Erklärung zu unterfertigen, in der sie sich verpflichteten, den inkriminierten Artikel der Verfassung zu streichen.⁸⁰ Vorhergehend, am 10. September, wurde österreichischerseits der Friedensvertrag unterzeichnet und dementsprechend — am 21. Oktober 1919 — jene Bestimmungen der Gesetze vom 12. November 1918 resp. vom 12. März 1919 außer Kraft gesetzt, welche die Vereinigung mit Deutschland erklärten.⁸¹

Die Unterzeichnung des österreichischen Friedensvertrages (10. September 1919), die Außerkraftsetzung und Annullierung des auf Österreich bezüglichen Abschnitts der Weimarer Verfassung (22. September 1919), das von der österreichischen Nationalversammlung angenommene Gesetz über die Staatsform (21. Oktober 1919), das besagte: »Deutschösterreich in seiner durch den Staatsvertrag von St. Germain bestimmten Abgrenzung ist eine demokratische Republik unter dem Namen 'Republik Österreich'« und »in Durchführung des Staatsvertrags von St. Germain wird die bisherige gesetzliche Bestimmung: 'Deutschösterreich ist ein Bestandteil des Deutschen Reiches' (Artikel 2 des Gesetzes vom 12. November 1918, St. G. Bl. Nr. 5) über die Staats- und Regierungsform von Deutschösterreich, und Abs. 2 des Artikels 1 des Gesetzes vom 12. März 1919, St. G. Bl. Nr. 174 über die Staatsform außer Kraft gesetzt«,⁸² bezeugen, daß Deutschland der Durchbruch in Richtung Österreich — einstweilen — nicht gelang. Die Erklärung hierfür ist darin zu suchen, daß zu jener Zeit die Koalition der siegreichen Großmächte resp. die durch Lloyd George, Clémenceau und Wilson repräsentierten Richtungen des englischen, französischen und amerikanischen Imperialismus — wenn auch mit Ach und Krach — noch bestand. Diese Koalition beruhte — unter anderem — auf der Überlegung, daß die Vereinigten Staaten, Großbritannien und Frankreich auf sich selbst gestellt nicht imstande sind, den deutschen imperiali-

⁷⁸ F. R.—P. P. C. — 1919. Bd. VIII, S. 26.

⁷⁹ *Ebenda* S. 55; 62—63.

⁸⁰ Urkunden . . . Bd. II S., 813—815.

⁸¹ Fritz Berber: a. a. O. Bd. I, S. 540—541.

⁸² Kurt Trampler: a. a. O. S. 229. — S.: Gesetz Nr. 484. Staatsgesetzblatt für den Staat Deutschösterreich. Jahrgang 1919. 174. Stück.

stischen Konkurrenten zu bezwingen und dauernd zu fesseln. Nicht zuletzt waren es die Lehren des Krieges, die bei Wilson, Clémenceau und Lloyd George den Entschluß reifen ließen, auch bei der Verteilung der Beute jeden Schritt zu vermeiden, der zum endgültigen Bruch und, was damit gleichbedeutend ist, zur gänzlichen Isolierung der betreffenden Großmächte führen könnte.⁸³

Die Gestaltung der internationalen Lage im letzten Viertel des Jahres 1919, besonders durch den Ausgang der Debatte über die Ratifizierung des Friedensvertrages von Versailles im amerikanischen Senat und das daraus sich ergebende Verhalten der Vereinigten Staaten, schuf neue und günstige Gelegenheit für die deutschen Machinationen. Unmittelbar vor Inkrafttreten des Friedensvertrages von Versailles meldeten sich mit erneuter Kraft die auf den Anschluß abzielenden deutschen Versuche.⁸⁴ Der Oberste Rat befaßte sich auch in seiner am 15. Dezember 1919 abgehaltenen Sitzung mit zwei Aufzeichnungen der französischen Delegation, welche die Aufmerksamkeit auf Erscheinungen lenkten, die die Eigenstellung Österreichs bedrohten. Auf Grund dieser Berichte faßte der Oberste Rat einen Beschluß, der — im wesentlichen — eine präzisere, Irrtümer und Mißdeutungen auszuschließen trachtende Umschreibung des Artikels 88 des österreichischen Friedensvertrages ist.⁸⁵ Die Entscheidung des Obersten Rates bezieht sich zwar direkt auf den Artikel 88 des österreichischen Friedensvertrages, bedeutet jedoch — indirekt — auch die Interpretation des Artikels 80 des deutschen Friedensvertrages.⁸⁶ Die siegreichen Großmächte wollten Deutschland zur Kenntnis bringen, daß sie sich jedem Schritt widersetzen werden, der — direkt oder indirekt — die politische oder wirtschaftliche Unabhängigkeit Österreichs gefährden würde. Diesmal begnügte man sich nicht wie bisher mit allgemeinen Wendungen, sondern man suchte — da mit der Möglichkeit der wirtschaftlichen Annäherung und Zusammenarbeit zwischen Österreich und Deutschland gerechnet werden mußte — ein Gegenmittel gegen die verschleierteren Methoden der Vorbereitung des Anschlusses.

Mit der Ausgestaltung und dem Ausgang des um Österreich resp. den Anschluß geführten diplomatischen Kampfes hing — offensichtlich — auch die Gestaltung des Schicksals der Tschechoslowakei zusammen.⁸⁷ Wenn die

⁸³ Von französischem Gesichtspunkt ist in dieser Beziehung die Rede Tardieus sehr aufschlußreich, die er in der französischen Nationalversammlung am 2. September 1919 hielt S. : Documents diplomatiques relatifs aux négociations concernant les garanties de sécurité contre une agression de l'Allemagne (10 Janvier 1919 — 7 Décembre 1923). Ministère des Affaires Etrangères, 1924. S. 61—89. Reiches und interessantes Material enthalten folgende Memoirenwerke : André Tardieu, La paix (Paris 1921) und George Clémenceau, Grandeurs et misères d'une victoire (Paris 1930).

⁸⁴ F. R.—P. P. C. — 1919. Bd. XII, S. 604—606. — S. die Meldung A. Halsteads vom 12. Dezember 1919.

⁸⁵ F. R.—P. P. C. — 1919. Bd. IX, S. 561—562 ; 571—574.

⁸⁶ W. E. Stephens : Revisions of the Treaty of Versailles. S. 106—107 (Newyork 1939).

⁸⁷ Es ist wohl berechtigt, auch bei dieser Gelegenheit auf die Vorgeschichte des zweiten Weltkrieges zu verweisen. Die Einverleibung Österreichs im März 1938 war nur das Vorspiel zur Aggression gegen die Tschechoslowakei und Polen.

Trial of the Major War Criminals... Bd. XXVI, S. 429—522. — Document 998 P. S. — Official Czechoslovak Report on German Crimes against Czechoslovakia (Exhibit USA

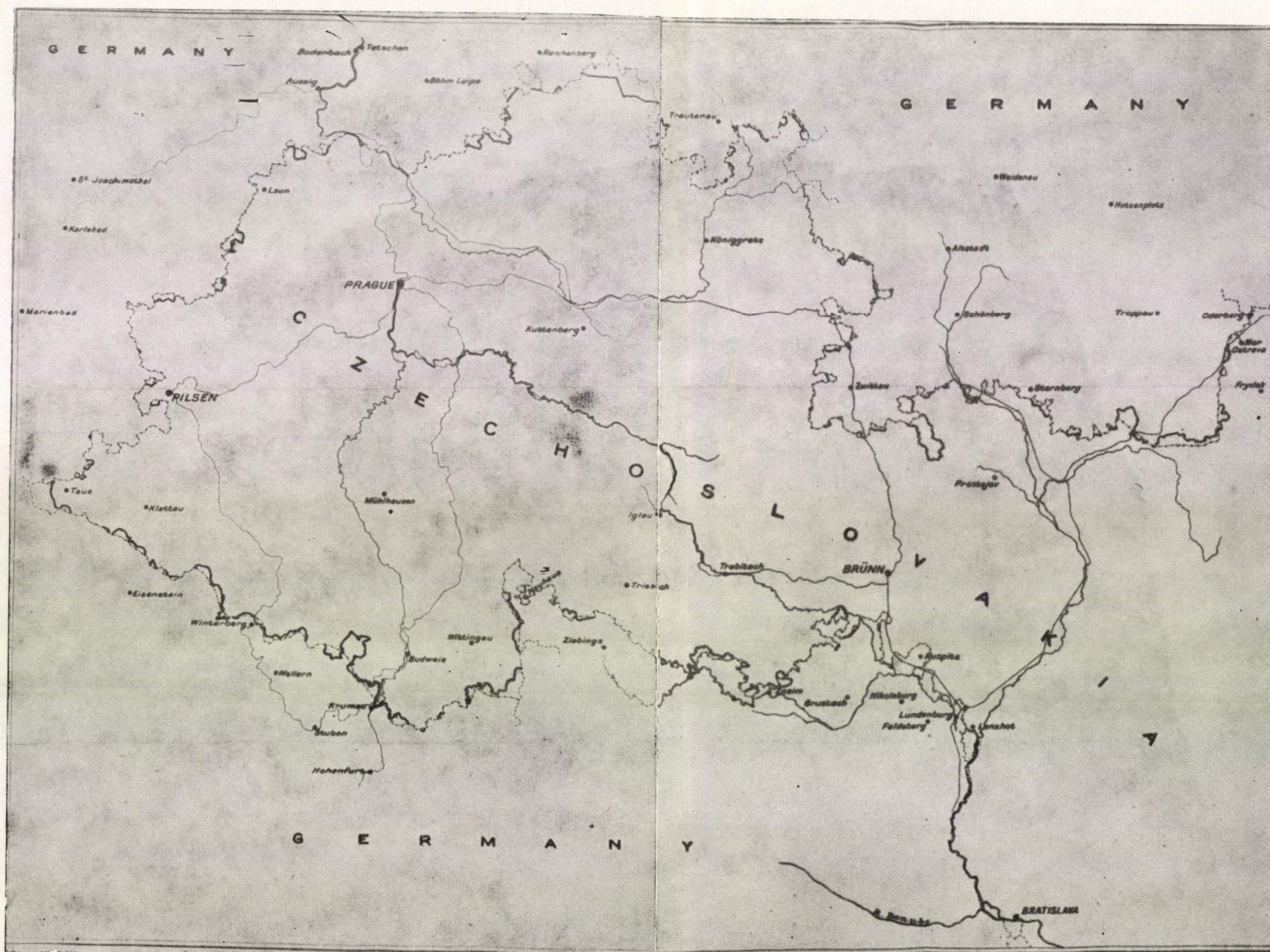

Abb. 2. Die deutsch-tschechoslowakische Grenze nach dem Münchener Abkommen (Br. F. P. Dritte Serie, Bd. III. Kartenbeilage) — Obige Skizze wurde auf Grund der Kartenbeilage des Protokolls vom 20. November 1938 angefertigt.

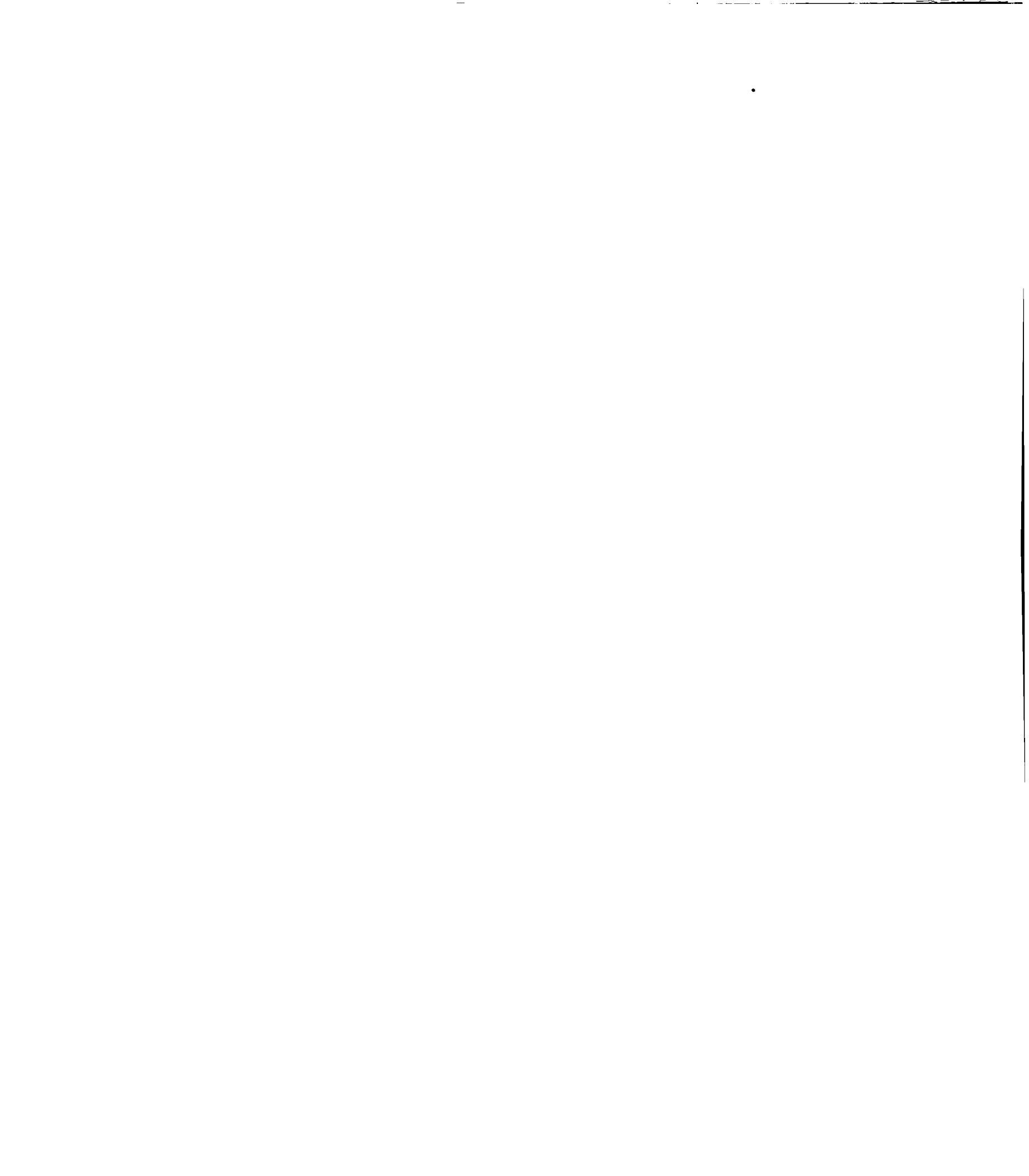

Abb. 3. Die Grenzen Österreichs im Sinne des Gesetzes vom 22. November 1918 (Kurt Trampler Deutschösterreich 1918/19. — Ein Kampf um Selbstbestimmung [Anhang])

Abb. 4. Das Gebiet Österreichs im Sinne der ursprünglichen Staatserklärung (Herbert Kriesche: Die großdeutsche Wirtschaftseinheit. 72. S. Leipzig, 1929.)

— 91). — „March 1938. The first step towards the conquest of Czechoslovakia was the occupation of Austria” (S. 445).

Ebenda, Bd. XXV, S. 404—413. — Document 386 — PS. — Das sog. Hossbach-Memorandum (10. November 1937) enthält die Rede Hitlers vom 5. November 1937, in der er die Kriegsziele Deutschlands umriß. Über Österreich resp. die Tschechoslowakei sprechend sagte er folgendes: „Zur Verbesserung unserer militär-politischen Lage müsse in jedem Fall einer kriegerischen Verwicklung unser erstes Ziel sein, die Tschechei und gleichzeitig Österreich niederzuwerfen . . .” (S. 409).

Procès des grands criminels de guerre . . . Bd. XXXVII, S. 630—669. — Document L — 172. — Konzept zum Bericht General Jodls (7. November 1943). Nach Übersicht der allgemeinen Lage und nach einer Analyse der einzelnen Abschnitte des Krieges, ist General Jodl gezwungen zuzugeben, daß sich Deutschland im Falle Österreich in entscheidendem Maße von militärischen Überlegungen leiten ließ und der Anschluß nur die Aktion gegen die Tschechoslowakei, ja auch die gegen Polen vorbereitete (auf letztere werden wir im weiteren noch zurückkommen). — »Der Anschluß Österreichs brachte sodann nicht nur die Erfüllung eines alten nationalen Zieles, sondern wirkte sich neben der Stärkung unserer Wehrmacht zugleich durch eine wesentliche Verbesserung unserer strategischen Lage aus. Während bisher der tschechoslowakische Raum in bedrohlichster Form nach Deutschland hineinragte (Wespentaille zu Frankreich hin und Luftbasis für die Alliierten, besonders Rußland) war nunmehr die Tschechei ihrerseits in die Zange genommen. Ihre eigene strategische Lage war jetzt so ungünstig geworden, daß sie einem energischen Angriff zum Opfer fallen mußte, bevor wirksame Hilfe vom Westen her zu erwarten war. Diese Hilfsmöglichkeit wurde überdies durch den Bau des Westwalls erschwert, der im Gegensatz zur Maginot-Linie keine lebensschwache und resignierende Defensiv-Maßnahme bildete, sondern als Rückendeckung für eine aktive Ostpolitik gedacht war” (S. 634—635).

territorialen Forderungen Österreichs der Tschechoslowakei gegenüber befriedigt worden wären (im Hintergrund mit der Vereinigung Österreichs mit Deutschland resp. Großdeutschland), wäre Deutschland bereits im Jahre 1919 in eine günstigere Lage gekommen als zwei Jahrzehnte später dank dem Münchener Abkommen.⁸⁸

Die den Anschluß urgierenden österreichischen Parteien und Organisationen standen mit den charakteristischsten Richtungen des deutschen Imperialismus und Militarismus in Verbindungen.⁸⁹ Ihr Hauptargument war die Berufung auf ethnographische Faktoren,⁹⁰ deren Geltendmachung — in der Praxis — die Tschechoslowakei wirtschaftlich lebensunfähig, militärisch schutzlos gemacht hätte.⁹¹ Im Zeichen der Berufung auf ethnographische Prinzipien und auf das Selbstbestimmungsrecht begann der Kampf gegen die Tschechoslowakei, der mehrere Etappen hatte,⁹² und deren letzte, eben unter dem Vorwand der Regelung der Sudetenfrage, vorerst zur Untergrabung des nationalen Bestandes der Tschechoslowakei, dann zu ihrer vorübergehenden Liquidierung führte. Die ersten zwei Abschnitte werden vom Chronisten der Wählerarbeit gegen die Tschechoslowakei folgendermaßen periodisiert: »Der erste umfaßt die Monate Oktober und November 1918. Er ist gekennzeichnet durch den Versuch, durch Konstituierung des deutschösterreichischen Staates auf der Grundlage des nationalen Selbstbestimmungsrechtes das sudetendeutsche Ge-

⁸⁸ Wenn wir die Ergebnisse des Münchener Abkommens mit den Forderungen des Jahres 1919 vergleichen (S. : a) Herbert Kniesche Die großdeutsche Wirtschaftseinheit. S. 72 [Leipzig 1929] ; b) Kurt Trampler, a. a. O. S. 33 und Kartenbeilage ; c) Br. F. P. Dritte Serie, Bd. III. Kartenbeilagen), kann festgestellt werden, daß sich die beiden fast gänzlich decken.

⁸⁹ Alfred Kruck : Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890—1939. S. 151—156 (Wiesbaden 1954). In Österreich, schreibt Kruck, »hatte sich das einmalige Ereignis vollzogen, daß Sozialdemokraten, Liberale und Alldeutsche alle Gegensätze hinterstellten und sich zu gemeinsamem Handeln bereitfanden . . . So konnte es dazu kommen, daß Dr. Dinghofer Präsident der vorläufigen Nationalversammlung wurde und andere Alldeutsche wichtige Staatsämter bekleideten. Dinghofer, alsbald zu einem der drei gleichberechtigten Vorsitzenden des Nationalrats gewählt, gehörte der Hauptleitung des Alldeutschen Verbandes an und Dr. Hainisch, der erste Bundespräsident stand noch von den Kriegsjahren her in freundschaftlichen Beziehungen mit Class. Auf diese Weise waren der alldeutschen Verbandspolitik in Österreich ungewöhnliche Möglichkeiten eröffnet, die bei passenden Gelegenheiten ausgenutzt wurden . . . — Anfang 1919 ging Alfred Geiser als ständiger Verbindungsmann nach Wien, um den Zusammenhalt zwischen den einzelnen alldeutschen Gruppen zu festigen und zu erkunden, ob der Verband dort öffentlich aktiv werden könne. Um diese Zeit hatten sich die zahlreichen deutschvölkischen Splitterparteien gerade zum Entschluß durchgerungen, die Sondertümelei zu begraben und in der Nationalversammlung als geschlossener Block der nationalen Opposition aufzutreten. Es kam zur Gründung der Großdeutschen Vereinigung (seit August 1920 Großdeutsche Volkspartei) unter Dinghofer, deren sämtliche 26 Mitglieder am 1. September 1919 dem Alldeutschen Verband beitraten« (S. 151).

Anneliese Thimme : a. a. O. S. 308—309. — »Die von Stresemann gegründete ‚Deutsche Volkspartei‘ hatte ihren Namen von der österreichischen Schwesterpartei, der ‚Großdeutschen Volkspartei‘ übernommen. Sie hatte enge Beziehungen zu der österreichischen Partei und finanzierte sie gelegentlich« (S. 308).

⁹⁰ Charles Seymour : Czechoslovak frontiers. The Yale Review. Dezember 1938. S. 273—291.

⁹¹ Charles Seymour : a. a. O. S. 279.

Trial of the Major War Criminals . . . a. a. O. Bd. XXVI, S. 433—462. Document 998—PS

⁹² Zehn Jahre Versailles. Bd. III, S. 363—379 (Berlin 1930). — Siehe die Studie Franz Jesser : Sudetendeutsche Gebiete.

biet vor den tschechischen Zugriffen zu sichern . . . — In diesen zwei Monaten errichten die Deutschen in Böhmen eine deutschböhmische Landesregierung, die Deutschen in Nord-Mähren und Schlesien eine sudetenländische, beide als Verwaltungsgebiete des deutschösterreichischen Staates. Die Landesregierungen üben in dieser kurzen Periode die Regierungsfunktionen in den geschlossenen Gebieten aus. — Der zweite Abschnitt umfaßt die Zeit von Dezember 1918 bis zum April 1920. Der von den Sudetendeutschen unternommene Versuch, ihr Geschick selbst zu bestimmen, scheitert. Die Tschechen besetzen das deutsche Gebiet militärisch und unterstellen es ihrer zivilen Verwaltung. Die deutschböhmische Landesregierung verläßt die Heimat, die sudetenländische tritt zurück.«⁹³ Durch den Entscheid der Friedenskonferenz, die Unterzeichnung des österreichischen Friedensvertrages und durch die Festigung des tschechoslowakischen Staates in der zweiten Hälfte des Jahres 1919 entstand eine neue Lage; von seiten Deutschlands bzw. Österreichs war man gezwungen, von einer offenen Aufwerfung territorialer Forderungen abzusehen und sich eine, den gegebenen Kräfteverhältnissen entsprechende Taktik zurechtzulegen.⁹⁴ Wenn man noch in Betracht zieht, daß auch die Jugoslawien gegenüber geltend gemachten territorialen Ansprüche Österreichs nicht den erwarteten Erfolg hatten, kann festgestellt werden, daß im östlichen Großraum vom Baltischen Meer bis zur Adria — zu Beginn des Jahres 1920 — die Forderungen des deutschen Imperialismus und Militarismus, sich für die im Westen und in Übersee erlittenen Verluste auf Kosten Sowjetrußlands sowie der in Ost- und Südosteuropa entstandenen neuen Nationalstaaten zu entschädigen, gescheitert sind.⁹⁵

⁹³ *Ebenda* S. 363—364.

⁹⁴ *Ebenda* S. 373.

⁹⁵ *Trial of the Major War Criminals . . . Bd. XXVI, S. 429—522. — Document 998—PS.* — Die Aggression gegen die Tschechoslowakei war nur ein weiterer Schritt zur Schaffung der deutschen Herrschaft über Ost- und Südosteuropa. Richtig verweist darauf das tschechoslowakische Memorandum, seine Behauptungen werden auch von anderen Dokumenten unterstützt. — »Czechoslovakia was an obstacle to the German ‚Drang nach Osten‘ (Drive to the East) and the domination of Europe« (S. 433). — »The words of Bismarck: ‚Who dominates Bohemia — dominates Europe‘ might have led Hitlers plan of aggression. Czechoslovakia was indeed of most strategical importance as a natural barrier and bastion against any military drive down to the Danube Basin and hence through Eastern Carpatians to the East and along the Danube Vally to the Balkans« (S. 433). — »Czechoslovakia was strategically and politically a great obstacle for the Germans on their way to the domination of Europe and the world. Bismarcks well known statement: ‚Who dominates Bohemia dominates Europe‘ was the maxim of Hitlers action against Czechoslovakia. The question of the so-called Sudeten Germans was nothing but a pretext« (S. 444—445).

Ebenda Bd. XXVI, S. 328—329 — Document 789 — PS. — Am 23. November 1939, nach erfolgreicher Beendigung des Feldzuges gegen Polen anerkannte Hitler, daß die gegen Österreich und die Tschechoslowakei geführten Aktionen nur die Vorbereitungen des polnischen Feldzuges waren. »Ein Jahr später kam Österreich, auch dieser Schritt wurde für sehr bedenklich angesehen«, sagte Hitler selbstzufrieden. »Er brachte eine wesentliche Stärkung des Reichs. Der nächste Schritt war Böhmen, Mähren und Polen. Aber dieser Schritt war nicht in einem Zuge zu tun. Zunächst mußte im Westen der Westwall fertiggestellt werden. Es war nicht möglich, das Ziel in einem Anbieh zu erreichen. Vom ersten Augenblick an war mir klar, daß ich mich nicht mit dem sudetendeutschen Gebiet begnügen könnte. Es war nur eine Teillösung. Der Entschluß zum Einmarsch in Böhmen war gefaßt. Dann kam die Errichtung des Protektorats, und damit war die Grundlage für die Eroberung Polens gelegt, aber ich war

Vom Standpunkt der Erreichung der deutschen Hegemonie über Ost- und Südosteuropa hatte Österreich eine besondere Bedeutung.⁹⁶ Einen geschichtlichen Rückblick auf die mit Österreich zusammenhängenden Ambitionen des deutschen Imperialismus und Militarismus gab Hjalmar Schacht, als er am 21. März 1938, nach der Einverleibung Österreichs in Wien vor den Angestellten der Nationalbank eine Rede hielt.⁹⁷ Von der Sendung Österreichs sprechend sagte Schacht unter anderem: »Austria has certainly a great mission, namely, to be the bearer of German culture, to insure respect and regard for the German name, especially in the directive of the Southeast. Such a mission can only be performed within the Great German Reich and based on the power of a nation of 75 millions which — regardless of the wish of the opponents — forms the heart and soul of Europe.«⁹⁸ Was im März 1938 — nach den Worten Schachts — »was . . . done by our Adolf Hitler«⁹⁹ — war nur die Vollendung und der

mir zu dem Zeitpunkt noch nicht im klaren, ob ich erst gegen den Osten und dann gegen den Westen oder umgekehrt vorgehen sollte.«

Procès des grands criminels de guerre . . . Bd. XXXVII, S. 635. — Document L—172. — General Jodl betrachtete in seinem bereits angeführten Bericht die gegen Österreich, die Tschechoslowakei und Polen gerichteten Aktionen als organische Einheit. »Die unblutige Lösung des tschechischen Konfliktes im Herbst 1938 und Frühjahr 1939 und die Angliederung der Slowakei rundete den großdeutschen Raum derart ab, daß nunmehr auch die Möglichkeit bestand das polnische Problem unter einigermaßen günstigen strategischen Voraussetzungen ins Auge zu fassen.«

⁹⁶ Henry Allizé : *Ma mission à Vienne (mars 1919—août 1920.)* — S. 25 (Paris 1933). — Der einstige Vertreter Frankreichs in Österreich schreibt : »C'était bien d'ailleurs la compensation que le Prince Bülow avait indiqué au peuple allemand, lorsqu'au moment de l'armistice, pour relever les courages, il avait déclaré 'que la Puissance qui dominerait à Vienne pourrait se vanter d'avoir gagné la guerre'.«

Nazi conspiracy and aggression. Office of the United States Chief of Council for Prosecution of Axis Criminality. Bd. V, S. 24 (Washington 1946). — Document 2385 — PS. — George S. Messersmith war als Konsul der Vereinigten Staaten in Berlin tätig (1930—1934), kam dann als Gesandter nach Wien, wo er bis 1937 blieb. In seiner Zeugeneinvernahme berichtet er über die Pläne Deutschlands in Bezug auf Österreich, mit besonderer Rücksicht auf Südosteuropa. »As early as 1933, while I served in Germany, the German and Nazi contacts which I had in the highest and secondary categories acknowledged Germany's ambitions to dominate Southeastern Europe from Czechoslovakia down to Turkey. As they freely stated, the objective was territorial expansion in the case of Austria and Czechoslovakia. The professed objective in the earlier stages of the Nazi regime, in the remainder of Southeastern Europe, were political and economic control, and they did not at that time speak so definitely of actual absorption and destruction of sovereignty. Their ambitions, however, were not limited to Southeastern Europe. From the very beginning of 1933, and even before the Nazis came into power important Nazis speaking of the Ukraine freely said 'it must be our granary' and that 'even with Southeastern Europe under our control, Germany needs and must have the greater part of the Ukraine in order to be able to feed the people of greater Germany'. After I left Germany in the middle of 1934 for my post in Austria, I continued to receive information as to the German designs in Southeastern Europe. In a conversation with von Papen shortly after his appointment as German Minister to Austria in 1934, von Papen frankly stated to me that 'Southeastern Europe to Turkey is Germany's Hinterland and I have been designated to carry through the task of bringing it with in the fold. Austria is the first on the program' . . .«

⁹⁷ Nazi Conspiracy . . . Bd. VII, S. 395—396. — Document EC — 297-A.

⁹⁸ *Ebenda* S. 395.

⁹⁹ *Ebenda* S. 397.

Deutsches Zentralarchiv Potsdam. Reichskanzlei, Handel u. Gew. Bd. 1/1, Nr. 1, S. 407 ; 673—676. — Als sich am 26. Juli 1918 der »Deutsche Wirtschaftsrat für Mitteleuropa« konstituierte, hielt Hjalmar Schacht die Eröffnungsrede. Er sowie andere Teilnehmer der Versammlung setzten auseinander, daß die Hegemonie über Mitteleuropa (deren Grundlage die enge

Abschluß jenes Prozesses, der im November 1918 begann, unter den gegebenen Kräfteverhältnissen jedoch eine Zeitlang nicht den gewünschten Erfolg bringen konnte, in erster Reihe deshalb, weil die auf den Ruinen der Österreichisch-Ungarischen Monarchie entstandenen neuen Staaten — trotz ihrer widerspruchsvollen Lage — gegen die nach dem Osten gerichteten Bestrebungen des sich erneuernden deutschen Imperialismus und Militarismus eine Barriere bildeten. Obzwar die siegreichen kapitalistischen Großmächte die neuen Staaten Ost- und Südosteuropas zum Cordon sanitaire bestimmten und hofften, dieselben zu gegebener Gelegenheit als willfähiges Werkzeug zu benutzen, ändert dies nichts an der Tatsache, daß ihr Zustandekommen unzertrennlich mit dem Sieg der sozialistischen Revolution in Rußland verknüpft ist. Wenn dort die Lösung der nationalen Frage anders vor sich ging und in der Sowjetunion — auf Grund freiwilligen Anschlusses — die Union der Sozialistischen Sowjetischen Republiken zustande kam, ist die Erklärung hierfür in erster Linie darin zu suchen, daß zur Zeit, als das russische Proletariat an der Spitze der Revolution marschierend unter der Führung der Bolschewiki die Herrschaft ihrer eigenen herrschenden Klasse stürzte, es nicht nur seinen — im engeren Sinne — Klasseninteressen Genüge geleistet hat, sondern auch den nichtrussischen Völkern und Nationalitäten die Freiheit brachte. Im vielnationalen Rußland war das russische Proletariat die Hauptkraft der Revolution und unterstützte am konsequentesten die in Richtung des Sieges des Sozialismus gerichteten nationalen Unabhängigkeitsbewegungen. Es war daher verständlich und natürlich, wenn alle Unterdrückten, auch die Millionen national Unterdrückter ihm und der von ihm repräsentierten großen Sache Vertrauen entgegenbrachten.

Anders gestaltete sich die Lage in der Österreichisch-Ungarischen Monarchie. Die Zentrale, das überwiegend deutsche Österreich, ihre Arbeiterklasse und sozialistische Partei trotteten hinter den revolutionären und nationalen Unabhängigkeitsbewegungen und waren sogar bestrebt, dieselben — besonders im entscheidenden Abschnitt — zu bremsen und zu behindern. Die Behauptung ist daher unrichtig und entspricht nicht der geschichtlichen Wahr-

Verknüpfung mit der Österreichisch-Ungarischen Monarchie ist) nur der Beginn und nicht die Kulmination der deutschen Herrschaftsbestrebungen sei.

Ebenda S. 664. — »Dieses Wachstum des Ostens — besagt der endgültige Bericht — heißt aber soviel, daß die deutsche Wirtschaftskraft an ihm zunächst genesen wird, um die alte Kraft wieder zu gewinnen, mit der sie die Welt umspannen wird. Gleich zu Anfang muß, fußend auf unsere ost-, südöstliche Wirtschaftsbasis, der Versuch, die weltwirtschaftlichen Beziehungen wieder aufzubauen, einsetzen . . . Aber das Mittel zu diesem Ziel der *friedlichen Wiedereroberung der Welt* für Deutschlands politisches und wirtschaftliches Leben kann nur der Ausbau unserer kontinentalen Politik sein, die von unserer Stellung im Osten und Südosten ausgehend, die Staaten Europas zu gemeinsamer friedlicher Wirtschaftsarbeit zusammenfassen muß.«

Deutsches Zentralarchiv Potsdam. Staatsminister Dr. Helfferich. Bd. 1. Nr. 19251. S. 198—206. — Dieses Material birgt sehr viele Daten über die deutschen Kriegsziele. Das Hugenberg-Memorandum (20. Juli 1918), das von ansehnlichen Gruppen des deutschen Finanzkapitals unterzeichnet wurde, hält den »Mitteleuropa«-Plan für unzureichend und bezeichnet auch unter den gegebenen Verhältnissen zumindest die Herrschaft über dem Kontinent für möglich, ja sogar für notwendig. Die Lösung lautet: »Nicht Mitteleuropa, sondern Europa« (S. 202).

heit, daß die Zerschlagung der Österreichisch-Ungarischen Monarchie nicht zeitgemäß gewesen wäre und die Möglichkeit bestanden hätte, daß sich das überlebte Habsburger Reich — durch Erbringung und Einführung weitgehender Reformen — hinüberrette und an seine Stelle ein zeitgemäßer Staatenbund trete.¹⁰⁰ Der Zusammenbruch der Österreichisch-Ungarischen Monarchie war notwendig und unvermeidlich, um so mehr, da sonst auch die — relative — Schwächung des imperialistischen Deutschlands unmöglich gewesen wäre. Das Zustandekommen der neuen Staaten in Ost- und Südosteuropa und ihre Festigung, das Bestehen Sowjetrußlands, sein ständiges Erstarken inmitten der gegen die Intervention geführten erfolgreichen Kämpfe verminderten in großem Maße die Chancen des deutschen Imperialismus, sich im Osten zu entschädigen.¹⁰¹ Die Herrschaft über Ost- und Südosteuropa hingegen war in der Vergangenheit ein Lebensquell und ein ständiger Faktor des deutschen Imperialismus und Militarismus. In den früheren Epochen der deutschen Entwicklung war vor allem in deutsch—polnischer Relation die Wahrheit gültig, daß ohne die Freiheit Polens die demokratische Entwicklung Deutschlands unmöglich sei. Treffend stellten seinerzeit, an der großen Wende in der deutschen Geschichte Marx und Engels fest, daß »die Herstellung eines demokratischen Polens . . . die erste Bedingung der Herstellung eines demokratischen Deutschlands« sei.¹⁰² Mit der vollständigen Entwicklung des Kapitalismus und durch sein späteres Hinüberwachsen in den Imperialismus änderte sich die Lage. Die Herrschaft über Ost- und Südosteuropa wurde zum Lebenselement des deutschen Imperialismus und Militarismus und — was damit gleichbedeutend ist — der deutschen Reaktion im Innern. Die Vernichtung oder Schwächung des deutschen Imperialismus und Militarismus wurde — unter anderem — ohne Zerschlagung der östlichen Positionen Deutschlands unmöglich. Diese Erkenntnis kann, wenn auch nicht konsequent ja sogar sehr widersprechend (infolge des Hasses, den die siegreichen imperialistischen Großmächte den revolutionären Bewegungen und Sowjetrußland gegenüber hegten, sowie der unter ihnen bestehenden Gegensätze) in den Erklärungen und Stellungnahmen nicht nur der französischen, sondern auch der englischen und amerikanischen

¹⁰⁰ Atti del X. Congresso Internazionale. Roma 4—11 Settembre 1955. S. 660—661 (Roma 1957). — Sich auf die Werke von Seipel, Renner, Otto Bauer, Fischhof, Baernreither, Popovici und anderer berufend erklärte H. Hantsch im Laufe der Debatte: »Denn sicherlich gab es noch andere Möglichkeiten einer Lösung der Probleme, als einfach die Zerstörung Österreich-Ungarns. Das zeigen gerade diese Werke. Die nationalen und nationalistischen Bewegungen innerhalb der einzelnen Nationen hätten nicht notwendigerweise zu einem Zusammenbruch des Gesamtstaates führen müssen, wenn nicht diese Probleme in die große Weltpolitik hineingetragen worden und somit von ganz anderen Ideen, Konzeptionen und Zusammenhängen her verschärft worden wären.«

Heinrich Benedikt: Geschichte der Republik Österreich. S. 9 (Wien 1954).

¹⁰¹ Ludwig Dehio: Deutschland und die Weltpolitik im 20. Jahrhundert. S. 96—104 (München 1955).

¹⁰² Marx—Engels: Die Polendebatte in Frankfurt. Artikel aus der »Neuen Rheinischen Zeitung« XI. Erschienen in Marx—Engels—Lenin—Stalin: Zur deutschen Geschichte. Bd. II, 1. Teil, S. 276 (Berlin 1954).

Staatsmänner gefunden werden. Für Frankreich und England, doch auch für die Vereinigten Staaten war es nicht gleichgültig, welche Rolle der deutsche imperialistische Konkurrent in Ost- und Südosteuropa spielt. Im Hinblick auf die weitere Gestaltung der internationalen Kräfteverhältnisse wollte man von englischer, französischer und auch von amerikanischer Seite nicht untätig zusehen, ob es Deutschland in der letzten Phase des ersten Weltkrieges — mit für Deutschland ungünstigem Ausgang — oder danach gelingt, sich durch das Herüberretten der Positionen im Osten für die erlittenen Verluste in anderer Richtung zu entschädigen.¹⁰³

*

Zwischen den siegreichen Großmächten bestanden im Hinblick auf das zukünftige Schicksal Ost- und Südosteuropas — zugleich auf die Rolle, die Deutschland dort spielen sollte — ernste Meinungsverschiedenheiten; doch die durch Wilson, Lloyd George und Clémenceau repräsentierten Richtungen des amerikanischen, englischen und französischen Imperialismus haben in der deutschen Frage, wenn auch um den Preis gegenseitiger Konzessionen, nach halbem und gegensätzliche Interpretationen ermöglichendem Abschluß zahlreicher strittiger Probleme dahingehend Stellung genommen, es sei notwendig, die sich im Kriege herausgebildete Einheit weiterhin zu demonstrieren.¹⁰⁴ Wenn der Begleitbrief zum Antwortschreiben der Friedenskonferenz vom 16. Juni 1919 von Philipp Kerr, Sekretär Lloyd Georges, so konzipiert wurde, daß er die vollste Zufriedenheit der französischen Delegation, darunter Tardieu errang,¹⁰⁵ war dies — nicht in letzter Reihe — berufen, die Einheit unter den Großmächten zu demonstrieren. Der auf Polen Bezug habende Teil der Antwortnote versäumt auch nicht darauf hinzuweisen, es bestehe ein organischer Zusammenhang zwischen der deutschen Herrschaft über die westlichen Gebiete Polens und dem preußischen Militarismus.¹⁰⁶

¹⁰³ F. R.—P. P. C. — 1919. Bd. I, S. 41—53. — S.: The Inquiry. Memorandum submitted December 22, 1917.

¹⁰⁴ Alfred Fabre-Luce: La crise des alliances. Essai sur les relations franco-britanniques depuis la signature de la paix (1919—1922). — S. 17—18 (Paris 1922). — Der Verfasser charakterisiert die Lage, wenn auch übertrieben und vereinfacht, sehr geistreich, wenn er im Zusammenhang mit dem Friedensvertrag schreibt: »On se rallie enfin à un texte: cela ne signifie pas qu'on soit d'accord; on veut seulement tenir contre l'ennemi au moins, commune façade, le bloc d'alliance. Après longue attente il faut aboutir; après les sacrifices partagés, il contient de faire une paix de collaboration . . .«

¹⁰⁵ Alma Luckau: The German Delegation at the Paris Peace Conference. S. 89—90 (Newyork 1941).

¹⁰⁶ F. R.—P. P. C. — 1919. Bd. VI, S. 495—496. — ». . . the seizure of the Western provinces of Poland was one of the essential steps by which the military power of Prussia was built up, the necessity of holding fast these provinces has perverted the whole political life, first of Prussia and then of Germany.«

Br. F. P. Erste Serie. Bd. VI, S. 505. — In seinem Bericht vom 10. Dezember 1919 schreibt Thelwall über die Lage in Oberschlesien: »The independence of Silesia would mean the end once and for all of Prussia as first class power, not only in the military, but also in the commercial and industrial sense . . .«

Walter Hubatsch: Eckpfeiler Europas. Probleme des Preußenlandes in geschichtlicher Sicht (Heidelberg 1953). — Das schon in seinem Titel vielsagende und charakteristische Buch

Abb. 5. Das Deutsche Reich, wie es der Nationalversammlung vom J. 1848 vorschwebte
(H. Kniesche: a. a. O. S. 18. S. Fußnote Seite 78)

Der im wesentlichen stichhaltigen Feststellung folgte jedoch keine entsprechende Praxis. Wenn sich gegebenenfalls die Ententemächte die nationalen Unabhängigkeitsbestrebungen und Zielsetzungen der Völker Ost- und Südosteuropas vor und während des Weltkrieges auch zu eigen gemacht haben, so doch nur ihren imperialistischen Zielen untergeordnet und nur im Rahmen derselben.¹⁰⁷ Die Lage verschlechterte sich weiterhin nach dem Siege der Großen

will trotz der schrecklichen Lehren zweier Weltkriege — entsprechend dem Geiste des in Westdeutschland neu erwachenden Imperialismus und Militarismus und der die östliche Expansion ideologisch vorbereitenden Praxis — neuerdings die Berufung Preußens im Osten nachweisen. »In einem jahrhundertelangen, trotz zeitbedingter Schwankungen doch stark traditionsverpflichteten und daher bemerkenswert gleichförmigen historischem Ablauf hat Preußen ohne Ruhmredigkeit oft genug — bisweilen unbewußt — im Dienste eines höheren Zweckes zum Wohl Europas gestanden. Dabei haben sich seine östlichen Provinzen, von der Kraft des Gesamtstaates gestützt, als Bastionen abendländischer Staatsgesinnung erwiesen«, lautet das Vorwort.

¹⁰⁷ George Clémenceau : a. a. O. S. 159. — »Hélas! il faut avoir le courage de le dire, nous n'étions pas entrés en guerre avec un programme de libérateurs.«

W. M. Jordan : Great Britain, France, and the German Problem 1919—1939. S. 220—223 (London 1934).

Sozialistischen Oktoberrevolution, als sich die entscheidenden Faktoren der Friedenskonferenz — geleitet von ihrem Haß gegen Sowjetrußland — geneigt zeigten, in Osteuropa Deutschland die Rolle des Gendarmen zu übertragen. Weder an ihnen noch an der deutschen Reaktion hat es gelegen, daß sich in Ost- und Südosteuropa die Lage anders gestaltete, als es sich der sog. liberale Flügel des deutschen Imperialismus in den Jahren 1918/19 vorgestellt hatte.¹⁰⁸ Eine entscheidende Rolle spielte dabei das Fortbestehen und die weitere Erstarkung Sowjetrußlands; große Bedeutung hatten die nationalen Unabhängigkeitsbewegungen, die sich trotz aller, sich aus der Klassenlage der in den neuen Nationalstaaten zur Macht gelangten Bourgeoisie ergebenden Schwankungen, Doppelzüngigkeiten, antirevolutionären und antisowjetischen Einstellung als genügend stark erwiesen, die staatliche Selbständigkeit zu sichern; auch die Uneinigkeit der siegreichen Großmächte untereinander und Deutschland gegenüber darf nicht außer acht gelassen werden.

Deutschland war nach der Unterzeichnung des Friedensvertrages von Versailles in erhöhtem Maße bestrebt, die Gegensätze zwischen den Siegern auszunutzen. Die Verzögerung um das Inkrafttreten des Friedensvertrages von Versailles, weiterhin die Umstände, unter denen dieses zustande kam,¹⁰⁹ zeigten ebenfalls, daß die durch Clémenceau, Lloyd George und Wilson repräsentierte Koalition der siegreichen imperialistischen Großmächte im Zerfall begriffen war.¹¹⁰ Eine große und zugleich letzte Probe war es, die Annahme

¹⁰⁸ Ludwig Dehio : a. a. O. — »Freilich nicht mehr auf den Ozeanen konnte die Revanche gesucht werden. Aber es hatte ja in unserer festländischen Nähe die Katastrophe selbst verheißungsvolle Perspektiven freigelegt ; durch die Balkanisierung um uns her, durch die Isolierung Frankreichs, vor allem durch die Bolschewisierung des rätselhaften Schicksalslandes Rußland. Konnte es doch als Freund (Seeckt) wie als Feind (Ludendorff) dem deutschen Aufstiege dienstbar werden. Das Programm dieses Aufstieges aber stand fest beinahe ohne Ansehen der Partei : neben Ausheilung der Ostgrenzen der Anschluß Österreichs — nicht bloße Wiederherstellung, sondern großdeutsch-kontinentale Ausbreitung nach dem Scheitern der kleindeutsch-ozeanischen, Vollendung der 1813 und 1848 erträumten Einheit der jugendlichen Nation . . .« (S. 26). — »Im Namen der Selbstbestimmung ließ sich nach dem Zerplatzen ozeanischer Wunschträume die Realisierung älterer festländischer ansteuern, mit dem Anschluß der Brüder in Österreich und Böhmen die Volkszahl auf das Doppelte des französischen Scheinsiegers steigern, eine neue geographisch-volksmäßige Individualität ohne ihresgleichen im alten Europa gewinnen, die balkanisierte Schütterzone in Mittel- und Osteuropa mit ihr überschatten, die Niederlage in ein Sprungbrett zu neuer Größe umwandeln« (S. 118).

Herbert Kniesche : a. a. O. S. 18. — Die infolge des Sieges der Revolution des Jahres 1848 zustande zu bringende deutsche Einheit wäre — zu jener Zeit — fortschrittlich gewesen, kam aber aus dem Verschulden eben derjenigen zu Fall, deren späte Nachfahren die deutsche Einheit im Sinne des sich entfalteten Imperialismus, dessen Interessen entsprechend auslegten und verwirklichen wollten.

¹⁰⁹ Vgl. L. Zsigmond : A versaillesi békeszerződés életbelépése (1918. június 28.— 1920. január 10.) (Das Inkrafttreten des Friedensvertrages von Versailles). Századok Nr. 1—2 (1957).

¹¹⁰ Général Mordacq : Le ministère Clémenceau. Bd. IV, S. 276—306 (Paris 1931).

André Tardieu : La paix.

Alfred Fabre-Luce : La crise des alliances.

W. M. Jordan : Great Britain, France and the German problem 1918—1939.

Arnold Wolfers : Britain and France between two wars (Newyork 1940) — Die Werke von Wolfers und Jordan sind sehr reich an Daten und Gedanken. Sie wurden während des zweiten Weltkrieges geschrieben, die Verfasser betrachten die Ereignisse mit den Augen und der Parteilichkeit des zeitgenössischen Historikers, sie suchen und analysieren die Gründe, die es

des Friedensvertrages durch Deutschland zu erreichen. Hinter dem demonstrativen einheitlichen Auftreten verbargen sich stets steigende Gegensätze. Kaum einige Wochen nach dem Akt von Versailles, am 30. Juli 1919 bezeichnete House in einem Schreiben an Wilson die Beziehungen zwischen den Verbündeten als sehr kritisch.¹¹¹ Auch das englisch—französische Verhältnis gestaltete sich nicht besser. Nach der Niederwerfung Deutschlands und der raschen Sicherung des wertvollen und beträchtlichen Teiles der Beute¹¹² trachtete England, zu seiner traditionellen Kontinentalpolitik zurückzukehren, die auf die Sicherung des Kräftegleichgewichtes in Europa abzielte.¹¹³ Vom Standpunkt des englischen Imperialismus war die Lage der Vorkriegslage gegenüber schwieriger und komplizierter.¹¹⁴ Frankreich hatte nach dem ersten Weltkrieg — einstweilen — kein Gegengewicht, das man in Betracht hätte ziehen können. Engländerseits wurde befürchtet, daß der Druck Frankreichs — das im Besitz des wichtigsten Teiles des Rheinlandes war¹¹⁵ — sich in Richtung Belgien und Holland verstärken und mit der Zeit unüberwindlich werde. England wieder

ermöglichten, daß Deutschland innerhalb eines Menschenalters die gewaltsame Verwirklichung seiner Weltherrschaftspläne zum zweitenmal und in noch brutalerer Form auf die Tagesordnung setze. Leider wurde in beiden Fällen außer acht gelassen, daß der Friedensvertrag von Versailles die wirtschaftlichen, gesellschaftlichen, politischen und militärischen Grundlagen des deutschen Imperialismus und Militarismus nicht nur unberührt ließ, sondern dieselben — direkt oder indirekt — auch stärkte und damit die Entwicklung und Vollendung der inneren Voraussetzungen der späteren deutschen Aggression förderte. Die Verfasser vermeinen die Erklärung hierfür — mit Recht, aber einseitig — in der Lockerung der englisch-französischen Allianz nach dem ersten Weltkrieg und im widersprechenden Charakter derselben zu finden.

¹¹¹ F. R. — P. P. C. — 1919. Bd. XI, S. 620—621. — »The war has left two great powers in the world, where before were seven. While Russia has collapsed internally, and Germany and Austria has fallen through defeat, France and Japan gone from first to second rate powers because the United States and Great Britain have become so powerful. While the British Empire vastly exceeds the United States in area and population and while their aggregate wealth is perhaps greater than ours, yet our position is much more favorable. It is because of this that the relations between the two countries are beginning to assume the same character as that of England and Germany before the war.«

The Intimate Papers of Colonel House. Bd. IV, S. 494—495 (Newyork 1928).

¹¹² David Lloyd George : The Truth about the Peace Treaties. Bd. I, S. 416—426 (London 1938). — S. das Antwortschreiben (und die Vorwürfe) Clémenceaus auf das Memorandum Lloyd Georges vom 26. März 1919.

¹¹³ Winston S. Churchill : The World Crisis. The Aftermath. S. 29 (London 1929).

André Tardieux : a. a. O. S. 489—515.

George Clémenceau : a. a. O. S. 98—99. — »Pour tout dire, il n'y eut d'opposition sérieuse aux clauses les plus sévères de l'armistice que par parmi nos alliés britanniques qui, d'entrain, s'employaient à ménager l'Allemagne, ne craignant rien tant qu'une trop vive réaction de puissance au part de la France 'alliée'. Dans son livre *The World Crisis* M. Winston Churchill, qui est bien loin d'être notre ennemi, raconte qu'il dina avec M. Lloyd George, aus soir de l'armistice, et que la conversation roula uniquement sur la meilleure manière de venir en aide à l'Allemagne. . . A mon retour des Indes, passant par Londres pour aller recevoir à Oxford un grade *honoris causa*, M. Lloyd George me pria de le venir voir à la Chambre des communes. Sa première parole fut pour me demander si j'avais quelque chose à lui dire. — Oui bien, répondis-je. J'ai à vous dire que dès le lendemain de l'armistice, je vous ai trouvé l'ennemi de la France. — Eh bien, me répondit-il, *n'est-ce pas notre politique traditionnelle?* (*Well, was it not always our traditional policy?*)«

¹¹⁴ d'Abernon : An Ambassador of Peace. Bd. II, S. 238—239 (London 1929).

¹¹⁵ Br. F. P. Erste Serie. Bd. 5. S. 268—271.

betrachtete — und dies hatte eine jahrhundertealte Tradition¹¹⁶ — Belgien und Holland als organischen Bestandteil seiner eigenen Sicherheit,¹¹⁷ deren Schlüsselposition das Rheinland war.¹¹⁸ In Frankreich war man sich der außerordentlichen Empfindlichkeit Englands in dieser Sache im klaren und zur Zeit der Ministerpräsidentschaft Clémenceaus war man auch gewillt, Rücksicht darauf zu nehmen. Die Zugeständnisse, die in der Frage des Rheinlands (mit Rücksicht auf die Vereinigten Staaten, aber besonders auf England) von Clémenceau gemacht wurden und welche Tardieu seinerzeit im Senat und in der Nationalversammlung¹¹⁹ am 2. September 1919 so eloquent begründete, forderten schon zu Anbeginn die Kritik und den Widerstand der äußersten Gruppe des französischen Imperialismus heraus.

Was der Opposition Clémenceaus zu wenig schien, das hielten die Kritiker Lloyd Georges — vom Standpunkt des englischen Imperialismus — als zu große Konzession. Die Umbildung des englischen Kabinetts im Oktober 1919 bedeutete eine entschiedene Rechtsschwenkung in der Innenpolitik und eine energischere, schonungslosere Richtlinie den Verbündeten von gestern, vor allem Frankreich gegenüber in der Außenpolitik. Curzon, der neue Außenminister stand der bisherigen, im wesentlichen durch Lloyd Gorge repräsentierten und geleiteten Außenpolitik — in vielen Fragen — als Kritiker, ja als Opposition gegenüber.¹²⁰ An der Lage änderte sich nichts, als es am 20. November — in demonstrativer Weise — zum Austausch der Ratifikationsurkunden des am 28. Juni 1919 unterfertigten Beistandspaktes kam, der französischerseits deshalb urgiert wurde, um die eigene öffentliche Meinung zu beruhigen und die oppositionelle Stimmung zu entzünden, die als Reaktion auf die Politik Englands, besonders jedoch der Vereinigten Staaten entstand. Der Austausch der Urkunden erbrachte nicht die gewünschte Wirkung und bedeutete eher den

¹¹⁶ Austen Chamberlain: *Down the Years* (London, 1935). S. 165—166. — »There have been many fluctuations in British foreign policy, perhaps many inconsistencies, but through all our long history from the time of the Spanish Armada to the present day there has been one principle to which we have persistently clung. Separated as these islands are from the western shores of the Continent only by the narrow waters of the English Channel and the North Sea, it has been 'cardinal principle' of British policy in all times, and under all governments, that we could not allow the Low Countries to be dominated by the greatest military Power of the day.«

¹¹⁷ *Political and Strategic Interests of the United Kingdom*. By a study group of the Royal Institute of International Affairs (London, 1939). S. 12—13.

¹¹⁸ J. Headlam-Morley: *Studies in Diplomatic History*. S. 167 (London 1930). — Der geschichtswissenschaftliche Sachverständige des englischen Außenministeriums schreibt damit im Zusammenhang: »The experience of the past has always shown, that the independence of Holland and of Belgium is closely connected with the political condition of the Rhineland. In the old days it was for this reason always necessary for England to oppose by every means French domination over the Rhine provinces, for with France stationed at Coblenz and Cologne the real independence of Belgium, military, economic and political, must inevitably disappear.«

¹¹⁹ *Annales de la Chambre des Députés*. 11me législature. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1919. Tome unique. Troisième partie. Du 1 Juillet au 17 Septembre 1919. S. 3678—3687 (Paris 1920).

¹²⁰ Gordon H. Craig and Felix Gilbert: *The Diplomats 1919—1939*. S. 25 (Princeton 1953). Harold Nicolson: *The Last Phase 1919—1925. A study in post-war diplomacy*. S. 192—199 (London 1937).

Abschluß als den Beginn eines neuen Abschnittes in den englisch—französischen Beziehungen. Die im November 1919 abgehaltenen Wahlen brachten in Frankreich den Sieg der extremsten imperialistischen Richtungen und bedeuteten den Fall der durch Clémenceau repräsentierten außenpolitischen Richtlinie.¹²¹

*

Die in den Vereinigten Staaten, England und Frankreich eingetretenen innerpolitischen Veränderungen (republikanische Mehrheit im amerikanischen Repräsentantenhaus, im Senat und in den wichtigsten Ausschüssen, darunter im auswärtigen Ausschuß; die Umbildung des englischen Kabinetts im Oktober 1919 und die Übernahme des Außenministeriums durch Curzon; der Ausgang der französischen Wahlen vom 16. November) standen in Wechselbeziehung zueinander. Jede löste zum Teil die andere aus und war andernteils eine Folge derselben; im Endergebnis wurden durch diese Geschehnisse die Gegensätze zwischen den siegreichen Großmächten unter anderem in bezug auf Deutschland verschärft. Schon zur Zeit der Friedenskonferenz, doch besonders nach Unterzeichnung des Friedenvertrages zeigte es sich, daß zwischen Frankreich und England in der Frage der Ostgrenzen Deutschlands sowie in der Beurteilung des künftigen Schicksals von Ost- und Südosteuropa ernste Meinungsverschiedenheiten bestehen.¹²² Für Frankreich ist es — so lange es ein feindliches Deutschland im Rücken hat — eine Daseinsfrage, sich in Ost- und Südosteuropa Verbündete und Sicherung zu suchen. Dadurch, daß die französische Regierung zur Hauptkraft der antisowjetischen Intervention wurde, verurteilte sie Frankreich, die Garantien für seine »sécurité« in die Hände seiner westlichen Verbündeten, England und den Vereinigten Staaten zu legen.¹²³ Dadurch, daß von den am 28. Juni 1919 unterzeichneten Beistandspakten¹²⁴ der amerikanisch—französische Vertrag durch den Beschluß des amerikanischen Senates in nichts zerfloß, wurde auch der Wert des damit in organischem Zusammenhang stehenden englisch—französischen Abkommens sehr fraglich und das stellte Frankreich vor eine neue Situation. Für die französische Diplomatie stieg die Bedeutung der ost- und südosteuropäischen Staaten und sie war entschlossen, jede gegen sie gerichtete deutsche Aktion als eine »indirekte

¹²¹ Général Mordacq : a. a. O. Bd. IV, S. 293, 296. — Als auf der letzten Sitzung des Obersten Rates am 20. Januar Lloyd George, Wallace, Nitti und Matsui für die als Vorsitzender der Friedenskonferenz geleistete Arbeit Dank sagten, antwortete Clémenceau unter anderem : »Nous mettons au-dessus de tout : la nécessité d'entente. Si la Grande-Bretagne, les États-Unis, l'Italie, le Japon demeurent unis, voilà une garantie de paix qui dépasse toutes celles qui l'on peut écrire sur le papier.«

¹²² J. M. Keynes : *Essays and Sketches in Biography*. S. 163—180 (Neyork 1956).

¹²³ Documents diplomatiques relatifs aux négociations . . . S. 247—248. — In seiner Rede am 24. November 1923 erklärte Poincaré : „Mais la clef de la voûte de toute cette construction défensive était incontestablement le double pacte d'assistance de la Grande Bretagne et des États-Unis.“

¹²⁴ F. R.—P. P. C. — 1919. Bd. XIII, S. 757—762.

Aggression« (aggression indirecte) zu bezeichnen.¹²⁵ Im Gedächtnis der französischen Staatsmänner lebten die geschichtlichen Reminiszenzen weiter: auf Sadowa folgt Sedan.¹²⁶ Sie neigten jedoch dazu zu vergessen, daß wie seinerzeit Napoleon III.,¹²⁷ auch in ihren Tagen der egoistische, die Klasseninteressen über alles stellende französische Imperialismus die Gefahr eines neuen und vielleicht nicht allzuweiten Sedan heraufbeschwört.¹²⁸ Im Interesse der Intervention gegen Sowjetrußland einesteils, andernteils der Niederschlagung der revolutionären Bewegung des deutschen Volkes ließ das offizielle Frankreich die wirtschaftlichen, gesellschaftlichen, politischen, ideologischen und schließlich, jedoch nicht in letzter Reihe die militärischen Grundlagen des deutschen Imperialismus und Militarismus unberührt.¹²⁹ Doch der Weg des Wiederauflebens und der Erstarkung des deutschen Imperialismus und Militarismus führte über den Osten und jeder Schritt, der hier getan wurde, berührte und gefährdete — indirekt — die Sicherheit Frankreichs.

Das Schicksal der Völker von Ost- und Südosteuropa, ihre nationale Unabhängigkeit und Selbständigkeit spielten in der Diplomatie der siegreichen Großmächte eine untergeordnete Rolle. Es ist eine bekannte Tatsache, daß von seiten Englands und Amerikas im Laufe des ersten Weltkrieges — lange Zeit hindurch — der Plan zur Zerschlagung der Österreichisch-Ungarischen Monarchie nicht aufgeworfen wurde. Es genügt, wenn man auf die 14 Punkte Wilsons (8. Januar 1918) oder auf die Rede Lloyd Georges (5. Januar 1918) verweist, in welchen die Kriegsziele umrissen wurden. Die Ententemächte hätten gerne den deutschen imperialistischen Konkurrenten auf die Weise geschwächt, daß zu gleicher Zeit die Österreichisch-Ungarische Monarchie bestehen bleibe und ein Gegengewicht zu Deutschland bilde. Diese Idee kam auch in dem Entwurf zum Ausdruck, der über die Nachkriegsordnung im Dezember 1917 Präsident Wilson vorgelegt wurde.¹³⁰

¹²⁵ Documents diplomatiques relatifs aux négociations . . . S. 92.

¹²⁶ *Ebenda* S. 92.

¹²⁷ Karl Marx und Friedrich Engels: Ausgewählte Schriften Bd. I, S. 460 (Dietz Verlag, Berlin 1953). — S.: »Erste Adresse des Generalrats über den Deutsch—französischen Krieg.«

¹²⁸ André Géraud: French Responsibilities in Europe. Foreign Affairs, Januar 1927. S. 248. — Sich mit der aktuellen politischen Lage befassend verweist A. Géraud (Pertinax) sehr aufschlußreich auf die verhängnisvollen Folgen der Politik Napoleons III.

¹²⁹ Br. F. P. Erste Serie. Bd. V, S. 666. Bericht über die am 11. Oktober 1919 abgehaltene Sitzung des französischen Senates; in der Debatte über die Ratifizierung des Friedensvertrages von Versailles wünschte Clémenceau eine Erklärung darüber abzugeben, weshalb Deutschland nicht vollständig entwaffnet wurde.

Annales du Sénat. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1919. Tome XC. Deuxième partie. Du 17 Juin au 19. Octobre 1919. S. 1845 (Paris 1920). — »D'abord pourquoi avous-nous accordé des 288 canons? Pourquoi aussi ces forteresses de l'Est, que, je ne sais pourquoi, il ne nous a pas reprochées, ce qui est d'autant plus inexplicable, qu'elles contenaient, je suppose, quelques pièces lourdes?« — stellte Clémenceau die Frage und antwortete: »Parceque l'Allemagne a besoin de se défendre et que nous n'avons pas intérêt à avoir une seconde Russie bolcheviste au centre de l'Europe; c'est assez une.«

¹³⁰ F. R.—P. P. C. — 1919. Bd. I, S. 41—53. The Inquiry. Memorandum submitted December 22, 1917.

Auf die Schwierigkeiten, beide Lösungen gleichzeitig durchzuführen, verwies treffend C. L. Seymour,¹³¹ Leiter der österreichisch-ungarischen Abteilung der amerikanischen Friedensdelegation. Wenn man auch mit den einzelnen Punkten der Feststellungen Seymours nicht einverstanden sein kann und sie aus mehreren Standpunkten bestritten werden können, eines ist sicher und gleichzeitig sehr aufschlußreich: im Frühjahr 1918, zur Zeit der alles bisherige übersteigenden Kraftanstrengungen Deutschlands und der für die militärischen Kräfte der Entente fast verhängnisvollen Schläge brachten englische und amerikanische Regierungskreise nicht den Mut auf, jene Reserve und gleichzeitig Kraftquelle zu benutzen, die die nationalen Unabhängigkeitsbewegungen der Völker Ost- und Südosteuropas für sie bedeutet hätten. Ein ähnliches Verhalten können wir im wesentlichen auch bei Frankreich feststellen. Die späteren Ereignisse, wie zum Beispiel die wiederholten Versuche Karl von Habsburgs im März und Oktober 1921 zur Wiedererwerbung des ungarischen Thrones (mit sehr zweideutigem Verhalten französischer offizieller Kreise im Hintergrund) zeigten, daß man dem Habsburger Reich als Gegengewicht gegen Deutschland eine gewisse Daseinsberechtigung zuschrieb. Als im französischen Senat die Ratifikation des Friedensvertrages von Trianon auf der Tagesordnung stand (30. Juni 1921), gab der Berichterstatter, Reynald seiner Meinung dahingehend Ausdruck, daß es besser gewesen wäre, die Österreichisch-Ungarische Monarchie zu erhalten, denn sie hätte die Rolle des Gegengewichtes Deutschland gegenüber spielen können.¹³²

Die Quelle der Widersprüche, die sich im Verhalten der englischen, französischen und amerikanischen Regierungskreise zeigten, ist einestheils in den Klassenverhältnissen, im Aufschwung der durch die Arbeiterklasse geführten revolutionären Bewegungen zu suchen, andernteils in der Gestaltung der inter-

¹³¹ The Intimate Papers of Colonel House. Bd. III, S. 337—338. — »The Entente was determined upon the defeat of Germany, and once this was accomplished the break up of Austria-Hungary became inevitable. The solution of federal autonomy some years before might have settled the Habsburg problem, but it was now too late. The disintegration of the Dual Monarchy had already gone so far that Austria-Hungary could not longer be held together except by a girdle of German bayonets. A realization of this fact would conceivably have hastened the end of the war, for instead of discussing such projects as 'autonomy' and 'self-government', which irritated and discouraged the rebellious Slavs, American and Allied leaders might have launched the revolution which they could not prevent, and profited by it. As it was, the work of propaganda conducted by Northcliffe and Steed, with the cooperation of Masaryk and the South Slav leaders, which ultimately ate into the morale of the Habsburg armies, was delayed, and assistance which might have proved invaluable to the Entente in the moment of supreme danger in the spring of 1918, was left on one side.«

¹³² Annales du Sénat (Nouvelle série). Documents parlementaires. Session ordinaire de 1921. Tome LXVII. Du 11 Janvier au Juillet 1921. S. 817 (Paris 1922). — »Quoi qu'il en soit, la guerre, au lieu d'éveiller chez les autres nationalités un sentiment de loyalisme, n'a suscité que des pensées de libération et d'indépendance et, avant même la fin des hostilités, la désagrégation du royaume était acquise. — Certains le regrettent et demeurent fidèles à la doctrine qui voulait que l'Autriche-Hongrie fut dans l'Europe Centrale un empire vigoureux et puissant, capable de faire échec à l'ambitieuse Allemagne. Cela aurait été mieux ainsi, si toutefois l'Autriche-Hongrie avait voulu jouer ce rôle, au lieu de devenir la vassale de Berlin. En tout cas, les regrets sont aujourd'hui superflus et la doctrine ne peut aller contre les faits accomplis.«

nationalen Lage mit besonderer Rücksicht auf das aus dem Siege der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution geborene Sowjetrußland. Der Zerfall der Österreichisch-Ungarischen Monarchie konnte jedoch — ohne Rücksicht darauf, wie diese Kreise dachten und handelten — nicht aufgehalten werden, und mit den auf ihren Ruinen zustande gekommenen Nationalstaaten mußte als mit einer Tatsache von allen Seiten, auch von Seiten Deutschlands gerechnet werden.

Die Vorgeschichte und der Gang des zweiten Weltkrieges bestätigten, daß die Unterwerfung und später die gänzliche Unterjochung der Länder Ost- und Südosteuropas durch Deutschland einen organischen Teil nicht nur des Angriffs auf die Sowjetunion, sondern auch des Krieges gegen den Westen bildet. Sowohl chronologisch als auch aus taktischem Standpunkt geschah der erste Schritt immer in Richtung auf Österreich, da dieses der Schlüssel zu Ost- und Südosteuropa ist.¹³³ Die Einverleibung Österreichs, des seinerzeitigen Pfeilers des Habsburger Reiches, hätte eine wichtige Brückenkopfstellung geschaffen, die Herrschaft über das gesamte Gebiet der früheren Österreichisch-Ungarischen Monarchie zu sichern.¹³⁴

Die deutschen Imperialisten resp. deren ideologische Fürsprecher vermeinten, in der Zerschlagung der Österreichisch-Ungarischen Monarchie eine Rückentwicklung,¹³⁵ im Zustandekommen der neuen Nationalstaaten auf dem in

¹³³ Br. F. P. Erste Serie. Bd. VI, S. 40—53. — Die Berichte Francis Oppenheimers (vom 2. Juni resp. 20. Juni 1919) über die wirtschaftliche, finanzielle und internationale Lage Österreichs. Über die Lage Österreichs heißt es in dem Bericht: »For the present Germany's ambitions towards the East have been arrested. No one can say for how long. Vienna owes much of its historical and economic importance to the fact that it is the most eastern of the truly European towns of primary importance and a base of action in near Eastern affairs. If (New) Austria were linked to Germany, it would become the jumping-off ground from where Germany would prepare a new attempt to satisfy her 'Drang nach Osten'« (S. 44). — Das Memorandum des englischen Außenministeriums (S. 153—156) vom 15. August 1919 für die Mitglieder des Kabinetts wurde mit Berücksichtigung der Berichte Oppenheimers verfaßt und machte sich die dort ausgeführten Befürchtungen zu eigen. — »Once Germany is in Vienna she is again on the Balkans and Constantinople, and will resume her 'Drang nach Osten' policy, one of the causes of the war. The problem of the German minority in Bohemia at once becomes acute: and the continuance of the Czechoslovak Republic is definitely threatened« (S. 155). — Der VI. Band der ersten Serie der Br. F. P. enthält im allgemeinen interessantes Material über das Verhalten Englands im Zusammenhang mit der nach der ungarischen Gegenrevolution des Jahres 1919 herausgebildeten Lage; er gibt von mehrerer Seiten Einblick in den Konkurrenzkampf des englischen und französischen Imperialismus um die ost- und südosteuropäischen Positionen im allgemeinen, um Österreich im besonderen.

¹³⁴ Deutsches Zentralarchiv Potsdam. Reichskanzlei, Salzburger Verhandlungen. Bd. 1, Nr. 8, S.

11. F. G. Kleinwächter und Hans von Paller: Die Anschlussfrage (Wien 1930). — »Im mitteleuropäischen Blickfeld verkörpert der Wien-Berliner Anschluß nichts weiter als eine Etappe in der Vereinigung der Staaten von Mitteleuropa . . . — In der ersten Zone des deutsch-österreichischen Kraftfeldes werden zweifelsohne die Staaten Ungarn, Bulgarien, Jugoslawien und Rumänien fallen« (S. 210). — »Wien, die große Sorge Kleinösterreichs, ist für Deutschland das gegebene Ausfallstor nach Osten . . .« (S. 364). — ». . . bleibt ja *Wien das Tor zum Osten*« (S. 426).

¹³⁵ Heinrich Benedikt: a. a. O. S. 10.

Edmund von Glaise-Horstenau: Die Zerstörung Österreich-Ungarns und das Werden der Nachfolgestaaten. S. 482—491 (Wien 1928).

Frage stehenden Gebiet Europas eine sog. »Balkanisierung« zu sehen.¹³⁶ Als sich der deutsche Außenminister Curtius am 31. März 1931 mit der durch den Plan einer deutsch—österreichischen Zollunion entstandenen internationalen Lage befaßte, warf er einen Rückblick auf die Verhältnisse nach 1918. Er kam zu der Schlußfolgerung, daß das wirtschaftliche Elend Europas in erster Reihe in der Zerstückerung zu suchen sei und daß es nur einen Ausweg gebe: die Vereinigung in größere Wirtschaftsgebiete.¹³⁷ Das Blatt des Reichskanzlers Brüning, »Germania«, befaßte sich im Frühjahr 1931 mit der Notwendigkeit der deutsch—österreichischen Zollunion und gab seinem Bedauern Ausdruck, daß dieser Plan seinerzeit gescheitert ist, denn er wäre geeignet gewesen, das durch die territorialen Bestimmungen des Friedensvertrages von Versailles »balkanisierte« Mitteleuropa zu einem wirtschaftlich lebensfähigen Großraum zu gestalten.¹³⁸

Die Expansion nach dem Westen und nach dem Osten — gleichzeitig — auf die Tagesordnung zu stellen, schien unmittelbar nach Beendigung des Krieges, aus verständlichen Gründen, einstweilen aussichtslos. Im Gedächtnis der politischen, militärischen und wirtschaftlichen Führer Deutschlands war die Niederlage vom Jahre 1918 noch allzu lebhaft, die Mehrheit von ihnen war sich darüber im klaren, daß es unmöglich sei, unter den gegebenen Kräfteverhältnissen gewaltsam eine Wendung sowohl im Osten als auch im Westen herbeizuführen. Auf Grund taktischer Überlegungen wünschten sie vorerst, nur die Bedeutung der östlichen Räume zu betonen und in den Vordergrund zu stellen — mit Berufung auf den zukünftigen Frieden Deutschlands und Europas. Die Broschüre »Der Friedensvertrag und Deutschlands Stellung in der Weltwirtschaft«, die sich mit der Entwicklung der Lage Deutschlands nach dem Kriege befaßt, enthält ein aufschlußreiches Bekenntnis im Zusammenhang mit den nach Osten gerichteten Plänen des deutschen Imperialismus. »Der Friede von Versailles hat allen Bestrebungen, einen geschlossenen Handelsstaat auf verbreiteter Grundlage zu schaffen, ein Ende bereitet. An Stelle eines gewaltigen, von Belgien bis Bagdad reichenden zusammenhängenden wirtschaftlichen Imperiums ist eine Zersplitterung Mittel- und Osteuropas getreten . . . — Der Rest von Mittel- und Südosteuropa besteht aus verhältnismäßig kleinen Wirtschaftsgebieten, die eine selbständige wirtschaftliche Existenz nicht zu führen vermögen und auf Verkehr mit ihren Nachbarn angewiesen sind, die aber diesen Verkehr teils nicht pflegen wollen, teils zur Zeit nicht pflegen können, weil sie einander feindlich gegenüberstehen. Das Prinzip der

¹³⁶ Franz von Papen : Memoirs. S. 92.

Ludwig Dehio, a. a. O. S. 26.

German History. Some New German Views. S. 42 (London 1954). — Der von Hans Kohn redigierte Band enthält Studien von Meinecke, Dehio, Holborn, Buchheim usw. und wirft ein interessantes Licht auf die hauptsächlichsten Probleme der deutschen Geschichtsschreibung nach dem zweiten Weltkriege, besonders was die Lehren der zwei Weltkriege betrifft.

¹³⁷ Frankfurter Zeitung. Nr. 242—244, S. 2 (1. April 1931).

¹³⁸ J. Papoušek : Politischer Hintergrund der deutsch—österreichischen Zollunion. S. 38 — 39 (Prag 1931).

Volksgemeinschaft hat über das Prinzip des geographischen-wirtschaftlichen Zusammenhangs gesiegt«, resümiert der Verfasser und stellt dann resigniert fest: »Die Wirtschaft Europas ist in Brüche gegangen.«¹³⁹

Als die deutsche Friedensdelegation in ihrer Note vom 29. Mai 1919 zu den Friedensbedingungen Stellung nahm, warf sie den siegreichen Großmächten vor, daß sie sich bei ihren territorialen Entscheidungen einmal auf unvergängliche historische Rechte, ein andermal wieder auf wirtschaftliche Interessen berufen — jedoch immer zum Nachteil Deutschlands.¹⁴⁰ Die Kritik ist zweifellos stichhaltig, die Vorbereitung und Ausarbeitung des Friedensvertrages von Versailles ist nicht durch Konsequenz gekennzeichnet. Ebenso wenig charakterisierte sie aber die Arbeit der deutschen Friedensdelegation¹⁴¹ sowie die spätere offizielle deutsche Außenpolitik, die die Berechtigung des Zustandekommens und des Bestandes der neuen Nationalstaaten einmal mit wirtschaftlichen Argumenten, ein andermal mit der Anführung ideologischer Erwägungen bestritt.¹⁴² Unter den beiden Erscheinungen bestanden natürlich enger Zusammenhang und Wechselwirkung, die ideologischen Argumente waren angetan, die infamen Zielsetzungen des deutschen Imperialismus, die materiellen Charakter hatten, zu tarnen und zu verschönern.

Der Zerfall der Österreichisch-Ungarischen Monarchie und das Zustandekommen der Nationalstaaten bedeutete für den deutschen Imperialismus und Militarismus sowohl vom militärischen als auch vom wirtschaftlichen Standpunkt einen ernsten Schlag. Das zwischen Deutschland und der Österreichisch-

¹³⁹ Der Friedensvertrag und Deutschlands Stellung in der Weltwirtschaft. S. 214 (Berlin 1921).

¹⁴⁰ Urkunden . . . Bd. I, S. 444.

¹⁴¹ Alma Luckau: The German delegation at the Paris Peace Conference. S. 27—53 (Newyork 1941).

H. M. V. Temperley: a. a. O. Bd. II, S. 3.

Urkunden, a. a. O. Bd. I, S. 456—477. — S. die deutschen Einwände gegen die territorialen Forderungen.

¹⁴² H. W. V. Temperley: a. a. O. Bd. II, S. 3—4. — Der Verfasser verweist treffend darauf, wie — deutscherseits — in der Vergangenheit die Fähigkeit zur Staatsbildung der slawischen Völker bezweifelt wurde und wie diese Anschauung, in gar nicht allzusehr verhüllter Form in den Einwendungen der deutschen Friedensdelegation zur Geltung kam.

Hans Rothfels: Die Nationalidee in westlicher und östlicher Sicht. — Theodor Schieder: Das Problem des Nationalismus in Osteuropa. Osteuropa und der deutsche Osten. Beiträge aus Forschungsarbeiten und Vorträgen der Hochschulen des Landes Nordrhein-Westfalen. Reihe I. Rheinische Friedrich-Wilhelm Universität, Bonn. Buch 3. (Köln 1956). — Beide Verfasser wünschen — getreu ihrem früheren Standpunkt — zu beweisen, daß das im westlichen Sinne genommene nationale Prinzip, in seiner Endstufe der Bestand der Nationalstaaten, im Osten sinnlos und bloß die Quelle unvermeidlicher Konflikte sei. Ihre Theorie ist nichts anderes als die neueste Variante der früheren, schon nach dem ersten Weltkrieg entwickelten These, die die Fähigkeit der Völker Ost- und Südosteuropas zur Staatsbildung und Staatserhaltung bezweifelt. (S. Hans Rothfels, Der Vertrag von Versailles und der deutsche Osten. Berliner Monatshefte. 3, S. 24 (1934). — Hans Rothfels, Das Problem des Nationalismus im Osten. Erschienen in: Deutschland und Polen. Beiträge zu ihren geschichtlichen Beziehungen. Hrsg. von Albert Brockmann [Berlin 1933]; der Band enthält außer den erwähnten noch viele Studien, die ausnahmslos darauf abzielen die Überlegenheit und Führerrolle der Deutschen in Ost- und Südosteuropa zu beweisen.)

Ungarischen Monarchie am 12. Mai 1918 abgeschlossene Abkommen¹⁴³ ist zunichte geworden. Im Sinne dieses Abkommens wollten die beiden Reiche in Zukunft nicht nur ihre militärischen Anstrengungen unter deutscher Führung koordinieren, es war auch eine sehr enge wirtschaftliche Zusammenarbeit nach dem Kriege geplant. Die Ergebnisse der im Oktober 1918 vor dem Abschluß stehenden, die Zollunion vorbereitenden Verhandlungen¹⁴⁴ wurden durch den Sieg der revolutionären und nationalen Unabhängigkeitsbewegungen zunichte gemacht, zu ihrer Durchführung kam es nicht mehr. Der Sieg der sozialistischen Revolution in Rußland, die Erfolge der nationalen Unabhängigkeitsbewegungen in den Ländern von Ost- und Südosteuropa brachten das deutsche Großkapital um den sehnlich gewünschten Lebensraum.¹⁴⁵

In welchem Maße die Vertreter des höchstentwickelten deutschen Imperialismus den Bestand der auf den Ruinen der Österreichisch-Ungarischen Monarchie zustande gekommenen Staaten bezweifelten, das bezeugt sehr charakteristisch die Aussage des Hauptkriegsverbrechers von Papen. In seinen, während der Haft geschriebenen Betrachtungen über das Verhältnis zwischen Deutschland und der Österreichisch-Ungarischen Monarchie erklärt er — unter anderem — folgendes: »Die Zerstörung der Doppelmonarchie und damit des Machtgleiches in Südosteuropa war ein politischer Fehler größten Ausmaßes. Er wurde von Staatsmännern hervorgerufen, die die politischen und kulturellen Taten der Habsburger während der Jahrhunderte nicht verstanden und deshalb ihre Werke auf ein Nichts herabsetzten. Gerade so wie die Tschechoslowakei, Ungarn, Polen und Jugoslawien kaum imstande waren, ihre politische und wirtschaftliche Existenz aufrechtzuerhalten, war der deutsche Rest dieser großen Monarchie schlecht geeignet für eine unabhängige Existenz.« — Die Österreichisch-Ungarische Monarchie mußte zwar einmal ein Ende nehmen — meint Papen —, jedoch nicht deshalb, daß an ihre Stelle Nationalstaaten treten, sondern im Interesse dessen, daß es ein Teil des Nachfolgers des »Heiligen Römischen Reiches Deutscher Nation«, des sog. »Dritten Reiches« werde. Mit Bedauern stellt Papen fest, daß die verantwortlichen Leiter der Friedens-

¹⁴³ Deutsches Zentralarchiv Potsdam. Reichskanzlei, Ausw. Angel. 4. Bd. 1, Nr. 6, S. 174—175.

Ebenda S. 181—182. Aufzeichnungen über die Verhandlungen.

D. H. Miller: a. a. O. Bd. II, S. 414—415.

Heinrich Benedikt: a. a. O. S. 26.

¹⁴⁴ J. Gratz — R. Schüler: Die äußere Wirtschaftspolitik Österreich-Ungarns, Mitteleuropäische Pläne. S. 106 (Wien 1925). — »Für Deutschland war es innerpolitisch bedeutungsvoll, in der Vereinigung mit Österreich-Ungarn einen Erfolg des furchtbaren Krieges zu erreichen. Dies sollte einen wenigstens teilweisen Ersatz dafür bilden, daß selbst bei einem günstigen Kriegsausgang die Erlangung von äußeren Vorteilen, die auch nur einigermaßen im Verhältnis zu den Opfern gestanden wären, ausgeschlossen erschien. Wirtschaftlich war für die deutsche Industrie die Vergrößerung des österreichischen Marktes und die Erweiterung ihrer Produktionsbasis ein wesentlicher Vorteil« (S. 54).

¹⁴⁵ Werner Conze: Die Strukturkrise des östlichen Mitteleuropas vor und nach 1919. Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. Nr. 4, S. 327 Oktober 1953.

konferenz es nicht begriffen haben, daß »Bismarcks Gründung des zweiten Reiches — auch seiner Meinung nach — nur eine historisch notwendige zeitliche Lösung war. Bismarcks große Staatsmannskunst (Vertrauen auf die historische Vollendung des Heiligen Römischen Reiches Deutscher Nation für die europäische Völkerfamilie) erkannte die Rolle der Doppelmonarchie in der Stabilität Mittel- und Südosteuropas sehr gut.«¹⁴⁶

Die Zeugenaussage von Papens ist auch aus dem Gesichtspunkt sehr aufschlußreich, wie die angesehenen Vertreter der deutschen resp. österreichischen Geschichtsschreibung der nach Osten gerichteten Expansion des deutschen Imperialismus dienten. Von Papen stellt mit Befriedigung fest, daß von der Mitte der dreißiger Jahre angefangen in der deutschen resp. österreichischen Geschichtsschreibung die Gegensätze oder Unterschiede zwischen den großdeutschen und kleindeutschen Tendenzen immer mehr verschwanden. »Während dieser Jahre«, meint er, »verließ schließlich auch die Geschichtsschreibung den kleindeutschen Standpunkt, der alles durch die Brille entweder Preußens oder Österreichs betrachtete. Friedrich der Große und sein damaliger großer Gegner Maria Theresia wurden zum ersten Male in den betreffenden gegnerischen Lagern mit Achtung anerkannt, die diesen zwei großen Persönlichkeiten der gesamtdeutschen Geschichte geziemt. — Der ausgezeichnete Historiker Professor Srbik kann für sich in Anspruch nehmen, die Augen aller Deutschen für die Verdienste des Hauses Habsburg im Dienste des Reiches geöffnet zu haben. Gleichzeitig demonstrierte er den österreichischen Partikularisten, daß Preußens Vollendung und Bismarcks Schöpfung des Zweiten Reiches gerechtfertigt und historisch gut fundiert war.«¹⁴⁷

In seiner, nach der Einverleibung Österreichs geschriebenen Studie¹⁴⁸ führt Srbik aus: »Der Dualismus Österreich-Ungarns war als Augenblickslösung unvermeidlich, als Dauereinrichtung wirkte er vernichtend für die zweite der mitteleuropäischen Großmächte. Er geriet in Widerspruch mit der geschichtlichen Tatsache, daß das deutsche Volkselement der größte Baumeister und der Halt des Ganzen war vom Gardasee bis Kronstadt, im Sudetenraum, in Galizien und in der Bukovina und Ungarn.«¹⁴⁹ Wenn daher im Früh-

¹⁴⁶ Der Hochverratsprozeß gegen dr. Guido Schmidt vor dem Wiener Volksgericht. S. 346 ; 352 (Wien 1947). Document — PS 3300.

¹⁴⁷ *Ebenda* S. 372.

¹⁴⁸ Heinrich von Srbik: Mitteleuropa. Das Problem und die Versuche seiner Lösung in der deutschen Geschichte (Weimar 1938).

¹⁴⁹ *Ebenda* S. 33.

Procès des grands criminels de guerre . . . Bd. XXXVII, S. 443—460. Document L—043.
— Als der Chef des Organisations-Stabes im Generalstab der Luftwaffe mit dem Datum vom 2. Mai 1938 den perspektivischen Plan der Luftwaffe fertigstellte, hatte er damit gerechnet, daß Ungarn im Jahre 1950 schon Großdeutschland einverleibt sein wird. Der perspektivische Plan beinhaltet die Grenzen, die Deutschland bis zum Jahre 1950 zu erreichen hat, sowie die Friedensgliederung der Luftwaffe. Die beige-schlossene Karte besagt: »die die Reichsgrenze darstellende Linie (Tu schwarz) umfaßt auch Österreich, Tschechoslowakei, Ungarn (Heraus-

Abb. 6. Perspektivischer Plan der Einverleibung Ungarns vom Jahre 1938. (Vgl.: Nazi conspiracy and aggression. — VIII. Band — 779. Seite) S. Fußnote 149, Seite 88—89)

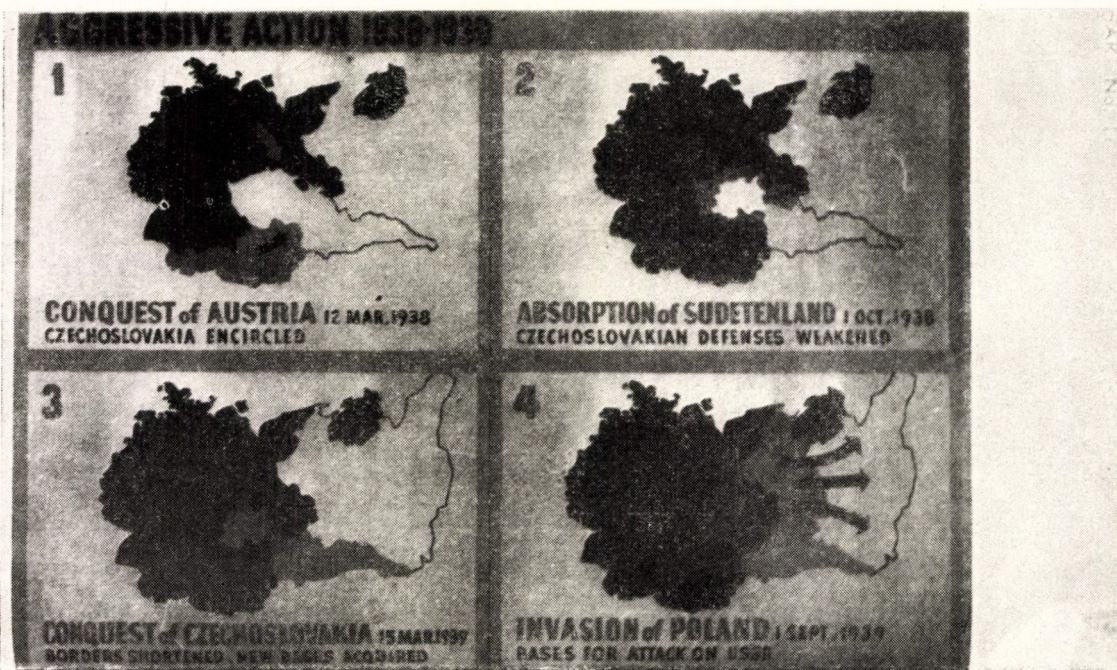

Abb. 7. Der Weg der deutschen faschistischen Aggression und der organische Zusammenhang ihrer Abschnitte. (1938—39)
(Vgl.: Nazi conspiracy and aggression, — VIII, Band — Seite 780.)

jahr 1938 der Anschluß zustande kam, so begann damit — laut Srbik — nur ein geschichtlicher Prozeß und der Anschluß bedeutet nicht dessen Abschluß, sondern lediglich seine erste Etappe. »Mit dem Eintritt des deutschen Österreich«, schreibt Srbik, »wird das erste Mitteleuropa, das Heilige Reich, wenngleich nicht in seiner räumlichen Ganzheit, so doch in seinem grundsätzlichen Wesen als die Vereinigung der Gesamtheit des geschlossen siedelnden deutschen Volkes wieder zur Wirklichkeit.«¹⁵⁰

*

Der Zerfall der Österreichisch-Ungarischen Monarchie und das Zustandekommen der Nationalstaaten untergrub in Ost- und Südosteuropa die Positionen des deutschen Imperialismus und machte den Weg frei für eine raschere und vielseitige Entwicklung der Produktivkräfte.¹⁵¹ Ost- und Südosteuropa

hebung von mir — L. Zs.), Polen und die baltische Küste bis zum Finnischen Meerbusen« (S. 443). Die Gliederung der Luftwaffe im Frieden sollte sich folgend gestalten : »7 Gruppenkommandos : 1 Berlin, 2 Braunschweig, 3 München, 4 Wien, 5 *Budapest* (Heraushebung von mir — L. Zs.), 6 Warschau, 7 Königsberg« (S. 445).

Ebenda Bd. XXXV, S. 358—365. — Document D—679. — Im März 1944, unmittelbar vor der Besetzung Ungarns hat Kaltenbrunner, der Leiter des S. D. für Hitler eine Denkschrift über die gänzliche Unterwerfung Ungarns verfaßt. Die einleitenden Worte lauten : »Vom Reich her gesehen ist auf weite Sicht eine Eingliederung des ungarischen Raumes als eines wesentlichen Teiles des alten Habsburger Machtbereiches unerläßlich« (S. 359).

¹⁵⁰ Ebenda S. 41. — Was Srbik unter Mitteleuropa versteht, das erhellt aus folgendem : »Die deutsche Geschichtswissenschaft hingegen hat allzu rasch die Geburt eines politischen Mitteleuropa erst dem Bündnis des Deutschen Reichs und Österreich-Ungarns vom Jahr 1879 zuzuschreiben verneint. Deutsche geopolitische Betrachtung hat sich um die räumliche Erfassung Mitteleuropas bemüht : sie begreift unter Zentraleuropa zumeist den Raum, den Deutschland, Österreich-Ungarn, die Randstaaten, Westrußland und Rumänien vor dem Kriege einnahmen und der von Ost- und Nordsee, dem Finnischen, dem Schwarzen Meer und der Adria begrenzt und von Rhein und Donau, Elbe, Oder und Weichsel, Memel, Düna und Dnjester durchzogen wird. Innerhalb dieses Raumes scheidet sie eine Übergangs- und Mischungszone zwischen dem eigentlichen Mitteleuropa, das den geschlossenen Volks- und Kulturboden umschließt und bereits überschreitet, und dem unzweifelhaften Osteuropa, ein »Zwischeneuropa«, das etwa durch die Linien Danzig—Triest und Riga—Odessa bestimmt ist und durch das Streudeutschtum für uns gekennzeichnet ist. Auch vom Westen ist Mitteleuropa durch keine feste Grenze getrennt. Offen bleibt auch der heute französische Raum, der vom Meer, den Pyrenäen und den Westalpen an drei Seiten geschlossen ist, an seiner östlichen und nordöstlichen Flanke ; die Ardennen, der Rhein, die Maas bilden keine natürliche Barriere, das Stromnetz des Rheins mit seinen westlichen Nebenflüssen sowie der Rhône und Saône scheiden und verbinden zugleich den Mittelraum und Flankenraum. Wie Mitteleuropa im Norden durch die Meere von Skandinavien getrennt und mit ihm verknüpft ist, so hat es im Süden an den Alpen und der Donau seine räumliche Scheidung und Verklammerung. Dieser mitteleuropäische Raum ist ganz überwiegend deutscher Volks- und Kulturboden geworden . . .« (S. 4—5).

Volk unter den Völkern. Herausgegeben von dr. K. E. von Loesch. S. 62—73 (Breslau 1925). Siehe die Studie von Albrecht Penck : Deutscher Volks- und Kulturboden.

¹⁵¹ Gustav Gratz und Richard Schüller : a. a. O. — Die Arbeit als Ganzes ist eine Widerlegung der These, laut welcher im Laufe des Krieges im Rahmen der Österreichisch-Ungarischen Monarchie einerseits, andererseits in der Relation Deutschlands und der Monarchie eine Entwicklung in einheitlicher Richtung begonnen habe, in der Richtung der Herausbildung eines wirtschaftlichen Großraumes, der unter der Führung Deutschlands außer den Gebieten der beiden Reiche auch die in den Friedensverträgen von Brest-Litowsk und Bukarest gesicherten Gebietsgewinne umfaßt hätte. Die Wahrheit dagegen ist, daß der Bestand der Monarchie — auch in ihrer zeitgemäßen Form — sowie die wirtschaftliche Hegemonie Deutschlands in Ost-

wurde — vor dem ersten Weltkrieg — vom deutschen Finanzkapital als sein natürliches Jagdrevier betrachtet. Der deutsche Kapitalexport, der zwischen 1883 und 1914 auf ungefähr das Fünffache angewachsen war und am Vorabend des ersten Weltkrieges die Summe von 22—25 Milliarden erreichte,¹⁵² entfiel nach der geographischen Verteilung zur Hälfte auf Europa (inklusive der Türkei).¹⁵³ Die weitere Verteilung war ebenfalls sehr charakteristisch und wirft ein Licht auf die materiellen Beweggründe zu jenen Argumenten, die das Recht der Völker Ost- und Südosteuropas auf eine selbständige staatliche Existenz bezweifeln.¹⁵⁴ Von dem in den europäischen Staaten investierten deutschen Kapital (12,5 Milliarden Mark) entfielen mehr als zwei Drittel auf die Österreichisch-Ungarische Monarchie (3 Milliarden Mark), Italien (1,8 Milliarden Mark), auf die Balkan-Staaten (1,7 Milliarden Mark) und die Türkei (1,8 Milliarden Mark).

Die Ausbreitung Deutschlands in Ost- und Südosteuropa sowie im Nahen Osten, in erster Reihe in der Türkei, stieß auf den Widerstand seiner imperia-

und Südosteuropa das sowieso überholte wirtschaftliche, gesellschaftliche und politische System dieses Gebietes nur konserviert und auf letzter Stufe zurückentwickelt hätte.

Nazi conspiracy and aggression . . . Bd. I. — Die Ereignisse des zweiten Weltkrieges haben gezeigt, welche Rolle Hitler und sein Anhang, die mit dem deutschen Finanzkapital in enger Verbindung standen (siehe den Abschnitt: Economic Aspects of the Conspiracy und seine Dokumente auf S. 349—369), den Völkern Europas im allgemeinen, den Völkern Ost- und Südosteuropas im besonderen zugebracht haben (siehe den Abschnitt: „Germanisation and Spoilation“ und seine Dokumente auf S. 1023—1096).

H. R. Trevor: Hitler's Secret Conversations 1941—1944 S. 28. (Newyork 1953). — Hitler spricht über die Berechtigung des bereits überlebten Systems der Großgrundbesitze, das das Elend eines großen Teiles des ungarischen Volkes verursachte, und sagt (September 1941): »In the mass, the Hungarian is as lazy as the Russian. He's by nature a man of the steppe. From this point of view, Horthy is right in thinking if he abandoned the system of great estates, production would rapidly decline.«

S. Adolf Hitler: Libres propos sur la guerre et la paix. Recueillis sur l'ordre de Martin Bormann. S. 34 (Paris 1952). — Enthält denselben Text nur mit der Abweichung, daß das Datum des Gesprächs der 17—18. September angegeben wird, während im vorerwähnten Buche der 14—15. September angeführt wird.

Hermann Aubin: Der deutsche Osten und das Abendland (München 1953).

Fritz Gause: Deutsch—Slawische Schicksalsgemeinschaft. Abriss einer Geschichte Ostdeutschlands und seiner Nachbarländer (Kitzingen/Main 1953). — Sich darauf berufend, daß Deutsche und Slawen aufeinander angewiesen sind, soll bewiesen werden, daß im Ostraum die Vormundschaft und Führung durch erstere notwendig sei, und es wird dabei — absichtlich — außer acht gelassen, daß die Abhängigkeit von Deutschland, auf Grund ungesunder Arbeitsteilung, die Völker Ost- und Südosteuropas zur Stagnation und einseitigen Entwicklung, ja sogar — wie es die Ereignisse des zweiten Weltkrieges gezeigt hatten — zum Aussterben verurteilt hätte. Beide Arbeiten sind Produkte der dem in Westdeutschland wiederauflebenden Imperialismus die geistigen Argumente liefernden »Ostforschung«.

¹⁵² Herbert Feis: Europe the World's Banker 1870—1914. Account of European Foreign Investment and the Connection of World Finance with Diplomacy before the War. S. 71 (London 1930).

The Problem of International Investment. A Report by a Study Group of Members of the Royal Institute of International Affairs. S. 126—127 (London 1937).

¹⁵³ H. Feis: a. a. O. S. 73—78.

The Problem of International Investment, S. 126—128.

¹⁵⁴ Hermann Aubin: a. a. O. S. 207. — Vom Gesichtspunkt der ideologischen Argumente ist in der Studienreihe die Abhandlung von Hans Rothfels »Ostdeutschland und die abendlän-

listischen Rivalen England und Frankreich und gefährdete — wenn auch nicht in gleichem Maße und auf gleichem Territorium — deren Interessen. Für die ausländischen Kapitalsinvestitionen Englands vor dem ersten Weltkrieg ist bezeichnend, daß fast die Hälfte auf das Gebiet des Britischen Reiches entfiel und ganz Europa nur 5,8% aufnahm.¹⁵⁵ Was Frankreich anbelangt, hat sich dort die Lage anders entwickelt, denn in den Jahren 1900—1914 erhöhte sich den Kapitalexpert nach Rußland, der Türkei und den Balkanstaaten. Nach der Österreichisch-Ungarischen Monarchie erhöhte er sich zwar nicht, bewegte sich aber im großen und ganzen auf dem gleichen Niveau,¹⁵⁶ nicht zuletzt mit der Intention, Deutschland zu paralisieren, denn ein Übergewicht Deutschlands in der Monarchie hätte es zum Herren von Ost- und Südosteuropa gemacht.¹⁵⁷ Außer aus militärischen und strategischen Überlegungen hat Frankreich auch aus wirtschaftlichen Gesichtspunkten empfindlicher als England auf die sich in Richtung Ost- und Südosteuropa zeigenden Ansprüche Deutschlands reagiert.¹⁵⁸

*

Natürlich war man auch englischerseits der Möglichkeit und Gefahr der östlichen Ausbreitung Deutschlands gegenüber nicht gleichgültig. Wenn die Außenpolitik Englands im allgemeinen, besonders aber jene Lloyd Georges,¹⁵⁹ durch viele Inkonsequenzen charakterisiert wird, so kann dies nur teilweise und nicht prinzipiell auf persönliche Gründe zurückgeführt werden, die Er-

dische politische Tradition« die gleichzeitig eine Antwort auf einen früheren Artikel Toyubees bildet sehr lehrreich.

Fritz Gause : a. a. O. S. 272—277.

¹⁵⁵ H. Feis : a. a. O. S. 23.

The Problem of International Investment S. 121.

¹⁵⁶ H. Feis : a. a. O. S. 51.

The Problem of International Investment, S. 125.

¹⁵⁷ Antonin Basch : The Danube Basin and the German Economic Sphere. S. 7—13 (London 1944). — Deutschland hatte sich in den Jahren vor dem ersten Weltkrieg — alle anderen Staaten weit hinter sich zurücklassend — in der Ein- und Ausfuhr der Österreichisch—Ungarischen Monarchie den ersten Platz gesichert, sein Anteil an der Kapitalsinvestierung übertraf den Englands und Frankreichs zusammengenommen. Nachdem es in Rumänien, Serbien und Bulgarien ein entscheidendes Gewicht hatte, hätte dies — gepaart mit der in der Österreichisch-Ungarischen Monarchie erzielten Hegemonie — eine Monopolherrschaft in Ost- und Südosteuropa zur Folge gehabt.

Herbert Kniesche : Die großdeutsche Wirtschaftseinheit. Geschichte und Gegenwartsprobleme der österreichisch—deutschen Wirtschaftsverflechtung. S. 1—70 (Leipzig, 1929).

¹⁵⁸ Political and Strategic Interests of the United Kingdom. By a Study Group of the Royal Institute of International Affairs. S. 5 ; 79 (London 1939). — Eine Ausnahme bildete — eine Zeitlang — das Baltikum, doch der Abschluß des englisch—deutschen Flottenabkommens im Jahre 1935 schuf eine neue Lage und zeugte davon, daß englische Regierungskreise sich bereit zeigten, den Vorrang Deutschlands im Baltischen Meer anzuerkennen. All dies stand in engem Zusammenhang mit der Befriedungspolitik, auf Kosten der Völker der Sowjetunion, Ost- und Südosteuropas.

D. C. Watt : The Anglo—German Naval Agreement of 1935 : an Interim Judgement. The Journal of Modern History. Nr. 2, S. 159 ; 174 (Juni 1956).

¹⁵⁹ J. M. Keynes : Essays and Sketches in Biography S. 175—180 (Newyork 1956).

Frank Owen : Tempestuous Journey. Lloyd George, his Life and Times. S. 522—555 (London 1954).

klärung ist hauptsächlich in der wirtschaftlichen Struktur des Britischen Reiches zu suchen. Als J. M. Keynes im Sommer 1919 in Widerspruch zu seinen Landsleuten W. M. Hughes, Lord Sumner und Lord Cunliffe geriet, die seiner Meinung nach übertriebene und unerfüllbare Reparationsleistungen vorgeschlagen haben,¹⁶⁰ so war dies ein Zeichen dafür, daß sich die Gegensätze zwischen den einzelnen Richtungen der englischen Wirtschafts- und Außenpolitik verstärken. Sumner, Cunliffe und der australische Ministerpräsident Hughes vertraten jene Richtung des englischen Imperialismus, der seine Aufmerksamkeit vor allem auf die Meere und die überseeischen Besitztümer richtete und geneigt war, die Interessen des Handels als zweitrangig zu betrachten und Deutschland in erster Reihe als industriellen Konkurrenten fürchtete.¹⁶¹ Was letzteres anbelangt, war diese Furcht nicht unbegründet, meldete sich doch Deutschland vor dem ersten Weltkrieg auf dem Weltmarkt mit denselben Warenkategorien wie England.¹⁶² Die Lage wurde jedoch dadurch kompliziert, daß Deutschland zu gleicher Zeit — in bezug auf den Handel — im Import und Export des Britischen Reiches eine bedeutende Rolle spielte.¹⁶³ Das Interesse des Handels war in großem Maße den Interessen der Industrie entgegengesetzt, denn es erforderte eine Zahlungs-, Kredit- und nicht in letzter Reihe eine kaufkräftige deutsche Wirtschaft; dies wieder bedingte und erforderte unausweichlich die Förderung der Industrie und die Erhöhung ihres Exportes.¹⁶⁴ Eine solche wirtschaftliche Aufrichtung des deutschen Imperialismus — aber in solchen Schranken und mit solchen Garantien — war erwünscht, daß er nicht zum stärksten Konkurrenten, später sogar zum grimmigsten und gefährlichsten

¹⁶⁰ Lloyd George : Die Wahrheit über die Reparationen und Kriegsschulden. S. 20—30 (Berlin 1932).

Lloyd George : The Truth about the Peace Treaties. Bd. I, S. 502—504 (London 1938).

¹⁶¹ H. F. Simon : Reparation und Wiederaufbau. S. 46—47 (Berlin 1925).

¹⁶² J. M. Keynes : Die wirtschaftlichen Folgen des Friedensvertrages (Leipzig 1921). — Die den Import und Export des Jahres 1913 summierenden »Tabellen zeigen, daß die wichtigsten Ausfuhrposten bestanden aus :

1. Eisenwaren einschließlich Blechen	13,2 v. H.
2. Maschinen usw.	7,5 v. H.
3. Kohle, Koks und Briketts	7,0 v. H.
4. Wollwaren einschließlich roher und gekämmter Wolle	5,9 v. H.
5. Baumwollwaren einschließlich Baumwollgarne, Faden und Rohbaumwolle	5,6 v. H.

Diese fünf Gruppen machten zusammen 39,2 v. H. der Gesamtausfuhr aus. Man wird bemerken — stellt Keynes fest —, daß alle diese Waren zu denen gehören, worin vor dem Kriege der Wettbewerb zwischen Deutschland und England sehr scharf war.«

R. H. Burnham and G. O. Hoskins : Iron and Steel in Britain 1870—1930. A Comparative Study of the Causes which Limited the Economic Development of the British Iron and Steel Industry between the Years 1870 and 1930 (London 1943). — Die Arbeit enthält sehr reiches Material, nicht zuletzt in Hinsicht einer Vergleichung der deutschen und englischen Schwerindustrie.

¹⁶³ J. M. Keynes : a. a. O. S. 160. — Im Jahre 1913 gingen 18,1% der deutschen Ausfuhr auf das Gebiet des Britischen Reiches und 18,2% der deutschen Einfuhr kamen von dort.

¹⁶⁴ Herbert Douglas Henderson : The Inter-war Years and Other Papers (Oxford 1955). — Zehn Jahre nach Beendigung des Krieges, besonders in den Jahren der Weltwirtschaftskrise

Gegner werde. Das sich aus dieser Doppelseitigkeit ergebende Dilemma hätte Keynes theoretisch lösen sollen. Sein Buch,¹⁶⁵ das beim Erscheinen allgemeines Aufsehen erregte und zweifellos eine große Wirkung wenn auch nicht auf die öffentliche Meinung, so doch auch auf sehr ansehnliche Staatsmänner ausübte, war trotzdem keinesfalls die Resultante, sondern lediglich

zeigten sich die englisch-deutschen Gegensätze wieder mit voller Kraft. »The principal categorie of German export trade are as follows :

	German exports in 1928 £ millions	Percentage of total German exports
Coal and iron products	118	20,1
Textiles.....	89	15,0
Chemicals.....	63	10,8
Machinery and vehicles .	53	9,1
	323	55,0

But these are also the principal exporting industries of Great Britain, the corresponding figures being as follows :

	British exports in 1928 £ millions	Percentage of total British exports
Coal and iron products . .	110	15,1
Textiles.....	244	33,8
Chemicals.....	25	3,5
Machinery and vehicles..	96	13,3
	475	65,7

Thus these four groups of industry account for well over one-half of the recorded export trade of Germany, and for nearly two-thirds of that of Great Britain.«(S. 91) — Zu gleicher Zeit wurde die Situation Englands durch die, sich aus den gegensätzlichen Interessen von Industrie und Handel sich ergebende Lage noch verwickelter in der Reparationsfrage, mit besonderer Rücksicht auf die Wirtschaftskrise der Jahre 1929—1932. »The similarity of economic structure between the two countries is of fundamental importance — schreibt der Verfasser —, because in the long run Germany can only pay reparations by means of so called 'export surplus'. An export surplus can be built up 1. by checking imports ; 2. by stimulating exports ; and the obligation to pay reparations exerts a pressure on German economy in both these directions. Great Britain stands to suffer to some extent from the former tendency, because Germany is normally an important consumer of British goods. Of the total volume of British exports, 8 per cent went to Germany in 1928. But she stands to suffer still more seriously from the latter tendency, because artificial stimulus to German exports is necessarily to the detriment of a country whose industrial life is developed along such similar lines« (S. 92).

¹⁶⁵ J. M. Keynes : The Economic Consequences of the Peace.

Étienne Mantoux : a. a. O. S. 4. — Nach seiner Resignation richtete Keynes ein Schreiben an General Smuts (der für die nachgiebigere Politik Deutschland gegenüber Stellung nahm) und bot ihm seine Dienste an. Smuts ersuchte ihn hierauf, in übersichtlicher Form zusammenzustellen, was eigentlich die wirtschaftlichen und finanziellen Verfügungen des Friedensvertrages bedeuten und welche schädlichen Folgen dieselben in Zukunft haben werden. (Vgl. S. G. Millin, General Smuts. Bd. II, S. 255—256 [London 1936].)

die Summierung der Ansichten gewisser Richtungen des englischen Imperialismus. Diese beruhten darauf, daß das Wirtschaftsleben des Britischen Reiches, das gemeinsame Interesse von Industrie und Handel die Konsolidierung der kapitalistischen Wirtschaft Europas, innerhalb dessen Ost- und Südosteuropas fordere, was wiederum — und das war der Kern der Argumentation — ohne die Inanspruchnahme Deutschlands unmöglich ist.¹⁶⁶ Daß deutscherseits für die geleisteten Dienste eine gar nicht bescheidene Gegenrechnung vorgelegt werden wird, davon waren alle, darunter ihr ideologischer Fürsprecher, J. M. Keynes, überzeugt und hielt deren Honorierung — in vernünftigen Grenzen — eines-teils für berechtigt, vor allem bei Berücksichtigung seiner Rolle im Wirtschaftsleben Europas, besonders in Ost- und Südosteuropa,¹⁶⁷ andernteils für möglich, da als Ergebnis des Kriegsausganges und seiner Folgen die deutsche Konkurrenz ernsthaft geschwächt wurde. Die Wirtschaft (und was damit gleichbedeutend ist, die Herrschaft) Deutschlands — stellt Keynes fest — »beruhte auf drei Hauptfaktoren: I. seinem Überseehandel, verkörpert in seiner Handelsflotte, seinen Kolonien, seinen Auslandsanlagen, seiner Ausfuhr und den Überseeverbindungen seiner Kaufleute; II. der Ausbeutung seiner Kohle und seines Eisens und der darauf gegründeten Industrien; III. seinem Verkehrs- und Zollsystem«. ¹⁶⁸ Was den ersten und sehr bedeutenden Faktor betrifft, so stärkte dieser infolge der raschen und selbstsüchtigen Aktionen Englands nicht mehr die deutsche Weltherrschaft. Nachdem der dritte Faktor — in bezug auf seine Bedeutung — weit hinter den beiden anderen zurückblieb, verblieb vom Gesichtspunkt Englands nur ein einziges beunruhigendes Problem: ob Deutschland im Besitz von Kohle und Eisen sowie der darauf basierenden Schwerindustrie nicht zum gefährlichsten Konkurrenten und später zum erbittertsten Feind des Britischen Reiches werden wird. Die Lösung dieses Problems ver-

¹⁶⁶ J. M. Keynes : a. a. O. S. 236—243.

¹⁶⁷ J. M. Keynes : Die wirtschaftlichen Folgen des Friedensvertrages. S. 11—12. — »Rings um Deutschland war der Rest des europäischen Wirtschaftssystems gelagert«, schreibt Keynes auf die Lage vor dem Kriege verweisend. ». . . Die Statistik der gegenseitigen wirtschaftlichen Abhängigkeit Deutschlands und seiner Nachbarn ist überwältigend. Deutschland war der beste Kunde Rußlands, Norwegens, Hollands, Belgiens, der Schweiz, Italiens und Österreich—Ungarns, der zweitbeste Großbritanniens, Schwedens und Dänemarks, und der drittbeste Frankreichs. Es war die bedeutendste Zufuhrquelle für Rußland, Norwegen, Schweden, Dänemark, Holland, die Schweiz, Italien, Österreich—Ungarn, Rumänien und Bulgarien, und die zweitbeste für Großbritannien, Belgien und Frankreich. — Wir selbst führten nach Deutschland mehr als nach irgendeinem Lande der Welt außer Indien aus und kauften von ihm mehr als von irgendeinem anderen Lande der Welt außer den Vereinigten Staaten.« — Was die Länder Ost- und Südosteuropas anbelangt, so heißt es : »Deutschland versorgte nicht allein diese Länder durch seinen Handel, sondern lieferte einigen unter ihnen auch eine großen Teil des Kapitals, das es zu seiner eigenen Entwicklung nicht brauchte. Von Deutschlande Auslandsbeteiligungen vor dem Kriege, die im ganzen ungefähr 25 Milliarden Mark betragen, waren nicht viel unter 10 Milliarden Mark in Rußland, Österreich—Ungarn, Bulgarien, Rumänien und der Türkei angelegt ; durch das System der »Friedlichen Durchdringung« gab es diesen Ländern nicht nur Kapital, sondern auch, was sie kaum weniger brauchten, Organisation. *Ganz Europa östlich des Rheins fiel so in das deutsche Industriegebiet, und sein Wirtschaftsleben richtete sich entsprechend ein.*« (Hervorhebung von mir — L. Zs.)

¹⁶⁸ J. M. Keynes : Die wirtschaftlichen Folgen des Friedensvertrages. S. 50.

meint Keynes darin zu finden, daß man Deutschland einerseits — bei entsprechenden Garantien — einen Platz in solchen Wirtschaftsorganisationen sichern muß, durch die es an der Verteilung der Güter der Welt (natürlich als gefügiger Partner der siegreichen Großmächte, in erster Reihe Englands) teilnehmen kann,¹⁶⁹ andernteils muß ihm als Gegenleistung freie Hand in Ost- und Südosteuropa, die riesigen Gebiete Rußlands mitinbegriffen, gesichert werden.¹⁷⁰

Die Möglichkeit, Sowjetrußland mit militärischen Kräften auf die Knie zu zwingen, schien — im letzten Quartal des Jahres 1919 — den nüchterneren Vertretern Englands schon als sehr fraglich. Statt der offenen und direkten Intervention schien die Anwendung indirekter und verschleierterer Interventionsmaßnahmen für geeigneter. Auch die deutsche Regierung war — im Gegensatz zu den extremsten politischen und militärischen Gruppen — geneigt, mit Rücksicht auf die immer verwickelter werdende internationale Lage im Baltikum und nicht zuletzt auf die Niederlage und stets größere Ausmaße annehmende Demoralisierung der deutschen Militärformationen eine neue Variante der Erhaltung der Positionen im Osten zu versuchen. In dieser Hinsicht war die Antwort charakteristisch, die deutscherseits auf die Note der Verbündeten vom 20. Oktober 1919 überreicht wurde, in welcher — wie bekannt — Deutschland aufgefordert wurde, an der Blockade Sowjetrußlands teilzunehmen. Wenn die deutsche Antwortnote (30. Oktober 1919)¹⁷¹ feststellt, daß die deutsche Regierung »weiter die Politik der Nichteinmischung in die innere Politik Rußlands befolgen werde, nicht nur grundsätzlich, sondern weil sie glaube, daß diese Politik sich aus praktischen Gründen rechtfertigt«, trennt sie zugleich auf feine, jedoch sehr sinnfällige Art den prinzipiellen Standpunkt und die zu befolgende Praxis. Was das Prinzip betreffe — heißt es in der Note — bewies »die deutsche Regierung . . . ständig durch Wort und Tat, daß sie sich der schweren Gefahren voll bewußt ist, die die Ausbreitung des Bolschewismus

¹⁶⁹ *Ebenda* S. 216—217. — »Der von den Verbündeten bereits eingesetzte Kohlenauschuß sollte ein Organ des Völkerbundes werden und durch Vertreter Deutschlands und der anderen Staaten Mittel- und Osteuropas, der nördlichen Neutralen und der Schweiz erweitert werden. Seine Befugnis sollte nur beratend sein, aber sich auf die Verteilung der Kohlenzufuhren Deutschlands, Polens und der Bestandteile der früheren Österreichisch-Ungarischen Monarchie und des Ausfuhrüberschusses Englands erstrecken.« — »Unter der Aufsicht des Völkerbundes sollte . . . ein Freihandelsverband von Ländern errichtet werden, die sich verpflichten, keine Schutzzollgestzegebung irgendeiner Art gegen die Erzeugnisse anderer Verbandsmitglieder einzuführen. Deutschland, Polen, die aus dem Österreichisch-Ungarischen und Türkischen Reich neu geschaffenen Staaten und die einem Mandat unterstellten Staaten sollten gezwungen sein, diesem Verbands zehne Jahre lang anzugehören, danach aber ihm freiwillig angehören dürfen. Der Beitritt anderer Staaten wäre von Anfang an freiwillig; *aber es ist zu hoffen, daß wenigstens England eines der ersten Mitglieder werden würde.*« (Hervorhebung von mir — L. Zs.)

¹⁷⁰ *Ebenda* S. 240—241.

¹⁷¹ Sächs. Landeshauptarchiv Dresden. Gesandtschaft Berlin. Nr. 367. S. 21. — Auf der Sitzung des Auswärtigen Ausschusses am 24. Oktober 1919 umriß der Außenminister die Hauptlinien der deutschen Antwort. »Wir lehnen die Beteiligung an der Blockadenpolitik ab, er bieten uns aber zu einer gemeinschaftlichen Besprechung des russischen Problems« — sagte Außenminister Müller.

für das Kultur- und das Wirtschaftsleben aller Völker bedeutet«. ¹⁷² Wenn sie, was die Praxis anbetrifft, doch einen anderen Standpunkt einnehme, so findet dies seine Erklärung darin, daß sie von der Blockade Sowjetrußlands kein befriedigendes Ergebnis erhofft, sondern im Gegenteil befürchtet, daß diese eine gerade entgegengesetzte Wirkung ausüben wird. Der einzig gangbare Weg zum Sturz der Sowjetmacht bestehe — nach der deutschen Note — in der Ausnutzung der wirtschaftlichen Schwierigkeiten, und zwar mit Hilfe Deutschlands. »Die deutsche Regierung ist bereit«, heißt es in der Note, »sich an einer Aussprache über die in Betracht kommenden Fragen, deren weltpolitische Bedeutung sie gebührend wertet, zu beteiligen. Sie wird sich allen irgendwie zweckmäßig erscheinenden Maßnahmen, die das gemeinsame Ziel des Schutzes gegen den Bolschewismus erreichen helfen, gern anschließen . . . « ¹⁷³

Die in der deutschen Antwortnote vorgeschlagenen Maßnahmen stimmten im großen und ganzen mit den Erwägungen Keynes' überein, der dieselben kommentierend seiner Hoffnung Ausdruck verlieh, daß die Engländer »wenn nicht grundsätzlich, so doch wenigstens aus praktischen Gründen, die gleiche Politik befolgen werden«. ¹⁷⁴ Das Wesentliche dieser praktischen Politik wiederum wäre, daß England sich nicht damit begnügen könne, in seiner Politik Rußland gegenüber »die von der deutschen Regierung angekündigte Politik der Nichteinmischung gutzuheißen«, sondern es sei seine Aufgabe, »Deutschland zu ermutigen und unterstützen, seinen Platz in Europa als Schöpfer und Organisator des Reichtums bei seinen östlichen und südlichen Nachbarn wieder einzunehmen«. ¹⁷⁵

Wenn sich die offizielle englische Außenpolitik die Argumente Keynes' immer mehr zu eigen machte, geschah das nicht infolge der persönlichen Überzeugungskraft Keynes', sondern weil — auf wirtschaftlichem und internationalem Gebiet — jener Flügel des englischen Imperialismus vorgestoßen ist, der im Interesse des europäischen Gleichgewichtes die relative Erstarkung Deutschlands für notwendig erachtete. Dieser Flügel des englischen Imperialismus hätte gerne mit einem Schlage drei Aufgaben gelöst: die europäische Hegemonie Frankreichs brechen und ihm gegenüber — mit der Aufrichtung Deutschlands — ein entsprechendes Gegengewicht sichern, Deutschland im Zaum und auf der Stufe eines jungen Partners halten und schließlich, jedoch nicht zuletzt Sowjetrußland auf indirektem Wege unterwerfen — hierbei Deutschland in Anspruch zu nehmen und für sich zu verpflichten. ¹⁷⁶ Seitens des nuch-

¹⁷² Frankfurter Zeitung. Nr. 816, S. 1. 31. Oktober 1919.

¹⁷³ *Ebenda* S. 1.

¹⁷⁴ J. M. Keynes: Die wirtschaftlichen Folgen des Friedensvertrages. S. 239.

¹⁷⁵ *Ebenda* S. 241.

Étienne Mantoux: a. a. O. S. 174. — Der Verfasser verweist richtig darauf, daß der Keynes-Plan — in der Praxis — Ost- und Südosteuropa Deutschland ausgeliefert hätte.

¹⁷⁶ Br. F. P. Erste Serie. Bd. VI, S. 295—296. — Maude befaßt sich in seinem Bericht vom 17. Oktober 1919 mit der Frage der deutsch-russischen wirtschaftlichen Verbindungen und verweist auf die Gefahr, die daraus entstehen würde, wenn es Deutschland gelänge allein und

terneren, mit den Realitäten mehr rechnenden Flügels des deutschen Finanzkapitals zeigte sich auch Bereitschaft — vorübergehend und aus taktischen Erwägungen — die zweitrangige Rolle zu übernehmen;¹⁷⁷ — ob nun mit Erfolg oder nicht, das hing nicht von ihnen und ihren Auftraggebern ab, sondern von den Völkern jener Staaten, in erster Reihe Sowjetrußlands, auf deren Rechnung man den Handel abschließen wollte.

*

Wenn sich die englische Diplomatie den durch Keynes vertretenen Standpunkt immer mehr zu eigen machte, so spielte darin außer den grundlegenden Wirtschaftsfaktoren auch die Rückkehr zur traditionellen Gleichgewichtspolitik eine große Rolle. Die Wiederaufrichtung und relative Stärkung Deutschlands bildete einen organischen Teil jener englischen Außenpolitik, die in Europa ein entsprechendes Gegengewicht zu Frankreich suchte, nicht zuletzt — so sehr dies auch paradox erscheint und klingt — eben um die normalen englisch—französischen Verbindungen zu sichern.¹⁷⁸ Deutschland wäre die Aufgabe zugefallen, in Europa die Macht Frankreichs zu paralysieren, doch auf die Art, daß es diesen Auftrag nicht mißbrauche resp. diesen nicht mißbrauchen könne.¹⁷⁹

Sollten einzelne Leute aus dem ersten Weltkrieg nicht genügend Lehren gezogen haben, so haben die Vorgeschichte und der Ablauf des zweiten Welt-

ausschließlich seine Hand nach dem russischen Raum auszustrecken. Maude beantragt eine gewisse Arbeitsteilung, die — seiner Meinung nach — mit Rücksicht auf die Nachkriegs-Betätigung des deutschen Großkapitals möglich wäre. »If the possibilities of the German market at the present time were properly understood in England«, schreibt Maude, »it would quickly be realized that it is within the power of British capitalists to get control for an indefinite period of practically every factory in Germany, and through Germany, of Russia. By so doing, England would then have an effective weapon preventing German trade ever becoming a menace to English trade, and at the same time, open up unlimited markets for herself.«

¹⁷⁷ Lucien Graux : Histoire des violations du Traité de Paix. Bd. I, S. 186 (Paris 1921). — Im Dezember 1919 äußerte sich Arnold Rechberg folgendermaßen Guilloville, dem Berichterstatter des »Temps« gegenüber : »L'Allemagne serait heureuse d'être débarassée du dangereux voisinage bolcheviste. Elle profiterait des avantages économiques recueillis pour payer ses dettes et exécuter scrupuleusement ses engagements à l'égard de ses vainqueurs. Elle se soumettrait à leurs exigences, car elle reconnaît que les Alliés peuvent l'empêcher de se relever si elle ne désarme pas leur défiance. L'Allemagne donnerait des garanties qu'elle ne veut pas exploiter des richesses naturelles russes à son profit exclusif, mais qu'elle veut loyalement partager les bénéfices de l'entreprise avec la France et l'Angleterre dans une collaboration féconde et pacifique.«

¹⁷⁸ Lord d'Abernon's diary. An Ambassador of Peace. Bd. II, S. 239 (London 1929). — Auf die Ereignisse nach dem ersten Weltkrieg rückblickend schreibt er im sehr kritischen Abschnitt der internationalen Lage (August 1923) in seinem Tagebuch : »Anyone who supposes that a French Government dominating the Continent as Napoleon dominated it after Tilsit will remain friendly to England must be a poor judge of national psychology. No more foolish expectation could be entertained. It is equally improbable, under such circumstances, that we should be friendly to France. Desiring the maintenance of the Anglo—French Entente, I am compelled to desire the existence of a strong Germany.« (Hervorhebung von mir — L. Zs.)

¹⁷⁹ Arnold Wolfers : Britain and France between two wars. S. 243. — Über die englische Außenpolitik schreibt er : »... the objective, therefore, whatever the motives behind it may have been, can be defined as an attempt to endow Germany with a 'happy medium' of power being somewhere between the Versailles level and on a 'maximum level', by Britain's determination.«

D'Abernon : a. a. O. Bd. II, S. 167—168. — Die Schwächung Deutschlands ergibt — indirekt — die Stärkung Frankreichs, und dies kann — nach den Worten des Verfassers — nicht das Interesse Englands sein.

krieges sehr augenscheinlich aufgezeigt, daß es für den Imperialismus im allgemeinen, für den deutschen Imperialismus im besonderen keinen »goldenen Mittelweg« für die Dauer geben könne. Dies zu betonen, ist deshalb von Wichtigkeit, weil wir in unseren Tagen Zeugen sind, wie einzelne Richtungen, sehr angesehene amerikanische, besonders aber westdeutsche Vertreter der bürgerlichen Geschichtsschreibung bestrebt sind, absichtlich oder unabsichtlich die Bereinerung des Wesens und des Charakters des deutschen Imperialismus und Militarismus zu erschweren oder gar zu behindern, seine Barbarei und Aggressivität von der wirtschaftlichen Grundlage und dem darauf aufgebauten gesellschaftlichen und politischen System zu trennen.¹⁸⁰ Aus diesem Gesichtspunkt ist die Studie Gerhard Ritters über die Probleme des deutschen Militarismus sehr lehrreich.¹⁸¹ Ausführlicher wird dieselbe Frage auch in seinem Buch¹⁸² behandelt, das in vieler Hinsicht von Ludwig Dehio treffend kritisiert wird.¹⁸³ Er hält die Konzeption Ritters für bedenklich der den Militarismus und die sog. »Staatsräson« einander gegenüberstellt und die militärische und politische Seite der Machtbestrebungen voneinander trennt. Ritter verurteilt Ludendorff und Hitler, doch nur deshalb, weil sie das Gleichgewicht zerstörten, das zwischen den zwei Begriffen zu Gunsten der Vernunftmäßigkeit der »Staatsräson« bestand. Letztere hätte gefordert (und hier schließt sich die Theorie Ritters der Praxis an, der Periode 1939—1945, als er selbst gegen die von Hitler repräsentierte — seiner Meinung nach unvernünftige — »militaristische« Politik war), daß Deutschland nach dem ersten Weltkrieg und zwischen den zwei Weltkriegen eine solche Großmachtspolitik betreibe, welche die Gegensätze nicht ins unendliche zuspitzt, den Krieg nicht unvermeidlich macht und nicht die wahrscheinliche Niederlage nach sich zieht.¹⁸⁴

Gerhard Ritter will in seiner Biographie des im Zusammenhang mit dem Attentat auf Hitler hingerichteten Goerdeler nicht nur die Möglichkeit, sondern auch die praktische Durchführung resp. den Versuch eines vernünftigen und gemäßigten deutschen Imperialismus darstellen, der keine kriegerischen Verwicklungen mit Frankreich, in erster Reihe aber mit England und den Vereinigten Staaten mit sich bringt, sondern mit ihnen in möglichst größtem

¹⁸⁰ Vgl. L. Zsigmond: Németség hatalmi törekvéseinek összefüggése és gazdasági meghatározottsága az imperializmus korszakában (Der Zusammenhang und die wirtschaftliche Determination der Machtbestrebungen Deutschlands in der Epoche des Imperialismus). A Magyar Tudományos Akadémia Történettudományi Intézetének Értesítője. 1—2, S. 20—51 (Budapest 1956).

¹⁸¹ Gerhard Ritter: Das Problem des Militarismus in Deutschland. Historische Zeitschrift, Februar 1954, Nr. 1, S. 21—49.

¹⁸² Gerhard Ritter: Staatskunst und Staatsräson — das Problem des »Militarismus« in Deutschland (München 1954).

¹⁸³ Ludwig Dehio: Um den deutschen Militarismus. Bemerkungen zu G. Ritters Buch »Staatskunst und Staatsräson — das Problem des 'Militarismus' in Deutschland«. Historische Zeitschrift, Nr. 1, S. 43—64, August 1955.

¹⁸⁴ Maximilian von Hagen: Deutsche Weltpolitik und kein Krieg. Historische Zeitschrift S. 297—307, April 1955. — Die schon in ihrem Titel charakteristische Studie analysiert in obigem Sinne die Lage, die sich vor dem ersten Weltkrieg ergab.

Einvernehmen handelt.¹⁸⁵ Goerdeler vertrat jenen Flügel des deutschen Finanzkapitals, der von der weiteren politischen, wirtschaftlichen und militärischen Führerschaft Hitlers den Verlust jener Möglichkeiten (und nicht zuletzt der Sicherung eines Teiles der Beute) befürchtete, welche durch eine — nach seiner Ansicht — zeitgerecht durchgeführte Wendung noch gesichert werden könnten. Der einstige Anhänger und Mitarbeiter Hitlers, Goerdeler war, nach der für Deutschland ungünstigen Wende im Kriegsverlauf für einen Vergleich mit den Westmächten und in den Jahren 1943/44 bereit, die früheren hochtrabenden deutschen Kriegsziele (in seinem eigenen Namen und im Namen der unter seiner Führung stehenden zukünftigen Regierung) zuerst auf den Kontinent, schließlich auf Ost- und Südosteuropa zu beschränken.¹⁸⁶

In den Jahren 1943/44 wiederholten sich mit gespensterhafter Ähnlichkeit die charakteristischen Erscheinungen der Jahre 1917/18, die dem militärischen und politischen Zusammenbruch des kaiserlichen Deutschlands vorangingen. Den deutschen Imperialismus und Militarismus — auf Kosten des Ostens — hinüberzuretten, das war die Losung in der letzten Phase des zweiten Weltkrieges, dies war auch in der letzten Periode des ersten Weltkrieges das Ziel. Die Ereignisse der Zeitspanne von 1918 bis 1939, vor allem aber der Jahre 1939—1945 beweisen, daß »Staatsräson« und Militarismus nicht zwei verschiedene Dinge sind, sondern zwei Glieder derselben Kette.¹⁸⁷ Die sog. fried-

¹⁸⁵ Gerhard Ritter: Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung (Stuttgart 1955).

¹⁸⁶ Ebenda S. 569—609. — Es lohnt sich, die Entwürfe Goerdelers vom 30. Mai 1941 (S. 569) mit den Memoranden vom Sommer oder Spätherbst des Jahres 1943 (S. 570—576) und vom 26. März 1943 (S. 577—595) zu vergleichen. Die Veränderung im Ton und im Inhalt ist — in engem Zusammenhang mit dem Gang der Kriegereignisse — sehr charakteristisch. Die Variante von 1941, die nach den Erfolgen des polnischen und westlichen Blitzkrieges, vor dem Feldzug gegen die Sowjetunion geschrieben wurde, enthält im großen und ganzen die Totalität der deutschen Kriegsziele. Die zwei letzten Varianten sind schon bescheidener, der Entwurf vom März 1943 spricht von der kontinentalen Hegemonie Deutschlands nur mehr als von einer Eventualität (b) »Auch die führende Stellung Deutschlands auf dem Kontinent kann noch erarbeitet werden«; die Erwerbung resp. Rückerwerbung von Kolonien hält er im gegebenen Zeitpunkt jedoch schon für unmöglich. (d) »Dagegen ist der Zeitpunkt, Kolonien jetzt zu erwerben, verpaßt. Das wäre wohl vor einem Jahre noch möglich gewesen.«) Lediglich Österreich und das Sudetenland zu behalten hält er für möglich und für notwendig, gewiß nicht in letzter Reihe aus ebensolchen Erwägungen, welche auch Ende 1918 die deutsche Diplomatie charakterisierten. Die Lage war tatsächlich in vieler Hinsicht der im letzten Abschnitt des ersten Weltkrieges verhängnisvoll ähnlich (»Verhängnisvoll erinnert diese Entwicklung«, schreibt Goerdeler »an die seit Frühsommer 1918 sich vollziehende«), so auch darin, daß Goerdeler und seine Mitarbeiter die durch Niemann im Juli 1918 inspirierten Manöver gerne wiederholt hätten. Die Aktion Goerdelers zeugte im allgemeinen davon, daß der im Jahre 1945 — zum zweitenmal — geschlagene deutsche Imperialismus und Militarismus nichts gelernt hat und sein gemäßigter Flügel — mit der Sowjetfeindlichkeit, dem Selbstbestimmungsrecht und den Gegensätzen zwischen den Siegermächten rechnend — das wiederholen wollte, was seine Vorgänger im Jahre 1918 getan haben.

¹⁸⁷ Anneliese Thimme: Hans Delbrück als Kritiker der wilhelminischen Epoche (Düsseldorf 1955).

Eric C. Kollman: Eine Diagnose der Weimarer Republik. Ernst Troeltschs politische Anschauungen. Historische Zeitschrift Bd. 182, S. 291—319 (München 1956).

A. Thimme und A. C. Kollman sind gezwungen, die Widersprüche des deutschen Imperialismus — unter anderem — auf den Konflikt zwischen »Kopf und Herz« (A. Thimme, a. a. O. S. 149) reduzierend, die Unversöhnlichkeit des deutschen Imperialismus und der »Vernunftmäßigkeit« — zumindest in solchem Rahmen — anzuerkennen.

liche Entwicklung des deutschen Imperialismus macht, an einem gewissen Punkte angelangt, die Abrechnung mit den Waffen unvermeidlich, welche infolge der untrennbaren Einheit der sich auf den Osten und Westen, auf den Kontinent und auf die Kolonien gleichermaßen erstreckenden Kriegsziele nicht lokalisieren läßt. Seine Gesetzmäßigkeit kann mit Hilfe der von Lenin gegebenen Definition verstanden werden. In seiner Studie »Der Imperialismus als höchstes Stadium des Kapitalismus«¹⁸⁸ tritt Lenin jener Konzipierung Kautskys entgegen, der Imperialismus sei ein Produkt des hochentwickelten industriellen Kapitalismus und bestehe in dem Drange jeder industriellen kapitalistischen Nation, sich ein immer größeres agrarisches Gebiet zu unterwerfen und anzugliedern, ohne Rücksicht darauf, von welchen Nationen es bewohnt wird. Lenin verweist richtig darauf, daß die Konzipierung Kautskys einseitig sei, d. h. sie greife willkürlich einzig und allein die nationale Frage heraus. Es stimmt, daß die nationale Frage an sich, wie auch in ihrem Verhältnis zum Imperialismus, zwar von höchster Wichtigkeit ist, das kann aber vom Gesichtspunkt des Verständnisses des letzteren zu einer einseitigen Erklärung führen. Der Fehler liegt in der Auslegung Kautskys — schreibt Lenin — darin, daß er diese (die nationale Frage) »willkürlich und *unrichtig* nur mit dem Industriekapital in den Ländern, die andere Nationen annekieren« verknüpft und »ebenso willkürlich und unrichtig die Annexion von Agrargebieten in den Vordergrund« rückt. »Für den Imperialismus ist ja gerade *nicht* das Industrie-, sondern das Finanzkapital charakteristisch«, stellt Lenin richtig fest. »Für den Imperialismus ist gerade das Bestreben charakteristisch, *nicht* nur Agrarländer, sondern sogar höchst entwickelte Industriegebiete zu annekieren (Deutschlands Gelüste auf Belgien, Frankreichs auf Lothringen), denn erstens zwingt die abgeschlossene Verteilung der Erde, bei einer *Neuverteilung* die Hand nach *jedem* beliebigen Land auszustrecken, und zweitens ist für den Imperialismus wesentlich der Wettkampf einiger Großmächte in ihrem Bestreben nach der Hegemonie, d. h. nach der Eroberung von Ländern, nicht so sehr direkt für sich, als vielmehr zur Schwächung des Gegners und Untergrabung *seiner* Hegemonie (für Deutschland ist Belgien von besonderer Wichtigkeit als Stützpunkt gegen England; für England Bagdad als Stützpunkt gegen Deutschland usw.).«¹⁸⁹

In dem Maße, in dem der Kapitalismus in die Etappe des Monopolismus übergang und sich der Imperialismus auch in Deutschland herausbildete, wurden die östliche und westliche Expansion, die Bestrebungen zur Unterwerfung von kontinentalen und überseeischen Gebieten sowie der industriell entwickelteren und zurückgebliebenen, besonders der Agrargebiete zu unzertrennlichen, miteinander organisch zusammenhängenden Bestandteilen des einheitlichen Ganzen der Kriegsziele.¹⁹⁰ Nur unter bestimmten geschichtlichen Umständen

¹⁸⁸ W. I. Lenin : Ausgewählte Werke. Bd. I, S. 767—875 (Dietz Verlag, Berlin 1951).

¹⁸⁹ *Ebenda* S. 841—842.

¹⁹⁰ A. S. Jerusalemski : Die Außenpolitik und die Diplomatie des deutschen Imperialismus Ende des 19. Jahrhunderts S. 747 (Berlin 1954).

ist eine gewisse Seite in den Vordergrund getreten oder wurde herauskehrt, und sowohl in der Vergangenheit wie in unseren Tagen¹⁹¹ diene es dazu, dem eine Niederlage erlittenen imperialistischen Deutschland eine Atempause zu verschaffen.

*

Die Unzertrennlichkeit der Kriegsziele des deutschen Imperialismus zeigte sich im Laufe des zweiten Weltkrieges,¹⁹² offenbarte sich mehr oder weniger nach der Unterwerfung Österreichs und der Tschechoslowakei,¹⁹³ blieb aber unmittelbar nach Beendigung des ersten Weltkrieges noch ziemlich verschleiert, nicht zuletzt infolge einer ideologischen Vernebelung, die auch die Arbeiten Keynes' charakterisierte. Die These Keynes', die er wiederholt entwickelte und popularisierte, nach der, »wenn Deutschland seine Stärke und seinen Stolz wiedergewonnen hat, was mit der Zeit geschehen wird, selbst dann müssen noch viele Jahre vergehen, ehe es seinen Blick wieder nach Westen richten kann. Deutschlands Zukunft ist im Osten, und wenn seine Hoffnungen und sein Ehrgeiz wieder aufleben, so wird sich sein Blick dorthin wenden«,¹⁹⁴ erwies sich sehr bald als falsch. Als im April 1920 der dritte Feldzug der Entente gegen Sowjetrußland begann, dessen Hauptorganisator Frankreich, die Hauptmilitärmacht aber Polen war, wurde von Deutschland sofort der Umstand, daß beide militärisch gebunden waren, dazu benutzt, um im Westen, im Rheingebiet eine neue — für Deutschland günstigere — Lage zu schaffen.

Im April 1920 lief die dreimonatige Frist ab, welche die Friedenskonferenz auf Antrag des Marschalls Foch in ihrem Beschluß vom 8. August 1919 den Deutschen gewährte, nicht zuletzt deshalb, damit es im Rheingebiet gegen die Arbeiter und Werktätigen die Ruhe und Ordnung aufrechterhalte.¹⁹⁵

¹⁹¹ Hans Rothfels: Ostdeutschland und die abendländische politische Tradition (Eine Antwort an Prof. Toynbee), erschienen in Hermann Aubin, Der deutsche Osten und das Abendland. S. 193—208.

¹⁹² Nazi Conspiracy and Aggression. Bd. I, S. 370—375.

¹⁹³ William L. Langer: When German dreams come true. The Yale Review. Juni 1938. Nr. 4, S. 678—689. — In der Studie, welche nach der Besetzung Österreichs geschrieben wurde, gibt der Verfasser seiner dahingehenden Meinung Ausdruck, Deutschland werde sich nicht mit der — eventuellen — Besetzung der Tschechoslowakei begnügen, sondern bestrebt sein, seine weiterreichenden Pläne zu verwirklichen. »We may, therefore look for the 'commonwealth of nations in Middle Europe', to the realization of which, according to Franz von Papen, the annexation of Austria was but the first step . . . But there is one point to bear in mind. Even the Pan-Germans came to recognise that Central Europe alone would not suffice for Germany's economic needs. An essentially agrarian region, it can supply but few of the raw materials needed for modern industry. Hitler himself, despite the scathing denunciation of colonial policy in his book, has to come see that ultimately autarchy can be attained only by securing sources of raw material abroad. And so the resumption of colonial policy awaits only the solution of the Central European problem. When that day comes the British may find that they have been living in a fool's paradise, for the new Greater Germany promises to be infinitely stronger than the antagonist of 1914.«

¹⁹⁴ J. M. Keynes: Die Revision des Friedensvertrages. S. 204—205 (München 1921).

¹⁹⁵ F. R.—P.P.C.—1919. Bd. VII, S. 650. — S. Brief Marschall Fochs an den Vorsitzenden der Friedenskonferenz (S. 639—641). »In order to make sure of maintenance of order in the 50 kilometre zone, the German Government should be authorized to maintain provisionally in

Nachdem die Berufung auf den Kampf gegen die revolutionären Bewegungen und den Bolschewismus in der Vergangenheit Verständnis fand, versuchte die deutsche Regierung, diese auch im Frühjahr 1920 zu verwerten. Der revolutionäre Elan des über den Kapp-Putsch siegreichen deutschen Proletariats, der sich im Ruhrgebiet entwickelnde Selbstverteidigungskampf kamen sehr gelegen, daß sich die deutsche politische und militärische Führung am 3. April — sich auf die Wiederherstellung von Ruhe und Ordnung berufend — zu einer eigenmächtigen militärischen Aktion entschließe.¹⁹⁶

Die Retorsion unterblieb nicht, jedoch nur von seiten Frankreichs, dem der provokative Schritt der Deutschen gleichzeitig als guter Vorwand diente, seine Positionen im Rheingebiet, und zwar an den wichtigsten Punkten, zu verbessern. Wenn sich englischerseits nicht nur Gekränktheit zeigte (Frankreich ging selbständig vor, ohne seinen Partner zu befragen und seine Zustimmung einzuholen), sondern auch ernster Widerstand gegen die französische Kraftpolitik, so findet dies seine Erklärung darin, daß das französische Vorgehen — das scheinbar nur gegen die Deutschen gerichtet war — den neuralgischen Punkt des englischen Imperialismus traf und das im Rheingebiet mit Ach und Krach zusammengeflackte System umzustürzen drohte. Zu alledem kam noch die Abenteuerpolitik des französischen Imperialismus im Osten, die im Falle eines Sieges Frankreich zum unbeschränkten Herrn in Ost- und Südosteuropa (auch die Gebiete hinzugerechnet, die unter die mit Hilfe Frankreichs ans Ruder zu bringende gegenrevolutionäre russische Regierung fallen würden) resp. ganz Europas gemacht hätte. Um Frankreich am Rhein zu Mäßigung zu zwingen, benötigte England — im Westen — den Widerstand Deutschlands, und es versäumte auch nicht, Deutschland zu ermutigen. Zur Verhinderung eines übermäßigen Erstarkens Frankreichs im Osten mußte die englische Diplomatie — außer ihren eigenen Mitteln — auch auf den westlichen Flügel der französischen Kraftpolitik, hierzu Deutschland in Anspruch nehmend, einen Druck ausüben, was wiederum die Gefahr für die Sicherheit Frankreichs erhöhen mußte.

Die Sicherheit, die »sécurité«, auf die man sich französischerseits wiederholt und mit großem Nachdruck berief, war eine sehr widerspruchsvolle Sache. Zweifellos benötigt Frankreich so lange, als es ein feindliches, angriffsbereites Deutschland im Rücken hat — zur Abwehr der gemeinsamen Gefahr —

that zone a certain supplement, in addition to the forces mentioned above. — It is only a question, indeed of, holding certain industrial centers, like Essen, or certain large cities, like Frankfort«, lautet die Begründung Marschall Fochs.

¹⁹⁶ Arnold J. Toynbee: Survey of International Affairs — 1920—1923. S. 91 (London 1925).

J. H. Morgan, a. a. O. S. 145—153. — Auf den wirklichen Hintergrund der deutschen Aktion werfen die Meldungen des englischen Kundschafterdienstes Licht. Der Verfasser einer der Meldungen, Graff, schreibt auf das deutsche Manöver verweisend: »I am convinced . . . that the object of it all was to impose the conviction (imposer la conviction) on the Entente that a vast Bolshevik movement was on foot, directed by the Russians and likely to extend to the whole of Germany and even to the left bank of the Rhine.« (S. 153).

Verbündete in Ost- und Südosteuropa. War es aber nicht eben der französische Imperialismus, der in den Jahren 1918/19 behilflich war, das Zustandekommen eines demokratischen und sozialistischen Deutschlands zu vereiteln, das das stärkste Unterpfand für den Frieden des französischen Volkes gewesen wäre? Der französische Imperialismus hat — seine Klasseninteressen über alles stellend — an der Wiederherstellung seines eigenen Ebenbildes, des deutschen Imperialismus auf der anderen Seite des Rheins aktiven Anteil genommen. Es wiederholten sich auf verhängnisvolle Weise die Ereignisse der letzten Jahrzehnte, welche zuerst zum preußisch-französischen Krieg, dann zum ersten Weltkrieg geführt haben¹⁹⁷.

Schon die Erfahrungen des ersten Weltkrieges,¹⁹⁸ besonders aber die furchtbaren Lehren des zweiten Weltkrieges zeigten, welche große und entscheidende Rolle Ost- und Südosteuropa im allgemeinen, die Sowjetunion im besonderen im Falle einer gegen den Bestand Frankreichs gerichteten deutschen Aggression haben.¹⁹⁹

¹⁹⁷ Karl Marx und Friedrich Engels: Ausgewählte Schriften. S. 512—513 (Dietz Verlag, Berlin 1953).

¹⁹⁸ Documents diplomatiques relatifs aux négociations . . . S. 36—37. — S.: Anmerkung, Marschall Fochs: »Si, en 1914 nous avons pu durer le temps nécessaire à l'Angleterre pour faire des grandes armées; si nous avons pu tenir à la Marne et finalement à Yser, c'est que la Russie, de son côté, retenait une notable partie des forces allemandes, envahissait la Silésie et menaçait Berlin.«

¹⁹⁹ Charles de Gaulle: War Memoirs. The call for honour 1940—1942. S. 224—225 (New-York 1955). — Die Sowjetfeindlichkeit der französischen Großbourgeoisie nicht verleugnend, ja ihr an einzelnen Stellen auch Ausdruck verleihend, ist de Gaulle genötigt, die Rolle der Sowjetunion in der Befreiung Frankreichs und an der Gestaltung seines weiteren Schicksals anzuerkennen, wenn er schreibt: »In any case, for crushed France the fact that Russia was now thrown into the war opened up the greatest hopes. Unless the Reich succeeded in rapidly liquidating the army of the Soviets, the latter would make the enemy suffer a constant and terrible attrition. I had no doubt, obviously, that a victory in which the Soviets would have taken a major share might well, *ipso facto*, face the world with other perils later. These would have to be taken into account even as we fought at their aide. But I considered that, before philosophizing, one must live — that is to say — win. Russia offered the chance of doing so. (Hervorhebungen von mir — L. Zs.) At the same time her presence in the Allied camp brought fighting France a balancing element over against the Anglo-Saxons, of which I was determined to make use.«

Les événements survenus en France de 1933 à 1945. Témoignages et documents recueillis par la commission d'enquête parlementaire. Nr. 2344. Assemblée Nationale. Première législature. Session de 1947.

Der Berichterstatte der parlamentarischen Untersuchungskommission, Charles Serre, befaßt sich in seinem Referat (Bd. I, S. 5—90) detailliert mit der Vorgeschichte des zweiten Weltkrieges und widmet dem sowjetisch—französischen gegenseitigen Beistandspakt einen ersten Platz, ebenso dem östlichen Bündnisystem Frankreichs. Auf das eigenmächtige Vorgehen Deutschlands am 7. März 1936 verweisend sagte er folgendes: »Le 7 mars 1936, nous étions isolés devant la menace allemande. Certes, la Pologne et la Tchécoslovaquie acceptaient de nous soutenir par les armes, si nous exerçons notre droit de légitime défense. Cet appui était loin d'être négligeable. Il se traduisait par l'obligation pour l'Allemagne de laisser sur ses frontières sud-est et est une bonne partie de son armée. Ce fait important ne semble pas avoir été suffisamment pris en considération lors des délibérations gouvernementales. On a également hésité à utiliser les moyens que nous donnait le pacte franco—soviétique. Le délégué soviétique aux réunions du Conseil de la S. D. N., M. Litvinoff ne nous a pas ménagé son appui. Mais le Gouvernement français n'a pas profité de ces dispositions pour obtenir de l'U. R. S. S. sur le plan diplomatique et dans le domaine militaire un concours effectif. L'alliance avec les états situés à l'est de l'Allemagne a toujours servi utilement l'intérêt français« (S. 85—86).

Trial of the Major War Criminals . . . Bd. XXV, S. 446. — Document 388—PS. — Im Juni 1938, als die Aggression gegen die Tschechoslowakei vorbereitet wurde, charakterisierte

Die Vernichtung oder Schwächung der Positionen des deutschen Imperialismus in Ost- und Südosteuropa diene auch den Interessen des französischen Volkes. Doch das imperialistische Frankreich wollte die radikalen Änderungen, die in Rußland infolge des Sieges der sozialistischen Revolution vor sich gingen, nicht zur Kenntnis nehmen, und anerkannte nur gezwungen die tiefgreifende Umgestaltung, die auf dem Gebiet der Österreichisch-Ungarischen Monarchie — durch die Entstehung der Nationalstaaten — ihren Anfang nahm. Frankreich hätte gerne, besonders als nach dem Ausgang der Wahlen im Jahre 1920 die extremsten Richtungen der französischen Imperialisten an die Macht kamen, den Prozeß dort fortgesetzt, wo er im Jahre 1917 in Rußland und im Jahre 1918 im Habsburger Reich abgerissen war.²⁰⁰

Die französische Regierung hat in der ersten Hälfte des Jahres 1920 alles der antisowjetischen Intervention untergeordnet und war geneigt, die nationalen Interessen all jener Staaten Ost- und Südosteuropas,²⁰¹ die — auf Grund diverser Überlegungen — nicht die nötige Bereitschaft zeigten, an der bewaffneten Intervention teilzunehmen, in den Hintergrund zu drängen oder gar aufzuopfern. Außer den Leuten um Pilsudski haben nur Horthy und seine Anhänger die erniedrigende Rolle des Söldners angenommen und versucht, die sehr zweifelhafte Gunst und die Unterstützung des Feindes von gestern und augenblicklichen Siegern, Frankreich, zu erwirken.²⁰² Das ungarische gegen-

Hitler die Lage folgendermaßen: »Als Nahziel steht die Lösung der tschechischen Frage aus eigenem freiem Entschluß im Vordergrund meiner politischen Absichten. Ich bin entschlossen, ab 1. 10. 38. jede günstige politische Gelegenheit zur Verwirklichung dieses Zieles auszunutzen. — . . . Ich werde mich aber zur Aktion gegen die Tschechei nur entschließen, wenn ich, wie bei der Besetzung der entmilitarisierten Zone und beim Einmarsch in Osterreich der festen Überzeugung bin, daß Frankreich nicht marschiert und damit auch England nicht eingreift.« (Hervorhebungen von mir — L. Zs.)

Procès des grands criminels de guerre . . . Bd. XXXVII. S. 549. — Document L—079. — Aufzeichnung über die Besprechung Hitlers mit den militärischen Befehlshabern (23. Mai 1939). »An eine Wiederholung der Tschechei ist nicht zu glauben. Es wird zum Kampf kommen. Aufgabe ist es, Polen zu isolieren. Das Gelingen der Isolierung ist entscheidend.«

Der Osten sei bloß das Vorspiel des westlichen Gegenangriffs, meinte im weiteren Hitler. »Der Führer zweifelt«, besagt das Protokoll, »an der Möglichkeit einer friedlichen Auseinandersetzung mit England. Es ist notwendig sich auf die Auseinandersetzung vorzubereiten. England sieht in unserer Entwicklung die Fundierung einer Hegemonie, die England entkräften würde. England ist daher unser Feind und die Auseinandersetzung geht auf Leben und Tod.«

Ebenda Bd. XXXII, S. 464. Document PS—3074. — In seinem Geständnis am 7. November 1945 sagte Blomberg: »Seit 1919 und insbesondere seit 1924 nahmen drei wesentliche Territorialfragen die Aufmerksamkeit Deutschlands in Anspruch. Es waren dies die Fragen des polnischen Korridors, der Ruhr und des Memellandes.«

Ebenda Bd. XXXII, S. 468. — Document PS—3706. — In seinem Geständnis am 10. November 1945 sagte Blaskovitz: »Seit 1919 und insbesondere seit 1924 nahmen drei wesentliche Territorialfragen die Aufmerksamkeit Deutschlands in Anspruch. Es waren dies die Fragen des polnischen Korridors, des Saar- und Ruhrgebietes und des Memellandes.«

Die Geständnisse dieser beiden bekannten Mitglieder des deutschen Generalstabes, die wichtige Posten bekleidet haben, ist sehr aufschlußreich.

²⁰⁰ Charles Daniélou: *Le traité de Paris*. S. 8—11 (Paris 1933).

²⁰¹ F. J. Vondracek: a. a. O. S. 164—165. — Das Verhalten Frankreichs rief in Jugoslawien, Rumänien und in der Tschechoslowakei ernste Besorgnis hervor.

²⁰² Charles Daniélou: a. a. O. S. 50—51. — Als Berichterstatter des auswärtigen Ausschusses der französischen Nationalversammlung bewertete er in seinem Bericht anläßlich der Ratifizierung des Friedensvertrages von Trianon (23. November 1920) die Rolle des gegenrevolu-

revolutionäre System bot seine Dienste an und die seinerzeitigen Lenker der französischen Außenpolitik, Millerand,²⁰³ Paléologue, Saint-Sauveur usw. zeigten sich bereit — besonders zur Zeit der kritischen Phase der polnischen Intervention — Ungarn zum Pfeiler Nummer eins des französischen Imperialismus in Südosteuropa zu erklären.²⁰⁴ Der Umstand, daß in der Frage der Retorsion

tionären Ungarns folgendermaßen: »Nous nous plaisons à reconnaître d'ailleurs le grand service qu'elle a rendu à la civilisation occidentale lorsqu'à une période difficile pour elle en raison de sa défaite et des démembrements qui l'avaient particulièrement affaiblie, elle trouva assez d'énergie, l'occupation roumaine y aidant, pour chasser de Budapest, après quatre mois de lutte, le bolchevisme qui s'y était installé et pour barrer de ce côté définitivement la route à l'anarchie russe. Nous savons aussi que si l'intervention du commandement français n'avait pas suffi pour sauver la Pologne la Hongrie tout entière se serait offerte pour apporter le concours de sa force à l'armée polonaise aux abois.«

²⁰³ Papers and Documents Relating to the Foreign Relations of Hungary. Volume I. 1919—1920. S. 42—43 (Budapest 1939). — Das gegenrevolutionäre Ungarn begann sich schon zur Zeit Clémenceaus anzubieten. Außenminister Graf Somsich schreibt in seinem Brief an die in Budapest tätige Interalliierte Militärmission (Interallied Military Mission) vom 14. Oktober 1919, nachdem er auseinandersetzte, welchen, vom Gesichtspunkt der westlichen Großmächte gefährvollen luftleeren Raum der Zerfall der einstigen Österreichisch-Ungarischen Monarchie hinterlassen hatte und sich auf die am 11. Oktober im Senat (Somsics schreibt irrtümlich Nationalversammlung) gehaltene Rede Clémenceaus berufend: »Il serait donc dans l'intérêt éminent de la Hongrie — intérêt qui est cette fois celui de l'Europe entière, consciencieuse de l'ordre et de la liberté — que les Principales Puissances alliées et associées permettent au Gouvernement hongrois d'entretenir une armée suffisamment nombreuse et apte à sauvegarder la Hongrie contre le danger des idées subversives et des agressions qui se préparent sous le manteau de ces idées contre son existence.

En émettant ce vœu, le Gouvernement hongrois s'inspire des idées que Monsieur le Président du Conseil français a développées dans son récent discours à la Chambre française, réclamant, en vue de la destruction du bolchévisme, la coopération armée de toutes les nations, les Allemands compris.«

Ebenda S. 120—121. — Außenminister Graf Somsich lenkt in seinem Telegramm an den Beauftragten der ungarischen Regierung in Polen, Grafen Csekonics gerichteten Telegramm vom 26. Januar 1920 dessen Aufmerksamkeit darauf, zu versuchen, durch Vermittlung der Polen in Paris verständlich zu machen, daß Ungarn die einzige in Betracht kommende Kraft sei, die Polen bei der bevorstehenden antisowjetischen Intervention ernste Hilfe leisten könnte.

Reiches Material enthält das als Anhang publizierte Tagebuch des Sekretärs der Friedensdelegation, des Grafen István Csáky. Am 23. Januar 1920 finden wir — in derselben Angelegenheit — folgende Eintragung: »In accordance with the decision of yesterday's meeting, Praznovszky telegraphed to the Minister of Foreign Affairs asking him to intimate to the Poles, through Count Szembek and Count Csekonics, that they could render a great service to the cooperation in the defence against the steadily increasing bolshevist danger« (S. 865).

Nicht minder interessant ist eine spätere Aufzeichnung (23. Februar 1920), kurz vor der polnischen Provokation. »According to news reports from London, Marshal Foch will go to Warsaw within a few days. The purpose of this trip is, in all likelihood, to discuss with the Polish Government the possibility of a Polish offensive against Russia or, at least, the measures against the further advance of the Red Army. Therefore, Colonel Baron Láng called the attention of the General Staff to Count Stephen Csáky's memorandum on Hungarian—Polish relations which has already reached the Poles. Baron Láng also asked that Count Csekonics and the Hungarian military representative in Warsaw (Count Takács-Tolvay) be instructed to endeavour to convince Marshal Foch through Poles of the international significance of the Hungarian army and of the necessity of its development« (S. 882).

Horváth Jenő: A trianoni békeszerződés megalkotása és a revízió útja (Das Zustandekommen des Friedensvertrages von Trianon und der Weg der Revision) — S. 146 (Budapest 1939).

²⁰⁴ Papers and Documents Relating to the Foreign Relations of Hungary. S. 909. — Graf Csáky berichtet am 29. März 1920 über seine Verhandlung mit Paléologue, an der auch Saint-Sauveur teilnahm. Im Mittelpunkt derselben stand die Frage der französisch—ungarischen Wirtschaftsverbindungen. »The whole discussion — lautet die Aufzeichnung — gave Count Csáky the impression that a well-thought-out political plan of major significance is here involved, an impression which was further strengthened as the conversation proceeded . . . Saint-Sauveur,

und Besetzung der englische Standpunkt die Oberhand gewann und Frankreich notgedrungen im Westen zurückweichen mußte, das Zustandekommen der Kleinen Entente²⁰⁵ und schließlich, aber in entscheidendem Maße das Fiasko der antisowjetischen Intervention im Osten haben eine neue Lage geschaffen. Das Wettrennen um die Unterwerfung Ost- und Südosteuropas ging weiter, nur mit anderen, indirekteren, in erster Linie wirtschaftlichen Methoden, und wie es die Ereignisse der späteren Jahre zeigten, bei aktiver Anteilnahme des neue Kraft schöpfenden imperialistischen Deutschlands, womit die Keime neuer und größerer Verwicklungen gesät wurden.

who is a representative of Creuzot, pointed out the very great interests of this concern in Czechoslovakia, Rumania and Poland and the fact that if Hungary were also brought into this sphere of interest, the centre of this tremendous concern would be in Budapest.«

In seinen Bericht vom 5. Mai 1920 sprach Graf Csáky über seine neuere Unterredung mit Paléologue: »He repeatedly emphasized that France is firmly determined to base her policy, in Eastern Europe on Hungary. He told us confidentially that the choice was for long time between Austria and Hungary, but after mature consideration was taken in Favour of Hungary . . .« (S. 280).

Br. F. P. Erste Serie. Bd. VI. — Der Band enthält reiches Material über den englisch—französischen Konkurrenzkapf in Österreich und in Ungarn.

Gordon A. Craig and Felix Gilbert: *The Diplomats 1919—1939*. S. 49—85 (Princeton 1953). — Die von Berthelot — später — repräsentierte Diplomatie bedeutete, wenn auch nicht konsequent, die Rückkehr zu der Richtlinie, daß sich Frankreich auf die »Kleine Entente« stütze.

²⁰⁵ Arnold J. Toynbee: a. a. O. S. 287.

Florin Codresco: *La Petite Entente*. Bd. I, S. 157—182 (Paris). Die kleine Entente sollte natürlich eine Doppelrolle spielen (s. den Plan Take Jonescus, a. a. O. Bd. I, S. 150—153), einesteils gegen Deutschland und Ungarn, andererseits gegen die Sowjetunion. Trotz alledem bedeutete sie doch ein Hindernis für den deutschen Imperialismus in seiner Expansion nach dem Südosten.

Pesti Hirlap. 26. Februar 1920. In seinem Leitartikel, der den Titel »Winzige Entente« trägt, befaßt sich das Blatt in höhnischen und geringschätzigem Ton mit der Gruppierung der Ungarn umgebenden Staaten. Aus der höhnischen Benennung wurde später eine allgemein übernommene Bezeichnung.

Попытки германского империализма сохранить свои позиции в Восточной и Юго-восточной Европе

Л. ЖИГМОНД

Резюме

В период между подписанием и вступлением в силу мирного договора с новой силой появилось с германской стороны стремление вознаграждать себя на востоке за потери на западе и за морем. Включение в антисоветскую интервенцию и планы относительно России, военная акция на Прибалтике, повторное вооруженное выступление против Польши, прокламация о соединении с Австрией и после этого объявление о т. наз. немецко-австрийских территориальных требованиях в отношении Чехословакии и Югославии — все это свидетельствовало о том, что побежденный, но не уничтоженный германский империализм намеревается сперва консолидировать свое положение на востоке, чтобы позже — параллельно с восстановлением и возрастанием своей силы — поставить на повестку дня империалистические стремления и в других направлениях.

Победа социалистической революции в России, сохранение и постоянное укрепление Советской России в успешной борьбе против интервенции, укрепление позиций национальных государств, создавшихся на развалинах бывшей Австро-венгерской монархии, уничтожили, вернее в большей или меньшей мере подорвали позиции германского империализма в Восточной и Юго-восточной Европе и поставили Германию к началу 1920 г. перед более или менее готовую ситуацию. Германская ревизионистская историография в прошлом (и ее идейные преемники в настоящее время в Западной Германии) стремились представить этот необходимый и — вопреки всем противоречиям — прогрессивный процесс как «балканизацию», экономический и политический регресс, причину бесконечных международных столкновений.

По вопросу будущей судьбы Восточной и Юго-восточной Европы официальные французская и английская позиции расходились между собой, по ряду вопросов были противоположной. В той же мере, как договор о взаимной помощи, подписанный 28-го июня 1919 г. потерял свою силу, возросла с точки зрения Франции роль Восточной и Юго-восточной Европы. Правительство «национального блока», ссылаясь на «безопасность», подрывало устои настоящей безопасности французского народа в Восточной и Юго-восточной Европе. В апреле 1920 г. с германской стороны не преминули использовать положение, созданное вследствие новой, организованной Францией антисоветской интервенции, для того, чтобы вынудить изменения и на Западе. Самовольный германский военный шаг в районе Рура явился свидетельством того факта, что стремления к господству в восточном и западном направлениях — на продолжительное время — неотделимы друг от друга.

Единство и неотделимость военных целей германского империализма сказались самым очевидным образом в течение второй мировой войны. Познанию взаимной зависимости между прежними, нередко появившимися только в качестве тенденций событиями, способствует то, если они освещаются в свете позднейших, вполне уже развитых событий.

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОМИТЕТОВ В СОЗДАНИИ ВЕНГЕРСКОЙ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Б. БАЛАЖ

Национальные комитеты, национальные советы, освободительные комитеты и т. д. были созданы по всей Европе в тех странах, которые находились под игом немецкого фашизма. Эти революционные народные органы возглавляли борьбу масс с немецкими захватчиками и организовали движение сопротивления. Их создание и деятельность тесно связаны с инициативой и работой коммунистических партий, повысивших на основании резолюции состоявшегося в 1935 г. в Москве VII съезда Интернационала свои усилия относительно осуществления единства рабочего класса и образования антифашистского народного фронта, объединяющего все демократические народные силы против все более надвигающейся угрозы фашизации. Когда фашистская агрессия начала свое наступление и одну за другой оккупировала целый ряд стран, политика народного фронта коммунистических партий расширилась и стала политикой национального фронта, объединяющего все патриотические, антифашистские силы нации. На этой основе в сотрудничестве с демократическими мелкобуржуазными и буржуазными партиями были созданы органы, которые — опираясь на самые широкие массы нации — начали с их помощью борьбу против фашистских агрессоров и содействующих им изменников родины. Таким образом борьба с немецким фашизмом во многих странах Европы совпадала с классовой борьбой против содействующей немцам фашистской буржуазии. Боевая классовая направленность антифашистского национального фронта единства была обеспечена участием, руководящей ролью рабочего класса, Коммунистической Партии в фронте единства. В то же время то обстоятельство, что классовая борьба была подчинена национальному соединению против фашизма, в котором принимали участие и мелкобуржуазные и буржуазные партии, оказало тормозящее влияние на ее развитие. (Только в тех странах, как на пр. в Югославии, в Болгарии, где уже в ходе вооруженной борьбы против фашизма рабочий класс, коммунистическая партия добились решающего превосходства сил, произошло уничтожение или ослабление власти буржуазии в такой мере, что это немедленно после освобождения — вместе с присутствием Советской Армии, которая сделала невозможной интервенцию империалистов — обеспечило победу диктатуры пролетариата.)

Национальные комитеты, национальные советы и освободительные комитеты вели героическую борьбу против фашизма за свободу и независимость родины. Результаты и успехи этой борьбы не всюду были одинаковы, так как они определялись общественными и историческими условиями, силой и влиянием коммунистической партии данной страны. Особенно после поражения немцев в Сталинградской битве усилилась во всей Европе деятельность революционных народных органов и организаций национального сопротивления, а в конечном этапе войны она уже перешла во многих странах (как, например, в Бельгии, Чехословакии, Югославии, Франции, Италии) во всеобщее вооруженное антифашистское восстание.

Однако после окончания второй мировой войны дальнейший путь народных органов, организовавшихся для борьбы против фашизма, разделился. В западных странах, — во Франции, Италии, Бельгии и т. д., — откуда немецких фашистов изгнали с помощью англо-американских войск, деятельность революционных народных органов была прекращена уже непосредственно после их освобождения, а осуществление власти взял в свои руки старый, реакционный государственный аппарат. Во многих случаях руководителями расформирования органов национального сопротивления и преследования их членов становились такие его служащие, которые ранее были коллаборантами немцев, выслуживались перед правительством Виши и Муссолини, а в данный период опирались на симпатизирующие с американцами и англичанами буржуазные и мелкобуржуазные партии.¹ В странах же, освобожденных Советской Армией, после освобождения в деятельности революционных народных органов началась новая эпоха. Советская Армия одновременно с разгромом фашистских немецких войск разгромила также и старый, фашистский государственный аппарат, а осуществление власти, т. е. контроль над сохранившейся частью административного аппарата страны взяли в свои руки органы самых широких народных масс, образовавшиеся в борьбе против фашизма, — руководимые коммунистической партией национальные комитеты, национальные советы. Этим был совершен первый шаг на пути, который в конечном счете привел к созданию и укреплению власти трудящегося народа, к осуществлению народной демократии.

В Венгрии организация национальных комитетов могла произойти из-за целого ряда причин в подавляющем большинстве случаев только после освобождения страны. Вследствие того, что эти комитеты являлись органами государственной власти (эту функцию они сохранили в общем и целом вплоть до организации административного аппарата во всей стране) и одновременно и общественно — политическими органами самых широких на-

¹ В связи с этим см.: В. В. Любимова, Экономика Франции и положение трудящихся масс после второй мировой войны. Москва 1952 и Луиджи Лонго, Борьба итальянского народа за свое освобождение, (Рим, 1954). Переведены на венгерский язык в 1954 году.

родных масс во время первого этапа народно-демократического развития страны, во время демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства, они сыграли очень важную роль в мобилизации народных масс, в проведении революционных изменений.

История национальных комитетов является в полном смысле этого слова органической частью истории трудящегося венгерского народа в том виде, как она была образована под влиянием начавших действовать после освобождения экономических и общественных сил, развития классовых отношений, и — главным образом — факта, что Советский Союз принес стране свободу. В этом развитии сыграла большую роль сознательная руководящая деятельность коммунистов. Национальные комитеты являлись крупными школами демократизма, их путём многие тысячи людей включились в великое дело создания народно-демократического порядка и становились сознательными представителями, борцами революционных преобразований, происшедших в Венгрии после освобождения. История национальных комитетов является одновременно и историей той классовой борьбы, которую вел рабочий класс в союзе с крестьянством с эксплуататорами, в первую очередь с классами землевладельцев и капиталистов, с их остатками и их прислужниками — мелко-буржуазными партиями за проведение революционного преобразования, за ускорение развития страны в сторону диктатуры пролетариата, в сторону социалистического преобразования.

Вследствие того, что в состав национальных комитетов входили из-за коалиции партий разные элементы, они и сами являлись полем классовой борьбы, на котором происходило столкновение прогрессивных и реакционных сил, коммунистов и стоящих на их стороне левых членов национальных комитетов с представителями реакции — кулачества и буржуазии, которым часто удавалось глубоко проникнуть через мелкобуржуазные партии в отдельные народные органы. Вопрос классовой борьбы внутри национальных комитетов был тесно связан с обостряющейся борьбой между прогрессивными и реакционными элементами, вспыхнувшей во всей стране после уничтожения фашизма и окончания второй мировой войны, когда все более выдвигался на передний план вопрос о дальнейшей перспективе развития, т. е. вопрос о том, пойдет-ли венгерский народ вперед в направлении диктатуры пролетариата, по пути социализма, куда показывала дорогу и вела народные массы Коммунистическая Партия, или же повернет назад, по пути реставрации капитализма, куда старались вести народ защищающие интересы капиталистов мелкобуржуазные партии. Решающим испытанием сил этой борьбы являлось завоевание доверия большинства народных масс, в интересах чего мобилизовали свои силы как Коммунистическая Партия, так и мелкобуржуазные партии, в первую очередь Независимая Партия Мелких Хозяев. Эта борьба происходила в тяжелых обстоятельствах экономического восстановления страны, разрушенной фашистами и тяжело по-

страдавшей от опустошений войны, когда Коммунистическая Партия должна была приложить все свои усилия как на экономическом фронте, так и в государственной и политической жизни к тому, чтобы привести в движение жизнь страны, производство, руководить проведением демократических, революционных перемен и в то же время отбиваться от все новых наступлений реакции и защищать достигнутые шаг за шагом успехи. В этой тяжелой борьбе Коммунистической Партии сыграли значительную роль национальные комитеты, как местные органы охватывающего все демократические национальные силы Венгерского Национального Фронта Независимости, и как народные органы, воплощающие стремление самых широких масс трудящихся.

Образование национальных комитетов

То решающее обстоятельство, что Венгрия была освобождена Советской Армией, самой демократической армией всего мира, уничтожившей параллельно с изгнанием из страны немецкой фашистской армии также и решающую часть бывшего ее союзника — венгерского фашистского государственного аппарата, армию, полицейское управление, жандармерию, а в дальнейшем защитившей страну от вмешательства западных империалистов, создало возможность для венгерского народа взять в свои руки решение судьбы страны и провести под руководством рабочего класса те демократические революционные изменения, которые были уже давно необходимы.

Вследствие освобождения страны Советской Армией, при постоянной бескорыстной помощи Советского Союза, под руководством искушенной и закаленной в борьбе Венгерской Коммунистической Партии, венгерский трудящийся народ в конце сентября 1944 года сделал первые шаги на этом пути.

На освобожденных Советской Армией территориях, в первую очередь в Затисской части страны, в комитатах между Дунаем и Тисой, и в частях Северной и Южной Венгрии началось развитие демократических национальных сил в двух направлениях, которые, поддерживая и дополняя друг друга, заложили основы новой, народнодемократической Венгрии.

Наверху, по инициативе и под руководством Коммунистической Партии, был организован являвшийся продолжением нелегального Венгерского Фронта, Венгерский Национальный Фронт Независимости, который создал центральные органы власти и управления нового демократического государства, — Временное Национальное Собрание и Временное Национальное Правительство. Внизу, стихийно развившееся после освобождения демократическое массовое движение народа образовало первые народные органы, национальные комитеты, и начало на месте, на первых порах без всякого высшего руководства, проведение демократических преобразований.

Руководителями национальных комитетов, в которых олицетворялись стремления и требования трудящихся масс, были в большинстве случаев местные коммунисты: рабочие, землекопы, представители крестьянской бедноты, часто (главным образом в деревнях) участники венгерской революции 1919 года, бывшие солдаты Красной Армии. Организацию и работу национальных комитетов значительно продвигали и поддерживали и сверху ввиду того, что Коммунистическая Партия как член коалиции, тоже была участником власти.

Сама программа Венгерского Национального Фронта Независимости, которая была принята по предложению Коммунистической Партии и другими партиями, содержит указания относительно организации национальных комитетов.

«В целях борьбы с немецкими угнетателями и их венгерскими сообщниками, для уничтожения фашистской и феодальной реакции и для обеспечения демократического переворота надо организовать в каждом селе и каждом городе из представителей демократических партий и искушенных патриотов-антифашистов национальные комитеты. Национальные комитеты являются местными органами Венгерского Национального Фронта Независимости, которые объединяют демократические патриотические силы и руководят борьбой за демократическую, народную Венгрию.»²

Однако то демократическое массовое движение, которое привело к организации национальных комитетов, в отдельных его чертах отличалось от тех массовых движений, которые развились сравнительно широко в условиях вооруженной борьбы против фашистов уже в период второй мировой войны, в первую очередь в соседних странах народной демократии (в Болгарии, Чехословакии, Польше и т. д.). То обстоятельство, что в Венгрии это демократическое массовое движение начало развиваться не в условиях вооруженной борьбы против фашистов, которая провела бы разделяющую линию между демократическими и фашистскими элементами, и значительно ускорила бы процесс пробуждения сознательности масс, вооружив их опытом вооруженной борьбы против фашистов и вместе с тем и классовой войны, содействовало тому, что оно носило на себе в сравнительно большей мере черты старого общества: политическую отсталость значительной части трудящихся масс, влияние идеологической заразы фашизма. То же самое обстоятельство облегчило также реакционным и фашистским элементам внедрение в демократические массы.

Все это естественно оказало влияние также и на деятельность одной части национальных комитетов, особенно в задунайских крестьянских комитетах, в которых влияние фашистской реакции было более глубоким.

Первый национальный комитет страны был организован 3-го декабря 1944 года в городе Сегед, где Коммунистическая Партия впервые объявила

² «Неплап» Газета Народа 30 ноября 1944 г.

проект программы Венгерского Национального Фронта Независимости. 5-го декабря 1944 года были организованы национальные комитеты в Дебрецене, а после этого в Орошхаза, Сентеш, Ходмезёвашархей, Карцаг Мишкольц, Печ и т. д. В декабре 1944 года и январе 1945 года уже почти во всех освобожденных местностях были организованы и работали эти народные органы. Во многих местах национальные комитеты являлись в сущности только продолжением отдельных органов, организованных непосредственно в первые дни после освобождения (городские советы, сельские советы, советы рабочих и крестьян, комиссии с разным количеством членов — пятичленные, десятичленные советы, местные демократические народные фронты, междупартийные блоки) вследствие инициативы местных коммунистов и начавших сейчас же работу восстановления административного аппарата и всего необходимого для начала мирной жизни.

События, происшедшие в первом освобожденном венгерском городе, Мако, — являлись характерными для того размаха, с которым начали работать и руководить организацией новой жизни коммунисты, преследовавшиеся 25 лет фашистским режимом Хорти, заставившим их пойти в подполье и неоднократно объявившим их уничтожение и истребление.

Мако был освобожден 26-го сентября 1944 года. Уже 27-го сентября состоялось совещание местных руководителей рабочего класса, 19-и коммунистов и трех социал-демократов, на котором решили организовать гражданскую милицию и «гражданскую городскую комендантуру», состоящую из пяти членов (трех коммунистов, одного социал-демократа и одного беспартийного), которая должна была начать работу восстановления административного аппарата и мирной жизни. После освобождения всего комитата, 13-го октября 1944 года, был организован Пятичленный комитет комитата, все члены которого были коммунистами, и который взял в свои руки руководство всем комитатом. Эти органы являлись юридическими предшественниками Национального Комитета комитата Чанад, организованного 6-го января 1945 года уже на коалиционной основе, в председатели которого был выбран тоже коммунист.³

Согласно различным местным обстоятельствам, но в сущности подобно были организованы в октябре и ноябре 1944 года городские и сельские советы в Бекешчаба, Туркеве, Ходмезёвашархей, Байя, Кишкунфеледьхаза, Мезёмедьер и т. д., демократический народный фронт в Бихарнадьбайом, междупартийный блок в Орошхаза и т. д.

В организации этих первых народных органов безусловно играла большую роль проведенная в течение долгих лет агитационная и пропагандистическая работа Коммунистической Партии, передачи радио Кошут,

³ Имре Поланы: «Первый венгерский освобожденный город Мако». Стр. 17 и 83, по-венгерски. Рукопись.

вследствие чего лозунг объединения демократических национальных сил глубоко вникнул в лево настроенные, сочувствующие коммунистам трудящиеся массы. Вследствие этого уже непосредственно после освобождения — когда центральные органы Коммунистической Партии еще не дошли до многих местностей и программа Венгерского Национального Фронта Независимости не была опубликована, — инициатива масс шла в направлении объединения демократических сил. Так например, в городском совете г. Кишкунфеледьхаза приняли участие кроме местных коммунистов также и представители профсоюзов, ремесленников, хозяев, торговцев и оставшихся на месте городских служащих.⁴ В сельском совете в Мезёмедьер приняли участие под руководством местных коммунистов и представители рабочих, мелких хозяев, ремесленников и торговцев.⁵ В Маглод был организован совет рабочих и крестьян, в котором приняли участие в одинаковом числе с коммунистами и представители антифашистского крестьянства.⁶ Были места, в которых народные органы избирались на народных собраниях. Так например, в Батьке был выбран национальный совет, который состоял из шести коммунистов и четырех беспартийных.⁷

В это время были в стране целые округа, как например округ Кишкёрёш, в которых большинство членов национальных комитетов состояло из коммунистов, а в нескольких селах, как например, Боча, Шольгвадкерт, в которых остальные коалиционные партии начали организоваться только позже, в течение известного времени национальные комитеты состояли исключительно из коммунистов.⁸

Центральные органы Венгерской Коммунистической Партии со своей стороны оказывали существенную поддержку созданию народных органов и одновременно препятствовали развитию отдельных левых перегибов, происходящих из-за того, что некоторые считали национальные комитеты органами диктатуры пролетариата.

После постепенного создания остальных коалиционных партий почти повсюду коммунистическая партийная организация являлась тем органом, по инициативе которого организовались национальные комитеты.

«Организация Венгерской Коммунистической Партии в Баттонья призывал организацию Социал-демократической Партии Венгрии в Баттонья, местную организацию Независимой Партии Мелких Хозяев и местное

⁴ Государственный архив, Кечкемет. Документы национального комитета в Кишкунфеледьхаза, протокол от 24 ноября 1945 г. (Кечкемет).

⁵ Госархив, Дебрецен. Док. н. ком. в Мезёмедьер, протокол от 3 ноября 1944 г.

⁶ Архив Института истории партии, № Р. 28/5/1/26. Из протокола совещания Венгерской Коммунистической Партии в округе Демре, состоявшемся 1 марта 1945 г. (Из документов, собранных т. т. Дэр Ласло, Майер Мария, Сабо Ева).

⁷ Госархив Залаэгерсег, Док. н. ком. в Батька, протокол от 24 апреля 1945 года.

⁸ Архив Института истории партии, № Р. 28/5/1/119. Из протокола совещания Венгерской Коммунистической Партии в округе Кишкёрёш, состоявшемся 28 апреля 1945 г. (Из документов, собранных т. т. Дэр Ласло, Майер Мария, Сабо Ева.)

руководство Свободных Профсоюзов к тому, чтобы с их помощью организовать Национальный Комитет в Баттонья. Партии приняли предложение...»⁹

После организации национальный комитет в Баттонья уже несколько дней спустя опубликовал перед более чем тысячной восторженной толпой программу Венгерского Национального Независимого Фронта.

В это время одной из важнейших задач национальных комитетов являлось назначение, т. е. избрание на народных собраниях представителей, посылаемых во временное национальное собрание. Все существование нации зависело от того, чтобы временное национальное собрание могло собраться возможно скорее, так как оно являлось осуществителем воли народа, важнейшим органом власти и источником права нового, демократического государства, которое должно было создать временное национальное правительство. С поддержкой советских военных властей из г. Дебрецен выслали делегатов в освобожденные части страны, чтобы сообщить национальным комитетам в связи с этим все необходимое, а там, где таких еще не было, предложить их организацию и выборы представителей, посылаемых во временное национальное собрание.

Для быстроты, с которой национальные комитеты взялись за выполнение этой чрезвычайно важной задачи, характерен пример города Мишкольц. В г. Мишкольц в то время, когда прибыли туда члены Подготовительной Комиссии, еще не был организован национальный комитет. 16-го декабря 1944 года собрались в г. Мишкольц представители демократических сил, в первую очередь рабочих, чтобы выслушать прибывших представителей, которые ознакомили их с программой Венгерского Национального Фронта Независимости. Программа была собранием принята. На этом же собрании объявили оформление национального комитета и решили на другой же день созвать народное собрание. Корреспондент об этом писал следующее :

«...за несколько часов удалось мобилизовать город... тысячи листов, напечатанных без электричества, с помощью ручной силы, покрывали стены, призывая жителей к участию на народном собрании.» На следующий день, 17-го декабря «...собралась большая толпа, состоящая еще главным образом из рабочих. С большим воодушевлением приняли программу Фронта Независимости и утвердили выборы представителей национального комитета г. Мишкольц».¹⁰

Через два дня, 19-го декабря, национальный комитет г. Мишкольц уже устремил свои силы на решение важнейших очередных задач. Принимали решения относительно восстановления самоуправления, назначения служащих, проведения оправдательных процедур и процессов народного

⁹ Госархив, Сегед. Док. н. ком. в Баттонья, протокол от 19 января 1945 года.

¹⁰ «Неплап», 21 декабря 1944 года.

суда, и принимали меры для обеспечения населения продовольствием и топливом.¹¹

Создание Временного Национального Собрания и Временного Национального Правительства (21-ого и 22-ого декабря 1944 года) оказало решительное влияние и на деятельность организованных уже до этого и работающих под различными названиями народных органов и национальных комитетов. Центральные органы государственной власти и административного аппарата естественно делали все для того, чтобы создать новую, демократическую государственность, организовать административный аппарат, объединить, сплотить в одно целое отдельные части страны, комитаты, города и села, которые жили до сих пор почти самостоятельной жизнью. В выполнении этой трудной задачи Временное Национальное Правительство опиралось на местные национальные комитеты, осуществляющие связь между центральными государственными органами и народными массами и выполняющие решения и директивы правительства. Таким образом в это время великая задача создания демократического венгерского государства проводилась с большим размахом на основе сотрудничества и объединенных усилий органов государственной власти и народных масс (национальных комитетов).

В первом этапе их деятельности, т. е. в восточной части страны до создания Временного Национального Правительства, которые принялись за свою работу в начале 1945 года, а в западной части страны до апреля—мая 1945 года, т. е. до создания государственного административного аппарата, задачей национальных комитетов являлось проведение всех государственных функций в местном отношении. В Орошхаза Межпартийный Блок, из которого потом образовался городской национальный комитет вынес по предложению партийного секретаря Коммунистической Партии как свою первую резолюцию решение о том, что фашистские элементы и «нилаши» (члены венгерской фашистской партии) должны быть взяты под стражу полицейскими органами, и что надо сейчас же начать борьбу с саботерами и людьми, распространяющими ложные слухи. Комитет далее принял решения об организации общественного снабжения, обеспечения населения врачебной помощью и медикаментами, о выдаче зарплаты оставшимся на своем месте служащим.

Решение Межпартийного Блока требует, чтобы «...все решали самостоятельно связанные с работой проблемы, не ожидали всюду и всегда решений сверху, а действовали в срочных вопросах по своему усмотрению, заявляя об этом впоследствии компетентным лицам или властям. Деловые

¹¹ Госархив, Мишкольц. Док. н. ком. г. Мишкольц, протоколы от 16, 17 и 19 декабря 1944 года.

бумаги должны быть короткими и ясными! В неважных, ненужных вопросах не пишем деловых бумаг!»¹²

Действительно, никогда не являлось более важным, чем именно в эти дни, чтобы народные органы, — умеющие быстро и эластично приспособиться к создавшемуся положению, приносящие смелые, революционные решения, и главным образом опирающиеся на доверие и поддержку трудящегося народа, — взяли в свои руки руководство жизнью городов и сел, которые еще только-что освобожденные от фашистского ига, большей частью находились в летаргическом, апатическом состоянии.

После их создания, большая часть национальных комитетов считала необходимым наметить в общих чертах сферу своей деятельности и информировать об этом население. Это являлось именно потому особенно важным, что отдельные члены национальных комитетов, — особенно часть представителей Партии Мелких Хозяев, стоящих под влиянием реакционных сил, или являющихся самими реакционерами, — часто высказывали сомнения в связи с правоспособностью национальных комитетов, ссылаясь при этом на старые законы, колебались при выносе отдельных решений, являющихся по их мнению слишком радикальными и тем самым тормозили, затрудняли деятельность национальных комитетов.

Национальный Комитет комитата Чанад наметил следующим образом сферу своей деятельности в заявлении, объявляющем населению организацию этого народного органа: «Сим мы объявляем, что сегодня образовался Национальный Комитет комитата Чанад, целью и задачей которого является проведение всех мер — будь они политического, экономического, культурного, общественного или административного характера, — необходимых для создания и развития новой, демократической Венгрии...»¹³

На саботажнические попытки все еще приютившихся в старом административном аппарате реакционных, фашистских элементов, ссылавшихся на «бесперерывность прав», на «компетентность и знание дела» и пытавшихся уже с самого начала дискредитировать национальные комитеты и подрывать их авторитет, дал правильный ответ председатель национального комитета комитата Чанад:

«Возможно, что мы не знаем хорошо параграфов, но мы вкладываем в нашу работу больше сердца и доброжелательности, чем те мерзавцы, которые узурпировали до сих пор страну.»¹⁴

Для того, чтобы предупредить подобные попытки, национальный комитет в Кондораш заявил сейчас же своей организации, что «в связи с принесенными им решениями запрещается ссылаться на старые законы».¹⁵

¹² Госархив, Дьюла. Док. н. ком. в Орошхаза. Протокол от 4 декабря 1944 года.

¹³ Госархив, Сегед. Док. н. ком. г. Мако. Протокол от 21 января 1945 г.

¹⁴ Госархив, Сегед. Док. н. ком. г. Мако. Протокол от 8 марта 1945 г.

¹⁵ Госархив, Дьюла. Док. н. ком. в Кондораш. Протокол от 1 февраля 1945 г.

Насколько глубоким являлось чувство ответственности решающей части членов национальных комитетов по отношению к их должности, на которую они были избраны волей народа, показывает декларация членов национального комитета, избранных 390 членами Союза Земляных Рабочих в Гадорош. Эти делегаты, когда были выбраны в члены местного национального комитета, взяли на себя обязательство выполнить свое поручение и подтвердили это своей подписью, данной перед всем собранием, что является для крестьян особенно торжественным обещанием:

«Мы подтверждаем своей подписью, что честно выполним нашу обязанность.»¹⁶

Решающая часть членов национальных комитетов состояла из призванных представителей трудящегося народа: из рабочих, трудящихся крестьян, мелких ремесленников, прогрессивной интеллигенции. В общем и целом по всей стране именно эти элементы решали направление деятельности национальных комитетов, их глубокий демократизм, их революционность. Но параллельно с этим имелось и довольно большое количество реакционных элементов: кулаков, служащих режима Хорти и т. д., которым удалось попасть с помощью мелко-буржуазных партий в часть национальных комитетов, где они старались тормозить их деятельность или же дать ей антинародное направление.

В состав национальных комитетов входили в одинаковом числе (большей частью по 3—5 представителям каждой партии) представители пяти партий Венгерского Национального Фронта Независимости: Венгерской Коммунистической Партии, Социал-Демократической Партии, Национальной Партии Крестьян, Независимой Партии Мелких Хозяев, Буржуазно-демократической Партии, а также и профсоюза. (В Венгрии Буржуазно-демократическая Партия играла весьма незначительную роль и имела только в тех городах и селах представителей в национальном комитете, где располагалась организацией.)

Система национальных комитетов являлась следующей: со дня их создания, т.е. начиная с января 1945 года вплоть до организации Всевенгерского Национального Комитета (в сентябре 1945 года) роль центрального управляющего органа играл Национальный Комитет г. Будапешт, который определял — главным образом с помощью циркуляров — в общих чертах деятельность всех национальных комитетов страны и мобилизовал их на выполнение отдельных важных общегосударственных задач. Организация Всевенгерского Национального Комитета не принесла никаких значительных изменений в управлении и объединении общей сети национальных комитетов. Связь между национальными комитетами комитатов, городов и сел и центральным органом осталась и в дальнейшем слабой. Относительно причин этого явления мы будем говорить в дальнейшем.

¹⁶ Госархив, Дьюла. Док. н. ком. в Гадорош. Протокол от 5 января 1945 г.

В начале национальные комитеты комитатов играли очень большую роль в организации и руководстве национальных комитетов сел. Они проводили свою работу частично согласно указаниям Национального Комитета г. Будапешт (после организации Всевенгерского Национального Комитета эту функцию перенял последний), и частично по своим собственным усмотрениям.

Городские национальные комитеты имели в начальный период тоже большое значение, но скоро восстановленный административный аппарат, другие большие общественно-политические организации рабочего класса, трудящегося народа, профессиональные союзы, заводские комитеты и т. д., переняли большую часть их обязанностей.

Наиболее важную роль сыграли сельские национальные комитеты. (Окружные национальные комитеты, членами которых являлись представители сельских национальных комитетов, были организованы только в некоторых местах.) Сельские национальные комитеты долгое время имели серьезное влияние на всю жизнь села. Со своим революционным подъемом и инициативой они являлись в селах основой демократического развития. То обстоятельство, что в большинстве сельских национальных комитетов коммунисты играли главную роль, помогало создать и укрепить союз рабочих и крестьян и тем самым осуществить одну из самых важных целевых установок, выдвинутых Коммунистической Партией.

Роль национальных комитетов в основании и укреплении венгерской народной демократии может быть достойно оценена лишь тогда, если принять во внимание все те трудности, с которыми надо было бороться трудящемуся народу в то время, когда он делал первые шаги на пути свободной жизни.

Советская Армия создала для венгерского народа основные условия подъема страны, принеся ему свободу, но как венгерский народ употребит эти возможности, зависело от него самого.

Советская Армия пришла в Венгрию как ее освободитель и не вмешивалась во внутренние вопросы страны. Первые советские формации, сейчас же после того, как перешли венгерскую границу, в призыве к населению объявили об этой своей миссии. Но кроме этого, советские коменданты городов и округов, которые впервые осуществили тесную связь между Советской Армией и венгерским населением и его представителями, неоднократно самым определенным образом подчеркивали, что право определения государственной формы и общественного строя принадлежит венгерскому народу. На совещании комитета, временно исполняющего функции городского управления г. Мако, состоящемся 20 ноября 1944 года, председатель относительно своего посещения у начальства Советской Армии отчитывается в следующем :

«Председатель подчеркивает, что согласно точным информациям, полученным от начальства Советской Армии, Советская Армия не хочет отнять у Венгрии ее независимость, не желает вмешиваться во внутренние

вопросы страны, не запрещает деятельность народных партий, желает лишь, чтобы не препятствовали деятельности Коммунистической Партии, и когда настанет время население страны само решит вопросы относительно своей государственной формы и внутреннего управления. Кроме этого имеются категорические распоряжения со стороны советского военного начальства, находящегося в городе, согласно которому в члены организуемого теперь комитета для управления делами города можно принять каждого, представляющего любой общественный слой, кроме фашистского.»¹⁷

Советские военные начальства нигде не вмешивались в формирование новой государственной жизни и общественного строя, считая своей задачей лишь оказание помощи и поддержки в целях развертывания жизни и производства, служить опорой для развертывания венгерских демократических сил.

«Выбирайте тех, к кому вы питаете доверие, безразлично на партийную принадлежность» — сказал советский военный комендант округа Мезёковачхаза, когда одна делегация спросила его, из членов какой партии им выбрать старосту.¹⁸

Наряду с постоянной братской помощью освободившего нас Советского Союза, за которую он заслужил себе глубокую благодарность всего венгерского народа, мы читаем в протоколах национальных комитетов поступки и имена тех простых советских офицеров и солдат, которые пришли в Венгрию не как завоеватели, а освободители и помогли населению в эти для него самые тяжелые времена встать снова на ноги и начать новую жизнь после ужасов фашистского режима. Голос современного советского человека, играющего ведущую роль в борьбе за мир, и истинные чувства трудящегося венгерского народа обращаются к нам, если читаем протокол национального комитета Пюшпёкладань, передающего беседу советского окружного военного коменданта с членами национального комитета.

«Гвардии майор Сергей Голков... приветствует председателей партий и обращает их внимание на то обстоятельство, что с капитуляцией Японии окончилась вторая мировая война. Теперь начинается эпоха мира для всего мира, это празднует теперь весь мир... По его мнению потому важен вопрос мира для всего мира и его празднование, чтобы больше не было такой разрушающей войны. Всем нам надо работать так, чтобы фашистская идеология никогда больше не могла вникнуть в души людей. Комендант предлагает жителям Пюшпёкладань праздновать мир всего мира. Председатель благодарит майора за его слова и просит считать жителей Пюшпёкладань и весь венгерский народ своими друзьями, так как этот, терпевший много мучений народ, был принужден против своей воли бороться во время войны на стороне немецкого фашизма. Об этом не спрашивали народа...

¹⁷ Госархив, Сегед. Док. н. ком. г. Мако. Протокол от 20-ого ноября 1944 года.

¹⁸ Госархив, Сегед. Док. н. ком. в Реформатушковачхаза. Протокол от 8 апреля 1945 г.

Гвардии майор Сергей Голков высказывает свою радость, что его поняли, и обещает всегда делать все, что от него зависит, чтобы помочь венгерскому народу построить демократическую Венгрию.»¹⁹

И действительно, Советская Армия, советские военные начальники делали все от них зависящее, чтобы помочь венгерскому народу восстановить страну после варварских разрушений фашизма и войны и построить новую, свободную родину. Советский комендант города Мишкольц, т. подполковник Котлеревский, передал в распоряжение общественного снабжения поезд, состоящий из десяти вагонов, и выразил в своей речи на заседании национального комитета свою готовность полного сотрудничества с населением. Члены национального комитета приняли его слова с большей радостью и поблагодарили его «за его помощь, проявившуюся уже до сих пор неоднократно в действиях».²⁰

Во многих решениях национальных комитетов из этого периода идет речь о лошадях, переданных населению Советской Армией для распределения национальными комитетами. Национальный комитет комитата Чанад дает на основании просьбы получивших землю крестьян распоряжение бургомистру г. Мако распределить «русские лошади», чтобы «крестьяне, получившие теперь землю, могли обработать ее».²¹ Национальный комитет Дьёрсентиван выносит решение «по вопросу окончательного распределения лошадей, оставленных русскими в селе», и тоже дает распоряжение о том, чтобы их передать таким теперь получившим землю крестьянам, которые не имеют лошадей.²² В протоколах национальных комитетов Капошвар,²³ Цеце,²⁴ и т. д. мы тоже можем найти сообщения о полученных от Советской Армии лошадях, которые очень помогли крестьянам, не имеющим животной тяги, начать сельскохозяйственные работы.

В Хайдудорог Советская Армия передала в распоряжение национального комитета 242 центнера пшеницы с тем, чтобы «это количество было бесплатно распределено между населением, главным образом между членами семей бедняков, находящихся на военной службе».²⁵

Национальный комитет г. Мако подчеркивает, что Советская Армия спасла город от экономической катастрофы, так как ассигновала в самое трудное время большую сумму за важнейший продукт города — лук.²⁶

¹⁹ Госархив, Дебрецен. Док. н. ком. в Пюшпёкладань. Протокол от 8 сентября 1945 года.

²⁰ Госархив, Мишкольц. Док. н. ком. г. Мишкольц. Протокол от 26 декабря 1944 года.

²¹ Госархив, Сегед. Док. н. ком. г. Мако. Протокол от 30 апреля 1945 г.

²² Госархив, Дьёр. Док. н. ком. в Дьёрсентиваньи. Протокол от 14. июня 1945 года.

²³ Госархив, Капошвар. Док. н. ком. г. Капошвар. Протокол от 20 апреля 1945 года.

²⁴ Госархив, Секешфехервар. Док. н. ком. в Цеце. Протокол от 8 мая 1945 г.

²⁵ Госархив, Дебрецен. Док. н. ком. в Хайдудорог. Протокол от 7 января 1945 года.

²⁶ Госархив, Сегед. Док. н. ком. г. Мако. Протокол от 1 марта 1945 г.

Население Мошонмадьярвар осталось после освобождения совершенно без жиров, так как спасающие свою шкуру фашисты захватили с собой даже последние запасы. В этом трудном положении начальник общественного снабжения обратился к советскому коменданту города, «который оказал городу помощь, глубоко сочувствуя его тяжелому положению...» и передал для населения значительное количество семян подсолнуха и соевых бобов. Из семян подсолнуха получили подсолнечное масло, которым удалось перетерпеть самые трудные месяцы.²⁷

В Надьканижа советский комендант города передал населению города 20 центнеров жиров, 50 000 кило хлеба, 1200 центнеров пшеницы, 2600 центнеров ржи, 3000 центнеров бобов, несколько центнеров мака и семян подсолнуха. Во многих протоколах национального комитета Надьканижа можно прочесть о постоянной помощи советской комендатуры города, которая этим создала возможность быстрого развития жизни в городе.²⁸

Один из протоколов говорит о том, что трудящийся народ Надьканижа «...пользуется полным доверием русской комендатуры и вследствие этого город получает от советского начальства наибольшую поддержку в решении социальных вопросов, предоставлении средств передвижения, а главным образом проведения земельной реформы...».

Советская комендатура Надьканижа передала городу, оставшемуся без кареты скорой помощи, машину для этой цели.²⁹

О сочувствии и поддержке советского военного коменданта вспоминает и национальный комитет Тапольца, который передал коменданту при прощании почетный диплом:

«Устанавливается, что названный комендант в чине майора был действительным охранником порядка и во всех отношениях соответствовал своему назначению. ...Решено оформить почетный диплом с текстом на русском и венгерском языках и вручить его уезжающему русскому коменданту на торжественном собрании.»³⁰

Во многих городах и селах советские окружные военные комендатуры организовали вместе с национальными комитетами округов торжества, чтобы и этим укрепить советско-венгерскую дружбу. Так, например, национальный комитет округа организовал в с. Мор совместно с местным советским комендантом народный праздник по случаю сбора винограда, на который пригласили население округа и членов национальных комитетов сел. В порядке торжества угостили советских войнов, а офицерам передали сувениры, подаренные национальному комитету для этой цели населением.

²⁷ Госархив, Дьёр. Из документов законодательного корпуса г. Мошонмадьярвар. Протокол от 26 ноября 1945.

²⁸ Госархив, Залаэгерсег. Док. н. ком. г. Надьканижа. Протокол от 13 апреля 1945 года.

²⁹ Там же.

³⁰ Госархив, Веспрем. Док. н. ком. Тапольца. Протокол от 14 марта 1946 г.

Торжество окончилось товарищеским ужином, на котором участвовали советские бойцы, офицеры, представители национальных комитетов и члены руководства всех партий.³¹

Однако залогом нерушимой советско-венгерской дружбы в первую очередь являлась кровь, пролитая советскими солдатами за освобождение Венгрии. Национальный комитет в Бекешсентандраш, отмечая двадцать девятую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, включает в протокол следующее :

«В Венгрии нельзя было бы говорить о демократии, если бы страну не освободила победоносная Красная Армия от ига фашизма...»³²

Национальный комитет в Пюшпёкладань, организуя сбор на памятник павшим советским героям, вспоминает о том, что на территории Пюшпёкладань пало 126 советских героев.³³

О больших жертвах, принесенных народами Советского Союза, советскими людьми, говорит национальный комитет села Надьлок комитата Фейер, когда выражает по поводу первой годовщины своего освобождения «свою искреннюю благодарность освободительной Красной Армии и особенно тем русским героям, которые пожертвовали самим дорогим, своей жизнью, за освобождение и свободу нашего комитата...»³⁴

Роль национальных комитетов в борьбе с остатками реакции и фашизма

Наряду с освободительной борьбой и победой Советского Союза, явившейся решающей предпосылкой, исходным пунктом осуществления венгерской народной демократии, борьба Венгерской Коммунистической Партии за завоевание доверия решающего большинства трудящегося народа была тем основоположным фактором, который, после преодоления множества трудностей, поставил народно-демократический строй венгерского народа на несокрушимую основу и на доверие и поддержку преобладающего большинства трудящегося народа, и тем самым начался второй этап истории венгерской народной демократии — период диктатуры пролетариата, строительства социализма.

В этой борьбе, от исхода которой зависела вся дальнейшая судьба Венгрии, вопрос был поставлен так, что удастся ли коммунистам мобилизовать массы трудящегося народа в деле преодоления огромных трудностей и препятствий, на проведение основных экономических и общественных

³¹ Госархив, Секешфехервар. Док. н. ком. в Мор. Протокол от 27 августа 1945 года.

³² Госархив, Дьюла. Док. н. ком. в Бекешсентандраш. Протокол от 7 ноября 1946 года.

³³ Госархив, Дебрецен. Док. н. ком. в Пюшпёкладань. Протокол от 22 сентября 1945 года.

³⁴ Госархив, Секешфехервар. Док. н. ком. в Надьлок. Протокол от 23 марта 1946 года.

перемен, на борьбу за подъем страны и счастливое будущее народа, или же окажется более сильной реакция, питающаяся из тысяч и тысяч пред-
рассудков, привычек, невежества и отсталости, — которые поддерживались всеми силами западных империалистов — банкирами, фабрикантами, помещиками и их слугами и наемниками; бывшими офицерами, жандармами, секретарями сельских управлений и старост режима Хорти, а внутри коалиции правым крылом партий мелкой буржуазии и реакционными элементами правительства, удастся ли им ранее или позднее задушить развитие демократических сил, деморализовать и перетянуть на свою сторону народные массы, умеющие пользоваться великой, непобедимой силой свободы еще очень неуверенно и нерешительно?

В первом этапе этой в конечном ее результате успешной борьбы, когда решающим звеном являлось осуществление и укрепление демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства, народные органы и среди них в первую очередь национальные комитеты сыграли очень важную роль. Охватывающая всю страну сеть национальных комитетов являлась важным руслом углубления и расширения влияния Венгерской Коммунистической Партии среди народных масс. Через нее Венгерская Коммунистическая Партия могла осуществить связь с массами трудящихся крестьян, стоящих под руководством и влиянием Партии Мелких Хозяев, с мелкими и средними крестьянами Национальной Партии Крестьян, с рабочими, мелкими и ремесленниками и торговцами, являющимися членами Социал-демократической Партии, с интеллигенцией. Представители коммунистической партии в национальных комитетах могли непосредственно объяснить честным, демократическим членам других партий цели и намерения Венгерской Коммунистической Партии. И так как эти цели и намерения как в местном отношении, так и с точки зрения всей страны стояли в интересах всего трудящегося народа, им в большинстве случаев удавалось убеждать их о правильности этого пути. Национальные комитеты оказали серьезную помощь Венгерской Коммунистической Партии в ее борьбе за завоевание доверия решающего большинства трудящегося народа, и эта помощь охватывала все те территории, на которых коммунисты вели решительные бои за ликвидирование реакционных сил, за восстановление народного хозяйства, за создание предпосылок диктатуры пролетариата.

Важнейшей задачей национальных комитетов после освобождения страны являлось проведение программы Венгерского Национального Фронта Независимости. В связи с этим они играли очень значительную роль в первую очередь в борьбе с фашизмом и его пережитками.

Национальные комитеты были созданы под знаком борьбы с фашизмом, и там, где внутри национальных комитетов влияние коммунистов было решающим, они до конца сохранили свой боевой, антифашистский характер. Национальный комитет г. Будапешт провозглашает в одном из своих первых

решений борьбу против фашистских пережитков и реакции и в одной из резолюций устанавливает, что фашистами являются все те лица, которые противостоят его распоряжениям, выражающим волю всего народа. И в дальнейшем национальный комитет г. Будапешт в этом вопросе указывает путь всем национальным комитетам страны.

«...нельзя допустить того, чтобы оставшиеся здесь слуги старого режима могли сделать хотя бы попытку на разложение единства новой, демократической Венгрии и подрыв ее авторитета...» пишет он в одном из его циркуляров.³⁵⁻³⁶

Национальный комитет в Шальготарьян при решении арестовать и интернировать местных фашистов внес в протокол следующее :

«После тех ударов, которые перетерпела наша родина, мы не можем снисходительно относиться к этим вопросам. Мы должны провести с драконовской строгостью наши концепции о рабочем лагере. Все, кто принимали участие в этих махинациях, пусть чувствуют свои преступления.»³⁷

Подобным образом относились к этому вопросу и национальные комитеты сел, в первую очередь национальные комитеты Затисских сел, имеющие старые, революционные традиции, в которых влияние Венгерской Коммунистической Партии и в годы режима Хорти было значительным и распространилось после освобождения страны на широкие массы крестьянства.

«Национальный комитет является временным форумом воли народа — установил национальный комитет в Баттонья —, главной целью которого является коренным образом уничтожить всякое проявление фашизма и очистить общество от всех реакционных элементов.»³⁸

Национальный комитет в Эстар, отвечая на воззвание национального комитета комитата Бихар, в котором он призывает села к борьбе с фашизмом и за строительство демократической Венгрии, внес в протокол следующее :

«Присутствующие члены поняли и освоили воззвание и обещали, что покажут хороший пример в борьбе за эту святую цель и уничтожат уже в зародыше всякие реакционные попытки.»³⁹

И, действительно, эти решения национальных комитетов не являлись только пустыми словами. Преобладающая часть национальных комитетов, особенно в комитетах восточной Венгрии, освобожденных раньше других частей страны, начала свою деятельность организацией гражданских гвардий, национальных гвардий, демократической полиции. (На это националь-

³⁵⁻³⁶ Госархив № 1, Будапешт. Док. н. ком. г. Будапешт, XXXII заседание. Протокол от 27 июня 1945 года.

³⁷ Госархив № 2, Будапешт. Док. н. ком. в Шальготарьян. Протокол от 23 марта 1945 года.

³⁸ Госархив, Сегед. Док. н. ком. в Баттонья. Протокол от 19 января 1945 года.

³⁹ Госархив, Дебрецен. Док. н. ком. в Эстари. Протокол от 17 мая 1945 года.

ные комитеты получили указания и от Временного Национального Правительства.) Эти первые вооруженные органы венгерской демократии состояли уже с самого начала большей частью из коммунистов и преобладающее большинство народа считало это правильным. Национальные комитеты многих сел посылали в ряды полиции коммунистов, давали коммунистам поручение организовать полицию. Таким образом национальные комитеты в Будапешт, Дебрецен, Сегед, Мишкольц, Шопрон, Ходмезёвашархей, Шальготарьян, Дьёр и т. д. выбрали коммунистического начальника полиции, т. е. подтвердили его назначение. Например, национальный комитет в Хайдубёсёрмень из нескольких кандидатов секретным голосованием выбрал на место начальника полиции коммуниста и на остальные должности в рамках полиции назначил почти исключительно коммунистов. В комитате Хайду из находящихся там двадцати населенных пунктов десять самых крупных (Дебрецен, Хайдубёсёрмень, Хайдунаш, Бальмазуйварош, Хайдухадхаза, Надудвар, Каба и т. д.) выбрало в начальники полиции коммунистов. Но и в некоторых других местностях, как например, в Хайдудорог, Эдьек и т. д. выбрали коммуниста на должность заместителя начальника полиции. Во всем комитате большинство рядовых полицейских состояло также из коммунистов.⁴⁰

(В полицейском органе Хайдубёсёрмень работало 64 коммуниста, 10 беспартийных,⁴¹ а 17 членов полиции в Хайдудорог тоже были членами Венгерской Коммунистической Партии,⁴² из 32 членов полиции местности Дьёма в комитате Бекеш 25 было коммунистами, 1 — социал-демократом, а остальные беспартийными.)

Большая часть национальных комитетов бдительно следила за авторитетом вооруженной силы власти рабочих и крестьян и выступала решительно против всех, кто старался подорвать его.

«В будущем — указывал национальный комитет в Дьёма — начальник полиции должен донести о лицах, обижающих полицию или показывающих любой знак сопротивления, и национальный комитет предпримет нужные шаги для интернирования этих лиц.»⁴³

В дальнейшем, когда организацию полиции уже централизовали, во многих случаях национальные комитеты вносили предложения относительно личности назначаемого начальника полиции и высказывали свое мнение относительно политической надежности лиц, явившихся на полицейскую

⁴⁰ Архив Института истории партии, № 686/1945. Доклад вице-губернатора (вице-губернатор являлся первым выборным чиновником в венгерских комитатах) комитата Хайду. 17 марта 1945 года.

⁴¹ Архив Института истории партии, № 422/1945. Из документов вице-губернаторского управления комитата Хайду. Доклад из с. Хайдубёсёрмень.

⁴² Архив Института истории партии, из документов вице-губернаторского управления комитата Хайду, 3 февраля 1945 года. Доклад из Хайдудорог.

⁴³ Госархив, Сегед. Док. н. ком. в Дьёма. Протокол от 24 марта 1945 года.

службу. Национальные комитеты в государственную полицию большей частью посылали также коммунистов. Так выглядит в действительности «насильственное завоевание» полиции коммунистами, о котором реакция распространяла после освобождения так много клеветы. Все это конечно не обозначает, что реакция не приложила все свои усилия к тому, чтобы препятствовать этому, и что Венгерская Коммунистическая Партия со своей стороны не боролась всеми силами за завоевание решающего влияния внутри полиции. Но очень важно отметить, что и местные национальные комитеты, которые являлись выразителями воли демократических народных масс, уже с самого начала, видели в большинстве случаев защиту народнодемократического порядка наиболее обеспеченной в руках коммунистов.

Целый ряд, главным образом Затисских местностей, дал хорошие примеры решительного, революционного выступления против врагов народа. В этих местностях национальные комитеты самостоятельно организовали из рабочих, землекопов, бедных крестьян политическую полицию, политический сыскной отдел, политический следственный орган, концентрационные лагеря, которые содержала сама местность. Эти политические полиции жестоко расправились с местными фашистами. Национальные комитеты этих местностей (в Мезёберень, Дьёма, Сегхалом, Деваванья, Вестё, Орошхаза, Кондорош, Надьсенаш и т. д.) выдали распоряжение об аресте и интернировании фашистских, реакционных элементов.

Например, национальный комитет в Дьёма составляет, ссылаясь на общественное мнение, список местных «Фольксбундистов»* (44 человека) и распоряжается относительно их интернирования.

«Всех тех, кто находится в списке фольксбундистов, ... надо перевезти в концентрационный лагерь хутора Жофия... интернированные должны выполнять полезную работу и поэтому должны взять с собой каждый по лопате и мотыге.»⁴⁴

Национальный комитет в Мезёберень уполномочивает политический следственный орган местности, чтобы он интернировал местных фашистов, получив на это предварительное согласие председателя национального комитета.⁴⁵

То, что эти решения национальных комитетов не остались только на бумаге, показывает то обстоятельство, что, например, в концентрационном лагере округа Сегхалом уже 29 апреля 1945 года находилось 99 заключенных, в том числе: 59 члена крайне правой венгерской фашистской партии (нылаш), 5 военных преступников, 8 доносчиков жандармерии, 7 немец-

* «Фольксбунд» являлся гитлеристской организацией, охватывающей большинство немцев Венгрии.

⁴⁴ Госархив, Сегед. Док. н. ком. в Дьёма. Протокол от 23 мая 1945 г.

⁴⁵ Госархив, Дьюла. Док. н. ком. в Мезёберень. Протокол от 31-ого января 1945 года.

филов, 17 лиц, обвиненных в разных антинародных действиях и 3 мешочника.⁴⁶

Эти национальные комитеты выполняли право надзора и контроля над местными полицейскими органами вплоть до организации общегосударственной демократической полиции. (Например, национальный комитет в Дьёма еще 20 июля 1945 года принял дополнительно двух членов в состав политического следственного органа «до тех пор, пока не организуют государственную полицию»⁴⁷).

Некоторые национальные комитеты регулировали с местной точки зрения деятельность полиции. Так например, национальный комитет в Мезёберень вынес решение, согласно которому «охрана рабочего лагеря и ее начальник непосредственно подчинены начальнику политического следственного отдела... а начальник политического следственного отдела со своей стороны должен во всем подчиняться инструкциям национального комитета и всецело выполнять их...»⁴⁸

Особую бдительность национальные комитеты должны были проявлять по отношению к беглецам-фашистам и поступать с ними с беспощадной строгостью, так как часть этих элементов, бежавших от приближающейся Советской Армии, после освобождения Будапешта, видя, что между членами правительства находятся и представители партии мелких хозяев, и даже генералы Хорти, считала свое положение укрепленным, медленно возвращалась и как будто ничего не произошло старалась опять занять старые руководящие места. Национальный комитет в Карцаг вынес решение против этих изменников родине, которое он передал в виде меморандума правительству и разослал национальным комитетам соседних комитатов.

«... Недопустимо, чтобы эти ненадежные элементы после своего возвращения продолжали там свою жизнь, где они ее прекратили перед освобождением.

Поэтому мы предлагаем :

1. чтобы тех, кто бежал от демократической Венгрии и начиная с сегодняшнего дня прибывает обратно, считали ненадежными ;
2. как такие, надо их лишить на три года права стать членами любой из демократических политических партий ;
3. надо их лишить права на получение любой государственной должности ;
4. национальный комитет должен на неопределенное время призвать на обязательный общественный труд тех, которых составленная ею комис-

⁴⁶ Госархив, Дьюла. Док. н. ком. в Сегхалом. Протокол от 29-ого апреля 1945 года.

⁴⁷ Госархив, Сегед. Док. н. ком. в Дьёма. Протокол от 20 июля 1945 года.

⁴⁸ Госархив, Дьюла. Док. н. ком. в Мезёберень. Протокол от 31 января 1945 года

сия из пяти членов считает с точки зрения плохого влияния на общественное мнение опасными.»⁴⁹

Вопрос бежавших и медленно возвращающихся фашистов и реакционных элементов, как : помещиков, управляющих имением, чиновников и т. д. еще долгое время занимало национальные комитеты и принуждало их применять различные меры и решения. Например, национальный комитет в Мезёхедеш единогласно решил :

«Всех возвратившихся без исключения надо как можно скорее определить на работу и они должны работать с утра до вечера тридцать дней, обеспечивая себя пищей и необходимыми орудиями производства.»⁵⁰

Правда, не все национальные комитеты выступали таким образом против предавших народ фашистских беглецов.⁵¹ Многие национальные комитеты довольствовались тем, что передавали их оправдательному комитету, или вообще, не выявляли мнения по этому вопросу. Но в этом вопросе является характерной деятельность большинства национальных комитетов, являющихся прогрессивными и политически сознательными, так как именно они проявляли чище всего истинные чувства, действительную волю народа, менее всего давая место влиянию всяких реакционных пережитков, привившегося уважения «авторитета», и т. д.

Борьба между демократией и силами реакции, которая началась уже при организации полиции (характерным примером является борьба между членом партии мелких хозяев губернатором Яцко, ставшим в последствии заговорщиком, и национальным комитетом в Сомбатхей относительно замещения должностей в полиции и административном аппарате),⁵² еще более обострилась в связи с процессами народных судов и работой оправдательных комитетов.

Правда, программа Венгерского Национального Фронта Независимости говорит о том, что изменники родине, военные преступники должны быть переданы народному суду, но проведение этого в жизнь все опазды-

⁴⁹ Госархив, Сольнок. Док. н. ком. в Карцаг. Протокол от 19 февраля 1945 г.

⁵⁰ Госархив, Сегед. Док. н. ком. в Мезехедеш. Протокол от 12 мая 1945 г.

⁵¹ Отдельные национальные комитеты уже при организации полиции показали, что в их рядах сказывается влияние реакции. Так, например, национальный комитет в Рацальмаш, назначил начальником демократической полиции бывшего старшего сержанта жандармерии (см. Государственный Архив, Секешфехервар, из документов национального комитета в Рацальмаш, протокол от 12 июля 1945 г.), а национальный комитет в Шарсентмиклош поручил организацией местного органа полиции двух бывших сыщиков режима Хорти и бывшего субофицера полиции Хорти. (См. Государственный Архив, Секешфехервар, из документов национального комитета в Шарсентмиклош, протокол от 16 апреля 1945 года). Национальный комитет в Тапольца предложил в члены демократической полиции бывшего старшего сержанта жандармерии, представители Партии Мелких Хозяев и Социал-Демократической Партии яро нападали на коммунистических начальников местной полиции, защищая фашистов, интернированных полицией. (См. Государственный Архив, Веспрем, из документов национального комитета в Тапольца. Протокол от 23 февраля 1945 г.)

⁵² Госархив, Сомбатхей. Док. н. ком. в Сомбатхей. Протокол от 26-ого мая 1945 года.

вало из-за правосоциалистического министра юстиции и реакционного судебного корпуса. Чего более, чувствуя эту поддержку, уже начинали рождаться такие прокурорские решения, которые «не найдя» подходящего параграфа в кодексе законов, просто прекратили процесс против ведущих фашистов партии «нылаш».

И в этом вопросе Венгерская Коммунистическая Партия была в набат. 10 декабря 1944 года Йожеф Реваи пишет статью в сегедской газете «Дельмадьорсаг» (Южная Венгрия), в которой он обращается к национальным комитетам и требует проведения программы Венгерского Национального Фронта Независимости, немедленной организации народных судов, и начала их деятельности.⁵³

Призыв Венгерской Коммунистической Партии поддержали организованные рабочие и демократическое общественное мнение Сегеда. Опираясь на это национальный комитет Сегеда вынес решение об организации народного суда и составил первое распоряжение в связи с этим вопросом. (14 декабря 1944 г.).

Примеру Сегеда последовали и национальные комитеты в Дебрецен, Мишкольц, Ходмезёвашархей и т. д., которые со своей стороны считали необходимым как можно скорее организовать народные суды. Национальный комитет г. Карцаг уже на своем учредительном общем собрании, 21 декабря 1944 года, выносит решение по предложению коммунистических представителей об аресте и заключении фашистских элементов вплоть до тех пор, «пока их делом не займется организуемый в Карцаг народный суд и не принесет окончательного решения».⁵⁴

Эту борьбу между демократическими и реакционными элементами относительно привлечения к ответственности фашистов, военных преступников и врагов народа, возглавляла столица страны. Бои еще были в полном разгаре в Буда, когда национальный комитет освобожденного Пешта решил на своем втором собрании, состоявшемся 27 января 1945 года, организовать народный суд, назначил его председателя и призвал партии делегировать представителей в народный суд. Уже 3 февраля 1945 года состоялось первое заседание народного суда в деле двух фашистов, обвиненных в убийстве 124 человек, и которых через сутки, 4 февраля 1945 года, публично казнили. Национальный комитет Будапешта через короткое время создал еще четыре совета народного суда и назначил руководителя народной прокуратуры.⁵⁵

В дальнейшем, когда министерство юстиции переняло контроль над народным судом и руководство им, революционный размах борьбы с военными преступниками, с фашистскими убийцами, который был присущен в первую очередь национальному комитету столицы, очень понизился. Один

⁵³ «Дельмадьорсаг». (Южная Венгрия), 10 декабря 1944 г.

⁵⁴ Госархив, Сольнок. Док. н. ком. Карцаг. Протокол от 21 декабря 1944 г.

⁵⁵ Госархив № 1, Будапешт. Протоколы от января и февраля 1945 года.

за другим следовали все более и более снисходительные решения и оправдания. Тогда национальный комитет г. Будапешт опять взял в свои руки инициативу и, вместе с национальными комитетами районов Будапешта и провинции, требовал прекращения этой волокиты вокруг работы народных судов, принятия более строгих мер в связи с наказанием фашистов, и удаления таких народных судей — являющихся большей частью представителями партий мелких хозяев и буржуазных демократов — выявляющих симпатию к подсудимым и приносящих либеральные решения.⁵⁶

Выметение фашистского мусора, накопившегося за десятки лет в венгерской политической, экономической и общественной жизни, являлось испытанием силы венгерского трудящегося народа, жизнеспособности молодой венгерской демократии. Венгерский народ знал, что чем основательнее ему удастся ликвидировать оставшиеся в стране развалины старого, ядовитые пережитки фашистского режима, тем увереннее он сумеет идти вперед по пути повышения жизненного уровня, культуры трудящегося народа, тем меньше надо будет опасаться того, что контрреволюция может поднять свою голову. Именно поэтому играли такую большую и важную роль оправдательные комиссии рядом с деятельностью народного суда.

Под народный суд попадали обыкновенно только военные преступники, фашисты, обвиненные убийством или другими преступлениями. Но здесь находились еще в государственных учреждениях, частных предприятиях, на всех поприщах общественной и культурной жизни кооперирующие

⁵⁶ Национальный комитет XIV района г. Будапешт требует в своем решении от 29 мая 1945 года, чтобы ускорили деятельность народного суда и приведение приговоров в исполнение, и заявляет свой протест в связи с возмутительно легким приговором, принесенным в деле известного фашистского вождя Зольтан Мешко. Национальный комитет XI района, присоединяясь к призыву национального комитета III района, обращается с призывом к национальному комитету г. Будапешт, в котором требует, «сделать необходимые шаги для того, чтобы наказать лиц, старавшихся прививать венгерскому народу фашистскую и нилашскую идеологию, самыми жестокими мерами . . .» (Док. н. ком. XI района г. Будапешт. Протокол от 31 мая 1945 г. Госархив № 1 Будапешт.) Национальный комитет IX района г. Будапешт тоже протестует против снисходительных приговоров и медлительной работы народных судов (Госархив № 1, Будапешт. Док. н. ком. IX района г. Будапешт. Протокол от 4 апреля 1945 г.). Из национальных комитетов провинции национальный комитет Ходмезёвашархей выступает с требованием, чтобы организовали в рамках сегедского народного суда отдельный совет, задачей которого являлось бы регулярное занятие делами местного характера. «Наш комитет и со своей стороны считает опасным то обстоятельство, что с тех пор, как появилось решение об организации народного суда, т. е. уже более чем пол года, еще не было на повестке дня ни одного дела, касающегося военных или политических преступников в Ходмезёвашархей.» (Госархив, Сентеш. Док. н. ком. в Ходмезёвашархей. Протокол от 18 июня 1945 года). Насколько тяжелой и длительной являлась борьба вокруг решения этих вопросов, насколько сильна была еще реакция, тормозившая и часто изнутри разлагавшая работу народных судов, показывает резолюция национального комитета в Ходмезёвашархей, который должен был через год после первого призыва по этому вопросу опять обратиться к коалиционным партиям с требованием «отозвать всех тех народных судей, которые показали своим поведением в отдельных процессах, дружескими отношениями к подсудимым и т. д., что не являются подходящими для выполнения этого поручения». (Госархив, Сентеш. Док. н. Ком. в Ходмезёвашархей. Протокол от 11 ноября 1946 года)-

с немецкими фашистами чиновники, заведующие предприятиями, лица, имеющие т. н. свободные профессии, члены фашистских камер, товарищеских организаций и т. д., которые еще не отказались от продолжения борьбы и нападали на демократию, старались подорвать ее основы, ориентируясь в сторону западных империалистов, кооперируя со «старыми англофилами», находящимися на правом крыле коалиции.

Ликвидация этих темных и тормозящих прогресс сил или по крайней мере их ослабление, изгнание из всех позиций, в которых они могли вредить и нападать хотя бы с искрой надежды на успех, являлось особенно тяжелой и сложной, но решающе важной задачей, ибо это являлось залогом и предпосылкой построения нового государственного строя и укрепления его, и не в последнюю очередь от этого зависело завоевание международного авторитета страны, игравшей позорную роль последнего сателлита фашистской Германии, в глазах всех стран мира, и в первую очередь Советского Союза.

В проведении этой задачи национальные комитеты играли очень важную роль. Национальные комитеты заботились о том, чтобы оправдательные комиссии начали свою работу по всей стране и сюда относящиеся решения Временного Национального Правительства были соответственно выполнены.

Естественно, проведение оправдательных процессов не шло гладко. Само решение правительства — вследствие влияния реакционных элементов внутри правительства — содержало лазейки для фашистов и реакционеров, а часть высланных национальными комитетами оправдательных комиссий также не работала безупречно вследствие того, что находящиеся в них правые элементы становились часто на сторону фашистских элементов. Но все же удалось достичь самое главное: по всей стране начались оправдательные процессы, которые все же достигли значительных успехов. Многие фашистские, враждебные народу чиновники государственных учреждений были объявлены политически ненадежными, многие были присуждены к лишению должности или к интернированию.

Так, например, среди национальных комитетов провинции, большая часть которых непосредственно проводила оправдательные процессы, национальный комитет в Уйкидьош лишает должности главного нотариуса и нотариуса по делам налогов, так как они проводили антинародную политику, были немцефилами и «обращались слишком сурово с крестьянской беднотой».⁵⁷ Национальный комитет Чанад принимает единогласно решение, согласно которому «все те лица, которые работали в руководящем или в умственном кругу деятельности, в правых партиях, или в правых официальных и секретных обществах и организациях, являются фашистами и, пос-

⁵⁷ Госархив, Дьюла. Док. н. ком. в Уйкидьош. Протокол от 26-ого февраля 1945 года.

кольку они находятся и теперь в государственных должностях, не могут быть оправданы.»⁵⁸

Национальный комитет в Чанадпалота обсудил перед оправдательной комиссией дела местных руководителей фашистов (нилашов) и многих из них приговорила к лишению должности.⁵⁹

Национальный комитет в Кишмарья объявляет местного старшего сержанта жандармерии антинародным, так как он грозил людям из-за ничтожных причин расстрелом... и добровольно взял на себя командование организованным в селе «отрядом отражения партизан».⁶⁰

Национальный комитет в Рабапатона не оправдал и присудил к лишению должности местного нотариуса, обосновывая это следующим: «Нотариус, вместе со своим шурином, каноником Харшаньи, долгие годы так руководил местностью, что народ не смел высказывать своего мнения. Согласно общему мнению они являлись поработителями народа. Весь национальный комитет желает, чтобы на место главного нотариуса села был назначен человек, пользующийся доверием жителей и который своей деятельностью в состоянии обеспечить мирную жизнь села, приобретенную с такими большими трудностями...»⁶¹

Национальный комитет в Капольнашньек не оправдал фашистского учителя, так как он, будучи главным инструктором «Левенте» (Согласно закону 1921: LIII. в буржуазной Венгрии военное обучение молодежи до 21 года в рамках организаций «Левенте» являлось обязательным. В этих организациях юношей старались воспитывать в фашистском духе. Примечание переводчика), наказывал мальчиков при малейшей ошибке или только шаловстве, называя их «паршивыми коммунистами». Он принял активное участие при насильственном угонении на запад молодежи.»⁶²

Национальный комитет в Сомбатхей лишил должности восьми реакционных высших чиновников и одного военного генерального прокурора, и т. д.⁶³

Хотя национальные комитеты, являющиеся представителями и исполнителями воли народа, в оправдательных процессах почти всюду относились очень строго к антинародным, фашистским элементам, все-таки были и такие национальные комитеты, которые под влиянием кулаков и реакционных чиновников, проникших туда главным образом через Партию Мелких Хозяев, изолировали коммунистических членов. Так например, националь-

⁵⁸ Госархив, Сегед. Док. н. ком. комитата Чанад. Протокол от 1-ого февраля 1945 г.

⁵⁹ Госархив, Сегед. Док. н. ком. в Чанадпалота. Протокол от 13-ого марта 1945 г.

⁶⁰ Госархив, Дебрецен. Док. н. ком. в Кишмарья. Протокол от 18-ого ноября 1945 г.

⁶¹ Госархив, Дьёр. Док. н. ком. в Рабапатона. Протокол от 16-ого июля 1945 г.

⁶² Госархив, Секешфехервар. Док. н. ком. в Капольнашньек. Протокол от 12 сентября 1945 г.

⁶³ Госархив, Сомбатхей. Док. н. ком. г. Сомбатхей. Протокол от 23 апреля 1945 г.

ный комитет в Залачань, членом которого являлся и реакционный союз крестьян, выдал следующее удостоверение бывшим местным нилашам: «...бывший управляющий села никогда ничего не предпринимал против народа, а наоборот, всегда и во всем держал перед глазами интересы народа. Против него с политической точки зрения нет никаких возражений... Несколькими раз поступили жалобы против одного из местных вооруженных руководителей фашистской партии, в связи с его антинародными поступками. Нам надо заметить, то вышеназванный не располагает никаким недвижимым имуществом... Против вооруженных членов фашистской партии с политической точки зрения нет никаких возражений.»

Тот же самый национальный комитет в Залачань оправдал и местного помещика, графа Морица Беньовского, с тем, что «против него ни в прошлом, ни теперь с политической и моральной точки зрения нет никаких возражений. Он зарабатывает свой хлеб усердной работой.»⁶⁴

Национальный комитет в Кишбуча тоже оправдал и не лишил должности бывшего фашистского управляющего села, так как он, по его словам, «не действовал против интересов населения местности и индивидуально не заступался за фашистский режим.»⁶⁵

Основой для возможности поддержки фашистов реакционными элементами, проникшими в национальные комитеты, служили пробелы в распоряжении правительства, поэтому все более необходимым становилось изменение его и замещение более строгим. Это являлось между прочим с самого начала требованием Венгерской Коммунистической Партии, и большая часть национальных комитетов поддерживала коммунистов и в этой борьбе.

Национальный комитет г. Дебрецен уже в феврале 1945 года представляет правительству предложение, в котором просит изменение распоряжения относительно оправдания. Главные пункты этого предложения занимают вопросы хода оправдания членов народной армии, обеспечения большей роли политических партий и профсоюзов, и мер, предпринимаемых против лиц, старающихся оправдать фашистов.⁶⁶ Основой к предложению национального комитета г. Дебрецен послужило скандальное оправдание и пенсионирование оправдательной комиссией министерства обороны генерал-лейтенанта Алайош Бельди, одного из самых крупных военных преступников, насильственно отправивших венгерских юношей в составе организации «Левенте» на запад.

Национальный комитет г. Сегед поддерживал предложение национального комитета г. Дебрецен, связанное с вопросом расширения круга дей-

⁶⁴ Госархив, Залаэгерсег. Док. н. ком. в Залачань. Протокол от 21-ого ноября 1945 года.

⁶⁵ Госархив, Залаэгерсег. Док. н. ком. в Бучусентласло. Протокол от 22 июля 1945 года.

⁶⁶ «Фельсабадулаш» (Освобождение) стр. 344.

ствия политических партий и профсоюзов, и старался насколько было возможным ограничить ссылки на «компетентность» в вопросах закона и всякие увертки юристов, к которым прибегали реакционные элементы внутри комиссий, старавшиеся саботировать и дискредитировать весь вопрос проверки.⁶⁷

Ведущую роль в борьбе за последовательное проведение оправданий сыграл национальный комитет г. Будапешт, составивший уже через короткое время после своего создания первые оправдательные комиссии, которые начали свою работу с проверки служащих государственных учреждений и частных предприятий. По инициативе и с помощью национального комитета г. Будапешт до апреля 1945 года удалось создать на территории столицы 115 оправдательных комиссий, а 101 комиссия находилась в стадии организации.⁶⁸ Национальный комитет г. Будапешт первым принял решение о том, что надо обязательно привлечь представителей профсоюзов к этой работе. Комитет принес далее решение о том, что в каждом случае надо рассмотреть и политическую деятельность обсуждаемых лиц перед 1939 годом. Национальный комитет г. Будапешт разработал далее целый ряд санкций, применяемых в зависимости от серьезности провинения (начиная с выговора вплоть до лишения должности и интернирования), применение которых являлось обязательным для всех комиссий, работающих на территории столицы.⁶⁹

Национальный комитет г. Будапешт заявил протест в связи с тем, что среди офицеров армии Хорти начало распространяться определение надежности офицеров между собой. Он требовал, чтобы оправдательные комиссии для офицеров имели в каждом случае политического председателя и большинство членов комиссии состояло из представителей политических партий.

Всеми выше указанными распоряжениями национальный комитет г. Будапешт самостоятельно изменил данное решение Временного Национального Правительства и дал тем самым всей работе оправдательных комиссий более радикальное направление.

Отношение национальных комитетов к этому вопросу значительно содействовало тому, что, наконец, реакционные факторы правительства отступили и были приняты новые, измененные решения, принявшие к сведению предложения и распоряжения национальных комитетов. (Как выше

⁶⁷ Там же, стр. 345.

⁶⁸ Госархив № 1, Будапешт. Док. н. г. ком. Будапешт. Протокол от 28 марта 1945 года.

⁶⁹ Госархив № 1, Будапешт. Док. н. ком. г. Будапешт. Протокол от 18 апреля 1945 года. Национальные комитеты районов города поддерживали национальный комитет г. Будапешт и в этом вопросе. Так, например, национальный комитет VI района просит национальный комитет г. Будапешт распорядиться относительно того, чтобы «оправдательные процессы населения были в районе как можно скорее начаты и проведены. Национальный комитет VI района предоставляет себе право предложить на место по возможности исключаемых служащих новых лиц...» (См. Госархив № 1, Будапешт. Док. н. ком. VI района. Протокол от 28 февраля 1945 года.)

было указано, такая же борьба велась за изменение решения в связи с работой народного суда, где тоже удалось Венгерской Коммунистической Партии, опираясь на народные комитеты, достигнуть того, чтобы принятый по этому вопросу закон, давал как можно меньше возможностей для уверток и махинаций врагам народа).

Роль национальных комитетов в осуществлении демократической государственности

Как было сказано уже выше, национальные комитеты являлись по своему характеру общественно-политическими органами первого этапа венгерской народной демократии, но представляли в начале своей деятельности в местном масштабе главную государственную власть и выполняли все государственные функции. Национальные комитеты провели в этом периоде их деятельности чрезвычайно ценную работу, являлись по существу местными органами демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства, были опорами народно-демократического строя и заложили основы новой, демократической государственности.

Самой ценной и успешной в стране была деятельность национального комитета столицы.

Национальный комитет г. Будапешт установил в первом своем решении, что «на освобожденной территории столицы национальный комитет будет держать власть в своих руках до тех пор, пока не возьмет ее в свои руки венгерское правительство».⁷⁰

Национальный комитет одним из первых своих решений назначил бургомистра столицы, его заместителей и начальника полиции, выслал в оставшиеся без руководства государственные учреждения, как например, Национальный Банк, Центральный Финансовый Институт, Почту и целый ряд других государственных заведений и частных предприятий своих уполномоченных лиц, поручив их временно перенять руководство, созвать служащих и начать работу. Национальный комитет далее составил для борьбы с грозящей эпидемией и для улучшения общего гигиено-санитарного положения населения, значительно ухудшившегося за месяцы осады, Санитарный Совет, членами которого являлись кроме нескольких профессоров санитарные эксперты, и дал ему неограниченное полномочие.⁷¹

Благодаря деятельности главным образом Санитарного Совета на всей территории столицы через короткое время начали снова работать санитар-

⁷⁰ Госархив № 1, Будапешт. Док. н. ком. г. Будапешт. Протокол первого заседания, от 27 января 1945 г.

⁷¹ Госархив № 1, Будапешт. Док. н. ком. г. Будапешт. № Д 68, стр. 14. Протокол от 28 января, 1945 г.

ные учреждения, больницы, клиники, поликлиники и амбулатории, и прививкой тифа удалось отклонить опасность эпидемии.

Национальный комитет г. Будапешта принес скорые и успешные распоряжения также относительно уборки развалин и начала восстановительных работ. Комитет уполномочил бургомистра г. Будапешт мобилизовать все мужское население города в возрасте от 17 до 45 лет для проведения общественных работ и распорядился относительно разработки существующего решения. Он назначил председателя Совета Общественных Работ и поручил ему центральное руководство восстановительных работ на территории г. Будапешт и его окраин.

Национальный комитет г. Будапешт организовал Совет по делам искусств, Совет по делам просвещения и Совет по делам кооперативов, которые заботились о том, чтобы на их территории началась работа. Отдельное решение распоряжается относительно организации заводских комитетов на всех предприятиях столицы, отменил закон, согласно которому известные работы могли быть проведены только лицами с определенной квалификацией, и тем самым дал возможность поставить на ответственные посты людей, не имеющих формальную квалификацию, но политически надежных и способных выполнить порученную им работу. Комитет распорядился относительно учреждения управляющих домов (управдом), имевшего в то время серьезное значение. Комитет, пользуясь правом кредитирования и ассигнования Коммунальной комиссии столицы, обеспечил необходимые суммы для содержания полиции, на родных судов и других органов. Он вынес целый ряд решений относительно ликвидации фашистских пережитков (лишил должности старших чиновников, назначенных после 19 марта 1944 года, ликвидировал фашистские камеры, распорядился о сборе фашистских изданий и т. д.).

Национальный комитет г. Будапешт назначил 108 принимающих участие во Временном Национальном Собрании представителей столицы которые потом были выбраны на народном собрании. Он организовал далее коммунальную комиссию столицы.⁷²

Национальный комитет столицы опирался в своей деятельности на национальные комитеты районов Будапешта, организованные сейчас-же после освобождения отдельных частей города. Первым национальным комитетом Будапешта являлся национальный комитет X района (Кёбанья), организованный уже 14 января 1945 года. Его членами являлись представители Коммунистической Партии, Социаль-демократической Партии, профсоюзов и несколько представителей буржуазного населения. Первой деятельностью национального комитета в Кёбанья являлась организация работы управления района, а также восстановление обеспечения населения водой и

⁷² Госархив № 1, Будапешт. Док. н. ком г. Будапешт. Протоколы января—мая 1945 г.

электричеством. Эту последнюю задачу удалось решить, правда, в ограниченном масштабе, путем пуска в действие электростанций местных промышленных предприятий. После обеспечения населения водой и электричеством комитет решил в кооперации с районным управлением вопрос снабжения населения лекарствами и организовал народную кухню на 500 человек. В дальнейшем он концентрировал свои усилия на организацию общественного снабжения, общественной безопасности и производства. В решении этих вопросов национальным комитетам помогали заводские комитеты и быстро развивающийся административный аппарат, которые часто даже предшествовали его деятельности или через короткое время переняли значительную часть его задач по этой линии.⁷³

Национальный комитет IX района был организован 27 января 1945 года. Членами его являлись представители Венгерской Коммунистической Партии и Социал-демократической Партии. Кроме них состояли членами также и представители «МАДИС» (Союз Венгерской Демократической Молодежи), районного управления и больницы Сент Иштван, как одного из важнейших учреждений района, а также представители католической и кальвинистской церкви. В председатели национального комитета выбрали протопопа приходской церкви Ференцварош, зам. председателем стал старший врач больницы, а функции секретаря выполнял представитель Венгерской Коммунистической Партии. Национальный комитет IX района установил согласно предложению коммунистов уже в первых своих решениях, что имеет право «разыскать, конфисковать, занять запасы продуктов, находящиеся в районе, и организовать самостоятельные вспомогательные акции» и тотчас же выслал комиссию из пяти членов для выполнения этого распоряжения. Комитет далее дал распоряжение управляющим домами составить список находящихся на территории района детей в возрасте от 1 до 14 лет, беременных женщин и кормящих матерей, чтобы сделать необходимые шаги для их обеспечения всем необходимым. Комитет являлся инициатором организации походных кухонь и выдал распоряжение для предотвращения эпидемических заболеваний относительно сжигания мусора и прочих отбросов, находящихся на улицах и дворах.⁷⁴

Национальный комитет в Уйпеште (члены которого состояли из представителей Венгерской Коммунистической Партии, Социал-демократической Партии и нескольких делегатов буржуазного населения) своим первым распоряжением отстранил от должности бывшего бургомистра из времен Хорти и целый ряд других руководящих служащих городской управы и назначил на их место демократов. Он назначил начальником полиции

⁷³ Госархив № 1, Док. н. ком. X района г. Будапешт. Протоколы января—февраля 1945 г.

⁷⁴ Госархив № 1, Док. н. ком. IX района г. Будапешт. Протоколы января—февраля 1945 г.

коммунистического рабочего. Комитет распорядился относительно снабжения населения продовольствием, организовал народные кухни, снабжение населения лекарством, и приступил к восстановлению водопроводной и электрической сети. Все эти работы комитет проводил в кооперации с городской управой. Далее комитет отвел желающим подходящие для огородов участки земли, назначил попечителей в оставшиеся без руководителей предприятия; для восстановления обложил 1%-ным налогом работающие более чем с 20 работниками предприятия и кроме этого все предприятия общественного питания. Он распорядился относительно интернирования местных фашистов. Комитет позаботился об устройстве голодающих, истощенных детей в провинции.⁷⁵ Относительно вопроса организации работы школ он распоряжается о прекращении деятельности старого реакционного школьного комитета и организует для решения связанных с работой школ вопросов учебный комитет, состоящий из представителей партий и профсоюза педагогов.⁷⁶

Для того, чтобы иметь понятие о том, каким количеством разных дел надо было заниматься в этот период национальному комитету такого рабочего города, как Уйпешт, принося необходимые решения и высказывая свою точку зрения, приведем повестку для одного единственного заседания комитета, состоявшегося 21 апреля 1945 года. На этом совещании, которое впрочем ничем не отличалось от других, национальный комитет г. Уйпешт принял решения относительно 44 дел, важнейшие из которых следующие:

Национальный комитет согласно предложению рабочих партий обложил 15%-ным восстановительным налогом кинотеатры Уйпешта, из которого 10% идут на цели восстановления в восстановительный фонд, а остальные 5% распределяются в равном размере между Национальной Помощью и рабочими культурными организациями г. Уйпешт. Комитет далее прекращает обложение населения церковным налогом через городское налоговое управление, аннулирует связанные с этим параграфы закона и передает эту функцию церкви. Аннулирует далее распоряжение относительно обязательного оглашения бракосочетания. Назначает в управление общественного питания и жилищное управление работающих там представителей партий. Он печатывает все находящиеся на складах употребимые материалы и выделяет их согласно результату экспертизы союза ремесленников нуждающимся в них предприятиям и ремесленникам. Дает распоряжение бургомистру составить с помощью управляющих домами список имеющихся количеств стройматериалов. От тех, которые не заявляют о своих запасах, стройматериалы конфискуются. Комитет распоряжается далее об обеспечении некоторых предприятий электроэнергией. Дает распоряжение бургомистру сообщить населению о начале прививок против

⁷⁵ Госархив № 2, Док. н. ком. в Уйпешт. Протоколы января—марта 1945 г.

⁷⁶ Госархив № 2, Будапешт. Док. н. ком. в Уйпешт. Протокол от 5 мая 1945 года.

тифа и утверждает связанное с этим распоряжение санитарного врача. Назначает врачей руководителями некоторых отделений городской больницы. Заботится о топливе для больницы.

По линии общественного снабжения комитет делает нужные шаги для обеспечения населения маслом и в связи с этим распоряжается относительно покупки семян подсолнуха. Назначает помещения для торговли продовольствия.

Комитет регулирует выдачу промысловых свидетельств, распоряжается относительно организации местной полиции, проверяет деятельность пожарной команды и регулирует их рабочее время.

Кроме вышеуказанного комитет принимает ряд решений и в личных вопросах. Так, например, он просит завком судостроительного завода «Ганз» подарить бедному рыбаку, потерявшему свою лодку, старую лодку; обеспечивает выдачу табака для дома слепых.

Он приговаривает одного заведующего предприятием, неявившего запасов материала, на тридцать дней принудительного труда; распоряжается относительно того, чтобы бывшие инструкторы «Левенте» были поставлены перед оправдующую комиссию и т. д.⁷⁷

Параллельно с восстановлением административного аппарата национальные комитеты сделали первые шаги в сторону его изменения и демократизации. Эта деятельность национальных комитетов естественно не переступала границ буржуазно-демократических перемен и ограничивалась тем, чтобы очистить остатки старого государственного аппарата от реакционных, фашистских элементов и поставить демократических на их место. Но, так как в большинстве национальных комитетов рабочий класс и Венгерская Коммунистическая Партия имели решающее влияние, это одновременно обозначало и то, что старые административные рамки начали наполняться новым содержанием, особенно в рабочих районах, промышленных центрах, в которых, если и не в большом количестве, но уже начали попадать на руководящие посты административного аппарата рабочие. Старые чиновники режима Хорти, все еще державшие в большинстве случаев в своих руках руководящие позиции администрации, и которых поддерживало правое крыло коалиции, всеми силами противостояли увеличению в административном аппарате влияния демократических партий и, естественно, в первую очередь Венгерской Коммунистической Партии. Например, национальный комитет района Андьальфельд, выражая желание населения, сейчас же после освобождения района назначил коммунистического рабочего на место председателя районного управления. Тогдашний бургомистр г. Будапешт, принадлежащий к правому крылу коалиции, естественно, не был доволен этим самостоятельным распоряжением на-

⁷⁷ Госархив № 2, Будапешт. Док. н. ком. в Уйпешт. Протокол от 21 апреля 1945 г.

ционального комитета района Андьальфёльд и так как не хотел, чтобы это назначение служило прецедентом, отказался назначить со своей стороны данного коммунистического начальника управления. Но национальный комитет не принял к сведению его решение и заявил, что « во главе своего района хочет иметь человека, вышедшего из их рядов, живущего и мыслящего в духе народной Венгрии.»

Ввиду того, что бургомистр все еще не хотел дать своего согласия, национальный комитет еще раз подчеркивая свое требование, сообщил ему :

«Если окажется необходимым — пишет национальный комитет бургомистру —, мы вместе с рабочими массами выйдем на улицу, чтобы и вы, господин Бургомистр, согласились с нашим решением.»⁷⁸

После этого бургомистр далее не протестовал и район получил коммунистического председателя районного управления.

Естественно, что в это время не только национальный комитет г. Будапешт старался демократизировать административный аппарат, а этим вопросом занимались согласно местным обстоятельствам в различных формах почти все национальные комитеты страны. Анализируя этот вопрос, мы получаем очень неравномерную картину. Были местности, — особенно на Затисской территории и между Дунаем и Тисой — в которых национальные комитеты провели уже в первые дни после освобождения целый ряд важных изменений в административном аппарате, очистили его от старых чиновников режима Хорти и назначили других на их место. Это поощряло и то обстоятельство, что из восточной части страны сбежало больше всего высших чиновников, которые надеялись, что фашистам удастся остановить Советскую Армию около Тисы, Дуная или у Будапешта. Когда их надежды сокрушились чиновники задунайской части страны и большая часть находившихся там беглецов уже не двинулась с места, а стараясь вести себя тем незаметнее, ожидала на месте, как сложатся обстоятельства, и пробовала вести себя согласно этому. (Другая их часть, как уже было сказано выше, старалась возвратиться обратно). Именно поэтому обстоятельства сложились так, (на это конечно влияли и прочие общественные и исторические обстоятельства, например: больше революционных и демократических традиций) что национальные комитеты больших аграрных городов за Тисой, на венгерском Альфёльде, могли уже в первые дни своей деятельности достигнуть больших успехов и работать активнее в области изменений в административном аппарате и его демократизации, чем значительная часть, например, задунайских национальных комитетов, деятельности которых в множестве случаев мешал уже с самого первого момента районный начальник или нотариус старого режима (позднее губернатор или

⁷⁸ Госархив № 1, Будапешт. Док. н. ком. XIII-ого района г. Будапешт (Андьяль-фёльд). Протокол от 15 февраля 1945 г.

вицегубернатор, назначенный Партией Мелких Хозяев), тормозя ее и стараясь влиять на нее в сторону соглашательства.

Национальный комитет в Карцаг, например, выбрал уже на своем учредительном собрании новое руководство административного аппарата: бургомистра, заместителя бургомистра, начальника налогового управления, референта общественного снабжения и т. д.⁷⁹ Национальный комитет в Кунхедеш выбрал нового временного районного начальника и его заместителя.⁸⁰ Национальный комитет в Туркеве выбрал на своем учредительном собрании нового бургомистра.⁸¹ Национальный комитет в Орошхаза организовал местный совет, членами которого являлись представители городского управления, всех партий, профсоюзов, школ и церковных общин. Национальный комитет в Орошхаза назначил также и политического уполномоченного к заместителю районного начальника. А в организованное им административное учреждение делегировал по представителю отдельных партий.⁸²

Национальный комитет села Деваванья в полном составе вышел в сельское управление и сообщил там руководящим служащим старого режима, «что они должны отчитаться относительно выполняемой до сих пор работы и передать свои места назначенным комитетом новым служащим», довел также до сведения всех находящихся в сельском управлении служащих, «что они должны подчиняться назначенным национальным комитетом судье и нотариусу и считать их своими начальниками. . .»⁸³

Национальный комитет в Дьёма провел еще более радикально реорганизацию и демократизацию сельского административного аппарата. Он прекратил деятельность коммунальной комиссии и поставил на его место так называемый административный совет, снял с должности старое сельское управление и назначил возле главного нотариуса административного контролера, играющего роль политического уполномоченного. На сообщение вицегубернатора, являющегося представителем Партии Мелких Хозяев, в котором вицегубернатор заступился за старое, реакционное управление и «уничтожил» решения национального комитета, национальный комитет в Дьёма ответил длинным сообщением, в котором объяснил поли-

⁷⁹ Госархив Сольнок. Док. н. ком. в Карцаг. Протокол от 21-ого декабря 1944 года.

⁸⁰ Госархив Сольнок. Док. н. ком. в Кунхедеш. Протокол от 24 февраля 1945 года.

⁸¹ Госархив Сольнок. Док. н. ком. Туркеве. Протокол от 8 января 1945 года.

⁸² Госархив Дьюла. Док. н. ком. в Орошхаза. Протоколы от 19 января 1945 года и 1 февраля 1945 года.

⁸³ Госархив Дьюла. Док. н. ком. в Деваванья. Протокол от 5 февраля 1945 года. Имелись такие села, как на пример Надыван, в которых, правда, старое управление осталось на месте, но руководство жизнью села находилось в руках национальных комитетов, посылающих своих наиболее сознательных, умеющих бороться, членов, и в управление. «Старый сельский староста остался на своем месте — докладывает районный начальник Тисафюред губернатору комитата — но согласно поручению национального комитета действительным руководителем среди членов управления является представитель коммунистической партии Кальман Вадас. Его личность пользуется у большинства населения большим уважением. . .» Док. н. ком. Сольнок. Доклад районного начальника Тисафюред, январь—февраль 1945 года).

тическое значение этих распоряжений и показал тем самым красивый пример того, как надо понимать с народной, революционной точки зрения демократию и демократические права.

«Эти распоряжения являются основным требованием, если мы хотим начать строить после старого, диктаторского, фашистского строя новый, демократический строй. Руководителей министерств сняли с должности, а к городским и сельским управлениям нельзя притронуться? Выбор новых служащих произошел на основании единогласного решения национального комитета, выражающего этим общественное мнение населения, принимая во внимание согласие всех его слоев. Почему не хочет дать свое согласие Управление Вицегубернатора?...»

И отвечая на угрозы вицегубернатора, который сообщил, что предусматривает привлечь к ответственности и подвергнуть дисциплинарному иску лица, принявшие это решение, национальный комитет в Дьёма высказывает свою точку зрения в следующем, что является одновременно и ее исповедью за народную демократию :

«Мы чувствуем и берем на себя ответственность в первую очередь за построение венгерской демократии, которое вовсе не поддерживают распоряжения Управления Вицегубернатора, придерживающиеся в такой форме правил и параграфов, будто хотят задушить этими формальностями суть и дух венгерской демократии.

Распоряжения правительства, поскольку они помогают строить демократию, мы считаем и для нас обязательными, но по нашему мнению вышеуказанное распоряжение Управления Вицегубернатора противоречит не только духу и намерениям распоряжений правительства, а даже установленным им формам...»⁸⁴

Распоряжения национальных комитетов — не смотря на то, что они являлись выражением истинно революционного духа, — в данных обстоятельствах не обозначали и не могли обозначать полную реорганизацию административного аппарата. Создание нового государственного аппарата являлось задачей диктатуры пролетариата. Тогда шла речь только лишь о том — и это обозначало тогда очень серьезный шаг вперед —, чтобы демократические силы, под руководством Венгерской Коммунистической Партии, завоевали себе все большее влияние в старом административном аппарате, который в то время еще нельзя было заместить другими органами, и удалили оттуда реакционеров. Но очень часто, особенно в селах, новые служащие, которые были уже назначены на руководящие посты демократическими силами, не оказались на много прогрессивнее, демократичнее старых служащих режима Хорти. Значительная часть этих новых служащих состояла из находящихся в мелких позициях служащих старого административного аппарата : из писарей, служащих с поденной платой, вспомогательных

⁸⁴ Госархив, Сегед. Док. н. ком. в Дьёма. Протокол от 17 февраля 1945 года.

работников и т. д., не принявших в прошлом участия в антинародных действиях. Естественно, и здесь нельзя обобщать. Очень многие из них — именно потому, что являлись эксплуатируемыми, плохо оплаченными, безперспективными служащими старого фашистского административного аппарата — поняли свои истинные интересы и откровенно встали на сторону демократии. Однако, в общегосударственном масштабе, в это время было еще мало рабочих и крестьянской бедноты среди вновь назначенных служащих административного аппарата.

Главной задачей народных комитетов в связи с восстановлением и демократизацией администрации, являлась реорганизация муниципалитетов, коммунальных комитетов, законодательных корпусов. В связи с этим правительство издало распоряжение № 14/1945 и дополнило его правительственным распоряжением № 1030/1945 в апреле 1945 года о временном восстановлении административного аппарата, на основании которого национальные комитеты должны были проводить эту работу. Реорганизацией городских самоуправлений, членами которых являлись в большинстве представители демократических партий, профсоюзов и представительств, национальные комитеты сделали большой шаг вперед на пути осуществления новой, демократической администрации. С реорганизацией органов самоуправления прекратила свое существование старая реакционная организация самоуправлений, основывавшаяся на вирилизме (во время старого режима в Венгрии вирилисты — лица, платящие большие налоги, самые богатые люди страны — имели решающее влияние на общественные дела. — Замечание переводчика), связанном с цензом избирательном праве, вечном членстве.⁸⁵ Основательно изменился и социальный состав органов самоуправления. Ниже приведенные данные дают ясную картину о происшедших в органах самоуправления изменениях:

В реорганизованном коммунальном комитете г. Дебрецен состав представителей различных слоев населения был следующим: 17 рабочих, 16 партийных секретарей и секретарей профсоюзов (являющихся в большинстве тоже рабочими), 22 человека члена интеллигенции, 11 мелких ремесленников, 5 торговцев, 2 священника, 14 земледельцев (кулаков и бывших средних землевладельцев).⁸⁶

В реорганизованном коммунальном комитете села Жака было 2 рабочих, 9 сельскохозяйственных рабочих, 2 батрака, 6 карликовых землевладельцев, 1 мелкий землевладелец, 2 мелких ремесленника, 2 служащих, 1 член интеллигенции, 1 лавочник. В коммунальном комитете села Хенцида было: 9 бедных крестьян, 2 карликовых землевладельца, 4 мелких землевладельца, 1 мелкий ремесленник, 1 член интеллигенции и 3 слу-

⁸⁵ Чизмадия Андор, Национальные комитеты. Стр. 102. (Рукопись).

⁸⁶ Госархив Дебрецен. Док. н. ком. г. Дебрецен. Корреспонденция декабря 1944 года.

жащих ; в Чекме : 4 сельскохозяйственных поденных рабочих, 19 мелких и карликовых землевладельцев, 5 мелких ремесленников и 2 члена интеллигенции ; в Шаркад : 28 мелких и карликовых землевладельцев, 13 сельскохозяйственных поденных рабочих, 4 рабочих, 5 мелких ремесленников, 1 лавочник, 2 служащих ; в Мезёдьян : 9 карликовых землевладельцев, 5 поденных рабочих, 1 мелкий ремесленник, 1 лавочник, 1 член интеллигенции, 1 собственник мельницы, 1 арендатор мельницы ; в Кётедьян : 1 рабочий, 6 карликовых землевладельцев, 4 сельскохозяйственных поденных рабочих, 15 мелких землевладельцев, 2 мелких ремесленника.

В селах половина членов коммунальных комитетов состояла из делегатов политических партий, а другая половина из высланных членов представительств. (В это время «представительствами» назывались союзы батраков, бедняков, ремесленников и лавочников, интеллигенции, в некоторых местах пастбищное общество и т. д.) В отдельных местностях национальные комитеты посылали в коммунальные комитеты представителей согласно величине имеющегося земельного участка. Так были представители средних и мелких землевладельцев, крестьян, имеющих 10—20, 20—30, и т. д. хольдов. (1 хольд = 0,575 гектара.) Отдельные церковные общины тоже имели своих представителей.⁸⁷

Как видно из вышеуказанных данных, в реорганизованных коммунальных комитетах большинство членов состояло из представителей трудящегося народа, но были и такие места, где удалось туда проникнуть — главным образом через Партию Мелких Хозяев — и реакционерам, кулакам, и сторонникам режима Хорти. Они иногда оказывались в большинстве и заглушали голос представителей народа. Так, например, в комитате Сабольч реакционным элементам удалось с помощью оставшихся еще в административном аппарате реакционных служащих захватить в свои руки руководство некоторыми национальными комитетами.

В этих селах естественно и в коммунальных комитетах реакционные элементы оказались в большинстве и вследствие этого не изменилось ничего в старой администрации.⁸⁸

Однако эти недостатки и слабости в работе национальных комитетов естественно не уменьшают большого значения их стремления к демократизации администрации и в общем и целом хорошей работы. Они в данных условиях сделали очень многое в осуществлении создания демократического административного аппарата, соответствующего надобностям и требованиям демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства на первом этапе народной демократии. И, что являлось самым важным :

⁸⁷ Госархив, Дебрецен. Из документов вицегубернатора комитата Бихар, 1945 : Статистика относительно состава законодательного корпуса городов и сел.

⁸⁸ Чизмадия Андор. Национальные комитеты. Стр. 104. (Рукопись). «Неплап» (Газета народа) от 5 июня 1945 г.

они восстановили местную администрацию, без которой было бы невозможно действовать центральным государственным органам, Временному Национальному Правительству.

После общегосударственной реорганизации административного аппарата часто происходили столкновения относительно круга действия между национальными комитетами с одной стороны и другими государственными ведомствами, губернаторами, вице-губернаторами, бургомистрами с другой стороны, особенно в тех комитатах, в которых руководителями высших властей являлись представители Партии Мелких Хозяев. Высшие государственные органы постоянно посылали предупреждения национальным комитетам относительно того, что круг их действия не включает вопросы администрации и что они должны воздерживаться от всякого непосредственного вмешательства в эти дела, будь это в личных или в любых вопросах. Несмотря на это много национальных комитетов и в дальнейшем настаивало на том, чтобы оказывать влияние на ход работы администрации, и они неоднократно заявили протест против того, что высшие государственные органы пытаются оттеснить их влияние на администрацию. Но, конечно, связанные с этим протесты национальных комитетов приносили все меньше результатов, и они в конце концов были принуждены понять, что не могут оказывать непосредственного влияния на администрацию. Национальный комитет г. Будапешт, и организованный 4 сентября 1945 года Всевенгерский Национальный Комитет ограничили деятельность на роль контрольного органа, дающего заключения с политической точки зрения. В местном отношении национальные комитеты в дальнейшем играли роль политических и общественных органов Венгерского Национального Фронта независимости. Они имели в дальнейшем право обращаться к государственным органам с инициативой или предложением. Не изменилась их роль как защитников демократического строя, в качестве которых они боролись на политическом и общественном уровне против реакции, пережитков фашизма, и следили за тем, чтобы распоряжения и решения правительства были всецело выполнены.

В борьбе против реакции Национальные комитеты играли особенно значительную роль в связи с проведением «списка Б» (На список Б попадали работавшие в старом государственном аппарате ненадежные лица, которые тем самым были удалены из него в 1945—1946 гг. — Примечание переводчика.) в начале 1946 года, в связи с чем большую часть еще находящихся в административном аппарате антинародных, продажных служащих уволили. Например национальный комитет в Кондорш целый ряд служащих сельского управления поставил на «список Б» с тем обоснованием, что данное лицо было: секретарем «МЭП*», что его «присудил народный суд», «его

* Партия Венгерской Жизни. Она являлась правительственной партией фашистской диктатуры Хорти.

небрежная работа граничит саботажем», «был беглецом», «был большим другом немцев» и т. д.⁸⁹ Национальный комитет в Пюшпёкладань поставил на «список Б» местных антинародных служащих со следующим обоснованием: «в прошлом относился плохо к народу», «не является демократом», «является человеком, преданным к прошлому, всегда считался грубым служащим» и т. д.⁹⁰ Национальный комитет в Польгарди не оправдал нотариуса, «потому что он был грубым в обращении с людьми, особенно с простыми слоями населения, что доходило у него до нетерпимости.»⁹¹

Весной 1946 года по всей стране началось то народное движение, в котором принимали участие под руководством коммунистов массы, входящие в Партии Левого Блока** и профсоюзы, и к которым присоединялись во многих местах беспартийные трудящиеся и крестьяне, являющиеся членами Партии Мелких Хозяев.

Вследствие народных приговоров, проведенных демонстрирующими массами, удалось отстранить новые группы реакционных служащих из их должностей.

Значительная часть национальных комитетов приняла активное участие в проведении народных приговоров и утверждала их как высший политический орган местности. Эти национальные комитеты твердо выступали против старающихся спасти этих людей разных находящихся еще под реакционным влиянием высших органов, и защищали решения народных приговоров. Например, национальный комитет в Пюшпёкладань дал следующий ответ Министерству Просвещения, требующего от него объяснения относительно выселения из местности нескольких ведущих служащих;

«Их... выселили из Пюшпёкладань на основании народного приговора, вынесенного на народном собрании, из-за их антидемократического реакционного поведения... Их реакционное правостороннее политическое поведение, далее то, что они никак не могли включиться в настоящую демократическую жизнь, а, наоборот, агитировали среди народа против нее, являлось причиной возмущенного выступления народа против них. Для того, чтобы прекратить эту раскольническую деятельность фашистских элементов среди людей и успокоить общее настроение, надо было выселить вышеуказанных вместе с несколькими другими лицами из Пюшпёкладань».⁹²

** Левый блок был создан в начале 1946 г. по инициативе Венгерской Коммунистической Партии. Кроме коммунистической партии в нем приняли участие Социал-демократическая Партия, Национальная Партия Крестьян и профсоюзы. Его целью было отбивать наступление реакции после выборов осенью 1945 г. которые окончились победой Партии Мелких Хозяев, стоявшей в большинстве под правым руководством.

⁸⁹ Гос архив Дьюла. Док. н. ком. в Кондорш. Протокол от 2 мая 1945 года.

⁹⁰ Гос архив Дебрецен. Док. н. ком. в Пюшпекладань. Протокол от 19 апреля 1946 года.

⁹¹ Гос архив Секешфехервар. Док. н. ком. в Польгарди. Протокол от 4 октября 1947 год а.

⁹² Гос архив Дебрецен. Док. н. ком. в Пюшпекладань. Протокол от 2 июня 1946 года.

Национальный комитет в Кондорош противостоит распоряжению управления вицегубернатора, стоящего под влиянием Партии Мелких Хозяев, которое требует, чтобы снятое с должности решением народа старое, продажное управление было восстановлено в должности.

«Национальный комитет не может принять к сведению это распоряжение, так как оно является диаметрально противоположным выявленному мнению всего населения, на основании которого народная комиссия в свое время приняла известные вам решения.»⁹³

Конечно и работы в связи с составлением «списков Б» часто сопровождались борьбой. Внутри национального комитета некоторые его члены — в первую очередь часть представителей Партии Мелких Хозяев — брала под защиту фашистов и антинародных служащих, стараясь вынуждать решения для подкрепления их позиции.

Так, например, в национальном комитете района Печварад между ее коммунистическими и левыми членами с одной стороны и представителями Партии Мелких Хозяев и «Крестьянского Союза»* с другой стороны, возникли серьезные разногласия относительно вопроса составления «списка Б».

«Во время дискуссии — пишет об этом местный национальный комитет в своем докладе национальному комитету комитата — прозвучало несколько реакционных высказываний, между прочим член «Крестьянского Союза» иронически спросил: «может вы хотите коммунистического нотариуса?», угрожая при этом одного из членов национального комитета... все заседание прошло под знаком реакции со стороны Партии Мелких Хозяев и Крестьянского Союза...»⁹⁴

Доклад, отправленный национальному комитету комитата, подписанный двумя председателями национальных комиссий и 15 членами, требует проведение решения большинства относительно вопроса «списка Б» и очищение национального комитета района Печварад от реакционных элементов, которые вместо того, чтобы являться представителями интересов народа; «ведут антинародную деятельность».

Но имелись и такие национальные комитеты, в которых борьба в связи со «списками Б» была решена — правда, только временно — в пользу реакции, которой удалось получить большинство голосов. Так, например, в Мор оправдали нотариуса режима Хорти, который в свое время проводил и пропаганду за венгерских фашистов; в секретном голосовании он получил 10 голосов против 6. В этой местности всех старых, оставшихся там из времен Хорти, чиновников — за исключением одного служащего, занимавшего незначительную должность — оправдали.⁹⁵

* Крестьянский союз являлся реакционной организацией, руководимой Партией Мелких Хозяев и сплотившей главным образом кулаков и состоятельных крестьян.

⁹³ Госархив Дьюла. Док. н. ком. в Кондорош. Протокол от 7 декабря 1946 года.

⁹⁴ Госархив Печ. Док. н. ком. в Печварад. Протокол от 15 апреля 1946 года.

⁹⁵ Госархив Секешфехервар. Док. н. ком. в Мор. Протокол от 26 апреля 1946 года.

Национальный комитет в Элэсаллаш не принимает никаких шагов против местного руководителя венгерских фашистов-нилашов, в доме которого Салаши (вождь венгерской фашистской партии нилашов. — Примечание переводчика) провел собрание и о котором сам комитет устанавливает, что горький пьяница, и только призывает его к тому, «чтобы он в дальнейшем воздерживался от таких антинациональных поступков...»⁹⁶

Национальный комитет в Укк оправдал местного руководителя партии нилашов и руководителя вооруженных фашистов, а также и старшего сержанта жандармерии.⁹⁷ Национальный комитет Залабер принимает решение, согласно которому не желает конфисковать имущества бывших руководителей нилашов. После принятия этого решения обнаружилось, что среди членов национального комитета находились и доносчики жандармерии и бывшие сторонники Имреди.⁹⁸

Несмотря на все эти слабости, являющиеся последствием влияния реакции на некоторые национальные комитеты (особенно на задунайских территориях) решающее большинство национальных комитетов в значительной мере помогло очистить венгерское общество, и в первую очередь государственный аппарат, от вредителей и саботирующих элементов.*

Die Bedeutung der nationalen Komitees in der Entstehung der ungarischen Volksdemokratie

B. BALÁZS

Zusammenfassung

Die nationalen Komitees, Nationalräte, Befreiungskomitees, usw., entstanden in Europa in sämtlichen Ländern, die vom deutschen Faschismus unterjocht wurden. Diese revolutionären Volksorgane leiteten den Kampf der Massen und organisierten die nationale Widerstandsbewegung gegen die deutsche Besatzung. In Ungarn, wo sich die aktive Widerstandsbewegung infolge verschiedener Ursachen nur verspätet entfaltete, entstanden die nationalen Komitees, abgesehen von einigen sporadischen Versuchen, erst nach der Befreiung. Auf den durch die Sowjetarmee befreiten Gebieten setzten sich demokratische Massenbewegungen von mächtiger Kraft in Gang. Die von der jahrzehntelangen faschistischen Unterdrückung befreiten ungarischen Volksmassen: Arbeiter, Bauern, Handwerker, die fortschrittliche Intelligenz, bildeten des öfteren spontaner Weise, ohne jede besondere höhere Anweisung, unter Leitung der ortsansässigen Kommunisten, ihre revolutionären Volksorgane und nahmen die Regelung des Lebens der Städte und Dörfer in ihre eigene Hand. Vielerorts erwählte die Einwohnerschaft diese revolutionären Volksorgane an Volksversammlungen aus den Reihen der allgemein verehrten antifaschistischen Kämpfer und Demokraten der Ortschaft. Da an der Spitze des antifaschistischen Kampfes auch in Ungarn die Kommunisten standen, führten sie auch in den nationalen Komitees die leitende Rolle. Außer ihnen nahmen jedoch an der Gründung und Arbeit der Volksorgane auch die Vertreter anderer antifaschistischer und demokratischer Schichten teil. Im allgemeinen drückten die nationalen Komitees auch in ihrem Gefüge die Zusammenwirkung der breitesten

⁹⁶ Госархив Секешфехервар. Док. н. ком. Элэсаллаш. Протокол от 14 февраля 1946 года.

⁹⁷ Госархив Залаэгерсег. Док. н. ком. в Укк. Протокол от 23 января 1947 года.

⁹⁸ Госархив Залаэгерсег. Док. н. ком. в Залабер. Протокол от 11 февраля 1946 года.

* Продолжение в следующем номере

demokratischen Volksmassen im Kampf gegen die faschistischen Überreste und zur Erschaffung des neuen, demokratischen Ungarn aus.

Während unten, in lokalen Verhältnissen, die demokratische Bewegung der Volksmassen schon die Grundlagen für das neue Leben zu schaffen begann, setzte sich auch oben die demokratische Entwicklung mit großem Schwunge in Gang. Auf Vorschlag der Ungarischen Kommunistischen Partei entstand in Szeged aus den Vertretern der demokratischen Parteien die Ungarische Nationale Unabhängigkeitsfront, die das durch die Kommunistische Partei vorgeschlagene Programm annahm. Binnen kurzem, am 22. Dezember 1944, trat die Provisorische Nationalversammlung zusammen und erwählte die Provisorische Nationalregierung. Das Programm der Ungarischen Nationalen Unabhängigkeitsfront, das auch zur Tätigkeit der Regierung als Grundlage diente, schrieb die Erschaffung der Volksorgane auf dem ganzen Landesgebiet vor.

Die nationalen Komitees erfüllten in der ersten Periode ihrer Tätigkeit, die etwa bis zu den Monaten April—Mai des Jahres 1945, also bis zur vollständigen Befreiung des Landes und Umsiedlung der Regierung nach Budapest dauerte, in lokaler Beziehung sämtliche staatlichen Funktionen. Sie waren zu jener Zeit die höchsten Organe der Staatsmacht in den Dörfern und Städten, ihr Machtbereich erstreckte sich auf sämtliche Gebiete des Wirtschafts-, Staats- und politischen Lebens. Ihre Anweisungen, Verordnungen besaßen in lokaler Beziehung Gesetzeskraft, sie wurden sowohl von den Lokalbehörden als auch von der Einwohnerschaft vollzogen.

Nach der Entstehung der Ungarischen Nationalen Unabhängigkeitsfront und nach der Organisation der anderen demokratischen Parteien verwandelten sich, bzw. entstanden die nationalen Komitees auf koalierter Grundlage. Außer den Delegierten der Kommunistischen Partei saßen in den nationalen Komitees auch die Vertreter der Sozialdemokratischen Partei, der Nationalen Bauernpartei, der Unabhängigen Kleinlandwirtepartei und der Bürgerlich-Demokratischen Partei. Die leitende Rolle der Kommunisten in der überwiegenden Mehrzahl der nationalen Komitees blieb indessen auch weiterhin unverändert erhalten. Es gab jedoch nationale Komitees, in welche — besonders durch die Rechte der Unabhängigen Kleinlandwirtepartei und durch die Bürgerlich-Demokratische Partei — auch reaktionäre, ja sogar faschistische Elemente hineingerieten und zahlreiche Schwierigkeiten in der Tätigkeit dieser Volksorgane bereiteten. Im Landesausmaß konnten sie jedoch keine bedeutenderen Erfolge erzielen; die nationalen Komitees waren während der ganzen Zeit ihrer Tätigkeit die revolutionären Organe der breiten demokratischen Volksmassen.

Die nationalen Komitees hatten in der Wiederherstellung und Demokratisierung der Verwaltung, im Kampf gegen die faschistischen Überreste und in der Inangsetzung der Produktion eine große Bedeutung. Außerdem entfalteten sie auch auf kulturellem und sozialem Gebiet eine weit ausgedehnte Tätigkeit.

In der Wiederherstellung und Demokratisierung der Verwaltung traten die nationalen Komitees als die Verkörperung des Volkswillens auf. An die Stelle der vor der Sowjetarmee geflüchteten, reaktionären Verwaltungsbeamten ernannten sie neue, den demokratischen Erfordernissen entsprechende Beamten. (Diese rekrutierten sich zumeist aus den Reihen der an ihrer Stelle gebliebenen niederen Beamten: Schreiber, Diurnisten, Vizenotäre; in geringerer Zahl wurden jedoch in einigen Gegenden, wie z. B. jenseits der Theiß, auch Arbeiter und Bauern an verschiedene Verwaltungsstellen ernannt.) Im ganzen Lande steckten jedoch zu dieser Zeit noch viele reaktionäre Elemente in der Verwaltung, und ihre Entfernung konnte erst später bewerkstelligt werden.

Entsprechend der Regierungsverordnung haben die nationalen Komitees die Organe der Autonomie, d. h. die Verwaltungsräte und die Munizipien auf Grundlage der Koalition neugebildet. Durch diese kamen die wirklichen Vertreter des werktätigen Volkes in die autonomen Körperschaften, und dadurch wurde ein gewaltiger Schritt in der Demokratisierung der ganzen Verwaltung getan. (Natürlich gerieten dabei auch Kulaken und andere reaktionäre Elemente in diese Körperschaften, die Mehrheit vertrat jedoch die Interessen des werktätigen Volkes und an den meisten Stellen kam die leitende Rolle der Kommunisten zur Geltung.)

Die nationalen Komitees hatten eine große Bedeutung in der Erschaffung der ersten demokratischen Organe der Brachialgewalt. Nach der Befreiung waren es die nationalen Komitees die aus zuverlässigen linksstehenden Personen, zumeist aus Kommunisten, die lokale Bürgergarde (Nationalgarde) bildeten, die dann die Aufrechterhaltung der Ordnung sicherte und die herumschleichenden oder verborgenen Faschisten verfolgte. Auf die Verordnung der nationalen Komitees wurden vielerorts, besonders jenseits der Theiß und in der Tiefebene, Internierungslager errichtet, wo die Pfeilkreuzler, die faschistischen Beamten und sonstige volksfeindliche Elemente gesammelt und zu gemeinnütziger Arbeit genötigt wurden. Die wegen schwerer Verbrechen Angeklagten wurden den Volksgerichten übergeben. Die nationalen Komitees verhinderten es, daß die geflüchteten reaktionären, faschistenfreundlichen Beamten zurückkehren und wiederum ihre Stellungen besetzen könnten. Diese wurden nach ihrer Rückkehr vor Rechtfertigungskommissionen gestellt und viele von ihnen wurden ihrer

Ämter enthoben und zur Internierung verurteilt. Es gab jedoch einige Ortschaften, besonders in Transdanubien, wo der Einfluß der Reaktion stärker war und wo es den in die nationalen Komitees eingeschlichenen reaktionären Elementen gelang, mehrere reaktionäre Beamten der Vorzeit rechtfertigen und in ihre Stellungen wiedereinssetzen zu lassen. Vom Standpunkt des ganzen Landes muß jedoch auch auf diesem Gebiet die positive, revolutionäre Rolle der nationalen Komitees hervorgehoben werden, da grundlegend hierdurch die Tätigkeit ihrer Mehrzahl auch in dieser Hinsicht gekennzeichnet wurde.

Politique et jansénisme

Lettres de François II Rákóczi, prince de Transylvanie au cardinal

Filippo-Antonio Gualterio

(1714—1717)

B. KÖPECZI

Rákóczi en exil

De 1703 à 1711, François II Rákóczi, prince de Transylvanie et chef de la Confédération Hongroise, mena à la tête des peuples de Hongrie, une lutte acharnée contre l'oppression des Habsbourg. Après huit années de guerre qui avait épuisé toutes les ressources du pays et face à un ennemi militairement supérieur, Rákóczi chercha secours, au début de l'année 1711, auprès du Tsar Pierre Ier et quitta la Hongrie pour le rencontrer en Pologne. C'est pendant son absence et contre sa volonté que le général Alexandre Károlyi, à qui il avait confié le commandement de l'armée, conclut le traité de Szatmár (le 29 avril 1711). Ce traité sacrifia une fois de plus l'indépendance de la Hongrie et de la Transylvanie, renforça la domination des Habsbourg dans ces pays. En échange, il prévoyait une amnistie générale et la restitution des biens aux insurgés ayant déposé les armes. Rákóczi ne reconnut jamais ce traité et pendant son long exil il chercha, par tous les moyens, à recommencer la guerre ou du moins à faire admettre, à l'aide d'une pression diplomatique, l'indépendance de la Transylvanie, considérée comme un rempart des libertés hongroises.

Dans l'historiographie hongroise l'appréciation du traité de Szatmár et de la politique poursuivie par François II Rákóczi dans son exil fait, depuis longtemps, l'objet de discussions. La discussion a pris des formes particulièrement violentes au début du XXe siècle, après la publication d'un livre sur «Rákóczi en exil», écrit par l'historien Jules Szekfü.¹ Réagissant vivement contre les thèses de la vieille école nationaliste et romantique, Szekfü défend le traité de Szatmár et, tout en condamnant la politique poursuivie par Rákóczi, dans son exil, il se déclare solidaire de la «politique de compromis» de la noblesse hongroise du XVIIIe siècle. De plus, il soutient que «tout ce qui a donné depuis une nouvelle impulsion à la vie nationale était un facteur complètement étranger à la conception de Rákóczi» et que «ses souffrances d'exil sont restées sans conséquences, elles ne se sont jamais transformées en une source historique bien vivante».²

Il ne nous appartient pas d'entrer dans les détails de cette discussion, bornons-nous à constater que la nouvelle historiographie marxiste n'accepte pas

¹ Gyula Szekfü : A száműzött Rákóczi, Budapest, 1913.

² Szekfü op. cit. p. 336—7.

cette conception, de même qu'elle repousse les thèses de l'école nationaliste.³ Nous considérons que l'héritage historique de la guerre d'indépendance des kouroutz et de Rákóczi a joué un rôle important dans la formation de la conscience nationale et a influencé non seulement les soulèvements paysans du XVIIIe siècle, mais a, en outre, contribué à la préparation idéologique de la révolution de 1848/49. Cependant les preuves que nous avons sur la vitalité de l'héritage des kouroutz et de Rákóczi ne nous dispensent pas de rechercher les motifs de l'attitude du prince en exil, d'autant plus que l'activité diplomatique qu'il déploya à cette époque était taxée de politique d'aventures sans aucune base solide. Un autre motif qui nous pousse à étudier à fond cette période de la vie de Rákóczi c'est son activité littéraire et sa conception du monde telle qu'elle se dégage de ses écrits. A part ses Mémoires sur la guerre d'indépendance, rédigés en français,⁴ Rákóczi a composé en latin ses Confessions et d'autres écrits de caractère religieux et politique.⁵ Dans son livre mentionné, Szekfü a attiré l'attention sur l'influence du jansénisme sur la pensée de Rákóczi et l'historien littéraire, Béla Zolnai, a fait des études approfondies qui montrent d'une façon irréfutable que Rákóczi avait eu effectivement des liens étroits avec le mouvement janséniste.⁶ Cependant on a tiré de ces recherches des conclusions beaucoup trop hardies, conclusions, qui ont déformé le portrait du chef de la guerre d'indépendance. En effet, on insiste beaucoup trop sur le spiritualisme, teinté de jansénisme de Rákóczi, aux dépens de son activité politique pendant l'exil. D'autre part, en soutenant que son activité littéraire est d'inspiration essentiellement religieuse, on a minimisé l'importance de ses écrits qui sont inspirés par des motifs politiques, et avant tout par cet amour de la patrie et de la liberté qu'il considère comme le pivot de toute son activité. «Le seul amour de la liberté et le désir de délivrer ma patrie fut le but de toutes mes actions» — écrit-il dans ses Mémoires.⁷ Ces problèmes ont fait récemment l'objet d'une discussion entre plusieurs spécialistes de l'histoire de la littérature hongroise,⁸ et c'est à ce débat que nous voulons apporter notre modeste contribution, par la présente étude et surtout par la

³ Köpeczi—R. Várkonyi: II. Rákóczi Ferenc, Budapest, 1955. Sur les travaux des historiens hongrois cf. Etudes des délégués hongrois au Xe Congrès International des Sciences historiques, Budapest, 1955, p. 18.

⁴ Les «Mémoires du Prince François Rákóczy sur la guerre de Hongrie» ont été publiés dans l'Histoire des Révolutions de Hongrie, parue en 1739 à la Haye (Paris).

⁵ La «Confessio peccatoris» avec les «Soliloquia» et les «Aspirationes Principis Christiani», ont paru à Budapest, en 1876, sous le titre «II. Rákóczi Ferenc önéletrajza és Egy keresztény fejedelem áhításai című munkája». (L'auto-biographie de François II Rákóczi et son ouvrage: «Les aspirations d'un prince chrétien.»)

⁶ Béla Zolnai: A janzenista Rákóczi, Szeged, 1927 et autres études. En français B. Zolnai: Un écrivain français du XVIIe siècle, le prince Fr. II Rákóczi, Nouvelle Revue de Hongrie, 1936.

⁷ Mémoires, t. V. p. 13. (dans l'édition en 6 volumes de l'Histoire des Révolutions de Hongrie).

⁸ cf. l'étude de Gábor Tolnai: «François Rákóczi, l'écrivain» (Rákóczi Ferenc, az író, dans Vázlatok és tanulmányok — Esquisses et études — Budapest, 1955) et la réponse de Béla Zolnai: «Remarques à propos du problème Rákóczi» (Megjegyzések a Rákóczi-kérdéshez, Irodalomtörténet. 1957. N° 1.

publication des lettres que François II Rákóczi a adressées, entre 1714 et 1717, au cardinal Filippo-Antonio Gualterio.

Avant de tirer les conclusions de cette correspondance, nous croyons qu'il est utile de faire connaître les circonstances du séjour de Rákóczi en France, et sa situation à la cour de Versailles.

Avant Rastadt

Comme nous l'avons dit, au début de l'année 1711, François II Rákóczi se rendit en Pologne pour solliciter l'appui du Tzar contre les Habsbourg. La guerre du Nord et surtout la guerre russo-turque qui venait d'éclater empêchèrent Pierre Ier de venir au secours du prince de Transylvanie à qui il était lié par un pacte d'assistance mutuelle signé, en bonne et due forme, en 1707 à Varsovie. Déçu dans ses espoirs mis en la Russie, Rákóczi se tourna une fois de plus vers la France, qui pendant les années de la guerre l'avait soutenu par ses subsides et par l'envoi d'un certain nombre d'officiers et de soldats. Cette phase de l'histoire des relations franco-hongroises mérite une étude spéciale — nous espérons la publier sous peu —, pour le moment rappelons simplement que, malgré toutes les instances de Rákóczi, Louis XIV refusa de conclure avec lui un traité formel, se bornant à le reconnaître prince de Transylvanie et lui promettant de le faire inclure dans la paix générale. Après 1707 la situation financière de la France empira, les subsides ne furent pas versés, de plus, la diplomatie française, influencée par les rapports du marquis Des Alleurs, envoyé de Louis XIV auprès de Rákóczi, que Voltaire, dans son Histoire de Charles XII, considère comme «un homme de mérite distingué»,⁹ mais qui en réalité était un diplomate fort médiocre, n'appuya pas les projets de Rákóczi relatifs à une alliance russo-française, dirigée contre l'Autriche.

En 1711 Rákóczi se voit donc abandonné par la diplomatie française et l'amertume qu'il en ressent s'exprime dans une de ses lettres adressée à Fierville, agent de Louis XIV et successeur de Des Alleurs, ce dernier étant nommé en 1709 ambassadeur de France à Constantinople : «Depuis longue temps on me regardent comme une orang suscé dont on rejettent l'escorce; la suspension du paiement de mes subsides ne m'a pas tant convaincu de cette vérité que le silence dans lequele on est a mon égard depuis que j'esté obligé de me retirer dans ce pais-ci et surtout depuis la mort de l'Empereur.¹⁰ Et puisqu'on me mandent rien sur les esperences que je pourrai avoir pour le retablissement de mes affaires en Hongrie dans cette conjunctures, il me semble que l'on ne se suscient plus de la guerre d'Hongrie et que l'on me considerent comme une personne qui a joué son role.» (18 juillet 1711)¹¹

⁹ Voltaire : Histoire de Charles XII. livre V^e.

¹⁰ Joseph Ier est mort le 18 avril 1711.

¹¹ Actenstücke zur Geschichte Franz Rákóczy's und seiner Verbindungen mit dem Auslande éd. par Joseph Fiedler, t. I., Wien, 1855, p. 20—21. (dans la série Fontes Rerum Austriacarum, Zweite Abteilung, t. IX.).

La cour de France avait toujours considéré la guerre de Hongrie comme une utile «diversion», et l'aide qu'elle lui avait accordé était bien médiocre. En 1711 on y espère que la paix pourrait être rétablie avec l'Angleterre et on se soucie encore moins de l'affaire hongroise. Cependant comme les négociations traînent, les diplomates français envisagent à nouveau l'utilité de la diversion». C'est ce qu'on peut déceler d'une lettre de l'envoyé de Rákóczi à la cour de Versailles, Ladislas Kőkényesdi de Vetés, datée du 29 mai 1711: «J'ai l'honneur de lui (à Son Altesse Sérénissime le Prince Rákóczi) représenter qu'elle doit presentement plus que jamais s'attacher à la France, à laquelle, malheureuse qu'elle est, peut rendre de bons services, car autant qu'elle se maintiendra dans les voisinages de la chère patrie, l'ennemi n'en pourra pas retirer ses troupes . . . Jamais allié de la France ne s'est repenti de son alliance, tost ou tard, il a trouvé son compte.»¹² Cette dernière phrase de Kőkényesdi ne s'est avérée juste, mais la cour commença en effet à s'intéresser à Rákóczi, elle lui a envoyé quelque secours en argent. Le prince de Transylvanie de sa part s'est bien rendu compte du fait que la France n'est pas capable de l'aider par les armes, mais il a espéré que Louis XIV tiendra sa promesse en ce qui concerne l'inclusion de l'affaire hongroise dans le traité de paix mettant fin à la guerre de la succession d'Espagne. Or, les négociations de paix entre la France et l'Angleterre commencèrent au début de 1711 et le Congrès d'Utrecht fut ouvert en 1712. Rákóczi essaie de gagner non seulement la France, mais aussi l'Angleterre à l'idée d'une Transylvanie indépendante qui pourrait servir en quelque sorte de contre-poids à la Maison d'Autriche en Europe Orientale. Le principal argument de ses mémoires écrits à ce sujet est la menace que représente pour toutes les puissances européennes une Autriche agrandie et renforcée.¹³

Il dirige l'activité diplomatique de ses agents de Danzig, mais sa situation devient de plus en plus délicate dans cette ville. Les émissaires de la cour de Vienne le guettent, le roi Auguste ne peut et ne veut plus répondre de sa sureté. En outre, il a de très grandes difficultés financières, car il doit aider les Hongrois réfugiés en Pologne. Tout cela le détermine à quitter la ville, mais la principale cause de son départ c'est le désir d'être près du lieu des négociations de paix. Il choisit la France, parce qu'il espère obtenir l'aide diplomatique et matérielle de Louis XIV et parce qu'il éprouve pour ce pays des sympathies personnelles. Comme il écrit dans ses Confessions: «Cogebam me ire in Galliam, in regnum, quod videre semper desideraveram et inter nationem, quam simpatico quodam affectu diligebam, nec lingua, nec mores ejus ignoti fuerant mihi.»¹⁴

Le 9 novembre 1712, il s'embarque à bord d'un bateau anglais et, après bien des vicissitudes, il arrive le 13 janvier 1713 à Dieppe. Louis XIV et la cour l'accueillent avec sympathie et Rákóczi — d'après les lettres adressées au baron

¹² Archives nationales de Hongrie, archives de la famille Rákóczi-Aspremont, Fasc. I. 251.

¹³ Dédution des droits de la principauté de Transylvanie, s. l. 1712, Archives du Min. Aff. Etr., Hongrie, t. 16. fol. 361.

¹⁴ Confessio, éd. citée, p. 221.

de Besenval, ambassadeur de France à Danzig, lettres qui nous renseignent sur la première année de son séjour en France¹⁵ — s'adapte sans difficulté à sa nouvelle façon de vivre. Il se lie d'amitié avec un grand nombre de personnes, notamment avec Madame, avec les Dangeau, le duc du Maine,¹⁶ le comte de Toulouse, le maréchal de Tessé, le marquis d'O. On peut avoir une idée de l'impression qu'il a produite à la cour par le portrait qu'en traça Saint-Simon: «Rákóczi — écrit le grand mémorialiste — étoit d'une très haute taille, sans rien de trop, bien fournie sans être gros, très proportionné et fort bien fait, l'air fort robuste et très noble jusqu'à être imposant sans rien de rude ; le visage assez agréable et toute la physionomie tartare. C'étoit un homme sage, modeste, mesuré, de fort peu d'esprit, mais tout tourné au bon et au sensé ; d'une grande politesse, mais assez distinguée selon les personnes ; d'une grande aisance avec tout le monde et, en même temps, ce qui est rare ensemble, avec beaucoup de dignité, sans nulle chose dans ses manières qui sentit glorieux. Il ne parloit pas beaucoup, fournissoit pourtant à la conversation et rendoit très bien ce qu'il avoit vu sans jamais parler de soi. Un fort honnête homme, droit, vrai, extrêmement brave, fort craignant Dieu, sans le montrer, sans le cacher aussi, avec beaucoup de simplicité. En secret il donnoit beaucoup aux pauvres, des temps considérables à la prière, eut bientôt une nombreuse maison qu'il tint pour les moeurs, la dépense, et l'exactitude du paiement, dans la dernière règle, et tout cela avec douceur. C'étoit un très bon homme et fort aimable et commode pour le commerce ; mais après l'avoir vu de près, on demeurait dans l'étonnement qu'il eût été chef d'un grand parti et qu'il eût fait tant de bruit dans le monde.»¹⁷ On ne peut guère souscrire à cette dernière réflexion de Saint-Simon, dont les idées sur la guerre de Hongrie, semblent être assez confuses, mais ce portrait, dans son ensemble, est élogieux, et après l'avoir lu nous trouvons moins conventionnelle la poésie d'occasion d'un certain abbé D. Fournaux, publié en 1714 à Paris sous le titre «Le prince Ragotzi, ou le modèle d'un véritable Héros». L'accueil sympathique de la cour est d'ailleurs confirmé par une lettre de Madame de Maintenon à Mme des Ursins : «Ce pauvre prince — écrit-elle — continue toujours de plaire en ce pays-ci : c'est un homme simple, parlant peu, et ayant toutes sortes de connaissances, grand chasseur, aimant la musique, la comédie, se connaissant à tout pour les jardins, pour les bâtiments, curieux de toutes les belles choses : on dit que sa plus grande peine vient de la souffrance de ceux qui ont été attachés à lui : car de reste, il est sans faste et sait se passer de tout.»¹⁸

¹⁵ Ces lettres ont été publiées par le regretté É. Pillias, mort en 1940 sur le champ de bataille : *Lettres au baron de Besenval, ambassadeur de France à Dantzic (1712—1713)*, Revue des études hongroises, 1935.

¹⁶ Sur ses relations avec le duc du Maine voir Márki Sándor : *Du Maine herceg és felesége (Le duc du Maine et sa femme)*, Budapest, 1911.

¹⁷ *Mémoire de Saint-Simon*, éd. de Boislisle, t. XXII, p. 259—261. cf. aussi Rózsa Fejér : *François Rákóczi II dans les mémoires français de son temps*, Pécs, 1931.

¹⁸ *Lettres inédites de Mme de Maintenon*, p. p. Bossange, Paris, 1823, t. II, p. 412—3. Lettre à Mme des Ursins du 21 juin 1713.

Rákóczi lui-même déclare dans ses Confessions qu'il a établi de très bonnes relations avec les gens de la cour et qu'il a participé à tous leurs amusements. Après sa retraite, il porte un jugement sévère sur sa façon de vivre de cette période : «Vere theatralium histrionum vita fuit mea his bene perpensis, agebam Christianum cum sacerdotibus, militem cum militibus, politicum cum politicis, fingebam, mentiebar et adulabar mulieribus et mihi complacere studentibus pari arte respondebam.»¹⁹ Cependant avant la conclusion de la paix il estimait qu'il était nécessaire d'entretenir ses relations, en particulier pour pouvoir influencer dans une certaine mesure le cours des négociations.

Peu après son arrivée en France, la paix séparée avec l'Angleterre fut conclue à Utrecht (31 mars 1713) et ce traité ne fait aucune mention de la question transylvaine. Il est vrai que la paix avec l'Autriche n'était pas signée et que, par conséquent, Rákóczi pouvait encore espérer, mais le prince de Transylvanie, déjà en avril 1713, n'avait que très peu d'illusions. C'est ce qui ressort d'une lettre adressée à Besenval : «Parmi tout cela, je fais bon mine a mauvais jeu, et me suis abandonné en toute a la providence ; et si ma prevoience a l'égard des homes ne m'a pas trompé, j'espere que ma confiance en elle ne me trompera pas non plus.»²⁰ Quoiqu'il en soit il n'abandonne pas la lutte.

Le cardinal Gualterio

C'est après la conclusion de la paix avec l'Angleterre que Rákóczi recontra le cardinal Gualterio. D'après le témoignage des divers dictionnaires biographiques, Filippo-Antonio Gualterio²¹ naquit le 24 mars 1660 à San Quirice da Fermo et mourut le 21 avril 1728 à Rome. Après avoir fait de très solides études en théologie et en droit, il obtint différentes charges ecclésiastiques et fut nommé en février 1700 nonce du pape à la cour de Versailles. Il exerça ces fonctions pendant six ans et fut — d'après le Dictionnaire historique de Moréri — «fort agréable aux François qu'il aimoit beaucoup lui-meme et qu'il a toujours appuyés de son crédit». En 1706 le pape le nomma cardinal et légat a latere à Ravenne et dans toute la Romagne. A Paris il était lié avec les milieux savants et il rassembla des manuscrits sur l'histoire universelle. Il perdit toutes ces collections dans un naufrage lors de son retour en Italie. De retour dans sa patrie, il se comporta en vrai adepte de la politique française et, en 1708, il dut souffrir les dévastations des troupes autrichiennes dans sa propre maison. En récompense, Louis XIV lui accorda, en 1710, l'abbaye de Saint-Rémy à Reims. «Après la paix, le cardinal plein de reconnoissance pour la France, se hâte de venir dans ce royaume — écrit le Dictionnaire historique. Louis XIV le reçut avec plaisir, lui donna souvent

¹⁹ Confessio, p. 224.

²⁰ Lettres au baron de Besenval, o. c. p. 25.

²¹ Moréri : Dictionnaire historique, Paris, éd. 1759, t. V ; Nouvelle biographie générale p. p. Firmin-Didot Frères sous la dir. de M. M. de Hofer, Paris, 1858, t. XXII ; Dictionnaire historique de F. X. de Feller, Paris, 1834 (8e éd.), t. X.

le nom d'ami et le logea près de lui à Versailles, à Marli, à Fontainebleau et lorsqu'il voulut partir au bout de quelques mois, le roi lui fit promettre de revenir tous les cinq ans, si sa santé permettoit. La mort du roi seule arrêta l'exécution de cet arrangement.»

Grâce au journal d'un jeune homme au service de Rákóczi, nous pouvons fixer la date exacte de quelques rencontres entre le prince et le cardinal. En effet, Adam Szathmári Király note dans son journal que le 31 juillet 1713: «Son Altesse a déjeuné chez le duc de Noailles où les cardinaux Polignac et Gualterio, M. le marquis de Dangeau et sa femme furent également présents.» Le 10 août de la même année Rákóczi a rencontré le cardinal italien chez le ministre de guerre Voysin.²² D'après le témoignage des lettres, que nous allons publier in extenso à la fin de cette étude, Rákóczi s'est lié d'amitié avec le cardinal et il est certain qu'ils ont échangé leurs idées sur des sujets politiques et moraux déjà à cette époque.

Quel intérêt présentent ces lettres au point de vue de la recherche? Elles éclairent deux moments de la vie de François II Rákóczi : son attitude après la paix de Rastadt et au début de sa retraite aux Camaldules de Grosbois. Il est vrai que d'autres témoignages ne nous manquent pas sur cette période — nous pensons surtout aux Confessions du prince et aux mémoires de l'époque —, toutefois ces lettres nous fournissent des données directes, jusqu'ici peu utilisées par les chercheurs, sur les idées politiques et l'évolution morale de Rákóczi.

La paix de Rastadt et de Baden

Les négociateurs français au congrès d'Utrecht devaient mentionner au cours des discussions la question de la Transylvanie. Dans leurs instructions on peut lire notamment : «Il est aussi de l'intérêt du Roi et en quelque manière de son honneur, de faire comprendre, s'il est possible, le Prince Ragotzi dans le traité de paix. Sa Majesté l'a souvent assuré qu'elle ne l'abandonnerait pas. Véritablement il n'y a nulle convention écrite, mais il seroit à souhaiter pour le service de Sa Majesté qu'il fût possible de faire valoir les droits de ce prince sur la Transylvanie. S'il y était établi, l'archiduc (l'empereur Charles) parleroit avec moins de hauteur.»²³ Nous avons vu qu'à Utrecht les diplomates français et hongrois n'obtinrent aucun résultat; à Rastadt le duc de Villars essaya de remettre cette question sur le tapis, mais son interlocuteur autrichien, Eugène de Savoie ne voulut rien entendre. Le 6 mars 1714 la paix fut conclue et Rákóczi de nouveau oublié. Dix ans plus tard, dans une lettre à Morville, alors ministre des affaires étrangères, Rákóczi se défend d'avoir critiqué la procédure de la

²² Szatmári Király Ádám napló-könyve, 1711—1717, Rákóczi-tár, Pest, 1866, t. I. p. 276 et 277.

²³ Cité par A. Legrelle : La diplomatie française et la succession d'Espagne, Gand, 1892, t. IV. p. 629—30.

France : «A Dieu ne plaise — écrit-il le 3 mars 1724 — que je me plaigne de ce que j'ay été abandonné a la paix de Rastadt, car j'ay bien veu et le feu Roy m'avoit meme publiquement déclaré avec bonté approchant la tendresse qu'il n'avoit pu faire autrement.»²⁴ Pourtant dans un passage des Confessions, écrit au début de l'année 1717, nous lisons que l'Empereur a conclu une «paix glorieuse» à Rastadt et que les différentes puissances n'ont pas voulu écouter les avertissements de Rákóczi concernant la menace que représente pour l'équilibre européen une Autriche renforcée. Dans sa lettre adressée peu après l'événement (le 16 mai 1714) au cardinal Gualterio, il ne peut cacher son amertume : «la conclusion de la paix de Rastadt m'a mis dans une situation aussi facheuses que les autres princes dont les interets ont etez entierement oublié.» Et quand le cardinal attire son attention sur les négociations de Baden, Rákóczi n'a aucun espoir : il voit fort bien que la France ne peut plus appuyer ses intérêts et que la cour de Vienne s'oppose à tout accomodement honorable (le 15 juillet 1714).

A la recherche d'une vie nouvelle

Nous avons insisté sur ce point, parce que la conclusion de la paix avec l'Empereur joue — à notre avis — un rôle primordial dans l'évolution de la pensée de Rákóczi, notamment en ce qui concerne sa décision de se retirer à Grosbois. En effet, après la mort de Louis XIV, survenue le 1er septembre 1715, Rákóczi se retira comme pensionnaire au monastère des Camaldules de Grosbois, situé à cinq lieues de Paris, entre le village d'Yerres et le château de Grosbois.²⁵ Cependant il avait déjà pensé à cette retraite avant la mort du roi. En mai 1715 il y avait loué une maison. Ses préparatifs sont confirmés dans sa lettre à Morville, où il écrit entre autres : «Je crois avoir tout perdu lorsque je vis mourir ce Grand Roy, et sachant le grand derrangement des finances, j'estois persuadé que feu M. d'Orléans, malgré l'amitié qu'il m'avoit toujours marquée, ne seroit pas en etat de continuer les bienfaits du feu Roy ; ainsi se poursuivit le plan que j'avois formé la derniere année de sa vie, et je me retiray dans la solitude, pour que le monde ne vit en moy un spectacle d'un Prince pauvre, et après tant de promesses, presque abandonné par le France.»²⁶

Après tant de travaux, tant de revers, la conclusion de la paix de Rastadt et de Baden renforce dans l'esprit de Rákóczi l'idée de la retraite. Est-ce le jansénisme qui l'influence dans son choix ? Nous ne le croyons pas : il s'agit d'un autre courant d'idées dont il avait subi l'influence bien avant son arrivée en France. Rákóczi, parlant de sa retraite, écrit dans ses Confessions : «Revertebatur in mentem quandoque a juventute inditum solitudinis desiderium, ad quod

²⁴ J. Fiedler op. cit. II. Wien, 1858 (FRA XVII. Band), p. 533.

²⁵ Voir a ce sujet E. Pillias : Rákóczi aux Camaldules de Grosbois, dans Etudes sur François II Rákóczi, Paris, 1939.

²⁶ J. Fiedler op. cit. t. II. p. 533.

non tam aeterna salus quam quietis amor vocabat.»²⁷ Cet amour de la quiétude, étroitement lié à l'idée de l'«*aequanimitas*», se manifeste clairement dans ses lettres adressées à Gualterio. «La chasse et la lecture m'amuse — déclare-t-il le 16 mai 1714. La premier me fais voir qu'il n'i a pas une creature aussi innocent qui ne souffre des persecutions et la seconde m'enseigne que les malheurs sont aussi passageres que les bonheurs et qu'il n'a jamais eu un prosperité qui n'a eu son revers, ni l'adversité qui n'ait trouvé sa ressource.» Deux mois plus tard, il parle avec un certain détachement de la vie de cour et revient à l'idée de la tranquillité et de la résignation : «Dans un envisagement donc d'un avenir aussi triste que les circonstances presentes nous representojent que pouvons nous faire de mieu que de tacher passer la vie avec la plus grande tranquillité que nous pouvons ; et certainement si l'indolence de vos princes provien de cet motive, il est plus louable que si elle estoit causé de la crainte et un certain nonchalance qui rende quelquefois les princes douteux et irresolue a prendre leurs parties. C'est ce qui me fais connoitre que ce n'est que le fein ou plustost le but que nous envisageons qui doit justifier nos actions, parce que notre resignation a la volonté de Dieu sans doutte tiendra lieu de vertue, si apres avoir rempli le devoirs de nos vocations et ajant fait ce que nous devons, sans y pouvoir reussir, nous nous soumettons avec patience a cette Estre Supreme, persuadé que c'est la voy qui nous veut faire suivre, puis qu'il nous a empeché de prendre celles ou nous avions sujet de croire que notre devoir nous appellois. Mais aussi je sui persuadé que si la ditte resignation apparente ne provienne que du motive de nostre age ou nous ne cherchons que le repos et l'envie d'éviter le travail, cette mesme resignation, dis-je, devien un indolence tres vicieuse dont on sera responsable un jour. Mais c'est a un chacun de regler sa conscience. Je m'etonne moy-mesme pourquoy je vous entretienne d'une matiere qui vous est parfaitement connue. Je scai le temps ou vous l'avez soutenu et enfin je connois la dessus la conformité de vos sentimens. Je ne vous ai donc parlé de cette matiere que parce que elle fait mon étude, et que je ne crois pas que les nouvelles ordinaires de la cour et de la chasse seroient convenables a vostre solidité. Vous connoissez les amusemens de l'un et de l'autre, ils servoient a passer la journé agreablement sans y laisser de souvenir aprez qu'elle est passé. On est a Marli, comme on estoit pendant que vous eties et on sera de mesme a Fontaineblau.» Ces idées sont suggérées à Rákóczi par son expérience personnelle, mais il est certain qu'elles se précisent sous l'influence de certains souvenirs livresques. Et la phrase citée plus haut de ses Confessions, nous indique que les mêmes idées le préoccupaient dès sa jeunesse.

En examinant d'un peu de plus près le catalogue de la bibliothèque²⁸ de Rákóczi confisquée par les autorités impériales au moment de son arrestation

²⁷ Confessio, p 235.

²⁸ Je remercie M.G. Heckenast qui a eu l'obligeance de mettre à ma disposition cette liste. Elle se trouve aux Archives d'agriculture à Bratislava (Archives de la famille Pálffy à Vöröskő, Arm. VIII. lad. 5. Fasc. 3. Nro. 23—6).

en 1701, catalogue qu'on vient de découvrir il y a quelque mois, nous pouvons remonter aux sources livresques de ces idées. En effet, parmi les livres cités par ce catalogue figurent un ouvrage intitulé *Les caractères de l'homme sans passion* de Sénèque, un *Dialogue sur la condition de la vie humaine* de l'humaniste italien Lippo Brandolini,²⁹ qui a séjourné à la cour du roi de Hongrie, Mathias Corvin, deux ouvrages de Juste-Lipse,³⁰ les *Essais* de Michel de Montaigne et les *Caractères* de La Bruyère. En rapprochant la conception générale de ces livres des idées qui sont exprimées dans les lettres de Rákóczi, nous pouvons soutenir que c'est plutôt un certain stoïcisme chrétien qui caractérise, dans ces années, l'attitude du prince de Transylvanie.

Après la mort de Louis XIV, des changements radicaux interviennent à la cour et dans politique extérieure française, changements auxquels Rákóczi assiste avec étonnement et déception. Politiquement il se sent isolé, il ne peut pas compter sur un appui solide du Régent, moralement il est déjà préparé à changer sa façon de vivre. S'il se retire chez les Camaldules de Grosbois et non ailleurs, c'est parce qu'il veut mener une vie intérieure contemplative qui diffère de la vie morale prêchée par les Jésuites et parce que les Camaldules, influencés par le jansénisme, pratiquent une vie de caractère rigoriste. Rákóczi fut élevé par les Jésuites, mais apprit à détester leur morale et leur politique. C'est avec son approbation qu'en 1705 la diète de Szécsény obligea les Jésuites hongrois à se détacher de leur province autrichienne ou bien à quitter le pays et à restituer les biens usurpés. On leur reprochait avant tout l'attachement aux intérêts de la Maison d'Autriche et l'intolérance à l'égard des protestants, de même que le fait de détenir un pouvoir politique et économique extraordinaire. Rákóczi, qui lutta contre les Habsbourg, à la tête d'une armée composée en majorité de protestants, mit tout en oeuvre pour réaliser l'unité nationale en évitant notamment les querelles religieuses. D'ailleurs, il s'était intéressé de bonne heure au mouvement unioniste, comme le prouve un livre de sa bibliothèque de jeunesse intitulé «*Meditata Concordia Protestantium cum Catholicis in una Confessione fidei*», publié par le jésuite Jakob Masen en 1661 à Cologne.³¹ On retrouve plus tard des idées unionistes très à la mode à cette époque — dans sa correspondance avec le superintendant luthérien, Jablonski, conseiller du roi de Prusse. Tout cela montre qu'en matière de religion, Rákóczi avait rejeté le fanatisme jésuite et mena une politique de tolérance, ce qui ne l'empêchait d'ailleurs pas de rester catholique pratiquant toute sa vie durant. Une vie religieuse très intime le caractérise pendant les années de guerre, et il est intéressant de remarquer que Rákóczi est connu en Europe non seulement comme chef militaire,

²⁹ Aurelio Brandolini, surnommé il Lippo (1440—1497), a écrit un dialogue intitulé «*De vitae humanae conditione et toleranda corporis aegritudine dialogus ad Mathiam Corvinum*». Ce dialogue fut imprimé pour la première fois à Vienne en 1541.

³⁰ *Monita et exempla politica, Politicorum sive civilis doctrinae libri sex.*

³¹ cf. *Bibliothèque de la Compagnie de Jésus*, p. C. Sommervogel, Bruxelles — Paris, 1894. t. V.

mais aussi comme un homme aux sentiments religieux très profonds : sa prière écrite pour ses soldats a été traduite en plusieurs langues.

Si après tout cela on veut chercher les liens spirituels de Rákóczi avec quelque courant d'idées de ce début de siècle, il est certain que ce n'est pas le rationalisme qui l'inspire, mais plutôt le courant sentimental, piétiste qui se superpose à son stoïcisme chrétien et à sa politique religieuse éclairée. Il est à remarquer — comme le dit Antoine Adam — qu'à cette époque «les jansénistes mêmes, à force d'insister sur les exigences morales de la foi chrétienne, laissaient dans l'ombre toute une partie de la vie religieuse qui en d'autres temps aurait paru en constituer l'essentiel».³² Rákóczi a eu connaissance des querelles qui ont opposé les Jésuites aux Jansénistes³³ et surtout de la discussion qui s'est poursuivie pendant des années autour de la bulle *Unigenitus*, promulguée par le pape Clément XI contre les *Réflexions morales* du P. Quesnel, ouvrage qui fut condamné comme janséniste, mais qui auparavant fut approuvé par différents évêques français, et notamment par l'archevêque de Paris, le cardinal de Noailles. Comme il ressort de sa lettre du 30 janvier 1717, Rákóczi n'attribue pas une très grande importance à ces querelles dogmatiques. «Je vous avoue donc sincèrement, Monsieur, — écrit-il à Gualterio — que si la grace de Dieu ne m'avois entiere-ment rendu tranquille sur tout ce que l'avenir me fais envisager par une resignation entiere a sa volonté, j'en serois infiniment plus sensible aux differens que la cour de Romme me paroït avoir avec celle-ci, avec laquelle il seroit a souhaiter qu'il fut plus unie que jamais, car 40 000 Imperiaux en Italie nuïrons plus a l'autorité du Saint-Siege que 100 000 docteurs en Sorbonne. On n'a qu'a reflechir sur les attentats de l'Empereur Joseph pour voir ce qu'il est plus prejudiciable a l'infalibilité : les ergotteries et pialleries de dits docteurs dans les ecols ou les declarations d'un ambassadeur, comme il estois M. de Prie, puis qu'en tout de ce qu'on dispute il ne s'agit pas des dogmes de nostre saint religion, a ce qu'on dit. Mais je ne vous dirois pas davantage sur cette matier non plus, quoy qu'elle soit houjourd'hui le sujet de toutes les conversations et de la curiosité de ceux qui practiquent le mond. Je suis parmi des solitaires que je n'entende parler que lorsqu'il chantent les louanges de Dieu. Je me joigne a eux, autant que je peut, et telement j'évite, autant qu'il m'est possible, la curiosité de disputer sur de matiers qu'il me semble qu'il fault croire, non pas scavoir.» D'ailleurs il ne commença à étudier les auteurs jansénistes qu'après sa retraite. D'après les «Notes sur la vie du Prince Ragotzi,» écrit par un Camaldule «dans sa retraite il (Rákóczi) s'applique entierement a la lecture de ouvrages de M. Nicole et en les lisant il y apprit et sa religion et la langue françoise».³⁴ Ajoutons à cela que d'après les témoignages de

³² A. Adam : *Histoire de la littérature française au XVIIe siècle*, t. V. Paris, 1956, p. 12.

³³ Dans une lettre à Des Alleurs datée du 29 avril 1708 il écrit : «Mais permettes-moy, Monsieur, que je vous dise que par les interpretations des paragraphes de vos lettres j'ay bien d'avoir peur que nostre controverse ne se finisse plustôt que celle que les Jesuites ont avec Jansenistes.» J. Fiedler, o. c. t. II, p. 482.

³⁴ Cf. B. Zolnai : *A janzenista Rákóczi*, p. 11.

ses Confessions et de ses lettres, son livre de chevet à cette époque était les Confessions de saint Augustin. Les lectures jansénistes renforcent en lui ce goût de la vie religieuse intense et, convaincu par ses expériences personnelles, il accepte leurs thèses sur le libre arbitre, sur la grâce efficace. D'ailleurs en ce qui concerne les discussions dogmatiques, il les considérait toujours avec indifférence, c'est avant tout le côté moral du jansénisme qui l'intéressait.

Par toutes ces considérations, nous avons essayé de prouver que la retraite de Rákóczi s'explique par des raisons avant tout politiques, que dans sa conception on rencontre des éléments d'un certain stoïcisme chrétien, qui d'ailleurs est étroitement lié à un besoin de vie religieuse intime. Tout cela le prédestine à accepter plus tard dans sa retraite certaines thèses du jansénisme propagées par le Camaldules de Grosbois.

Solitude et politique

Mais il y a encore une chose qui devient tout à fait clair à la lumière de ces lettres adressées au cardinal Gualterio : dans «sa chère solitude» à Grosbois, Rákóczi ne cessa de s'occuper de questions politiques. Il a lui-même le sentiment qu'on pourrait déceler une sorte de contradiction entre sa vie de pensionnaire à Grosbois et son activité politique, et il éprouve le besoin de s'expliquer dans une lettre datée du 10 octobre 1716 : «... car quoyque je me sois jamais mieu trouvé que depuis que je me suis séparé du commerce du mond, et que je tache de remplir les devoirs d'un cretienne, ce ne serois pas le remplir, si je voulois me detacher de celles qui sons particulieres a l'estat, dont la Providence m'a chargé. Je me suis donc regardé en choisissant cet gendre de vie comme un general lequel apres avoir terminé sa campagne, revien a la cour, attentif a servir son maitre, sans lui rien demender, contans de ce qu'il peut jouir de sa presence et attendent avec patience sa destiné, pret a suivre ses ordres, dè qu'il les connoittra. Cet sisteme inci posé, vous voirez que les raisonnemens sur les affaires publiques, et surtout sur celles qui peuvent avoir de rapport aux miens, ne sont nullement contrair a l'esprit de ma retraite, car c'est par leurs connoissance et examen que je dois approfondir les ordres de mon maitre, vuc que je me sente indigne de pretendre qu'il me les apprende par des revelations surnaturelles.» Ainsi il considère que sa mission politique n'est pas terminée, que la Providence lui réserve encore un rôle à jouer. Ses convictions religieuses renforcent en lui le sentiment du devoir, la conscience de sa mission. Il est donc tout à fait erronné de le représenter comme un ermite, qui se retire du monde pour y finir ses jours. Ce sont les circonstances politiques qui l'obligèrent à choisir cette façon de vivre, mais dès que les mêmes circonstances le permettent, il est prêt à lutter pour la liberté de son peuple.

Pendant sa retraite à Grosbois c'est avant tout la guerre austro-turque qui retient son attention. En 1715 les Turcs attaquent les possessions grecques de

Venise et occupèrent la Morée. L'Autriche, devenue après la paix de Rastadt et de Baden une puissance européenne de premier ordre, espérait tirer des avantages de cette guerre, elle conclut donc le 13 avril 1716 un traité d'aide mutuelle avec Venise et attaqua la Turquie. L'armée autrichienne remporta de grandes victoires d'abord à Pétervárad (le 9 août 1716), puis à Belgrade (le 15 septembre 1717). Les gazettes de l'époque accusent Rákóczi d'avoir poussé les Turcs à attaquer Venise. Il se défend contre ces calomnies, mais en même temps il envoie ses émissaires en Turquie, et malgré ses convictions religieuses, se montre prêt à collaborer avec les Turcs contre l'ennemi principal de la liberté hongroise, qu'est l'Autriche. Il acceptera l'offre des Turcs et le 6 août 1717 quittera sa retraite de Grosbois pour se rendre en Turquie. Cependant avant de prendre cette décision, il déploie une activité diplomatique très intense, cherchant à gagner avant tout l'appui du roi d'Espagne, qui, en août 1717 déclenchera la guerre contre l'Autriche pour recouvrir ses possessions italiennes. L'Italie joue donc un rôle important dans ses projets : si les Italiens se soulèvent contre la domination autrichienne, les forces armées d'Eugène de Savoie seraient divisées et Rákóczi pourrait réaliser plus aisément son rêve : la libération de la Hongrie et de la Transylvanie. Rákóczi voyait juste quand il attira l'attention du cardinal Gualterio sur les dangers que représente pour l'Italie une Autriche forte. Par le traité de Rastadt l'Autriche a déjà obtenu le Milanais, le royaume de Naples, la Sardaigne, les présides de Toscane et a commencé à exercer une influence prépondérante sur les affaires italiennes. L'Italie, morcelée en petites principautés et dominée par toutes sortes d'influences étrangères, n'a joué — à l'exception de la Savoie — à cette époque aucun rôle actif dans la politique européenne. Il est assez curieux de voir que Rákóczi fasse appel à la conscience nationale du cardinal Gualterio se faisant ainsi le précurseur de l'idée de la lutte commune des Italiens et des Hongrois contre l'oppression autrichienne, idée qui devait être réalisée bien plus tard, au cours du XIXe siècle.

Lettres de François II Rákóczi au cardinal F. A. Gualterio¹

1.

A Claigni, ce le 19 janvier 1714.

Vous ne m'auriez pas prevenue,² Monsieur, a me donner des marques de vostre souvenir, comme vous me faites l'honneur de faire par la vostre de 16 de decembre, si vos amis d'ici ne m'auroient souvens assurées qu'il n'esperojent de continuer avec

¹ Ces lettres sont conservées au Département des Manuscrits du British Museum (Cat. ADD 20. 404- Papers of Card. F. A. Gualterio-), que je tiens à remercier pour l'obligeance avec laquelle il a mis à ma disposition les microfilms de l'original. Elles sont publiées pour la première fois dans un recueil édité en 1859 et depuis, complètement épuisé. (Magyar történelmi okmánytár, londoni könyv- és levéltárakból, réd. E. Simonyi, Pest, 1859, dans la série Monumenta Hungariae Historica I. 5.)

² Selon l'habitude de l'époque, les lettres contiennent de nombreuses fautes d'orthographe, et quelquefois de grammaire et ne sont pas ponctuées. Nous avons rétabli la ponctuation, tout en respectant l'orthographe, sauf pour les majuscules.

vous un commerce des lettres réglée avans que vous ne terminiez vostre voyage. Je vous ay suivi dans la gazette de Hollande jusqu'a Todi, et je n'attendois que d'apprendre vostre depart de la pour Romme pour vous feliciter sur le heureux fein de vostre long et painible voyage; puisque d'aillieurs j'espere que ma diligence et regularité a continuer a cultiver un amitie naissant pour la randre aussi solide que sincere vous persuaderont par la suite de mieux en mieu de l'estime et de la consideration que j'ay pour vous, Monsieur, et combien je me trouve honoré des assurances de vostre amitié Je vous souhaite tres ardemment que vous participiez selon vostre propre desir de bonheurs que vous me souhaité pour l'année que nous avons comencé, et j'ay mil remerciemens a vous faire pour ce que avez fait pour le Père Kéri.³ Je desisteroit a vous parler davantage sur son chapitre, si je ne me sentojs pas en quelque manier cause des malheurs dont il est menace, car il est certain que ce n'est que l'attachement qu'il a eu pour ma personne qui lui a attiré les persecutions de ses superieurs autrichiens, et par consequence, ennemis de la nation hongrois. Ce n'est que les assurances que Madame la Princesse Rakoczi lui a donné de procurer sa demission de Rome qui l'ont fait resoudre de quitter son couvent pour me joindre, en sorte que je ne lui auserois plus conseilier ni permestre mesme de retourner dans son couvent sans l'exposer a la vengeance de ceux qu'il a offensé. Mon estat est trop incertain pour pretendre que l'on puisse beaucoup fonder sur les promesses de la reconnoissance que j'aurois pour tout son ordre sacré, si on le vouloit doner un permission generale de rester toujours auprez de moy. Mais s'il avoit quelque motive a l'obtenir, peut-estre on ne se repentiroit pas un jour. Vous savez au rest que je ne suis pas deregle pour souffrir qu'il abusast a jamais de cette permission et que sa conduite a l'avenir pust estre deshonorable a son ordre, en quoy je veut bien estre gvarans. Avez donc la bonté, je vous en prie, de me mender si je pourais esperer d'obtenir cet demende, pour la continuation duquel je n'auserois plus vous prier, si vostre amitie n'i(n)spirois pas cet confiance a celui qui est avec tout la consideration, estime et amitié tout a vous

Le comte de Saaros⁴

2.

A Claigni, ce le 16 May 1714.

Les marques de vostre souvenir et de vostre amitie que vous me donnez par l' vostre du 10 du mois passé me sons trop sensibles, Monsieur, pour ne les pas remercier avec unne reconnoissance et affection tres sincere et tres particulier. C'est l'effect de mon mauvais destein que je n'en peut pas profiter des offres genereux et de l'envie que vous me Marquez d'en avoir de prendre a coeur mes interets, d'autant plus que la conclusion de la paix de Rastadt m'a mis dans une situation aussi facheuses que les autres princes, dont les interets ont etez entierement oublié. Je cherche depuis cet evenement plus que jamais a soumettre ma volonté a celle de la Providence, dont les vois nous estant impenetrable, ni je n'espere, ni je ne desesperes en rien. Ce seroit trop de me vanter, si je disois cependant que je jouisse de la mesme tranquillite sans interruption, puis qu'elle est quasi incompatible avec les foiblesse de nostre nature. Je peut cependant vous assurer, Monsieur, que je jouis plus de repos que je ne suis rroublé des inquietudes. Je m'empesche, autant que je peut, de vouloir penetrer dans

³ Il s'agit du comte François Kéry, vicaire général de l'ordre des ermites de saint Paul en Hongrie et aumônier de Rákóczi qui l'avait suivi en Pologne et en France.

⁴ Rákóczi séjourna incognito en France et il prit le nom du comte de Sáros (nom d'un comitat de Hongrie, dont il fut „supremus comes”).

l'avenir, que j'envisage le moins que je peut, quoy que ce n'est que dans ces evenemens douteuses que je pourrais trouver quelques rajons de l'esperence flatteuse, mais les conjonctures européens me paroissent trop embrouillies pour y pouvoir penetrer par un esprit aussi faible que le mien. Je comprend toutefois bien que je ne suis pas seul agitée par des pensées et inquietudes pareilles, dont toute vostre patrie dois estre remplis, en sorte que l'egalité de nostre estat me fournis la consolation ordinaire de malheureux d'avoir des compagnons.

La chasse et la lecture m'amuse. La premier me fais voir qu'il n'i a pas une creature aussi innocent qui ne souffre des persecutions, et la seconde m'enseigne que les malheurs sont aussi passageres que les bonheurs et qu'il n'a jomois eu un prosperité qui n'a eu son revers, ni l'adversité qui n'ait trouvé sa ressource. Excusez-moy, je vous prie, si je vous entretien d'un matier qui vous connoissez a fond. Je scai parfaitement que je ne vous dis rien de nouveaux, mais au moins je tache de vous donner toutes les marques de ma sincerite et confiance, puisque je vous communique mes pensées.

Les nouvelles du pais et de cette cour et les raisonnemens sur l'un et sur l'autre sont d'une nature trop delicate pour les confier a la plume. Je vous dirois cependant avec ma franchise ordinaire qu'il me semble que l'on ne fais pas assez d'attention sur l'aggrandissement de la puissance de la Maison d'Autriche, dont peut-estre l'Italie sentira bientost les effects. Ma lettre seroit trop long, si je me voulois etendre sur l'antidote. Je ne ferais donc une plus ample raisonemens, mais je ne scaurois finir sans vous assurer, Monsieur, que persone n'est plus sensible a vostre amitie, ni ne vous estime et considere avec plus de sincerite que

Le comte de Saaros

3.

A Marli, ce le 15 de juillet 1714.

J'espere que vous estes assez persuadé de mon amitie et j'en suis trop convaincu de la vostre pour continuer de part et d'autre les remerciemens que je vous devois, sans cela, de vostre souvenir et des louanges que vous donez a mes sentimens. Ne m'en tenez compte, je vous en prie, desormais que de celles qui seront toujours remplis de sincerité, estime et de la consideration qui servirons de liens d'amitié que j'aurais toujours pour vous. C'est donc une fois pour toujours que je vous les proteste et je vous prie d'en fair de mesme. En vertue de cette confiance je m'adresserois a vous dans les occasions et je me flatte que vous faires de mesme a mon egar.

Vous me flattez agreablement de l'esperence de la continuation des negociations de Bude, mais j'ai leu et relu trop souvent le traité de Rastadt et je connois trop les maximes de la cour de Vienne pour estre moralement assuré qu'il ne me serons plus favorables que les autres. Je ne fais pas cette prediction pour m's interets seul, mais pour toutes ceux qui esperoient quelque chose de cet congrè. Le grande secret que l'on dit que l'on tien de la matier de conferences est un marque evidente que l'on n'entre en matier qu'en relisant le traite de Rastadt, qui se confirme de part et d'autre en toutes ses articles. Apres avoir achere cet ouvrage, on remettra le rest a la benignité et a la jusitice de l'Empereur et on se separera en remettant les interressées sur l'esperence de l'avenir, ou l'on ne vois qu'un grand obscurité. Cet conjoncture sera donc agreable pour ceux qui aimoient et cherissoient leurs chaines, pourveut que leurs epaules soient assez fortes pour pouvoir les porter longtemps avec le mesme agrement qu'il recoivent. Consultez donc les interets de la Mai-

son d'Autriche pour savoir au just le destein de Mantou, Mirandole et de la Toscane. Si la decadence de cette Maison¹ arrive, l'envie de succeder et de l'aquerir est aussi ancienne dans cette Maison² que son origine pour croire qu'elle retiendra toute ce qu'elle pourra. Je me parois hardis a moy-mesme de decider aussi impertinement de tout celci, mais plus je considere les circonstances, plus je me confirme dans mon oppinion, sauff le reglement de la Providence, dont les conseilles nous sont inconnues et dont la sagesse doit consoler les affligées et les opprimées.

Dans un envisagement donc d'un avenir aussi triste, que les circonstances presentes nous representoient, que pouvons nous fair de mieu que de tacher passer la vie avec la plus grande tranquillité que nous pouvons et certainement si l'indolence de vos princes provien de cet motive, il est plus louable que si elle estoit causé de la crainte et un certain nonchalance qui rende quelque fois les princes douteux et irresolue a prendre leurs parties. C'est ce qui me fais connoitre que ce n'est que le fein, ou plus tost le but que nous envisag(e)ons, qui doit justifier nos actions, parce que nostre resignation a la volonté de Dieu sans doute tiendra lieu de vertue, si apres avoir rempli les devoirs de nos vocations et ayant fait ce que nous devons, sans y pouvoir reussir, nous nous soumettons avec patience a cette Estre Supreme, persuadé que c'est la voy qui nous veut fair suivre, puis qu'il nous a empeché de prendre celles ou nous avons sujet de croire que nostre d'voir nous appellois. Mais aussi je suis persuadé que, si la ditte resignation apparente ne provienne que du motive de nostre age ou nous ne cherchons que le repos et l'envie d'eviter le travail, cette mesme resignation, dis-je, devien un indolence tres vicieuse, dont on sera responsable un jour. Mais c'est a un chacun de regler sa conscience. Je m'etonne moy-mesme, pourquoy je vous entretienne d'une matiere qui vous est parfaitement connue. Je scai le temps ou vous l'avez soutenu et enfin je connois la dessus la conformité de vos sentimens.

Je ne vous ai donc parlé de cette matiere que parce que elle fait mon étude et que je ne crois pas que les nouvelles ordinaires de la cour et de la chasse seroient convenables a vostre solidité. Vous connoissez les amusemens de l'un et de l'autre, ils servoient a passer la journé agreablement, sans y laisser de souvenir apres qu'elle est passé. On est a Marli, comme on estoit pendant que vous eties, et on sera de mesme a Fontainbleau. Unne matiere asez ample d'entretien serois de vous escrire mes pensées. Ce n'est pas la confiance en vous qui m'empesche, ni la crainte de le rendre publiques dans leurs veritables sens, mais puisque la matiere le plus sacré peut estre alteré par les mauvais interpretes et glosateurs, ce seroit les exposer aux uns et aux autres, le trajet estant trop longue d'ici jusqu'a Rome. Soyez seulement assuré qu'il serois toujours conformes a l'amitié que je vous dois, personne n'estant avec plus d'estime, consideration et sincerite a vous que je suis³

4.

A Grosbois, 5 d'aoust 1716.

Quoy que nostre commerce de lettres aient estes interrompu depuis quasi deux ans, j'ay trop de confiance dans les assurances de vostre amitié, Monsieur, qu'il vous a plu de me les reiterer souvent, pour croire que cet longue silence eusse produit un oublie entiers. Depuis la mort du Roy m'estant retiré de commerce du monde, je ne me suis donné l'honneur de vous escrire et de plaindre nostre douleur

¹ Il s'agit de la Maison des Bourbons.

² La Maison d'Autriche.

³ La lettre n'est pas signée.

mutuel, causé par ce trist événement, mais j'attribue a vos occupations, alors fort augmentées, le manquement de la réponse. Quoy que la Casette de Hollande, pendant tout l'hyver, me faisois voyager et voguer les meères, je n'ay jamais joui d'une vie plus douce et plus tranquille que depuis que je tache de fair ma cour au Roy des Rois, dans cette solitude dont les charmes ont fait évanuir la vaine curiosité de scavoir ce qui se passe dans le monde. Le premier sujet donc de ma lettre est de vous fair souvenir de moy, Monsieur, et le seconde de vous prier de me conserver vostre amitié, dont j'en fais toujours le caas que je dois pour la consideration et estime tres particulier que j'ai pour vous.

J'aurai inci fini ma presente, si celle que j'ay recue il y a quelques jours du Pere Francois Keri, mon aumonie, ne m'eust obligé de la continuer. Vous eust la bonté il y a deux ans d'obtenir de son superieur general des Cordeliers la permission de rester dans mon service pour ce temps. Si j'envisag(e)ois simplement mes interets, je vous en prierois d'en obtenir la continuation, mais ce religieux souhaitant de se retirer dans un couvant de son ordre, l'envie que j'aurois de retenir dans mon service dois ceder a son devoir. Mais comme les persecutions des Allemens ne permettoient pas qu'il puissent retourner dans sa province, je vous prie, Monsieur, de vouloir bien employer vostre credit aupres son general de lui fair assigner unne maison en Italie ou en France pour l'execution de son dessein. C'est un oeuvre de charité que vous fairez envers lui et un marque d'amitié que vous m'en donnerez, car comm il m'a bien servi depuis plus de 18 ans et il a beaucoup souffert pour moy, outre, qu'il est d'une naissance illustre et mesme allié a ma maison, je m'interesse fort a lui procurer unne surété entiere des poursuites des Allemens, en sorte que si on ne le pourois lui permettre de se retirer en France, je souhaiterois fort que ce fust a Rome qu'aillieur pour qu'il pût jouir de vostre protection, Monsieur, a laquelle je le recommande avec empressement et je continue de vous prier de me continuer vostre pretieuse amitié et souvenir, estant avec des sentimens qui vous sons dues, Monsieur,

rostre tres humble et obeissant serviteur
Le Comte de Charoch

5.

Dans la solitude de Groosbois, 10 d'octobre 1716.

Sans aucune exageration je vous assure, Monsieur, que je ne scaurois vous exprimer avec quelle joye j'ay recue la vostre de 12 de septembre. Vous me donnez sujet a reprendre avec vous un commerce ouquel l'estime et la consideration tres grande que j'ay pour vos eminentes qualités m'y port naturellement et pour abbreger, permettez que je vous dise franchement que vous estes trop aimable pour que je ne vous aime pas autant que je fais. Je m'emancipe de ce que l'on vous dois par ces termes, mais ce n'est que vous mieu convaincre qu'en tout celci c'est le coeur qui parle.

Oublions donc de part et d'autre la longueur du silence passé, et en suite des sentimens que vous avez la bonté de me marquer et que je me donne la liberté de vous les expliquer de mon costé, reprenons cet langage des amis, car quoy que je me sois jamais mieu trouvé que depuis que je me suis séparé du commerce du monde, et que je tache de remplir les devoirs d'un cretienne, ce ne serois pas le remplir, si je voulois me detacher de celles qui sons particulieres a l'estat, dont la Providence m'a chargé. Je me suis donc regardé en choisissant cet genre de vie comme un general, lequel apres avoir terminé sa campagne revien a la cour, attentif a servir son maître,

sans lui rien demander, contans de ce qu'il peut jouir de sa presence, et attendent avec patience sa destiné, prest a suivre ses ordres dè qu'il les connoitra. Cet sisteme inciposé, vous voirez que les raisonnemens sur les affaires publiques et sur tout sur celles qui peuvent avoir du rapport aux miens, ne sont nullement contrair a l'esprit de ma retraite, car c'est par leurs connoissance et examen que je dois approfondir les ordres de mon maitre, vue que je me sente indigne de pretendre qu'il me les apprende par des revelations surnaturelles.

Ceux qui publois de moy des mensonges avec un effronterie ordinair aux gazetiers, disois plustost ce qu'il crojois que je devois fair que ce que je faisois, les autres les publois pour me rendre odieux dans l'esprit de princes cretiens, en leurs faisant accroir que c'est moy qui a contribue par mes intrigues a l'armement de cette puissance.¹ Mais j'espere que le temps viendra et qu'enfin on reconnoitra que la mesme puissance,² qu'il a etés cause que les Turcs ont attaqué les Venetiens, et il ont causé cet frayeur demesuré a l'Italie pour l'obliger les premieres et le Pape d'avoir recour a elle, a attaqué les Turcs par la suite. Inci il se fait aider par ceux qu'il accablera par la suite avec plus de facilité. Jamais coup de cabinet n'a mieu réussi, ni ne fust mieu jouée. Je l'ai suivi depuis la paix de Rastadt et je ne scaurois m'etonner suffisamment que les interessées, pour ne pas dire les dupes, ne les remarquent pas. Le denouement de cette piece sera en deux campagnes d'ici, si l'on trouve de moyen d'etourdir les Turcs, car alors on detachera le partie d'un armée victorieuse, dont on en aura pas besoin, et inci on executera les vastes projets que l'on a en vue. Ce que je dis peut paroître chimeric a ceux qui ne connoissent point interieurement le genie des Ottomans, mais je vous assure qu'en lui-mesme il est tres faisable, surtout si l'on fait un peu de reflexion sur les fautes que les Turcs ont fait tout cet campagne ici, car il ressemblent fort au monstre qu'il avois 100 000 braas, mais qu'il n'en avois pas un teste. Mais mon Dieu que ta sagesse se joue de vain projets des hommes ! A qui dois-je attribuer l'entreprise ridicule du siege de Temesvar apres un victoire aussi eclatant que les Imperieux pretendent l'avoir remporté, sinon a ta main inconnue qui les conduises non par de moyens miraculeuses et surnaturelles, mais par des voys simples pour les mieux cacher aux sages de monde et relever a ceux qui t'adorent dans la simplicité de leurs coeurs et, ne se formant des idées presomptueuses, ne sons attentif qu'a suivre vostre volonté ? Can mesme (sic) ce Prince prenois la forteresse qu'il assiege,³ s'il fais encore un ou deux pareille campagne, il pourrois oublier l'Italie pour plus long temps que l'on a pensé en commencent la guerre.

Cet detour sur les affaires faittes, Monsieur, je vous redirais qu'effectivement le contentement dont je jouis dans ma solitude est digne d'envie, depuis un an que je suis mon gout bien loin de diminuer, il s'augmente. Inci je commence a m'accomoder a demeure, prest a y finir mes jour, si mon maitre ne m'envoy aillieur.

Si j'avois des chiffres, je pourois vous parler plus amplement sur ce qui se passe et dont peut-estre ne seroit pas inutile que vous en eussiez connoissance, fault d'en avoir j'abbrege donc ma presente en vous priant de continuer vos bontées pour le P. Keri, qui themoin dans toutes ces lettres un envie tres serieus de retourner au couvent. S'il sera jamais assez heureux de estre a Rome, personne ne vous pourra mieu faire le detuille de ma vie, dont il connois le plus grande partie. 'e voudrois qui vous la connussiez tout entiere por admirer d'autant plus les ressors de la Providence et la misericorde de Dieu envers les pecheurs. Que peu-je fair en y reflechissant qu'a

¹ La Turquie.

² L'Autriche.

³ Après la victoire de Pétervárad (le 15 août 1716), l'armée autrichienne commença le siège de Temesvár qu'elle occupa le 30 novembre 1716.

dire avec saint Augustin : Tarde te amavi, o bonitas, tam antiqua et tam nova! Que cet exclamation finisse donc ma lettre, car le repentir me durera toute ma vie.

Avec les sentimens d'un amitié remplis de la veneration due a vostre rangue et tendresse que vous meritez personelement, personne ne vous honorant plus que

Le Comte de Charoch

6.

A Groosbois, 30 de janvier 1717.

Je suis trop sensible aux marques de vostre souvenir, Monsieur, pour ne vous pas remercier de celles que vous me donnez par la vostre de 5 du mois passée. Je lui en donnerois plus souvent du mien, si je ne croignois de le détourner des occupations et affaires plus serieuses que celles qui pourois venir de la part d'un solitaire comme moy qui ne prende plus de part aux affaires publiques qu'autant qu'il fault pour satisfair aux devoirs de son estat, auxquelles il est indispensablement obligée. Ainsi je ne sort que tres rarement de ce lieu et je vive dans un ignorance crasse des nouvelles que l'on apelle journolliers.

La maladie dangeureus de nostre ami commun, Dangeau¹ m'avois fais fair le voyage de Paris, ces jours passé, ou je fus deux ou trois jours partag(e)ant les inqueiudes avec Madame Dangeau et toute sa famille, ou, pour mieu dire, avec toutes les honets gens de la cour, car certainement tout y fut fort allarmé. Il avois recue les sacremens dans un disposition tres cretien et ediffiant, car il y a deja quelque mois que la grace l'avois mis dans ces dispositions, mais un heureuse crise l'a mis hors du danger et elle nous consola tous. Apres quoy je n'ay tardé un seul moment a regagner ma chere solitude, fujant l'air empesté de Paris. Le Maréchal de Tessé, ajant loue unne petite maison tenante a la mienne, vin quasi toutes les semains pour y passer trois jours et nous amplojons le temps le mieu qu'il nous est possible pour avancer dans la vie cretienne. Les journées partagé egualement passent plus vist que je ne souhaiterois et insensiblement nous approchent a cet evenement, dont je tache d'apprendre de ne pas craindre l'arrivé qu'autant qu'il fault et il est mesme necessair en vue de la severite du juge devant lequel il nous faira paroître.

Le repos et le silence du lieu me tien ces reflexions si presentes que je n'aj pas pu me dispenser de les escrire, mais je revien a ce que vous me mendes, Monsieur, de nouvelles qui se debitent chez vous. La Casette m'apprende que le Comte de Lamberg² est arrivé a Romme pour solliciter du secours d'argent pour la continuation de la guerre. En suite de reflexions donc que je vous aj marque dans ma precedente, je m' imagine que vos frajeurs cesserons a mesure que vous satisfaierez au desirs de l'Empereur, qui fais regarder la force de Turcs plus ou moins grandes selon ses vues secretes, car a considerer les choses sans prevention, il n'est pas naturel de croire que les Turcs degarnissent l'Hongrie en se mettant en defense seulement en ce pais-la pour former de vues eloigniés sur l'Italie, vue que toutes leurs forces n'a pas etez suffisent l'année passé pour garantir leurs frontieres. Il estoit de la politique de la cour de Vienne de reprendre les bruits touchant la paix et offers des Turcs, mais je suis persuadé que quand mesme ceu-ci offrerois ce que ceux-la ont debite de demander, la paix ne se concluerois pas, car, a juger par la guerre passé avant la paix de Carlowitz,³ les Imperiaux ont formé leur vue sur Nissa et tout le pais au dela jusqu'a la

¹ Philippe de Courcillon, marquis de Dangeau (1638—1720), fut, par sa seconde femme, parent de la princesse Rákóczi.

² Envoyé de l'Autriche.

³ La paix de Carlowitz fut conclue en 1699. Les Impériaux occuperent la ville de Niš en 1689, mais elle fut reprise par les Turcs.

Mere Adriatique, puis que autrefois ils avois deja fortifié cette place, et par la il se rendent maître d'un pais riche et capable de leurs fournir de quoy augmenter leurs troupes de 40 000 hommes. Il s'assurent par la de la dit mer, des matelots, de bois propre de construire de batimens, en sorte qu'establisant par la suite leurs communication avec le Royaume de Napel, il parlerons au Venetiens, comme au present il parlent aux Genoïs, et aux Papes, comme Frederic en avois parlé autrefois. Ainsi je conclu que tout ce que le Saint Pere fait au present pour l'Empereur contre le Turcs ne serve qu'a former la chaine d'Italie, dont il ne sera plus question alors, lorsqu'elle sera ainci environé. On reprendra la Sicile par le Piemont et, cet degré formé, on songera de ravoir l'Espagne. En m'estandans plus amplement sur les mojens et particularitées, je pourois fair voir que ces projets serois plus practicables que leurs etendu ne nous fais paroître.

Je vous avoue donc sincerement, Monsieur, que si la grace de Dieu ne m'aurois entierement rendu tranquil sur tout ce que l'avenir me fais envisager par unne resignation entiere a sa volonté, j'en serois infiniment plus sensible aux differens que la cour de Romme me parois avoir avec celle ci, avec laquelle il seroit a souhaiter qu'il fust plus unie que jamais, car 40 000 Imperiaux en Italie nuïrons plus a l'autorité du Saint-Siege que 100 000 docteurs en Sorbonne. On n'a qu'a reflechir sur les attentats de l'Empereur Joseph⁴ pour voir ce qu'il est prejudiciable a l'infalibilité : les ergotteries et pialleries de dits docteurs dans les ecols ou les declarations d'un ambassadeur, comme il estois M. de Prie, puis qu'en tout de ce qu'on dispute il ne s'agit pas des dogmes de nostre saint religion, a ce qu'on dit. Mais je ne vous dirois pas davantage sur cette motier non plus, quoy qu'elle soit haujourdhui le sujet de toutes les conversations et de la curiosité de ceux qui practiquent le mond. Je suis parmi des solitaires que je n'entende parler que lorsqu'il chontent les louanges de Dieu. Je me joigne a eux autant que je peut et telement j'évite, autant qu'il m'est possible, la curiosité de disputer sur de matiers qu'il me semble qu'il fault croire, non pas scavoïr.

Parmis les restes de nouvelles du monde la dispute des princes de sang⁵ m'est asez sensible par raport a l'amitié que j'ay pour les uns et les autres. Vous scavez que j'estois et que je suis encore en grand commerce avec eux et pour le peu que je les vois, leurs differens ne laisse pas de me fair de la paine.

La nouvelle de la signature de traité défensive entre la France, l'Angleterre et le Hollande est trop recente⁶ pour ne le pas repeter ici, outre que je la trouve trop favorable a cet Etat, mais quoy qu'il touche encore l'Italie par rapport au traité d'Utrecht, je ne la crois pas asez garantie de tout ce qu'il lui reste a craindre.

Mais puisque cette analise prolongerois encore infiniment ma lettre et peut-estre vous la rendrois ennujeuse, je me renferme dans l'esprit de ma solitude et je remet toute a cet aimble et adorable Providence qui compte tout jusqu'a nos cheveux et sans l'ordre dequel rien ne scaurois arriver, je lui en rende honneur et gloir et je finis, Monsieur, en vous assurent de sentimens d'amitié, de la consideration et de la veneration qui vous sons dues par tantes de differentes tittres que je n'oublierois jamais dans nostre commerce familier, puis que je suis entierement vostre⁷

⁴ Le Pape ne reconnut pas l'archiduc Charles roi d'Espagne et l'Empereur Joseph duc de Milan. En 1707, les troupes impériales occupèrent des territoires de l'État pontifical, puis Naples et Ferrare.

⁵ Il s'agit de la querelle qui a opposé avant tout le duc d'Orléans au duc du Maine.

⁶ En janvier 1717, la Hollande adhéra à l'alliance conclue en octobre 1716 entre la France et l'Angleterre. La Triple-Alliance était dirigée avant tout contre l'Espagne.

⁷ La lettre n'est pas signée.

Политика и янсенизм

Письма трансильванского князя Ференца II Ракоци к кардиналу Филиппо-Антонио Гуальтерيو (1714—1717)

Б. КЕПЕЦИ

Резюме

Ференц II Ракоци, трансильванский князь и вождь (dux) венгерской конфедерации был предводителем борьбы народов Венгрии против Габсбургского гнета в 1703—1711 гг. В начале 1711 г., когда положение освободительной борьбы стало тяжелым, Ракоци отправился в Польшу, чтобы встретиться с царем Петром I и просить у него помощи на основе варшавского договора, заключенного в 1707 г. Северная война и только что вспыхнувшая русско-турецкая война препятствовали царю в оказании помощи венграм. Едва начались переговоры в Польше, когда генерал Шандор Каройи, введши Ракоци в заключение, заключил с венским двором сатмарский мир (29-го апреля 1711 г.). Князь никогда не принял этого мира и после провала надежды на русскую помощь надеялся на то, что французский король Людовик XIV, соответственно много раз повторенному обещанию, включит венгерское дело, и в особенности независимость Трансильвании во всеобщий мир. Чтобы способствовать осуществлению этого плана, он отправился в конце 1712 г. из Гданьска во Францию и 13-го января 1713 г., инкогнито под именем графа Шароша, сошел на берег на французской земле.

Автор статьи ставит себе задачей осветить новыми данными деятельность Ракоци во Франции и на их основе выступить против некоторых положений старой венгерской историографии и истории литературы. Новым материалом послужат письма Ференца II Ракоци к кардиналу Ф.-А. Гуальтерيو (1660—1728). Гуальтерيو находился с 1700 по 1706 год в качестве папского посла при версальском дворе и оказался ярким сторонником французской внешней политики. Вернувшись в Италию он противостоял экспансионистским стремлениям Габсбургов и Людовик XIV отблагодарил его за услуги. В 1713 г. Гуальтерيو прибыл в Версаль и в это время встретился с князем Ракоци. Зная политические взгляды кардинала, Ракоци считал его своим другом, и в письмах, написанных ему в 1714—1717 гг. искренно раскрыл ему свои взгляды и чувства.

Из этих писем ясно видеть, что Ракоци с большим огорчением принял к сведению заключение раштатского и баденского миров и тот факт, что французский двор не выполнил своего обещания. Прежде всего политическая изолированность служит объяснением тому, что Ракоци — еще до смерти Людовика XIV — решил отойти от придворной жизни. Мысль ухода в одиночество была поддержана не только его жизненным опытом, но также и книжными впечатлениями. Ссылаясь на книги, прочтенные князем Ракоци в юности, и опираясь на письма к Гуальтерيو, автор статьи доказывает, что это был прежде всего христианский стоицизм, который действовал на князя, и в это время янсенизм еще никакого влияния не оказал на него. Когда он удалился к камальдульским монахам в Гробуа, он стал основательнее ознакомиться с янсенизмом. В янсенизме его пленило прежде всего переживание более глубокой религиозной жизни, а не дискуссия вокруг догматов. Из писем к Гуальтерيو ясно видеть, что Ракоци не придавал значения такого рода дискуссиям.

Письма доказывают и то, что князь даже в Гробуа не становился «янсенистским отшельником», а очень живо занимался политическими событиями. Своего итальянского современника он предупреждает прежде всего о том, что укрепление династии Габсбургов означает большую опасность с точки зрения независимости Италии. В это время Ракоци уже занимается планом включения в австро-турецкую войну, вспыхнувшую в 1716 г., и именно поэтому он придает большое значение итальянскому сопротивлению против Габсбургов. Слабость мелких итальянских государств не дала возможности осуществиться этому плану, однако и эти идеи Ракоци свидетельствуют о серьезной политической дальновидности.

В конечном итоге эти письма освещают недостаточно известный период жизни Ракоци и доказывают, что — как и он сам признается — «любовь к родине и желание освободить родину явились целью всех его поступков.»

В конце статьи отпечатаны по подлиннику письма, хранящиеся в British Museum.

RAPPORT SUR LES RECHERCHES

Institutions de science historique en Hongrie

Les *Acta Historica* se proposent d'informer régulièrement ses lecteurs de l'activité déployée par les différentes institutions hongroises dans le domaine des sciences historiques. En guise de préambule à ces comptes-rendus nous voudrions esquisser l'organisation de la science historique en Hongrie et celle des institutions qui font des recherches relatives à l'histoire. Notre compte-rendu cherche, donc, à brosser pour nos lecteurs un tableau de la structure des recherches faites dans le domaine des sciences historiques, de présenter les principaux traits caractéristiques des institutions, aussi bien que les relations qui existent entre elles.

I.

En Hongrie, la direction suprême des institutions de science historique est confiée à l'Académie des Sciences de Hongrie réorganisée en 1949. C'est la IIe section de l'Académie qui surveille l'activité des institutions de science historique et des sciences sociales en général. L'activité de cette section relève d'une part du contrôle d'un corps de dirigeants, dont les membres se recrutent parmi les académiciens, et d'autre part de celui du secrétaire de la section. En dernier ressort, la direction de principe est assurée par la Présidence de l'Académie qui examine périodiquement la situation des différentes branches scientifiques et celle des institutions et, qui, après avoir constaté les résultats obtenus et les déficiences à déplorer indique, en grandes lignes, les tâches suivantes. Cette organisation hiérarchique n'exclut toutefois pas l'application de la méthode des entretiens collectifs. Chaque science a son corps consultatif à elle. Pour l'histoire, c'est le Comité des Sciences Historiques, composé de professeurs d'université, de directeurs d'instituts et d'historiens particulièrement remarquables. Lors de l'élection des membres de ce Comité on a veillé à ce que les universités de la capitale et de la province, les instituts scientifiques, ainsi que les archives y soient également représentés. Les meilleurs spécialistes des différentes époques de l'histoire universelle et hongroise font également partie du Comité, qui, de cette façon, est en mesure de contrôler l'ensemble des recherches historiques poursuivies en Hongrie et de coordonner le travail scientifique des différents instituts en vue de réaliser le mieux possible les tâches qui s'imposent dans ce domaine.

C'est sous la direction de ce Comité que déploient leur activité les «sous-comités», qui effectuent leur travail avec le concours des historiens choisis dans les milieux des plus larges. Ces sous-comités s'occupent des questions de principe, des rapports internationaux de notre science, des problèmes de l'enseignement

de l'histoire, de ceux des archives, aussi bien que de la publication d'ouvrages historiques.

II.

Le centre proprement dit des recherches historiques poursuivies en Hongrie est l'Institut des Sciences Historiques de l'Académie des Sciences de Hongrie (A Magyar Tudományos Akadémia Történettudományi Intézete). Après la réorganisation de l'ancien Institut Paul Teleki, devenu plus tard «Institut Scientifique d'Europe Orientale», l'Institut des Sciences Historiques fut placé, en 1950, sous la direction de l'Académie des Sciences de Hongrie. Avec son personnel — une cinquantaine d'historiens — il représente le véritable centre des recherches entreprises dans le domaine de l'histoire. Les quatre sections de l'Institut : la section d'histoire hongroise médiévale, celle de l'histoire hongroise de l'époque moderne et contemporaine, la section d'histoire universelle et la section de bibliographie et de documentation sont appelées à s'aquitter de multiples tâches.

Les recherches poursuivies à la section d'histoire hongroise médiévale concernent la période qui s'étend de la Conquête Arpadienne jusqu'en 1849. C'est la rédaction du texte des manuels d'enseignement universitaire qui, au cours des années précédentes — depuis 1951 exactement — était le principal objet des travaux de la section. Il s'agissait d'écrire une «Histoire de la Hongrie», en six tomes embrassant les événements de notre histoire depuis les temps préhistoriques jusqu'à nos jours. Ce travail basé sur les efforts collectifs des historiens hongrois fut organisé de manière, que la rédaction de chaque volume revint à 3—6 auteurs, tous spécialistes des différentes époques. Ceux-ci, en dehors de leurs propres recherches étaient en mesure de s'appuyer sur de nombreuses études préparatoires nécessaires à la composition des volumes. Les trois volumes achevés jusqu'à présent, dont deux viennent d'être publiés, exposent l'histoire de notre peuple à partir de la Conquête Arpadienne jusqu'en 1849. Sur la foi des discussions auxquelles la préparation des volumes a donné lieu, nous sommes en droit d'affirmer que cette grande entreprise de notre historiographie a permis d'obtenir des résultats appréciables.

La rédaction des manuels universitaires achevée il fallait dresser la liste des questions encore non élucidées de notre histoire et à les étudier systématiquement. Les principales lacunes ont été constatées dans le domaine de l'histoire économique, et de l'histoire culturelle notamment en ce qui concerne l'examen de la situation des peuples de la Hongrie multinationale ; une pareille déficience se présente par rapport à l'élucidation des problèmes de notre histoire, problèmes relatifs à l'empire des Habsbourg. Le plan des travaux ultérieurs de la section se proposa, donc, de combler ses lacunes. C'est pour remédier à la déficience qui était constatée à propos de l'histoire économique et surtout de celle des forces de production qu'a été créé au sein de la section, le groupe de travail nommé «L'histoire de la culture matérielle». Le nouveau groupe se chargea, en effet, de se consacrer à la technologie de la production, de la répartition et de la consommation des biens matériels, et cela à l'aide d'une méthode complexe dont les éléments seront fournis par l'archéologie, l'ethnographie et la science historique proprement dite. La tâche dont la solution se révéla le plus urgente dans ce domaine c'est l'étude de la production agricole aux XVIe—XVIIIe siècles et l'examen de la capacité de l'exploitation minière et de l'industrie. Au sein de ce groupe se poursuivent aussi des travaux relatifs à la statistique historique, à l'histoire des prix et des salaires, à celle des mesures et des monnaies. Le groupe cherche aussi à coordonner les recherches portant sur les thèmes identiques.

Les collaborateurs de *la section de l'histoire hongroise de l'époque moderne et contemporaine* étudient les problèmes qui se posent à propos de la période allant de 1849 jusqu'à nos jours.

C'est la rédaction du texte des manuels d'enseignement universitaire embrassant la période de 1849 à nos jours qui constitue le gros du travail de la section. L'élaboration des chapitres comprenant la période allant jusqu'en 1900 est déjà, dans son essence, achevée et sera, selon tout espoir, discutée au cours de cette année. En ce qui concerne la période allant de 1900 à 1918, plusieurs monographies et études lui ont été consacrées. Il en est de même pour le manuel universitaire embrassant la période à partir de 1918.

L'examen de la période allant de 1900 jusqu'à nos jours est une tâche ardue tant au point de vue de la thématique que de celui de la méthodologie. En ce qui concerne la thématique, il s'agit d'étudier l'histoire de l'industrie, du trafic, donc, en général de l'évolution capitaliste et dans le cadre de cette étude, l'histoire de la classe ouvrière.

Sur la base des ouvrages achevés jusqu'à présent l'histoire de l'industrie manufacturière de la période de 1849—1945 va tout prochainement constituer une partie homogène; il n'en reste qu'une lacune importante à combler: la description détaillée et approfondie de l'histoire des années 1919—1929. Pour ce qui est de la mise à jour de l'histoire de la classe ouvrière, la situation sous ce rapport n'est pas particulièrement favorable. Aussi plus d'un collaborateur de la section se consacre-t-il à l'histoire de la classe ouvrière hongroise et cela principalement dans la période d'après 1914. La plupart des travaux portent sur les nombreux aspects de la formation de la classe ouvrière et presque la moitié des recherches est consacrée à l'examen de ses origines et de sa composition. Ces recherches contribueront à présenter l'histoire des mouvements ouvriers sous un éclairage juste.

Une autre partie importante des travaux de cette section concerne l'étude de l'histoire des conditions agraires. Si certains problèmes de détail concernant la période de 1849 jusqu'aux années succédant à la libération ont été élucidés, dans ce domaine pourtant important, quelques problèmes ont été assez mal étudiés. C'est ainsi que nous avons insuffisamment étudié jusqu'à présent, l'histoire économique de la paysannerie, les changements survenus dans sa situation, le processus de sa désagrégation. Jusqu'à présent nous ne disposons pas d'ouvrages concernant l'économie des grandes propriétés, la diffusion et le caractère des baux ni la situation des propriétés de la noblesse moyenne d'après 1849, ouvrages qui nous permettraient de nous faire une idée réelle de la variante hongroise de l'évolution de la voie prussienne du capitalisme et des constatations de principe qui tiennent compte des particularités de notre pays. Les travaux qui sont en cours sous ce rapport contribueront pour beaucoup à améliorer la situation dans cette sphère de recherches.

La section d'histoire universelle se consacrait à l'étude de l'histoire des nationalités vivant sur le territoire de l'ancienne monarchie austro-hongroise et sur celui de la Hongrie dans la période de 1790—1867, ainsi que des problèmes qui se posaient à propos de nos relations avec les peuples voisins. Notre historiographie a, sous ce rapport, déjà obtenu des résultats notables. Le plan de travail de la section comporte la rédaction d'une monographie synthétique consacrée à l'histoire de l'Empire des Habsbourg et celle de la monarchie austro-hongroise. Par la suite, elle doit effectuer des investigations sur l'histoire de la deuxième guerre mondiale et de ces antécédents en Hongrie. La section continue ses

recherches sur la question des nationalités de Hongrie dans la période qui s'étend de 1867 jusqu'au déclenchement de la deuxième guerre mondiale.

La section de bibliographie et de documentation prépare les volumes de la bibliographie historique hongroise, dont les trois volumes publiés jusqu'à présent embrassent la période de 1825—1867. C'est la rédaction de la bibliographie historique de la période de 1867—1919 qui constitue actuellement l'essentiel du travail de la section. La rédaction de la bibliographie de l'historiographie d'après 1945 ayant été négligée au cours des années précédentes, la section se mettra prochainement à l'oeuvre en vue de rédiger la bibliographie des ouvrages historiques (livres, études, articles de revue) publiés après 1945 de sorte que cette bibliographie soit achevée jusqu'en 1959, soit avant le Congrès International des Sciences Historiques de Stockholm. La section inclut dans son plan la rédaction de la bibliographie se rapportant au thème «La Hongrie et l'histoire de la deuxième guerre mondiale», cela dans le but de faciliter et d'accélérer les recherches concernant l'histoire de cette période.

La bibliothèque de l'Institut — qui possède plus de 50 milles de volumes — fait également partie de cette section.

Il convient de faire remarquer que les membres de l'Institut en dehors de leur travail scientifique, travaillent aussi à l'accomplissement des tâches d'ordre pratique et de caractère national et social. Des rapports étroits se sont noués entre l'Institut et les Facultés d'histoire des Universités. Après 1953, les relations internationales de l'Institut se sont considérablement améliorées. Elles concernent non seulement l'Union Soviétique et les pays de démocratie populaire, mais aussi les historiens progressistes et marxistes des pays capitalistes.

III.

L'Institut d'Histoire du Parti Communiste Hongrois (Magyar Párttörténeti Intézet) relevant de la compétence du Comité Central du Parti Socialiste des Ouvriers Hongrois est l'une des importantes institutions dédiées à l'étude de l'histoire. L'Institut fut créé par le Comité Central en automne de l'année 1948, date du 30e anniversaire du Parti des Communistes de Hongrie. La décision portant sur la fondation prescrit à l'Institut de 1. recueillir systématiquement les documents relatifs à l'histoire et au présent du mouvement ouvrier hongrois, de les classer, de les rendre accessibles aux chercheurs et de les publier, enfin de populariser les traditions combattives et héroïques de ces mouvements. L'Institut doit contribuer ainsi à l'utilisation pratique et à l'application des riches enseignements de l'histoire du mouvement ouvrier hongrois, 2. de collecter les documents portant sur l'histoire du mouvement ouvrier international.

L'Institut comprend trois sections : la section scientifique, les archives et la bibliothèque. Jusqu'aux temps les plus récents, une section de musée fonctionnait également au sein de l'Institut ; elle organisait plusieurs expositions permanentes et périodiques, dont elle puisait la matière dans le domaine de l'histoire du mouvement ouvrier hongrois et international. En novembre 1956 cette section se détacha de l'Institut, et poursuit son activité à l'exemple des musées de mouvements ouvriers des pays amis — comme la section de la Collection des Documents d'Histoire Contemporaine du Musée National Hongrois.

L'activité de la section scientifique consiste à publier les sources ayant trait à l'histoire des mouvements ouvriers, à composer des monographies élucidant les questions des différentes étapes de l'histoire du parti communiste hongrois et

à rédiger avec le concours des collaborateurs extérieurs le texte du manuel d'histoire du parti communiste hongrois.

En 1951 la section scientifique de l'Institut entreprit la publication des recueils de sources intitulés «Documents choisis de l'histoire du mouvement ouvrier hongrois». Les quatre volumes de la série publiés jusqu'à présent renferment les documents les plus importants se référant à l'histoire du mouvement ouvrier dans les périodes de 1848—1890, 1890—1900, 1900—1907, et 1917—1919. En dehors de cette série l'Institut fit publier de nombreux recueils de documents relatifs à des sujets différents. Outre la publication de ces recueils, les collaborateurs de l'Institut ont, avant tout, mis en oeuvre l'histoire des événements les plus notables du mouvement ouvrier, et ont composé des monographies et des études présentant la vie et l'activité des dirigeants de ce mouvement. Aux termes des projets à réaliser tout prochainement par l'Institut c'est la mise à jour des documents relatifs aux événements contre-révolutionnaires survenus au mois d'octobre de 1956, de même que leur analyse scientifique, qui est au centre des travaux de l'Institut. Par ses travaux l'Institut prétend souligner le rôle joué au cours des événements d'octobre par les forces contre-révolutionnaires extérieures et intérieures et par les forces révisionnistes qui aspiraient à désorganiser le Parti et l'État de démocratie populaire. Les études traitant de ces problèmes souhaitent analyser également les erreurs commises antérieurement par les chefs du parti et de l'État, erreurs qui ont miné les rapports entre le Parti et les masses et ont affaibli en Hongrie la dictature du prolétariat. L'Institut se propose de publier dès 1957 un recueil d'études à propos des événements contre-révolutionnaires d'octobre et leurs antécédents.

Une autre tâche capitale qui figure au plan de travail de l'Institut pour l'année 1957 se rapporte à la célébration du 40e anniversaire de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre. Les travaux ayant trait à l'influence de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre sur l'Europe Orientale et Sud-Orientale sont dans un état avancé ; l'Institut vient de recevoir de presque tous les instituts frères la matière nécessaire pour la rédaction des différents chapitres du recueil. Le Comité International pour la rédaction du recueil tiendra, selon toute probabilité, avant la fin de l'année des sessions à Budapest. Une partie notable des travaux à effectuer en connexion avec l'organisation de la session scientifique, a eu lieu en automne de 1957 et sur le thème «L'influence directe de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre en Hongrie» relève du ressort de cet Institut. Les collaborateurs de l'Institut, de l'Institut des Sciences Historiques, de l'Institut d'Histoire Militaire ainsi que ceux des Universités tiendront, à cette occasion, des conférences. La conférence principale, complétée par de nombreux rapports, portera le titre «L'influence directe de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre en Hongrie.»

Plus d'une étude sera faite simultanément par les collaborateurs de l'Institut et par ceux d'autres institutions, pour mettre en valeur le rapport étroit qui existait entre les mouvements ouvriers de Russie et de Hongrie et contribueront à mettre à jour des traditions de l'internationalisme prolétarien.

En 1957—1958 l'Institut continuera la publication de la série intitulée «Documents choisis de l'histoire du mouvement ouvrier hongrois» ; seront édités prochainement les volumes VI et IV comprenant respectivement la période 1907—1917 et l'année 1919. Outre la mise en oeuvre de nombreuses études choisies touchant le domaine de l'histoire du mouvement ouvrier hongrois, l'Institut

publie les oeuvres choisies des grandes personnalités de ces mouvements, telles Tibor Szamuely, Ervin Szabó et Béla Kun.

L'Institut aura également à rédiger un «Précis d'histoire du Parti Communiste Hongrois».

L'Institut commence dès maintenant ses préparatifs en vue du 40e anniversaire de la République Hongroise des Conseils qui sera célébré en 1959. La préparation des conférences à tenir lors de la session solennelle, organisée de concert avec l'Institut des Sciences Historiques, ainsi que la publication de différents ouvrages incombent à l'Institut.

La tâche des archives de l'Institut consiste à recueillir, à classer et à présenter tous les documents concernant le mouvement ouvrier hongrois. Dans ce but les archives s'appuyant sur les travaux de leurs collaborateurs et de ceux des archives nationales, sont parvenues à collecter une notable quantité de matériel d'archives. Ce travail de grande envergure, bien que la sphère de collecte ait été largement définie — a permis d'obtenir des résultats appréciables. Bien des documents inconnus jusqu'à présent furent mis à jour concernant les mouvements communistes et ouvriers et une précieuse collection de matériel d'archives de tracts et d'affiches vient d'être créée au sein des archives.

Au cours des dernières années, la bibliothèque de l'Institut a réuni une partie notable de la littérature, des journaux, des hebdomadaires, et des revues relatifs à l'histoire des mouvements ouvriers hongrois. La bibliographie de ces publications, ainsi que la bibliographie des oeuvres de Marx et d'Engels publiées en Hongrie, avaient déjà été éditées. Les collaborateurs de la bibliothèque rédigent actuellement le répertoire relatif à la presse de la République Hongroise des Conseils, la bibliographie hongroise comportant les oeuvres d'I. V. Lénine et une bibliographie comprenant les articles les plus importants de la presse se rapportant à l'histoire des mouvements ouvriers.

IV.

L'archivistique hongroise fait partie intégrante des sciences historiques hongroises. Le travail du réseau des archives nationales est orienté par son organe suprême, le Centre National des Archives (Leváltárak Országos Központja), en tant que section du Ministère des Affaires Culturelles. Ce réseau comprend deux archives centrales : Les Archives Nationales (Országos Levéltár) et les Archives Économiques Centrales (Központi Gazdasági Levéltár), 21 archives régionales (qui étaient, auparavant, des archives départementales et municipales) dont les plus notables sont les Archives Nationales no. 1. de Budapest qui sont les archives de la capitale.

Les Archives Nationales, qui l'année précédente viennent de célébrer le 200e anniversaire de leur fondation conservent un matériel d'archives qui a une importance primordiale non seulement pour l'histoire du peuple hongrois mais aussi pour celle des peuples voisins. Les Archives Nationales gardent 110 000 documents écrits provenant d'avant 1526, documents qui se rapportent au territoire total de la Hongrie historique, on y conserve également les pièces écrites des organes centraux de gouvernement et des tribunaux de l'État hongrois féodal du XVIe au XVIIIe siècles, ainsi que celles des ministères de la Hongrie bourgeoise.

Avant la libération l'organisation des archives hongroises ne fut pas unitaire. En dehors des Archives Nationales, érigées en institution scientifique, les autonomies territoriales, les grandes familles aristocrates, les Églises, aussi bien que les banques disposaient de leurs archives. Aux termes du décret-loi

publié en 1950, et qui répondait aux vœux de nombreux archivistes, toutes les archives nationales — exception faite des Archives de l'Institut d'Histoire Militaire — sont réunies dans un réseau unitaire dirigé par le Centre National des Archives. Cet organe dirige sans aucun intermédiaire l'administration et les affaires d'ordre professionnel du réseau d'archives, et dispose du droit de surveillance sur les archives restées en la possession des particuliers. A la suite du changement survenu grâce à cette loi, fut créée l'organisation unitaire des archives nationales et fut assurée la protection de tout document ayant la valeur de source historique. Par conséquent les premiers pas ont pu être faits vers l'utilisation multilatérale du matériel conservé dans les archives.

La nouvelle organisation assura également la conservation des documents relatifs à la vie économique. Pour conserver les pièces écrites des organes économiques nationaux, on a créé des archives spéciales, Les Archives Économiques Centrales. Cette nouvelle organisation permet de compléter systématiquement le matériel des archives hongroises en y versant le stock de documents des archives «vivantes». Aux termes de la loi susmentionnée, toute collectivité publique est tenue de verser à l'archive territoriale compétente, ses vieux documents de plus de 5 ans, documents dont elles n'a plus besoin. Les décisions interdisent en même temps de transmettre les pièces écrites aux fabriques du papier sans l'assentiment préalable des archives. Bien que l'application de ces dispositions se heurte encore à des difficultés, dues en premier lieu au manque de place dans les archives nationales, on peut constater que la nouvelle organisation a assuré en principe l'accroissement du matériel des archives hongroises et la conservation de tous les documents précieux.

Une des tâches essentielles assignées aux archives hongroises est de mettre en état utilisable et de rendre accessible au plus grand nombre possible de branches scientifiques les documents considérablement accrus au cours de la dernière dizaine d'années. Une importance primordiale doit être attribuée sous ce rapport à la science historique. Il faut, pour cela, classer son matériel et le munir d'instruments auxiliaires.

C'est le classement des stocks de documents qui pendant des années constituait le gros du travail des archives. Les tâches d'administration publique qui incombaient aux archives de province les ont, dans le passé, empêchées d'accomplir ce travail. Aux cours des opérations de guerre, de très nombreux documents ont été dispersés, et ceux gardés dans les archives abandonnées par les aristocrates, dans les bureaux et dans les usines devaient également être reclassés. Au cours des travaux de classement poursuivis après la libération, les archives hongroises ont classé des milliers de liasses de documents en ayant soin de respecter l'ordre original du matériel.

Parallèlement aux travaux de classement, la rédaction des inventaires de base des archives hongroises fut également entreprise. Le matériel augmentant sans cesse, ce travail se poursuit sans relâche. Nous sommes en droit d'affirmer, que c'était le travail le plus important effectué depuis la libération par les archivistes. Les inventaires énumèrent les documents par fonds ; après avoir donné une brève description de leur sujet, ils rendent compte de la répartition du fonds, de son système d'archive, des instruments auxiliaires et du moyen de s'en servir ; ils signalent aussi les données quantitatives du fonds. Les polycopies des inventaires qui renferment le matériel complet relatif à l'époque féodale gardé aux Archives Nationales sont déjà édités, tandis que les gros volumes des inventaires dont la rédaction est confiée aux archives territoriales est en préparation.

En dehors des inventaires de base des guides plus détaillées destinés à faciliter le travail des chercheurs, sont publiés là où le besoin s'en fait sentir et où le caractère du document le permet. Il s'agit de répertoires, qui énumèrent les documents par unité de dépôt (liasse, volume) et signalent en même temps le contenu des différentes unités. Plus d'un de ces répertoires ont déjà été publiés. Les Archives Nationales rédigent successivement les inventaires dits analytiques. En dehors d'une description détaillée du matériel, ces inventaires communiquent les données relatives à l'histoire de l'organisme d'où proviennent les documents renfermés par le fonds. On a publié jusqu'à présent l'inventaire relatif aux archives du ministère de la guerre d'indépendance de 1848—49, la publication d'inventaires de caractère analogue est en préparation. Mais la préparation de l'inventaire analytique, à savoir l'examen scientifique de l'activité de tel et tel organisme, ainsi que l'étude du sujet de leurs documents exige un travail approfondi et absorbant.

Les archivistes hongrois participent également aux grandes entreprises de la science historique hongroise. Plus d'un archiviste a pris part à la rédaction du texte des manuels d'enseignement universitaire. Mais les plans scientifiques des archives renvoient en premier lieu à la culture des branches de science historique appelées à faciliter l'usage du matériel d'archives. Nous citons à titre d'exemple l'histoire de l'écriture, la diplomatique, l'archivistique, la sigillographie, l'héraldique, la chronologie, les comptes-rendus sur les archives, l'histoire des archives, la publication de sources, la rédaction de statistiques historiques, l'histoire des organismes et des institutions, et dans les archives territoriales les investigations d'histoire locale.

Les Archives Nationales s'occupent aussi de publication de sources. Parmi ces publications se distinguent les recueils comportant les documents édités en hongrois et relatifs à l'époque du roi et l'empereur Sigismond et le recueil de sources ayant trait à la période contrarévolutionnaire et comprenant plusieurs volumes dont deux ont déjà quitté les presses. La publication de sources en deux volumes, qui renferment les documents choisis de la juridiction pénale seigneuriale aux XVIe—XVIIe siècles, de même que la publication des procès-verbaux des conseils de cabinet commun de la monarchie austro-hongroise et ceux des conseils du cabinet hongrois dans la période de la première guerre mondiale sont imminentes. Actuellement les collaborateurs des Archives Nationales se consacrent à la rédaction de statistiques historiques. La publication récente du recueil servant de base aux recherches poursuivies en Hongrie, et explorant les sources de cette discipline est due aux travaux collectifs des historiens et des archivistes.

Au cours des années précédentes l'archivistique hongroise a établi d'étroits rapports avec les archives étrangères; sous ce rapport elles effectuent un important échange de films et cela en premier lieu avec la Tchécoslovaquie et avec l'Autriche.

V.

L'examen des questions d'histoire militaire relève du ressort de l'Institut d'Histoire Militaire de l'Armée Populaire Hongroise. (A Magyar Néphadsereg Hadtörténelmi Intézete.) Actuellement et pour les années à venir l'Institut considère comme sa tâche primordiale la mise en oeuvre de l'histoire de l'art militaire hongroise. En outre il s'occupe encore de l'histoire militaire des pays socialistes, aussi bien qu'en général de l'évolution historique de l'art militaire

universel. Ces objectifs sont en premier lieu à réaliser par la section d'histoire militaire de l'Institut, appuyée dans son travail par les autres sous-sections : archives, collection cartographique, bibliothèque des sciences militaires et délégation d'archives fonctionnant au Kriegsarchiv de Vienne, sections qui s'acquittent en même temps de leur propre tâche.

La section d'histoire militaire subdivisée en sections d'histoire médiévale, moderne et contemporaine, met à jour la matière historique concrète, relative à l'évolution de l'art militaire hongroise, présente les lois, les particularités et les corrélations universelles de l'évolution, expose les conséquences générales des expériences acquises dans les guerres passées, examine les problèmes découlant du caractère de classe de l'armée et ceux qui s'imposent par rapport à la corrélation des questions sociales, économiques, politiques et militaires. Fruits de cette activité, plusieurs ouvrages de grande envergure ont été publiés, parmi lesquels il nous faut souligner l'ouvrage intitulé : «Morceaux choisis pour contribuer à l'étude de l'histoire militaire hongroise I—II», puis ceux consacrés aux opérations militaires de l'armée soviétique effectuées lors de la libération de 1944/45 et des participants hongrois à la Grande Révolution Socialiste d'Octobre. Au dire du plan de l'Institut les ouvrages portant sur la stratégie militaire de l'époque Arpadienne aux XIe—XIIe siècles, sur l'histoire militaire de la guerre d'indépendance d'Étienne Bocskay, sur les Ruthènes subcarpathiques ayant participé à la guerre d'indépendance de François II Rákóczi, sur l'organisation de l'armée des kouroucz, sur la campagne héroïque ayant eu lieu au printemps de l'année 1849, sur la guerre de défense nationale de 1919 et finalement sur l'histoire de l'armée populaire hongroise seront achevés et publiés tout prochainement. Les publications susmentionnées servent d'études préparatoires à la composition d'une monographie en plusieurs volumes qui sera éditée sous le titre : «L'histoire de l'art militaire hongroise.»

Le matériel des archives qui déploient leur activité au sein de l'Institut, comporte, outre un stock de documents qui y ont été versés récemment, les documents parvenus en Hongrie surtout lors de la désagrégation de la monarchie austro-hongroise. Le matériel des archives présente différents groupes : 1. Documents des autorités militaires centrales et des hauts commandements (1740—1945), 2. Documents des commandements militaires (formations et corps militaires) (1841—1945), 3. Documents des tribunaux militaires (1772—1945), 4. Documents d'instituts, d'écoles, d'institutions, d'autorités militaires (1760—1944), 5. Collection et archives de famille (1541—1918), 6. Manuscrits, journaux, imprimés.

Pendant la deuxième guerre mondiale les archives de l'Institut ont subi d'importants dégâts, mais au cours des années précédentes de grands investissements ont été faits pour la construction de magasins modernes. Parallèlement à ce travail on a commencé la reconstruction des fonds dispersés, travail qui se poursuit sans relâche. Actuellement les 80% du matériel sont accessibles aux chercheurs. Les travaux de classement — à l'exclusion de certains cas — se poursuivent selon le principe de la provenance.

La Collection Cartographique des Sciences Militaires garde un stock de cartes précieuses dont une partie notable provient du Kriegsarchiv de Vienne, collection qui, avec le matériel qui s'y est ajouté entretemps, est devenue l'une des collections les plus considérables du pays. On y retrouve les exemplaires uniques de beaucoup de cartes manuscrites. Parmi les cartes et les atlas historiques nous y trouvons des cartes qui représentent des opérations, des marches, des installations, des campements militaires, des dessins sur les fortifications, sur

les pays et régions, sur les chemins et les fleuves. C'est cette Collection qui garde les feuilles cartographiques de toutes les photos topographiques aux différentes échelles, prises non seulement de la Hongrie mais aussi de beaucoup d'autres pays d'Europe.

Le dépôt, et le classement du matériel s'effectue selon une division topographique spéciale appliquée à Vienne. En dehors de la mise en oeuvre des monographies scientifiques, la collecte, le classement et le contrôle du matériel s'y poursuivent également. Les annexes de cartes et d'esquisses préparés pour la monographie intitulée «L'art militaire hongrois» sont en partie achevés.

Par sa sphère de collecte et son rayon d'activité la Bibliothèque des Sciences Militaires se range parmi les bibliothèques scientifiques spécialisées d'importance nationale qui, en dehors d'ouvrages relevant du domaine de la science et de la technique militaires, dispose d'un immense stock d'ouvrages ayant trait à l'histoire et en premier lieu à l'histoire militaire. Les travaux de bibliographie entrepris dans le domaine de la science et de l'histoire militaire sont également significatifs. Outre les bibliographies publiées périodiquement, elle rédige des répertoires comportant la matière des revues courantes. Cette Bibliothèque avec son stock de livres se chiffrant à plus de 100 000 volumes contribue pour beaucoup au travail des historiens spécialisés à l'histoire militaire.

VI.

La Société Historique Hongroise (Magyar Történelmi Társulat) déploie son activité sous la direction de l'Académie des Sciences de Hongrie. La Société fut fondée il y a 90 ans par quelques historiens enthousiastes désireux de réunir les spécialistes de cette discipline et de satisfaire à l'intérêt manifesté par de larges milieux pour le passé de notre peuple. Cette équipe, modeste au commencement de son activité, mais qui par la suite est devenue de plus en plus considérable passa en revue, chercha et, à ses congrès ambulants fit connaître les monuments de notre histoire aux historiens-explorateurs, et aux hommes, qui dans les différentes régions et villes témoignèrent de l'intérêt pour les documents de notre passé.

Quelque peu avant le tournant du siècle l'intensité du travail de la Société fléchit et le caractère progressiste de son activité s'effaça complètement. Les vastes recueils de sources et les grandes synthèses publiés par la Société sous le régime contre-révolutionnaire, bien que l'évolution de la technique d'édition présentât un haut degré de développement, portèrent déjà l'empreinte idéologique de cette période.

On sait que la libération de la Hongrie survenue en 1945, et la transformation révolutionnaire de l'ordre sociale du pays ont ouvert un large champs aux idées sociales progressistes et à la conception historique de l'idéologie marxiste-léniniste. La nouvelle conception historique, bien que non sans difficultés et non sans heurts, gagna du terrain et transforma la conception de la plupart des anciens historiens. La Société réorganisée en 1949, en rassemblant les historiens marxistes et les historiens bourgeois, prêts à servir la cause du progrès, s'engagea dans la voie d'un développement accéléré. Remettant à l'honneur de vieilles, bonnes traditions elle organisa des congrès ambulants avec la participation des meilleurs historiens et des jeunes gens talentueux ; elle organisa aussi des conférences et des discussions dans les différentes villes, tout en sollicitant la participation des historiens qui y travaillaient. Dans les années suivantes l'activité de la Société

connut, elle aussi, une certaine régression, et après les événements contre-révolutionnaires d'octobre 1956 elle n'a pas encore retrouvé son intensité d'autrefois.

Pour ce qui est de l'organisation de la Société, son travail est soumis à l'inspection d'un comité directeur de 65 membres, élus parmi ses membres la direction de la Société et le Comité de Rédaction de la revue «Siècles» (Századok), organe de la Société Historique Hongroise. Le secrétariat, fonctionnant au sein de la direction, exerce le droit de surveillance sur l'administration de la Société. La responsabilité des différents domaines d'activité incombent aux membres du secrétariat. Ce sont eux qui s'occupent des affaires des différentes sections, des groupes de province, de la section pédagogique et de celle des publications.

Les sections sont appelées à rassembler les historiens de la capitale. Leurs membres qui se groupent dans des sections spéciales, s'occupent de questions relatives à l'histoire hongroise médiévale, moderne et contemporaine. C'est la section d'histoire médiévale qui se montre jusqu'à présent la plus active. Aux réunions de cette section assistaient des historiens travaillant aux différentes institutions historiques, aux universités, aux archives et aux bibliothèques ; ils y discutaient des problèmes spéciaux de leur science, et engageaient parfois des entretiens avec les historiens étrangers. Bien que l'activité de ces sections n'ait pas réalisé les espoirs que l'on avait fondés sur lui, la Société tient néanmoins à les conserver afin qu'en coopération avec d'autres institutions, elle puisse être un lieu d'entretiens et de réunions, où dans une atmosphère amicale on discute librement des différentes questions scientifiques.

L'activité des organisations de province de la Société présente un tableau tout différent. Après 1949 de nombreux groupes de société se sont formés dans les villes de province et surtout dans les villes universitaires, groupes qui ont initié à leur travail les collaborateurs des universités, les professeurs de lycée et les archivistes. Ils organisèrent des conférences avec la participation des conférenciers venus de Budapest, rendirent compte à leurs membres des résultats les plus récents acquis dans le domaine de la science historique, prirent part à la popularisation de notre science, et aidèrent d'une manière systématique les investigations d'histoire locale. Aux groupes fonctionnant dans les villes universitaires vinrent s'ajouter les groupes départemantaux dont l'objectif principal était d'appuyer le travail des professeurs de lycée et des instituteurs.

La section pédagogique qui fonctionne depuis trois ans s'occupe du perfectionnement professionnel et idéologique des pédagogues de la capitale, en les aidant dans leur travail didactique de tous les jours. Au cours des dernières années cette section était très active, fait qui atteste que la masse des enseignants constitue la base sur laquelle la Société devrait s'appuyer. Les pédagogues sont désireux de se perfectionner dans leur profession, ils s'intéressent aux résultats les plus récents, voudraient mieux connaître les historiens qui par leurs résultats se distinguent dans leur domaine de recherches. Le bénéfice des conférences, des discussions et des consultations tenues à la section pédagogique est réciproque. En même temps, le contact avec les pédagogues est très profitable aux spécialistes. Du fait des exigences et des besoins de la jeunesse des écoles, les déficiences des manuels employés, les historiens créateurs avaient, jusqu'à présent, de nombreuses besognes à accomplir. La section pédagogique commence à s'occuper des questions méthodologiques de l'enseignement d'histoire, mais n'a pas encore obtenu des résultats notables.

La Société Historique Hongroise a, dès sa formation, déployé une vive activité dans le domaine des publications, activité qui ne cessa point dans les années

d'après la libération. Elle continua de publier la série intitulée : «*Fontes Historiae Hungaricae aevi recentioris*» en éditant dans son cadre les 8 volumes des oeuvres complètes de Louis Kossuth. Parmi ses publications l'édition des sources en trois volumes portant sur les mouvements des Jacobins hongrois de 1794 revêt une importance internationale. La Société a entrepris la publication des volumes ultérieurs des écrits diplomatiques de l'époque de François II Rákóczi. L'édition de ces publications de sources ne s'est pourtant pas accomplie sans difficultés et sans heurts. Au cours des dernières années, en effet, on insiste plus d'une fois sur la nécessité d'accorder la préférence à la publication des monographies. On ne peut qu'approuver l'ancienne conception, selon laquelle l'historiographie hongroise marxiste nécessite, pour le renforcement de ses bases, la publication de sources susceptibles d'intéresser en premier lieu les spécialistes étrangers.

Il convient de mentionner que la Société a entrepris en 1951 la publication d'une série d'ouvrages de vulgarisation scientifique, dont les 25 volumes, de 8 à 10 feuilles chacun, sont surtout appelés à évoquer les traditions nationales de notre passé.

Les travaux qui sont actuellement en cours visent à éditer régulièrement les volumes successifs des publications de sources et de la série scientifique appelée à populariser notre science. A côté de plusieurs publications plus modestes il nous convient de souligner le projet de la mise en oeuvre d'une série d'ouvrages consacrés à l'histoire culturelle et, ainsi que l'édition d'un recueil d'études traitant des questions plus importantes qui se posent à propos de l'historiographie en Hongrie des 150 dernières années.

VII.

Par le bref exposé que nous venons de donner sur ces institutions, par l'esquisse de leur sphère d'activité nous n'avions nullement l'intention de poursuivre l'énumération de toutes les institutions qui ont obtenu des résultats dans le domaine des recherches historiques. En dehors des institutions que nous venons d'énumérer il convient de mentionner les facultés d'histoire des universités : les facultés pour l'histoire hongroise médiévale, moderne et contemporaine de l'Université Loránd Eötvös (Eötvös Loránd Tudományegyetem), sa faculté d'histoire universelle médiévale et moderne, de même que la faculté d'histoire de l'Union Soviétique et des pays de démocratie populaire. La Faculté d'histoire économique de l'Université des Sciences Économiques Karl Marx (Marx Károly Közgazdaságtudományi Egyetem) et les facultés d'histoire hongroise et universelle des universités de Szeged et de Debrecen déploient également une activité fructueuse sous ce rapport. N'ayant pas analysé dans les détails l'activité des facultés d'histoire des différentes écoles supérieures, force nous est de parler des travaux effectués par les collaborateurs des grandes bibliothèques de Budapest et de province : la Bibliothèque Nationale Széchényi (Országos Széchényi Könyvtár). La Bibliothèque Universitaire (Egyetemi Könyvtár), la Bibliothèque de l'Académie des Sciences de Hongrie (A Magyar Tudományos Akadémia Könyvtára), la Bibliothèque de l'Université des Sciences Agricoles (Az Agrártudományi Egyetem Könyvtára), la Bibliothèque Municipale Ervin Szabó (A Fővárosi Szabó Ervin Könyvtár). Nombreux sont les historiens que nous rencontrons parmi les collaborateurs des musées, des bibliothèques et parmi les conservateurs des différentes collections.

Pour terminer, il faut aussi parler brièvement des revues qui, en Hongrie, garantissent la publicité aux résultats acquis dans le domaine des recherches

historiques. L'organe central de la science historique est la revue «Siècles» (Századok) paraissant régulièrement depuis 1867, et devenue bi-mensuelle depuis 1954. Cette revue est l'organe de la Société Historique Hongroise. Nombreux sont les articles traitant des questions historiques qui sont publiés par l'organe central de l'Académie intitulée «Sciences Hongroises» (Magyar Tudomány), et sur les pages du Bulletin de la Section des Sciences Sociales et Historiques de l'Académie des Sciences de Hongrie (A Magyar Tudományos Akadémia Társadalom-Történettudományi Osztályának Közleményei). L'Académie s'est également chargée de la publication en langues étrangères des résultats de notre science et ceci dans la série intitulée «Studia Historica» et dans le périodique «Acta Historica». Au cours des dernières années le «Bulletin de l'Histoire du Parti Communiste Hongrois» (Párttörténeti Közlemények) a acquis une grande importance. Cette périodique, d'abord polycopiée, puis, depuis 1956 imprimée, publie des études et documents ayant trait aux mouvements ouvriers de Hongrie. La revue des archivistes «Les Communications Archivales» (Levéltári Közlemények) possède, elle aussi, de grandes traditions. La publication de cette périodique commença en 1923 et dès lors elle paraît tous les ans sous forme d'un gros volume. Le «Bulletin de l'Institut des Sciences Historiques de l'Académie des Sciences de Hongrie» (A Magyar Tudományos Akadémia Történettudományi Intézetének Értesítője) était auparavant polycopiée et, depuis 1956 elle est imprimée. L'Institut publie son annuaire en 1957 puis en 1958 il recommence la publication de son Bulletin encore en forme polycopiée. Il vient de recommencer la publication de la série intitulée «Traité du domaine des Sciences Historiques» (Értekezések a történettudományok köréből), série dont chaque numéro renferme une ample étude. La Bibliothèque Centrale des Sciences Agricoles a, tout récemment, commencé — pour le moment en forme polycopiée — la revue intitulée «Revue des Sciences Agricoles» (Agrártudományi Szemle). L'Institut d'Histoire Militaire a également sa propre revue, qui sous le titre de «Bulletin d'Histoire Militaire» (Hadtörténelmi Közlemények) paraît régulièrement depuis 1888. Le Centre National des Archives fait publier depuis six ans sa revue portant le titre «Informateur d'Archives» (Levéltári Híradó). Pour aider le travail des enseignants d'histoire, la revue «Enseignement d'Histoire» paraît tous les deux mois. En dehors de ces revues spécialisées, nos journaux, nos revues littéraires et politiques communiquent également de nombreux articles relevant du domaine de la science historique.

COMPTE RENDU DE LIVRES

L. Fekete: Die Siyāqat-Schrift in der türkischen Finanzverwaltung I—II

Budapest, Verlag der Ungarischen Akademie der Wissenschaften, 1955. 909 + 7 S. + CIV Tafeln

Die Erforschung der Geschichte des Osmanischen Reiches und im allgemeinen der von Türken beherrschten Gebiete stößt auf außerordentlich große technische Schwierigkeiten. Größtenteils ist es diesem Umstande zuzuschreiben, daß die seit der vor über hundert Jahren verfaßten Synthese Hammers erschienenen zusammenfassenden Werke auf diesem Gebiet nicht viel Neues bieten konnten, und höchstens jenen Teil auf Grund selbständiger Forschungen, vorwiegend aber dank westlicher Quellenwerke beleuchten, der das 19. Jahrhundert betrifft. Selbst heute steht uns noch keine einzige zusammenfassende zeitgemäße Arbeit zur Verfügung, welche außer den politischen Ereignissen und einigen wirtschaftlichen Problemen auch nur die Hauptlinien der Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte sowie der kulturellen Entwicklung des einstigen Osmanischen Reiches beleuchten würde. Das Buch des sowjetischen Historikers Miller¹ ist die einzige Ausnahme; doch infolge des kleinen Umfangs bietet auch er lediglich eine kurze Skizze, sehr viele wichtige Probleme werden — mangels Vorarbeiten — nicht einmal gestreift.

Ähnlich ist die Lage bezüglich der Geschichte jener Völker, die einst unter türkischer Herrschaft standen. Die bulgarischen, serbischen, griechischen u. a. Werke befassen sich ausführlich mit der Geschichte des betreffenden Volkes vor der Herrschaft der Türken und danach hauptsächlich seit ihrer Befreiung, sie geben aber nur eine ganz kurze und in der Regel schematische Skizze der sich fast auf ein halbes Jahrtausend erstreckenden Türkenzeit. Nicht viel anders ist auch das Bild, welches wir über die anderthalb Jahrhundert währende Türkenherrschaft in Ungarn zeichnen können, obzwar die ungarische Geschichtswissenschaft in einer günstigeren Lage ist, da die auf das türkische Gebiet bezüglichen Quellen in lateinischer

und ungarischer Sprache in schöner Anzahl erhalten geblieben sind.

Die bulgarischen und südslawischen Historiker haben zwar in den letzten Jahren große Anstrengungen gemacht um die türkische Epoche zu erkunden, es erschienen auch mehrere Studien, die unsere Kenntnisse in vielem bereicherten, ihre Feststellungen haben aber im allgemeinen nur einen hypothetischen Wert, weil sie auf sehr karges Quellenmaterial aufgebaut sind.

Die Hauptschwierigkeit verursacht also der Mangel an Quellen in dem Sinne, daß die in großer Anzahl erhalten gebliebenen Quellen nicht aufgearbeitet und publiziert wurden. Diese Arbeit könnten vor allem Philologen gut verrichten, denn die Entzifferung, richtigesagt, das Kommentieren der mit verschiedenen Schrifttypen, in einer türkisch-arabisch-persischen Mischsprache abgefaßten Urkunden übersteigt die Kräfte der Historiker.

Eine besonders große Aufgabe bedeutet die Verwertung der verschiedenen türkischen Defter, welche wirtschafts- und gesellschaftsgeschichtliche Daten enthalten. Obzwar im feudalen türkischen Staate der bestorganisierte Teil der Verwaltung gerade die Finanzverwaltung war, von der Zehntausende von Schriftstücken bis in unser Zeitalter erhalten geblieben sind, steht das Studium dieser Quellen erst ganz am Anfang. Dies hat seinen Grund darin, daß die erwähnten Schriftstücke in der sog. Siyāqat-Schrift geschrieben sind. Diese Schrift, die den Charakter einer Geheimschrift hat, ist nämlich für einen großen Teil jener Forscher, die der osmanischen Sprache mächtig sind und die gewöhnlichen arabischen Schrifttypen kennen, ein totes Material, weil sie ganz einfach unleserlich ist. Mit diesem Umstand kann erklärt werden, daß uns kaum einige Defterpublikationen zur Verfügung stehen. Auf diesem Gebiet nahm Ungarn lange Zeit eine ganz exzeptionelle Position ein, denn hie-

¹ А. Ф. Миллер: Краткая история Турции. Госполитиздат, 1948.

wurden schon vor langer Zeit Versuche unternommen, türkische Defter in Übersetzung herauszugeben.² Diese Ausgabe, in der zwar viele Lesefehler vorkommen (das Original ist nicht immer gut wiedergegeben), war aber zu ihrer Zeit erstrangig und bereicherte unsere Kenntnisse mit viel wertvollem Material und verschaffte uns Einblicke in die Geheimnisse der türkischen Staatsverwaltung und des türkischen Steuersystems. Leider hat Antal Velics das Geheimnis der Siyāqat-Schrift ins Grab mitgenommen und sein Werk konnte nicht fortgesetzt werden. Die Lage änderte sich, als Lajos Fekete nach dem Erscheinen seines Werkes über die gewöhnlichen türkischen Schrifttypen³ die türkischen Defter zu studieren begann. Nach jahrelanger beharrlicher Arbeit wurden der Reihe nach die Geheimnisse der Schrift gelöst, deren sich die Kaste der türkischen Finanzbeamten bediente, und als Ergebnis erschienen die Publikationen und Aufarbeitungen des Verfassers, in denen die Defter schon gründlich verwertet sind.

Gleichzeitig oder etwas später begann man auch in anderen Ländern, die Defter zu studieren. Während des zweiten Weltkrieges und hauptsächlich danach erschienen einige vollständige Defter oder Defterfragmente,⁴ aber die Siyāqat-Schrift blieb noch immer ein Geheimnis, das nur wenige kannten.

Diese fatale und widrige Situation änderte sich nun mit einem Schlage, als das Buch des Akademikers L. Fekete erschien. Nach jahrzehntelanger intensiver und mühevoller Arbeit wurde mit Hilfe der Ungarischen Akademie der Wissenschaften die paleographische Arbeit Gemeingut, die den Fachleuten ermöglicht, ein bisher stummes Quellenmaterial der türkischen Geschichte zu lesen und zu publizieren. Die Gruppe des Quellenmaterials kann nunmehr auch das wirtschaftliche und gesellschaftliche System des Türkischen Reiches klären.

Der erste Band bringt nach einer verhältnismäßig kurzgefaßten Einleitung (S. 13—115) den gelösten Text der im zweiten Bande publizierten Faksimilia in regelrechter arabischer Schrift und in deutscher Übersetzung. Die Anordnung zeigt, daß es sich um ein praktisches Handbuch, um ein Lehrbuch handelt. Einleitung und Anmerkungen vermitteln das nötigste Wissenswerte.

In der Einleitung behandelt der Autor zuerst die verschiedenen Abarten der arabischen Schrift, ihre Entstehung. Seine Feststellungen sind sehr interessant, oft neuartig, doch kann

man unserer Meinung nach die damit zusammenhängenden Fragen endgültig erst nach stärkerer Heranziehung der Problematik des arabischen und türkischen Unterrichtssystems lösen, wie es in der lateinischen Paleographie geschieht, denn ansonsten wird der Gegensatz zwischen den in großer Zahl vorhandenen lokalen Schrifttypen und den im Arabischen und später im Türkischen Reich gebräuchlichen und allgemein bekannten wenigen Schrifttypen unerklärlich.

Der nachfolgende Teil beleuchtet die Umstände, unter denen die Siyāqat-Schrift entstand, so dann ihre weitere Entwicklung und endlich ihre Verbreitung im Osmanischen Reich. Danach bespricht der Verfasser die Entstehung und die Formen der Ziffern der Siyāqat-Schrift, weiterhin die in der türkischen Praxis gebräuchlichen Buchstaben, um schließlich auch das schwierige Problem der Ligaturen und Abkürzungen zu lösen. Diese Teile bringen kurzgefaßt all das, was Anfänger benötigen. Es handelt sich hier um eine gedrängte Zusammenfassung großartiger Ergebnisse, die die Spezialisten langjähriger Vorstudien entheben.

Dann folgt die praktische sprachkundliche Analyse der Siyāqat-Texte. Der Verfasser beschreibt die hauptsächlichsten Eigenheiten dieser überwiegend persische Elemente beinhaltenden Mischsprache und gibt nach Veröffentlichung einiger Formular-Textteile ein detailliertes Verzeichnis der in den ungarländischen Texten vorkommenden ungarischen Wörter.

Der zweite Hauptteil der Einleitung enthält die einzelnen Abarten der Urkunden in Siyāqat-Schrift, behandelt dieselben dann ausführlich und gibt dabei Erklärungen einzelner türkischer Institutionen, Gebräuche usw., die für die Forscher überaus wertvoll sind.

Mit einigen Erklärungen können wir uns aber nicht einverstanden erklären. So beweist z. B. der in einzelnen Steuerlisten vorkommende Ausdruck »nev amed« (neu eingetroffen) nicht die in der Praxis vorkommenden Mängel der Steuereintreibung, sondern daß sich die Rajah bewegten, »flüchteten«, und sich dort niederließen, wo sie bessere Lebensbedingungen zu finden vermeinten. Das Wort »Baština« ist ebenfalls nicht eine Variante des ungarischen Wortes »Pusztá« (S. 77), sondern bedeutet eine gewisse Art teilweise steuerfreier serbischer »Wojnuk-Besitze«, wie die Kanun-näme und andere Quellen beweisen und ist im großen und ganzen dem musel-

² Antal Velics: *Magyarország történeti kincstári defterek* (Türkische fiskalische Defter aus Ungarn). I—II. Budapest 1886-1890.

³ *Bevezetés a török hódoltság diplomatikájába* (Einführung in die Urkundenlehre der Türkenherrschaft in Ungarn). Budapest 1926.

⁴ Гл. Елезовие: *Турски споменици*, Београд 1947; Раџа livāsi vakiflar-mülker-mukataalar. Istanbul 1951; Про-Г. Тбилиси. 1947.

(Türkische fiskalische Defter aus Ungarn). I—II. Budapest 1886-1890.

in die Urkundenlehre der Türkenherrschaft in Ungarn).

М., Таууиб Гөкбилгин: XV—XVI asirlarda Edirne ve странный реестр Гюрджистанского вилайета. Кн.

manischen Bauern- »Tschiftlik«² gleichzustellen. Ebenso können wir uns mit der Erklärung der im Zusammenhang mit der Mukataa vorkommenden Wörter »Emin« oder »Mültezim« nicht einverstanden erklären. Der Verfasser gibt seine frühere Ansicht auf und hält den »Emin« für einen Staatsbeamten, der für bestimmte Diäten dient, nennt ihn aber gleichzeitig »Unternehmer« und »Beauftragten«. Bei der Untersuchung der feudalen Institutionen kann man im allgemeinen nicht mit modernen Begriffen operieren, denn unsere, die feudalen Begriffe bedeutenden Wörter erlitten im Laufe der Jahrhunderte und hauptsächlich im Zeitalter des Kapitalismus erhebliche Veränderungen und bedeuten heute nicht mehr das, was sie einst ausdrückten. So ist es auch in diesem Falle. Solcherart wird die Schwankung in der Literatur im Zusammenhang mit dem »Emin« verständlich. Wenn wir aber dies in Betracht ziehen, dann ist es offensichtlich, daß es sich in den in dieser Arbeit erwähnten Fällen um einen Steuerpächter handelt, der provisorisch mit den Rechten und dem Rang eines Staatsbeamten ausgestattet war. Seine Haupteinkunftsquelle bilden nicht die in den Deftern ausgeschriebenen niedrigen Diäten, die berufen sind, symbolisch eben den provisorischen Beamtencharakter zu zeigen, sondern die Differenz, die sich zwischen der von den Steuersubjekten durch den außerökonomischen Zwang eingetriebenen Steuern und der dem Fiskus abgeführten gesetzlichen Steuer zu Gunsten des »Emin« zeigt. Dafür, daß sich eine solche Differenz, und zwar sehr bedeutende Differenz, tatsächlich ergab, finden wir viele Beweise in den in ungarischer Sprache gehaltenen Urkunden, wonach die Bauern den auf königliches Gebiet geflüchteten Komitatsbehörden und ihren gewesenen ungarischen Gutsherren genaue Angaben über ihre, dem türkischen Staat und den Gutsherren resp. den Steuereintreibern geleisteten Steuerbeträge machen. Diese Summen machten oft das Vielfache der in den Deftern ausgeschriebenen Summen aus, was wieder zeigt, daß wir die Defter nur mit entsprechender Vorsicht benutzen dürfen. Einen weiteren Beweis bietet die Lizitation, durch die der »Emin« das Recht der Steuereintreibung erhält. Es kommen Fälle vor, daß die Konkurrenten, die zwei—drei Jahre hindurch einen harten Kampf geführt hatten, die ursprünglich bemessene Steuersumme verdoppeln. Kann angenommen werden, daß dies alles nur um der wenigen Aktschen willen geschah, die der Fiskus dem Emin bezahlte? Das ist nicht wahrscheinlich! Es ist dies der Kampf von Handelskapitalisten um die Steuerpacht

selbst dann, wenn der Bewerber zufällig ein Janitschare ist. Wir haben unzählige Beispiele, daß hinter diesen Kapitalisten stehen. Im 16. Jahrhundert und in der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts geht der Kampf noch in kleinem, um ein Mukataa, in den folgenden Jahren führt aber ein Pascha und der hinter ihm stehende Saraf (Bankier) bereits einen blutigen Kampf um die Steuer einer ganzen Provinz. Schon die zeitgenössischen westlichen Beobachter sehen den Hauptgrund für den Niedergang des Türkischen Reiches im Pachtsystem (Iltizam); »Iltizam« und »Mültezim« (Emin) stehen aber in unzertrennlichem philologischem und kausalem Zusammenhang miteinander.

Auf Grund von all dem meinen wir daher, daß es angebrachter ist, die »Emine« für die in der feudalen Welt wohlbekanntesten Steuerpächter zu halten, und nicht für Staatsbeamte und Beauftragte. Was den »Unternehmer« betrifft, haben wir dagegen nichts einzuwenden, denn der Begriff des Steuerpächters hat ja darin Platz. Wie sehr dies zutrifft, zeigen auch die vom Verfasser angeführten Daten, daß die Emine auf die Steuerpacht »Vorschuß« geleistet haben und die anfangs ihnen beigeordneten, tatsächlichen staatlichen Kontrolleure verdrängt, richtiger gesagt, mit eigenen Leuten ersetzt haben (S. 87).

Wo der Verfasser vom Besitz der Spahis, den Timarioten und Ziameten spricht, benutzt er den alten Ausdruck »Grundbesitz«. Wir sind jedoch der Meinung, daß es an der Zeit wäre, diesen durch einen entsprechenderen zu ersetzen. Im türkischen Staat ist nämlich der Eigentümer des Grund und Bodens der Staat, resp. dessen Personifikation, der Sultan-Kalif, während als wirkliche Besitzer die Bauern gelten. Der Spahi erhält während seiner Dienstzeit nur einen Teil der Steuer, eine Jurisprudenz in westlichem Sinne übt er dem Bauern gegenüber nicht aus, er kann ihm den Grund und Boden nicht entziehen usw. Er hat daher keinen »Grundbesitz«: So können wir höchstens von geteiltem Besitz sprechen. Im Türkischen Reich konnte sich infolgedessen auch das Guts herrschaft-System, die »zweite Leibeigenschaft« nicht herausbilden. Das von einigen Forschern betonte Tschiftlik-System, das man mit dem Guts herrschaft-System zu identifizieren pflegt, ist mit diesem nicht identisch. Erstens beginnt es erst in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts und auch nur in der Weise, daß die Spahis den Boden der Bauern auf Grund des Bauernrechtes erwerben, mit allen seinen Lasten und nicht von der Staatssteuer befreit. Die Tschiftlik-Wirtschaft wird aber selbst dann noch nicht allgemein, denn im Zuge der Reformen des 19. Jahrhunderts werden die Spahis stufenweise liquidiert.

² Siehe Hamid Hadžibegić: Rasprava Ali Čauša iz Sofije o timarskoj organizaciji u XVII. stoljeću. »Glasnik zemal-skog muzeja u Sarajevu«. Nova serija. 1947. Društvene nauke. Bd. II. S. 158—159.

Von den in Bulgarien bei der Befreiung des Landes vorgefundenen Gutsherren-Tschiftliks kam ein bedeutender Teil mit kapitalistischen Mitteln, durch Ankauf, Verpfändung und Wucher im Laufe des 19. Jahrhunderts zustande, als die kapitalistischen Verhältnisse im Türkischen Reich immer mehr überhandnahmen. Es ist daher nicht richtig, die Timariten- und Ziametbesitze »Grundbesitze« zu nennen. Es ist richtiger, stets die ursprünglichen türkischen Ausdrücke zu benutzen.

Ähnliche Einwände und Bemerkungen könnten wir auch über einige weitere Anmerkungen machen, die jedoch durchaus nicht den Wert dieser vorzüglichen Arbeit vermindern, denn solch kleine Mängel sind in einem so mächtigen Werk, bei dem allein die Anmerkungen ein kleineres Lexikon ersetzen, unvermeidlich.

Die publizierten Textteile folgen einander chronologisch geordnet und sämtliche in Siyaqat-Schrift niedergeschriebenen Urkundentypen werden dargestellt. Die einzelnen Urkunden stammen aus verschiedenen Gegenden des Türkischen Reiches und bezeugen, daß die Finanzverwaltung — wie in jedem despotisch regierten Staate — der am besten zentralisierte und organisierte Teil der Verwaltung ist. Die Auswahl der Urkunden ist sehr gut und entspricht vollkommen dem gesteckten Ziele. Der publizierte Stoff besitzt auch in der fragmentarischen Form einen Quellenwert und bedeutet für den Historiker

erstrangiges Material. Es ist bedauerlich, daß ein Teil der Faksimilia nicht entsprechend vergrößert wurde und daher nur sehr schwer, manchmal nicht einmal mit einer Lupe lesbar ist.

Anerkennung gebührt dem Verlag der Ungarischen Akademie der Wissenschaften sowie der Druckerei, daß sie dieses Buch, das in alle Teile der Welt Eingang finden wird, in so schöner Gestaltung herausgebracht haben. Diese Arbeit ist zweifellos eines der am schönsten ausgestatteten wissenschaftlichen Bücher der letzten zehn Jahre. Der Leser ist überrascht, wie wenige Druckfehler im arabischen Text vorkommen. Auch das lobt die sorgfältige Arbeit des Verfassers, der übrigens — zusammen mit dem wissenschaftlichen Redakteur, Károly Czeglédy — auch in der Unterweisung der Setzer aktiven Anteil nahm.

Zusammengefaßt muß nochmals festgelegt werden, daß das neue Buch von L. Fekete eine vorzügliche Schöpfung auf einem wenig bearbeiteten Gebiet, auf dem Gebiete der türkischen Paleographie ist, das das Studium der Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte des türkischen Volkes sowie der sonstigen Völker, die auf dem Territorium des seinerzeitigen Osmanischen Reiches gelebt haben, in beträchtlichem Maße fördern wird. Die Bedeutung dieses Werkes reicht weit über die Grenzen Ungarn's hinaus.

J. PERÉNYI

Г. Габор Кемень : Документы к истории национального вопроса в Венгрии в эпоху дуализма. Т. I—II. 920, 967

Tankönyvtadó (Издательство учебников), Будапешт, 1952, 1956.

Разрешение венгерской марксистской историографией задачи показать по-новому, в соответствии с действительностью одну из основных — но, несмотря на это, выясненную нашими историками до сегоднешнего дня в лучшем случае лишь в общих чертах — проблем новой истории венгерского общества, а именно историю национального вопроса, значительно облегчают нахождение и опубликование материалов, касающихся этого вопроса.

Венгерские ученые пытались до сих пор публиковать документы, касающиеся лишь отдельных частей национального вопроса, причем таким образом, чтобы тем самым оправдать политику венгерских господствующих классов. Однако

Кемень стремится не только к тому, чтобы по возможности полностью показать читателю материалы, но старается осветить также всю сложную проблематику национального вопроса.

Попытка Кеменя опубликовать материалы национального вопроса отражает новые, прогрессивные научные воззрения и метод. Национальный вопрос в Венгрии он видит в противоречиях, проявлявшихся между стремлением живущих в Венгрии национальностей к свободному развитию и государственной угнетательской деятельностью Австро-Венгерской Монархии, эксплуататорской деятельностью господствующих австро-немецкой и венгерской буржуазии и помещичьего клас-

са. Сборник Кеменя замечательно показывает процесс, как, начиная с 1867 года, противоречия между узкими руководящими политическими слоями господствующих и угнетенных народов все более расширяются и принимают социальное содержание. Автор, естественно, не считает иллюстрацию внутреннего развития отдельных национальностей, исследование экономического и культурного развития отдельных национальностей относящимися к обсуждаемой им теме, останавливается на этих вопросах лишь постольку, поскольку они объясняют причины или поводы национальных противоречий. Итак, Кемень порывает с традиционной трактовкой венгерской буржуазной литературы по этому вопросу, исходит из принципа равноправия народов и считает равноценными жившие в Венгрии национальности, в том числе и венгерскую нацию. Отличается от старой трактовки также и стремление Кеменя показать открыто, что обострение национальных противоречий и в Венгрии является теснейшим придатком все более реакционной политики господствующих классов. Он по-новому показывает также и то, что попытка осуществить сотрудничество между национальностями, если они искренне стремились к этому, была обычно результатом инициативы со стороны прогрессивных сил.

Сборник Кеменя заслуживает внимания также и с точки зрения новизны использованных источников. Первый том содержит документы, относящиеся к периоду между 1867 и 1892 гг., второй том — документы, относящиеся к периоду между 1892 и 1900 гг. Объем обоих томов примерно одинаков, хотя первый том охватывает материал 25-летнего периода, второй же — материал лишь 8 лет. Таким образом, второй том по сравнению с первым в большей мере обогатился, ведь конец столетия был гораздо богаче событиями, чем предыдущие десятилетия, и здесь мы можем найти важнейшие документы почти всех значительных событий истории национальностей. В сборнике впервые публикуются новейшие, касающиеся национальностей

документы венгерских архивов, в том числе документы Совета Министров, различных министерств, городских и областных органов. Автор правильно осознал, что среди новейших источников большое значение имеет также и печать и прокламации, поэтому старается разработать газетный материал политических партий и течений национальностей, а также мемуары отдельных политических деятелей, поскольку они были доступными в Венгрии.

Редактирование двух томов характеризует точность и последовательное проявление осмотрительно разработанных принципов редактирования. Документы публикуются в хронологическом порядке, но с соблюдением предметной взаимосвязи. Это значительно облегчает читателю пользование сборником. Облегчают понять содержание документов во всех отношениях подробные примечания редактора, в которых он дает огромный энциклопедический материал. Редактор дает подробные биографические данные всех встречающихся в документах важных деятелей. Подробно сообщает об образовании партийных группировок, о тактических изменениях в поведении венгерского правительства. В то же время он разрешает эту задачу, соблюдая меру, примечания помогают действительно лишь понять документы.

Первый том многосторонне показывает те важнейшие документы, которые демонстрируют главный курс национальной политики, выработавшейся в рамках дуалистического австро-венгерского государства, образовавшегося на основании соглашения 1867 года. В первом томе публикуются весь подготовительный материал закона о национальностях от 1868 года, доклады комиссий государственного собрания, более того, даже и неофициальные противоположные мнения различных национальностей. Закон о национальностях от 1868 года открывал перед венгерскими господствующими классами две возможности: угнетать национальности с поддержкой австрийского гос-

подствующего класса или же, объединившись с живущими в Венгрии национальностями, уравновешивать влияние австрийских властей. Закон о национальностях понятием «политическая нация», то есть, отрицанием коллективных политических прав национальностей, предоставлял возможность еще более урезать права национальностей, — в то же время, благодаря формальному признанию личных прав, хотя и в малой мере, но была возможность еще более расширить эти права. Но венгерские господствующие классы никогда не пытались расширить индивидуальные права.

Целый ряд документов показывает, что венгерские господствующие классы все более отдалялись от оперирующей уступками политики буржуазного либерализма. Первый том сборника Кемени очень подробно документирует ретроградную тенденцию политики венгерских господствующих кругов. Показывает, как сделали они невозможным осуществление культурных прав, обеспечиваемых законом о национальностях от 1868 г. Закрывается значительная часть школ национальностей, культурные заведения не венгерской национальности (например, словаки совсем не имели средних школ с преподаванием на родном языке). Целый ряд следствий был возбужден против национальных объединений под предлогом «опасности панславизма», и т. д. Начиная с конца 1870-х годов с помощью законов Трефорта о школах ограничение прав национальностей все более начинает осуществляться с применением политики мадьяризации.

Что касается возбужденных против национальных политических деятелей процессов, связанных с печатью, то в первом томе публикуется особенно подробный материал о процессе по делу Светозара Милетича.

Национальные партии вначале в законодательном порядке протестовали против развернувшегося на основании соглашения 1867 года угнетения и пытались добиться облегчения. Двумя значительными этапами этих стремлений являются

связанные с протестом против соглашения и с борьбой за издание закона о национальностях попытки объединения, предпринятые в 1868 и 1874 годах в интересах сотрудничества между принимающими участие в государственном собрании национальными партиями и оппозиционной венгерской партией независимости. Опубликованные документы показывают, что эти попытки не имели социальной программы, которая могла бы мобилизовать и широкие массы, на основании которой можно было бы с надеждой на успех выступить против правительственной партии, имевшей вследствие ограничений в избирательном праве преобладающее большинство. Видя безуспешность своих стараний, национальные партии все более прибегали к тактике пассивности. Начиная же с 1875 года их пассивность на долгое время консолидируется.

Большое место отводится в этом томе вопросу об избирательном праве с точки зрения национальностей. Публикуются выдержки из прений о проекте закона об избирательном праве на сессиях парламента в 1872 и 1874 годах, когда депутаты от оппозиции указали на несостоятельность системы избирательного права и с точки зрения национальностей. Опубликованные документы бросают свет на то, что правительство стремилось к урезыванию избирательного права и цинично квалифицировало подстрекателями национальностей и изменниками родине тех депутатов, которые настаивали на всеобщем, равном избирательном праве при тайном голосовании. Первый том содержит интересные данные также и относительно злоупотреблений на выборах. (Например, статью Вильмоша Паулини-Тота, который описывает, почему не могут иметь словаки ни одного депутата в парламенте.) Много говорилось в парламенте также и о распределении избирательных округов, неблагоприятном особенно с точки зрения трансильванских румын.

Документы, опубликованные в первом томе, очень многосторонне показывают развитие национального вопроса в период

между 1867 и 1892 годами, освещая действительно важнейшие фазы. В первом томе автор уделил меньше внимания показу национальных противоречий, отмечающихся в области экономики.

Хотя венгерская марксистская историография по экономико-историческим соображениям относит начальный период перехода к империализму в венгерской истории к 1880-м годам, Кемень правильно выбирает процесс «Румынского Меморандума» вехой национально-политического влияния этого процесса истории общества и в то же время отделяет им два тома друг от друга. 1892 год является в движении национальностей годом включения в него трудящихся масс. В 1890-х годах главным содержанием национальных противоречий становятся в широких массах все более социальные противоречия. Второй том многосторонне показывает—появившиеся в форме национальных противоречий — классовые противоречия, которые все более резко проявлялись между венгерскими господствующими классами и живущими в Венгрии рабочими и крестьянами других национальностей в конце XIX века, когда венгерские господствующие классы со все большим насилием, иногда кровавым, выступали против движений масс. Многие данные свидетельствуют о солидарности венгерских крестьян и рабочих с рабочими и крестьянами национальностей. Венгерское общество конца XIX века уже носило в себе те революции, которые после горьких мук создали на месте Австро-Венгерской Монархии новый, демократический и социалистический строй в первой половине XX века, во время существования венгерской и словацкой советских республик. Но в то же время происходят последние моменты первоначального накопления капитала (экспроприация земли, эмиграция, и т. д.) в самых отсталых заселенных национальностями местностях Венгрии, что выражается в частых мятежах крестьянства.*

В более развитых промышленных районах развертывается крупное, организованное забастовочное движение крупно-промышленного рабочего класса, в Алфёльде — забастовочное движение крестьянства, имевшего тесный контакт с промышленным рабочим классом. Венгерские господствующие классы цепко держались за свою власть и в ослеплении пользовались всеми средствами для уничтожения тех, кто угрожал их власти. Сборник Кеменя содержит богатый материал, который свидетельствует о том, что правительство осуществляло насильственную политику мадьяризации, препятствовало осуществлению всех стремлений национальностей, имеющих целью культурный прогресс, будь то кружок рабочих или литературный кружок учащейся молодежи. В то время, как в предыдущие десятилетия запрещение деятельности кружков мотивировалось «опасностью панславизма», теперь для запрещения деятельности кружков с явным нарушением закона о национальностях от 1868 года достаточен был их «национальный характер».

Много данных содержит сборник также относительно упадка венгерской политической жизни. В конце XIX века венгерская конституционность, на которую столь гордо ссылались политические деятели эпохи, стала прикрытием мадьяризации в руках небольшой господствующей группы. Но упадок политической жизни проявлялся также и в том, что в оппозиционных партиях, в том числе и в Партии независимости все более укоренялся шовинизм. Характерно, что даже и пресловутого премьер-министра Дежё Банфи не раз привлекали к ответственности, ибо считали его отношение к национальностям «чрезмерно либеральным».

Целый ряд документов показывает, как поддерживали национальную политику венгерских господствующих кругов австрийские господствующие круги и лично Франц Иосиф I. Еще и в настоящее время

* Все это одновременно с быстрым ростом банковского капитала и крупной промышленности создало сложную, чрезмерно накаленную атмосферу.

живет много легенд о Франце Иосифе, «добром монархе». В конце XIX века особенно руководители национального движения трансильванских румын создавали себе иллюзии относительно помощи со стороны Франца Иосифа и австрийских политических кругов. Кемень публикует целый ряд документов, которые показывают, что напрасны были все обращения к монарху, он не принимал никаких мер, не запросив венгерского премьер-министра. Общие интересы австро-венгерской власти были всегда важнее, чем удовлетворение жалоб румынской интеллигенции. Целый ряд, неизвестных раньше, документов проливает свет также и на дипломатическую изнанку надежд национальных вождей трансильванских румын, возлагаемых ими на Вену.

Несмотря на то, что основные противоречия между рабочими и капиталистами, между крестьянами и крупными помещиками в конце XIX века все более обострялись, не они играли еще главную роль. Организация рабочего класса в населенных национальностями районах находилась еще в начальной стадии, в кругах трудящихся масс, правда, назревала идея межнационального объединения, но эта идея становилась действием лишь во время нескольких забастовок жнецов. Буржуазия отдельных национальностей старалась подчинить своему влиянию главным образом крестьянство, организуя потребкооперативы, создавая сеть кредитных кооперативов, с помощью банковских займов, учреждения школ и т. д. Анализ материала этого тома также показывает, что национальные противоречия проявлялись чаще всего в этих вопросах. Правительство препятствовало всем шагам буржуазии и интеллигенции национальностей в этом направлении, стараясь в то же время плечом к плечу с венгерскими помещиками и буржуазией организовывать противодействия против всех развертываемых национальностями действий. Если где-нибудь открывались национальная школа или банк, то правительство старалось их запретить или подчинить

своему контролю, если же это не удавалось, то в ближайшее время при поддержке правительства организовывались встречные заведения, доказывающие «симпатию венгерской нации», «ее дружескую помощь», «воспитывающие национальности в духе венгерского патриотизма». Главной целью в каждом случае было обеспечить гегемонию венгерских господствующих классов против стремлений буржуазии и интеллигенции национальностей к самостоятельности. Действительное улучшение материального и культурного положения народа служило лишь предлогом соперничества. Бывало, что населенные венграми районы были хуже обеспечены школами, чем некоторые населенные национальностями районы, — хотя учебное дело в районах национальностей было вообще наиболее отсталым —, но и в районах национальностей, относительно хорошо обеспеченных государственными школами, число безграмотных не уменьшалось, ведь государственная поддержка в районах национальностей означала преподавание на венгерском языке, то-есть на «чужом» для национальностей, не на родном языке. Последствием этого было то, что выросло безграмотное поколение, незнающее ни венгерского, ни родного языка.

Своеобразной дилеммой истории национальной культуры этой эпохи являются отношения и противоречия между церковью и государством. Одна из особенностей национальных отношений заключается в том, что в конце XIX века, когда в целом ряде европейских государств отношения между церковью и государством были уже давно разрешены, в Венгрии этот вопрос был еще совсем неразрешенным. В конце столетия венгерское правительство, правда, прежде всего по тактическим причинам, с целью отвлечь внимание от более важных вопросов, предложило некоторые изменения, но политические деятели национальностей резко протестовали против реформ. Государственная школа означала для национальностей не что-то более современное, просветительное, а прежде всего мадьяризацию, церковная

же школа являлась частью их национальной автономии, которая по видимости охраняла их национальное существование, если даже и находилась в более трудных материальных условиях, ибо опиралась на добровольные пожертвования населения. Таким образом стала церковная организация одновременно и национальной организацией в движении национальностей, полностью отстраненных от политической жизни. Венгерские руководящие политические круги, беспощадно отстраняя национальности от политической жизни, беспощадно вмешивались также и во внутреннюю жизнь различных национальных церквей, стараясь лишить национальные движения даже и этих третьестепенных с политической точки зрения общественных форумов. Особого внимания заслуживают с этой точки зрения документы, касающиеся борьбы против продолжавшейся в течение десятилетий временной ликвидации автономии сербской православной церкви.

В конце XIX века национальные движения в Венгрии находились под руководством буржуазных слоев. Борьба за национальные права содержала целый ряд положительных элементов (требование гражданских прав, защита культурных прав и т. д.), но вследствие буржуазного руководства демократизм борьбы все более тускнел, это руководство в некоторых случаях приводило даже к соглашательству с венгерскими господствующими кругами. Кемень приводит целый ряд документов о политическом пакте между саксонцами и правительственной партией, но документирует также и ретроградное развитие — под влиянием укрепляющихся рабочих и крестьянских движений — правого крыла остальных национальных движений, отклоняющего впрочем сотрудничество с правительственной партией. Показывает между прочим сотрудничество между клерикальной, руководимой венгерскими крупными помещиками Народной партией и правым крылом Словацкой национальной партии, связь между Румынской национальной партией и Австрийской христиан-

ско-социалистической партией, руководителей национальных церквей в роли прислужников правительства. Целый ряд документов показывает попытки левого крыла различных национальных движений (например: словацких студентов-радикалов) создать связь с национальными рабочими движениями. Однако национальные партии выступали не с такими программами, которые дали бы ответ на основные вопросы крестьянства или рабочего класса, трудящихся масс национальностей. Правда, до конца можно проследить в качестве положительного элемента стремление национальных движений к объединению, к единодушному выступлению за общие интересы. Однако эти попытки объединения распространялись лишь на круги буржуазной интеллигенции, таким образом правительство без труда обезоружило их.

В заключение в этом томе говорится об ужасном социальном положении населения словаками комитатов Северной Венгрии, о положении в Закарпатской Украине, как бы повторно подчеркивается настоятельная необходимость улучшения живущего в вопиющей нищете населения. Ни политические приемы, ни угнетательский аппарат, ни насилие венгерского правительства не приводили ни к каким результатам, ибо гарантией разрешения этого вопроса было лишь уничтожение дуалистической системы, осуществить же это могли лишь развернувшиеся в первой половине XX века крупные национальные и социальные революции.

Сборник документов Г. Габора Кеменя является выдающимся произведением не только с точки зрения нашего университетского, школьного образования, не только с точки зрения развития венгерской исторической науки и современного венгерского общественного мнения. Этот сборник может рассчитывать на большой интерес и за границей, ведь история национальностей в эпоху дуализма является органической частью истории не только венгерского народа, но и соседних румынского, чешского, словацкого, сербского, хорватского и у-

краинского народов. Итак, эти документы являются большой ценностью и для международной научной жизни.

Мы с большим интересом ждем издания третьего тома сборника, который — мы

убеждены в этом — будет на пользу венгерской и восточно-европейской историографии так же, как первые два тома.

Э. ТОТ

*Избранные документы истории венгерского рабочего движения**

1

Институт венгерского рабочего движения, созданный в 1948 году, проделал большую работу в деле разработки истории венгерского рабочего движения. Институт, издав целый ряд монографий, статей и сборников документов, уже приобрел имя в венгерских исторических кругах. Внимание специалистов и интересующихся людей особенно привлекла запланированная в 14 томах крупная работа, целью которой является показать избранные документы, охватывающие сто лет рабочего движения. До сих пор опубликованы уже четыре тома документов, которые по справедливости вызвали признание венгерских историков и широкой общественности.

Однако, встает вопрос: обосновано ли было применять метод опубликования исторических источников. Ответ на этот вопрос можно дать, лишь бросив беглый взгляд на состояние историографии венгерского рабочего движения до 1945 года.

Официальная венгерская историография не осознала формирующего общество и нацию значения классовой борьбы пролетариата. Буржуазная историография оставила в стороне историю рабочего движения. Характерно, что значительное историческое произведение хортистской эпохи, венгерская история Хомана—Секфю в пяти томах, уделяет проблемам рабочего

движения всего лишь две страницы. И там, где рабочее движение — как в конце мировой войны — становится одновременно национальной историей, эти произведения все же вынуждены были затронуть эту тему, они представляют собой только научно не обоснованные главы, без знания источников. Таким образом, буржуазные историки не публиковали документов и не оставили историкам-марксистам, которые считают одной из своих центральных задач разработку истории рабочего движения, монографий, удовлетворяющих хотя бы только требованиям позитивизма.

Активные политические деятели и идеологи социал-демократической партии гораздо интенсивнее культивировали историю рабочего движения. Особенно большую активность проявляли они в области издания мемуаров и воспоминаний, но среди них были и такие люди, которые взяли написание суммирующих обзоров или монографии. Авторы воспоминаний во многих случаях имели в своем распоряжении ценный материал личных переживаний; именно поэтому эти произведения оказывают большую помощь для обстоятельного ознакомления с отдельными эпохами или проблемами. Но вследствие целого ряда обстоятельств эти воспоминания также нельзя считать окончательной разработкой отдельных вопросов с исторической точки

Избранные документы истории венгерского рабочего движения. Первый том: Образование венгерского рабочего движения 1848—1890. Под ред. Института венгерского рабочего движения. Сост. Тибор Эрени. Будапешт, 1951. 651 стр. Второй том: Венгерское рабочее движение в период перехода к империализму. Под ред. Института венгерского рабочего движения. Сост. Тибор Эрени, Эдит Ш. Винце. Будапешт, 1954. 719 стр. Третий том: Венгерское рабочее движение в первые годы XX в. и в период революционного кризиса 1905—1907 гг. 19 С.—19: 7. Под ред. Института венгерского рабочего движения. Сост. Тибор Эрени, Ференц Мучи, Эдит Ш. Винце. Будапешт, 1955. 657 стр. пятый том: Венгерское рабочее движение в период революционного подъема после победы Великой Октябрьской социалистической революции. — Образование и борьба Коммунистической Партии Венгрии за победу пролетарской революции. 7 ноября 1917 г. — 21 марта 1919 г. Под ред. Института Истории партии при ЦК ВПГ. Сост. Габор Шандорне, Фехер Андрашне, Хорват Зольтанне, Дьёрдь Милен. Будапешт, 1956. 775 стр.

зрения. Авторы уже из-за мемуарного жанра не могли вести исследовательской работы для вскрытия всех взаимосвязей проблемы. Уже вследствие этого вскрытый и опубликованный материал не может быть полным. Однако главным недостатком является то, что авторы, считая своей задачей оправдать деятельность Социал-Демократической Партии — в том числе и свою деятельность —, избирали даже и имеющиеся в их распоряжении материалы таким образом, что выявлялись лишь положительные черты политики партии. Историки-коммунисты по праву называли этот метод фальсификацией истории рабочего движения. Не говоря уже о том, что их произведения содержат глубоко реформистские, оппортунистические взгляды, стоит указать лишь на социал-демократическую концепцию относительно исторической неоправданности существования Советской Республики. Эти произведения наряду с их теоретической и предметной неполноценностью, характеризуются тем, что они отделяют друг от друга национальную историю и историю рабочего движения, сводят историю рабочего движения к проблемам в области заработной платы и профсоюзного движения. Итак, наследие социал-демократической историографии нельзя было считать приемлемой основой, а можно было считать лишь материалом, критика которого является срочной задачей.

Коммунистические политические деятели и историки также затронули некоторые вопросы истории рабочего движения. Многие опубликованные в журналах эмигрантов и на страницах книг, изданных отечественным нелегальным книгоиздательством, сочинения оказались ценными произведениями. Однако условия подполья и эмиграции не предоставляли им возможности для углубленной исторической исследовательской работы.

Приведенный выше конспективный обзор ясно показывает, что наша историография очень мало сделала до освобождения страны для выяснения проблем рабочего движения. Марксистские историки не

могли *по существу* опираться на какие-либо предварительные работы. Поэтому задача заключалась в заложении основ историографии рабочего движения. Этими основами могли быть лишь сбор и опубликование достоверных источников. Поэтому Институт Рабочего Движения поступили правильно, когда взялся за разрешение гораздо менее декоративной, но необходимой и во всех отношениях долговечной задачи сбора и издания источников.

2

За период с 1951 по 1956 год вышли в свет четыре тома, в которых опубликованы почти все важные, существенные с точки зрения истории рабочего движения документы периода с 1848 года до 21 марта 1919 года.

Первый том охватывает избранные документы периода с 1848 по 1890 год. Этот период, последовавший за буржуазной революцией 1848—49 годов, является в Венгрии периодом разветвляющегося быстрыми темпами капиталистического развития. Вместе с капиталистической крупной промышленностью начал развиваться венгерский промышленный рабочий класс — который, начиная с первого момента своего существования, развернул борьбу против эксплуатирующего рабочих капитала.

Первые две главы этого тома показывают участие рабочих в революции 1848 года, затем, после поражения революции, в борьбе против габсбургского произвола. В третьей главе опубликованы первые важные документы раннего венгерского рабочего движения. Раньше — по следам социал-демократических авторов — эти начальные шаги воспринимались лишь как лассальянское заблуждение венгерского рабочего движения. Из опубликованного материала выясняется, что в рядах Всеобщего Рабочего Объединения, первой венгерской рабочей организации, созданной в 1868 году, шла острая борьба между представителями I Интернационала и правительственными социалистами. Эта борьба закончилась поражением правительственных социалистов. Несмотря на происки

венгерской буржуазии и правительства, с созданием Всеобщего рабочего объединения зародилась первая, освободившаяся от влияния буржуазии рабочая организация. Согласно документам Всеобщее рабочее объединение проводило успешные экономические и политические действия, особенно сильное влияние оказала во всей стране демонстрация симпатии, организованная в связи с падением Парижской Коммуны. Правительственный класс, используя этот случай, с помощью применяемого впервые в венгерской истории антисоциалистического процесса разгромил и распустил Венгерское рабочее объединение.

Проблемы раннего венгерского рабочего движения в конечном счете свелись к проблеме создания самостоятельной рабочей партии. Либерализм, привитый феодализму дуалистической системы, принципиально не чинил препятствий созданию рабочей партии, на практике же всеми средствами препятствовал этому. Контрмеры особенно усилились после падения Парижской Коммуны. Об этом свидетельствуют выдержка из протокола Совета Министров и конкретные мероприятия, запрещающие отдельные объединения. После поражения в процессе по государственной измене,* к середине десятилетия созрели условия нового подъема: под давлением укрепляющихся забастовок и попыток организации правительство вынуждено было порвать с политикой открытого угнетения. В такой обстановке приступил к деятельности в Венгрии в 1876 году бывший министр Парижской Коммуны Лео Франкель, венгр по происхождению. Главное внимание он уделял идее создания самостоятельной рабочей партии. Как ученик Маркса он вел последовательную принципиальную и политическую борьбу против распространявшегося в рабочем движении реформизма и, проводя — на страницах основанной им газеты *«Arbeiter Wochenchronik»* — широкую пропагандистскую работу, подготовил создание но-

вой партии. Знаменательным событием в венгерском рабочем движении было создание в 1880 году Венгерской всеобщей рабочей партии, руководимой Франкелем. Однако террор венгерского господствующего класса заключил Франкеля в тюрьму, затем принудил оставить страну. За отсутствием персональных условий в новой партии взяло верх сильное уже и раньше оппортунистическое течение. Наряду с опубликованием относящегося к этому вопросу материалов, первый том богатой документацией показывает все более укрепляющуюся забастовочную борьбу стоящих пока еще вне партийного движения рабочих масс и масс крестьянской бедноты, которая в конечном счете была призвана вывести из кризиса и политическое движение.

*

Материал второго и третьего тома, охватывающих период с 1890 по 1907 года, показывает читателю документы рабочего движения одной из наиболее богатых массовыми движениями эпох венгерской истории. Эти годы и в Венгрии являются годами перехода к империализму, а затем — развитого империализма. В девяностых годах назрели и в форме проявлений стихийной силы всплыли на поверхность неразрешенные проблемы венгерского общества. Переживающее муки прусского пути, страдающее от аграрного кризиса малоземельное крестьянство, потерявший даже и скудные возможности труда аграрный пролетариат развернули крупные забастовки и движения, поднялись на борьбу за расчленение крупных поместий. Национальности поставили себе целью создание самостоятельного национального государства. В венгерском парламенте были бурные столкновения между выступающими за соглашение 1867 года партиями и партиями, желающими изменения этого соглашения. В эти годы шаткое здание Австро-венгерской монархии начало трещать по всем швам. Одновременно с раз-

* Процесс против 28 членов рабочего общества в связи с демонстрацией сочувствия с Парижской Коммуной. Процесс имел место в 1872 г.

витием крупной машиностроительной промышленности рос и развивался в класс промышленный пролетариат. С девятых годов не проходило ни одного года без крупных столкновений между рабочим классом и буржуазией. Жгучие, наиболее острые проблемы венгерского общества — отчасти под влиянием русской революции — созрели на рубеже столетий в революционный кризис. В 1905 и 1906 годах, в эти критические годы, борьба рабочего класса и крестьянства достигла кульминационной точки, начался перманентный кризис политической жизни страны; однако кризис из-за отсутствия субъективных сил не привел к очистительной, спасительной революции.

Том II «Избранных Документов» показывает укрепляющуюся борьбу рабочих и крестьянских масс, поиски и потерю пути социал-демократической партией. Том III документов рабочего движения рассказывает об ускоряющихся темпах накопления предпосылок революционного взрыва, об образовании и росте революционного кризиса и о предательстве со стороны Социал-Демократической Партии.

На почве начинающегося кризиса дуалистической системы со стихийной силой развернулись рабочие и крестьянские движения. Одновременно со стихийными рабочими и крестьянскими движениями укреплялась и политическая организация рабочего класса. Этот подъем привел в 1890 году к крупнейшему знаменательному событию раннего венгерского рабочего движения, к созданию Венгерской Социал-Демократической Партии. В сборнике опубликован богатый материал, показывающий все обстоятельства этого события, имевшего решающее значение. Особенно ценны те хорошо систематизированные материалы, которые показывают формирование политического облика партии. Из документов выясняется, что II Интернационал поставил в 1890 году во главе Венгерской Социал-Демократической Партии боевое руководство, выражающее интересы широких рабочих масс. Одной из величайших заслуг сборника документов является то, что,

вскрыв неизвестные до сих пор архивные источники, он полностью выясняет вопросы борьбы внутри социал-демократической партии.

Вторая часть второго тома сосредоточивает внимание на 1897 году, имевшем решающее значение как с точки зрения массовых движений, так и с точки зрения политики партии. Богатый материал сборника дает охватывающую картину все расширяющихся забастовочных движений, особенно о выступлениях жнецов. Все более укрепляющиеся боевые массовые движения вызвали необузданный террористический поход господствующего класса против пролетариата и крестьянства. Политика господствующего класса поставила социал-демократическую партию на распутье: остаться боевой массовой партией или же руководить в будущем рабочим движением в соответствии с требованиями господствующих классов. Одна из наиболее удавшихся и содержащая наиболее богатый материал часть этого тома показывает, каким образом под нажимом господствующего класса внутри Социал-Демократической Партии взяло верх соглашательское крыло, и каким образом к концу десятилетия Социал-Демократическая Партия окончательно превратилась в реформистскую, оппортунистическую партию.

Третий том сборника знакомит читателя с документами рабочего и крестьянского движения периода уже сформировавшегося империализма. В первой части этого тома мы найдем интересные материалы о переживавших новый подъем в период империализма после рубежа столетий рабочих и крестьянских забастовках. Теорию и политику Социал-Демократической Партии, ставшей в конце столетия реформистской партией, окончательно зафиксировали программа и устав, принятые в 1903 году. Мы получаем в этом томе также и распространяющуюся на все детали, полную документацию этого имеющего большое значение события. Материалы массовых движений и партийного движения удачно дополняют документы, касающиеся профсоюзов, движения работниц и отде-

лившейся от Социал-Демократической Партии крестьянской партии, возглавляемой Мезёфи.

Под влиянием русской революции 1905 года венгерское рабочее движение приняло широкий размах. В эти годы забастовки рабочего класса и крестьянской бедноты превзошли по своему размеру все прежние движения. Этот том, публикуя документы об общей забастовке будапештских металлистов, о забастовках печских, шалготарьянских и бренбергских шахтеров, о всеобщих забастовках в Сегеде, Дебрецене и Мишкольце, о забастовках жнецов и батраков в 1905—1906 гг., показывает бурную силу этих массовых движений. Однако Социал-Демократическая Партия вместо того, чтобы сплотить вокруг рабочего класса и партии выступающие с национальными и социальными требованиями крестьянские и мелкобуржуазные массы и использовать революционный кризис для захвата власти, — оставаясь верной своей оппортунистической политике, — ограничила свои требования на борьбу за всеобщее избирательное право при тайном голосовании и договорилась с внепарламентским правительством Феиервари, представляющим интересы династии, и поэтому революционный кризис 1905—1906 гг. прошел без результата для масс. Опубликованные документы свидетельствуют о том, что рабочий класс и крестьянство по своему толковали намеченные партией узкие рамки борьбы и по мере возможности наполнили их глубоко революционным содержанием. Третий том «Избранных Документов», отображая главную линию событий, публикует богатую документацию всех значительных событий этих семи лет. Мы видим материалы о деятельности сформировавшегося и у нас под влиянием русской революции левого крыла Социал-Демократической Партии, можем читать документы о рабочем движении национальностей и касающейся этого вопроса установки Социал-Демократической Партии и т. д.

*

В пятом томе «Избранных Документов» опубликованы материалы, относящиеся к периоду от октября 1917 года по 21 марта 1919 года, т. е. до провозглашения Венгерской советской республики. В терпешей военные поражения Австро—Венгерской Монархии, и, таким образом, и в Венгрии, в течение третьего года войны все более назревали предпосылки революции. Укрепляющиеся массовые движения под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции приняли новый размах.

Идеи Октябрьской Революции нашли в Венгрии благоприятную почву. Данный том иллюстрирует это, публикуя материалы о демонстрации в зале промышленных выставок 15 ноября 1917 года, о декабрьских демонстрациях за мир, о политических забастовках в январе и июне 1918 года. Пятый том достоверно отображает также и предательскую политику правого крыла Социал-Демократической Партии, направленную против массовых движений. Честные элементы Социал-Демократической Партии пытались самостоятельно дать ответ на выдвинутые жизнью проблемы и выступили против оппортунистического партийного руководства; внутри Социал-Демократической Партии образовалась группа левых социал-демократов. Этот том документирует и их деятельность. Значительны также и материалы о деятельности Революционных социалистов — антимилитаристов, духовное руководство которых осуществлялось Эрвином Сабо. В достойном их значению объеме показывает пятый том участие венгерских военнопленных в русском рабочем движении и образование венгерского коммунистического движения в России.

В октябре 1918 года тяжкие внутренние проблемы, обременяющие в течение десятилетий всю монархию, а в том числе и Венгрию, (аграрный, национальный вопросы, вопросы национальностей, противоречия между капиталом и трудом), которые еще более обострились в связи с поражением в войне, привели к буржуазно-демократической революции.

Буржуазно-демократическая революция, хотя и означала большой шаг вперед в историческом прогрессе, не дала окончательного ответа на возникшие проблемы. В результате революции и поражения в войне получили разрешение наши отношения с Австрией и с национальностями, но остался неразрешенным самый наболевший вопрос, земельный вопрос. Революция не удовлетворила требований социалистического пролетариата, не смогла разрешить и проблемы курса внешней политики, который имел решающее значение с точки зрения национального развития. Приемлемый ответ на возникшие новые вопросы смогла дать лишь созданная 20 ноября 1918 года Коммунистическая Партия Венгрии. Создание КПВ означало, что пролетариат уже решительно выступает за захват власти, за создание диктатуры пролетариата.

Пятый том «Избранных Документов», публикуя большое количество новых документов, показывает замечательный процесс завоевания диктатуры пролетариата. Нет еще, правда, официальных документов о создании партии, но этот исторический факт довольно хорошо показывает сборник воспоминаний товарищей-основателей партии, собранный редакцией тома. Убедительной является картина, получаемая из тома об организационном оформлении и укреплении КПВ. Параллельно этому пятый том хорошо документирует революционную агитационную и пропагандистскую работу коммунистической партии среди рабочих, крестьян и солдат, а также развернувшиеся и имевшие место в результате этой работы массовые движения.

Находившаяся у власти буржуазно-социал-демократическая коалиция старалась сначала с помощью политических средств воспрепятствовать работе КПВ по подготовке революции, но и в этот период (декабрь 1918 года — февраль 1919 года) имели место попытки насильственной расправы. Опубликованные в этом томе — в большинстве архивные — материалы дают исчерпывающую картину действительно предательской политики правого

крыла Социал-Демократической Партии. Одновременно материал очень хорошо показывает всю историю правления, осуществляемого буржуазно-социал-демократической коалицией.

В феврале 1919 года международные и внутренние события побудили правительство сделать по примеру Носке попытку рассчитаться с коммунистами. Но эта попытка была безрезультатной. КПВ продолжает свою работу в подполье, и ее деятельность сплачивает вокруг нее все большую часть рабочего класса. Объемистый сборник архивных и газетных материалов ясно доказывает, что к концу марта назрели предпосылки пролетарской революции, рабочий класс под руководством партии готовился к вооруженному захвату власти. Однако буржуазно-социал-демократическая коалиция под давлением внутриполитических и внешнеполитических событий мирным путем передала власть КПВ, и 21 марта 1919 года была провозглашена Советская республика. Пятый том богатым документальным материалом иллюстрирует обстановку, в которой была провозглашена Венгерская советская республика (правительственный кризис, возникший после ноты Викаса, объединение двух партий, провозглашение Советской республики).

3

Главную трудность историографии венгерского рабочего движения причиняло то, что — как говорилось уже выше — не были известны источники. Исследовательская группа усердных работников Института венгерского рабочего движения, как свидетельствуют тома сборника, выполнила основную задачу раскрытия источников.

Эта работа имеет большое значение особенно с точки зрения архивных источников. Редакторы тома искали материалы в крупных будапештских архивах: в Государственном архиве, в Военно-историческом архиве, в фондах библиотеки им. Сечени, а также в архивах областных столиц и крупных провинциальных городов.

Эта продолжавшаяся в течение лет — и во многих отношениях еще незаконченная — работа дала окончательный ответ на целый ряд проблем, связанных с архивными источниками рабочего движения. Эта работа показала, что документы истории рабочего движения периода до 1919 года можно найти прежде всего среди административных документов — в архивах министерств, полиции, судов, областей и бургомистратов. Редакторы, как свидетельствуют эти тома, не использовали эти архива социал-демократической партии. Институту удалось приобрести для архива лишь несколько документов подобного характера, находящихся в частной собственности. Затерялась и значительная часть документов Коммунистической партии, касающихся этого периода. Историю забастовочных движений следовало восстанавливать на основе документов компетентных министерств, бургомистров. Материалы относительно рабочих забастовок в провинции представляют главным образом доклады губернаторов, вице-губернаторов и исправников. Таково же положение и в связи с документами, касающимися имевших в течение всей эпохи место забастовок жнецов и батраков. На политические движения рабочего класса проливают свет прежде всего опубликованные частично материалы Министерства внутренних дел и полиции. В те годы — 1905—1907, 1918—1919 гг. — когда рабочее движение выросло в центральный вопрос национальной истории, исчерпывающий во многих отношениях материал дают протоколы заседаний Совета Министров. Подобное значение имеют найденные редакторами тома судебные материалы (процесс по делу Санто-Ковача, процесс по делам народных комиссаров и т.д.). Из материала томов сборника, хорошо подобранного редакторами, видно, что они перелистали значительную часть архивных документов, касающихся этой эпохи.

Не меньшее значение имеет работа, которую выполнили сотрудники томов по вскрытию и группировке изданных источников истории рабочего движения. Здесь

следует указать прежде всего на работу по составлению списка венгерской рабочей печати эпохи, просмотр важнейших газет и опубликование наиболее характерных, важнейших материалов. Изданные четыре тома, особенно благодаря подбору и опубликованию статей «Népszava», наиболее полно отражающих политику Социал-Демократической Партии, сделали значительные шаги к вскрытию и разработке истории Социал-Демократической Партии. Такое же значение имеет разработка таким образом газет Коммунистической Партии, особенно «Vörös Újság». Важное значение имеет и работа, проведенная по просмотру статей профсоюзных и провинциальных рабочих газет. Большая заслуга томов заключается в том, что они распространили свои исследования газетных источников рабочего движения также и на статьи зарубежных газет, касающиеся Венгрии. В этом отношении большое значение имеет пересмотр статей газеты «Neue Zeit», считающейся международным теоретическим форумом. Полезным оказалось перелистать с точки зрения рабочего движения также и венгерскую буржуазную печать.

В области не периодических изданий просмотр и вскрытие материалов распространялось, можно сказать, на все возможные области. Листовки, брошюры, журналы конгрессов, годовые отчеты полиции, теоретические и практические политические издания рабочего движения соответствующей эпохи, документы профсоюзов, воспоминания, изданные компартией книги, журналы парламента и т. д. в равной мере послужили источниками при освещении отдельных вопросов.

Относительно археографического уровня томов следует установить, что метод и техника опубликования материалов удовлетворяет требованиям научного опубликования источников. Документы опубликованы в соответствии с едиными правилами, в соответствии с новейшими археографическими принципами. Тексты томов свидетельствуют о тщательной редакторской работе. Тщательным и свидетельствующим о знании дела является указание

источников после опубликованных материалов. Указания в зависимости от характера источников отличаются друг от друга, но во всех отношениях удовлетворительны и достоверны. В комментариях же к указаниям источников дается разъяснение относительно событий, предшествовавших оформлению данного документа, и относительно дальнейшей судьбы документа.

Очень часто встречается, что редакторы делают примечания не только в связи с данным документом или источником, но обращают внимание читателя и на принципиальные точки зрения, на вопросы, касающиеся их оценки. Таким образом, редакторы в некоторых местах выполняют работу не только архивариуса, но отчасти также и историка, научно разрабатывающего факты. И, если мы говорим об обдуманной и обоснованной структуре и распределении глав томов, указываем на краткие, но выдвигающие главные проблемы эпохи предисловия, то мы должны констатировать, что в «Избранных Документах» не только публикуется проработанный материал эпохи, но и сам сборник делает первые шаги к разрешению проблем, к разработке истории венгерского рабочего движения.

С археографической точки зрения, впрочем, следующие друг за другом тома показывают постепенное улучшение. Хорошее использование первых томов затруднялось еще тем фактом, что относительно большинства событий они опирались только на один источник; в этих томах было сравнительно мало архивного материала, исследование источников распространялось только на столичные архивы и редакторы не воспользовались в должной мере статьями зарубежных рабочих газет, касающимися Венгрии. Бывали самовольные пропуски и разрядки текста также. В ходе работы, однако, и техника публикации текстов в значительной мере улучшилась и III и V тома с археографической точки зрения почти безупречны.

Разумеется, что такую монументальную задачу нельзя разрешить без ошибок. По отношению к изданным томам также

можно выдвинуть несколько вопросов с критической точки зрения.

В серии значительных изданий проявляется одна из крупнейших ошибок венгерской марксистской историографии, а именно переоценка исторической роли отдельных личностей, недооценка формирующей историю роли масс. Особенно бросается это в глаза в первом томе. В этом томе описывается роль и деятельность Лео Франкеля в венгерском рабочем движении. Однако объем опубликованных материалов, распределение глав, заглавия и примечания вызывают у читателя такое впечатление, что разрешение проблем рабочего движения зависело исключительно от личности Лео Франкеля; после возвращения Франкеля на родину рабочее движение приняло размах, после его отъезда — пришло в упадок. Из опубликованных в первом томе документов не выявляется, что Франкель по возвращении на родину мог опираться в своей деятельности на принявшие уже размах массовые движения и что организационные и политические трудности, вытекающие из состава рабочего класса, из его политического уровня, появились в массовых движениях еще до отъезда Франкеля.

Проникновение культа личности в историографию проявилось также и в другой, отличающейся от первой форме, в недооценке, игнорировании деятельности отдельных личностей. В венгерском рабочем движении такая участь выпала на долю Эрвина Сабо, одной из крупнейших фигур венгерского рабочего движения до первой мировой войны. Эрвин Сабо, несмотря на синдикалистское заблуждение, по существу был положительной фигурой венгерского рабочего движения, особенно последовательно положительной является его деятельность в период до 1907 года. Широкую теоретическую деятельность (издание избранных сочинений Маркса и Энгельса с предисловиями), борьбу против оппортунистической Социал-Демократической Партии он проводил прежде всего в эти годы. Несмотря на это в томе, обсуждающем этот период, о нем публикуется

очень мало сведений. Статьи же Эрвина Сабо, написанные им в этот период, дают в общем правильный ответ на наболевшие проблемы венгерского рабочего движения и вместе с тем венгерского общества. Например, в предисловии к статье Энгельса о венгерской революции, Э. Сабо доходит до осознания ленинского принципа права наций на самоопределение. В статье «Die Agrarfrage in Ungarn», опубликованной в «Neue Zeit», он указал на то, что «все проблемы современной Венгрии растворяются в конечном счете в проблеме крупных поместий» и, обстоятельно проанализировав венгерские аграрные отношения, дал приемлемую как для партии, так и для крестьянства аграрную программу. В статье, опубликованной в 1906 году в газете «Вилагошшаг», он дал формулировку демократизма партийной жизни, актуальную и по отношению к нашим дням.

Во вскрытии и опубликовании источников некоторых проблем наблюдается определенный схематизм, тенденция упрощения сложных исторических процессов. Это относится, например, к показу теоретических взглядов и политических заблуждений Социал-Демократической Партии, где редакторы томов чрезмерно подчеркивали, что Социал-Демократическая Партия была, собственно говоря, партией, которая, не имея теории, спотыкалась и вырабатывала свою политику сообразно лишь с ежедневными потребностями, и редакторы не принимают во внимание, что Социал-Демократическая Партия имела свои, хотя по существу ошибочные взгляды о Венгрии на рубеже столетий, которые могли служить принципиальной основой ежедневной политики. Схематической чертой является также и то, что, стремясь выяснить внутренние проблемы рабочего движения редакторы не показывают в должной мере точки зрения партии в общегосударствен-

ных политических вопросах. Так, по нашему мнению, пробелом является то, что не показана точка зрения Социал-Демократической Партии в связи с церковно-политической борьбой в девяностых годах.

Рецензируемые тома много сделали в целях ликвидации провинциализма венгерской историографии. В этом отношении большое значение имеет особенно показ через документы влияния русской революции 1905—1907 гг. и Великой Октябрьской социалистической революции в Венгрии. Однако, пополняя этот старый пробел, они допустили новые ошибки: упустили из вида, что венгерское рабочее движение подвергалось влиянию и с запада. Например, третий том дает очень мало материалов о влиянии Западной Европы и тем самым извращает фактическую действительность. Западное же влияние начала столетия можно было бы показать с помощью целого ряда документов. Например, выделение борьбы за избирательное право на центральное место произошло, не в последнюю очередь, под германско-австрийским влиянием. После победы, одержанной немецкой Социал-Демократической Партией на выборах 1903 года, «Népszava» писала: «Немецкие рабочие — настоящие герои, которые не говорят, а действуют. Мы многому, очень многому можем учиться на этой предвыборной борьбе». Можно было бы указать на то, что часто даже и поступающее из России влияние доходило до нас через западную фильтрацию.

Все эти недостатки, ошибки, однако, которые можно устранить из нового издания первых томов или из последующих томов, не умаляют выдающегося значения изданных до сих пор томов этой серии сборников документов с точки зрения раскрытия истории венгерского рабочего движения.

И. ДИОСЕГИ

The Influence of the World Economic Crisis on Hungary

Edited by Miklós Incze, Authors: M. Incze, E. Karsai, I. Kubitsch,
P. Petőcz, A. Sipos

Budapest, Akadémiai Kiadó, 1955, ff. 526.

The interest of historians has been focused recently in almost every country on the scientific analysis of the events which took place during World War II and the years preceding it. Many monographs and volumes of documentary material have been written in an attempt to throw light on the major events of the interwar period. As regards Hungarian Marxist historiography, which in many fields succeeded in producing satisfactory results, one of its main deficiencies consisted in neglecting contemporary history. Therefore the monograph under discussion should be appreciated, especially from the economic point of view, as a pioneer work analysing the history of the interwar period.

The authors of this study were concerned with a problem which is not a feature confined to Hungarian historical development. In fact, the great economic crisis of 1929—1933 was the major event for world capitalism between the two World Wars. The theme affords, however, an opportunity to discuss the changes taking place in the Hungarian economy with organic relation to the development of the whole of the capitalist world. The authors of the monograph have attempted to analyse, on a broad basis of facts, the situation in every field of the Hungarian economy during the great crisis, while at the same time, pointing to the special features characterizing the manifestations of the crisis in Hungary. Moreover, they present an appalling picture of the situation of the country's working class, peasantry and other segments of the population during this crisis. The reader is given a wealth of facts which help to form scientific view regarding the effects of the 1929—1933 crisis in Hungary.

When analysing the position of the main branches of economy, the authors deliberately attempted to discuss not only the vents from 1929 to 1933 but also the preliminaries and consequences of the crisis. Thus, they have explored comprehensively the history of the 'twenties, embracing the situation of every branch of the economy; moreover, a view is given, even if not with the same degree of detailed attention, of the major problems of economic development following the crisis years.

The work consists of two main parts, the first describes the economic and social development of the period from 1919 to 1929, and the second deals with the crisis itself and its consequences up to the late 'thirties.

The discussion of the development in the pre-crisis period, which of course is less voluminous than the second, begins with an analysis of the industrial situation.

In consequence of the territorial changes brought about by the Peace Treaty of 1920, the importance of industry in Hungary's economic structure increased, but industrial production which had fallen back sharply after the end of the war, picked up slowly (in 1929 industrial output was only 5 per cent higher than in 1913). Expansion was quicker only in the textile industry and some other branches of light industry, in the chemical industry and the production of electric power. The output of all these industries had been relatively insignificant before the war. In contrast to this, the food industry which suffered heavily from the loss of the broad inland market afforded formerly by the customs union of the Austro—Hungarian Monarchy, and also the main branches of heavy industry registered stagnation or even a decline in the volume of production.

Owing to the slow industrial development, the number of industrial workers did not increase much in comparison with the preceding period. Real wages rose slightly but remained far below the level of 1913. Nor did the Hungarian working class benefit from the social and cultural achievements (the eight hour day, etc.) which were then fairly widespread in the other capitalist countries.

This chapter, though properly indicating the trend and the structural changes of industrial development as well as its slowing-down, presents a contestable conclusion regarding the change in the production volume between 1913 and 1929. In our opinion, a more realistic estimation would have been possible on the basis of the wholesale price index of manufactured goods. In this way, it may be estimated that the volume of production increased by about twelve per cent, as against the five per cent stated by the authors. Moreover, this chapter disregards a number of questions regarding industrial development: The problems of the industrial cycle, the switch over from wartime to peace economy, industrial technique, the installed power capacity per worker which increased considerably in this period, etc. The data concerning finance capital make interesting reading, but they refer exclusively to the influence of foreign capital. It is not enough to know

in how many corporations foreign capital has been invested ; it is also necessary to show, in the industry as a whole, the relative importance of the corporations under foreign control.

The discussion of agricultural development during the 1920s includes many valuable conclusions regarding the counter-revolutionary land reform, and the general situation of the peasantry. The authors state that, though official statistics claim the reform involved 1,400,000 acres of land, the loss in arable land to the large estates was less than half that figure. On the basis of a wealth of documentary material it is made clear that thanks to the smallness of individual plots allotted (the average size of allotted plots was on an average one and one half acres) and to the very high redemption price, the landlords were assured that most of the land would not remain for long in the hands of the peasants. That was exactly what the ruling classes intended.

The authors proceed to describe in all particulars the position of the various strata of the peasantry. The data regarding the income and expenditures of the middle peasantry are of exceptional interest. As to agriculture as a whole, the analysis is much less extensive. It is rather one-sided restricted, to the quantitative development of production and to the changes in the percentual acreage of different crops. Problem of marketing are hardly mentioned, and thus, in spite of references to the cronic character of the agricultural crisis, the concrete meaning of this term lacks any explanation.

The analysis of the pre-crisis period ends with a chapter on Hungary's foreign trade. Here, the authors succeeded in drawing an adequate picture of the economic policy of the Horthy system. They show the unbalanced structure of foreign trade but also prevent a few favourable tendencies. The first autonomous customs tariff of Hungary (1924) is treated in accordance with its importance, but the authors failed to analyse it from the point of view of interests of the Hungarian bourgeoisie.

The crucial chapter of the book deals with the industrial crisis. This important part of the analysis is characterized by essential and positive features. First of all, industrial situation is discussed from many angles on the basis of extensive statistical material, carefully selected and sifted. One of the virtues of the concrete analysis consists in that the authors did not restrict themselves to a general review but also attempted to show the unequal effects of the effects within industry. They group the industries into three categories. The industries in Category *A* (iron and metals, machine building, clay, glass and wood) suffered a sharp decline in

production. In Category *B* (food, clothing and printing) the decline of production was moderate. The industries grouped in Category *C* were able, after a minor decline, to extend production even during the crisis (textile, leather, rubber, paper, chemical industry, electric power). The authors present a valuable analysis of each branch of industry so that the reader may gain a very detailed and comprehensive picture of the industrial crisis. The authors in their investigations deliberately proved the specific manifestations in Hungary of the law of the general crisis of capitalism. In our opinion this attempt was successful, even if circumscribed as we shall point out further on. Thus for instance, the expansion of Category *C*, in particular in the textile industry, is explained by the existence, before the crisis, of considerable imports of finished consumers' goods. Before the crisis, in spite of the increasing home production, imported textile goods amounted to about 20 to 30 per cent of total consumption. As a consequence of the import restrictions which were made necessary by the financial and credit crisis, imported goods practically disappeared from the Hungarian market. Thus, despite the decrease in consumption during the crisis, the domestic market of the Hungarian factories expanded rather than contracted. The introduction of protective measures more drastic than customs traffics, as defence against the influx of foreign goods represented an important reserve for the Hungarian industrialists and a buffer against the shock of the crisis. Moreover, the authors indicate that, in Hungary, the crisis was not preceded by any real "boom" comparable to that which took place in the Western capitalist countries. In consequence, the drop in production at the time of the onset of the crisis was also less considerable, and to some extent, the crisis did not penetrate Hungarian industry as deeply as in the leading capitalist countries. This is a very important conclusion. It is to be regretted that the analysis of this question is too circumscribed ; in particular, an international survey and the parallels which could have been drawn from it would have given greater weight to the analysis. While this chapter contains much that is praiseworthy, a certain impression of something missing seems to be justified with respect to the discussion of the industries belonging to Category *A* where the authors fail to explain satisfactorily the drastic decline in production. Explanation of the position of the industries listed in Category *B* also leaves much to be desired. Moreover, the examination of the part played by the monopolies is not too convincing ; instead of a thorough analysis it is, similar to the chapter dealing with the 1920s, restricted to the registration of superficial phenomena. Without

an analysis of the role of the monopolies, no history of the 1929—1933 crisis, and in particular of the highly monopolized branches of the heavy industry can be regarded as complete.

Space has been stinted it seems to us when dealing with the *general* analysis of the crisis, and therefore many important questions are not discussed or even mentioned. For instance, the authors take it for granted that if the Hungarian crisis was to a certain degree less severe it was because Hungary was a backward or, at the very best, a moderately developed country and, therefore, possessed "reserves" in the form of imports, and that by restricting them it was possible to expand the domestic market of industry. But the history of the capitalist crises in Hungary at the end of the 19th and at the beginning of the 20th century seems to prove the reverse of this statement. Then, the crises were aggravated rather than mitigated by the backwardness of the country and by its relative dependency on imports. The lack of political independence excluded then the possibility of excluding imports, in fact, the relative weight of the latter increased rather than decreased in the periods of crisis. Therefore, it would have been necessary to explain the changes in the economic and political situation in the country which conditioned the change in the specific features of the crisis.

From the discussion of the industrial crisis it becomes evident that the authors did not exhaust the possibilities for a coordinated analysis of all branches of economic activity. Thus, they were not able to show the close interdependency between industrial production and the exchange restrictions, the difficulties of trade and payments balances which greatly influenced the development of foreign trade. Those important questions are discussed in isolation from the industrial crisis. The authors neglect also the opportunity of the pointing out features of the Hungarian crisis differing from the crises in the Western countries but having, at the same time, much in common with the crises of the South-Eastern agricultural countries.

The chapters dealing with the crisis in agriculture, finances and credit and the development of foreign trade are perhaps the most successful parts of the book.

One of the main characteristics of the 1929—1933 crisis was the fact that the industrial crisis was interwoven with a grave agricultural crisis. In Hungary, the structure of agricultural production did not change essentially in the crisis years because the landlords have tried to find a way-out not by intensifying production but chiefly by cutting cash outlays for production costs. The process of mechanization came to a standstill—in

fact, was reversed—and the use of fertilizers decreased to the minimum. In consequence, yields per acre showed no improvement during the crisis.

The authors present, on the basis of interesting computations, a picture of the trend in the relation between total and commodity production, price relations, and the gap between the prices of agricultural and industrial products. When analysing farm prices, they emphasize that the great fall in prices was not reflected in a similar cheapening of the consumers' food. As regards the relation between the farm prices for field crops and for animal produce, there was a marked inequality to the disadvantage of the latter. As a result of various measures taken by the government in the interest of the landlords, the prices of field crops fell by much less than those of animals and animal produce. This is explained by the fact that the market production of wheat and other important field crops were chiefly in the hands of the landlords while animal husbandry was in most part the concern of the small farmers. Even in the line of field crops, the prices of such commodities in which the large farms were particularly interested, developed more favourably than others, thanks to various methods of governmental subsidizing (the "boletta" system, export premiums, etc.).

The indebtedness of agriculture is discussed on a broad basis of statistical data. Generally, the chapter as a whole presents a reliable picture of the effects of the agricultural crisis in Hungary. The comprehensive statistical and economic calculations, being one of the positive features of the book, are perhaps presented to the best advantage in dealing with the agricultural crisis and with foreign trade.

The chapter on the financial crisis begins with a description of the budgetary situation in the 'twenties. Here the author in many respects throw new light on the part which the foreign loans allegedly played in the monetary stabilization in 1925. They show on the basis of official appropriation accounts that the budget deficits during and after this stabilization were insignificant or non-existent. It seems, therefore, that we have been tending to overestimate the importance of foreign loans as an indispensable condition of the 1925 stabilization.

As to the credit system, the authors assert that it was much less potent in 1929 than it was before World War I. Payment of the interest and amortization on the foreign loans was a heavy burden to the country. These payments meant that new loans had to be contracted. After the onset of the crisis was no more possible; at the same time, the weight of the loan service multiplied because of the fall in prices. Thus, the position of the State

finances and credit system became catastrophic. The withdrawal of the short-term foreign loans exhausted the gold and exchange reserves of the National Bank. In the summer of 1931 the bankruptcy of several leading banks in Germany and Austria — an event which would have deserved a much broader description — also led to the eruption of a financial and credit crisis in Hungary. The Hungarian General Credit Bank had to be saved by government intervention. In general, the State aided the capitalists by several measures (bank holidays, exchange restrictions, moratorium on transfers etc.).

The chapter on foreign trade during the crisis period refers to the fact that in those years the contraction of the volume of foreign trade was much greater than the drop in production. Every capitalist country wanted to secure the home market for home production. All this was reflected in the trend of Hungary's foreign trade, the value of which fell to one-third of the prewar level. At the same time, some qualitative changes took place. The balance of trade became active, in contrast to the situation in many previous years. The structure of exports and imports also changed. The relative importance of finished goods in the imports diminished, and the export of finished articles increased. Import restriction almost totally eliminated foreign competition in many fields (for instance on the textile market) and had of course a favourable effect on the position of home industry. Another consequence of the crisis was the considerable shift in the relation of import and export prices to the detriment of the latter. In 1933, some twenty per cent less foreign products could be bought for a given quantity of Hungarian export products than in 1925—1927. This price gap was caused by the great difference between the prices of agricultural produce or raw materials and of industrial goods. This gap cost many millions of dollars to the Hungarian economy, in its trade with the more developed capitalist countries. The crisis also changed foreign trade relations. The importance of the neighbouring countries diminished, German and Italian markets became much more important; but in general the part played by the more distant markets increased, i. e. the so-called export radius lengthened. The chapter pertaining to foreign trade is essentially proper and significant but, in our opinion, it should have been completed by an analysis of Hungary's general politics which — in the later years of the depression and in the following period — fettered the normal development of foreign trade. It would have also been important to show, in connection with the crisis, the effects of the growing war preparations which, in Germany, Italy and Japan, gave rise to an autarchical

economic policy, seeking to build up an economy able to ensure immunity to an eventual blockade in case of war. These countries attempted to restrict their foreign trade, in particular with overseas markets, and to supply themselves with home produced food, raw materials, artificial materials and substitutes. A somewhat similar policy was implemented to a certain degree in Hungary, partly in consequence of the disguised rearmament and partly because of the foreign exchange difficulties.

There is one deficiency which can be observed in all the chapters dealing with agriculture, finance and foreign trade. The authors do not present the common features and the interrelations of the position of the agricultural countries in South-Eastern Europe. We also regret that the authors pay so little attention to the international projects and schemes designed to improve the grave situation of these countries. The price fall of agricultural produce on the world market effected these countries catastrophically, all of them being heavily in debt and, through their exports, dependent on world prices. Several international conferences were organized in order to improve the agricultural situation and to settle the foreign loans question. For instance, the Warsaw conference of the "Agrarian Bloc" of South-Eastern Europe, held in 1930, recommended international agreements on rationalization and standardization in agriculture, the reduction of crop-land, etc. The authors have little to say about the Tardieu Plan which aimed to improve the situation by economic cooperation between Austria, Czechoslovakia, Hungary, Roumania and Yugoslavia, and, of course, to establish a French-controlled bloc of these countries. The conference organized by the League of Nations at Stresa and Lausanne would have also deserved mention. Both represented important attempts towards a solution of the foreign loans problem and of the export difficulties of South-Eastern Europe.

The succeeding chapter of the book describes the situation of the labouring masses during the crisis. This appalling picture is based on a rich statistical material and on certain original estimations made by the authors themselves. Among the latter, the quantitative estimations regarding unemployment are in our opinion methodically correct and reflect the real situation. Following them, the unemployment amounted in 1933 to no less than a quarter of a million, or thirty-six per cent of all workers. The authors present methodically correct estimations on the development of real earnings, taking into consideration the number of unemployed. But, perhaps, it would have been necessary to point out that, during the crisis, the real earnings of the workers

actually employed did not fall very much because the reduction in money earnings was partly balanced by the drop in prices. The fallacy of the bourgeois statistics lies in neglecting, when computing real wages the effect of unemployment, i. e. the decline of the relative number of wage-earners against the workings class as a whole.

The agricultural crisis plunged the farm labourers and the small farmers into unheard of misery. During the autumn and winter months the number of full time unemployed and part-time workers amounted to 500 000 or 600 000. Sixty per cent of the land owned by small peasants was encumbered with debts. The distrainor became an everyday visitor to the villages; the land plots and movable property of many thousands of peasants were sold under the hammer. But the crisis did not ruin only the agricultural proletariat and the small peasants. The authors show, on the ground of careful estimations, the development of income and expenditures of an average middle peasant family. Their income declined by far more than their expenditures; they could not afford even to meet the requirements of simple reproduction. The so-called farm protection measures of the government served in fact only to protect the landlords and the banks but neglected the interests of the peasants.

This book is the first one in Hungarian literature which attempts to describe the position of the middle strata of the town population in the crisis. The authors made estimations regarding the effect of mass unemployment and salary reductions on this strata. It should be added, however, that the salaries of the middle segment who were employed were not too unfavourable.

The last section of the work deals with the struggle, led by the Communist Party, of the working masses against intensified exploitation. This chapter contains very rich inedited material but also some contestable conclusions about the major questions of the labour movement; the criticism of the latter, however, does not come within the scope of the present review which was written from the point of view of economic history.

We might summarize by stating that, in describing the effects of the 1929—1933 crisis in Hungary the authors have succeeded in applying a correct Marxist analysis to a comprehensive factual material. And if we cannot agree with some of their conclusions, or if we feel that certain questions need further elaboration, on the whole we are, nevertheless, indebted to them for their valuable contribution to Hungarian Marxist historiography.

Gy. RÁNKI

NOTES BIBLIOGRAPHIQUES

Lajos Elekes: Mátyás és kora (Le roi Mathias et son époque). Budapest 1956. *Művelt Nép Könyvkiadó*, 188 p.

L'auteur étudie et présente l'époque de Mathias, une forme particulière de la centralisation en Europe orientale, en faisant une analyse approfondie des conditions sociales de la deuxième moitié du XVe siècle. Il examine de près les ressources intérieures de la politique de centralisation, les relations des classes de la société féodale avec la centralisation, la formation et le développement de l'organisation centrale du pouvoir public, de l'administration des finances, de l'armée permanente de mercenaires, du corps des fonctionnaires royaux (chancellerie, tribunal supérieur etc.) Il traite ensuite de la culture humaniste qui s'épanouissait à la cour de Mathias, de ses relations avec l'étranger et du rôle que jouaient les représentants de cette culture dans la réalisation de la centralisation.

En examinant la politique extérieure de Mathias, Lajos Elekes critique les campagnes de Bohême au point de vue de la défense contre les Turcs, tout en démontrant que les tentatives visant à liquider la base orientale de la puissance des Habsbourgs (Autriche) favorisèrent en somme la lutte contre les Turcs parce qu'elles prévenaient d'éventuelles attaques, venant de l'Ouest, contre l'indépendance de la Hongrie. Cependant les fruits que cette politique aurait pu porter ne furent pas cueillis : la mort prématurée de Mathias et l'anarchie féodale qui lui succéda empêchèrent l'expulsion des Turcs d'Europe.

György Bónis: István király (Le roi Étienne). Budapest 1956, *Művelt Nép Könyvkiadó*, 171 p.

Le but que l'auteur s'est proposé était de retracer le tournant du Xe siècle, l'une des étapes les plus décisives de l'histoire du peuple hongrois. Le protagoniste de l'ouvrage est en premier lieu le peuple hongrois qui voit son

économie, sa structure sociale, son administration et sa foi religieuse se transformer radicalement sous la direction d'un grand personnage historique. Le livre de Bónis résume le vaste matériel que les recherches sur Etienne et son peuple ont mis à jour. Après avoir étudié la crise intérieure et extérieure de la société pastorale, il passe à l'analyse du développement de l'Etat hongrois. Il constate que la tâche de la fondation de l'Etat entreprise déjà par le prince Géza, fut accomplie par son fils Etienne, qui opéra la transformation fondamentale de la vie du peuple hongrois, et fonda le royaume de Hongrie. Bónis étudie la formation du pouvoir public, le rôle de l'Eglise dans la consolution de l'Etat. A ce propos, il examine également les circonstances qui dans la lutte entre les deux religions chrétiennes assurèrent la victoire de l'Eglise occidentale. Pour terminer, il traite de l'importance politique que revêt la canonisation d'Etienne dans la défense de l'indépendance du pays et de la manière dont s'étaient créés à cette fin-là, les légendes autour de la personne du roi.

Kuruc vitézek folyamodványai 1703—1710 (Pétitions de soldats kouroutz 1703—1710). Prés., introd. et notes par **Tanás Esze.** Budapest 1955. *Hadtörténelmi Intézet*, 627 p.

L'ouvrage évoque la mémoire des simples soldats kouroutz, héros de la guerre d'indépendance du peuple hongrois contre l'absolutisme des Habsbourgs, au début du XVIIIe siècle (1703—1711). Les pétitions que les soldats-serfs adressèrent au prince François Rákóczi II. pour lui demander leur affranchissement du joug des propriétaires fonciers illustrent bien l'organisation populaire si importante dans la première période de la guerre d'indépendance et la vie, les exigences et aspirations des soldats kouroutz. Elles fournissent un riche matériel pour l'éclaircissement des principaux problèmes de l'époque.

Dans sa préface, Tamás Esze tente de broser à la base des pétitions un tableau de la

situation des soldats-serfs et de leurs revendications au cours de la guerre d'indépendance. Il retrace l'histoire de la formation de l'armée kouroutz, le rôle que les fils du peuple y avaient joué et évoque le sort des victimes de la guerre.

Cette publication est une première tentative de mettre à jour les sources d'origine populaire de la guerre d'indépendance de Rákóczi, apportant une correction au matériel connu jusque-là, qui en raison de son origine, reflétait avant tout la conception de la noblesse. Quoique le volume ne contienne qu'une partie (environ la moitié) du matériel conservé parmi les écrits de la chancellerie du prince et choisi en majeure partie à la base du registre des pétitions, l'*Extractus Instantiarum*, sa publication est d'une très grande importance du point de vue scientifique.

Éva Földes: Fejezetek a Magyar testnevelés történetéből (Quelques chapitres de l'histoire de la culture physique hongroise). I. Budapest 1956. Sport Lap- és Könyvkiadó, 266 p.

En retraçant le développement historique millénaire de la culture physique et du sport hongrois, l'auteur du livre s'est fixé comme but d'attirer l'attention sur un domaine quasi totalement négligé : l'histoire de la culture physique populaire. Il s'occupe de la culture physique en premier lieu comme un moyen de l'éducation militaire et fournit par là une aide à l'historiographie militaire.

Le livre expose l'histoire de la culture physique et de l'entraînement à la lutte à partir de la conquête de la Hongrie jusqu'à la révolution et la guerre d'indépendance de 1848—49.

Endre Gaál: A szegedi munkásság harca a Tanácsköztársaságért (La lutte des ouvriers de Szeged pour la République des Conseils). 1917—1919. Budapest 1956. Szikra Könyvkiadó, 232 p.

Par cette étude Endre Gaál a voulu contribuer à la mise au point de l'histoire de la constitution et des luttes de la République Hongroise des Conseils en dégagant quelques traits intéressants de l'histoire locale de la ville de Szeged. Il commence par exposer l'influence exercée par la révolution russe de février 1917, puis par la grande Révolution Socialiste d'Octobre sur le mouvement ouvrier de Szeged, et relate comment, à l'issue de la constitution de l'organisation de Szeged du Parti des Communistes de Hongrie et de sa lutte pour gagner les masses laborieuses, la dictature du prolétariat put être établie dans la ville. La situation particulière établie dans la ville à la suite de l'intervention de l'armée

française, se modifia après les élections du 14 avril qui s'étaient achevées par la victoire des communistes : la réaction réalisa à l'aide de l'armée de l'Entente une dictature militaire ouverte, par laquelle elle reprima la grève générale organisée en juin 1919 pour la défense de la République des Conseils. L'ouvrage est complété par une annexe contenant des documents relatifs au sujet.

László Gerő: Magyarországi várépítészet (Architecture des châteaux de Hongrie). Budapest 1955. Művelt Nép Könyvkiadó, 511 p.

L'un des domaines les plus négligés de l'histoire de l'art et en particulier, de l'histoire de l'architecture, est l'histoire des constructions des ouvrages défensifs : châteaux, enceintes de ville, forteresses. En dépit de nombreuses données éparées, nous connaissons fort peu de choses des châteaux de Hongrie. En attendant que le métrage exact des châteaux soit achevé, László Gerő a voulu venir en aide aux spécialistes des châteaux. Il expose son matériel à la base d'une méthode qui même dans ses lignes générales n'est pas connue dans la littérature de l'étranger. Il analyse le développement des châteaux qui suit de près celui des méthodes du siège et de la défense, il en note les étapes principales et décrit les types de châteaux des époques successives. Dans la première partie de son livre, l'auteur traite du développement historique des châteaux en général. Il présente les constructions de défense de l'époque de la communauté primitive, les châteaux féodaux, puis les constructions de défense des villes. Ensuite il passe à l'analyse du développement de la construction des châteaux en Hongrie. Au cours de cet exposé il s'occupe séparément de l'histoire des retranchements en terre, des tours d'habitation, des châteaux à tours intérieure et extérieure et des châteaux à bastions italiens. L'ouvrage se termine par un registre de noms, de matières et de noms de lieux.

Tibor Kardos: A magyarországi humanizmus kora. (L'époque de l'humanisme en Hongrie). Budapest 1955. Akadémiai Kiadó, 463 p.

Le livre de Tibor Kardos traite d'un sujet qui intéresse non seulement l'histoire de la civilisation hongroise, mais tout aussi bien l'histoire universelle de la civilisation. L'ouvrage représente une première tentative de répondre par la méthode marxiste aux questions fondamentales non encore mises au point de l'humanisme en Hongrie. L'oeuvre de Kardos — résultat d'un travail de recherches de près de 25 ans — apporte un grand nombre de nouveaux résultats. Il commence par exposer — dans des dimensions presque monographi-

ques — la genèse de l'humanisme en Italie et sa propagation dans les différents pays d'Europe. Ensuite il présente les conditions premières et les débuts de l'humanisme en Hongrie, l'humanisme de János Vitéz et de János Pannonius. Il étudie le rôle de l'humanisme dans le politique de centralisation du roi Mathias et l'extension de la base de classe de l'idéologie humaniste à l'époque des Jagellons. Enfin l'auteur analyse les débuts de l'implantation de l'humanisme en Hongrie. On trouvera dans le livre de Kardos des données fort intéressantes concernant les premières formes de la manifestation de l'humanisme en Hongrie, de ses branches «populaires» et de ses rapports avec l'hussitisme. L'auteur a résolu le problème de la base sociale de l'humanisme et combattu avec succès la théorie de l'humanisme déraciné en Hongrie. Le livre est l'un des ouvrages les plus remarquables de la nouvelle histoire littéraire hongroise.

Mária Kresz: Magyar parasztszelet (1820—1867) (Costumes paysans hongrois (1820—1867)). Budapest 1956. Akadémiai Kiadó, 234 p. 96 ill. h.-t.

L'auteur désire présenter le développement des costumes de la paysannerie hongroise à partir des années 20 du XIXe siècle jusqu'aux années 60, c'est à dire à une époque très importante au point de vue du développement historique de la Hongrie. La majeure partie de son matériel est constituée par des descriptions et illustrations datant de cette époque. Le but primordial de l'auteur était la publication d'images et de textes recueillis et annotés, représentant une source indispensable et fort précieuse pour l'ethnographie.

Le livre comprend deux parties. La première, une étude d'introduction, présente le costume du paysan hongrois au début du XIXe siècle, analyse ensuite sa transformation et les rapports de ce processus avec le développement économique et social, le développement différent des régions, les différences sociales des costumes paysans et — de façon succincte — leur évolution ultérieure. La deuxième partie comprend le matériel de source même: illustrations et images de l'époque, ainsi que les notes explicatives.

László Makkai: A kuruc nemzeti összefogás előzményei (Les antécédents du ralliement national kouroutz.) Budapest 1956. Akadémiai Kiadó, 344 p.

Le livre de László Makkai éclaire l'une des questions fondamentales de l'histoire du peuple hongrois au XVIIe siècle. Il montre comment s'est opéré le tournant décisif dans le domaine du ralliement national contre le régime

oppresseur des Habsbourgs, tournant au cours duquel au lieu du soldat «haïdouk» affranchi de la condition de serf et déjà détaché dans une certaine mesure des masses paysannes, c'est le peuple des serfs qui tend la main à son seigneur pour mieux défendre la patrie. Ce changement se traduit pour la première fois — sans que la classe dirigeante en ait été pleinement consciente — en 1632, par le soulèvement des comitats paysans de la Hongrie du Nord (unités policières formées — avec la permission du comitat noble — par les paysans contre les brigands qui, en conséquence de la misère causée par les guerres et l'exploitation infestaient le pays) et atteint son point culminant dans la guerre d'indépendance de François Rákóczi II.

L'auteur retrace l'histoire du soulèvement des haïdouks en 1630 et de celui des comitats paysans en 1632. Ce sujet lui permet de traiter de presque toutes les phases essentielles de l'histoire de la Hongrie du XVIIe siècle. Ainsi l'exposé des conditions du ralliement national dirigé contre les Habsbourgs lui fournit l'occasion de faire un certain nombre de nouvelles constatations importantes concernant des particularités hongroises du système du «deuxième servage», les relations de celui-ci avec la centralisation féodale, ainsi que le rôle joué par les luttes de classe de la paysannerie dans le développement de l'absolutisme des Habsbourgs. L'auteur fixe la place de la principauté transylvanienne dans l'histoire de la centralisation nationale hongroise. Il démontre que si la Hongrie a évité le sort qui fut celui de la Bohême en 1620, si elle réussit à sauvegarder encore pendant presque 100 ans son indépendance nationale, c'était d'une part parce que la principauté transylvanienne empêcha par sa force armée la victoire de l'absolutisme étranger, et d'autre part — et ceci est peut être encore plus important — elle put rassembler passagèrement autour d'elle les couches sociales formant la base possible de la centralisation nationale.

László Makkai étudie l'effet du troisième soulèvement haïdouk sur le raffermissement de l'Etat transylvanien, qui, en 1629, après la mort du prince Gábor Bethlen (qui joua un rôle important dans la guerre de 30 ans) se trouva dans une situation critique. Il démontre qu'en dépit de l'incompréhension de Georges Rákóczi I. prince de Transylvanie vis à vis des paysans désirant élargir le ralliement national, le rôle de la paysannerie dans la campagne de 1644 était très considérable. Son importance ne fit que grandir au cours des années 1650—1660 et atteignit son apogée avec les mouvements populaires kouroutz. L'ouvrage est terminé par un annexe contenant des documents inédits concernant le soulèvement des comitats paysans de la Hongrie du Nord.

László Márkus: Guyon Richárd. Budapest 1955. *Művelt Nép Könyvkiadó, 153 p.*

Le livre de László Márkus trace la carrière intéressante du général Richard Guyon, un des commandants éminents d'origine anglaise de la guerre d'indépendance de 1848—49. En réunissant le matériel de source fort défectueux et dispersé, c'est entre autres à la base du journal de Guyon, conservé au département des manuscrits de la Bibliothèque Nationale Széchényi que Márkus relate comment Guyon était venu en Hongrie, quelle activité il avait déployée à l'époque des réformes. Il décrit les faits de guerre du commandant héroïque, puis expose son activité en Turquie. L'ouvrage écrit dans un style aisé est complété par des cartes géographiques et des illustrations.

Klára Mérey: A mezőgazdasági munkásság mozgalmai a Dunántúlon 1905—1907-ben (Les mouvements des ouvriers agricoles en Transdanubie dans les années 1905—1907). Budapest 1956. Szikra Könyvkiadó, 198 p.

L'ouvrage est consacré aux luttes soutenues par les ouvriers agricoles de la Transdanubie contre les propriétaires des domaines de dix mille arpents, les tenanciers capitalistes et leurs serviteurs, représentants de l'oppression et l'exploitation capitalistes. L'auteur y commence par retracer la situation de l'agriculture et des ouvriers agricoles en Transdanubie au tournant du siècle. Il analyse la répartition des domaines, la manière de la gestion des terres et les conditions de vie du prolétariat agricole, les salaires, les conditions de l'habitat et d'hygiène, puis les traditions du mouvement des ouvriers agricoles à la fin du XIXe siècle. Ensuite, l'ouvrage examine l'ampleur, le caractère et les mobiles du mouvement «socialiste agricole» de 1905. Après avoir étudié les mouvements des années 1906—1907 et l'effet de la politique du gouvernement sur ces mouvements, l'auteur termine par une récapitulation des grèves des ouvriers de la Transdanubie.

Ferenc Mucsi: Az első orosz forradalom és a magyar munkásmozgalom (La première révolution russe et le mouvement ouvrier hongrois). Budapest 1956. Szikra Könyvkiadó, 200 p.

L'auteur expose l'aggravation de la crise du système dualiste austro-hongrois au début du XIXe siècle en Hongrie, ainsi que les répercussion de la révolution russe de 1905—1907 sur le mouvement ouvrier hongrois. Il présente le développement du mouvement ouvrier au début du XXe siècle, dégage les raisons de l'insuffisance de la ligne directrice du parti

social-démocrate en vue de résoudre les tâches incombant à la classe ouvrière, et montre comment la classe ouvrière chercha une issue à cette situation. La lutte révolutionnaire des masses laborieuses prit un grand essor sous l'effet des premiers échos que la révolution russe de janvier 1905 suscita en Hongrie. Si la crise gouvernementale a pu être surmontée d'une façon favorable pour la classe dirigeante c'était parce que le parti social-démocrate maintenait à l'ordre du jour la consigne de la grève générale, détournant ainsi l'élan révolutionnaire des masses d'ouvriers et de paysans pauvres. Le mouvement révolutionnaire atteignit son point culminant le 15 septembre 1905, le «Vendredi Rouge». Ce jour-là les manifestations et une grève générale eurent lieu dans le pays entier : à la suite des assauts conjugués des forces réactionnaires en 1906—1907, la fièvre révolutionnaire s'apaisa. Au cours des années 1905—1907, les événements de la révolution russe ne cessaient d'exercer leur influence sur la Hongrie, et jouaient un rôle important, entre autres dans la propagation des nouvelles formes de la lutte de la classe ouvrière, comme la grève générale politique.

Lóránd Tilkovszky: Az 1831. évi parasztfelkelés (Le soulèvement des paysans de 1831). Budapest 1955. Művelt Nép Könyvkiadó, 64 p.

Utilisant un riche matériel de source, Lóránd Tilkovszky relate l'histoire de la «révolte du choléra», si importante dans l'histoire des peuples hongrois et slovaque. L'auteur constate que la cause du soulèvement était en premier lieu la situation insupportable des serfs et leurs aspirations anti-féodales. Il démontre en même temps le rôle de l'épidémie de choléra et des mesures sanitaires de protection dans le déclenchement de la révolte. Une part importante est faite aux aspirations des serfs de la Hongrie du Nord qui «attendaient les Russes». L'étude se termine par une analyse du soulèvement en tant que force motrice de la politique de réforme «unissant les intérêts» de la noblesse.

Zsolt Trócsányi: Az erdélyi parasztság története (Histoire de la paysannerie transylvanienne). 1790—1849. Budapest 1956. Akadémiai Kiadó, 507 p.

L'ouvrage est consacré à l'étude de la vie économique, des conditions sociales et des mouvements de la paysannerie transylvanienne, riches en traits caractéristiques, de la politique de l'absolutisme et de la noblesse transylvanienne à l'égard des serfs entre 1790 et 1849. Dans la première partie de

l'ouvrage, l'auteur examine l'évolution de l'agriculture et du marché intérieur laquelle — en Transylvanie, comme en Hongrie — conduisit à la révolution de 1848. Après avoir analysé les transformations des conditions de propriété et des charges seigneuriales, il étudie les effets que la transformation du domaine des propriétaires fonciers en grande propriété marchande exerça sur la situation de la paysannerie. A la base d'un riche matériel de source récemment découvert, l'auteur retrace le processus de l'accroissement des domaines de ferme regroupés à cette époque au détriment des terres des serfs. Il étudie les circonstances naturelles et historiques qui ont rendu le sort des paysans de Transylvanie différent de celui des paysans de Hongrie. Une attention spéciale est accordée à l'histoire des mouvements paysans de l'époque et aux principaux types de ce mouvement. Cette première partie se termine par l'exposé de la politique de la noblesse à l'égard des serfs.

La deuxième et la plus grande partie du livre étudie l'histoire des mouvements paysans de la Transylvanie en 1848—49. L'auteur analyse le rôle des mouvements paysans à l'intérieur du mouvement national roumain, et, pour terminer, dégage les lois et les particularités de tous les mouvements paysans.

Horarik János harca a hierarchia és az egyház ellen az 1841—1845. években. (La lutte de János Horarik contre la hiérarchie et l'Eglise dans les années 1841—1845). Trad., introd. et annot. par Robert Bohó et György Tordai. Budapest 1956. Szikra Könyvkiadó, 247 n.

Cet ouvrage est l'autobiographie en langue allemande de János Horarik, parue à Leipzig, en 1847. (Johann Horarik's Kampf mit Hierarchie und Kirche in den Jahren 1841—1845. Leipzig. 1847). János Horarik est l'une des figures les plus éminentes des luttes soutenues contre les dogmes de l'Eglise catholique. Prêtre lui-même, il reconnut le caractère réactionnaire du clergé catholique, et s'initia à la philosophie progressiste de son époque. S'attachant en premier lieu à la philosophie d'Holbach il subit également l'influence des études de critique de religion des jeunes hégéliens, entre autres des frères Bauer, mais c'est certainement à Feuerbach qu'il doit le plus. En 1845, il abandonne l'état ecclésiastique et s'exile en Allemagne. C'est ici qu'il publie son ouvrage dans lequel il s'indigne contre l'omnipotence de l'Eglise, contre le clergé catholique et en général contre les dogmes de la religion. L'introduction retrace brièvement l'activité de János Horarik avant 1849, donne une critique de son livre, et présente son activité à l'époque de la révolution et la guerre d'indépendance de 1848—49 et de l'absolutisme.

Budapest régiségi. (Les antiquités de Budapest). Annales du Musée Historique de Budapest. XVII. Réd. par László Gerevich. Budapest 1956. Akadémiai Kiadó, 367 p.

La série «Les antiquités de Budapest» comprend des études sur les monuments archéologiques et artistiques de Budapest. Ces études constituent une partie importante des recherches sur l'histoire de Budapest. Dans la première étude de ce volume d'une présentation fort attrayante et illustré de plusieurs centaines d'images et de dessins, Tibor Nagy présente la critique de style d'une statue de bronze d'Heracles, retrouvée parmi les vestiges d'une *villa urbana* de l'empire romain tardif, mise à jour sur le terrain d'une briquetterie située aux environs de Budapest. László Gerevich étudie le rôle de la ville de Buda dans l'architecture gothique en Hongrie et dans les courants de style européens. Il aboutit à la conclusion que contrairement à ce que l'on croyait jusqu'ici, des loges de franc-maçonnerie étrangères ne fonctionnaient pas régulièrement en Hongrie. Si l'organisation des créateurs de la gothique hongroise n'atteignait pas le degré de développement des loges d'Europe occidentale, elle accordait une plus grande liberté à ses membres, comme cela fut aussi le cas plus tard, à l'époque de la Renaissance. L'étude de Pál Voit est consacrée au travail et aux rapports avec d'autres ateliers semblables, de l'atelier de céramique de l'époque du roi Mathias, découvert lors des fouilles effectuées en 1951—52 au château de Buda, à l'extrémité Nord de l'aile occidentale. Le volume contient en outre un grand nombre de compte-rendus.

A debreceni munkásmozgalom története a munkásmozgalmi szervezkedés kezdetétől a Tanácsköztársaság leveréséig (L'histoire du mouvement ouvrier à Debrecen depuis les débuts du mouvement ouvrier jusqu'à la défaite de la République des Conseils). Debrecen 1956. Alföldi Magvető Könyvkiadó, 303 p.

Le premier volume de l'histoire du mouvement ouvrier à Debrecen est l'ouvrage de jeunes historiens. Conformément à leur conception méthodologique, ils présentent, au début de chaque chapitre, la situation du pays. Ils exposent les particularités locales du développement, du capitalisme, la situation des ouvriers et des paysans et, pour terminer, les événements du mouvement ouvrier à Debrecen. Après avoir analysé la manière dont s'étaient formés la classe ouvrière et ses organisations, les auteurs constatent que le mouvement ouvrier de Debrecen, de plus en plus intense au tournant du siècle, fut — de même que le mouvement dans tout le pays — profondément influencé par la révolution russe

de 1905—1907. Une part importante est faite à la description de la situation des ouvriers et de la constitution de la République des Conseils dans la ville. L'ouvrage fournit un grand nombre de données nouvelles relatives à l'histoire du mouvement ouvrier en Hongrie.

Hösi harcok emlékei. A magyar munkásmozgalom múltjából (Souvenirs de luttes héroïques. Du passé du mouvement ouvrier hongrois). Budapest 1955. Szikra Könyvkiadó, 214 p.

Les mémoires des communistes ayant participé activement au mouvement ouvrier, et publiés pour la première fois dans ce volume, retracent les luttes héroïques de l'histoire du mouvement ouvrier hongrois, du Parti Communiste Hongrois. Les documents choisis parmi plusieurs centaines de récits réunies à l'Institut de l'Histoire du Parti illustrent le chemin du mouvement ouvrier hongrois depuis la grève des mineurs de Pécs en 1893 jusqu'aux luttes des partisans en 1944—45.

Magyar—orosz történelmi kapcsolatok (Les rapports hungaro—russes dans l'histoire). Réd. par Endre Kovács. Budapest 1956. Művelt Nép Könyvkiadó, 456 p.

C'est vers la fin du dernier siècle que l'historiographie bourgeoise en Hongrie s'est penchée pour la première fois sur l'histoire des multiples relations entre les peuples hongrois et russe, et, en général, entre la Hongrie et la Russie. Les recherches poursuivies au hasard de l'inspiration ont permis d'éclairer en grandes lignes les relations de Mathias Corvin et d'Ivan III., ou l'alliance de Rákóczi et de Pierre le Grand, mais elles n'ont guère été poussées plus avant et entre 1917 et 1945 même ces recherches sporadiques ont été pour la plupart interrompues. Le recueil d'études qui vient de paraître représente une tentative d'avancer — ne serait-ce que par l'analyse de problèmes isolés — dans ce domaine et de faciliter la tâche de ceux qui élaboreront l'histoire monographique des relations hungaro-russes.

L'article de *József Perényi* traite des rapports des Hongrois et des Slaves de l'Est avant la conquête de la Hongrie par les Hongrois. Il constate que les relations entre les deux peuples étaient plus étroites et plus riches qu'on ne l'avait pensé jusqu'ici. Ceci ressort par ex. du grand nombre des mots hongrois relatifs à l'agriculture empruntés au *slaves de l'Est*. L'étude de *Tibor Witmann* apporte une contribution à l'histoire des relations diplomatiques anti-Habsbourg de l'Etat transylvanien centralisé et de l'Etat russe, en faisant connaître le projet de l'alliance que Bethlen et le

tzar russe Mihail désiraient conclure en 1628—1629. Dans un autre article, *József Perényi* analyse les débuts des relations diplomatiques de François II. Rákóczi et de Pierre I. et expose les antécédents du traité de Varsovie conclu en 1707, ainsi que le traité lui-même. *István Darvas* relate le séjour en Hongrie des armées de Koutouzof en 1805—6. *R. A. Averbuch* étudie les effets produits sur les forces progressistes de la société russe par l'intervention des troupes du tzar en vue de réprimer la révolution et la guerre d'indépendance hongroises de 1848—49. L'article de *Emil Niederhauser* décrit les expériences des voyageurs hongrois du XIXe siècle en Russie et montre comment ceux-ci contribuèrent par leurs ouvrages publiés à l'approfondissement des vues et opinions de la société hongroise sur la Russie. *Endre Kovács* fait connaître l'effet des oeuvres de Pouchkine sur la société hongroise. L'article de *István Dolmányos* retrace l'histoire des relations culturelles hungaro-russes au tournant du siècle. *Péter Hanák* analyse quelques aspects des répercussions de la révolution russe de 1905—1907 en Hongrie — entre autres les ressemblances et les différences des deux mouvements révolutionnaires. *György Milei* expose la constitution de l'organisation communiste des prisonniers de guerre et son activité en Russie Soviétique dans les années 1917—1918. *Béla Lengyel* étudie un chapitre intéressant des relations hungaro-russes : l'influence de Maïakovski en Hongrie avant la libération de 1945. *Mária Mayer* consacre son étude à l'histoire des relations hungaro-russes qui se formèrent au cours des luttes des partisans de la deuxième guerre mondiale.

Ignác Martinovics: Filozófiai írások (Oeuvres philosophiques). Trad. par Emil Kolozsvári Grandpierre, préf. et notes par László Mátrai. Budapest 1956. Magvető Könyvkiadó, 168 p.

Ce petit volume contient la traduction hongroise de l'ouvrage philosophique paru en français en 1788 de Ignác Martinovics, une des illustres figures du mouvement des jacobins hongrois, et qui fut exécuté en 1795. L'oeuvre de Martinovics — quoique lui-même s'y référât plusieurs fois au cours de sa déposition — resta inconnu pendant plus d'un siècle et ne fut découvert qu'en 1920 par Vilmos Fraknoi, le premier historien à s'occuper de ce mouvement.

L'ouvrage philosophique qui vient de paraître en traduction hongroise est précédé par une étude de László Mátrai. On ne apprend que l'oeuvre de Martinovics, comme en général la plupart des oeuvres de la philosophie hongroise, ne constitue pas un système indépendant, mais

représente en son essence le développement des idées du matérialisme mécanique français, avant tout de celles du Système de la Nature d'Holbach, sans cependant en être l'imitation servile. Sur quelques points Martinovics a même dépassé le système d'Holbach, et par exemple, trouvant la «ligne anglaise» d'Holbach insuffisante pour expliquer les phénomènes biologiques, il relie celle-ci au matérialisme médical de Lerois-La Mettrie-Cabanis.

Sopron és Környéke Műemlékei (Les monuments historiques de Sopron et ses environs). Par: Endre Csatkai, Dezső Dercsényi, Géza Entz, László Gerő, Géza Héjj, Károly Mollay, Aladár Radnóti. 2. éd. Budapest, 1956, Akadémiai Kiadó, 672 p., 654 fig.

Le volume contenant la topographie des monuments historiques de la ville de Sopron et de ses environs fait partie de la série «Monuments historiques de la Hongrie», inaugurée en 1948. Les auteurs ont cherché à faire de cette topographie autre chose qu'une énumération et une description d'objets détachés de la terre, de l'entourage et de la société, ils ont voulu qu'elle soit la préparation la plus complète possible de l'histoire monographique ou de l'histoire chronologique générale de l'art. C'est à ce désir que répondent les introductions, les tableaux synoptiques et les descriptions. Le volume se divise en deux parties indépendantes. Les études d'introduction esquissent le fond historique, destiné à faciliter la compréhension de la partie descriptive. Aladár Radnóti rattrape brièvement l'histoire des sociétés établies sur le territoire du comitat avant la conquête hongroise. Károly Mollay esquisse l'histoire médiévale et moderne du comitat de Sopron, Dezső Dercsényi et Endre Csatkai présentent un tableau synoptique du matériel élaboré en ordre topographique dans ce volume. Le but de cet article est de démontrer de quelle façon ce petit territoire si riche en monuments historiques se rattache à l'ensemble de l'art hongrois. Dans la deuxième partie du volume le lecteur trouvera la description topographique des monuments et de trésors artistiques. Les auteurs ont commencé l'exposé par la ville de Sopron, celle-ci constituant le groupe le plus important des monuments. La description suit un ordre topographique, l'ordre alphabétique des lieux et rues. La description de chaque monument important est précédée d'une brève introduction historique, basée sur des données écrites, ou des représentations relatives au monument. L'ouvrage riche en illustrations est complété par un index des noms et lieux, d'un registre des noms des artistes et artisans et d'un index iconographique.

Tanulmányok a népi demokráciák történetéből (Études sur l'histoire des démocraties populaires). I. Budapest 1956. Akadémiai Kiadó, 337 p.

En publiant en traduction hongroise ces études traitant de différents problèmes de l'histoire des démocraties populaires, l'Institut des Sciences Historiques de l'Académie Hongroise des Sciences s'acquitte d'une ancienne dette de l'historiographie hongroise. Ce volume contient les études d'historiens bulgares, polonais et roumains. Elles éclairaient en ordre chronologique l'histoire des luttes des peuples contre les conquérants étrangers (étude de D. Angelov, S. Vianu), du développement économique des pays (article de W. Kula, Z. Natan), de la lutte contre l'exploitation et l'oppression (article de V. Chereșteșiu, P. Nichata, M. Ionescu et T. Udrea) et celle du développement et de la lutte pour le pouvoir de la classe ouvrière (étude de Z. Kormanowa, F. Fiedler, P. Koszev).

Vasvári Pál válogatott írásai (Écrits choisis de Pál Vasvári). Prés. et introd. par Sándor Fekete. Budapest 1956. Művelő Nép Könyvkiadó, 312 p.

Ce volume contenant les écrits choisis, en majeure partie inédits jusqu'à ce jour, d'un des chefs les plus éminents, à côté de Petöfi, des radicaux de gauche de la révolution et de la guerre d'indépendance de 1848—49 constitue une contribution précieuse à l'histoire de l'historiographie hongroise. Pál Vasvári, mort sur le champ de bataille à l'âge de 23 ans était une des promesses de l'historiographie hongroise. Dans son étude sur Miklós Zrínyi, poète, homme d'Etat et chef de guerre du XVIIe siècle, comme d'ailleurs dans ses autres écrits, Vasvári se dit disciple de Michelet. Les vues anticléricales, hostiles à l'aristocratie, l'amour passionné du peuple de l'historien français ont exercé une profonde influence, sur la jeune génération hongroise du deuxième tiers du XIXe siècle, — et ainsi, sur Vasvári. Cependant le jeune historien et homme l'Etat connaissait bien les oeuvres de l'illustre Cabet professant des vues utopistes-socialistes, comme le prouvent surtout ses articles rédigés pendant la révolution. A côté des écrits politiques de Vasvári, le présent volume contient également ses conférences faites devant les ouvriers de Pest sur Cabet et le socialisme utopique français.

Tanulmányok Budapest múltjából (Études sur le passé de Budapest). XI. Budapest 1956, Akadémiai Kiadó, 450 p. 23 fig., 8 cartes.

La série «Monographies de l'histoire de la ville de Budapest» comporte quelques volumes

parus sous le titre «Études du passé de Budapest». Ces volumes rendent compte des résultats que les chercheurs travaillant à l'histoire de la capitale publient pour le moment en détail.

Le volume qui vient de paraître comprend quinze études consacrées à différentes époques de l'histoire de la capitale. L'article de *János Szilágyi* démontre, à la base des inscriptions d'autels votifs en pierre et de plaques de construction commémoratives et de pierres milliaires, qu'il y a eu 5 incursions «barbares» et des luttes intérieures aux environs d'Aquincum, chacune dans la première moitié du IIIe siècle de notre ère. *Győző Weidiger* et *Ferenc Horler* analysent les plans de 1687 et 1696 du château de Buda. *István Nagy* expose la constitution des charges fiscales de Buda à partir de la libération de la ville de la domination turque jusqu'à l'époque de la guerre d'indépendance de Rákóczi, ainsi que ses luttes pour les droits municipaux et l'exemption d'impôts. *Nóra T. Polónyi* rend compte du développement de la ville après 1711, en rapport avec la création de l'organisation des ingénieurs à Buda et Pest. L'article de *Lajos Nagy* examine la formation du Terézváros, un des faubourgs de Pest au XVIIIe siècle, tandis que *András Kubinyi* relate celle de Újpest dans la première moitié du XIXe siècle. L'étude de *Domokos Kosáry* analyse les requêtes de la bourgeoisie à la base des pétitions présentées par les bourgeois de Pest et Buda au Comité de Commerce constitué à la diète de 1791. *Edít M. Császár* présente une contribution à l'histoire de la première société dramatique hongroise, en particulier aux rapports du théâtre et de son public.

Sándor Gyömrei étudie l'histoire de la Société Hongroise de Commerce, première société anonyme de commerce de Pest. Dans son étude il démontre comment se constitua cette société en 1843, après la faillite des entreprises d'exportation vers la Hongrie du capital anglais, et quelles furent les circonstances qui en 1852 l'obligèrent à prononcer sa propre dissolution. *András Tóth* relate les débuts du développement moderne de la bibliothèque universitaire de Pest, entre 1843 et 1849 sous la direction de Ferenc Toldy, développement qui permit à la bibliothèque de servir à l'époque de Bach les intérêts de la nation hongroise dans le domaine de la pensée scientifique progressiste. L'étude de *Ervin Ybl* décrit la restauration des parties endommagées pendant le siège de 1849 d'un des monuments caractéristiques de Budapest, le château royal de Buda, détruit au cours des luttes de 1944—45, tandis que celle de *Gyula Soós* expose les circonstances de l'érection d'un autre monument artistique de la capitale hongroise, la statue de Petőfi. Les articles de *Sándor Vadász* (Contribution à l'histoire syndicale des ouvriers métallurgistes de la capitale à la fin du siècle, 1890—1899) et de *Béla Gadanecz* (La grève nationale des cheminots en 1904, à Budapest) exposent des problèmes des mouvements ouvriers de Budapest. *Mária Mayer* publie des documents, en partie inédits, sur l'histoire de la libération de Budapest achevée le 13 février 1945. Ce volume luxueusement présenté, illustré par de nombreuses figures et cartes géographiques en hors-texte, se termine par le compte-rendu de quelques ouvrages sur l'histoire de villes étrangères.

Étienne Hajnal

(1892—1956.)

Dans l'histoire universelle, branche d'historiographie exigeante et difficile entre toutes, les petits peuples avant l'apparition de l'historiographie marxiste n'avaient en général qu'un rôle secondaire, la vedette est tenue par les grandes nations. Il est encore heureux si de temps à autre les aspects spécifiques de petits peuples y apparaissent aussi. De même que l'historiographie nationale ancienne qui ne connut que de grandes figures, héros de l'histoire politique, l'historiographie jusqu'à nos jours se tournait, elle aussi, vers le passé des grandes nations. Les petites nations étaient plutôt les objets passifs des rivalités et des aspirations politiques des grandes. C'est à peine si les synthèses d'histoire universelle consacraient quelques pages à leur évolution sociale et idéologique.

Cela s'explique aussi par le fait que les spécialistes de l'histoire universelle se recrutaient parmi les fils des grands peuples. Les historiens des petites nations, au lieu de brosser de grands tableaux d'ensemble, s'absorbaient dans l'étude des problèmes spéciaux qui se posent par rapport à l'évolution de leur propre nation et cela pour se défendre contre les falsifications commises par les synthèses d'histoire universelle ; leur horizon n'était souvent pas assez large pour saisir l'ensemble de l'évolution universelle. La connaissance de plusieurs langues leur permettrait pourtant de soumettre à un examen détaillé l'histoire des grands peuples, par contre leurs collègues, ressortissants des grandes nations, sont obligés de se contenter, en ce qui concerne le passé des petits peuples, des quelques synthèses écrites dans les grandes langues. Si, dans les grandes synthèses d'histoire universelle, les investigations originales faites par les historiens des petits peuples sur leur propre passé étaient, pour la plupart, négligées, leurs tentatives, entreprises dans le domaine de l'histoire universelle, ont encore moins de chances d'intéresser les associations internationales.

Il va sans dire que jusqu'aux dernières dizaines d'années, l'historiographie hongroise, comme celle d'autres petits peuples, ne put notablement contribuer à résoudre les problèmes de l'histoire universelle. Ce n'est pas que les questions historiques éveillaient peu d'intérêt en Hongrie. Un observateur étranger, H. Steinacker souligna tout récemment combien les Hongrois, bien que souvent pleins d'illusions, étaient portés sur l'histoire et quelle vive conscience historique animait les milieux intellectuels de la Hongrie féodalo-bourgeoise.¹ Mais la fuite vers les tableaux lumineux du passé, stimulée avant 1945 par un présent sinistre mit au premier plan l'étude de l'histoire nationale, aux dépens de l'histoire universelle. S'absorber dans l'examen de l'histoire des autres peuples, passait

¹ Cf. Almanach der Österreichischen Akademie der Wissenschaften 1955. (Wien 1956) 370.

souvent pour un luxe, alors que d'importantes questions de l'histoire hongroise étaient si mal élucidées devant les spécialistes et l'opinion publique. Seules avaient leurs raisons d'être les investigations entreprises dans le domaine de l'histoire universelle qui, au lieu de résumer et de systématiser les résultats déjà acquis, frayaient de nouvelles voies, et enrichissaient nos connaissances sur l'évolution de l'humanité.

Or, l'oeuvre d'Étienne Hajnal aboutissait précisément à ce résultat. Ce que l'on a fait avant lui dans ce domaine, se bornait d'une part à l'examen des relations internationales du peuple hongrois et, d'autre part, à un classement — en vue de populariser cette science — des données et des estimations déjà connues et puisées dans d'autres publications. Mais avec les ouvrages d'Étienne Hajnal les recherches entreprises en Hongrie sur l'histoire universelle se présentèrent tout d'un coup — au niveau européen et à l'échelle internationale — sous un aspect original. La mise à jour de documents relatifs à l'histoire de nombreux peuples, sa méthode comparée originale, sa nouvelle conception des forces motrices de l'histoire, sa conception spécifique soulignant les corrélations décisives non appréciées jusque-là, lui assurent un rang éminent parmi les spécialistes de l' historiographie universelle.

Quelles sont les racines de la conception historique d'Étienne Hajnal? A l'Université de Budapest, où il fit ses études à la veille de la première guerre mondiale, deux professeurs exerçaient sur lui une profonde influence. Le premier, Henri Marczali, possédait, sans doute, de solides connaissances d'histoire universelle, et composait, lui-même, des ouvrages popularisant l'histoire universelle, sans pourtant aboutir à de nouveaux résultats ou à une conception originale. Sous la direction de l'autre de ses professeurs, Ladislas Fejérpataky, Hajnal acquit des connaissances dans le domaine de la diplomatie et de la critique de sources. C'est ce fondement solide qui se reflète dans sa thèse de doctorat «La chancellerie du roi Béla IV» (1914), thème qu'il continuait d'approfondir après avoir fait toute la guerre mondiale, pendant sa carrière d'archiviste, d'abord aux Archives Nationales, puis à l'archive princière des Esterházy. C'est ce qui constitue la base de ses ouvrages sur l'histoire de l'écriture, et en premier lieu de sa thèse de habilitation «Histoire de l'écriture à l'époque de la renaissance de son usage» (1921). Il ressort déjà nettement que, c'est seulement le sujet, la matière qui se rattache aux sciences historiques auxiliaires; l'élaboration, elle, a élargi et débordé leurs cadres traditionnels. Le titre, à lui seul indique que, contrairement à l'usage établi chez nous, l'auteur s'est proposé de traiter de l'un des facteurs de l'évolution culturelle européenne et, pour cela, il puisait largement dans les confrontations internationales.

Le premier ouvrage consacré à l'histoire universelle fut suivi d'un arrêté forcé d'une dizaine d'années. Pour résoudre les problèmes qui se posaient à propos d'histoire hongroise on ne pouvait pas se passer du concours de ce jeune savant d'une rare érudition et d'un talent original. Les autorités lui ayant confié d'autres tâches, il fut obligé d'interrompre pour un certain temps ses travaux ayant trait à l'écriture médiévale et à l'histoire universelle. Mais, historien exceptionnellement doué, Hajnal créa une oeuvre valable, même dans ce domaine qui lui était étranger. En dehors d'études plus modestes, il réservait son intérêt surtout à deux groupes de problèmes: à l'histoire politique du XVIIe siècle et, en particulier, à la personnalité et à l'activité du palatin Nicolas Esterházy; c'est à lui qu'il consacra son discours de réception à l'Académie (L'abdication du palatin Nicolas Esterházy, 1929) et sa publication de documents munie d'une

ample introduction et portant le titre «La période de la diète échouée de 1642» (1930) ; et, deuxièmement à l'histoire de la guerre d'indépendance hongroise de 1848/49 ; à propos de laquelle il écrivit un gros volume intitulé «L'exil de Kossuth en Turquie» (1er tome 1937) et une étude posthume sur la politique étrangère du gouvernement Batthány. Tous ces ouvrages marquent un grand pas en avant dans l'étude de cette époque, et montrent d'une façon éloquente que leur auteur n'est pas seulement un maître de l'analyse historique, dont l'oeil exercé décèle, sous la surface des événements, les mobiles individuels et les grandes corrélations, mais aussi un virtuose de la synthèse et du style. En outre, ces deux ouvrages esquissent un retour à l'histoire universelle.

Mais en réalité ce n'est qu'en 1930 lorsqu'il fut nommé professeur à l'Université de Budapest que Hajnal a pu reprendre le fil de ses recherches d'histoire universelle. Sa nomination ne fut pas uniquement le signe d'une appréciation scientifique, comme antérieurement son habilitation (1920), et son admission comme membre correspondant à l'Académie des Sciences (1928), ou plus tard sa nomination au poste de rédacteur de la revue «Siècles» (Századok), organe de la Société Historique Hongroise (1931—1943) et finalement sa qualité de membre ordinaire de l'Académie (1939). En outre, la chaire d'histoire contemporaine lui assura la réalisation de ses plans scientifiques. Son travail d'instituteur et de pédagogue, de même que sa fonction de rédacteur ne l'empêchaient point de se consacrer, pendant plus d'une dizaine d'années, à ses études d'histoire universelle.

Mais le danger imminent de la deuxième guerre mondiale ne lui permit pas de s'absorber dans des problèmes purement scientifiques. Il ne pouvait ne pas entendre l'orage gronder ; il ne devint pourtant pas publiciste, mais n'hésita point de prendre position, dans ses ouvrages scientifiques, dans les questions les plus brûlantes de l'évolution nationale. Il éleva la voix contre les forces brutes, matérielles et politiques du capitalisme qui soumettent au pouvoir de quelques uns les milliers de vies laborieuses. Il s'est opposé vivement à la conception historique du fascisme allemand. «Ce n'est que la vraie science qui peut faciliter la solution des problèmes — souligna-t-il — et non pas les tendances qui la mettent au service de certaines conceptions et de slogans politiques. Il combattait ceux qui aspiraient à présenter l'histoire de la Hongrie conformément aux goûts fascistes ; il s'élevait contre les tentatives d'introduire dans la science le droit du plus fort. Il déclara courageusement : «Nous considérons comme un danger fatal tout examen scientifique qui tend à expliquer l'évolution sur la base de la biologie raciale.» Et lorsqu'il était contraint de voir que l'hitlérisme, en opprimant les peuples voisins même dans le domaine de la science «et entraîne les sciences vers une explication mystique ou biologique», dans son étude-programme publiée en allemand aussi, il sollicitait le rassemblement des petites nations contre ce danger imminent.

Dans la période critique de la fin de la deuxième guerre mondiale et de la libération, il s'est acquitté pendant trois ans de la fonction pleine de responsabilité du doyen de la faculté de philosophie. Ce n'est qu'après cette période que vint enfin pour lui le temps de se consacrer au véritable travail créateur dans l'atmosphère des sciences progressistes, dont il aplanit, lui aussi, le chemin d'une manière exemplaire. Mais à partir de 1949, sa mise à la retraite a coupé les ailes non seulement à son activité suggestive de professeur, mais aussi à son génie créateur. Sa santé fragile fut ébranlée. Son oeuvre resta inachevée ; la mort l'empêcha de réaliser ses plans de grande envergure.

Le programme scientifique d'Étienne Hajnal avait ses racines dans une conception originale, dans laquelle il persévéra jusqu'au bout, même au cours de la transformation de la conception historique générale, il continua même à la développer et approfondir. Au début de sa carrière, c'est la tendance de l'histoire des idées qui prédominait dans l'historiographie hongroise. Loin de se soumettre à ce courant d'idées en vogue, Hajnal insistait sur sa position à part. «L'évolution historique — dit-il — n'est point saisissable, comme la vie individuelle, par l'introspection.» Ce ne sont pas les motifs psychologiques, souvent arbitrairement attribués à tel ou tel individu qui constituent les forces motrices principales de l'histoire ; ce ne sont pas non plus les grandes personnalités, mais les menus travaux collectifs des masses, des peuples. «L'évolution historique a sa loi, sa structure, à elle, qui échappent à la domination de l'homme.» Contrairement aux partisans de l'histoire des idées qui ne voulaient rien entendre des lois régissant l'histoire, il cherchait, dès le début, à démontrer l'existence des lois objectives de l'évolution en reconstruisant la structure sociale dans son fonctionnement organique. Lorsqu'il constata que, dans les dernières 25 années, l'historiographie occidentale a, elle aussi, abandonné son attitude négative en ce qui concerne l'existence des lois dans l'histoire, il attribua ce changement à l'effet salutaire du marxisme. Il ne cessa jamais de proclamer que la science historique qui se refuse à reconnaître l'existence des lois dans l'histoire renonce à sa raison d'être, et que la mission de cette science consiste précisément à dégager ces lois, pour servir l'évolution de la société. Bien qu'il ne renonçât point à sa conception individuelle même en faisant la connaissance du marxisme, ses conceptions rejoignirent le marxisme sur quelques autres points. Ce ne sont pas les hommes supérieurs mais les larges masses qui font évoluer et progresser l'histoire — proclame-t-il — ; il estimait, avec les marxistes, que c'est le développement des forces de la production qui constitue la base et l'essence de l'évolution sociale, et les peuples y jouent un rôle primordial. Et c'est précisément pour montrer le rôle créateur du peuple dans la formation de l'histoire, qu'il réclama l'étude concrète de l'histoire des instruments de production et du travail.

Étienne Hajnal basait sa conception d'histoire universelle sur les sources positives, sur les instruments concrets du travail quotidien. Il partait de la conception suivant laquelle les rapports entre l'homme et l'homme et leur concrétisation dans la structure sociale rendent la société capable de déployer un travail producteur, c'est ce qui constitue les lois essentielles de l'évolution. Et c'est d'une part dans la technique économique et d'autre part dans l'usage de l'écriture qu'il retrouva les moyens et les méthodes concrets de l'organisation collective comparables à l'échelle internationale. L'évolution de la technique — comme l'histoire de l'objectivation des dispositions créatrices de l'homme — met en relief le travail quotidien du peuple laborieux, travail par lequel la matière offerte par la nature s'intègre dans la structure de la société. L'histoire de la scriptualité reflète, en effet, la fonction de la couche intellectuelle qui organise la société, fixe les résultats et en établit les cadres institutionnels.

Malheureusement, sa mort prématurée empêcha Hajnal de réaliser — conformément à son point de départ — son programme grandiose concernant l'histoire de la technique et des instruments de travail. Ce qu'il nous légua sous ce rapport se limite aux textes des ses cours universitaires, aux extraits de sa conférence faite à Zurich en 1938 au Congrès International des Sciences Historiques, et à deux études assez modestes : «Le développement de la technique» parue en 1937 dans l'Album commémoratif au 60e anniversaire d'Alexandre Domanovszky,

et «Les premières machines» publiée dans l'année 1949 de la revue «Réponse» (Válasz). Plus importantes et plus approfondies sont ses recherches relevant de l'histoire de la scriptualité, recherches par lesquelles il contribua grandement à enrichir les sciences historiques universelles et hongroises. Voilà ce qu'il a dit d'un de ses élèves, mais cette phrase s'applique plutôt à lui-même : «Il s'est penché sur les menus documents écrits comme le naturaliste sur son microscope et derrière les signes microscopiques il aperçut tout un monde social.» L'histoire de l'écriture, cette étude limitée de paléographie et de diplomatique, s'est infiniment élargie dans ses mains : elle devint l'histoire de l'usage de l'écriture, des écoles, des fonctionnaires lettrés et, en même temps, la représentation du rôle social de l'écriture et des couches lettrées. Sa première étude déjà mentionnée «Histoire de l'écriture à l'époque de la renaissance de son usage», qui par ses résultats frappants mit en relief la diffusion de la culture d'écriture au moyen âge et le rôle qu'y a joué l'Université de Paris, fut suivie de toute une série d'études qui se proposaient d'arriver — à travers l'histoire concrète de la scriptualité — à la reconstruction non pas fictive mais réelle de la vie des sociétés médiévales et de l'époque moderne. Les différentes étapes de ses efforts sont marquées par les études comme «Vergleichende Schriftproben zur Entwicklung und Verbreitung der Schrift im 12—13. Jahrhundert» (1943), «Scriptualité, couche intellectuelle et évolution européenne» (publiée dans l'Album commémoratif pour le 60e anniversaire d'Árpád Károlyi 1933), «Évolution rationnelle et scriptualité» (publiée dans l'Annuaire de l'Institut d'histoire de Vienne), «Le rôle social de l'écriture et l'évolution européenne» (parue dans la Revue de l'Institut de Sociologie, 1934), «Universities and the development of writing in the 12th—13th centuries» (parue dans la revue «Scriptorium», 1952), «L'enseignement de l'écriture aux universités médiévales» 1954. La publication de cette dernière, complétée des chapitres dont la matière vient d'être trouvée dans l'oeuvre posthume manuscrite de l'auteur est à l'impression.

La grandeur d'Étienne Hajnal, historien, consiste à ce qu'il ne s'écarta jamais de la voie de la réalité et, par l'examen minutieux et par l'exploration approfondie des sources écrites, il nous ouvre des perspectives d'envergure universelle. Les vastes connaissances de sources pénétrant jusqu'aux détails allaient de pair chez lui avec une expérience extraordinaire acquise dans le domaine de la philosophie, comme en témoigne, entre autres, son étude, chargée d'ailleurs de graves problèmes Histoire de «sociologie» (publiée dans l'année 1939 de la revue «Siècles»). Cette érudition approfondie l'avait prédestiné à représenter d'une manière adéquate les ressorts et, le processus de l'évolution sociale ; un des témoignages les plus éloquents en est son étude portant le titre «La formation de la ville européenne» (parue dans l'année 1941 de la Revue Municipale [Városi Szemle]). Mais en dehors de tout cela, les dons remarquables d'historien d'Étienne Hajnal l'ont dirigé vers la synthèse d'histoire universelle. Comme beaucoup de ses confrères, il estimait, lui aussi, que les petits peuples ont dans ce domaine une mission toute spéciale et souveraine : s'ils réussissent à dégager de leurs évolutions particulières en partie divergentes, les traits communs et généraux, ils seraient en mesure de souligner des circonstances essentielles («Über die Arbeitsgemeinschaft kleiner Nationen», 1944).

L'historiographie hongroise qui d'ailleurs, n'est pas pauvre en tradition, n'a pu présenter un savant plus digne de cette synthèse que ne l'était Étienne Hajnal. «L'histoire des temps modernes» (1936—1943) est non seulement la clef de voûte de son oeuvre dans le domaine de l'histoire universelle, mais elle se

distingue, en même temps, comme l'ouvrage le plus éminent qui s'inscrit à l'actif de notre historiographie universelle, et qui peut, sans aucun doute, soutenir la comparaison avec les ouvrages d'histoire universelle étrangers ; il reflète fidèlement les problèmes qui préoccupaient l'auteur, même après l'achèvement de sa synthèse, et il est en même temps l'incarnation de la force d'évocation d'un historien d'un talent exceptionnel.

Si les résultats de l'activité d'Étienne Hajnal sont beaucoup moins connus qu'ils ne le méritent, c'est pour différentes raisons. Une de ces raisons est la gravité des problèmes qui le préoccupaient et la nouveauté de ses idées qui empêchaient non seulement la popularisation de sa conception mais constituait un obstacle même à la formation d'une école historique se groupant autour de sa personne. Une autre raison, c'était que ses études — y compris sa grande synthèse — ne furent pour la plupart éditées dans les grandes langues. Il convient de mentionner sous ce rapport la personnalité de leur auteur, caractérisée avant tout par la modestie. La science hongroise vient de perdre dans sa personne non seulement un historiographe d'un talent exceptionnel, qui par la profondeur de ses idées et par l'originalité de sa conception se distinguait dans toute l'historiographie hongroise, mais en même temps un historiographe au style exempt de toute fioriture et doué d'une force artistique extraordinaire, et une personnalité d'une modestie émouvante, animée d'une pure et profonde humanité.

I. WELLMANN

Zoltán I. Tóth

(1911—1956).

Le 25 octobre 1956 mourut, dans des circonstances tragiques, Zoltán I. Tóth académicien, doyen de la Faculté d'Histoire de l'Université Eötvös Lóránd de Budapest et professeur de la chaire d'Europe Orientale. Historien, réorganisateur de l'enseignement de l'histoire à l'université, il nous a légué des oeuvres durables, mais il lui restait encore à remplir les plus grandes promesses de sa carrière, à voir s'épanouir son oeuvre. Sa mort prématurée représente une immense perte pour la vie scientifique hongroise et pour l'enseignement universitaire.

Il naquit en 1911 à Versec, en Roumanie. Après des études à l'Université de Kolozsvár et à la Sorbonne, il s'établit pour quelques années comme professeur de lycée à Szatmár, petite ville de la Transylvanie. Au début il ne se prépara pas à la carrière d'historien, c'était la musique qui l'attirait. Il était maître du violon, et hésita longtemps avant de s'arracher à la séduction de l'estrade des salles de concert, quitte à ne plus sacrifier à sa première grande passion qu'aux soirées musicales organisées avec ses amis musiciens. Mais il fut emporté par une passion encore plus puissante, celle des historiens à la recherche de la vérité et de la réalité. Il devint spécialiste de l'histoire de la question des nationalités.

Même si l'on tient compte de l'époque et du milieu dans lesquels il vivait et qui, par l'expérience quotidienne de l'oppression et l'animosité des nationalités, ne cessaient de rappeler à tous ceux qui s'intéressaient à l'histoire un des problèmes les plus graves du passé et du présent des peuples d'Europe Orientale,

on peut se demander ce qui avait amené cet homme doux, épris de solitude et d'art à se hasarder précisément sur ce domaine de l'histoire, où les luttes les plus âpres étaient engagées? Ceux qui l'ont connu et ont lu ses travaux ne peuvent douter que ce n'est point la simple curiosité, encore moins la recherche d'un problème «à la mode», mais bien sa conscience et son sentiment de responsabilité qui l'obligèrent à devenir historien du problème des nationalités. Toute sa vie Zoltán I. Tóth l'a passée à assumer des tâches lourdes, qui plus d'une fois semblaient dépasser ses forces. Il devait sans cesse faire violence à sa modestie naturelle, pour se placer en tête, pour prendre position, conduire et organiser, mais cette même nature, si fortement imprégnée du sentiment de la responsabilité ne lui permettait pas de se dérober au devoir dicté par sa conscience.

Ce devoir il le formule dans la préface de son oeuvre principale; «Le premier siècle du nationalisme roumain en Transylvanie»: «Le devoir de l'historien est de montrer le développement du passé, afin que la vie puisse former un tout organique avec l'avenir. L'historien du bassin du Danube ne peut avoir de tâche plus grande, ni plus sacrée que de dégager le contenu réel dissimulé derrière l'agitation des nationalités, afin que nous nous connaissions mutuellement et que les tentations de notre imagination colorée et coupable ne nous entraînent pas à une vile guerre civile. Il faut que nous sachions enfin qui nous sommes, d'où nous venons, peut-être saurons nous alors mieux deviner où et comment nous devons aller pour pouvoir vivre en bonne entente et en paix.» Zoltán I. Tóth croyait à la mission de l'histoire qui est de rapprocher et de pacifier les peuples. Cette mission, il l'a considérée comme son devoir, elle est devenu pour lui un problème de conscience et l'objet de son sentiment de responsabilité.

En considérant son oeuvre sous cet aspect, du point de vue de la conscience et de la responsabilité, nous comprenons ce souci de philologue attentif à toutes les nuances, à toutes les allusions avec lequel il consulta ses sources. Cette acribie dans l'analyse des sources n'était point simplement la manie du savant, mais un effort dévoué à connaître la réalité historique. «L'histoire est la science de la réalité. Sans la connaissance de la réalité, tout ce que nous affirmons à propos du passé est illusion, et l'avenir que nous construisons sans elle sera mobile» — telle était la profession de foi de l'historien qui dans ses recherches était réellement guidé par la responsabilité de l'avenir. Aucune routine professionnelle ne peut donner une telle sûreté aux jugements de l'historien que ce sentiment de la responsabilité. Ce n'est pas seulement sur les monuments du Moyen Age si pauvre en sources qu'il fit preuve de sa capacité d'analyse approfondie,¹ c'est avec le même soin qu'il étudia le matériel des temps modernes, matériel bien plus riche et qui avait séduit plus d'un chercheur à la légèreté. Recherchant ses sources avec une persévérance inlassable, il avait réuni une immense quantité de documents, dont, dans sa vie trop courte, il n'a pu élaborer qu'une partie. Il ne recula non plus devant la plus grande épreuve de patience que représente le travail le plus minutieux du métier, à savoir la mise au point de bibliographies. C'est en premier lieu à sa persévérance affrontant toutes les difficultés que nous devons la bibliographie de grande envergure de l'époque si mouvementée entre 1925 et 1867 de l'histoire hongroise.

S'il existe un sujet historique qui fait appel à tout l'arsenal méthodologique de la science historique et à tous les artifices de la critique des sources, c'est bien

¹ La formation de la conscience nationale roumaine dans la littérature de chroniques de la Moldavie et la Valachie. Magyar Történettudományi Intézet Évkönyve, 1942. Tuhutum et Gelou. Tradition et authenticité dans l'ouvrage d'Anonymus. Századok 1945—46.

la question des nationalités. Au moment où Zoltán I. Tóth, après tant d'années de silence et de préparation sortit, pour ainsi dire de l'obscurité, comme historien achevé et conscient de son but, et — sans quelq'encouragement de la part de ses amis — se décida à se mêler à la lutte engagée autour ce problème délicat, la guerre, cette guerre, au cours de laquelle — comme il avait écrit — «le nationalisme s'était livré aux pires excès de l'inhumanité, et a exhibé les déformations les plus repoussantes de la dignité humaine» — battait son plein. Et on n'assistait pas seulement aux horreurs du meurtre collectif, mais aussi à la participation d'une partie des historiens à la campagne générale de haine. Même ceux qui croyaient combattre de coupables préjugés, se rendaient parfois coupables de préjugé. Le domaine plus empoisonné de l'historiographie hongroise était précisément celui des relations hungaro-roumaines. Zoltán I. Tóth était du petit nombre de ceux qui ne voulaient pas lutter contre un autre peuple, mais contre la falsification de l'histoire qui détériorait les relations entre les peuples.

Ses premiers écrits étaient désignés contre les affirmations de propagande de l'historiographie bourgeoise roumaine, mais bientôt il abandonna la discussion. Il cherchait plutôt à pénétrer jusqu'à la racine des choses, et se mit à examiner le nationalisme, en tant que phénomène historique. C'est ainsi qu'il reconnut que le nationalisme, qui jadis avait prêté des ailes au développement des nations portait en soi, dès le commencement, les germes d'un chauvinisme destructif. Et en étudiant les circonstances de la naissance, du développement de cette idée dangereuse à double visage, il comprit également qu'il ne s'agissait point ici d'un démon immatériel, mais bien du produit de forces sociales concrètes, produit dont la réalité prenait ses racines précisément dans ces forces : «La nationalité — écrit-il — n'est pas une île au milieu de l'Océan, elle ne vit point dans un heureux isolement, mais dans la société, la communauté des peuples. L'ordre impérieux de la coexistence oblige le chercheur à examiner la nationalité non seulement en elle-même, mais dans l'ensemble de la société des peuples. Toute étude des nations qui ne s'attache pas à comprendre les nationalismes dans la société des nations s'effectue dans le vide».

C'est sous le signe de cette conception que naquit l'analyse magistrale de la formation de la nation roumaine : «Le premier siècle du nationalisme roumain en Transylvanie» (1946). S'appuyant sur un riche matériel de source, l'auteur expose la transformation fondamentale qui s'opéra dans la conscience nationale roumaine au cours du XVIIIe siècle en Transylvanie. Il montre comment la pensée religieuse fut releguée à l'arrière-plan, et céda la place à l'idée de la nation, dégagé avec beaucoup de pénétration les rapports des diverses couches de la société avec l'idée de la nation. De cette façon-là, il fait sortir l'histoire des nationalités des ornières de l'histoire des idées. C'est sur ce point-là que s'était préparée la rencontre de l'auteur avec la conception marxiste de l'histoire qui lui permit plus tard de parvenir à une connaissance plus approfondie de la question des nationalités.

A cette époque (depuis 1941) il travaillait déjà à l'Institut Scientifique Pál Teleki, comme chef du groupe des recherches de l'histoire des nationalités. Lorsque, en 1949 l'Institut des Sciences Historiques marxiste fut fondé, Zoltán I. Tóth fut chargé de la direction de la section de recherches sur l'histoire de l'Union Soviétique et des démocraties populaires et en même temps de celle des travaux bibliographiques. De là il passa en 1953 à l'Université.

Le plus grand résultat des années qu'il passa à l'Institut des Sciences Historiques fut, à côté de la publication des trois volumes de la Bibliographie de

l'Histoire de la Hongrie, son ouvrage lauréat du Prix-Kossuth : «Mouvements paysans dans les montagnes au centre de la Transylvanie (Munții Apuseni) jusqu'en 1848» (1951). Ce livre, dans un domaine plus restreint, vient compléter en quelque sorte, ses recherches antérieures, d'une part par un nouveau matériel, d'autre part et surtout par la présentation des facteurs populaires décisifs au point de vue de la formation de la nation. Tandis que dans son ouvrage précédent l'attention de l'auteur s'était portée vers les couches sociales dirigeantes, véhicules de l'idéologie nationale, cette fois-ci il regarda au fond du processus historique, dans le vaste mouvement modelant l'histoire des classes opprimées.

En même temps qu'il parvint à une compréhension plus totale des racines sociales du problème des nationalités, le champ de ses recherches s'élargit également. Depuis longtemps il se sentait attiré vers l'époque la plus prometteuse et aussi la plus riche en déceptions douloureuses des relations hungaro-roumaines, la guerre d'indépendance de 1848—1849. Pendant les années de son séjour à Paris, c'est pour ce sujet-là qu'il avait rassemblé du matériel, comptant écrire un vaste ouvrage d'ensemble. Malheureusement il ne put en achever que quelques études² dans lesquelles il analyse les possibilités de la coopération hungaro-roumaine et ses tentatives avortées, en cherchant avec un sentiment aigu de responsabilité la justification et la responsabilité des contemporains.

Dans les dernières années de sa vie, il s'efforçait, en dépassant les cadres des rapports hungaro-roumains, d'envisager les problèmes généraux de la question des nationalités. D'abord ce sont les événements si mouvementés et si pleins d'enseignements de la révolution de 1848—49 qu'il soumit à un examen,³ puis se joignant aux travaux de la rédaction du manuel universitaire, il commença à étudier l'époque du dualisme. C'est ainsi qu'il fut amené à tirer les conclusions théoriques de ses recherches. Dans son ouvrage rédigé pour le congrès des historiens à Rome,⁵ il analyse le processus de la formation des peuples des États multinationaux, établit les divers types du développement, en faisant ressortir les grandes différences existant entre le développement national des peuples possédant une propre classe dirigeante féodale et ceux qui en étaient privés.

Zoltán I. Tóth nous a laissé relativement peu d'ouvrages de vulgarisation, son legs se compose d'ouvrages, d'articles rigoureusement scientifiques, communiquant des recherches originales. On aurait cependant tort d'en conclure qu'il n'était pas convaincu que la mission de l'histoire consistait à persuader à mobiliser les peuples. La façon dont il écrivait de ses héros, Ince Klein, Katalin Varga, Nicolae Bălcescu et les autres, la chaleur de son style, le dessin net des profils, la pulsation vivante de la personnalité montre que plus encore qu'aux grands processus et mouvements de l'histoire, c'est à l'homme qu'il s'intéressait.

² La question de l'alliance hungaro-roumaine en 1848. Századok 1948. Nicolae Bălcescu. Századok 1953. Nicolae Bălcescu pour le ralliement des peuples hongrois et roumain en 1848—49. «Magyar Történeztudományi Kongresszus» (Congrès des Historiens hongrois) Budapest 1954.

³ Kossuth et la question des nationalités en 1848—49. Kossuth-Emlékkönyv. (Album Commémoratif de Louis Kossuth) 1952. La politique du gouvernement Szemere à l'égard des nationalités. A Magyar Tudományos Akadémia Társadalom-történelmi Osztályának Közleményei. (Bulletin de la section des Sciences sociales et historiques de l'Académie des Sciences de Hongrie) II. 1952.

⁴ La question des nationalités à l'époque du dualisme. Századok 1956.

⁵ Quelques problèmes de l'Etat multinational dans la Hongrie d'avant 1848. «Études des Délégués Hongrois au Xe Congrès International des Sciences Historiques.» Budapest 1955.

Il voulait parler des hommes et pour les hommes. Chacun de ses écrits est imprégné de la volonté d'aider, de contribuer à la compréhension, à la paix entre les peuples de l'Europe Orientale, excités les uns contre les autres pendant de longs siècles. Ce n'est pas l'effet du hasard si Zoltán I. Tóth fut celui qui a préparé et soumis au Congrès des Historiens Hongrois en 1953 le projet contenant les directives théoriques et l'organisation de la collaboration scientifique de l'Union Soviétique et des pays de démocratie populaire, projet qui constitue la base des relations qui ne cessent depuis de gagner en ampleur.

L'image tracée de Zoltán I. Tóth ne serait pas complète si on n'y faisait pas une part importante à son activité universaire. C'est lui qui organisa la faculté d'histoire indépendante à l'Université Eötvös Lóránd de Budapest. Assisté de collaborateurs, il élaborait la réforme de l'enseignement universitaire, qui permit de mettre mieux en valeur le travail scientifique, l'élevation du niveau et le rehaussement des exigences. Mais en réalité il ne se sentait à son aise que dans le travail scientifique. Quoiqu'il aimât ses étudiants avec dévouement et que déjà une petite école d'historiens ait commencé à se former autour de lui, il ne cessait de penser avec nostalgie à son bureau tranquille, à ses fiches et à ses projets scientifiques à l'Institut des Sciences Historiques. Toutefois, jusqu'à sa mort il s'acquittait avec un dévouement absolu de toutes les tâches qui lui étaient confiées. Nous avons perdu en lui un vrai savant, un savant à propos de qui nous pouvons dire ce que lui, il avait écrit de Bălcescu, le héros de son dernier ouvrage inédit : «l'essence la plus pure de sa belle vie juste et loyale c'était : son humanité intégrale».

L. MAKKAI

Commémorations solennelles d'historiens hongrois à l'occasion du 40e anniversaire de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre

En novembre 1957, on a célébré dans le monde entier le 40e anniversaire de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre, qui inaugure une ère nouvelle dans l'histoire de l'humanité. Les historiens hongrois — qui depuis des années étudient les répercussions de cette révolution en Hongrie et dans le monde — ont tenu à cette occasion des sessions solennelles.

Le 1er novembre 1957 l'Institut d'Histoire Militaire, l'Institut du Parti Communiste Hongrois relevant de la compétence du Comité Central du Parti Socialiste Ouvrier Hongrois, la Société Historique Hongroise, l'Institut des Sciences Historiques de l'Académie des Sciences de Hongrie et les Archives Nationales ont organisé une séance de conférences scientifiques.

Dans la présidence prirent place l'académicien Eric Molnár, directeur de l'Institut des Sciences Historiques, Győző Ember, membre correspondant de l'Académie, directeur général des Archives Nationales, Nicolas Horváth, lieutenant-colonel, commandant de l'Institut d'Histoire Militaire, Émeric Kubitsch, chef de section à l'Institut du Parti Communiste Hongrois, Émeric Tóth et Michel Vinke, combattants vétérans dans la révolution de 1917. Les conférences ont eu lieu en présence de plusieurs centaines d'auditeurs ; les collaborateurs des institutions historiques de Budapest, les enseignants d'histoire, les représentants des sciences apparentées et plusieurs personnes qui s'intéressaient à la thématique des conférences, ainsi que plus d'un des combattants vétérans hongrois étaient présents à la séance.

La séance fut ouverte par l'académicien *Eric Molnár*. Après le discours d'ouverture ce fut *Ladislás Réti*, collaborateur de l'Institut du Parti Communiste Hongrois qui prononça sa conférence sur «La révolution prolétarienne hongroise, première adhérente de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre». Ensuite ce fut le tour de *Georges Milei*, qui dans son «co-rapport» parla de «La formation et de l'activité du Groupe Hongrois du Parti Communiste (bolchévique) de Russie en 1918.» Après *Georges Milei* c'est *Émeric Tóth* qui lui succéda à la tribune pour exposer dans son allocution la participation des prisonniers de guerre hongrois aux luttes menées pour l'épuration de la ville de Moscou et pour l'occupation du Kremlin. Après cette intervention suivie de vifs applaudissements, ce furent *Eugène Györke* et *Antoine Józsa*, qui ont donné lecture de leur intervention intitulée «Internationalistes hongrois dans la Grande Révolution Socialiste d'Octobre et dans les guerres civiles». *Michel Vinke*, ancien membre du Groupe Hongrois du Parti Communiste (bolchévique) de Russie, parla de l'activité de ce groupe, et des choses vécues qui avaient trait à la personne de Lénine et de Béla Kun. Le rapport fut suivi par le «co-rapport» de Madame *Ilona Gábor*, collaboratrice de l'Institut du Parti Communiste Hongrois, sur «Les répercussions des mouvements révolutionnaires de Russie dans les lettres des travailleurs hongrois adressées aux prisonniers de guerre». La dernière conférence de la séance fut tenue par *Zoltán Baksay*, collaborateur de l'Institut des Sciences Historiques sur «La Grande Révolution Socialiste d'Octobre et les ouvriers de Csepel».

La série des commémorations solennelles se termina par le discours de clôture d'*Émeric Kubitsch*.

(Dans le programme original de la séance figuraient encore les «co-rapports» suivants : *François Mucsi* : «L'influence exercée par la révolution russe de février 1917 sur la Hongrie», *Guillaume Sándor* : «La désagrégation de la Monarchie Austro-Hongroise et la Grande Révolution Socialiste d'Octobre», *Suzanne L. Nagy* : «Mouvements révolutionnaires en Transdanubie en 1917—1918». Cependant, faute de temps, ces «co-rapports» n'ont pu être lus au cours de la séance. Ils seront insérés dans le procès-verbal à publier.)

Les 5 et 6 novembre 1957 c'est l'Académie des Sciences de Hongrie qui organisa une séance solennelle à l'occasion du 40e anniversaire de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre. A la séance, présidée par *Louis Ligeti*, vice-président de l'Académie, étaient présents *Jules Kállai*, ministre des Affaires Culturelles, *P. T. Komarov*, chef de la délégation soviétique séjournant en Hongrie, *M. N. Javoronkov*, membre correspondant de l'Académie des Sciences de l'Union Soviétique.

Dans la salle des fêtes archi-comble de l'Académie, après les propos de salutation de *M. N. Javoronkov*, c'est l'académicien *Eric Molnár* qui donna lecture de son allocution solennelle intitulée : «La Grande Révolution Socialiste d'Octobre».

Parallèlement à cette séance solennelle, la Section des Sciences Sociales et Historiques de l'Académie des Sciences de Hongrie organisa une séance de caractère analogue. La première conférence y a été tenue par *Georges Göncöl*, chef de section à l'Institut d'Économie Politique, sur «Économie et politique dans la théorie de Lénine sur l'impérialisme». Le rapporteur suivant était *Guillaume Sándor* ; il traitait de «La désagrégation de la Monarchie Austro-Hongroise et la Grande Révolution Socialiste d'Octobre». Le rapport de clôture d'*Étienne Kovács*, directeur adjoint à l'Institut pour les Sciences d'État et de Droit, porta le titre «La première constitution soviétique».

A la séance scientifique organisée par l'Université d'Économie Politique Karl Marx pour la célébration du 40e anniversaire de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre nous avons entendu une conférence historique tenue par *P. S. Pach*, professeur d'Université, prix Kossuth, sur «Analogie et différences de l'Évolution agrairienne «de voie prussienne» en Hongrie et en Russie dans la deuxième moitié du XIXe siècle».

Nous reviendrons sur l'analyse des conférences et des co-rapports de ces séances solennelles.

L'assemblée générale du Comité International des Sciences Historiques à Lausanne

C'est le 19 juin 1957 qu'a eu lieu à Lausanne l'assemblée générale annuelle du Comité International des Sciences Historiques, organisation internationale des historiens. Le Comité National des Historiens Hongrois y était représenté par l'académicien Eric Molnár. Le 4 juillet 1957, Eric Molnár fit un compte-rendu sur le travail de l'assemblée générale au Comité des Sciences Historiques de l'Académie des Sciences de Hongrie.

Des 38 membres du Comité, 27 pays seulement et 5 organisations internationales se sont fait représenter à l'assemblée générale. L'assemblée générale vota l'admission d'un nouveau membre, la société de l'Humanisme et de la Renaissance.

Dans son allocution d'ouverture, le président du Comité a évoqué en de termes émus le souvenir de la camarade A. M. Pankratova, décédée cette année, qui, en sa qualité de membre du Bureau du Comité, vient d'être remplacée par A. A. Grouber, académicien, chef de section de l'Institut des Sciences Historiques de l'Académie des Sciences de l'URSS. A la place du regretté professeur Anlund, vice-président du Comité, l'assemblée générale a élu le professeur suédois Huger.

Dans son rapport, le secrétaire général a annoncé que l'UNESCO avait invité le Comité à se charger de la direction de la série Cahiers de l'Histoire Mondiale, publiée jusqu'à présent par les soins de l'UNESCO. Le secrétaire général communiqua à l'assemblée générale que le Bureau du Comité n'approuvant pas cette idée, il n'a formulé aucune proposition à ce sujet. Le Bureau estime que la série n'ayant pas été fondée sur l'initiative du Comité, il n'était pas opportun d'intervenir dans un état aussi avancé de la publication. Le secrétaire général informa par la suite l'assemblée générale de la parution de la bibliographie internationale de l'année 1955 et de l'état de travaux de la bibliographie de l'année 1957. Il invita les délégués à agir de sorte que les différents organes nationaux fassent parvenir à temps au secrétariat le matériel de la bibliographie de 1957. L'assemblée générale a modifié le règlement des comités de façon à permettre la création de groupes de travail à l'intérieur des différents comités. Le champ des recherches confiées aux comités est en effet assez vaste pour être réparti en différents sujets d'un intérêt plus restreint, dont chacun pourra faire l'objet des recherches des groupes de travail.

Le rapport a traité en détail des problèmes des différents comités. Le secrétaire général a annoncé que le comité chargé des questions des banques et des échanges avait suspendu son activité. L'assemblée générale en a pris acte. A été dissous de même le comité iconographique, dont le matériel vient d'être remis à la société de l'Humanisme et de la Renaissance. En ce qui concerne le comité démographique, on estime que ce comité doit être maintenu et que son activité doit être intensifiée. De même subsistent les comités s'occupant de l'histoire des corps représentatifs nationaux et des mouvements sociaux. C'est dans le cadre de ces comités que seront en premier lieu créés les groupes de travail, dont il était question plus haut. Le comité de l'histoire diplomatique n'a guère fait parler de lui. Arrivé à peu près au terme de son travail, ce comité publiera un répertoire dont le troisième volume paraîtra en 1960. A ce propos, le délégué français M. Renoir, a suggéré que l'assemblée désigne un nouveau comité chargé de l'étude des grands voyages et découvertes, étude étroitement liée à celle de l'histoire du commerce médiéval. Cependant, la création de nouveaux comités étant du ressort exclusif du Congrès, il faut attendre le prochain congrès qui se tiendra en 1960 à Stockholm.

M. Fawtier, ancien secrétaire général du Comité a proposé que dans le prochain numéro de la revue du Comité, les différents comités nationaux insèrent un bref compte-rendu sur l'activité des sciences historiques dans leurs pays respectifs, au cours de la période précédente. Il a en outre proposé que les comités nationaux s'abonnent à un nombre déterminé d'exemplaires du périodique. L'assemblée générale a accepté toutes les deux propositions.

Un des points les plus importants de l'ordre du jour a été le congrès de Stockholm, prévu pour 1960. Comme on sait, les sujets des comptes-rendus ont dû être préalablement soumis au Bureau du Comité. 215 propositions concernant les comptes-rendus ont été formulées, alors que, aux termes de la décision du Comité le nombre des conférences ne s'élèvera qu'à 30. Les autres comptes-rendus seront résumés sous forme de brèves communications, se rattachant au sujet des comptes-rendus. Les délégués qui n'ont pas été invités à faire une telle communication, pourront développer leur opinion sous forme d'interventions. En plus des 30 comptes-rendus qui seront faits au congrès, il faut prévoir environ 130 à 140 communications. Les comptes-rendus doivent être adressés au Comité d'Organisation suédois à Stockholm, avant le printemps 1959.

Les problèmes relatifs au sujet et au nombre des comptes-rendus assignés aux différents pays ont été traités à la session du 2 juin. Tout ce qui avait été communiqué à ce sujet à l'assemblée générale par le Bureau, c'est que le Congrès désirait se consacrer plus particulièrement à l'histoire des idées, à l'histoire de l'antiquité non-classique et aux questions de méthodologie.

Le délégué hongrois n'était pas en mesure d'attendre la décision de la session du 2 juin du Bureau, mais selon les informations préalables les Etats-Unis et l'Union Soviétique obtiendraient chacun 3, l'Angleterre et la France 2 comptes-rendus chacune, et le reste serait réparti entre les historiens des autres pays.

Après que Eric Molnár eut fait son rapport, le Comité National des Historiens Hongrois a été avisé par le Bureau que les historiens hongrois ne pourraient pas présenter de compte-rendu au congrès de Stockholm. C'est avec un profond regret que le Comité National a pris note de cette décision du Bureau, et dans une lettre adressée au Bureau il en a demandé la modification.

La publication des deux premiers tomes du manuel d'enseignement universitaire : «Histoire de Hongrie»

En mai 1957 ont paru les deux premiers tomes du manuel d'enseignement universitaire «Histoire de Hongrie».

Les travaux relatifs aux manuels universitaires d'histoire ont débuté en 1950 à l'Institut des Sciences Historiques de l'Académie des Sciences de Hongrie. C'est avec le concours d'une nombreuse équipe de chercheurs que l'Institut s'est mis à l'exécution de l'importante tâche que constitue la mise au point de la synthèse marxiste de l'histoire de Hongrie attendue depuis si longtemps. Pour la mise au point de problèmes en suspens ou non encore élucidés, des études préliminaires, souvent de l'ampleur d'une monographie ont été préparées et contribuèrent dans une grande mesure à avancer les travaux. En même temps les auteurs des volumes entreprirent des recherches individuelles en vue de mettre à jour certaines questions dont l'éclaircissement semblait indispensable à l'élaboration des tendances principales du développement de l'histoire hongroise.

Le texte des deux tomes qui viennent de paraître a été discuté devant un large public, et les résultats des discussions furent mis à profit par les auteurs lors de l'établissement du texte définitif.

Le tome I/1 embrasse l'histoire de la Hongrie à partir de la conquête du pays jusqu'en 1526. Emma Lederer y traite de l'époque allant de la conquête jusqu'au début du XIV^{em} siècle, correspondant aux débuts de la féodalité en Hongrie. Lajos Elekes et György Székely, auteurs de la deuxième partie du tome, s'occupent de l'histoire de la féodalité florissante, période qui va des années 20 du XIV^{em} siècle, jusqu'en 1526. Le tome II/1 par Endre Arató, Gyula Mérei, György Spira et Zoltán Varga embrasse l'histoire de Hongrie entre 1790 et 1849, l'époque de la transition

de la féodalité au capitalisme. Les auteurs analysent en détail — entre autres — l'histoire de la résistance nationale s'organisant après la mort de Joseph II, le mouvement des réformes, prenant racine dans le sol de la crise générale de la féodalité et l'histoire de la révolution bourgeoise et la guerre d'indépendance de 1848—49.

En plus de ces deux volumes, on achève d'imprimer le tome I/2 traitant de l'époque entre 1526 et 1790. C'est à fin de l'année 1957 que l'Institut compte organiser la discussion sur le manuscrit du tome qui retrace l'histoire de l'époque entre 1849 et 1880. Les discussions sur les autres parties du manuel auront lieu probablement en 1958.

BIBLIOGRAPHIE

I. Extrait du répertoire des ouvrages historiques (livres, études, articles) parus en 1956

1. Список избранных произведений (книг, исследований, статей) по истории, вышедших в Венгрии в 1956 г.

1. Bibliographie — Библиографии

- Dezsényi Béla—Falvay Zoltán—Fejér Judit : A magyar sajtó bibliográfiája 1945—1954. [Bibliographie de la presse hongroise 1945—1954. — Библиография венгерской печати 1945—1954 гг.] Budapest. 1956. Művelt Nép. 159 p. (Az Országos Széchényi Könyvtár kiadványai 36.)
- B. Gónczi Éva—Szabó Erzsébet : Az 1955. évi magyar művészettörténeti irodalom bibliográfiája. [Bibliographie de la littérature de l'histoire d'art hongroise en 1955. — Библиография венгерской литературы по истории искусств в 1955 г.] MűÉ. 1956. vol. 5. fasc. 2—3. p. 231—250.
- Külföldi történeti folyóiratok repertórium. [Répertoire des revues historiques étrangères. — Репертуорий заграничных исторических журналов.] TIE. 1956. vol. 7. fasc. 1—2. p. 183—198.
- Lipták P(ál)—Nemeskéri J(ános) : La bibliographie de l'anthropologie historique en Hongrie. 1945—1955. [Библиография исторической антропологии в Венгрии. 1945—1955.] Scania Hungarica. 1956. tom. 1. no. 1. p. 33—36.
- A magyar munkásmozgalom történetéről szóló cikkek jegyzéke. (1955 január—1956 június.) [Articles sur l'histoire du mouvement ouvrier hongrois (janvier 1955—juin 1956). — Список статей по истории венгерского рабочего движения (Январь 1955 г. — июнь 1956 г.)] MMIE. 1955. vol. 1. fasc. 4. PtK. 1956. vol. 2. fasc. 1—3.
- A magyar munkásmozgalom történetével foglalkozó, 1955-ben megjelent könyvek. [Ouvrages parus en 1955 sur l'histoire du mouvement ouvrier hongrois. — Книги по истории венгерского рабочего движения, вышедшие в 1955 г.] PtK. 1956. vol. 2. fasc. 2. p. 192—194.
- Mutató a Hadtörténelmi Közlemények 1888—1943. évfolyamaihoz. 1—44. évf. Összeáll. a Hadtudományi Könyvtár munkaközössége : Kovalcsik József, Rázsó Gyula stb. [Index des années 1888—1943 des Hadtörténelmi Közlemények (Comptes Rendus d'Histoire Militaire). Réd. par la communauté de travail de la Bibliothèque des Sciences des Armes : József Kovalcsik, Gyula Rázsó etc. — Указатель к томам 1—44 журнала Hadtörténelmi Közlemények (Известия по военной истории) за гг. 1888—1943. Составлен коллективом Библиотеки военных наук : Йозеф Ковалчик, Дьюла Ражо и т. д.] Budapest, 1956. Hadtört. Intézet. 311 p.
- Sándor István : Magyar néprajztudomány 1945—1955. Válogatott bibliográfia. [Science ethnographique hongroise 1945—1955. Bibliographie choisie. — Венгерская этнография 1945—1955. Избранная библиография.] Budapest. 1956. Tankönyvkiadó. Soksz. 68 p. (Bibliográfiák az egyetemi oktatás számára 8.)
- Sopron bibliográfiája (1943. szept. 1-től 1954. dec. 31-ig). [Bibliographie de Sopron (1 sept. 1943—31 dec. 1954) — Библиография города Шопрон (с 1-го сент. 1943 г. по 31-ое янв. 1954 г.)] SSz. 1955. vol. 9. fasc. 1—4., 1956. vol. 10. fasc. 1—2.

2. Ouvrages généraux et recueils d'études — Общие труды и сборники

- Acta Universitatis Debreceniensis de Ludovico Kossuth nominatae. Tom. II. 1955. (Szerk. Berényi Dénes. Közrem. Barta János, Gáspár Rezső stb.) [Réd. sous la dir. de Dénes Berényi, avec la coll. de János Barta, Rezső Gáspár etc. — Сборник Дебреценского университета им. Лайоша Кошута. Том II. (Ред. Денеш Берени, при помощи Яноша Барта, Реже Гашпар и т. д.)] Budapest. 1955 (1956), Tankönyvkiadó. 289 p.
- Du contenu : Из содержания сборника : Bajkó Mátyás : A debreceni felsőoktatás a reformkorban. [L'enseignement supérieur à Debrecen à «l'époque des réformes». — Высшее образование в Дебрецене во время «эпохи реформ.»] Bán Imre : Apáczai Csere János beszéde „A

- bölcsesség tanulásáról". [Le discours de János Apáczai Csere: «Sur l'étude de la sagesse». — Доклад Яноша Апацаи Черы «Об изучении мудрости.»]
- Kardos Pál: A „Nyugat” debreceni kapcsolatai. [Les rapports de la revue «Nyugat» avec Debrecen. — Связи журнала Nyugat (Запад) с городом Дебрецен.]
- Rácz István: Az 1841. évi szatmári 12 pont. [Les 12 points de Szatmár de l'année 1841. — 12 сатмарских пунктов 1841 г.]
- Szendrei István: A szatmári béke első kihirdetése. [La première promulgation du traité de paix de Szatmár. — Первое объявление о Сатмарском мире.]
- Acta Universitatis Debreceniensis de Ludovico Kossuth nominatae. Tom. III/1. 1956. (Szerk. Berényi Dénes. Közrem. Barta János.) [Réd. par Dénes Berényi, avec la coll. de János Barta. — Сборник Дебреценского университета им. Лайоша Кошута. Том III. (Ред. Денеш Берени, при помощи Яноша Барта.)] — Budapest. 1956, Tankönyvkiadó. 203 p.
- Du contenu: Из содержания сборника:
- Farkas Dezső: A bolsevikok harca a III. Internacionálé megteremtéséért az 1914—1917-es években. [La lutte des bolchéviques pour la création de la IIIe Internationale dans les années 1914—1917. — Борьба большевиков за создание III. Интернационала в 1914—1917 гг.]
- Jausz Béla: Maróthy György, a magyar nevelésügy egyik jelentős úttörője a XVIII. században. [György Maróthy, pionnier de l'enseignement hongrois au XVIIIe siècle. — Дьердь Мароти, один из знаменитых пионеров в области дела воспитания в Венгрии XVIII в.]
- Angyal Endre: Kollár János, az ember és az író. [Jan Kollár, l'homme et l'écrivain. — Ян Коллар, человек и писатель.]
- Varga Zoltán: Debrecen szerepe a földreformért folytatott harcban a felszabadulás után. [Le rôle de la ville de Debrecen dans la lutte pour la réforme agraire après la libération. — Роль города Дебрецен в борьбе за земельную реформу после освобождения страны.]
- Rácz István: A szabadelvűség vándorapostola (Somogyi Antal). [L'apôtre—pélerin du libéralisme. — Странствующий апостол либерализма.]
- Bajkó Mátyás: Adalék Beregszászi Pál „Rajz Oskolájának” történetéhez. [Contribution à l'histoire de l'«École de Dessin» de Pál Beregszászi. — Данные к истории «Школы чертежа» Пала Бергсаси.]
- Kardos Pál: Móricz Zsigmond nyilatkozata és levele a „Légy jó mindhalálig” debreceni bemutatójáról. [Déclaration et lettre de Zsigmond Móricz à l'occasion de la première de sa pièce «Légy jó mindhalálig» (Sois bon jusqu'à ta mort) à Debrecen. — Интервью и письмо Жигмонда Морича о премьеры спектакля «Будь добрым до самой смерти» в городе Дебрецен.]
- *
- Babics András: A vasércutató története a Mecsek hegységben. [L'histoire de l'exploitation du minerai de fer dans les montagnes de Mecsek. — История исследования железной руды в горах Мечек.] Pécs. 1955. (1956). 39 p. (Dunántúli tudományos gyűjtemény 3.)
- Béres András—Módy György: A hajduság történetének és néprajzáinak irodalma. (Források, tanulmányok, cikkek.) Bev. Balogh István. [La littérature de l'histoire et de l'ethnographie des Haidouks. (Sources, études, articles). Préface par István Balogh. — Литература по истории и этнографии хайдуков. (Источники, исследования, статьи.) Введ. Иштван Балог.] Debrecen 1956. 51 p. (Alföldi füzetek 3.)
- Berlász Jenő: Az Akadémiai Könyvtár történetének vázlata. [Esquisse de l'histoire de la Bibliothèque de l'Académie. — Очерки по истории Библиотеки Академии Наук.] МК. 1956. vol. 72. fasc. 3. p. 203—216.
- Borbíró Virgil—Valló István: Győr város-építéstörténete. [L'histoire des travaux d'urbanisme de la ville de Győr. — История градостроительства города Дьер.] — Budapest. 1956, Akadémiai Kiadó, 324 p., 1 t., 4 c.
- *
- Budapest régiségei. A Budapesti Történeti Múzeum évkönyve. 17. Szerk. Gerevich László. [Antiquités de Budapest. Annales du Musée Historique de Budapest. T. 17. Réd. par László Gerevich. — Древности Будапешта. Ежегодник Будапештского Исторического музея. т. 17. Ред. Ласло-Геревич.] Budapest, 1956, Akadémiai Kiadó. 367 p., 2 t.
- Du contenu: Из содержания сборника: Gerevich László: Buda szerepe a magyarországi gótikus építészetben és az európai stílusáramlatokban. [Le rôle de Buda dans l'architecture gothique en Hongrie et dans les courants de style européens. — Роль города Буда в готической архитектуре Венгрии и в европейских направлениях стиля.]
- Voit Pál—Holl Imre: Hunyadi Mátyás budavári majolikagyártói műhelye. [L'atelier de céramique du roi Matthias au château de Buda. — Мастерская по производству майолики короля Матиаса Хуняди в крепости Буда.]

- Holl Imre : Adatok a középkori magyar fazekasság munkamódszereihez. [Données sur les méthodes de travail de potiers hongrois au moyen-âge. — Данные к приемам работы средневекового венгерского гончарного ремесла.]
- Huszár Lajos : A budai várpalota ásátásainak éremleletei. [Les trouvailles de monnaies provenant des fouilles du château de Buda. — Монетные находки при раскопках крепостного дворца Буда.]
- G. Magyar Mária : A budai vár fegyverleletei. [Les trouvailles d'armes provenant des fouilles du château de Buda. — Оружейные находки в крепости Буда.]
- Gerő Győző : Adatok a budai vár török kori építészetéhez. A Fehérvári rondella építéstörténete. [Données relatives à l'architecture du château de Buda pendant l'époque turque. L'histoire de la construction de la rondelle de Fehérvár. — Данные к истории строительства крепости Буда во время турецкого господства. История строительства Фехерварской ронделлы.]
- Pataky Dénesné : A pest-budai fémművesség emlékei Csongrád megye egyházaiban. [Souvenirs de l'orfèvrerie de Pest-Buda dans les églises du comitat de Csongrád. — Памятники металлообрабатывающего искусства города Пешт-Буда в церквях комитата Чонград.]
- Zakariás G. Sándor : Adatok a budavári kutak történetéhez. [Contribution à l'histoire des puits du château de Buda. — Данные к истории колодезев в крепости Буда.]
- Németh Endre : Budapest régészeti irodalma. [La littérature archéologique de Budapest. — Археологическая литература города Будапешт.]
- Cennerné Wilhelm Gizella : Hunyadi János a magyar képzőművészetben. [János Hunyadi dans les arts plastiques hongrois. — Янош Хуняди в венгерском изобразительном искусстве.] Szabad Művészet. 1956. vol. 10. fasc. 8. p. 351—358.
- A Debreceni Kossuth Lajos Tudományegyetem Könyvtárának évkönyve 1955. [Annales de la Bibliothèque de l'Université Kossuth Lajos de Debrecen. 1955. — Ежегодник библиотеки Дебреценского университета им. Лайоша Кошута за г. 1955.] Debrecen 1956. Sösz. 414 p. Du contenu : Из содержания сборника : Módos László : A magyarországi tájbibliográfiák ügye. (A tájbibliográfiai ankét tanulmányai.) [Le problème des bibliographies des contrées de la Hongrie (Enseignements d'une conférence). — Дело краеведческих библиографий в Венгрии. (Уроки анкеты по краеведческим библиографиям).]
- Ember Ernő : A debreceni időszaki sajtó 1867—1900. I. [La presse périodique de Debrecen 1867—1900. I. — Периодическая печать города Дебрецен в 1867—1900 гг. Часть I.]
- Bertók Lajos : Debreceni könyvkiadványok példányszámai, ára, kelendősége Tóth Ferenc provizorsága idején (1817—1832). [Nombre d'exemplaires, prix et écoulement des livres publiés à Debrecen à l'époque du proviseur Ferenc Tóth (1817—1832). — Тираж, цена и сбыт книжных изданий в городе Дебрецен во время провизора Ференца Тот (1817—1832 гг.).]
- *
- Debreceni Pál : A szocialista realista történelmi regényről. [Sur le roman historique socialiste-réaliste. — О социалистически-реалистическом историческом романе.] FK. 1956. vol. 2. fasc. 3. p. 239—249.
- Dercsényi Dezső—Pogány Frigyes : Pécs. Munkatárs : Szentkirályi Zoltán. [Pécs. Collaborateur : Zoltán Szentkirályi. — Город Печ. Сотрудник : Золтан Сенткирალი.] Budapest, 1956. Műszaki Kiadó. 263 p., 1 c. (Városképek, műemlékek.)
- *
- Az Egri Pedagógiai Főiskola évkönyve. 2. (Szerk. Bakos József.) [Annales de l'École Supérieure de Pédagogie d'Eger. 2. (Réd. par József Bakos). — Ежегодник Педагогического института в городе Эгер (Ред. Йозеф Бакос).] — Eger, 1956. 648 p., 25 t. (Acta Academiae Pedagogicae Agriensis 2.)
- Du contenu : Из содержания сборника : Bakos József : Nyelv és iskola. (Fejezetek a magyar nyelvtanítás történetéből. 1849—1900.) [Langue et école. (Chapitres de l'histoire de l'enseignement de la grammaire hongroise. 1849—1900). — Язык и школа. (Главы из истории преподавания венгерской грамматики в 1849—1900 гг.)]
- Darvas Andor : A Horthy-korszak fizika tanításának világnézeti vonatkozásai. [Conception du monde se reflétant dans l'enseignement de la physique à l'époque de Horthy. — Мировоззрение и преподавание физики во время режима Хорти.]
- Hahn István : A történelmi szeminárium a főiskolán. [Le séminaire d'histoire à l'école supérieure. — Исторический семинар в педагогическом институте.]
- Bakos József : Adatok a magyar tanítási nyelv fejlődéstörténetéhez 1527—1790. [Contribution au développement de la langue d'enseignement hongroise 1527—1790. — Данные к истории развития венгерского языка преподавания в 1527—1790 гг.]

- Bihari József: Fejezetek az egri szerbek és görögök történetéből. [Chapitres de l'histoire des Serbes et des Grecs de Eger. — Из истории сербов и греков в городе Эгер.]
- Szántó Imre: Zöld Marci. (Betyárvilág Heves és Külső-Szolnok megyében a 19. század első évtizedeiben.) [Zöld Marci. (Banditisme dans les comitats de Heves et Külső-Szolnok dans les premières décades du 19ème siècle). — Марци Зельд. (Хозяиничание разбойников в комитатах Хевеш и Солнок—Внешний в первые десятилетия XIX в.)]
- Szántó Imre: Adalékok a magyarországi mezőgazdaság fejlődéséhez a napóleoni háborúk korában. [Contribution à l'histoire du développement de l'agriculture hongroise à l'époque des guerres napoléoniennes. — Данные к развитию сельского хозяйства Венгрии во время наполеоновских войн.]
- Hahn István: Egy városi felkelés a kései császárkor idején. [Une insurrection urbaine à l'époque de l'Empire Romain. — Городское восстание во время поздней римской империи.]
- *
- Emlékkönyv Pais Dezső hetvenedik születésnapjára. (Nyelvészeti tanulmányok.) Írták tisztelői, barátai és tanítványai. Szerk. Bárczi Géza, Benkő Loránd. [Homages à Dezső Pais à l'occasion de son 70e anniversaire de ses admirateurs, amis et disciples. (Etudes linguistiques). Réd. par Géza Bárczi, Loránd Benkő. — Сборник в честь 70-летия Деже Пайш. (Лингвистические исследования.) Написали поклонники, друзья и ученики. Ред. Геца Барци, Лоранд Бенке.] Budapest, 1956. Akadémiai Kiadó, 711 p., 5 t., 2 c.
- Du contenu: Из содержания сборника: Hajdu Péter: A szamojéd nyelvhasználat Magyarországon. [Recherches comparatives concernant le samoyède en Hongrie. — Сравнительное языковедение ненцев в Венгрии.]
- A. Kövesi Magda: A Debreceni Grammatika és Kazinczy vádjai. [La «Debreceni Grammatica» et les accusations de Kazinczy. — «Дебреценская грамматика» и обвинения Казинци.]
- Rubinyi Mózes: Verseggy Ferenc. [Ferenc Verseggy. — Ференц Вершеги.]
- Szabó T. Attila: Az erdélyi magyar oklevél-szótár műhely-kérdései. [Problèmes d'atelier du dictionnaire de diplômés hongrois de Transylvanie. — Вопросы подготовки словаря венгерских грамот в Трансильвании.]
- Czeglédy Károly: A magyar népnév legrégebb előfordulásai a forrásokban. [Les mentions du nom de peuple magyar dans les sources
- les plus anciennes. — Самые древние появления этнического названия венгерского народа в источниках.]
- Györffy György: A tihanyi alapítólevél földrajzi névazonosításaihoz. [Contribution à l'identification des noms géographiques de la charte de fondation de Tihany. — К вопросу об отождествлении географических имен учредительной грамоты аббатства Тихань.]
- Karácsony Sándor Zsigmond: Személyneveink 1600-tól 1700-ig. [Noms de personne hongrois entre 1600 et 1700. — Наши личные имена с 1600 по 1700 г.]
- Imre Samu: A „Szabács viadala” eredeztetésének kérdéséhez. [De la question de l'origine du poème épique «Prise de Szabács». — К вопросу о происхождении песни «Взятие Сабача.»]
- Király Péter: Az esztergomi „ómagyar” nyelvemlék. [Le monument linguistique d'«ancien hongrois» de Esztergom. — «Древневенгерский» языковой памятник в Эстергоме.]
- *
- Az Eötvös Lóránd Tudományegyetem évkönyve, 1955. Fel. szerk. Tamás Lajos. [Annales de l'Université Eötvös Loránd. 1955. Gérant: Lajos Tamás. — Ежегодник Университета им. Лоранд Эвеш. Ответств. ред. Лайош Тамаш.] Budapest, 1956. Tankönyvkiadó. 570 p.
- Du contenu: Из содержания сборника: Pirnát Antal: Kolozsvár Dávid Ferenc évtizedeiben. [Kolozsvár à l'époque de Ferenc Dávid. — Город Коложвар (Клуж) в десятилетия Ференца Давид.]
- Tőkei Ferenc: A rabszolgatartás patriarchális formái a Csou-kori Kinában. [Les formes patriarcales de l'esclavage dans la Chine à l'époque Tch'ouou. — Патриархальные формы рабовладения в Китае при династии Чжоу.]
- Eckhardt Sándor: Apponyi Rudolf igazi naplója. [Le vrai journal de Rudolf Apponyi. — Подлинный дневник Рудольфа Аппони.]
- Lóránt Endre: A jakobinusok irodalom- és kulturális politikája. [La politique littéraire et culturelle des Jacobins. — Литературная и культурная политика якобинцев.]
- G. Fazekas Erzsébet: A népi demokratikus forradalom előfeltételei érlelődésének néhány kérdése Magyarországon a felszabadulás előtt. [Quelques problèmes du mûrissement des conditions préliminaires de la révolution populaire démocratique en Hongrie avant la libération. — Некоторые вопросы созревания предпосылок народно-демократической революции в Венгрии перед освобождением.]
- Galántai József: A szovjet hadsereg segítsége a magyar népnek a felszabadulás idején.

- [L'aide prêtée par l'armée soviétique au peuple hongrois lors de la libération. — Помощь Советской Армии венгерскому народу во время освобождения.]
- Kerékgyártó Elemér: Az értelmiség szerepének néhány problémája a szocializmusért folyó harcban. [Quelques problèmes du rôle des intellectuels dans la lutte pour le socialisme. — Некоторые проблемы роли интеллигенции в борьбе за социализм.]
- A magyar középkorral foglalkozó marxista történeti irodalom a felszabadulás után. (Írták: a középkori magyar történeti tanszék munkatársai.) [La littérature historique marxiste relative au moyen-âge hongrois après la libération. (Par les collaborateurs de l'Institut d'histoire médiévale hongroise.) — Марксистская историческая литература по истории Венгрии в средние века — после освобождения. (Составили сотрудники кафедры по истории Венгрии в средние века.)]
- Siklós András: A Tanácsköztársaság történetével foglalkozó marxista irodalom. [La littérature marxiste traitant de l'histoire de la République des Conseils. — Марксистская литература по истории Венгерской Советской республики.]
- Borzák István: Óorkutatásunk helyzete. [Situation des recherches sur l'antiquité en Hongrie. — Положение исследований по древней истории в Венгрии.]
- *
- Az Esterházy-család hercegi ágának levéltára. Összeáll. Bakács István. [Les archives de la branche ducale de la Famille Esterházy. Publ. sous la dir. de István Bakács. — Архив княжеской ветви семьи Эстерхази. Сост. Иштван Бакач.] Budapest, 1956. Levéltárak Orsz. Közp. Soks. 276 p. (Levéltári leltárak 2.)
- Esze Tamás: A kuruc szabadságharc ábrázolása irodalmunkban. [La guerre de l'indépendance des kurouts dans notre littérature. — Изображение освободительной войны куруцев в нашей литературе.] — Csillag. 1956. vol. 10. fasc. 8. p. 345—355.
- Fogarasi Béla: A Szovjetunió Kommunista Pártjának XX. kongresszusa és az ideológiai tudományok néhány kérdése. Donáth Ferenc, Pach Zsigmond Pál stb. hozzájárulásával. [Le XXe congrès du Parti Communiste de l'URSS et quelques problèmes des sciences idéologiques. Avec interventions de Ferenc Donáth, Pál Zsigmond Pach etc. — XX. съезд КПСС и некоторые вопросы идеологических наук. С выступлениями Ференца Донат, Пала Жигмонда Пах и т. д.] MTATT. 1956. vol. 8. fasc. 1. p. 35—68.
- Földes Éva: Fejezetek a magyar testnevelés történetéből. I. Testnevelési főiskolai tankönyv. [Chapitres de l'histoire de la culture physique hongroise. I. Manuel d'enseignement de l'École Supérieure de Culture Physique. — Из истории венгерской физкультуры. I. Учебник для Института физкультуры.] Budapest, 1956. Sport Kiadó. 266 p.
- Granasztói Pál: A magyar városépítézet sajátosságai. [Particularités de l'urbanisme en Hongrie. — Особенности венгерского градостроительства.] Településtudományi Közlemények. 1956. fasc. 8. p. 28—40., 3c.
- Kiss Artur: A néptömegek és a személyiségek történelmi szerepéről. [Sur le rôle historique des masses et des personnalités. — Об исторической роли народных масс и личностей.] Budapest, 1956. Szikra. 127 p.
- Korompay György: Veszprém. [Veszprém. — Город Веспрем.] Budapest, 1956. Műszaki Kiadó. 254 p., 1 c. (Városképek — műemlékek.)
- *
- Körös népe. Történelmi és néprajzi antológia. I. Kiad. a Munkácsy Mihály Múzeum. [Peuple du Körös. Anthologie historique et ethnographique. I. Publié par le Musée Mihály Munkácsy. — Народ Кереша. Историческая и этнографическая антология. Издание Музея им. Михалы Мункачи.] Békéscsaba, 1956. Városi Tanács. 204 p., 7 t.
- Du contenu: Из содержания сборника: Banner János: Békéscsaba területének története a legrégebb időktől a magyar honfoglalásig. [L'histoire du territoire de Békéscsaba des temps les plus anciens jusqu'à la conquête hongroise. — История территории города Бекешчаба с древнейших времен по населению венгров.]
- Révész László: A Békés megyei jobbágyiség rétegződése a 18—19. században. [La stratification des serfs du comitat Békés aux 18e et 19e siècles. — Расслоение крепостного крестьянства комитата Бекеш в XVIII—XIX вв.]
- Oláh Andor: A Békés vármegyében pusztító ragadós nyavalyák története. [L'histoire des épidémies sévissant dans le comitat Békés. — История эпидемий, опустошивших комитат Бекеш.]
- Maday Pál: A Békés megyei jakobinusok pere. [Le procès des Jacobins du comitat Békés. — Следственное дело якобинцев комитата Бекеш.]
- Mengyán György: Achim L. András és az agrárszocialista mozgalom. [András L. Achim et le mouvement socialiste-agraire. — Андраш Л. Ахим и аграрно-социалистическое движение.]

- Békés megyei jakobinusok periratai. Közli: Maday Pál. [Documents du procès des Jacobins du comitat de Békés. Publ. par Pál Maday. — Материалы следственного дела якобинцев комитата Бекеш. Сообщ. Пал Мадан.]
- *
- Kumorovitz L. Bernát: A magyar zászló és nemzeti színeink múltja. [Le drapeau hongrois et l'histoire de nos couleurs nationales. I—II. — Прошлое венгерского флага и наших национальных цветов.] I—II. НК. 1954. vol. 1. fasc. 3—4. 1956. vol. 3. fasc. 3.
- Laboda Zsigmond—Major Jenő: Egy Duna menti falu településtudományi vizsgálata (Uszód). [Étude du peuplement d'un village au bord du Danube (Uszód). — Научное исследование поселения деревни при Дунае (Усод.).] Településtudományi Közlemények. 1956. fasc. 8. p. 55—74., 3 c., 2 t.
- A magyar balett történetéből. Bev. és szerk. Vályi Rózsi. [De l'histoire du ballet hongrois. Préf. et réd. par Rózsi Vályi. — Из истории венгерского балета. Введ. и ред. Рожи Вальи.] Budapest, 1956. Művelt Nép. 320 p., 22 t.
- Magyar Nemzeti Múzeum Történeti Múzeumának évkönyve. Folia archaeologica. (Series nova) 8. Szerk. Mihalik Sándor. [Annales du Musée Historique du Musée National Hongrois. Folia archaeologica. 8. Réd. Sándor Mihalik. — Ежегодник Исторического музея Венгерского национального музея. Ред. Шандор Михалик.] Budapest, 1956. Művelt Nép. 214 p., 24 t.
- *
- Magyar—orosz történelmi kapcsolatok. Szerk. Kovács Endre. Bev. Hanák Péter. [Rapports historiques hungaro—russes. Réd. Endre Kovács. Introduction par Péter Hanák. — Венгерско—русские связи. Ред. Эндре Ковач. Введ. Петер Ханак.] Kiad. a Magyar Tudományos Akadémia Történet-tudományi Intézete. Budapest. 1956. Művelt Nép. XV, 456 p., 2 c.
- Du contenu: Содержание тома:
- Perényi József: A magyarok és a keleti szlávok kapcsolatai a honfoglalás előtt. [Les rapports des Hongrois et des Slaves de l'Est avant la conquête hongroise. — Связи венгров и восточных славян перед занятием родины.]
- Wittmann Tibor: Bethlen Gábor és az 1628/29. évi erdélyi—orosz szövetségeterv keletkezése. [Gábor Bethlen et la genèse du projet de l'alliance transylvano-russe en 1628/29. — Габриель Бетлен и возникновение плана трансильванско-русского союза в 1628—29 г.]
- Perényi József: II. Rákóczi Ferenc és I. Péter diplomáciai kapcsolatainak kezdetei. [Les débuts des relations diplomatiques entre Ferenc Rákóczi II. et Pierre I. — Начало дипломатических связей Ференца II Ракоци и Петра I]
- Darvas István: Kutuzov és hadai Magyarországon 1805/6 telén. [Koutouзов et ses armées en Hongrie en hiver 1805/6. — Кутузов и его войска в Венгрии зимой 1805/6 гг.]
- Averbuch, R. A.: A magyar nép 1848—1849. évi függetlenségi harca és az orosz társadalom haladó erői. [La guerre de l'indépendance de 1848—1849 du peuple hongrois et les forces progressistes de la société russe. — Освободительная борьба венгерского народа 1848—1849 гг. и прогрессивные силы русского общества.]
- Niederhauser Emil: Magyar utazók Oroszországban a XIX. században. [Voyageurs hongrois en Russie au XIXe siècle. — Венгерские путешественники в России в XIX в.]
- Kovács Endre: Puskin és a magyar társadalom. [Pouchkine et la société hongroise. — Пушкин и венгерское общество.]
- Dolmányos István: Haladó magyar—orosz művelődési kapcsolatok a századforduló idején. [Relations culturelles progressistes hungaro—russes au tournant du siècle. — Прогрессивные венгерско-русские культурные связи в конце XIX—начале XX вв.]
- Hanák Péter: Az 1905. évi orosz forradalom magyarországi hatásának néhány kérdése. [Quelques problèmes des répercussions de la révolution russe de 1905 en Hongrie. — Некоторые вопросы влияния русской революции 1905 г. в Венгрии.]
- Milei György: A magyar hadifoglyok kommunista szervezeteinek kialakulása és tevékenysége Szovjet-Oroszországban 1917—1918. [Formation et activité des organisations communistes des prisonniers de guerre hongrois en Russie Soviétique 1917—1918. — Образование и деятельность коммунистических организаций венгерских военнопленных в Советской России в 1917—1918 гг.]
- Lengyel Béla: Majakovszkij Magyarországon a felszabadulás előtt. [Majakovski en Hongrie avant la libération. — Маяковский в Венгрии перед освобождением.]
- Mayer Mária: Adatok a magyar—szovjet kapcsolatokhoz a magyarországi partizánharcokban, a második világháború idején. [Contribution à l'histoire des relations hungaro—soviétiques dans les guerres de partisans en Hongrie, à l'époque de la deuxième guerre mondiale. — Данные к венгерско-советским связям в партизанских боях в Венгрии во время второй мировой войны.]
- *

- Magyarország műemléki topográfiája. 2. köt. Győr-Sopron megye műemlékei. Szerk. Dercsényi Dezső. 1. r. Sopron és környéke műemlékei. Írták Csatai Endre, Dercsényi Dezső stb. Bev. Fülep Lajos. 2. jav. és bőv. kiad. [Topographie des monuments d'art de la Hongrie. Vol. 2. Monuments d'art du comitat Győr-Sopron. Réd. Dezső Dercsényi. 1. Monuments d'art de Sopron et ses environs. Par Endre Csatai, Dezső Dercsényi etc. Préface par Lajos Fülep. 2e éd. aug. — Топография художественных памятников Венгрии. Том 2. Художественные памятники в комитате Дьер—Шопрон. Ред. Деже Дерчени. Часть 1. Художественные памятники города Шопрон и его окрестностей. Написали Эндре Чаткаи, Деже Дерчени и т. д. Введ. Лайош Фюлеп. 2. исправл. и расшир. изд.] Budapest, 1956. Akadémiai Kiadó. 672 p., 9 t.
- Mód Aladár: Marxizmus és hazafiság. [Marxisme et patriotisme. — Марксизм и патриотизм.] Budapest, 1956. Művelt Nép. 313 p.
- Nemes Dezső: A néptömegek történelmi szerepe és a személyi kultusz kérdése. [Le rôle historiques des masses et le problème du culte personnel. — Историческая роль народных масс и вопрос культа личности.] Száz. 1956. vol. 90. fasc. 3. p. 441—451.
- *
- Néprajzi értesítő. Nemzeti Múzeum, Néprajzi Múzeum évkönyve. 37. Főszerk. Balassa Iván. [Bulletin Ethnographique. Annales du Musée Nationale et du Musée Ethnographique. 37. Réd. en chef: Iván Balassa. — Этнографический бюллетень. Ежегодник Этнографического музея Национального музея. 37. Главный ред. Иван Балаша.] Budapest, 1955 (1956). Művelt Nép. 316 p.
- Du contenu: Из содержания сборника: Belényesy Mária: Szőlő- és gyümölcstermesztésünk a XIV. században. [La culture de vigne et de fruit en Hongrie au XIVe siècle. — Разведение винограда и фруктов в Венгрии в XIV в.]
- Morvay Péter: Történeti néprajzi adatok a kiskunhalasi levéltárból. [Données historiques et ethnographiques des archives de Kiskunhalas. — Данные по исторической этнографии из архива города Кишкунхалаш.]
- *
- Országos Levéltár. 10. Dávid Zoltán—Iványi Emma—Komjáthy Miklós: Gyűjtemények. [Archives Nationales. 10. — Коллекции.] — Budapest, 1956. Levéltárak Orsz. Központja. Soks. 249 p. (Levéltári alapleltárak 1/10.)
- *
- A Ráday Gyűjtemény évkönyve. 1955. [Annales de la Collection Ráday. — Ежегодник коллекции им. Радаи. 1955.] Budapest, 1956. Soks. 161 p.
- Du contenu: Из содержания сборника: Benda Kálmán: Alvinczi Péter kassai prédikátor történeti feljegyzései. 1598—1622. [Chroniques historiques de Péter Alvinczi, prédicateur de Kassa 1598—1622. — Исторические записки проповедника города Кашша Петера Алвинци.]
- Segesváry Viktor: Egy magánkönyvtár a XVIII. században. (Ráday Pál és Ráday Gedeon a magyar kultúra szolgálatában.) [Une bibliothèque privée au XVIIIe siècle. (Pál Ráday et Gedeon Ráday au service de la culture hongroise.) — Частная библиотека в XVIII в. (Пал Радаи и Гедеон Радаи на службе венгерской культуры.)]
- Zsindely Endre: Ráday Gedeon élete és munkássága. [Vie et oeuvre de Gedeon Ráday. — Жизнь и деятельность Гедеона Радаи.]
- Huszár Lajos: Az éremgyűjtő Ráday Gedeon. [Gedeon Ráday collectionneur de médailles. Гедеон Радаи — коллекционер медалей.]
- Csáji Pál: Csider Szabó Pál lelki éneke. [Le Chant spirituel de Pál Csider Szabó. — Духовная песнь Пала Чидер Сабо.]
- Mályuszné Császár Edit: A Rádayak és hazai színjátszásunk. [Les Rádays et l'art dramatique hongrois. — Пал и Гедеон Радаи и театральное искусство в Венгрии.]
- Német Balázs: Munkácsi Albert, Ormányság forradalmi lelkésze 1848/49-ben. [Albert Munkácsi, le pasteur révolutionnaire du Ormányság en 1848/49. — Алберт Мункачи, священник-революционер края Орманьшаг в 1848/49 гг.]
- Benda Kálmán: A Dunamelléki Ref. Egyházkerület Ráday Levéltára. [Les Archives Ráday du District Ecclésiastique Réformé du Dunamellék. — Архив им. Радаи Придунайского кальвинистского церковного округа.]
- *
- Székely György: Az Eötvös Loránd Tudományegyetem haladó hagyományából. [Des traditions progressistes de l'Université Eötvös Loránd. — Из прогрессивных традиций Университета им. Лоранда Эвеш.] Felsőoktatási Szemle. 1956. vol. 5. fasc. 7—8. p. 378—385.
- Takács Lajos: A historiások alkotásmódja. [Les méthodes de la création chez les jongleurs. — Творческие приемы венгерских народных певцов.] ET. 1956. vol. 67. fasc. 3. p. 225—240.
- *

- Tanulmányok Budapest múltjából. 11. Szerk. a „Budapest története” szerkesztőbizottsága. [Études de l'histoire de Budapest. 11. Réd. par le comité de rédaction de «L'Histoire de Budapest». — Исследования по истории Будапешта 11. Ред. редакционный комитет «Истории Будапешта.»] Budapest, 1956. Akadémiai Kiadó. 450 p., 18 t., 1. ann., 7 c. (Budapest város-történeti monográfiái 17.)
Du contenu : Содержание сборника :
Szilágyi János : „Barbár” betörések és belső harcok Aquincum terében. [Inursions «barbares» et luttes intérieures aux environs d'Aquincum. — Вторжения «варваров» и внутренние бои в области Аквинкума.]
Weidinger György—Horler Ferenc : A budai vár 1687. és 1696. évi helyszínrajzai. [Les plans du château de Buda en 1687 et 1696. — Топографические планы крепости Буда из 1687 и 1696 гг.]
Nagy István : Buda adóterhei a töröktől való visszafoglalástól a Rákóczi-szabadságharcig. [Les charges fiscales de Buda à partir de sa reconquête des Turcs jusqu'à la guerre de l'indépendance de Rákóczi. — Буда под бременем налогов с ее освобождения от турецкого игла до освободительной борьбы Ракоци.]
Tóth Andrásné Polónyi Nóra : A mérnöki szervezet kialakulásának előzményei Budán és Pesten. [Les antécédents du développement de l'organisation des ingénieurs à Buda et Pest. — Предистория образования организации инженеров в Буда и Пеште.]
Nagy Lajos : A Terézváros kialakulása. [Le développement du quartier Terézváros. — Развитие района Терезварош.]
Kosáry Domokos : Pest-Buda és a Kereskedelmi Bizottság 1791-ben. [Pest-Buda et le Comité Commercial en 1791. — Пешт-Буда и Торговой комитет в 1791 г.]
Mályuszné Császár Edit : Kelemen László színháza. [Le théâtre de László Kelemen. — Театр Ласло Келемена.]
Gyömrei Sándor : Az első pesti kereskedelmi részvénytársaság : A Magyar Kereskedelmi
- Társaság. [La première société anonyme de commerce de Pest : la Société de Commerce Hongroise. — Первое коммерческое акционерное общество в Пеште : Венгерское коммерческое общество.]
Tóth András : A pesti egyetemi könyvtár a modern fejlődés útján. [La bibliothèque universitaire de Pest sur la voie du développement moderne. — Пештская университетская библиотека по пути современного развития.]
Kubinyi András : Adatok Újpest 1848 előtti történetéhez. [Contribution à l'histoire de Újpest avant 1848. — Данные к истории района Уйпешта до 1848 г.]
Ybl Ervin : A budai várpalota helyreállításának XIX. század derekán. [La reconstruction du château de Buda au milieu du XIXe siècle. — Восстановление дворца в Буда в середине XIX в.]
Soós Gyula : A budapesti Petőfi-szobor felállításának körülményei. [Les circonstances de l'érection de la statue de Petőfi à Budapest. — Обстоятельства сооружения статуи Петьефи в Будапеште.]
Vadász Sándor : A fővárosi vasasok századvégi szakszervezeti mozgalmának történetéhez (1890—1899). [Contribution à l'histoire du mouvement syndical des métallos de la capitale à la fin du siècle (1890—1899). — К истории профсоюзного движения металлистов Будапешта в конце прошлого века (1890—1899).]
Gadanez Béla : Az 1904-es országos vasutas-sztrájk Budapesten. [La grève nationale des cheminots en 1904 à Budapest. — Общая забастовка железнодорожников в Будапеште в 1904 г.]
Mayer Mária : Budapest felszabadítása. [La libération de Budapest. — Освобождение Будапешта.]
- *
- Tevan Andor : A könyv évezredes útja. Közrem. és bev. Keleti Arthur. [L'histoire millénaire du Livre. Avec la collaboration et une préface de Arthur Keleti. — Тысячелетний путь книги. При помощи и с предисловием Артура Келети.] Budapest, 1956. Művelt Nép. 358 p., 12 t.

3. La préhistoire hongroise. La Hongrie à l'époque romaine et pendant la migration des peuples. L'histoire de la Hongrie jusqu'à 1526 — Предыстория венгров. Венгрия во время римской империи и переселения народов. История Венгрии по 1526 г.

- Archäologische Funde in Ungarn. Hrsg. von Edit B. Thomas. — [Археологические находки в Венгрии. Изд. Эдит Б. Томас.] Budapest, 1956. Corvina. 425 p.
Balázs J(ános) : Contributions à l'étude des vestiges linguistiques relatifs à la religion primitive des Hongrois. [К исследованию языковых следов относительно первоначальной религии венгров.] Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1956. tom. 6. fasc. 1—3. p. 145—172.
Balogh J(olán) : La capella Bakócz di Esztergom. [Капелла имени Бакоц в городе Эстергом.] Acta Historiae Artium. 1956. tom. 3. fasc. 1—4. p. 1—198.
Balogh Jolán : Mátyás király ismeretlen

- miniatura-arcsképe. [Un portrait en miniature inconnu du roi Mathias Corvin. — Неизвестный миниатюрный портрет короля Матяса.] МűÉ. 1956. vol. 5. fasc. 2—3. p. 132—134.
- Banner János: Die Pécelér Kultur. Unter Mitwirkung von József Korek. [Пецельская культура. При содействии Йожефа Корек.] Budapest, 1956. Verlag der Ung. Akad. 314 p., 124 t., 1 c. (Archaeologia Hungarica. Dissertationes Archaeologicae Musei Nationalis Hungarici. Ser. nova 35.)
- Belényesi M(árta): Angaben über der Verbreitung der Zwei- und Dreifelderwirtschaft im mittelalterlichen Ungarn. — [Данные относительно распространения двух- и трехполья в средневековой Венгрии.] AEt. 1956. tom. 5. fasc. 1—2. p. 183—188.
- Bóna I(stván): Der Fund von Kálóz. — [Находка в селе Калоз.] AAr. 1955. (1956). tom. 6. fasc. 1—4. p. 71—77., 2 t.
- Bónis György: István király. [Le roi Etienne. — Король Иштван.] Budapest, 1956. Művelt Nép. 171 p., 8 t. (Magyar Történelmi Társulat 6.)
- Csallány Dezső: Archäologische Denkmäler der Awarenzeit in Mitteleuropa. Schrifttum und Fundorte. [Археологические памятники аварской эпохи в Средней Европе. Литература и местонахождения.] Budapest, 1956. Akadémiai Kiadó. 244 p., 1 c.
- Csemegi József: A budavári főtemplom középkori építéstörténete. [L'histoire de l'architecture médiévale de la cathédrale de Buda. — История средневекового строительства собора крепости Буда.] Budapest, 1955 (1956). Képzőműv. Alap. 182 p., 46 t. (Magyar műemlékek.)
- Dąbrowski, Jan: A krakkói és a magyar reneszánsz kapcsolatai. [Les liens entre la renaissance de Cracovie et la renaissance hongroise. — Связи краковского искусства с венгерским во время Возрождения.] МűÉ. 1956. vol. 5. fasc. 1. p. 31—36.
- Elekes Lajos: Mátyás és kora. [Le roi Matthias et son époque. — Король Матиас и его время.] Budapest, 1956. Művelt Nép. 188 p. (Magyar Történelmi Társulat — M. Tud. Akadémia Történettudományi Intézete 5.)
- Falvy Zoltán: A Gráci antifonárium. (Magyar zenetörténeti emlék a XII. századból.) [L'antiphonaire de Graz. (Monument de l'histoire de la musique hongroise du XIIe siècle.) — Антифонарий из города Грац. (Памятник истории венгерской музыки из XII в.)] (Budapest, 1956. Akadémiai Kiadó.) p. 17—49., 11 t. (Klny. a Zenetudományi Tanulmányok c. mű 4. kötetéből.) [Tirage à part du t. 4. des Zenetudományi Tanulmányok. — Отдельный оттиск
- из IV тома «Исследования по истории музыки.»]
- Fehér Géza: A Dunántúl lakossága a honfoglalás korában. [La population de Transdanubie à l'époque de la conquête hongroise. — Население Задунавья в период занятия родины.] AÉ. 1956. vol. 83. fasc. 1. p. 25—38.
- Fitz Jenő: A középkori Szent Márton-templom Székesfehérvárott. [L'église de Saint Martin du moyen âge à Székesfehérvár. — Средневековая церковь св. Мартина в городе Секешфехервар.] МűÉ. 1956. vol. 5. fasc. 1. p. 26—30.
- Fitz Jenő: Útjavítások Aquincum és Mursa között. [Réparations de routes entre Aquincum et Mursa. — Ремонты дорог между городами Аквинкум и Мурса.] AÉ. 1956. vol. 83. fasc. 2. p. 197—206.
- Hadrovics László: Szláv jövevényszavaink kérdéséhez. (Hozzászólás Kniezsa István „A magyar nyelv szláv jövevényszavai” című könyvéhez.) [Contribution à la question de nos mots d'emprunt slaves. (Réflexions sur le livre «Les mots d'emprunt slaves de la langue hongroise» de István Kniezsa). — К вопросу наших заимствованных славянских слов. (Высказывание по книге Иштвана Книежа «Заимствованные славянские слова венгерского языка.»)] MTANyI 1956. vol. 10. fasc. 1—2. p. 133—168.
- Házi Jenő: A városi kancellária kialakulása Sopronban. [Le développement de la chancellerie municipale à Sopron. — Образование городской канцелярии в Шопроне.] SSz. 1956. vol. 10. fasc. 3. p. 202—215.
- Horváth János—Imre Samu: Szabács viadala hitelességének kérdéséhez. [Sur le problème de l'authenticité du poème épique «Prise de Szabács». — К вопросу о подлинности песни о взятии Сабача.] Budapest, 1956. Akadémiai Kiadó. 20 p. (A Magyar Nyelvtudományi Társaság kiadványai 92.)
- Horváth János, ifj.: Legrégibb magyarországi latin verses emlékeink. [Les plus anciens monuments latins en vers de Hongrie. — Древнейшие латинские памятники Венгрии в стихах.] ITK. 1956. vol. 60. fasc. 1. p. 1—19.
- Horváth Tibor Antal—Huszár Lajos: Kamaragrófok a középkorban. [Comtes de la Chambre au moyen âge. — Камерграфы в средние века.] NK. 1955—56. vol. 54—55. p. 21—33.
- Jakó Zsigmond: A laikus írásbeliség kezdetei a középkori Erdélyben. (Szempontok a latin paleográfia műveléséhez a Román Népköztársaságban.) [Les débuts de l'usage de l'écriture laïque dans la Transylvanie médiévale. (Points de vue aux études paléographiques latines dans la République

- Populaire de Roumanie.) — Начало лаической письменности в средневековой Трансильвании. [Точки зрения к культивированию латинской палеографии в Румынкой Народной Республике.] LH. 1956. vol. 6. fasc. 2—3. p. 14—27.
- Kaposvári Gyula—Szabó Viktor: A bánhalmi avar sírleletek. [Les trouvailles des tombes Avars de Bánhalom. — Аварские могилы при с. Банхалом.] Jászkunság. 1956. no. 6. p. 166—174, 235—242., 3 t.
- Kerényi András: Magyarországi szarmata pénzék. [Monnaies sarmates de Hongrie. — Сарматские монеты в Венгрии.] NK. 1955—56. vol. 54—55. p. 14—20., 1 t.
- Kniezsa St.: Slawische Bestandteile der ungarischen staatlichen und juridischen Terminologie. [Славянские составные части венгерской государственной и юридической терминологии.] SSL. 1954. tom. 1. fasc. 4. p. 363—370.
- Komjáthy Miklós: A tihanyi apátság alapítólevelének problémái. [Les problèmes de la charte de fondation de l'abbaye de Tihany. — Проблемы учредительной грамоты Тиханьского аббатства.] LK. 1955 (1956). vol. 26. p. 27—47., 3 t.
- Korompay Bertalan: A jokulátorkérdés az Igor-ének és más orosz párhuzamok megvilágításában. [La question des joculateurs à la lumière du chant d'Igor et d'autres parallèles russes. I—II. — Вопрос о йокуляторах в свете Слова о полку Игореве и других русских параллелей. I—II.] FK. 1955. vol. 1. fasc. 3. 1956. vol. 2. fasc. 1—2.
- Kovrig I(lona): Contribution au problème de l'occupation de la Hongrie par les Avars. [К вопросу об оккупации аvaraми территории Венгрии.] AAr. 1956. tom. 6. fasc. 1—4. p. 163—192.
- Lázár Jenő: A magyarországi korai vaskor történetének kérdései. [Les problèmes de l'histoire de l'ancien âge du fer en Hongrie. — Вопросы истории раннего железного века в Венгрии.] AT. 1956. vol. 3. fasc. 1—3. p. 1—22.
- Major Jenő: A XIII. század végi Sopron topográfiájának néhány kérdése. [Quelques problèmes de la topographie de Sopron à la fin du XIIIe siècle. — Некоторые вопросы топографии города Шопрон в конце XIII в.] SSz. 1956. vol. 10. fasc. 2. p. 122—140.
- Mályusz Elemér: Zsigmondkori oklevéltár. 2. (1400—1410.) 1. r. (1400—1406.) Összeállítás. — [Collection de chartes de l'époque de Sigismond. 2. (1400—1410). 1e partie (1400—1406). Coll. par —. — Собрание грамот эпохи короля Сигизмунда. Том 2. (1400—1410). Часть I. (1400—1406) Сост. —]. Budapest, 1956. Akadémiai Kiadó. XXV, 658 p. (Magyar Országos Levéltár kiadványai 2. Forráskiadványok 3.)
- Marjalaki Kiss Lajos: Gondolatok a magyar nép eredetéről. [Réflexions sur l'origine du peuple hongrois. — Мысли о происхождении венгерского народа.] Borsodi Szemle. 1956. vol. 1. no. 1—2. p. 68—80, 81—103.
- Melich János: Szibinyáni Jank. [Jank Szibinyáni. — Янк Сибиняни.] MNY. 1956. vol. 52. fasc. 2. p. 129—138.
- Mészáros István: A magyar statisztika középkori nyomai és emlékei. [Traces et vestiges de la statistique hongroise au moyen âge. — Средневековые следы и памятники венгерской статистики.] StSz. 1956. vol. 34. fasc. 7—8. p. 682—697.
- Mezey László: A „Báthory-biblia” körül. — A mű és szerzője. [Autour de la «bible Báthory». — L'oeuvre et son auteur. — К вопросу около «библии Батори». — Произведение и его автор.] MTANyI. 1956. vol. 8. fasc. 1—2. p. 191—221.
- Mollay Károly: Az „Ödenburg” név keletkezéséhez. [De l'origine du nom d'Ödenburg. — К возникновению названия „Ödenburg”.] SSz. 1955. vol. 9. fasc. 3—4. p. 69—79.
- Mollay Károly: Sopron a középkor végén. [Sopron à la fin du moyen âge. Город Шопрон в конце средних веков.] Sz. 1956. vol. 10. fasc. 1. p. 31—42.
- Moór E(lemér): Die Ausbildung des ungarischen Volkes im Lichte der Laut- und Wortgeschichte. — [Формирование древнего венгерского народа в свете истории звуков и слов.] Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1956. tom. 6. fasc. 1—3. p. 279—341.
- Nemeskéri J(ános): La population de Csákvár dans l'époque romaine tardive. [Население с. Чакавар в позднее время римской империи.] Crania Hungarica. 1956. tom. 1. no. 1. p. 3—12.
- Nemeskéri János—Deák Márta: A Mohácscelei XIV—XV. századi temető népeségének embertani elemzése. [L'analyse anthropologique de la population du cimetière des XIVe—XVe siècles de Mohácscele. — Антропологический анализ могильника XIV—XV вв. в Мохач—Челе.] AE. 1956. vol. 83. fasc. 1. p. 52—65.
- Sági Károly: Adatok a pannóniai civitasok területének és etnikumának kérdéséhez. [Données sur les problèmes du territoire et l'ethnie des civitas de Pannonie. — Данные к вопросу о территории и этническом составе римских городов в Паннонии.] SSz. 1955. vol. 9. fasc. 3—4. p. 43—54.
- Simonyi D(ezső): Die Kontinuitätsfrage und das Erscheinen der Slawen in Pannonien. [Вопрос о непрерывности и появлении славян в Паннонии.] SSI. 1956. tom. 1. fasc. 4. p. 333—361.

- Sós Á(gnes), Cs.: Le deuxième cimetière avare d'Üllő. [Могилиньки II аварской эпохи в Юлле.] AAg. 1956. tom. 6. fasc. 1—4. p. 193—230., 13 t.
- Székely György: A huszitizmus és a magyar nép. [Le Hussitisme et le peuple hongrois. — Гуситизм и венгерский народ.] Száz. 1956. vol. 90. fasc. 3. p. 331—367.
- Szilágyi János: Aquincum. — [Aquincum. — Аквинкум.] Budapest, 1956. Akadémiai Kiadó. 136 p., 44 t., 3 c.
- Szöke Béla: IX. századi sírok Sopronkőhidán. [Tombes du IXe siècle à Sopronkőhida. — Могилы IX в. при с. Шопронкехида.] SSz. 1955. vol. 9. fasc. 3—4. p. 55—68.
- Thomas E(dit), B.: Die römerzeitliche Villa von Tács-Fövénypuszta. [Римская вилла в Тац—Февеньпуста.] AAg. 1956. tom. 6. fasc. 1—4. p. 79—152., 18 t.

4. Histoire de la Hongrie 1527—1790 — История Венгрии в 1527—1790 гг.

- Adatok a kuruc hadsereg belső életéről. Közli Gottreich László. [Données sur la vie quotidienne de l'armée des Kouroutz. Publ. par László Gottreich. — Данные о внутренней жизни армии куруцев. Сообщ. Ласло Готтрейх.] НК. 1955. vol. 2. fasc. 3—4. p. 421—431.
- Albert Zsuzsanna: Elemzések a Rákóczi-szabadságharc politikai költészetéről. [Reminiscences de la poésie politique de la guerre d'indépendance de Rákóczi. — Воспоминания о политической поэзии времени освободительных войн Ракоци.] ИТК. 1956. vol. 9. fasc. 3. p. 270—288.
- Apáczai Csere János válogatott pedagógiai művei. Összeáll., bev. és jegyz. ell. Orosz Lajos. [Apáczai Csere János: Oeuvres choisies de pédagogie. Textes recueillis, annotés et présentés par Lajos Orosz. — Избранные педагогические произведения Яноша Апацаи Черс. Сост., введ. и прим. Лайош Орос.] Budapest, 1956. Tankönyvkiadó. 217 p. (Neveléstörténeti könyvtár.)
- Badái Ede: Az első rézmetsző műhely Magyarországon. [Le premier atelier de graveur au burin en Hongrie. — Первая мастерская резчики по меди в Венгрии.] MűÉ. 1956. vol. 5. fasc. 2—3. p. 134—136.
- Balázs É(va), H.: Die Lage der Bauernschaft und die Bauernbewegungen (1780—1787). (Zur Bauernpolitik des aufgeklärten Absolutismus.) [La situation de la paysannerie et les mouvements paysans. (1780—1787). (Contribution à la politique de l'absolutisme éclairé à l'égard des paysans.) — Положение крестьянства и крестьянские движения (1780—1787.) (К крестьянской политике просвещенного абсолютизма.)] АН. 1956. tom. 3. fasc. 3. p. 293—327.
- Balázs Péter: A levéltárakban őrzött időszakos orvosi jelentések a XVIII. század végéről. [Les rapports médicaux périodiques de la fin du XVIIIe siècle conservés dans les archives. — Периодические медицинские отчеты от конца XVIII в., сохраненные в архивах.] ОТКК. 1956. fasc. 3. p. 106—132.
- Bán Imre: Szepsi Csombor Márton Párizsban [Márton Szepsi Csombor à Paris. — Мартон Сепши Чомбор в Париже.] ИТК. 1956. vol. 9. fasc. 3. p. 263—269.
- Bárczi Géza: A magyar személynevek XVI. századi történetéhez. [Contribution à l'histoire des noms de personne hongrois au XVIe siècle. — К истории венгерских личных имен в XVI в.] МНУ. 1956. vol. 52. fasc. 2. p. 144—157.
- Berndorfer, Alfred: Die medizinischen Briefe des ungarischen Humanisten Andreas Dudith (1533—1589). [Медицинские письма венгерского гуманиста Андраша Дудит (1533—1589.)] ОТКК. 1956. fasc. 2. p. 46—71.
- Bessenyei György kiadatlan filozófiai műve. Közli: Bruckner János. [Ouvrage philosophique inédit de György Bessenyei. Publié par János Bruckner. — Неизданное философское произведение Дьердя Бессенеи. Сообщ. Янош Брукнер.] ФЭ. 1955. fasc. 1. p. 96—115., 1956. fasc. 2. p. 142—162.
- Bogdán István: Papírkészítő mesterek és legények a XVIII. században. [Maitres et aides fabricants de papier au XVIIIe siècle. — Мастера и подмастерья, изготавливающие бумаги в XVIII в.] Papír- és Nyomdatechnika. 1956. vol. 8. no. 6. p. 189—196.
- Bruckner János: A jozefinista kultúrpolitika és az Egyetemi Könyvtár (1780—1784). [La politique culturelle du josphinisme et la Bibliothèque Universitaire (1780—1784). — Йосефинистская культурная политика и Библиотека Университета (1780—1784.)] МК. 1956. vol. 72. fasc. 2. p. 112—137.
- Cseh-Szombathy László: I. Rákóczi György 1644-es hadjárata. [La campagne de 1644 de György Rákóczi I. — Поход Дьердя I. Ракоци в 1644 г.] НК. 1956. vol. 3. fasc. 1. p. 43—76.
- Décsy Gyula: Egy XVII. századi szlovák orvosi kézirat. Nyelvemlékmongráfia. — Eine slowakische medizinische Handschrift aus dem XVII. Jahrhundert. Monographische Bearbeitung eines Sprachdenkmals. [Словацкая медицинская рукопись XVII

- в. Монографическое исследование памятника языка.] Budapest, 1956. Akadémiai Kiadó. 303 p., 8 t. (Magyarországi szláv nyelvemlékek. — Slawische Sprachdenkmäler aus Ungarn 2.)
- A Dunántúl felszabadítása 1705-ben. [La libération de la Transdanubie en 1705. — Освобождение Трансданубии в 1705 г.] НК. 1955. vol. 2. fasc. 3—4. p. 331—332.
- Eckhardt Sándor: Balassi Bálint érsekújvári kalandja. [L'aventure de Bálint Balassi à Érsekújvár. — Похождение Балинта Балашши в Эршекуйваре.] IT. 1955. fasc. 4. p. 445—455.
- Eckhardt Ferenc: A bécsi udvar jobbágypolitikája 1761—1790-ig. [Politique de la cour de Vienne à l'égard des serfs entre 1761 et 1790. — Политика венского двора в вопросе о крепостничестве в 1761—1790 гг.] Száz. 1956. vol. 90. fasc. 1—2. p. 69—125.
- Fitz Jenő: „Székesfejérvár veszéséről való história.” Wathay Ferenc énekeskönyvéről. [«Chronique de la chute de Székesfejérvár.» Sur le livre de chant de Ferenc Wathay. — «История про погибель Секешфегервара». О песеннике Ференца Вагаи.] Fehérvár, 1956. no. 4. p. 403—416.
- Fodor Ferenc: Magyarország vízrajzi térképezése II. József korában. [L'établissement de la carte hydrographique de la Hongrie à l'époque de Joseph II. — Гидрографическая картография во время Иосифа II.] Vízügyi Közlemények. 1955. no. 3—4. p. 379—396.
- Gottreich László: A bihari nép 1703—1704-ben. [Le peuple du comitat de Bihar en 1703—1704. — Борьба бихарского народа в 1703—1704 гг.] НК. 1955. vol. 2. fasc. 3—4. p. 91—133.
- Györffy Lajos: Adatok az Alföld középkori településtörténetéhez. (Az 1571-es szolnoki török defter fordítása.) [Contribution à l'histoire des agglomérations médiévales sur la Grande Plaine. (Traduction du defter turc de Szolnok de l'année 1571.) — Данные к истории средневекового населения Большой низменности. (Перевод турецкого дефтера 1571 г. от Солнока.)] Szolnok, 1956. 63 p., 1 c. (Jászkunsági füzetek 4.)
- Hadnagy Albert: Tanulmányok Tolna megye parasztságának XVIII. századi történetéből. [Études de l'histoire de la paysannerie du comitat de Tolna au XVIIIe siècle. — Исследования по истории крестьянства комитата Толна в XVIII в.] Sárköz. 1956. no. 2. p. 31—38.
- Heksch Ágnes, S.: Kazinczy és II. József művelődéspolitikája. [Kazinczy et la politique culturelle de Joseph II. — Казинци и культурная политика Иосифа II.] PSz. 1956. vol. 6. fasc. 1—2. p. 74—108.
- Horváth Tibor Antal: Pénztörténeti források a XVII. század második feléből. [Données de source de l'histoire monétaire de la deuxième moitié du XVIIe siècle. — Данные источников об истории денег из второй половины XVII в.] NK. 1955—56. vol. 54—55. p. 40—45.
- Ila Bálint: Magánkancelláriai ügyintézés és magánlevéltári rendszer a XVII. század első felében. [L'administration des chancelleries privées et les systèmes des archives particulières à la première moitié du XVIIe siècle. — Делопроизводство в канцеляриях частных лиц и система частных архивов в первой половине XVII в.] LK. 1955. vol. 26. p. 123—147.
- Jánosy István: Az „Erdély aranykora” forrásainak problémáihoz. [Sur les problèmes des sources historiques du roman de Mór Jókai «L'Age d'or de la Transylvanie». — К проблематике исторических источников романа Мора Йокан «Золотой век Трансильвании».] IT. 1956. fasc. 3. p. 336—345.
- Komor Ilona: Tanulmányok a XVII. századi magyar—német kulturális érintkezések köréből. I. Martin Opitz gyulafehérvári tanársága. [Études sur les contacts culturels hungaro-allemands au XVIIe siècle. I. Le professeur de Martin Opitz à Gyulafehérvár. — К вопросу о венгерско-германских культурных связях в XVII в. I. Мартин Опитц профессор в городе Дьюлафехервар.] FK. 1955. vol. 1. fasc. 4. p. 534—544.
- Köpeczi Béla: Hogyan látta Rákóczi 1705 elején a szabadságharc helyzetét. [Comment Rákóczi jugea la guerre d'indépendance au début de 1705. — Как видел Ракоци в начале 1705 г. положение освободительной войны.] Száz. 1956. vol. 90. fasc. 1—2. p. 211—221.
- Kumorovitz L. Bernát: II. Ulászló levélváltása Firenzével a Mátyás halála után ottrekedt Corvinák ügyében. [La correspondance de Ulászló II. avec Florence après la mort du roi Matthias au sujet des livres de la bibliothèque de Matthias Corvin. — Обмен письмами Владислава II. с Флоренцией в деле книг из библиотеки Матиаса, оставленных там после смерти Матиаса.] MK. 1956. vol. 72. fasc. 4. p. 294—296.
- Kuruc vitézek folyamodványai 1703—1710. Összeáll., bev. és jegyz. ell. Esze Tamás. [Pétitions des soldats kouroutz. 1703—1710. Textes présentés et annotés par Tamás Esze. — Прошения куруцких воинов из 1703—1710 гг. Сост., введ. и прим. Тамаш Эсе.] Budapest, 1955. (1956.), Hadtört. Int. 627 p.
- Major Ervin: Mozart és Magyarország. Beszámoló a Mozart-kutatásokról. —

- Mozart und Ungarn. [Mozart et la Hongrie. Comptes rendus des recherches hongroises sur Mozart. — Моцарт и Венгрия. Отчет о венгерских исследованиях касающихся Моцарта.] Budapest, 1956. 45 p., 10 t., 1 ann.
- Makkai László: A kuruc nemzeti összefogás előzményei. (Népi felkelések Felső-Magyarországon 1630—1632-ben.) [Les antécédents du ralliement national kouroutz (Soulèvements populaires dans la Hongrie du Nord en 1630—32). — События, предшествовавшие сплочению национальных сил куруццев. (Народные восстание в Верхней Венгрии в 1630—1632 г.)] Kiad. a Magy. Tud. Akadémia Történettudományi Intézete. Budapest, 1956. Akadémiai Kiadó. 344 p., 1 c.
- Maksay Ferenc: Parasztság és zsoldosszolgálat a XVI. századi Magyarországon. [Paysannerie et service mercenaire dans la Hongrie du XVIe siècle. — Крестьянство и служба наемников в Венгрии XVIII в.] НК. 1956. vol. 3. fasc. 1. p. 26—42.
- Maksay Ferenc: A Thököly-szabadságharc levéltára. [Les archives de la guerre de libération de Thököly. — Архив освободительной войны Текели.] ЛК. 1955. vol. 26. p. 65—79.
- Manga János: A török háborúk emlékei a magyarországi szlovák népdalokban. [Les souvenirs des guerres turques dans les chansons des Slovaques de Hongrie. — Памятники турецких войн в словацких народных песнях Венгрии.] ЕТ. 1956. vol. 67. fasc. 3. p. 241—261.
- Markó Árpád: Le Maire francia kuruc hadmérnök brigadéros szemlejelentése Szatmár és Ecsed várainak állapotáról 1705 februárjában. [Le rapport de Le Maire brigadier, ingénieur du génie français dans l'armée des Kouroutz, concernant l'état des châteaux de Szatmár et de Ecsed en février 1705. — Отчет французского куруцкого военного инженера бригадира Ле Мер об инспекции состояния крепостей Сатмар и Эчед с февраля 1705 г.] НК. 1955. vol. 2. fasc. 3—4. p. 432—451.
- Martinovics Ignác: Filozófiai írások. (Ford. Kolozsvári Grandpierre Emil. Bev., jegyz. ell. Mátrai László.) [Écrits philosophiques (Trad. par Emil Kolozsvári Grandpierre. Préf. et annot. de László Mátrai.) — Философские сочинения. (Перевод Эмиля Коложвари Грандпьер, введ. прим. Ласло Матрай.)] Budapest, 1956. Magvető. 168 p., 2 t.
- Mojzer Miklós: Adatok Mayerhoffer András működéséhez. [Contributions à l'activité artistique d'András Mayerhoffer. — Данные к деятельности Андраша Майерхоффер.] МűЕ. 1956. vol. 5. fasc. 2—3. p. 136—145.
- Nagy László: A Bocskai-szabadságharc 1605. évi hadjárata. [La campagne de l'année 1605 de la guerre d'indépendance de Bocskai. — Кампания 1605 г. освободительной войны Бочкай.] НК. 1955. vol. 2. fasc. 3—4. p. 24—91.
- Oláh Andor: Népi orvoslás, orvostörténet, orvostudomány. (A népi orvoslás kutatásának orvostörténeti jelentősége.) [Médecation populaire, histoire médicale, science médicale. (L'importance des recherches de médication populaire au point de vue de l'histoire médicale.) — Народное лечение, история медицины, медицинская наука. (Значение исследования народного лечения для истории медицины.)] ОТКК. 1956. no. 3. p. 84—105.
- Rózsa György: Régi várképek. [Anciennes vues de châteaux. — Старые изображения крепостей.] Budapest, 1955 (1956), Magyar Nemzeti Múzeum Történeti Múzeuma. Soksz. 14 p., 22 t.
- Szabó István: A hajduság kialakulása. [Formation des Hatdouks. — Образование хайдуков.] Alföld, 1956. vol. 7. no. 3. p. 50—57.
- Sziklay László: A szlovák históriás énekek problémájához. [Contribution au problème des chroniques rimées slovaques. — К проблеме словацких исторических песен.] FK. 1956. vol. 2. fasc. 1—2. p. 113—124.
- Tarnai Andor: Fischer Dániel és az első hazai folyóirat terve. [Dániel Fischer et le projet du premier périodique hongrois. — Даниел Фишер и план первого отечественного журнала.] МК. 1956. vol. 72. fasc. 1. p. 32—49.
- Trócsányi Zsolt: Erdély kormányzata II. Rákóczi Ferenc korában. [Le gouvernement de la Transylvanie à l'époque de François II. Rákóczi. — Правительство Трансильвании во время Ференца Ракоци II.] ЛК. 1955. vol. 26. p. 148—187.
- Wellmann Imre: A parasztság helyzete az 1767. évi úrbérrendezés előtt. [La situation de la paysannerie avant la réglementation des redevances serviles en 1767. — Положение крестьянства перед урегулированием крепостных повинностей в 1767 г.] Budapest, 1955. (1956) Akadémiai Kiadó. 39 p. (A történettudomány kérdései 23.)
- Wittmann Tibor: Az Europica varietas. [La «Europica varietas». — Эуропика варьетас.] ИТК. 1956. vol. 60. fasc. 1. p. 20—34.

5. Histoire de la Hongrie 1791—1849 — История Венгрии в 1791—1849 гг.

- Barta István: A kormány parasztpolitikája 1849-ben. [La politique paysanne du gouvernement en 1849. — Крестьянская политика правительства в 1849 году.] Száz. 1955. vol. 89. fasc. 6. p. 849—881., 1956. vol. 90. fasc. 1—2. p. 4—68.
- Borcsik Salamon: Nagykállótól Komáromig. (Egy 48-as szabócsi honvéd naplója.) Kiad. és bev. Soltész István. [De Nagykálló jusqu'à Komárom. (Journal d'un garde-national de 1848.) Présenté et introduit par István Soltész. — От Надьялло до Комарома. (Дневник хонведа 1848 г. от комитата Саболч.) Изд. и введ. Иштван Шолтес.] Nyiregyháza, 1956. 25 p.
- Borus József: 1849 hadtörténeti irodalmának néhány kérdése. [Quelques problèmes de la littérature d'histoire militaire de 1849. — Некоторые вопросы военно-исторической литературы 1849 г.] НК. 1955. vol. 2. fasc. 3—4. p. 167—203.
- Both Ödön: Az 1848. évi sajtótörvény létrejötte. (A sajtószabadság problémája Magyarországon a reformkorban.) [La constitution de la loi de presse de l'année 1848. (Le problème de la liberté de la presse en Hongrie à l'époque des réformes.) — Создание закона о печати 1848 г. (Проблема свободы печати в Венгрии в «Эпоху реформ.»)] Szeged, 1956. 64 p. (Acta Universitatis Szegediensis. Sectio politico-juridica. Tom. 1. fasc. 4.)
- Dezsényi Béla: Tábori nyomdák a szabadságharcban. [Imprimeries de camp dans la guerre d'indépendance. — Полевые типографии во время освободительной войны.] A Könyvtáros, 1956. vol. 6. no 3. p. 201—203.
- Dokumentumok a tisztántúli honvédtoborzás történetéhez. 1848. május 21—június 14. Közli Urbán Aladár. [Documents relatifs au recrutement de gardes-nationaux dans la région transtibiscine. 21er mai—14e juin 1848. — Документы к истории вербовки хонведов в Затисье. 21-ое мая — 14-ое июня 1848 г. Сообщ. Аладар Урбан.] НК. 1955. vol. 2. fasc. 3—4. p. 452—471.
- Faragó József: Székely történeti énekek Ipszilánti felkeléséről. [Chroniques rimées sicules de l'insurrection de Ypsilanti. — Секлерская историческая песня о восстании Ипсиланти.] ET. 1956. vol. 67. fasc. 3. p. 274—279.
- Fenyő István: Az Aurora. Egy irodalmi zsebkönyv életrajza. [Aurora. Biographie d'un almanach littéraire. — Аврора. Биография литературного альманаха.] Budapest, 1955. (1956), Akadémiai Kiadó. 154 p. (Irodalomtörténeti füzetek 4.)
- Gáldi László: A magyar vers a szabadságharc korában. [Le vers hongrois à l'époque de la guerre d'indépendance (1848—49). — Венгерское стихосложение во время национально-освободительной борьбы 1848—49 г.] IT. 1956. fasc. 2. p. 148—189.
- Hatvany Lajos: Így élt Petőfi. [Ainsi vécut Petőfi. — Таким образом жил Петефи.] 3. Budapest, 1956. Akadémiai Kiadó. 532 p., 8 t.
- Horárik János harca a hierarchia és az egyház ellen az 1841—1845 években. (Johann Horárik's Kampf mit Hierarchie und Kirche in den Jahren 1841—1845.) Ford., bev. és jegyz. ell. Bohó Róbert, Tordai György. [La lutte de Jean Horárik contre l'hierarchie et l'Église dans les années 1841—1845. Trad. avant-propos et annotations par Robert Bohó, György Tordai. — Борьба Яноша Хорарик против клира и церкви в 1841—1845 гг. Перевод, введ. прим. Роберт Бохо, Дьердь Тордаи.] Budapest, 1956. Szikra. 247 p.
- Kostyál István: Festetics György könyvtáros instrukciója. [Instruction bibliothécaire de György Festetics. — Инструкция Дьердя Фештетич для библиотекарей.] МК. 1956. 72. fasc. 4. p. 299—303.
- Márkus Mária, L.: A Lipótváros utcahálózatának kialakulása és fejlődése 1787—1872 között. [Le développement du réseau des rues du quartier Lipótváros entre 1787—1872. — Возникновение и развитие уличной сети округа им. Линот в 1787—1872 гг.] FőK. 1956. vol. 5. fasc. 3. p. 325—342.
- Mérei Gyula: Az 1848—1849. évi magyar kormányok gazdaságpolitikája. [La politique économique des gouvernements hongrois entre 1848—49. — Экономическая политика венгерских правительств в 1848—1849 гг.] KGSz. 1956. vol. 3. fasc. 3. p. 314—329.
- Nagy Zoltán: Vedres István művészi munkássága (1765—1830). [L'activité artistique de István Vedres (1765—1830). — Художественная деятельность Иштвана Ведреса. (1765—1830).] Budapest, 1956. Tankönyvkiad. 95 p., 11 t., 1 c. (Budapesti Műszaki Egyetem Központi Könyvtára. Műszaki Tudománytörténeti kiadványok 6.)
- Révész László: Kecskemét harca a beköltözött nemessel a XVIII—XIX. században. [La lutte de la ville de Kecskemét contre les gentilshommes y établis aux XVIIIe et XIXe siècles. — Борьба Кечкемета против поселившихся в городе дворян в XVIII—XIX вв.] Kecskemét, 1956. 44 p. (Kiskunsági kiskönyvtára 2.)
- Rózsa György: Friedrich Johan und die Schriftsteller der Aufklärung in Ungarn. [Фридрих Йоган и венгерские писатели эпохи просвещения.] Acta Historiae Artium Academiae Scientiarum Hungaricae. 1956. tom. 4. fasc. 1—2. p. 147—159.

- Ruzsás Lajos: A pécsi ipar a feudalizmus végén 1686—1848. [L'industrie de Pécs vers la fin du féodalisme 1686—1848. — Промышленность города Печ в конце феодализма в 1686—1848 гг.] Pécs, 1956. 34 p. (Dunántúli tudományos gyűjtemény 6.)
- Sipos Št.: Zo skúsenosti výskuma slovenských nářečí v Maďarsku. [Les expériences des études concernant les idiomes slovaques en Hongrie. — Из опыта исследования словацких диалектов в Венгрии.] SSl. 1956. tom. 1. fasc. 4. p. 389—408.
- Telepy Katalin: Schimon Ferdinand, Beethoven magyar arcképfestője. [Ferdinand Schimon, le portraitiste hongrois de Beethoven. — Фердинанд Шимон, венгерский портретист Бетховена.] MűÉ. 1956. vol. 5. fasc. 2—3. p. 167—172.
- Tessedik Sámuel válogatott pedagógiai művei. Összeáll., bev. és jegyz. ell. Vincze László. [Oeuvres choisies de pédagogie de Sámuel Tessedik. Présentées et annotées par László Vincze. — Избранные педагогические произведения Шамуэла Тешедик. Сост. введ. и прим. Ласло Винце.] Budapest, 1956. Tankönyvkiadó. 147 p., 2 t. (Neveléstörténeti könyvtár.)
- Tóth Zoltán, I.: A soknemzetiségű állam néhány kérdéséről az 1848 előtti Magyarországon. [De quelques problèmes de l'État multinational en Hongrie d'avant 1848. — О некоторых вопросах многонационального государства в Венгрии до 1848 г.] MTATT. 1956. vol. 7. fasc. 4. p. 259—279.
- Trócsányi Zsolt: Az erdélyi parasztság története. 1790—1849. [L'histoire de la paysannerie de Transylvanie en 1790—1849. — История крестьянства Трансильвании в 1790—1849 гг.] Budapest, 1956. Akadémiai Kiadó. 507 p., 1 t.
- Újházi Lászlóné: Az 1848-as magyar forradalom és szabadságharc a korabeli angol sajtó tükrében. [La révolution et la guerre d'indépendance de 1848 dans la presse anglaise de l'époque. — Венгерская революция и освободительная война 1848 г. в свете современной английской печати.] FK. 1956. vol. 2. fasc. 1—2. p. 139—146.
- Urbán Aladár: Honvédtoborzás a Dunántúlon 1848 nyarán. [Recrutement de gardes nationaux dans la Transdanubie en été 1848. — Вербовка хонведов в Затисском крае летом 1848 г.] HK. 1955. vol. 2. fasc. 3—4. p. 134—166.
- Vasvári Pál válogatott írásai. Szerk. és bev. Fekete Sándor. A nyomtatásban először megjelenő kéziratokat közölte és jegyz. ell. László József. [Oeuvres choisies de Pál Vasvári. Réd. et introd. par Sándor Fekete. Les manuscrits publiés pour la première fois sont présentés et annotés par József László. — Избранные произведения Пала Вашвари. Ред. и введ. Шандор Фекете. Изданные впервые в печати рукописи сообщил и примечания составил Йожеф Ласло.] Kiad. a Magyar Történelmi Társulat. Budapest, 1956. Művelt Nép. 311 p., 2 t.
- Vörös Károly: Az 1826. évi kapuvári parasztmozgalom. [Le mouvement paysan de Kapuvár en 1826. — Крестьянское движение 1826 г. в Капуваре.] SSz. 1955. vol. 9. fasc. 3—4. p. 80—104.

6. Histoire de Hongrie 1849—1917 — История Венгрии в 1849—1917 гг.

- Aranyossi Magda: Frankel Leó állásfoglalása a németországi „kivételes törvény”-nyel szemben. [La prise de position de Leo Frankel vis à vis de la «loi exceptionnelle» d'Allemagne. — Позиция Льва Франкеля в отношении «исключительного закона» в Германии.] MME. 1955. vol. 1. fasc. 5. p. 54—59.
- Balogh J.: The Hungarian traumatic surgery in the first part of the 19th century. — [Венгерская хирургия раненых в первой половине XIX в.] OTKK. 1956. no. 3. p. 67—83.
- Berkovits Ilona: Zichy Mihály barátai köre Párizsban. [Le cercle des amis de Mihály Zichy à Paris. — Семейный круг Михая Зичи в Париже.] MűÉ. 1956. vol. 5. fasc. 1. p. 1—14.
- Bisztray Gyula: Babits fogarasi évei. I. [Les années de Babits à Fogaras. — Годы, проведенные Бабичем в городе Фогараш.] ITK. 1956. vol. 9. fasc. 3. p. 300—310.
- Bodnár Éva: Tornyai János. 1869—1936 [János Tornyai. 1869—1936. — Янош Торняи 1869—1936.] Budapest, 1956. Képzőművészeti Alap. 117 p., 21 t. (Magyar mesterek.)
- Erényi Tibor: A magyar szakszervezeti mozgalom története 1848—1917 között. [L'histoire du mouvement syndical hongrois entre 1848—1917. — История венгерского профсоюзного движения в 1848—1917 гг.] Budapest, 1956. Népszava. 68 p. (A SzOT Főiskola történelem-munkásmozgalom története tanszékének előadásai.)
- Fögléin Antal: Iratpusztítás és levéltár-sonkítás az önkényuralom alatt. [Destructions de documents et mutilations d'archives sous l'ère de l'absolutisme. — Разрушение документов и калечение архивов во время деспотизма.] LK. 1955. vol. 26. p. 48—60.
- Jávorka Éva, B.: Marx és Engels művei a magyarországi német nyelvű munkáslapok-

- ban (1873—1894). [Oeuvres de Marx et Engels dans les journaux ouvriers de langue allemande en Hongrie (1873—1894). — Произведения Маркса и Энгельса в рабочей печати в Венгрии, изданной на германском языке (1873—1894).] PtK. 1956. vol. 2. fasc. 1. p. 144—148.
- József Farkas: „A Tett.” (1915. november 1—1916. szeptember 20.) [Le «Tett» (Fait) (1. nov. 1915—20. sept. 1916.) — Журнал «A Tett». (Действие.) (1-ое ноября 1915 г. — 20-ое сентября 1920 г.)] MMÉ. 1955. vol. 1. fasc. 4. p. 20—36.
- Káldor Márton—Várnai Péter: Goldmark Károly élete és művésze. [Vie et art de Károly Goldmark. — Жизнь и искусство Кароля Голдмарк.] Budapest, 1956. Művelt Nép. 261 p., 5 t.
- Kató István: Az 1918-as novemberi paraszmozgalmak. [Les mouvements paysans en novembre 1918. — Крестьянские движения в ноябре 1918 г.] Száz. 1956. vol. 90. fasc. 3. p. 394—415.
- Kemény G. Gábor: Iratok a nemzetiségi kérdés történetéhez Magyarországon a dualizmus korában. 2. 1892—1900. Összegejt. és jegyz. ell. — —. [Documents relatifs à l'histoire du problème des nationalités en Hongrie à l'époque du dualisme. 2. 1892—1900. Réd. et ann. par Gábor G. Kemény. — Документы к истории национального вопроса в Венгрии во время дуализма. Том. 2. 1892—1900. Сост. и прим. Габор Г. Кемень.] Kiad. a Magyar Tud. Akadémia Történettudományi Intézete. Budapest, 1956. Tankönyvkiadó, 967 p.
- Kertainé Friedrich Klára: Az 1905-ös orosz forradalom hírlapi grafikáinkban. [Les représentations graphiques de la révolution russe de 1905 dans les journaux hongrois. — Русская революция 1905 г. в графике венгерских газет.] MűÉ. 1956. vol. 5. fasc. 1. p. 39—46.
- Kiss Lajos: Vásárhelyi híres vásárok. [Foire Célèbres de Vásárhely. — Общезвестные ярмарки в городе Вашархель.] Szeged, 1956. Tiszatáji Magvető. 115 p., 1 c.
- Komlós Aladár: Irodalmi ellenzéki mozgalmak a XIX. század második felében. [Mouvements d'opposition littéraire dans la deuxième moitié du XIXe siècle. — Движения литературной оппозиции во второй половине XIX в.] Kiad. a Magyar Tud. Akadémia Irodalomtörténeti Intézete. Budapest, 1956. Akadémiai Kiadó. 116 p. (Irodalomtörténeti füzetek 7.)
- Komlós Aladár: Vajda János. [János Vajda. — Янош Вайда.] Kiad. a Magyar Irodalomtörténeti Társaság. Budapest, 1956. Művelt Nép. 215 p., 1 t. (Magyar magyar írók.)
- Korompay Bertalan: Ipolyi és Csengery. [Ipolyi et Csengery. (Discussions avant 100 ans concernant la religion primitive des Hongrois.) — Ипольи и Ченгери. (К годовщине исследования прарелигии венгров.)] ET. 1956. vol. 67. fasc. 3. p. 320—337.
- Kresz Mária: Magyar parasztviselet (1820—1867). [Costumes paysans hongrois. (1820—1867). — Венгерская крестьянская одежда (1820—1867).] Budapest, 1956. Akadémiai Kiadó. 143 p., 1 ann.: 96 t. [Autre édition plus complète du même livre sur 234 p. — Более полное издание того же труда на 234 стр.]
- Mályuszné Császár Edit: Egy színészházaspár élete. Szerdahelyi Kálmán és Prielle Kornélia. [La vie d'un couple d'acteurs. Kálmán Szerdahelyi et Kornélia Prielle. — Жизнь актеров — супругов. Калман Сердахельи и Корнелия Приелл.] Budapest, 1956. Művelt Nép. 301 p., 6 t.
- Mérey Klára: Adatok a dualizmus-kori paraszmozgalmak történetéhez. (Somogy megye 1869.) [Contribution à l'histoire des mouvements paysans de l'époque du dualisme. (Comitat de Somogy 1869.) — Данные к истории крестьянских движений во время дуализма. (Комитат Шомодь в 1869 г.)] Pécs, 1956. Dunántúli Tud. Int. p. 3—28. (Dunántúli tudományos gyűjtemény 8.)
- Mérey Klára: A mezőgazdasági munkásság mozgalmái a Dunántúlon 1905—1907-ben. [Mouvements des ouvriers agricoles en Transdanubie 1905—1907. — Движения сельскохозяйственных рабочих в Трансданубии в 1905—1907 гг.] Kiad. a Magyar Történelmi Társulat. Budapest, 1956. Szikra. 198 p., 1 t., 3 c.
- Morvai Judit Sz.: Asszonyok a nagycsaládban. Mátraalji palócasszonyok élete a múlt század második felében. [Femmes dans la grande famille. Vie des femmes palotz de la Mátra dans la deuxième moitié du siècle passé. — Жены в большой семье. Жизнь половецких жен в окрестностях гор Матра во второй половине прошлого столетия.] Budapest, 1956. Magvető. 258 p. (Magyar könyvtár.)
- Mucsi Ferenc: Az első orosz forradalom és a magyar munkásmozgalom. [La première révolution russe et le mouvement ouvrier hongrois. — Первая русская революция и венгерское рабочее движение.] Kiad. az MDP Központi Vezetősége Párttörténeti Intézete. Budapest, 1956. Szikra. 199 p.
- Nagy József: A Heves megyei munkásmozgalom kezdeti szakasza. (1850—1914.) [La première étape du mouvement ouvrier du comitat de Heves. — Первоначальная стадия рабочего движения в комитате Хевеш. (1850—1914).] Eger, 1956. 61 p. (Heves megyei füzetek 7.)

- Németh Lajos : Hollósy Simon és kora művésze. [Simon Hollósy et l'art de son époque. — Шимон Холлоши и искусство его времени.] Budapest, 1956. Képzőművészeti Alap. 161 p., 37 t.
- Pach Zsigmond Pál—Sándor Pál : A szabadversenyen alapuló kapitalizmus viszonylagos fellendülése és az ipari proletariátus kialakulása a kiegyezés után. [L'essor relatif du capitalisme basé sur la libre concurrence et le développement du prolétariat industriel après le compromis austro-hongrois. — Относительный подъем капитализма, основанного на свободной конкуренции и образовании промышленного пролетариата после соглашения.] (Budapest, 1956), Közgazd. és Jogi Kiadó. 59 p. (Klny. a Marx Károly Közgazdaságtudományi Egyetem 1955. évi évkönyvéből.) [Tirage à part de l'Annuaire de l'Université d'économie politique K. Marx 1955. — Отдельный оттиск из Ежегодника Университета политической экономии им. Карла Маркса за год 1955.]
- Rákos Péter : Adalékok Az ember tragédiája csehországi visszhangjához. [Contributions à l'écho qu'avait eu en Tchécoslovaquie le drame de Eméric Madách «La Tragédie de l'Homme». — К отклику на «Трагедию человека» Имре Мадач в Чехословакии.] IT. 1956. fasc. 3. p. 322—336.
- Sándor V(ilmos) : Die grossindustrielle Entwicklung in Ungarn 1867—1900. [Развитие крупной промышленности в Венгрии в 1867—1900 гг.] AN. 1956. tom. 3. fasc. 3. p. 139—247.
- Sipka Sándor : Gonda József (1877—1913). [József Gonda (1877—1913). — Йозеф Гонда (1877—1913).] Hódmezővásárhely, 1955 (1956), 95 p. (Csongrád megyei füzetek 16.)
- Svéd László : A magyarországi szocialista ifjúságmozgalom (1905—1908). [Le mouvement de la jeunesse ouvrière socialiste en Hongrie (1905—1908). — Социалистическое движение молодых рабочих в Венгрии (1905—1908).] PtK. 1956. vol. 2. fasc. 2. p. 46—67.
- Szabolcsi Bence : Liszt Ferenc estéje. [Le soir de Ferenc Liszt — Последние годы жизни Франца Листа.] Budapest, 1956, Zeneműkiadó. 122 p.
- Szekeress József : Adatok a pécsi bányászok 1905. évi harcáról. [Documents sur la lutte des mineurs de Pécs en 1905. — Данные о борьбе шахтеров города Печ в 1905 г.] Száz. 1955. vol. 89. fasc. 6. p. 897—923.
- Tóth Zoltán, I. : A nemzetiségi kérdés a dualizmus korában (1867—1900). [La question des nationalités à l'époque du dualisme (1867—1900). — Национальный вопрос в период дуализма (1867—1900).] Száz. 1956. vol. 90. fasc. 3. p. 368—393.
- Tanulmányok a kapitalizmus történetéhez Magyarországon 1867—1918. Szerk. Pach Zsigmond Pál, Sándor Pál. [Études sur l'histoire du capitalisme en Hongrie 1867—1918. Réd. par Zsigmond Pál Pach, Pál Sándor. — Исследования по истории капитализма в Венгрии в 1867—1918 гг. Ред. Пал Жигмонд Пах и Пал Шандор.] Kiad. a Marx Károly Közgazdaságtudományi Egyetem. Budapest, 1956. Szikra. 391 p. Du contenu : Содержание сборника :
- Földi Tamás : A magyarországi vasútépítés a külföldi nagytőke profitórrása. 1867—1900. [La construction des chemins de fer en Hongrie comme une source de profit du grand capital étranger. 1867—1900. — Построение железных дорог в Венгрии — источник прибыли иностранного крупного капитала 1867—1900.]
- Berend Iván—Ránki György : A monopolkapitalizmus gazdasági alaptörvénye érvényesülésének néhány kérdése Magyarországon az első világháború előtt 1900—1914. [Quelques problèmes de la mise en valeur de la loi fondamentale économique du capitalisme monopoléur en Hongrie, avant la première guerre mondiale 1900—1914. — Некоторые вопросы действия основного экономического закона монополистического капитализма в Венгрии перед первой мировой войной 1900—1914.]
- Szuhay Miklós : A parasztság felbomlásának egyes kérdései Magyarországon az első világháború előtt. [Quelques aspects de la différenciation de la paysannerie en Hongrie avant la première guerre mondiale. — Некоторые вопросы дифференциации крестьянства в Венгрии перед первой мировой войной.]
- Tokodyné Puskás Julianna : A nemzetgazdaság militarizálásának hatása a parasztság helyzetére Magyarországon az első világháború idején. [L'effet de la militarisation de l'économie nationale sur la situation de la paysannerie en Hongrie à l'époque de la première guerre mondiale. — Влияние милитаризации народного хозяйства на положение крестьянства в Венгрии во время первой мировой войны.]
- Vincze Edit, S. : A Magyarországi Szocialdemokrata Párt megalakulása és tevékenysége a kilencvenes években. [La naissance du parti social-démocrate de Hongrie et ses activités dans les années 1890. — Образование социал-демократической партии Венгрии и ее деятельность в 1890-х год.] Száz. 1956. vol. 90. fasc. 1—2. p. 126—169., 1 t.
- Ybl Ervin : Ybl Miklós. [Miklós Ybl. — Миклош Ибл.] Budapest, 1956. Képzőművészeti Alap. 240 p., 67 t.

7. Histoire de Hongrie 1917—1956 — История Венгрии в 1917—1956 гг.

- Arauyossi M(agma): Влияние Великой Октябрьской социалистической революции и Венгерской Советской республики на женское движение во Венгрии в 1917—1919 гг. [L'influence de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre et de la République Hongroise des Conseils sur le mouvement ouvrier féminin hongrois en 1917—1919.] АН. 1956. том. 3. fasc. 3. p. 249—292.
- Balassa I(ván): Der Maisbau in Ungarn. [Разведение кукурузы в Венгрии]. АЕт. 1956. том. 5. fasc. 1—2. p. 103—181.
- Balázs Béla: A személyes visszaemlékezések felhasználása népi demokráciánk történetének feldolgozásában. [L'utilisation des souvenirs personnels dans l'étude de l'histoire de notre démocratie populaire. — Использование личных воспоминаний при разработке истории венгерской народной демократии.] Száz. 1955. vol. 89. fasc. 6. p. 882—896.
- Balázs József: Magyar katonák az 1918-as csehországi polgári demokratikus forradalomban. [Soldats hongrois dans la révolution démocratique bourgeoise de Bohême en 1918. — Венгерские воины в буржуазно-демократической революции 1918 г. в Чехии.] НК. 1956. vol. 3. fasc. 1. p. 179—181.
- Balázs Tibor: A Pest vármegyei Nemzeti Bizottságok történetéhez (1945 január—október. [Contribution à l'histoire des Comités Nationaux du département de Pest (janvier—octobre 1945). — К истории Национальных комитетов комитата Пешт (январь—октябрь 1945 г.)] ЛК. 1955. vol. 26. p. 236—271.
- Bartók, sa vie et son oeuvre. Publ. sous la direction de Bence Szabolcsi. Collab. de Zoltán Kodály, Bence Szabolcsi etc. Réd. par László Pődör. [Барток, его жизнь и деятельность. Под руководством Бенце Саболчи, при помощи Золтана Кодаль, Бенце Саболчи и т. д. Ред. Ласло Педер.] Budapest, 1956. Corvina, 351 p.
- Berend Iván—Ránki György: Az ipar háborús előkészítése és ennek hatása az ipari ciklus alakulására Magyarországon (1933—1938). [La préparation de l'industrie pour la guerre et son effet sur l'évolution du cycle industriel en Hongrie (1933—1938). — Перевод промышленности на военные рельсы и его влияние на образование промышленного цикла в Венгрии (1933—1938 гг.)] КгСз. 1956. vol. 3. fasc. 1. p. 58—73.
- Csatkai Endre: Sopron egészségügye és népművelése az 1919-es Tanácsköztársaság idején. [Hygiène et culture populaire de la ville de Sopron à l'époque de la République des Conseils en 1919. — Здравоохранение и народное просвещение города Шопрон во время Советской Республики 1919 г.] ССз. 1955. vol. 9. fasc. 3—4. p. 105—113.
- Csémi Károly: A szovjet páncélos és gépesített csapatok szerepe a Magyarországot felszabadító hadműveletekben. [Le rôle des troupes blindées et motorisées dans les opérations militaires ayant pour but la libération de la Hongrie. — Роль советских бронетанковых и механизированных войск в операциях за освобождение Венгрии.] НК. 1955. vol. 2. fasc. 3—4. p. 5—23.
- Csendes Béla: A búzatermelés és felhasználás alakulása hazánkban a felszabadulás előtt és 1950—1955 között. [Le développement de la production et de l'utilisation du froment en Hongrie avant la libération et entre 1950 et 1955. — Производство пшеницы и ее потребление в нашей стране перед освобождением и в 1950—1955 гг.] КгСз. 1956. vol. 3. fasc. 10. p. 1191—1202.
- A debreceni munkásmozgalom története a tanácsköztársaság leveréséig. (Szerk. Varga Zoltán.) [L'histoire du mouvement ouvrier à Debrecen à partir de l'organisation du mouvement ouvrier jusqu'à la défaite de la république des conseils. (Réd. Zoltán Varga.) — История рабочего движения в городе Дебрецен от начала организации рабочего движения до разгрома Советской республики. (Ред. Золтан Варга.)] Debrecen, 1956. Alföldi Magvető. 303 p.
- Derkovics Jenő: A Magyar Vörös Hadsereg gyári munkásezredeinek szervezése. [L'organisation des régiments d'ouvriers de fabrique de l'Armée Rouge Hongroise. — Организация заводских рабочих полков Венгерской Красной Армии.] НК. 1955. vol. 2. fasc. 3—4. p. 213—242.
- Dokumentumok a Magyar Tanácsköztársaság megalakulásáról és nemzetközi visszhangjáról. Összeáll. Scharle Erzsébet. [Documents relatifs à la création de la République Hongroise des Conseils et son écho international. Prés. par Erzsébet Scharle. — Документы о возникновении и международном отклике Венгерской советской республики. Сост. Эржебет Шарле.] ПтК. 1956. vol. 2. fasc. 1. p. 110—121.
- Dömötör Gergely: A Magyar Tanácsköztársaság hadigazdasága. [L'économie de guerre de la République Hongroise des Conseils. — Военная экономика Венгерской советской республики.] НК. 1956. vol. 3. fasc. 1. p. 120—149.
- Eősze László et Kodály Zoltán élete és munkássága. [Vie et oeuvre de Zoltán Kodály. —

- Жизнь и деятельность Золтана Кодая.] Budapest, 1956. Zeneműkiadó. 227 p., 8 t.
- Erőss Emma: A magyar szakszervezeti mozgalom története 1919—1929 között. [Histoire du mouvement syndical hongrois entre 1919 et 1929. — История венгерского профсоюзного движения в 1919—1929 гг.] Budapest, 1955 (1956), Népszava. 34 p. (A SZOT Főiskola történelem-munkásmozgalom története tanszékének előadásai.)
- Az 1929—1933. évi világgazdasági válság hatása Magyarországon. Szerk. Incze Miklós. [L'effet de la crise économique mondiale des années 1929—1933 en Hongrie. Réd. Miklós Incze. — Влияние мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. в Венгрии. Ред. Миклош Инце.] Kiad. A Magyar Tudományos Akadémia Történettudományi Intézete. Budapest, 1955 (1956), Akadémiai Kiadó. VI, 526 p.
- Fjodorov, A. V.: Orosz katonák részvétele a Magyar Tanácsköztársaság védelmében. [La participation des soldats russes à la défense de la République Hongroise des Conseils. — Участие русских солдат в защите Венгерской советской республики.] НК. 1955. vol. 2. fasc. 3—4 p. 204—212.
- Friss Istvánné: A magyar munkásosztály 1933—1935-ben vívott harcáról. [Les luttes de la classe ouvrière hongroise entre 1933—1935. — О борьбе венгерского рабочего класса в 1933—1935 гг.] PtK. 1956. vol. 2. fasc. 1. p. 27—46.
- Gaál Endre: A szegezi munkásság harca a Tanácsköztársaságért 1917—1919. [La lutte des ouvriers de Szeged pour la République Hongroise des Conseils 1917—1919. — Борьба рабочих города Сегед за Советскую республику в 1917—1919 гг.] Kiad. a Szegezi Tudományegyetem Történeti Intézete. Budapest, 1956. Szikra. 231 p.
- Gál Éva, L.: A köztársaság megteremtése Magyarországon (1946). [L'instauration du régime républicain en Hongrie (1946). — Образование республики в Венгрии (1946 г.)] Száz. 1956. vol. 90. fasc. 1—2. p. 170—203.
- A győri Wilhelm Pieck Vagon- és Gépgyár története 1896—1956. Szerk. Kölkedi István. Bev. Mithay Sándor. [Histoire de la Fabrique de Vagons et Machines Wilhelm Pieck à Győr 1896—1956. Réd. par István Kölkedi. Préface de Sándor Mithay. — История Вагоно- и машиностроительного завода им. Вильгельма Пика в городе Дьер в 1896—1956 гг. Ред. Иштван Келкеди. Введ. Шандор Митай.] Győr, 1956. W. Pieck Vagon- és Gépgyár 231 p.
- Harsányi János: Magyarok a belga nép ellenállási harcában a II. világháború idején. [Les Hongrois dans les luttes de la résistance belge pendant la deuxième guerre mondiale. — Венгры в борьбе сопротивления бельгийского народа во время второй мировой войны.] НК. 1956. vol. 3. fasc. 1. p. 182—184.
- Horváth József: A magyar szakszervezeti mozgalom története 1939—1945 között. [Histoire du mouvement syndical hongrois 1939—1945. — История венгерского профсоюзного движения в 1939—1945 гг.] Budapest, 1956. Népszava. 32 p. (A SZOT Főiskola történelem-munkásmozgalom története tanszékének előadásai.)
- Az „Ifjú proletár” az ifjómunkások és tanoncok helyzetéről. 1922—1933. Összeáll. Schuller Gábor. [L'hebdomadaire «Ifjú proletár» (Jeune prolétaire) sur la situation des jeunes ouvriers et apprentis. 1922—1933. Prés. par Gábor Schuller. — Журнал «Ифью пролетар» (Молодой пролетарий) о положении молодых рабочих и ремесленных учеников в 1922—1933 гг. Сост. Габор Шуллер.] MMIÉ. 1956. vol. 1. fasc. 4. p. 135—148.
- Iratok az ellenforradalom történetéhez. 1919—1945. Kiad. a Magyar Országos Levéltár. 1. köt. Az ellenforradalom hatalomrajutása és rémuralma Magyarországon. 1919—1921. Szerk. és bev. Nemes Dezső. 2. kiad. [Documents relatifs à l'histoire de la contre-révolution 1919—1945. Publiés par les Archives Nationales. vol. 1. La prise du pouvoir par la contre-révolution et sa terreur en Hongrie. 1919—1921. Réd. et préf. par Dezső Nemes. 2e ed. — Документы к истории контрреволюции. 1919—1945. Изд. Венгерского Государственного архива. Том I. Захват власти контрреволюцией и ее террор. 1919—1921. Ред. и введ. Деже Немеш. Изд. 2.] Budapest, 1956. Szikra. 476 p., 4 t.
- Iratok az ellenforradalom történetéhez. 1919—1945. Kiad. a Magyar Országos Levéltár. 2. köt. A fasiszta rendszer kiépítése és a népnymor Magyarországon. 1921—1924. Szerk. és bev. Nemes Dezső. A forrásanyagot összeáll. és a szerkesztésben részt vett Karsai Elek. [Documents relatifs à l'histoire de la contre-révolution 1919—1945. Publiés par les Archives Nationales. 2. vol. Organisation du système fasciste et la misère du peuple en Hongrie 1921—1924. Réd. et intr. par Dezső Nemes. Prés. avec la coll. de Elek Karsai. — Документы к истории контрреволюции. 1919—1945. Изд. Венгерского Государственного архива. Том 2. Установление фашистского режима и нищета народа в Венгрии. 1921—1924. Ред. и введ. Деже Немеш. Материал источников составил и в редактировании участвовал Элек Каршай.] Budapest, 1956. Szikra. 653 p.
- Kádár János: A Kommunizták Magyarországi Pártja feloszlátása körülmények és a Béképart munkájának néhány kérdéséről. [Quelques aspects des circonstances de la

- dissolution du Parti Communiste de Hongrie et du travail du Parti de la Paix. — О некоторых вопросах обстоятельств роспуска Партии Коммунистов Венгрии и работы партии мира.] PtK. 1956. vol. 2. fasc. 3. p. 20—26.
- Karsai Elek: Kormánybiztosok hatásköre és tevékenysége az ellenforradalmi rendszer első hónapjaiban. [Compétence et activité des commissaires gouvernementaux au cours des premiers mois du régime contre-révolutionnaire. — О компетенции и деятельности правительственных комиссаров в первые месяцы контрреволюционного режима.] LK. 1955. vol. 26. p. 206—234.
- Kató István: Az 1918. évi magyar demokratikus forradalom előzményeinek és győzelmének néhány kérdése. [Quelques questions des antécédents et de la victoire de la révolution hongroise démocratique de 1918. — Некоторые вопросы предпосылок и победы венгерской демократической революции 1918 г.] PtK. 1956. vol. 2. fasc. 1. p. 1—26.
- Kispéter András: Juhász Gyula. [Gyula Juhász. — Дьюла Юхас.] — Kiad. a Magyar Irodalomtörténeti Társaság, Budapest, 1956. Művelt Nép. 247 p., 1 t. (Nagy magyar írók.)
- Kiss György: A Magyar Kommunista Párt felszabadulás utáni ifjúsági politikájának néhány kérdése. (1944 október—1945 szeptember.) [Quelques problèmes de la politique des jeunes du Parti Communiste Hongrois après la libération (octobre 1944—septembre 1945). — Некоторые вопросы политики Венгерской коммунистической партии в отношении молодежи после освобождения (октябрь 1944 г.—сентябрь 1945 г.)] — PtK. 1956. vol. 2. fasc. 1. p. 47—69.
- Kleinné Nagy Zsuzsa: Baranya megye történetének néhány vonása a Tanácsköztársaság idején. Gábor Sándorné, Hajdu Gyula stb. hozzászólásával. [Quelques aspects de l'histoire du comitat de Baranya à l'époque de la République des Conseils. Avec la contribution de Mme S. Gábor, Gyula Hajdu etc. — Некоторые черты истории комитата Бараня во время Советской республики. С выступлениями Габор Шандорне, Дьюла Хайду и т. д.] Pécs, 1955 (1956). 30 p. (Dunántúli tudományos gyűjtemény 2.)
- Komáromy József: A győzelmes miskolci csata. 1919. május 20—21. [La lutte victorieuse de Miskolc. 20—21 mai 1919. — Победоносная битва при городе Мишкольц 20—21-го мая 1919 г.] Borsodi Szemle, 1956. vol. 1. no. 1. p. 3—18.
- A Kommuniszták Magyarországi Pártja I., újjáalakító kongresszusának határozataiból. Összeáll. Rákosi Sándor—Szabó Ágnes. [Des résolutions du Ier congrès de réorganisation du Parti Communiste de Hongrie. Réd. par Sándor Rákosi—Ágnes Szabó. — Из решений I, возобновительного съезда Коммунистической партии Венгрии. Сост. Шандор Ракоши и Агнеш Сабо.] PtK. 1956. vol. 2. fasc. 2. p. 144—159.
- Koncsek László: A bécsi és Sopron megyei ellenforradalom kapcsolatai 1919-ben. [Relations de la contre-révolution de Vienne et du comitat de Sopron en 1919. — Связи контрреволюции в Вене и в комитате Шопрон в 1919 г.] SSz. 1956. vol. 10. fasc. 2. p. 97—115.
- Kozłowski, J.: Lengyelek részvétele az 1919-es magyar proletárforradalomban. [La participation des Polonais à la révolution proléttaire hongroise en 1919. — Участие поляков в венгерской пролетарской революции 1919 г.] MME. 1955. vol. 1. fasc. 4. p. 60—67.
- Kurta János: Magyarok a spanyol polgárháborúban. Visszaemlékezés. [Hongrois dans la guerre civile espagnole. Souvenirs. — Венгры в испанской гражданской войне. Воспоминания.] PtK. 1956. vol. 2. fasc. 2. p. 162—167.
- Kürti András: Az 1946-os üzemi bizottsági választások előzményei. [Antécédents des élections des comités d'entreprise en 1946. — К вопросу о выборах в фабрично-заводские комитеты 1946 г.] PtK. 1956. vol. 2. fasc. 2. p. 16—45.
- Lackó Miklós: Az 1946-os márciusi győzelem. (A Baloldali Blokk megalakulása.) [La victoire de mars 1946. (Création du cartel électoral de gauche.) — Мартовская победа 1946 г. (Образование Левого блока.)] TÁSz. 1956. vo 11. no. 3. p. 23—45.
- Lyka Károly: Festészetünk a két világháború között (1920—1940). Visszaemlékezés. Sajtó alá rend. és bev. Körner Éva. [La peinture hongroise entre les deux guerres mondiales. (1920—1940.) Souvenirs. Prés. et introd. par Éva Körner. — Наша живопись между двумя мировыми войнами (1920—1940 гг.) Воспоминания. Подгот. к печати и введ. Эва Кернер.] Budapest, 1956. Képzőművészeti Alap. 105 p., 40 t.
- A magyar munkásmozgalom romániai visszhangjának néhány dokumentuma. 1919—1932. Összeáll. Dián Éva, G. [Quelques documents relatifs aux retentissements du mouvement ouvrier hongrois en Roumanie. 1919—1932. Prés. par Éva G. Dián. — Некоторые документы об откликах в Румынии на венгерское рабочее движение в 1919—1932 гг. Сост. Эва Г. Диан.] MME. 1955. vol. 1. fasc. 4. p. 129—134.
- A magyar munkásmozgalom történetének válogatott dokumentumai. 5. köt. A magyar

- munkásmozgalom a Nagy Októberi Szocialista Forradalom győzelmét követő forradalmi fellendülés időszakában... 1917. november 7.—1919. március 21. Összeáll. Gábor Sándorné, Fehér András stb. Szerk. az MDP Központi Vezetősége Párttörténeti Intézete. [Documents choisis de l'histoire du mouvement ouvrier hongrois. T. V. Le mouvement ouvrier hongrois à l'époque de l'essor révolutionnaire qui suivit la victoire de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre. 7. nov. 1917—21 mars 1919. Prés. par Mme S. Gábor, András Fehér etc. — Избранные документы истории венгерского рабочего движения. Том. 5. Венгерское рабочее движение во время революционного подъема после победы Великой Октябрьской социалистической революции 7-ое ноября 1917 г. — 21-ое марта 1919 г. Сост. Габор Шандорне, Андраш Фехер и т. д. Ред. Институт истории партии при ЦК ВПТ.] Budapest, 1956. Szikra. 775 p., 5 t.
- Máté György: Szikrától lobban a láng. (A magyar kommunista sajtó munkásainak harca. [De l'étincelle jaillit la flamme. (Lutte des ouvriers de la presse communiste hongroise. — Из искры восходит пламя. (Борьба работников венгерской коммунистической печати.)] Budapest, 1956. Művelt Nép. 183 p.
- Milei György: A szovjetországi magyar kommunista hadifogolymozgalom eszmei arculatának néhány kérdése (1918). [Quelques problèmes de l'aspect idéologique du mouvement des prisonniers de guerre hongrois-communistes en Russie Soviétique. Некоторые вопросы идеологического облика венгерского коммунистического движения в Советской России (1918 г.)] PtK. 1956. vol. 2. fasc. 3. p. 35—69.
- A munkásosztály helyzete a Horthy-rendszer idején. (Adalékok.) Összeáll. a Marx Károly Közgazdaságtudományi Egyetem munkaközössége Kádár Iván vezetésével. [La situation de la classe ouvrière sous le régime Horthy. (Contributions.) Prés. par le collectif de l'Université d'économie politique K. Marx sous la direction de Iván Kádár. — Положение рабочего класса во время режима Хорти. (Материалы.) Сост. коллектив Университета политической экономии им. Карла Маркса под руководством Ивана Кадар.] Budapest, 1956. Szikra. 334 p.
- Nagy Zsuzsa, L.: Az osztály-erőviszonyok alakulásának néhány kérdése a Dunántúlon a Tanácsköztársaság idején. [Quelques problèmes concernant la formation des rapports des forces de classe en Transdanubie sous la République des Conseils. — К некоторым вопросам формирования соотношений классовых сил в Трансданубии во время Венгерской советской республики.] TIF. 1956. vol. 7. fasc. 1—2. p. 52—78.
- Papp Lajos: A diadalmas sztrájk. (Az építőipari munkások 1935-ös sztrájkja.) [La grève victorieuse. (La grève des ouvriers du bâtiment en 1935.) — Победоносная забастовка. (Стачка строительных рабочих в 1935 г.)] MME. 1955. vol. 1. fasc. 4. p. 1—19.
- Pecze Ferenc: A tanácsok jelentősége és szerepe a Magyar Tanácsköztársaság megteremtésében. [Rôle et importance des conseils dans la création de la République Hongroise des Conseils. — Значение и роль советов в создании Венгерской советской республики.] JK. 1956. vol. 11. fasc. 3. p. 129—138.
- Ráth Károly: Magyarok a spanyol polgárháborúban. [Hongrois dans la guerre civile d'Espagne. — Венгры в испанской гражданской войне.] PtK. 1956. vol. 2. fasc. 3. p. 70—74.
- Remete László: Irodalom-forradalom 1917—1919. Az orosz és magyar forradalmak egykorú irodalmi dokumentumok tükrében. Gyűjt., szerk. és jegyz. ell. — —. Bev. Komját Irén. [Littérature-révolution. 1917—1919. Les révolutions russe et hongroise dans les documents littéraires de l'époque. Recueillis, rédigés et annotés par László Remete. Préface par Irén Komját. — Литература-революция 1917—1919. Русская и венгерская революции в свете современных литературных документов. Сост. ред. и прим. Ласло Ремете. Введ. Ирен Комят.] Budapest, 1956. Magvető. 452 p.
- Részletek a Téziszervezet a magyar politikai és gazdasági helyzetről és a KMP feladatairól (Blum-tézisek) c. dokumentumból. Közli Friss Istvánné—Szabó Ágnes. [Passages du projet de Thèses sur la situation politique et économique hongroise et les devoirs du PCH. (Thèses Blum.) Textes présentés par Mme I. Friss et Ágnes Szabó. — Части из материала «Проект тезисов о политическом и экономическом положении в Венгрии и о задачах Партии Коммунистов Венгрии» (Тезисы Блюма.) Сообщ. Фриш Иштванне—Агнеш Сабо.] PtK. 1956. vol. 2. fasc. 3. p. 75—94.
- Réti László: A Bethlen—Peyer paktum. Kiad. az MDP Központi Vezetősége Párttörténeti Intézete. 2. átd. kiad. [Le pacte Bethlen—Peyer. 2e éd. rév. — Пакт Бетлена — Пайер. 2. Переаб. изд.] Budapest. 1956. Szikra. 95 p.
- Söllner József: A magyar szakszervezeti mozgalom története 1929—1939 között. [Histoire du mouvement syndical hongrois entre 1929 et 1939. — История венгерского профсоюзного движения в 1929—1939 гг.]

- Budapest, 1956. Népszava. 37 p. (A SZOT Főiskola történelem-munkásmozgalom története tanszékének előadásai.)
- Szántó Imre: A dolgozó parasztság helyzete Heves megyében a bethleni konszolidáció és a gazdasági válság éveiben. 1920—1933. [La situation de la paysannerie laborieuse dans le comitat de Heves dans les années de la consolidation de l'époque de Bethlen et la crise économique. 1920—1933. — Положение трудящегося крестьянства комитата Хевеш в годы бетленской консолидации и экономического кризиса 1920—1933.] Eger, 1956. 44 p. (Heves megyei füzetek 6.)
- Takáts Kálmán: Sopron város és megye felszabadulása 1945-ben. [La libération de la ville et du comitat de Sopron en 1945. — Освобождение города и комитата Шопрон в 1945 г.] SSz. 1956. vol. 10. fasc. 1. p. 1—15.
- Vág Sándor: A „La Hongrie Républicaine” és Juhász Gyula. [«La Hongrie Républicaine» et Gyula Juhász. — «La Hongrie Républicaine» и Дюля Юхас.] ИТК. 1956. vol. 9. fasc. 3. p. 356—364.
- Varga Zoltán: Debrecen felszabadulás utáni politikai életének néhány kérdése. [Quelques aspects de la vie politique de Debrecen après la libération. — Некоторые вопросы политической жизни города Дебрецен после освобождения.] Alföld, 1956. vol. 7. no. 1—3., 5.
- Vörös Károly: A polgári kori magyar törvényhatósági közigazgatás. Összeáll. — [L'administration publique municipale de Hongrie de l'époque bourgeoise. Prés. par Károly Vörös. — Венгерская муниципальная администрация в буржуазный период. Сост. Кароль Вереш.] Budapest, 1956. Levéltárak Orsz. Központja. Sokszt. V, 81 p., 1 t.

8. Histoire générale* — Всеобщая история**

- Alföldi M(ária), R.: The consecration coins of the third century. [Консекрационные монеты III века.] AAR. 1956. tom. 6. fasc. 1—4. p. 57—70., 1 t.
- Bónis György: Montesquieu jogi és politikai nézetei. [Vues juridiques et politiques de Montesquieu. — Правовые и политические взгляды Монтескье.] MTATT. 1956. vol. 7. fasc. 3. p. 209—247.
- Erdős Péter: Lenin az I. osztály elsődleges fejlődésének törvényéről. [Lénine sur la loi du développement primaire de la I classe. — Ленино законе преимущественного роста 1-ого подразделения.] Kgsz. 1956. vol. 3. fasc. 4. p. 389—399.
- Fehér Géza: Tanulmányok a népvándorláskori steppei népek viseletéről I. [Études sur les costumes des peuples des steppes de l'époque des migrations. — Исследования по одеянию народов степи периода великого переселения народов.] АЕ. 1956. vol. 83. fasc. 2. p. 152—165., 2 t.
- Fekete Lajos: A Siyâqat írástípus a török pénzügyigazgatásban. [Le type d'écriture Siyâqat dans l'administration des finances de la Turquie. — Тип почерка «Сийакат» в турецкой финансовой администрации.] MTANyI. 1956. vol. 8. fasc. 1—4. p. 1—83.
- Fenyő Béla: Az olasz szakszervezeti mozgalom története a második világháború után. [Histoire du mouvement syndical italien après la deuxième guerre mondiale. — История итальянского профсоюзного движения после второй мировой войны.] Budapest, 1956. Népszava. 104 p. (Nemzetközi szakszervezeti mozgalom.)
- Fodor Gyula: A légiérő fejlődésének hadtörténelmi áttekintése. [Développement des forces aériennes au point de vue de l'histoire militaire. — Военно-исторический обзор развития военновоздушных сил.] НК. 1955. vol. 2. fasc. 3—4. p. 304—329.
- Fogarasi Béla: Lenin és a tudomány. [Lénine et la science. — Ленин и наука.] MTATT. 1956. vol. 7. fasc. 3. p. 181—197.
- Hevesi Gyula: Lenin a szocialista építés műszaki feladatairól. [Lénine sur les tâches techniques de l'édification du socialisme. — Ленин о технических задачах социалистического строительства.] MT. 1956. Új folyam. vol. 1. fasc. 4—6. p. 125—136.
- Kepes Tamás: A francia szakszervezeti mozgalom története a második világháború után. [Histoire du mouvement syndical français après la deuxième guerre mondiale. — История французского профсоюзного движения после второй мировой войны.] Budapest, 1956. Népszava. 100 p. (Nemzetközi szakszervezeti mozgalom.)
- Lutter Tibor: John Milton, az angol polgári forradalom költője. [John Milton, poète de la révolution bourgeoise d'Angleterre. — Джон Мильтон, поэт английской буржуазной революции.] Budapest, 1956. Akadémiai Kiadó. 223 p., 4 t.
- Mátrai László: Montesquieu, a felvilágosodás filozófusa. [Montesquieu, philosophe de l'âge des lumières. — Монтескье, философ

* Ouvrages des auteurs étrangers, traduits en hongrois, ne sont en général pas pris en considération.

** Произведения иностранных авторов, переведенные на венгерский язык, как правило не значены.

- просвещения.] *MTATT.* 1956. vol. 7. fasc. 3. p. 199—208.
- Matuz József: A Vörös Hadsereg és a dolgozó nép. [L'Armée Rouge et le peuple travailleur. — Красная Армия и трудящийся народ.] *HK.* 1955. vol. 2. fasc. 3—4. p. 243—266.
- Mócsy András: A rabszolgatartás alakulása Pannóniában a principátus időszakában. [La conjoncture de l'esclavage en Pannonie dans la période du principat. — Развитие рабовладения в Паннонии в период принципата.] *АЭ.* 1956. vol. 83. fasc. 2. p. 139—151.
- N(ádor) Gy(örgy): Az averroisták, a középkor radikális szabadgondolkodói. Szélszegzetek egy most feltárt Boëtius Dacus-mű margójára. [Les Averroistes, libres penseurs radicaux au moyen âge. Notes marginales à une oeuvre récemment découverte de Boëtius Dacus. — Аверроисты, радикальные вольнодумцы средних веков. Заметки на полях только что объявленного произведения Боециуса Дакуса.] *MTATT.* 1956. vol. 7. fasc. 4. p. 365—372.
- Nádor György: Kepler világnézete és gondolkodó egynisége. A szent örvény és a természettudomány. [La conception du monde de Kepler et sa personnalité de penseur. La folie sacrée et les sciences naturelles. — Мировоззрение и мыслительская личность Кеплера. Святое бешенство и естественные науки.] *FK.* 1956. vol. 2. fasc. 1—2. p. 41—60.
- Nádor György: A kopernikuszi tan és hatása a tudományos gondolkodásra. [La doctrine de Copernicus et son effet sur la pensée scientifique. — Учение Коперника и его влияние на научную мысль.] *MTA Matematikai és Fizikai Tudományok Osztályának Közleményei.* 1956. vol. 6. fasc. 1. p. 93—105.
- A nemzetközi szakszervezeti mozgalom története kialakulásától a második világháborúig. [Histoire du mouvement syndical international de ses débuts jusqu' à la deuxième guerre mondiale. — История международного профсоюзного движения от образования до второй мировой войны.] *Budapest, 1956. Népszava.* 226 p.
- Pigler A(ndor): Barockthemen. Eine Auswahl von Verzeichnissen zur Ikonographie des XVII. und XVIII. Jahrhunderts. [Темы барокко. Выбор списков к иконографии XVII и XVIII вв.] *Bd. 1—2. Budapest, 1956. Ung. Akademie der Wissenschaften.*
- Pólay Elemér: A római végrendelet eredete. [L'origine du testament romain. — Происход римского завещания.] *Szeged, 1956. 47 p. (Acta Universitatis Szegediensis. Acta juridica et politica. Tom. II. 3.)*
- Róna Éva: Piers the Plowman és az 1381-es parasztfordalom c. kandidátusi disszertációjának vitája. (A vitát összefoglalta Mezey László.) [Discussion sur la thèse de candidat de Mme Éva Róna: Piers the Plowman et la révolution paysanne de 1381. (Résumé par László Mezey.) — Обсуждение кандидатской диссертации Эвы Рона «Piers the Plowman и крестьянская революция 1381 г.» (Сост. Ласло Мезен.)] *MTANYI.* 1956. vol. 9. fasc. 3—4. p. 391—401.
- Szádeczky-Kardoss Samu: Iuliobona és Maternus felkelése. [Iuliobona et le soulèvement de Maternus. — Юлиобона и восстание Матернуса.] *АЭ.* 1956. vol. 83. fasc. 1. p. 18—24.
- Szilágyi J(ános): Aquincum. [АКВИНКУМ] *Budapest, 1956. Ung. Akad. der Wissenschaften.* 166 p., 39 t., 1 c.
- Tanulmányok a népi demokráciák történetéből. 1. Szerk. Perényi József. [Études de l'histoire des démocraties populaires. 1. Réd. József Perényi. — Исследования по истории народных демократий. Том I. Ред. Йожеф Перени.] *Kiad. az MTA Történettudományi Intézete. Budapest, 1956 Akadémiai Kiadó.* 336 p.
- Du contenu: Содержание сборника:
- Dimităr Angelov: A török hódítás és a balkáni népek harca a hódítók ellen. [La conquête turque et la lutte des peuples balkaniques contre les conquérants. — Турецкое завоевание и борьба балканских народов против завоевателей.]
- Witold Kula: A kapitalista viszonyok kezdetei Lengyelországban a XVIII. században. [Les débuts du capitalisme en Pologne au XVIIIe siècle. — Начало капиталистических отношений в Польше в XVIII в.]
- Simion Vianu: Részletek a román népnek a török iga lerázásáért és a függetlenség kivívásáért folytatott harcából. (Adalékok a XVIII. századvégi román—orosz kapcsolatok történetéhez.) [Détails de la lutte du peuple roumain pour sa libération du joug turc et la conquête de sa liberté. (Contributions à l'histoire des rapports romano—russes de la fin du XVIIIe siècle.) — Очерки по истории борьбы румынского народа за свержение турецкого ига и завоевание независимости. [Данные к истории румынско—русских связей в конце XVIII в.]]
- Victor Chereșteșiu: Adalékok az 1848-as forradalmi év erdélyi parasztmozgalmainak történetéhez. [Contribution à l'histoire des mouvements paysans révolutionnaires de Transylvanie en 1848. — Данные к истории крестьянских движений в Трансильвании в революционном году 1848.]
- Zsak Natan: Bulgária 1877—78-i felszabadulásának hatása az ország gazdasági és társadalmi fejlődésére. [L'effet de la libération de Bulgarie en 1877—78 sur le développement économique et social du pays. — Влияние освобождения Болгарии в

- 1877—1878 г. на экономическое и социальное развитие страны.]
- Zanna Kortmanowa: Az első lengyel munkáspárt megalakulásának gazdasági és társadalmi feltételei. (A „Proletariát” párt létrejöttének 70. évfordulójára.) [Les conditions économiques et sociales de la constitution du premier parti ouvrier polonais. (A l'occasion du 70.e anniversaire de la constitution du parti «Proletariat».) — Экономические и социальные предпосылки образования первой польской рабочей партии. (К 70-летию возникновения партии «Пролетариат».)]
- Franciszek Fiedler: Lengyelország Kommunista Pártja. [Le Parti Communiste Polonais. — Коммунистическая партия Польши.]
- Dimitár Koszev: Az 1923. évi szeptemberi felkelés. [Le soulèvement de septembre 1923. — Сентябрьское восстание 1923 г.]
- P. Nichita, M. Ionescu, T. Udrea: A román nép harca a földreformért és a földbirtokos osztály felszámolásáért 1945. március 6-a előtt. [La lutte du peuple roumain pour la réforme agraire et la liquidation de la classe des propriétaires avant le 6 mars 1945. — Борьба румынского народа за земельную реформу и за ликвидацию помещичьего класса до 6-го марта 1945 г.]
- Vajda L(ászló): Investigations on the ancient insignia of Rank. [К вопросу о знаках отличия в доисторические времена.] AArch. 1956. tom. 6. fasc. 1—4. p. 33—51.
- Varga Jenő: A háború utáni kapitalizmus gazdaságáról. [Sur l'économie du capitalisme d'après guerre. — Об экономике послевоенного капитализма.] TáSz. 1956. vol. 11. no. 4. p. 84—111.
- Zsigmond László: Németország hatalmi törekvéseinek összefüggése és gazdasági meghatározottsága az imperializmus korszakában. [Les correlations des aspirations de l'Allemagne à la domination et sa détermination économique à l'époque de l'impérialisme. — Взаимосвязи и экономическая обусловленность великодержавных стремлений Германии в эпоху империализма.] TIE. 1956. vol. 7. fasc. 1—2. p. 20—51.
- Zsigmond László: A proletár internacinalizmus — a francia és a német nép békéjének alapja és záloga. [L'internationalisme prolétaire — base et gage de la paix du peuple français et du peuple allemand. — Пролетарский интернационализм — основа и залог мира французского и германского народов.] TáSz. 1956. vol. 11. no. 8. p. 77—92.

9. Vie Scientifique — Научная жизнь

- Bakács István: A családi levéltárak rendezése. [Le classement des archives familiales. — Систематизация семейных архивов.] LK. 1955. vol. 26. p. 5—26.
- Beszámoló a Magyar Tudományos Akadémia Történettudományi Intézetének munkájáról (1950—1955). [Compte rendu du travail de l'Institut des Sciences historiques de l'Académie des Sciences de Hongrie. — Отчет о работе Института истории Академии Наук Венгрии (1950—1955.)] TIE. 1956. vol. 7. fasc. 1—2. p. 79—98.
- Le cours d'histoire de Hongrie à l'usage de l'enseignement supérieur. [Университетский учебник по истории Венгрии.] AN. 1956. tom. 3. fasc. 3. p. 329—378.
- Borsa I(ván): A magyar levéltárügy helyzete a felszabadulás után. [La situation des archives hongroises après la libération. — Положение венгерского архивного дела после освобождения.] Budapest, 1956. Soksz. 64 p.
- Dömötör T(ekla): Principal problems of the investigation on the ethnography of the industrial working class in Hungary. [Главные вопросы этнографического обследования промышленного рабочего класса в Венгрии.] AEt. 1956. tom. 5. fasc. 3—4. p. 331—351.
- A Festetics-család keszthelyi levéltára. Összeáll. Bakács István. [Les archives de la famille Festetics à Keszthely. Prés. par István Bakács. — Кестхельский архив семьи Фештетич. Сост. Иштван Бакач.] Budapest, 1955 (1956), Levéltárak Orsz. Központja. Soksz. 140 p. (Levéltári leltárak 1.)
- Gortvay György: A tudománytörténetírás nemzetközi veszteségei 1945 óta. [Pertes internationales de l'historiographie des sciences depuis 1945. — Международные потери историографии наук с 1945 года.] OTKK. 1956. no. 2. p. 5—17.
- Haraszthy Gyula: A 130 éves Akadémiai Könyvtár. [Le 130e anniversaire de la Bibliothèque de l'Académie. — 130 лет Библиотеке Академии Наук.] Budapest, 1956. 23 p. (Az MTA Könyvtárának kiadványai.)
- Hazai György: A Topkapu Szeráj Múzeum levéltárának magyar vonatkozású török iratai. [Les documents turcs concernant la Hongrie, conservés aux archives du Musée Topkapou Sérail. — Турецкие документы архива Музея Топкапу Серая касающиеся Венгрии.] LK. 1956. vol. 26. p. 286—295.
- A XX. Pártkongresszus és a párttörténeti kutatás feladatai. (Le XXe Congrès du

- Parti et les tâches des recherches sur l'histoire du parti. — XX. Съезд КПСС и задачи исследования истории партии.] PtK. 1956. vol. 2. fasc. 2. p. 1—15.
- Koch Ferenc: Teleki Pál gazdaságföldrajzi munkásságának bírálata. Kádár László, Markos György stb. hozzászólásával. [Critique des ouvrages de géographie économique de Pál Teleki. Avec la contribution de László Kádár, György Markos etc. — Критика деятельности Пала Телеки в области экономической географии. С выступлениями Ласло Кадар, Дьердь Маркош и т. д.] MTATT. 1956. vol. 8. fasc. 1. p. 89—122.
- Ligeti Lajos: A magyar orientalisztika időszerei kérdései. [Problèmes actuels de l'orientalisme hongroise. — Актуальные вопросы венгерского востоковедения.] MTANyI. 1956. vol. 10. fasc. 1—2. p. 71—79.
- A Magyar Országos Levéltár fennállásának 200. évfordulója alkalmából Budapesten, 1956. június 12—16-án tartott ünnepi ülészak jegyzőkönyve. [Procès-verbal de la session solennelle organisée le 12—16 juin 1956. à l'occasion du 200e anniversaire des Archives Nationales Hongroises. — Протокол торжественной сессии 12—16-го июня 1956 г. в Будапеште по случаю 200-летия существования Венгерского Государственного архива.] Levéltári Híradó 1956. vol. 6. Különszám. Soksz. 106 p., 6 t.
- Moravcsik Gy(ula): Dix années de philologie classique hongroise. 1945—1954. [Десять лет венгерской классической филологии. 1945—1954.] Budapest, 1955. Akadémiai Kiadó.
- Radnóti Aladár: A Magyar Tudományos Akadémia Régészeti Konferenciája Budapesten. (1955. október 3—10.) [La Conférence Archéologique de l'Académie Hongroise des Sciences à Budapest. — Археологическая конференция Академии Наук Венгрии в Будапеште, (3—10-ое октября 1955 г.)] MTATT. 1956. vol. 7. fasc. 4. p. 331—351
- Sarlós Márton: A szellemtörténeti irány és a magyar jogtörténetírás. [Le courant de l'histoire des conceptions et l'historiographie juridique hongroise. — Духовноисторическое направление и венгерская литература по истории права.] JK. 1956. vol. 11. fasc. 2. p. 87—103.
- Szabó Ferenc, S.: A hatvanéves Mezőgazdasági Múzeum, 1896—1956. [Le Musée d'Agriculture a 60 ans. 1896—1956. — 60-летний Сельскохозяйственный музей 1896—1956.] Budapest, 1956. Mezőgazd. Múz. 242 p., 4 t.
- Az SzKP XX. kongresszusa és a magyar párt-történetírás. Tanácskozás a Párttörténeti Intézetben. Összeáll. Mucsi Ferenc—Szabó Ágnes. [Le XXe Congrès du P. C. de l'URSS et l'historiographie du parti hongrois. Colloque à l'Institut de l'Histoire du Parti. Prés. par Ferenc Mucsi et Ágnes Szabó. — XX. Съезд КПСС и вопросы исследования истории партии в Венгрии. Сөвещание в Институте истории партии при ЦК ВПТ. Сост. Ференц Мучи—Агнеш Сабо.] PtK. 1956. vol. 2. fasc. 2. p. 90—132.
- Az SzKP. XX. kongresszusának útmutatásai és a magyar párttörténetírás. [Les instructions du XXe Congrès du P. C. de l'URSS et l'historiographie du parti hongrois. — Указания XX Съезда КПСС и исследование истории венгерской партии.] PtK. 1956. vol. 2. fasc. 3. p. 1—19.
- Történeiszvita a Petőfi-körben. [Discussion des historiens dans le cercle Petőfi. — Дискуссия историков в кружке Петьефи] Száz. 1956. vol. 90. fasc. 3. p. 425—440.
- Történettudományunk kérdései a XX. kongresszus után. [Les problèmes de notre historiographie après le XXe Congrès. — Вопросы нашей исторической науки после XX съезда КПСС.] TIE. 1946. vol. 7. fasc. 1—2. p. 3—19.
- Vayer Lajos: A művészettörténet módszerének főbb kérdései. Balogh Jolán, Berkovits Pona stb. hozzászólásával. [Questions principales de la méthode de l'histoire d'art. Avec la contribution de Jolán Balogh, Pona Berkovits etc. — Главные вопросы методологии истории искусств. (С выступлениями Йолан Балог, Илона Беркович и т. д.)] MTATT. 1956. vol. 8. fasc. 1. p. 69—88.

II. Index des titres raccourcis des revues

Список сокращений заглавий журналов

- AAr = Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae.
- AE = Archeológiai Értesítő. [Bulletin Archéologique. — Археологический Бюллетень.]
- AEt = Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae.
- AH = Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae.
- AT = Antik Tanulmányok. [Études Antiques. — Античные Исследования.]
- ET = Ethnographia
- FE = Filozófiai Értesítő. [Bulletin Philosophique. — Философские Известия.]
- FK = Filológiai Közlemények. [Comptes Rendus Philologiques. — Филологические Известия.]
- FöK = Földrajzi Közlemények. [Comptes Rendus Géographiques. — Географические Известия.]
- HK = Hadtörténelmi Közlemények. [Comptes Rendus d'Histoire Militaire. — Военно-исторические Известия.]
- IT = Irodalomtörténet. [Histoire Littéraire. — История литературы.]
- ITK = Irodalomtörténeti Közlemények. [Comptes Rendus d'Histoire Littéraire. — Известия по истории литературы.]
- JK = Jogtudományi Közlöny. [Bulletin des Sciences Juridiques. — Вестник Юридических Наук.]
- KgSz = Közgazdasági Szemle. [Revue Économique. — Экономическое Обозрение.]
- LH = Levéltári Híradó. [Nouvelles des Archives. — Архивный Вестник.]
- LK = Levéltári Közlemények. [Compte Rendus des Archives. — Архивные Известия.]
- MK = Magyar Könyvszemle. [Revue Hongroise du Livre. — Венгерский книжный обзор.]
- MMIE = Magyar Munkásmozgalmi Intézet Értesítője (1956-ban : Párttörténeti Közlemények.) [Bulletin de l'Institut du Mouvement Ouvrier Hongrois (en 1956 : Comptes Rendus de l'Histoire du Parti.) — Бюллетень Института венгерского рабочего движения (в 1956 г. Известия по истории партии).]
- MNy = Magyar Nyelv. [La Langue Hongroise. — Венгерский язык.]
- MT = Magyar Tudomány. [Science Hongroise. — Венгерская наука.]
- MTANyI = Magyar Tudományos Akadémia Nyelv- és Irodalomtudományi Osztályának Közleményei. [Comptes Rendus de la Section des Sciences Linguistiques et Littéraires de l'Académie Hongroise des Sciences. — Известия Отделения Языка и Литературы Академии Наук Венгрии.]
- MTATT = Magyar Tudományos Akadémia Társadalmi-Történeti Tudományok Osztályának Közleményei. [Comptes Rendus de la Section des Sciences Sociales et Historiques de l'Académie Hongroise des Sciences. — Известия Отделения Общественно-исторических наук Академии Наук Венгрии.]
- MűÉ = Művészettörténeti Értesítő. [Bulletin d'Histoire d'Art. — Бюллетень истории искусств.]
- NK = Numizmatikai Közlöny. [Bulletin Numismatique. — Нумизматический Вестник.]
- OTKK = Az Országos Orvostörténeti Könyvtár Közleményei. [Comptes Rendus de la Bibliothèque d'Histoire Médicale. — Известия Общегосударственной библиотеки истории медицины.]
- PSz = Pedagógiai Szemle. [Cahiers de Pédagogie. — Педагогическое Обозрение.]
- PtK = Párttörténeti Közlemények (1955-ben : Magyar Munkásmozgalmi Intézet Értesítője). [Comptes Rendus de l'Histoire du Parti (en 1955 : Bulletin de l'Institut du Mouvement Ouvrier Hongrois. — Известия по истории партии (в 1955 г. Бюллетень Института венгерского рабочего движения).]

SSl	= Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae.	TáSz	= Társadalmi Szemle. [Revue sociale. — Общественное Обозрение.]
SSz	= Soproni Szemle. [Revue de Sopron. — Шопронское Обозрение.]	TIÉ	= MTA Történettudományi Intézetének Értesítője. [Bulletin de l'Institut des Sciences Historiques de l'Académie des Sciences de Hongrie. — Бюллетень Института истории Академии Наук Венгрии.]
StSz	= Statisztikai Szemle. [Revue de Statistique. — Статистическое Обозрение.]		
Száz	= Századok. [Siècles. — Века.]		

A kiadásért felel az Akadémiai Kiadó igazgatója

Műszaki felelős: Farkas Sándor

Kézirat beérkezett: 1957. XII. 23. Terjedelem: 23 (A/5) ív, 5 ábra + 2 melléklet

Akadémiai nyomda, Gerléczy u. 2. — 44308/58 — Felelős vezető: Bernát György

I N D E X

Avant-propos	1
ÉTUDES	
<i>Э. Молнар</i> : Великая Октябрьская социалистическая революция	3
<i>E. Molnár</i> : La Grande Révolution Socialiste d'Octobre	11
<i>L. Makkai</i> : The Hungarian Puritans and the English Revolution	13
<i>Л. Маккаи</i> : Венгерские пуритане и английская революция	44
<i>L. Zsigmond</i> : Versuche des deutschen Imperialismus, seine Machtpositionen nach Ost- und Südosteuropa hinüberzuretten (1919—1920)	47
<i>Л. Жигмонд</i> : Попытки германского империализма сохранить свои позиции в Восточной и Юго-Восточной Европе (1919—1920)	107
<i>Б. Балаж</i> : Роль национальных комитетов в создании Венгерской народной демократии	109
<i>B. Balázs</i> : Die Bedeutung der nationalen Komitees in der Entstehung der ungarischen Volksdemokratie	150
DOCUMENTS	
<i>B. Köpeczi</i> : Politique et jansénisme. Lettres de François II. Rákóczi, prince de Transylvanie au cardinal Filippo-Antonio Gualterio (1714—1717)	153
<i>Б. Кёпечи</i> : Политика и янсенизм. Письма трансильванского князя Ференца Ракоци II к кардиналу Филиппо-Антонио Гуальтерيو (1714—1717)	173
RAPPORT SUR LES RECHERCHES	
Institutions de science historique en Hongrie	175
COMPTE RENDU DE LIVRES	
<i>L. Fekete</i> : Die Siyāqat-Schrift in der türkischen Finanzverwaltung I—II. (<i>J. Perényi</i>) — <i>Г. Г. Кемень</i> : Документы к истории национального вопроса в Венгрии в эпоху дуализма. Т. I—II. (<i>Э. Том</i>) — Избранные документы истории венгерского рабочего движения (<i>И. Дюсзеги</i>) — The Influence of the World Economic Crisis on Hungary. Edited by M. Incze, Authors: M. Incze, E. Karsai, I. Kubitsch, P. Petőcz, A. Sipos. (<i>Gy. Ránki</i>)	189
NOTES BIBLIOGRAPHIQUES	
213	
CHRONIQUE	
Étienne Hajnal (par <i>J. Wellmann</i>) — Zoltán I. Tóth (par <i>L. Makkai</i>) — Commémorations solennelles d'historiens hongrois à l'occasion du 40 ^e anniversaire de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre — L'assemblée générale du Comité International des Sciences Historiques à Lausanne — La publication des deux premiers tomes du manuel d'enseignement universitaire: «Histoire de Hongrie»	221
BIBLIOGRAPHIE	
Extrait du répertoire des ouvrages historiques (livres, études, articles) parus en 1956	235
Список избранных произведений (книг, исследований, статей) по истории, вышедших в Венгрии в 1956 г.	235

Collaborateurs de ce numéro: *E. Molnár*, académicien, directeur de l'Institut des sciences historiques de l'Académie des Sciences de Hongrie, *L. Makkai*, candidat, chef de section adjoint de l'Institut des sciences historiques, *L. Zsigmond*, candidat, directeur adjoint de l'Institut des sciences historiques, *B. Balázs*, collaborateur scientifique de l'Institut des sciences historiques, *B. Köpeczi*, chef de la Direction des maisons d'édition, *J. Perényi*, candidat, professeur suppléant à la chaire de l'histoire de l'Europe orientale à la faculté philosophique de l'Université Roland Eötvös à Budapest, *I. Diószegi*, assistant à la chaire de l'histoire générale moderne à la faculté philosophique de l'Université Roland Eötvös à Budapest, *E. Tóth*, assistant à la chaire de l'histoire hongroise moderne à la faculté philosophique de l'Université Roland Eötvös à Budapest, *Gy. Ránki*, candidat, collaborateur scientifique de l'Institut des sciences historiques.

«*Acta Historica*» публикует трактаты из области исторических наук на русском, французском, английском и немецком языках.

«*Acta Historica*» выходит отдельными выпусками разного объема. Четыре выпуска составляют один том (25—30 печатных листов) в год.

Подписная цена «*Acta Historica*» — 110 форинтов за том. Заказы принимает предприятие по внешней торговле книг и газет «Kultura» (Budapest 62 POB 149) или его заграничные представительства и уполномоченные.

The *Acta Historica* publish papers on history in French, English, Russian and German. The *Acta Historica* appear in issues of various size making up volumes. One volume of 400—500 pages appears every year.

The rate of subscription to the *Acta Historica*, is 110 forints a volume. Orders may be placed with “Kultura” Foreign Trade Company for Books and Newspapers (Budapest, 62, POB. 149) or with representatives abroad.

Die *Acta Historica* veröffentlichen Abhandlungen aus dem Bereiche der Geschichtswissenschaft in französischer, deutscher, russischer und englischer Sprache.

Die *Acta Historica* erscheinen in Heften wechselnden Umfangs. Vier Hefte bilden einen 25—30 Bogen starken, jährlich erscheinenden Band.

Abonnementspreis pro Band beträgt 110 Forint. Bestellbar bei dem Buch- und Zeitungs-Außenhandels-Unternehmen »Kultura« (Budapest 62, POB. 149) oder bei seinen Auslandsvertretungen und Kommissionären.

Acta Historica

REVUE DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE HONGRIE

ЖУРНАЛ ВЕНГЕРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

JOURNAL OF THE HUNGARIAN ACADEMY OF SCIENCES

ZEITSCHRIFT DER UNGARISCHEN AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN

Index

ÉTUDES

К. Бенда: История венгерского якобинского движения I.

I. Berend und Gy. Ránki: Die deutsche wirtschaftliche Expansion und das ungarische Wirtschaftsleben zur Zeit des zweiten Weltkrieges

Б. Балаж: Роль национальных комитетов в создании Венгерской народной демократии II.

Les historiens hongrois commémorent le quarantième anniversaire de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre

RAPPORT SUR LES RECHERCHES

COMPTE RENDU DE LIVRES

NOTES BIBLIOGRAPHIQUES

CHRONIQUE

BIBLIOGRAPHIE

1958

TOMUS V

Nr. 3—4

ACTA HISTORICA

JOURNAL DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE HONGRIE
ЖУРНАЛ ВЕНГЕРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
JOURNAL OF THE HUNGARIAN ACADEMY OF SCIENCES
ZEITSCHRIFT DER UNGARISCHEN AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN

ADRESSE DE LA RÉDACTION: BUDAPEST V, BELGRÁD RKP. 5.

Membres du Comité de la rédaction: K. BENDA, L. ELEKES, GY. EMBER, E. MOLNÁR
(rédacteur en chef), P. ZS. PACH, E. PAMLÉNYI (rédacteur), J. PERÉNYI, L. ZSIGMOND

Az *Acta Historica*, az MTA történettudományi folyóirata francia, orosz, angol és német nyelven közöl értekezéseket a történettudomány köréből.

Az *Acta Historica* változó terjedelmű füzetekben jelenik meg: négy füzet alkot egy kb. 25–30 íves, évente megjelenő kötetet.

Az *Acta Historica* előfizetési ára kötetenként belföldre 80 Ft, külföldre 110 Ft. Megrendelhető a belföld számára az »Akadémiai Kiadó«-nál (Budapest V. Alkotmány utca 21, bankszámla 04-878-111-46), a külföld számára pedig a »Kultura« Könyv és Hírlap Külkereskedelmi Vállalatnál (Budapest VI. Népköztársaság útja 21, bankszámla: 43-790-057-181), vagy külföldi képviselőinél és bizományosainál.

Les *Acta Historica* paraissent en français, russe, anglais et allemand et publient des travaux du domaine des sciences historiques.

Les *Acta Historica* sont publiés sous forme de fascicules qui forment un volume à 400–500 pages par an.

Le prix de l'abonnement est de 110 forints par volume.

On peut s'abonner à l'Entreprise du commerce extérieur de livres et journaux «Kultura» (Budapest 62, POB. 149) ou à l'étranger chez tous les représentants ou dépositaires.

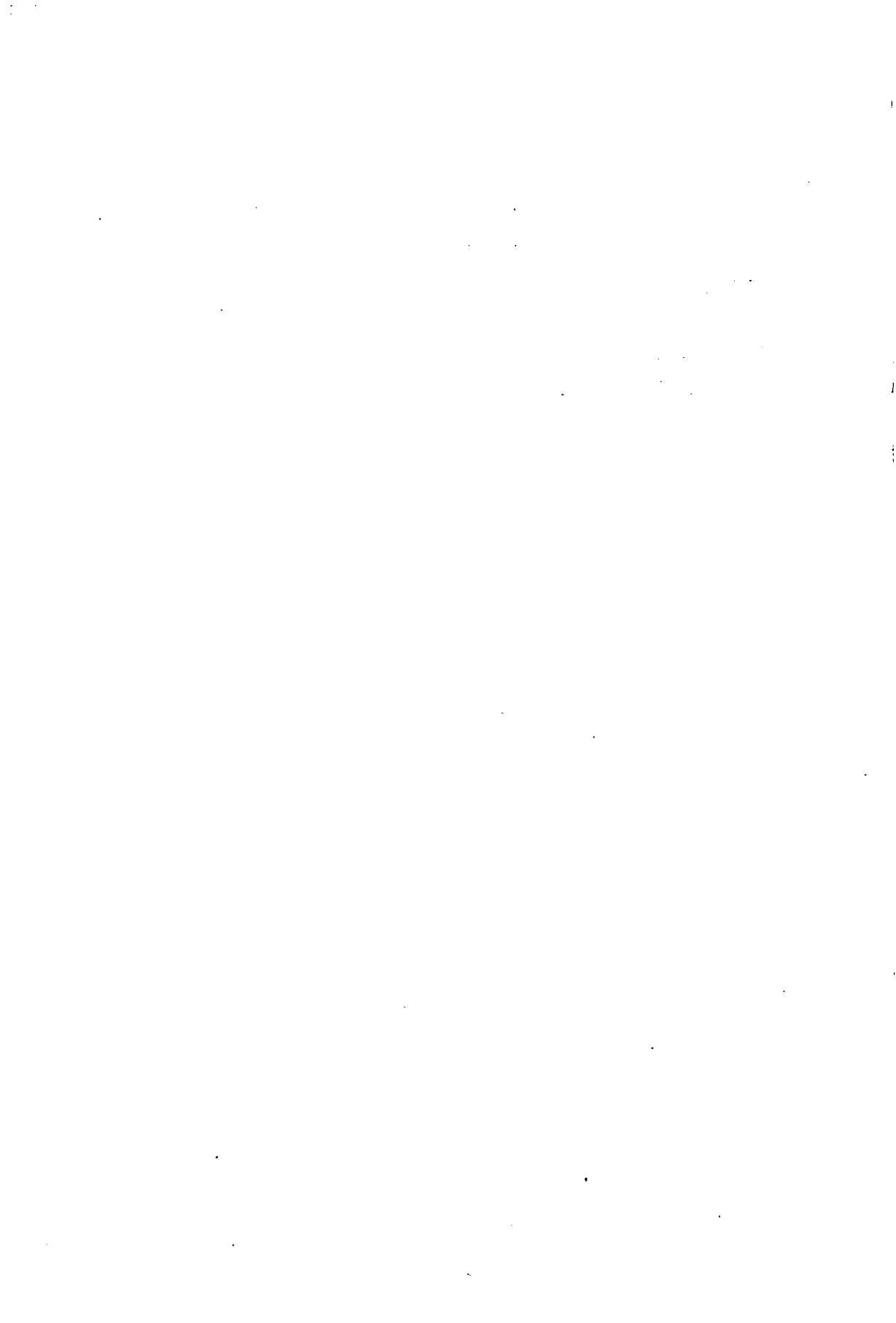
ACTA HISTORICA

REVUE DE L'ACADEMIE DES SCIENCES DE HONGRIE
ЖУРНАЛ ВЕНГЕРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
JOURNAL OF THE HUNGARIAN ACADEMY OF SCIENCES
ZEITSCHRIFT DER UNGARISCHEN AKADEMIE DER
WISSENSCHAFTEN

TOMUS V

1958

История венгерского якобинского движения

К. БЕНДА

Часть I.

I. Демократическая интеллигенция в 1790 году

Венгерский якобинский заговор органически относится к тем общественным боям, которые начались с 1790 года средневенгерским движением и которые один за другим, наподобие едва отделимых друг от друга землетрясений, встряхнули фундамент здания феодального венгерского государства.

Венгерский феодализм, нераздельно переплетающийся с чужеземным, строившийся чуть ли не на протяжении столетий на системе габсбургского гнёта и домашней сословности, уже в конце XVIII века обнаружил признаки кризиса. Иосиф II решительным экспериментом пытался сверху модернизировать отживший свой век порядок, однако, его попытка после десятилетних усилий провалилась, и это еще больше обострило внутренние противоречия общества. В то время как здесь, у нас на родине, отдельные личности и целые классы, идя ощупью, ищут путь, ведущий к свободе, вовне вспыхнул огонь: факел Французской революции указал путь развития в сторону буржуазного национального государства.

В конце XVIII в. в Венгрии начался переход от феодализма к капитализму. Наряду с общими закономерностями всеобщего исторического развития с особенной силой наложили на этот процесс отпечаток характерные для восточно-европейских стран своеобразные условия и полукOLONиальное положение страны, жившей под господством Габсбургов. В этом последнем моменте заключается причина того, что начиная с XVI в. развитие городов и их буржуазии совсем ослабевало. Зачатки капиталистических отношений развертывались в Венгрии в деревне, а именно впервые в крупных феодальных поместьях при помощи товарного производства и т. наз. первоначального накопления. Денежное имущество накапливалось, однако, только в малой мере, и таким образом не имелась возможность, чтобы феодальные крупные хозяйства переходили непосредственно, путем системы капиталистической аренды и массового занятия наемных рабочих от барщинного хозяйства к капиталистическому способу производства.

Крупные сельскохозяйственные заводы чрезвычайно нуждались в рабочей силе крепостных масс, предлагавшихся в качестве наемных рабочих, но их занятию и требующему крупных вложений современному хозяйству

препятствовало безденежье. Таким образом, техника сельскохозяйственного производства осталась и в барских хозяйствах рутинной техникой крепостных крестьян. Вследствие этого, для увеличения доходов помещики лишали земли все возрастающее число крепостных крестьян, чтобы вести на этой земле собственное хозяйство, а это привело к росту в больших масштабах числа батраков.

Противоречие между производительными силами нового типа и старыми производственными отношениями таким образом стало все более острым. А это проявлялось не только в товарном производстве феодального поместья, но и в товарном производстве крестьян. Крестьянское товарное производство затруднялось феодальными повинностями, личной зависимостью крепостного крестьянина от помещика и связанной с этим неуверенностью. Таким образом феодализм во всех областях сельского хозяйства препятствовал развитию и закрыл путь прогресса.

Однако в кризисе оказался феодальный строй и в области промышленности. Приемы цехового ремесла все меньше могли удовлетворять возрастающим требованиям товарооборота. В то же время, в интересах австрийской промышленности, экономическая политика Габсбургов всячески препятствовала разрыванию капиталистических предприятий.

Феодальное производство находилось таким образом как в сельском хозяйстве, так и в промышленности во все более нарастающем кризисе, что вызвало все более тяжелые противоречия в распределении произведенных товаров. Внутренний рынок не сумел принять накопленные в крупных сельскохозяйственных заводах запасы, (потребление обедневших крестьянских масс не было значительным), и австрийский рынок мог претендовать тоже только на одну их часть. Пока что, таким образом, на одной стороне накапливались непроданные запасы продуктов, на другой массы крестьянства голодали и оказались беззащитными против опустошений, причиненных голодом и эпидемиями.

В Венгрии однако в это время еще не сложились те общественные силы, которые смогли бы предпринять разрушение старого и построение нового строя. В сравнении с западом и к без того отсталым средневропейским хозяйственным и общественным отношениям в Венгрии прибавлялся многовековой внешний, иностранный гнёт; это препятствовало разрыванию промышленности и торговли, развитию буржуазии, пробуждению, укреплению самосознания, которое во Франции в исполинской борьбе разрушило феодальный строй и открыло путь к буржуазным преобразованиям. Поскольку не было авторитетной буржуазии, то начало осуществления реформ буржуазного направления легло на дворянство, — а это естественно должно было бы привести к половинчатым результатам.

Ко всему этому прибавилось то, что задачи были относительно еще более сложными, чем на западе. Разрешения ожидали две проблемы вместо

одной, и обе были фундаментально важными : одна — национальная независимость, другая — буржуазное преобразование. И хотя был незначительный слой интеллигенции, который видел взаимосвязь этих двух проблем и ставил вопрос о их совместном осуществлении, однако, отсутствовал тот класс, который стал бы во главе и национальных и буржуазных стремлений, и вытянул бы повозку Венгрии из ухабы.

Трудно разобрать сложные общественные стремления переходной эпохи. Старые и новые, прогрессивные и отсталые черты сливаются, иногда проявляются вместе, и их носители нередко бывают одними и теми же людьми. Но если мы хотим понять более поздние события, то мы должны взять на себя эти трудности. Таким образом, прежде чем познакомиться с якобинской организацией, мы бросим беглый взгляд на венгерское общество в период краха системы Иосифа II весной 1790 года и попробуем последовательно проследить путь развития главным образом среднего дворянства и интеллигенции.

Между режимом Иосифа II и сословной концепцией с самого начала были принципиальные идеологические разногласия, и дворянство, главным образом, комитатское среднее дворянство заранее недоверчиво смотрело на реформы Иосифа II. Император объявил войну сословной конституции : не созывая государственного собрания, не допуская вмешательства в государственные дела, с неограниченной властью распоряжался всем. Дворянство со всё более негодующим бессилием смотрело на распоряжения о барщине, на таможенные пошлины, затрагивающие всех, на допуск в государственные учреждения людей не дворянского звания и, главным образом, на размежевание земель, которое набрасывало ужасающую тень всеобщего налогообложения. Ко всему этому прибавилось то, что Иосиф II не считался с различными традициями, интересами и национальными различиями своих подчиненных государств, — более того, с беспощадной целеустремленностью хотел сковать из них единую державу. Уничтожение венгерской конституции и сословного управления, введение немецкого языка в качестве официального было началом открытой германизации и полного подчинения страны. Значит, дворянское сопротивление реформам Иосифа II с самого начала выступления вышло из рамок самосохранения реакции и стало справедливой национальной самозащитой, потому что, когда оно защищало сословность, то охраняло и нацию. Силы дворянского движения увеличивало то, что оно нашло прекрасное идейное оружие в произведениях философов французского просвещения. Дворянство черпает свои доводы из Монтескье и Руссо, идею «Общественного Договора» оно противопоставляет монарху отождествляя «*populus Werbőczianus*» с народом. Наряду с историческими обоснованиями впервые в венгерской политической борьбе появились аргументы естественного права и рационалистической теории государства ; и так идеология французской революции стала в Венгрии под-

креплением дворянского сопротивления, с одной стороны против монарха, а с другой — против буржуазных стремлений.

Едиличное сопротивление, начавшееся около 1785 года, под воздействием внутренних факторов и внешних стимулов вырастает в организованное сопротивление конца восьмидесятых годов. Турецкая война была только хорошим поводом для того, чтобы комитаты один за другим отказали в рекрутах и в выплате налогов. В качестве противодействия германизирующим распоряжениям они возродили национальную одежду, венгерский язык, а в качестве протеста слишком разросшейся государственной власти вдруг оживились ранее только формально существовавшие комитатские собрания. Дворяне хотели восстановления конституции, более того, одна часть дворянства шла дальше и вскоре становится сторонницей полной национальной независимости. Радикальное крыло движения вступает в контакт с прусским королем и серьезно ведет переговоры о том, чтобы он пригласил на венгерский трон короля извне за исключением Габсбургов.¹

Движение дворянства за независимость могло рассчитывать на поддержку всей нации.

Вследствие целого ряда плохих урожаев, против предполагаемого, и наступившего вследствие этого голода, а также усиливающихся военных тягот крестьянство в нескольких местах начало открыто бунтовать. Дворянство умело использовало это недовольство, более того даже подстрекало крестьян. В то же время, если оно и не имело ввиду судьбу бесправного народа, то некоторым крестьянским требованиям само дало ход, направляя их против монарха, так, например, опротестовало незаконный набор новобранцев. Дворянство в широких кругах пробуждало надежды, и этим усиливало свое движение. Уже в 1789 году императорский тайный агент доносил в Вену: «Нужно быть готовым к тому, что в Венгрии вспыхнет такая же революция, как во Франции».²

Иосиф II попал в тяжелое положение. Не только в Венгрии, но и в Бельгии и Тироле возродилось национальное сопротивление против его строя, и это в то время, когда его войска воевали с турками на Балканском полуострове, когда Пруссия грозила войной и втайне поддерживала недо-

¹ Все это схематическое обобщение тому, что наша историография уже разбирала в деталях. Для ориентации все-таки привожу самую важную литературу: Генрих Марцали, История Венгрии в период Иосифа II. I—III Бп. 1884—1888; его же, Государственное собрание 1790—91-го годов. I—II Бп. 1907; документы наместника Александра—Леопольда. 1790—1795. Издал Элемер Маюс, Бп. 1926. (*Fontes Historiae Hungaricae*). Предисловие; Шандор Экхардт, Идеи французской революции в Венгрии. Бп. без даты. (1924); Роберт Граггер, Пруссия—Ваймар и венгерское Королевство. Берлин, Лейпциг 1923 г. См. еще Историю Венгрии, Бп. 1955. Размноженный конспект университетских лекций; историю упомянутого периода написали Эва Балаж (до 1790 года) и Золтан Варга (после 1790); дальше Иштван Като, О некоторых вопросах венгерского якобинского движения, *Századok* 1951. стр. 201 и след.

² Марцали, Иосиф II, ук. соч., том. III. стр. 542.

вольных внутри монархии. Габсбургской монархии грозила опасность полного развала, Иосифу волей-неволей пришлось порвать с прежней политикой. Успокаивая внутреннее движение и привлекая на свою сторону дворянство, он в сущности отказался от всех своих прежних распоряжений.

Но этим однако Иосиф уже не мог задержать дворянское движение. Начальный успех — отступление императора, выразителя государственной власти, — только усилил подъем движения. Комитаты — в первую очередь восточной части страны — соревнуясь друг с другом, уничтожали остатки иосифских мероприятий, самочинно восстанавливая положение времен Марии Терезии.

Смерть Иосифа II означала снова укрепление движения. Аристократия правда вообще отстраняется, но средние дворяне продолжают борьбу, и их твердые намерения заключались в том, чтобы преемника Иосифа поставить перед готовыми условиями.³ В комитатах власть была уже полностью в руках среднего дворянства, которое уже повсеместно организовалось. Они провозгласили, что противозаконное правление Иосифа изменило традициям правления, установленным в *pragmatica sanctio*, и что нации нужно вновь договориться с новым королем об обеспечении её конституционных прав. Дворянские требования приближались к провозглашению полной независимости.

Программу движения средних дворян сформировал Петер Очаи Балог, судья суда семи. Он приготовил комитатам листовку, которая через масонские ложи распространилась во всем государстве, и которая заверяла, что депутаты, прибывающие из комитатов в государственное собрание, приезжая с одинаковым наказом, представляют единую точку зрения. На основе программы Балога государственное собрание после этого приготовило предъявляемый королю проект новой конституции. В ней лучше всего отразились дворянские стремления; если бы эта конституция осуществилась, то она преобразовала бы до сих пор наследственное королевство в избирательное, и вся власть попала бы в руки среднего дворянства.

При помощи государственного собрания и сената среднее дворянство держало бы в своих руках в одинаковой мере и законодательную и исполнительную власть, ни с кем не разделяя её. Оно лишило бы высшее дворянство его прежних преимуществ, а буржуазия и крепостное крестьянство остались бы в своем бесправном положении, по отношению последних в проекте почти не говорилось ни слова. Дворянские требования только в одном-двух пунктах согласовались с интересами буржуазии, так как желания обуржуазившегося среднего дворянства заключались в том, чтобы устранить таможенные преграды, дать свободу экспортирования. Односторонние

³ См. относительно этого донесения якобинского прусского посла в Вене: Грагер, ук. соч., стр. 115 примечание 35, стр. 117 примечание 141, стр. 116 примечание 139, 140.

дворянские расчеты отразились в этом проекте конституции, они отклоняли также и скромные реформы, направленные в сторону буржуазного преобразования режима Иосифа. В нем национальные требования смешались с требованием обеспечения феодальных привилегий.

Всё это сделало возможным то, что движение привлекало все более широкие массы мелкого дворянства, которое увидело проблеск наступления новой золотой поры. Под тем предлогом, что организовали охрану короны, начали вооружаться: переписывают и приводят к присяге дворянство, создают отряды дворянского ополчения и организуют военное обучение. Это уже таило в себе семена национальной армии. Тогда же восточные комитаты обратились с воззванием к венгерским полкам, размещенным за границей, а также обратились с призывом к офицерам постоять за национальное дело. Призыв встретил живой отклик, так как большая часть офицерства состояла из сыновей среднего дворянства. Отдельные офицеры, даже целые полки обратились к государственному собранию, требуя, чтобы языком командования стал венгерский и чтобы венгерские офицеры служили в венгерских полках.

По мере того как росло движение, вместе с ним росло и самосознание среднего дворянства, и все больше выступал феодальный характер их целей. Хотя пока еще раздавалось несколько обнадеживающих обещаний крепостным, которые если и не касались правовых отношений между помещиками и крепостными, то по крайней мере обещали более гуманное обращение с крестьянами, а позднее дворяне и в этом уже не видели необходимости. Большая часть комитатов считала совершенно естественным то, что недворяне снова теряют право занимать должности.

Естественным следствием всему этому было то, что крестьянство выступило против дворянского движения. В нескольких провинциях оно отказалось от барщины, в другом месте решительным тоном в листовках призывало комитаты не забыть в государственном собрании и о его интересах, а особенно же крепостное крестьянство начало организовываться в северо-восточной части государства. В деревнях комитата Сабольч-Бихар распространился «крестьянский декрет», и эта листовка, которая вызвала такой большой переполох в дворянских поместьях, уже звала к оружию труженников земли: «господа хотят нас сделать рабочим скотом... Давайте же, все крестьянство, поднимем свои дубинки, железные вилы и топоры против жестоких бездельников господ, опустошающих государство, обворовывающих короля».⁴ Многие комитаты в страхе просили солдат, в то время как новый монарх Леопольд II тайно подстрекал крестьян, чтобы этим поставить дворянство на колени. Его агенты ходили по деревням, распространяя

⁴ Прокламация публик. Марцали 1790/91, ук. соч., стр. 230—234.

легенду о «хорошем короле», покровительствующем крепостным.⁵ Леопольд побоялся прибегнуть к последнему средству — «спустить цепную собаку», — так как крестьянина легко поднять и не так легко успокоить.⁶ А к тому же в это время ему удалось прийти к соглашению с дворянством и он уже не нуждался больше в крестьянстве. А крестьянство было отсталым и неорганизованным, и после соглашения между монархом и дворянством, после укрепления феодальной системы оно не могло начать самостоятельные действия.

Против дворянских стремлений должна была бы выступить буржуазия, чтобы защитить из реформ Иосифа II то, что было прогрессивным, и более того, не останавливаясь на этом, заложить основы буржуазных преобразований. Хотя на призыв французской революции городская буржуазия и зашевелилась, но её слабого голоса даже не было слышно в урагане дворянских голосов.

Буржуазная Венгрия в конце XVIII столетия была еще очень слабой. Ни по численности, ни по образованию, ни по богатству её нельзя сравнить с буржуазией западных стран. Буржуазией в это время мы можем считать только население свободных королевских и рудниковых городов. Перепись населения 1787 года на территории Венгрии (без Трансильвании и Хорватии) насчитывает 44 таких города, их население в округленных цифрах — 392 тыс. душ. Это только 6,4% всего населения,⁷ в то время как в Англии около 25%, а во Франции 20% населения были городскими жителями. Более 20 тыс. населения имели только шесть городов (во главе с Дебреценом, имеющим 29 778 душ), в основном численность населения в городах была от 5 до 10 тыс. Население одного лишь Парижа было больше на сто тысяч всей буржуазии Венгрии.

А городские жители далеко не все были ремесленниками, торговцами или буржуазной интеллигенцией. По записям современника Мартина Швартнера «В Венгрии трудно провести границу, отделяющую город от села. Все города страны помимо городских ремесел в большей или меньшей мере живут сельским хозяйством и скотоводством и поэтому в какой-то мере похожи на село».⁸ Большая часть городских жителей, не имеющая гражданских прав — слуги, батраки, поденщики, которые находятся еще далеко от буржуазного сознания, и над головами которых события французской революции пронеслись так, что не возбудили их интереса. Число мастеров, подмастерьев и учеников вместе взятых в 1782 году было 40 409, и в то же самое время число городских торговцев было всего лишь 4025 человек.⁹ Поли-

⁵ См. Элемер Маюс, Венгерская буржуазия в период французской революции. Ежегодник Венгерского Института Истории в Вене, том I 1931 стр. 255—259.

⁶ См. Воспоминания государственного советника Изденци: Ференц Экхарт, Крепостная политика венгерского двора 1761—1790 гг. Századok, 1956 г. стр. 123—124.

⁷ См. Густав Тирринг, Население Венгрии во время Иосифа II. Бп. 1938. стр. 86—87.

⁸ Schwartner Martin, Statistik des Königreichs Ungarn. Pest 1798. стр. 112—113.

⁹ Густав Тирринг, Условия заработка населения наших городов во второй половине XVIII столетия. Magyar Gazdaságtörténelmi Szemle. VIII. 1901. стр. 135.

тика Вены не давала простора ни промышленности, ни торговле, так что и ремесленники и торговцы были вообще бедными.

Следовательно, буржуазия была незначительной и не имела веса. К этому добавлялось еще то, что и в политических вопросах она не была единой. Протестанты и католики, венгры и немцы неоднократно стояли друг против друга, разобщенность увеличивало еще то, что дворяне, поселившиеся среди них все больше задавали тон. Управление городов находилось в руках узкого совета, ограничивающегося несколькими семьями патрициев, а эти, чтобы сохранить свое привилегированное положение, последовательно не обращали внимание на нужды плебейских масс. Среди членов совета все чаще встречаемся с дворянами, и в это время ведущие буржуазные семьи уже охотно подражают дворянскому образу жизни, их самой главной целью было получить дворянское звание. Дворяне представляли большинство наших городов и в государственном собрании 1790 года. И поэтому понятно, что в прениях даже не выдвигались требования буржуазии, и депутаты даже тогда не протестовали, когда представители сословий хотели внести в проект конституции изменения о том, что недворянин не может занимать должностных мест.

Эта буржуазия, которая в большей своей части даже не венгерская, в вопросах национальной независимости была совершенно безразлична, и пока её руководители в государственном собрании молчаливо поддерживают дворянскую политику, она ищет поддержки против сословий у монарха. Покровительство стремлениям буржуазии, даже раздувание их, весьма хорошо совпадало с планами Леопольда, но и как в случае с крестьянством, не в интересах буржуазии, а для притеснения сословий. Буржуазия подписывает заявления, заранее подготовленные тайными агентами короля, в которых она просит допустить в государственное собрание своих представителей и дать им равное с дворянами право голоса. Алайош Хоффманн по поручению монарха для воодушевления буржуазии написал свои прокламации, Вавилон и Ненивия. В них острыми словами Хоффманн указывает на вавилонское столпотворение дворянского движения, на проявляющиеся в нем феодальные черты и на то, что применение прогрессивных лозунгов является только очковтирательством, и они относятся не к народу, а к привилегированным классам, Хоффманн дает искаженное изображение дворянства с грубыми антивенгерскими выпадами. В это же время с тайного согласия монарха некоторые города начинают вооружаться при помощи стрелковых обществ и отрядов гражданской охраны.

Эти буржуазные стремления, переплетающиеся с тайной императорской полицией, живут однако только до тех пор, пока их вдохновитель считает нужным. А когда Леопольд добился своей цели, помирился с напуганным дворянством, то оставил и буржуазию. В конце 1790 года Леопольд дает полный ход репрессиям, проводимым городскими советами, дворян-

скими по духу, и даже сам выступает против буржуазии. Он возможно боялся того, что от яркого пламени французской революции она тоже может воспламениться. Голоса буржуазии после этого в течение нескольких десятилетий вообще не было слышно.

Но буржуазные требования все же появлялись в большой прокламационной литературе, предшествующей государственному собранию, задавала им тон интеллигенция.

К концу XVIII столетия в Венгрии выросло также и значение интеллигенции. Государство все больше принимало на себя такую функцию, которая требовала образованной интеллигенции, инженеров, агрономов, преподавателей, административных и юридических специалистов. Их число все возрастало, и в 1790-ых годах интеллигенция является уже таким фактором венгерского общества, что без её мнения уже нельзя было обходиться, и она стала обладать весом, далеко превышающим её численность.

Но эта венгерская интеллигенция стояла далеко от того, чтобы можно было с любой точки зрения назвать её единой прослойкой. В неё входили писатели, адвокаты, врачи, преподаватели, учителя, государственные, комитатские или аристократические служащие, инженеры, агрономы, частично священники и монахи.¹⁰ С точки зрения происхождения эта интеллигенция была смешанной, дворянской, плебейской, буржуазной и совсем в незначительном числе крестьянской. Границы её стирались как в сторону буржуазии, так и в сторону дворянства. Их можно было насчитать всего-навсего около 15 000, что составляло не полные 0,3% всего населения.¹¹

Эта интеллигенция, самая образованная часть страны, — а в своих взглядах, в политическом и философском мировоззрении в соответствии с её общественным составом и характером переходного времени была отнюдь не единодушной, в её рядах мы встречаемся с людьми склонными к самым крайним точкам зрения. Среди них имеются сторонники всех направлений от ортодоксального католицизма, ориентированного духовенством, до деизма и атеизма, от сторонников просвещенного абсолютизма до проповедников независимого венгерского государства, от защитников феодального строя до борцов за буржуазное преобразование, и политические, прогрессивные и реакционные черты общественных и философских идей не один раз нераздельно перемешиваются в них. Однако, в конце 1780 годов из их рядов выделилась одна не такая уж маленькая группа, которая в своих взглядах,

¹⁰ Римское католическое низшее духовенство и монахи вообще не были заинтересованы в сохранении феодального церковного порядка, образованные и культурные его представители, однако, неоднократно враждебно противопоставляли себя этому порядку, потому что внутри церковных рамок все меньше имели возможность для проявления своих способностей. Затем, когда Иосиф II распустил одну часть монашеских орденов, то их культурные и квалифицированные члены устроились на службу, по профессии умственного труда.

¹¹ См. Швартнер, ук. соч., стр. 138—140; Тирринг, ук. соч., стр. 32 и след.

в политических расчетах была более менее единой. Эта группа состояла из интеллигентов — сторонников политики Иосифа II.

Рассматривая их социальное, материальное положение, мы видим, что эта группа тоже не была единой: аристократа можно было встретить среди них только изредка, состоятельных средних дворян было уже больше, но большую часть составляли неимущие мелкие дворяне или буржуа, изредка, встречался крестьянский сын. Среди них мы находим протестантов в большем числе, которые благодаря религиозным взглядам и воспитанию стояли ближе к идеям просвещения. Число плебейской интеллигенции между 1780 и 1790 годами скачкообразно возрастает именно в результате мероприятий Иосифа II. Государственному аппарату Иосифа II были нужны квалифицированные, надежные чиновники, поэтому император открыл дорогу протестантам и недворянам. Тогда же он допустил большое число людей плебейского происхождения и в высшую школу. Мы можем говорить о плебейской интеллигенции в Венгрии, носящей светский характер, только со времени указа Иосифа II, начиная с 1785 года.¹²

Бытовые условия мелкодворянской и плебейской интеллигенции были в большинстве своем одинаковыми. Все они до одного вышли из феодального общества, рамки которого были для них уже узкими, и в большинстве случаев вместо того, чтобы помочь развертыванию их способностей, это общество не обеспечивало им даже средств к существованию. Их возможность работать в государственных учреждениях была ограничена, более высокие должности занимали исключительно владетельное дворянство и аристократия. Протестанты, между прочим, только в крайних случаях получали назначение на должность, — комитатские места все-таки скорее могли получить действительные дворяне с маленькой оплатой. Поприще преподавателя, врача, адвоката или священника были единственными, которые были доступны для всех.

Значительная часть этой проиосифской интеллигенции училась за границей, многие, главным образом из протестантов, учились в немецких, швейцарских и французских университетах. Там они видели более развитые, чем в Венгрии, общественные и политические отношения, возвращались домой с идеями просвещения и рационализма. Особенно значительная их группа училась в Гёттингге у Шлёцера, там они усвоили политические и экономические идеи английского и французского просвещения и стали их распространителями на венгерской земле. А те, которые не учились в зарубежных учебных заведениях, благодаря своим преподавателям и книгам воспитывались в таком же духе. Произведения Монтескье, Вольтера и Руссо ходили по стране из рук в руки, так же как и большая французская

¹² Сравни: Gusztáv Heckenast, *Les roturiers intellectuels en Hongrie. 1780—1848. Revue d'Histoire Comparée. VII. 1948.* стр. 53 и следующие.

энциклопедия, известная книга Пьена о человеческих правах, или работа занимающего выдающееся место в популяризации французского просвещения, Райналя, под названием «*Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes*», была не безызвестна в их кругах. Известно также, что работа Гольбаха «*Système de la Nature*», библия материалистической философии того времени, и работа Мабли, провозглашающая коммунистическую доктрину были любимыми книгами.¹³

В распространении новых идей играли большую роль масонские ложи. Эти общественные организации, имеющие самое большое влияние в Венгрии в XVIII столетии, процветали в 1770—80 годах: мы находили их во всех культурных центрах. Их члены вышли большей частью из дворянства, но в масонских ложах была и буржуазная интеллигенция, представленная также в большом числе. Целью масонского движения было «распространение просвещения», т. е. оттеснение церковной власти на задний план по всем линиям. Масонское движение боролось против схоластики за свободное научное исследование. Оно отвергало расовую, религиозную дискриминацию и в принципе проповедовало равенство. Хотя масоны никогда не добились успеха с полной последовательностью, но сначала дворянская и недворянская интеллигенция была равноправными членами масонских лож, и это способствовало их развитию в одном и том же направлении. Работа, проводимая в масонских ложах, расчищала путь по направлению буржуазного равенства, хотя эта работа была не в практической жизни государства, а в головах людей, но потом должна была бы появиться и в политике. Члены масонских лож с лихорадочным волнением искали и дискуссировали на своих собраниях, в своей переписке о новом пути развития и с непобедимым оптимизмом верили в триумф разума, побеждающего с помощью просвещения.

Следовательно, деятельность масонства мы можем видеть в первую очередь в том, что оно давало возможность для того, чтобы интеллигенция регулярно встречалась, обменивалась своими взглядами о самых важных вопросах мировоззрения и чтобы обсуждала все проблемы. Этим масонство распространяло между членами лож рационалистическое учение просвещения, знакомило их с идеями брожения на западе и так формировало единогласную в некоторых основных вопросах тонкую прослойку. Эта масонская интеллигенция почти без исключения стояла на почве рационализма. Она открыто критикует и выступает против доктрин церкви, покоящихся «на фанатизме и на суевериях», и с бурной радостью приветствует разрыв облаков и прояснение неба «после тысячелетней темноты», призывает свет,

¹³ Относительно этого много данных приводит Шандор Экхарт, ук. соч., стр. 110—122; см. еще перечень книг Йожефа Хайноци и Пала Ёза, Документы венгерских яacobинцев, книги I, II, стр. 796—797 и 806.

но только путем реформ, а не революции. С религиозной точки зрения большая часть масонской интеллигенции была безразличной и была сторонницей терпимости церковей еще перед выпуском Декрета Терпимости. Чаще всего они были деистами и ожесточенно нападали на католический клир. Однако, они считали религию необходимой, атеистов среди них было немного, и это было только индивидуальной высшей точкой развития.

Их политические расчеты, тесно прилегая к их философскому мировоззрению, также коренились в доктринах просвещения. Революционные идеи французской теории государства пришли в Венгрию при немецком посредничестве приглушено и профильтровано.¹⁴ Согласно этим идеям, люди общественным договором передали все свои права монарху, который поэтому неограниченно царствует и отвечает только перед богом. Однако он обязан заботиться о благополучии граждан государства и в интересах этого он имеет право, применяя даже силу, поставить на правильный путь своих подданных. — Это так называемый «просвещенный абсолютизм». Эту теорию затем развивали дальше Зонненфельс и Мартини — теоретики габсбургской монархии. Поскольку, по их мнению, человечество еще несовершеннолетнее, то даже силой ему надо навязать доброе. Поэтому жизнь индивидуума от колыбели до гроба подчиняется мелочным правилам, за сохранением которых наблюдает широко развернутый государственный аппарат, полиция.

Следовательно, просвещенный абсолютизм опирается на привилегированные классы и сохраняет феодальные рамки управления, но высоко поднимает государство над церковью, не дает ей вмешиваться в свои дела и отбирает из её рук дело воспитания. Согласно своей абсолютистской сущности делает себя более или менее независимым от сословных институций, в интересах этого помогает развитию промышленности и торговли, и хотя по своим взглядам — против коренных изменений, но все-таки своими мероприятиями способствует созреванию условий буржуазной революции.

Все это безусловно было прогрессивным, и в особенности в начале развития, когда поднимающаяся буржуазия не была в состоянии выступить самостоятельно и радушно приняла абсолютную власть просвещенного монарха. Эта буржуазная или обуржуазившаяся интеллигенция до девяностых годов XVIII столетия по всей Европе стояла вдали от мысли коренного изменения, она стремилась только к реформам, и свято верила в то, что с приходом к власти «здорового разума» буржуазное преобразование может быть осуществимо реформами, проведенными сверху. Так энциклопедисты Дидро и д'Аламбер ждали от распространения просвещения успеха в буржуазных реформах, Гельвеций также представлял, что «свет и знание» принесут «падение суеверий» и с этим «торжествует правда», осуществляются буржуазные

¹⁴ Относительно этого см.: Имре Сабо, Буржуазная философия государства и права в Венгрии Бп. 1955, главным образом 27 и следующие страницы и Фриц Гартунг, *Der aufgeklärte Absolutismus. Historische Zeitschrift. No. 180. (1955) стр. 15—42.*

преобразования, без того, чтобы очередь дошла бы до радикальных общественных перемен или до революции.¹⁵ Вольтер идеалист еще и в следующем: по следам работ писателей и философов, — писал он — смелые и мудрые министры, просвещенные монархи осуществят желанную революцию во всем мире.¹⁶ Эта буржуазия считала своим союзником, более того опорой — монарха не только против дворянства, но и против духовенства и из-за его просвещенной власти соглашалась даже на его самодержавное правление. Рейналь, имеющий большие заслуги в популяризации французского просвещения, это ясно выразил: «самое счастливое правление справедливого и просвещенного Тирана».¹⁷

После этого мы признаем естественным то, что на начальной ступени развития венгерские представители просвещения были также союзниками монарха и сторонниками просвещенного абсолютизма. Порядок Иосифа II принес много таких перемен, которые, если не коснулись феодальных основ государственного строя и общественной структуры, то указывали в сторону буржуазных реформ, и эти реформы в общественных условиях Венгрии, более отсталых по сравнению с западными провинциями империи, произвели более сильный эффект. Мы имеем ввиду административные и судебные реформы; имеем ввиду церковную политику Иосифу II, которая имела особенно большой резонанс. Обеспечение господства государства над римской церковью, последовательность, с которой оно вытесняло церковников из управления светскими делами, и с которой оно пыталось провести границы между государством и церковью, расформирование монашеских орденов и, может быть, прежде всего в пользу протестантов отданный приказ о веротерпимости, не могли остаться без отклика в кругах венгерской интеллигенции. Мы знаем, что распоряжения, ликвидирующие личную зависимость крестьянства, урегулирование барщины отнюдь не затрагивали сущности феодальных отношений между дворянами и крепостными, но все же были поощрительной приметой для ожидающих полного раскрепощения. А межевание земель, которое дворянство приняло с первого же момента с таким бурным сопротивлением, разве не подавало надежду на уничтожение самых основных дворянских привилегий? Само по себе то, что политика Иосифа II отрицала божественное происхождение государства и видела в нем человеческое создание, открывало путь к более свободному высказыванию мнения, и это получило выражение в относительно умеренных цензурных распоряжениях. Действительный приём на службу в государственные учреждения недворян поколебал гибнущую веру в вечность феодальной

¹⁵ Обоих цитирует Карл Гриванк, *Der neuzeitliche Revolutionsbegriff. Entstehung und Entwicklung* Weimar, 1955, стр. 208 и следующие.

¹⁶ Там же, стр. 193 и следующие.

¹⁷ «Le gouvernement le plus heureux serait celui d'un despote juste et éclairé.» Raynal, *Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes*. VII. 1770, стр. 202.

структуры, даже не говоря о том, что это значительно способствовало также увеличению числа и авторитета плебейской интеллигенции.

Мы, конечно, знаем, что стремления Иосифа не исчерпывались этим, и если его вышеизложенные реформы оцениваем положительно, то чаша весов перетянет то, что эти реформы в основе сделали невозможным любое развитие в Венгрии, потому что с одной стороны — сохранялся, даже усиливался колониальный порядок, с другой стороны — однако старались осуществить полную оккупацию страны. Неужели проиосифская интеллигенция не видела того и жила в иллюзии относительно замыслов Иосифа II?

На этот вопрос нам очень трудно ответить, ведь вскрытие источников именно периода Иосифа II, собственно говоря, еще не началось. Но кажется невероятным, чтобы эта интеллигенция не видела то, о чем дворянство того времени уже громогласно говорило. Она должна была видеть все это и видела. Но она не видела в нем неотвратимую опасность, её глаза были устремлены на общественные реформы, и все другое казалось ей второстепенным. В одном своем письме Йозеф Хайноци, ставший впоследствии главой якобинского движения, писал: — Я чувствую своей обязанностью делать все для того, «чтобы помочь всем моим собратьям добиться своих естественных прав, которые не могут быть аннулированы ни давностью, ни гражданским договором». Он был хорошим филантропом и хорошим патриотом, но если их противопоставляют, — пишет он, — «то я больше хотел бы, чтобы меня называли филантропом, чем патриотом».¹⁸

Но альтернатива — патриотизм или филантропия — разве означала, что кто является сторонником политики Иосифа II, тот не может быть патриотом? Разве вся интеллигенция — сторонница политики Иосифа II — является непатриотичной? Именно, что нет. Большинство её является горячими патриотами. Самое сокровенное их желание — служить прогрессу родины, именно поэтому они проповедают и распространяют идеи просвещения, чтобы поднять народ из тьмы невежества. Можем ли мы называть непатриотичным Гергея Берзевици, известного экономиста, который весной 1790 года агитировал за полный отрыв от Габсбургов и за создание национального королевства?¹⁹ Или можем ли мы считать непатриотичным Хайноци, у которого «болела душа», если он думал о падении венгерского государства столь могущественного еще в XV столетии, который в своей работе порицал венгерских сановников семнадцатого века за то, что они юлили перед Габсбургами и не представляли интересов нации, и даже своего друга, известного писателя Казинци предупреждал о том, чтобы он хранил в Вене добрую славу венгров.²⁰ Последним словом перед смертью писателя Пецели,

¹⁸ Документы венгерских якобинцев, Том I стр. 47.

¹⁹ Там же. Том I документ № 6.

²⁰ Там же. Том I стр. 86 и 374., а также Мемуары Ференца Казинци, Будапешт, без года, стр. 176.

поддерживавшего идеи Иосифа II, было «родина»,²¹ о Казинци, Бачани и Вершеги, о крупных писателях эпохи было общеизвестно, что самое главное их стремление заключалось в развитии национальной литературы и образования. Можем ли мы называть непатриотичными Шандора Сачваи, основоположника национальной журналистики, сторонника политики Иосифа II, или Андраша Часара, который написал книгу о необходимости измерения земель и налогового обложения дворянства, и который, после издания императором указа о том, что прошения, подаваемые в суды, надо писать по-немецки, отказался от адвокатской деятельности, хотя он был бедным человеком.²² Мы могли бы привести еще ряд примеров, но и этих достаточно для доказательства того, что венгерские сторонники политики Иосифа II были и патриотами.

Если это так, то спрашивается, почему они заключили союз с Иосифом II? Это было по двум причинам. Одна причина заключается в том, что в это время представления о реформах у этой интеллигенции вообще не особенно выходили за рамки фактических мероприятий Иосифа II, поэтому в Иосифе II они могли видеть осуществителя своих надежд. Вторая причина заключается в том, что ни на кого другого они не могли бы опереться. Дворянство боялось даже подумать о реформе, если бы они встали на его сторону, то они поддерживали бы реакцию; буржуазия же была слабой и отсталой, крестьянство же было неспособно на политические выступления, а поскольку они и сами были слабыми, очень слабыми, у них остался один союзник — просвещенный монарх.

Правда, среди интеллигенции были и такие, в которых не было никакого венгерского патриотизма и которые были верны только монарху. Эти, однако, в своем большинстве попали в Венгрию по распоряжению императора с чужих, австрийских, немецких или других территорий, или происходили из рядов национальных меньшинств на территории Венгрии, в которых позднее национальный подъем венгров вызывает возражения на основе пробуждающихся национальных чувств. Между ними и венгерскими сторонниками политики Иосифа II во время правления Иосифа II не возникли и не могли возникнуть разногласия. Однако, когда в связи с развитием венгерского дворянского движения всплывает на поверхность возможность национального преобразования, то ряды интеллигенции — сторонницы политики Иосифа II нарушились, и из них выделилась часть, чуждая венгерским традициям.

Может быть, будет не лишним рассмотреть несколько таких случаев.

К кругу друзей Хайноци принадлежал Шамуэль Колмайер, происходящий из пештской немецкой буржуазной семьи. Он являлся начинающим

²¹ Там же стр. 128.

²² Документы венгерских якобинцев, том I стр. 939, примечание № 2.

адвокатом, борющимся с материальными трудностями, когда он появляется перед нами в конце 1760 годов. Колмайер был тогда трудолюбивым образованным человеком, полным планов и надежд. Он читает произведения французских просветителей и уже в 1785 году считает себя атеистом. Колмайер ненавидит аристократию и духовенство, размышляет над возможностью оттеснения дворянства, так же как и Хайноци добивается буржуазных преобразований, равенства и человеческой жизни для крепостных. И Хайноци и Колмайер являются сторонниками политики Иосифа II, от него ждут инициативу, и кажется, что между ними нет разногласия ни относительно цели, ни относительно пути к цели. Однако, с 1789 года Колмайер все более отчужденно смотрит на развертывание национального движения. По мнению Колмайера объявить венгерский язык официальным было бы катастрофой, («На нем можно только ругаться»), что на два столетия отбросило бы культурное развитие. «Немецкий язык передает более развитую немецкую мораль и знание», — пишет он. А как он негодует еще на стремления к независимости! Эти стремления, по его мнению, необоснованы, *regnum independens* для него является «пустым словом без мысли». Значит Колмайер повернулся против национального движения, повернулся против своих друзей, сторонников политики Иосифа II; их пути расходятся. Колмайер действительно был «монархистским демократом», и после смерти Иосифа II для него осталась только одна дорога — он становится одним из сыщиков Леопольда II.²³

Подобную же карьеру сделал Янош Мольнар, священник пештской лютеранской церкви, также масон и большой сторонник политики Иосифа II, который первым выступил против национального движения. В своей прокламации «*Politisch-Kirchliches Manch Hermaeon*» он пишет с ненавистью и сатирой о целях дворянского движения. Против этого движения Мольнар ищет поддержку у двора, и охотнее принимает немецкий язык, лишь бы не пришел венгерский. При императоре Франце он уже числится среди сыщиков двора. Хайноци настолько презирал Мольнара, что перед своей казнью не хотел принять последнее утешение из его рук.²⁴ Мне хочется упомянуть о Матиаше Протулепеце, о вараждинском адвокате, образованном, увлекающемся буржуазными стремлениями сыщике Леопольда II, который, может быть, только подавления венгерских национальных стремлений желал больше, чем освобождения крестьянства. Его национализм хорватского патриота, протестующий против венгерских национальных требований, увел его из общего лагеря сторонников политики Иосифа II в придворные

²³ Его письма к Хайноци: *St. A. Vertr. A. fasc. 71*. лист 10. Его тайная служба *O. L. Privatobl. fasc. 14* донесение №№ 579 и 582.

²⁴ Относительно его масонской деятельности см. *Документы Леопольда-Александра, Документы венгерских якобинцев*. стр. 131. — Относительно его деятельности сыщика и случая с Хайноци см. том. III стр. 314—315 и 412.

круги.²⁵ Я упоминаю императорского фаворита Дьюла Габельхофера, переведенного в Венгрию из-за границы, австрийца, директора Пештской университетской библиотеки, Леопольда Хоффманна — профессора немецкого языка и литературы университета, сбежавшего в 1790 году от венгров Вену и там по поручению короля Леопольда писавшего свои пресловутые^B прокламации против дворянского движения, — все они были сторонниками политики Иосифа II, сторонниками буржуазных реформ, но все это они хотели осуществить, вопреки венгерским национальным стремлениям в рамках империи Иосифа II. Но численность этой группы ничтожна по сравнению с патриотически настроенными сторонниками политики Иосифа II, и пусть не ведет нас в заблуждение то, что эта маленькая кучка, имея в карманах деньги от двора могла поднять такой большой шум.

Какими другими были чувства и выступления патриотической интеллигенции — сторонников политики Иосифа II! Они тоже боялись дворянской реакции, боялись за судьбу едва начавшихся реформ, — но в то же самое время с нескрываемой радостью смотрят на развертывание национального движения. Пал Ёз, этот подающий большие надежды представитель молодой плебейской интеллигенции, который, по его же словам, «с особой и искренней любовью обращался всегда к народу, платящему налог», и улучшению его судьбы посвятил свою жизнь, «с настоящим космополитическим патриотизмом» написал письмо своему другу после падения системы Иосифа II. Пал Ёз боится того, чтобы чисто дворянское движение не принесло новый феодализм, «ужасный варваризм древности». Друг Пала Ёза Иштван Цадраи идет еще дальше. Он тоже страдает, думая о будущем родины: в самом деле среднее дворянство хочет уничтожить без разбора все мероприятия Иосифа II. Дворяне отождествляют ошибки с просвещением, и в этом их поддерживает духовенство. «Они так боятся любого новшества, как чумы, боятся всего, что чужое, что немецкое. Венгерец пусть остается самим собой». К чему ведет изоляция, мы уже видели. «Если мы бросим на одну чашу весов всё угнетение, которое добрый монарх не хотел допустить, но которое, поскольку монарх плохо приступил к делу, все же было допущено и за которое ответственность возлагается на него как на инициатора, то все же куда перетянут весы? Наверняка сюда. Кто не был бы счастлив, что дожил до нынешних изменений, и кто не сказал бы вместе с Цицероном: «Больше желаю шумной свободы, чем тихого подчинения».²⁶

Однако национальное движение захватывает не только молодых, только что вышедших из университета, но и лучшую часть писателей, поэтов, ученых, интеллигенции — сторонников политики Иосифа II. Вершеги, который впоследствии перед судом не постеснялся признать, что всегда

²⁵ Его донесения: O. L. Privatbibl. fasc. 15 и 26.

²⁶ Документы венгерских якобинцев, том I, документ № 9.

был преданным сторонником Иосифа II, стихотворением приветствовал дворянское движение. Бачани в своем стихотворении с увлечением приветствовал изменения, хотя он тоже был искренне воодушевлен реформами Иосифа II и позже тоже с большой признательностью отзывался о них. Казинци был даже членом комитатской дворянской гвардии, охраняющей корону; Берзевици написал прокламацию, в которой он выражает мысль, что основной вывод последних трехсот лет нашей истории заключается в том, что только без Габсбургов мы можем приобрести нашу национальную независимость. Профессор Карой Коппи полагал, что никогда не было еще такого благоприятного случая для настоящего налаживания дел страны, а Хайноци подготовил свой большой план совместного проведения буржуазных и национальных мероприятий.

Преобладающее большинство интеллигенции-сторонников политики Иосифа II, то, которое выросло на венгерских традициях, если и тревожилось за будущее демократического развития, но все же с радостью смотрело на дворянское движение, развернувшее знамя независимости. В связи с тем, что среднее дворянство вырвалось вперед, сразу же изменилось политическое положение, произошла новая перегруппировка сил; патриотические чувства и инстинктивную политическую прозорливость сторонников политики Иосифа II доказывает то, что они сразу поняли, что их место не на стороне монарха, а на стороне дворянства. Известную часть интеллигенции пленяли и в определенной мере ввели в заблуждение оптимистическая самоуверенность и первоначальный большой подъем дворянского движения. Эта интеллигенция считала, что начинается заря нового золотого века, в котором дворянство добровольно откажется от своих привилегий, крепостных сочтет своими братьями, и в ходе медленного развития создастся новый порядок в обществе. Ее взгляды строились на иллюзиях, согласно которым дворянство согласится на отказ от своих привилегий и на проведение некоторых умеренных реформ.

Иллюзии интеллигенции питались тем, что в двух областях, по крайней мере на вид, совпадали цели дворянского и буржуазного движений, и между ними не было противоречия. Эти две области были — борьба против духовенства и борьба за господство венгерского языка.

Оттеснение от власти духовенства было в интересах среднего дворянства, стремящегося к власти, что в то же самое время совпадало с буржуазными стремлениями. Антиклерикализм создал широкое объединение представителей самых различных классов и политических представлений, от аристократии до среднего дворянства, от городского буржуа до интеллигента. Однако их концепции не одинаковы. Среднее дворянство в первую очередь интересуется вопросами власти, а за равноправие вероисповеданий в первую очередь выступает потому, что не хочет оттолкнуть протестантов и этим ослабить силу дворянского фронта.

Точка зрения интеллигенции другая: она оберегает просвещение и общественное развитие от духовенства. Вершеги не хочет возвращения «суеверий, бесчестного ума и сурового насилия», когда он хочет исключить «священное сословие духовенства» из светских дел,²⁷ Бачани тоже приветствует борьбу против духовенства потому, что «рухнут отвратительные алтари суеверий».²⁸ Бачани в своем анонимном стихотворении «На французский бунт» уже недвусмысленно изображает «трех зубоскалящих чертей», врагов «святости Свободы и Справедливости» — короля, духовенство и аристократию.²⁹

За мнимым совпадением интересов в борьбе за венгерский язык еще больше бросается в глаза расхождение во мнениях. Дворянство рассматривает борьбу за язык в чисто политическо-правовой плоскости, поэтому преобладающая часть губерний удовлетворяется восстановлением официального латинского языка, если венгерский язык будет жить на низших ступенях государственного аппарата. Интеллигенция идет гораздо дальше этого, она борется не против немецкого языка, а за венгерский язык, за его развитие, ведь это первое условие буржуазного национального единства и основа расцвета национальной науки. Дело венгерского языка, таким образом, стало органической частью борьбы за ликвидацию феодальной отсталости и национального единства и неотрывно связывается с экономической и политической борьбой за развитие сельского хозяйства, торговли и промышленности.

Интеллигенция главным образом в этих двух областях, по линии языковой и антиклерикальной борьбы, присоединяется к дворянскому движению и старается — мы опять должны подчеркнуть — внести туда свои скромные реформистские стремления.

В уже упомянутой прокламации Ференца Вершеги олицетворенная венгерская родина говорит не только о церковных спорах, но и вообще призывает сословия уничтожить все, что является врагом прогресса. Олицетворенная венгерская родина вменяет им в обязанность покровительствовать наукам, «умственной свободе», которая необходима для развития наук и призывает, чтобы дворяне «не возлагали воспитание на плечи только одного сословия». Вероятно, она подразумевает французские революционные идеи, хотя об этом не осмеливается говорить, когда призывает государственное собрание открыть настежь двери перед молодежью для широких познаний. И вероятно, она подразумевает английское дворянство, вступившее на капиталистический путь, когда призывает дворян не пренебрегать торговлей, мануфактурами и ремёслами.³⁰ Из стихотворения видно, что Вершеги верил в то, что дворянство не остановится на обеспечении независимости

²⁷ Документы венгерских якобинцев, том I, документ № 8.

²⁸ Стихотворение «Зрячий».

²⁹ Документы венгерских якобинцев, том I, документ № 10.

³⁰ Документы венгерских якобинцев, том I, документ № 8.

страны. В этом своем мнении Вершеги не был одинок. Гергей Берзевици верил даже в то, что с помощью дворянства можно добиться освобождения крепостных.³¹

Из этих чаще всего боязливых программ, которые едва выходят за пределы дворянского реформизма и перечисление которых мы могли бы продолжать еще, резко выделяются два плана, один из них принадлежит Карою Коппи, другой — Йожефу Хайноци.

Карой Коппи, монах ордена пиаристов, с 1784 года является профессором всеобщей истории в Пештском университете. Карой Коппи является буржуазным реформистом, боится революции и с самого начала является убежденным сторонником церковной и общественной политики Иосифа II и полной неограниченности абсолютной королевской власти. В 1790 году Коппи, однако, одним из первых присоединился к национальному движению. В своей работе под названием «*Ius electionis quondam ab Hungaris exercitum*» (1790) Коппи уже выступает против монаршего самодержавия и занимает позицию народовластия Руссо и на исторических примерах показывает, что нация всегда свободно избирала своих монархов. В этот период Коппи уже является сторонником национальной монархии. Но он не останавливается на этом. Я считаю — говорит он — что «как никогда теперь есть превосходный случай для реформации нашего королевства, но отрицаю, что настоящим преобразованием было бы восстановление предшествующего положения». Коппи излагает свою мысль о том, что «необходимо изменить основные законы и указы», верховную власть надо приобрести для нации, а королю надо передать только одну ее часть. Казначейство должно находиться в распоряжении нации, войска должны присягнуть на верность нации. Все это до сих пор звучит так, будто мы слушали одного крайне радикального дворянского депутата, но Коппи не останавливался на этом: «Безопасность и плоды свободы надо донести до последнего крестьянина, чтобы он почувствовал, что нация, составной частью которой он является, приняла его. Под полезными законами пусть чувствуют все свободу и безопасность». Поэтому вместо религиозной нетерпимости нужно дать полную свободу всем вероисповеданиям. И все это надо делать срочно.³²

Вот перед нами переплетение национальных и буржуазных идей, ясное осознание неотделимости национальной независимости от буржуазных преобразований. Коппи свои мысли излагал и в прокламации в форме воззвания, обращенного к сословиям.³³ В этой прокламации мысли Коппи проявляются уже в законченном виде. С первого взгляда уже видно, что они

³¹ Марцали, 1790—91; Документы венгерских якобинцев, том. I, стр. 310.

³² Письма Коппи к канонику Йожефу Майо: Документы венгерских якобинцев, том. I, стр. 89.

³³ Документы венгерских якобинцев, том. I документ № 5.

носят на себе следы французской декларации от 4 августа 1789 года. В воззвании говорится : из прав человека и гражданина следует, что нация свободна. Из этого вытекает, что надо ликвидировать привилегии, так как фундаментальные законы не имеют силы, если они сталкиваются с естественным правом нации. Свободу надо предоставить всем гражданам нации. Гражданами считаются все те, которые своим трудом полезны для государства. Далее с позиции народовластия Руссо (согласно целям венгерского национального движения) право решения во всех существенных вопросах предоставляется нации, объявляется, что армия должна стать инструментом нации, и финансами тоже должна заниматься нация. Коппи предлагает мероприятия для развития торговли и промышленности, наконец, конкретизирует способ обеспечения национального восстания.

Прокламация Коппи является самым радикальным выступлением патриотической интеллигенции, сторонницы политики Иосифа II. Мы знаем, что Коппи был овязан узами тесной дружбы с Хайноци и его друзьями, с Казинци, Бачани, но прежде всего с Вершеги. Таким образом, мы можем быть уверены, что он в своих мыслях был не одинок, его прокламация выражала мысли радикальных представителей плебейской интеллигенции. Вопрос заключался только в том, что согласится ли дворянство все это осуществить, не желает ли Коппи слишком многого от него? Коппи и, может быть, другие думали, что нет. Однако один человек видел, что от дворянства напрасно они ждут таких далеко идущих изменений. Следовательно, согласно политической мудрости перед ними так нужно поставить цели, чтобы они были для них приемлемыми : надо желать не того, что необходимо, а то, что можно сделать. Этот человек был Йозеф Хайноци, вместе с тем единственный представитель интеллигенции, который свои мысли, связанные с новой конституцией мог систематизированно излагать в силу глубоких знаний венгерских законов и основательной юридической образованности. Хайноци происходит из плебейской интеллигентской семьи, и в своей личной жизни ему пришлось испытать все те мытарства, которые выпали на долю протестантских юношей недворянского происхождения в Венгрии разлагающегося феодализма. Хайноци изучал право и, получив диплом адвоката, не мог добиться назначения на должность в течение долгих лет несмотря на все старания у свободных королевских городов и правительственных органов. Хайноци стал частным служащим аристократов, вначале он был секретарем при графе Миклоше Форгаче, потом при графе Ференце Сечени ; Сам Сечени тоже принадлежал к числу просвещенных реформистов. И когда монарх в 1785 г. назначил Сечени эмиссаром печского района, он берет с собой Хайноци и поручает ему должность районного секретаря. Вскоре после этого в начале 1786 года Иосиф II назначил Хайноци вицегубернатором комитата Серем, в этой должности он оставался до 1790 года, когда был уволен с нее как недворянин.

Хайноци с большим интересом обращается к венгерскому публичному праву и к национальному прошлому ; он изучает целые архивы, копирует старые документы, в то же самое время он активно занимается политическими, идейными течениями своего времени. Хайноци участвует в деятельности масонских лож и становится деистом. Он в подлиннике читает французских и английских философов, политические произведения и произведения публичного права, он усваивает западные теории государства периода просвещения. Хайноци в то же самое время еще не революционер, а только реформист, и мирные преобразования он хочет провести под покровительством монарха. Он с самого начала был настроен против феодальной системы, которая не могла ему обеспечить даже скромное существование, поэтому его поведение уже очень рано является сознательным. Со всей симпатией он в первую очередь обращается к угнетенному крестьянству, и улучшение его судьбы является до конца центральной мыслью Хайноци. В 1778 году еще как неизвестный секретарь Миклоша Форгача он подает ходатайство монарху и предлагает освобождение крепостных, а до тех пор, пока это не может осуществиться по всей стране, он предлагает уничтожить барщину и другие повинности в государственных имениях. Хайноци как вице-губернатор в первую очередь работает также над улучшением жизни этого эксплуатируемого и бесправного класса. Обычно сухой стиль его произведений по публичному праву становится страстным, когда он начинает перечислять все время увеличивающееся бремя крестьянина и рисует его горькую жизнь. В 1790 годах Хайноци приступает к описанию истории венгерского крестьянства.

Глубокий патриотизм Хайноци, корни которого уходят в семейную среду родного дома протестантского проповедника, ставит его в оппозицию колонизаторской политике венского двора. Однако Хайноци присоединяется ко все более растущему дворянскому движению только после смерти Иосифа II. Мы не должны были бы удивляться тому, если бы единственный в Венгрии вице-губернатор недворянского происхождения боялся продвижения дворянства, уничтожения реформ Иосифа II, восстановления старого порядка. Помимо его принципиальных убеждений речь идет о его существовании: отступление к старой конституции означало бы перелом в его восходящей карьере. Тем более мы должны уважать и удивляться его возвышенной, бескорыстной убежденности, потому что, поднимаясь над своей личной трагедией, он сумел присоединиться к дворянству, чтобы все то, за что он до сих пор боролся на стороне императора попытаться осуществить уже на национальной основе с помощью дворянства.

Ранней весной 1790 года он уже считает, что наступила пора великой возможности для создания фундамента национального государства. Он становится на сторону дворянства с одной стороны — потому, что доверяет ему и считает, что оно согласится на некоторые реформы, уступки, — ведь

это и в интересах дворянства, так как только таким путем оно может многое сохранить из своего привилегированного положения, и с другой стороны — потому, что покровительство делу национальной независимости он не ждет уже от чужого монарха. Тактический замысел Хайноци заключается в следующем: дворянству надо объяснять, что и его интересы не требуют неизменного восстановления конституции, и если не сразу, внезапно, но все же нужны постепенно осуществимые реформы. Значит добрым словом, уговорами, ведь другого оружия у Хайноци не было, надо было вывести дворянское движение за его сословные рамки. Поэтому его предложения являются умеренными, приспособленными к мышлению дворян, и Хайноци, который уже в 1778 году стоял на позиции полного освобождения крепостных, теперь же, по тактическим соображениям довольствовался бы и тем, если бы комитаты дали наказ своим депутатам вынести закон о выкупе и о праве крепостных покупать землю. Поэтому Хайноци предлагает, чтобы государственное собрание 1790 года занималось только проблемами публичного права, закреплением прав монарха и нации, а потом отдельные комиссии государственного собрания разработали бы гражданское право, принимая во внимание предложения органов власти. Государственное собрание 1793 года или государственное собрание 1794 года могло бы обеспечить благополучие, безопасность и собственность отдельных личностей целого поколения нации.

Первое свое предложение Хайноци написал сразу же после указа Иосифа II, восстанавливающего конституцию, еще тогда, когда император был жив, поэтому в первую очередь он стремился восстановить согласие между королем и сословиями, для чего старается точно сформулировать компетенцию и короля и сословий. Хайноци предполагал, что на государственном собрании будет иметь решающее слово аристократия, сгруппировавшаяся вокруг Иосифа II, и создается впечатление, что в своем предложении в первую очередь он обращается к этой аристократии, поэтому он пишет на немецком языке.³⁴ Хайноци в этих «своих патриотических мечтаниях» принимает к сведению то, что сословия во всех отраслях законодательства хотят решать только самостоятельно, и по отношению к австрийским землям признают только общность личности монарха; но в этой области Хайноци не имеет уже своих предложений. Он имеет только одно предложение, правда это существенное предложение: войска должны присягнуть на верность не только королю, но и сословиям, и они должны находиться под венгерским командованием. Хайноци сохраняет внешние признаки сословного государства, но под этим прикрытием делает предложения, носящие в себе ростки буржуазного государства, и это является сущностью его предло-

³⁴ Gedanken eines ungarischen Patrioten... Документы венгерских якобинцев том. I, документ № 4/a.

жений. Власть законодательного органа — государственного собрания — только тогда будет прочная, — говорит он, — если благами законов будут пользоваться и недворяне, буржуа, крестьяне, солдаты и низшее духовенство христианских церквей. Поэтому должны объявить, что на занятие должности дает право землевладение, не находящееся под дворянской властью и что такую землю могут приобрести все. Следует также объявить запрет ареста без ордера. Это основное право дворянства следует распространить на всех владельцев. Для крепостных необходимо разрешить выкуп, или же помещики должны заключить с ними соглашение, в силу которого они становятся свободными владельцами. Аристократия должна отказаться от наследственного права на губернаторство, от наследственного права участия в государственном собрании и подобно дворянам должны избираться как депутаты. Дворянство в свою очередь должно добровольно принять на себя определенные повинности. Если это осуществится, тогда можно будет широко обеспечить конституцию, заниматься реформой управления и правосудия.

В этих предложениях нетрудно распознать первые достижения французской революции; — сословия во Франции сделали первый шаг, правда, под давлением буржуазии, может быть, у нас дворянство тоже не будет замыкаться. В интересах этого Хайноци написал свою вторую прокламацию, но уже открыто комитатам, вернее комиссиям, составляющим наказ для депутатов государственного собрания.³⁵ Тактическая цель привлечения комитатов к буржуазным реформам здесь проявляется уже открыто; Хайноци осторожно излагает свои мысли, он не утверждает, а только спрашивает. Его проект охватывает все венгерское публичное право, под видом вопросов и коротких объяснений он показывает соответствующие законы и указывает их недостатки. Хайноци не раскрывает свое мнение, но группирование фактов направляет читающего к правильному ответу. Хайноци сознательно говорит на языке дворян. Он тоже стоит на принципиальной основе естественного права и общественного договора, но не в таком понимании, как дворянство. Хайноци скрыто выступает против теории Мартини и отрицает естественно-правовое происхождение королевской власти. Хайноци не признает права личности выступать против ущемления права, потому что это «противоречит гражданскому договору», но выступает за право сопротивления всего общества, всей нации.

Нам ничего не известно о том, воспользовались ли комитаты предложениями Хайноци при подготовке своих наказов. Сословное движение все больше замыкалось в рамках своих классовых интересов. И все же Хайноци вновь обращается, но уже к государственному собранию, со своей новой

³⁵ *Propositiones deputationi fine elaborandis ablegatis . . . instructionis exhibendae*
Документы венгерских якобинцев, том. I, документ № 4/b.

прокламацией, которая называется «Смысл законов, предлагаемых на венгерском государственном собрании».³⁶

В этой своей прокламации Хайноци равняется на концепции комитатов, но во всех пунктах старается вывести их за рамки сословных ограничений. Хайноци не хочет погнаться за двумя зайцами, чтобы ни одного не поймать. Его предложения умерены, но и в таком виде мы находим в них самые существенные элементы буржуазного национального государства.

Государственное собрание создает новую конституцию, — говорит Хайноци, — вследствие чего венгерское уложение законов впредь будет служить только историческим материалом. Но эта новая конституция только в том случае будет прочной, если все «и имеющие наследство, достояние, достоинство, а также и нерасполагающие этим» найдут в ней защиту. Это требует жертв и от монарха и от сословий. Монарх должен уступить нации (внимание! — не сословиям) все королевские права и доходы, — привилегированные сословия в свою очередь должны сложить все свои права и привилегии в пользу государственного собрания. После этого может наступить очередь разработки новой конституции. Но существенно, однако, чтобы посредством конституции все население стало членами нации. Поэтому надо обеспечить свободу выбора родины, полную свободу совести, слова и печати, и чтобы все честным путем смогли улучшить свою судьбу. «Кто эти права может считать своими, тот, действительно, является членом нации». Но участие в законодательстве Хайноци связывает с землевладением, в свою очередь он предлагает уничтожение преград, мешающих приобретению владений и хочет ввести всеобщее налогообложение.

Все вышеизложенное является только общими рамками, внутри которых излагаются детали основательно объяснимые и перечисляемые: атрибуты национального суверенитета (среди них национализация армии, введение венгерского языка в официальную жизнь и в образование), точное определение компетенции короля (в значительно более широких рамках, чем это указывали комитатские указы). Если все это осуществится, — пишет Хайноци, — то исполнительная власть должна согласиться со справедливыми ограничениями ее, и физические и моральные силы, необходимые для осуществления законов, становятся непобедимыми. Наша свобода будет основываться на силе нашей собственной нации.

Аналогии отдельных пунктов *Ratio* мы находим в средневенгерской программе, составленной Петером Балогом. Хайноци сознательно старался приспособиться к этой программе и взять оттуда все, что совместимо с концепцией буржуазного национального государства. Ведь из каждой строки чувствуется, что *Ratio* предназначена для дворянства, именно ему объ-

³⁶ *Ratio proponendarum in comitiis Hungariae legum*. Документы венгерских якобинцев, том I, документ № 4/b.

сняются преимущества изменений. Но мы замечаем и другие совпадения: то, что сказано о воспитании, по сути дела совпадение с тем, что мы находим у Вершеги, а сущность концепции публичного права совпадает с воззванием Колпи, составленным в совершенно другом тоне и поэтому более искренним и радикальным. Из всего этого мы смело можем сделать вывод, что *Ratio* отражает не только личные представления Хайноци, но и передает мысли той интеллигенции, которая могла соединить идеи общественного прогресса с идеей национальной независимости, которая на французском примере все яснее видела, что имеется только один выход — буржуазное национальное государство.

Хайноци впервые в венгерской истории дал полный обзор публичного права большой перспективы, достойного государственного деятеля и мыслителя, который по нашему теперешнему мнению пригодился бы для того, чтобы направить страну от феодализма к буржуазно-национальному развитию. Осуществление этого, однако, основывалось Хайноци на предположении, что сословия и монарх будут находиться в согласии. На государственном собрании 1790 года решился вопрос о том, были ли реальными надежды Хайноци и вообще демократической интеллигенции.

II. Патриоты и демократы

Государственное собрание 1790 года не оправдало связанные с ним надежды. Оно не обеспечило независимости страны и не принесло реформ, направленных на буржуазное преобразование.

Леопольд II с самого начала стремился к изоляции среднедворянского движения, и он в результате очень ловкой тактики вскоре добился этого. Леопольд II прежде всего использовал классовые противоречия, мы уже видели, что посредством своих агентов он будоражил крестьян и буржуазию для того, чтобы угрозой восстания недворян заставить отступить привилегированных. Но Леопольд II пошел и дальше. Он демонстративно стал покровительствовать сербам, создал особую иллирскую канцелярию, подогревал их стремления к автономии и таким путем, оружием сербских воинственных пограничников пугал венгерское дворянство. В июле 1790 года он пришел к соглашению и с внешним врагом, в рейхенбахском договоре Леопольд принял тяжелые условия Пруссии и этим уничтожил главную опору среднедворянского движения — иностранную помощь. Весть о мире и движении императорских войск в Венгрию, сосредоточенных на прусской границе, были тяжелыми ударами по государственному собранию. Мечтания о независимости сразу рассеялись.³⁷

³⁷ Документы венгерских якобинцев, том II стр. 183 и следующие, Марцали 1790—91. Документы Леопольда Александра, ук. соч., стр. 25 и следующие.

Оппозиционные сословия, которые несколько недель тому назад еще клялись в том, что без согласия государственного собрания не будут принимать от монарха ни назначение, ни подарки, начинают жалеть, что в своих требованиях зашли так далеко и сразу становятся уступчивыми. О независимости говорят все меньше и уже имеют только одну цель — как можно выгоднее договориться с монархом. Вместо радикалов на передний план выступают умеренные и соглашатели. Вожди оппозиции один за другим отказываются от своих принципов и обращаются к Вене и в изменившихся условиях новым поведением стараются доказать «свою благонадежность», чтобы заслужить милость монарха. Из большого движения, начавшегося лозунгами о независимости, национальные требования выпадают один за другим, чтобы в нем все виднее стало то, что является феодальным.

Конституционную самостоятельность страны удалось обеспечить в одном законе, но остальная часть национальной программы почти полностью выхолащивается, и уже ничего не говорится больше о сенате, который должен был бы держать в своих руках исполнительную власть, и о самостоятельной венгерской армии. Восстанавливаются сословные саны, в ноябре месяце наместником Венгрии единогласно избирают сына монарха эрцгерцога Леопольда-Александра и в обстановке больших празднеств Леопольд II был коронован. По сравнению с положением при Марии Терезии только в одной области делается существенный шаг вперед: декларируют в законе свободу вероисповедания протестантов и православных. В остальном для разработки некогда намеченных реформ создаются комиссии из членов государственного собрания с тем, чтобы они представили свои предложения государственному собранию 1792 года.

Большинство дворян успокоило то, что восстановилось действие сословий конституции, что дворянство может обеспечить свое привилегированное положение. Если дворянство за счет монарха не могло приобрести себе новые права, то зато смогло обеспечить себе власть над своими крепостными. Одним из первых последствий соглашения было ухудшение положения крепостных по всей стране.³⁸ Результаты реформ Иосифа II, молчаливо сохранившие свою силу, начинают урезаться. Отмена права торговли вином в июле 1791 года уже приводит к серьезным движениям, и два комитата просят солдат против крестьян.³⁹ Страх перед крестьянскими движениями еще больше укрепляет новый союз двора и дворянства. Один анонимный меморандум, но вероятно написанный дворянским автором, в июле 1791 года уже предупреждает двор, чтобы он и не думал о продолжении турецкой вой-

³⁸ Донесение Готтхарди от 13 июня 1791 года: O. L. Privatbibl. fasc. 14, донесение № 634.

³⁹ Интересные донесения Л. Колмайера там же, fasc. № 11 лист № 15.

ны, потому что если войска уведут и в результате ополчения уйдет и дворянство, то крестьянство непременно поднимет восстание. Поэтому, — говорит непрощенный советник, — часть армии должна остаться на родине, а другая часть должна идти против «вероломных и бунтарских французов». Поскольку согласно священному писанию нет власти, кроме как от бога, то «дело короля Людовика является и нашим делом» и защита дела бога требует борьбы против французов, «чтобы камня на камне не осталось и французов вычеркнули бы из списка живых». ⁴⁰ Внешняя и внутренняя опасность все более связывает значительную часть дворянства с монархом. Позднее комитат Сабольч это определил следующим образом: «известное дело, ни дворянство без короля, ни монарх без дворянства не могут существовать». ⁴¹

Все более тесный союз дворянства и аристократии возбуждал, конечно, в демократической интеллигенции разочарование и уныние. Более проницательные глаза уже заметили в начале сессии государственного собрания, что за громогласным объявлением сословий нет еще надлежащей решительности, однако большая часть этой интеллигенции в середине лета заметила только, что подъем национального движения внезапно остановился. «Что самое ужасное, — пишет 16 июля 1790 года католический депутат комитата Земплен Меньхерт Суйовский Лайошу Редеи, — так это то, что священники привлекли на свою сторону большую часть дворян католиков... Они говорят то, что мы не вправе начинать реформы, мы должны остаться со старой конституцией, следуя примеру наших отцов». ⁴² «Поверь мне, мой друг, — пишет он дальше, — я никогда не был другом никаких священников, а теперь, когда вижу их злобность и в каждом случае еще больше убеждаюсь в том, что эти бесполезные создания бога стараются не для пользы родины, а только для сохранения своей власти так, что они скорее готовы подкапываться под свободу и благо родины, чем отступить хоть на иоту от своих хитростью выторгованных привилегий — теперь я так возненавидел этот безбожный род, что я готов своими руками подвесить всех их подряд на виселицу». Через полгода, когда Суйовский подводил итоги государственному собранию, он уже видел и то, что не только духовенство, но и дворянство руководствовалось только своими интересами, «приватизмом». Он считает, что свободу страны положил в могилу не Иосиф II, а венгерские сословия. С этим дворянством ничего не поделаешь, может быть, когда-нибудь в результате длительного воспитания может создаться одно новое единое поколение, — но будет ли еще раз такой благоприятный случай, какой теперь пред-

⁴⁰ Меморандум не адресован, но можно определить, что был написан в июле 1791 года: O. L. Privatbibl. fasc. № 6.

⁴¹ Докладная записка комитата Сабольч Наместничеству от 19 декабря 1793 года: St. A. Informationsbüro Polizeiberichte, fasc. № 1.

⁴² Документы венгерских якобинцев, том. I, документ 16/б.

ставился?⁴³ Шандор Пастори, канцелярский советник тоже считал, что «мы бедные венгры уже проиграли свою свободу.»⁴⁴

Разве можно чего-нибудь ждать от сословий, — пишет капитан Янош Бохуш после сессии государственного собрания, — «на государственном собрании все кричали за право и за свободу, но не за права всего человечества, а за права отдельных людей. И эти же отдельные люди хотят и работают над тем, чтобы их считали нацией».⁴⁵

Отчаяние и разочарование страстнее всего выражали те, которые своими выступлениями в 1790 году отрезали путь к отступлению. Среди них находится Янош Лацкович, капитан Гревенского гусарского полка, один из самых характерных представителей патриотов, карьеру которого надломил оппортунизм дворянства. Лацкович был один из инициаторов того прошения, с которым офицеры Гревенского полка обратились к государственному собранию, в котором они просили, чтобы язык военных команд был венгерским, и чтобы в венгерских частях были бы венгерские офицеры. Государственное собрание с большим одобрением поддерживало это прошение. Однако, когда после Рейхенбаха монарх почувствовал себя прочнее, он предал военному суду офицеров, подписавших прошение, а государственное собрание вопреки начальным обещаниям бросило их на произвол судьбы.⁴⁶ Лацкович был осужден на перевод в немецкий полк. Однако он отказался от своего чина, — между прочим, потому, что он надеялся при посредничестве сословий получить реабилитацию. Лацкович попытался сделать все, но тщетно. Когда Лацкович увидел, что его дело приставлено, потому что даже упоминание о нем помешало бы готовящемуся соглашению с королем, то он со всей силой своего страстного и необузданного характера повернулся против сословий. Все смотрят только на свое собственное благополучие, — пишет Лацкович Адаму Сили, своему бывшему сослуживцу, — если это дворянство считает себя обеспеченным, то тогда ничего другого его не интересует.⁴⁷ Лацкович тоже считает, что венгерское дворянство не имеет цельного характера, оно как ребенок или как престарелый человек. Оно преклоняется перед аристократией и перед высшим духовенством, своего короля оно считает богом и ради чина, награды готово продать своего друга, семью и даже страну; в крестьянине оно видит только работающего животного. Лацкович в едкой сатире нарисовал тип необразованного венгерского дворянина, судорожно цепляющегося за свои привилегии. На это дворянство ни в чем нельзя рассчитывать, — подводит итог своему мнению Лацко-

⁴³ Письмо Суйовски к Яношу Шпишшиху от 16 февраля 1791 года. Документы венгерских якобинцев, том. I, документ 16/f.

⁴⁴ Документы венгерских якобинцев, том. I, стр. 457. Примечание № 8.

⁴⁵ 30 марта 1791 года: O. L. Privatbibl. fasc. № 11 лист 18.

⁴⁶ Относительно этого см. Документы венгерских якобинцев, том. I, документ № 15.

⁴⁷ Письма Лацковича. Документы венгерских якобинцев, том. I, документ № 15/d-h и документ № 75.

вич, — его «можно сравнить с таким плодом, который еще до того, как созреть, начинает гнить и падает на землю, чтобы уступить свое место другому, более молодому плоду».⁴⁸

Страстная точка зрения Лацковича выражает крайности, но все же типична в том отношении, что выражает разочарование всех тех, которые ждали от государственного собрания и вообще от среднего дворянства победу дела национальных и буржуазных или обеих вместе реформ.

Дворянское движение не оправдало ожидание демократической интеллигенции и это обстоятельство опять поворачивает ее в сторону монарха. Вообще поведение короля Леопольда пробуждает в демократической интеллигенции доверие. Демонстративное покровительство делу крепостных и буржуазии — настоящие причины которого интеллигенция не знает — и то, что в обсуждении вопросов вероисповеданий на государственном собрании король решает в пользу равноправия протестантов и православных вопреки возражениям высшего духовенства, все это создает в этой интеллигенции ложную иллюзию того, что монарх является сторонником реформ. Ко всему этому еще добавляется умелая пропаганда двора, создающая настоящую легенду вокруг личности Леопольда, его просвещенной политики, проводимой им в Тосканском великом герцогстве. Все это увеличивается тем, что государственное собрание создает впечатление, будто бы Леопольд хочет управлять с соблюдением конституционных форм и не следует абсолютистским методам Иосифа II. В Леопольде II приветствуют восстановителя национальной свободы. Вершеги перед судом в 1794 г. сказал, что среди сторонников политики Иосифа II было распространено мнение, согласно которому двор не хочет изменить реформам Иосифа II и только из-за внешнеполитических событий отложил их претворение в жизнь.⁴⁹ Реформистские намерения, приписываемые монарху, вселяют в интеллигенцию доверие и по отношению к деятельности комиссии государственного собрания. Она полагает, что сословия, зная о желании короля, именно в только что рожденной общности интересов короля и сословий не могут обойти самые существенные буржуазные реформы.

Хайноци тоже верит монарху и работе комиссий. Хайноци еще во время государственного собрания старался своими работами по публичному праву направить переговоры в буржуазное русло. Эти свои работы публичного права, вышедшие в течение 1791—92 годов, Хайноци пишет для комиссии, чтобы показать минимальные реформистские требования, необходимые с точки зрения демократических преобразований.⁵⁰ В этих своих работах

⁴⁸ Письмо Лацковича Адаму Сили от 11 декабря 1793: О. L. M. Kanc. eln. № 89/1795.

⁴⁹ Документы венгерских якобинцев, том II стр. 315—316.

⁵⁰ *Dissertatio politico-publica de regiae potestatis in Hungaria limitibus*, начало 1791 г. *De comitiis regni Hungariae . . .*, весна 1791 года. *De diversis subsidiis publicis dissertatio* весна 1792 года и *Extractus legum de statu ecclesiastico catholico . . .* начало 1792 г.

Хайноци стоит на тех же идейных и тактических основах, как и в своих проектах конституции. Хайноци снова обращается к дворянству, он объясняет ему, что проведение буржуазных реформ является их общим интересом. Хайноци пишет, что только тогда может создаваться прочная основа для стремлений к венгерской национальной независимости, когда дворянские привилегии распространятся и на широкие народные массы, «потому что чем более различающимися друг от друга правами располагают отдельные классы буржуазного общества, тем труднее добиться общего блага, тем легче они сталкиваются друг с другом, и, таким образом стоит меньше препятствий на пути исполнительной власти, стремящейся к незаконным действиям.»⁵¹ Поэтому Хайноци считает необходимым представительство крепостных на государственном собрании, распространение на всех той привилегии дворянства, согласно которой без законного основания никого нельзя арестовать, считает необходимым общее налогообложение и занятие должностей всеми имущими, но вместе с этим считает необходимым дать всем право приобретения имущества. По церковной линии Хайноци торопит постепенную секуляризацию церковных имуществ, снятие со светских должностей священников, отмену десятины и назначение государственной оплаты священников. Хайноци всем этим хочет облегчить судьбу народа, платящего налоги, и верит в то, что дворянство добровольно примет общее налогообложение соразмерно своим владениям.

Хайноци и вместе с ним многие представители демократической интеллигенции с надеждой смотрят на монарха и на деятельность сословных комиссий, верят в то, что на государственном собрании в 1792 году удастся восполнить все то, что было упущено в 1790 году.

Эту иллюзию со всеми ее надеждами разбило государственное собрание 1792 года. Король Леопольд II первого марта 1792 года внезапно умер, и на июнь месяц было созвано государственное собрание для коронации. Но атмосфера была совершенно иная, чем в 1790 году! Оппозиционного голоса не было слышно, в поведении сословий и двора было полное единогласие. По предложению наместника вельможи согласились, что торжественному акту коронации не следует мешать обсуждением еще не готовых предложений постоянных комиссий. В июне 1792 года государственное собрание «без всякого инцидента, в наилучшем настроении» короновало Франца, а для войны против Франции дало пять тысяч новобранцев, тысячу коней и четыре миллиона форинтов. И после того, как монарх пообещал роспуск иллирской канцелярии, созданной его отцом для устрашения венгерского дворянства, и которая оказалась уже ненужной, после того, как сделал маленькие уступки в области преподавания венгерского языка и правосудия, чтобы угодить

⁵¹ De comitiis. Цит. Документы венгерских якобинцев, том. I, стр. 376.

ссловиям, сословия через несколько недель удовлетворенно и успокоившись вернулись домой.

Но иначе чувствовала себя интеллигенция, ожидавшая демократических реформ, которая опять окончательно потеряла все надежды. Едва Франц вступил на престол, но еще не короновался, как уже издал целый ряд указов, об усилении цензуры, о конфискации уже появившихся произведений, и уже начал расследования о их авторах. Поведение Франца не вызвало недоумений, и Хайноци выразил общее мнение, когда еще во время государственного собрания заявил, что «в клятву короля и в данное им слово нельзя верить».⁵² После этого стало ясным, что нечего надеяться на деятельность постоянных комиссий, правда, комиссии продолжают свою работу еще в течение одного года — совещаются, создают обширные проекты, но ни в национальном, ни в буржуазном направлении не думают о коренных изменениях. Предложения комиссий вообще имели консервативный характер, в них даже проявлялись ретроградные черты. Все это было естественным последствием того, что двор под влиянием французских событий все меньше и меньше симпатизирует реформистским стремлениям, и что в комиссиях преобладали придворные. Когда были готовы систематизированные предложения, составляющие громадные тома, их запросто положили в архив. О их проведении в жизнь не шло даже и речи.

Крушение деятельности комиссий современники, конечно, не могли ясно видеть, но голос разочарования стал все чаще и чаще раздаваться. Хайноци уже заметил, что депутаты не особенно обращали внимание на интересы недворян. Он считает, что дворяне скорее готовы приклонить головы перед неограниченной монархией, чем приблизить к себе недворян.⁵³

И все же против все более неприкрытого абсолютизма впервые начинают поднимать головы комитатские дворяне-патриоты, создав этим в известной мере возможность и для выступлений интеллигенции.

Спротивление комитатов после кульминационной точки большого подъема 1790 года спало, но не прекратилось. ореол Леопольда «восстановителя конституции» постепенно подрывался в глазах комитатских средних дворян. В течение 1791 года выяснилось, что Леопольд только мнимо порвал с абсолютистскими методами Иосифа II, и как только во внешней политике упрочилось его положение, он постепенно старается ликвидировать свои уступки. После своей коронации Леопольд сразу же распускает государственное собрание и Зичи, Юрмени и наместник с большим трудом убедили его взять обратно постановление, потому что оно привело бы к оживлению движений 1790 года. Монарх не желает сотрудничать с сословными учрежде-

⁵² Донесение Штрамайера от 19 июня 1792 г. O. L. Vertr. A fasc. № 57.

⁵³ Его признание перед венской комиссией расследования во время судебного процесса 1794—95 годов : Документы венгерских якобинцев, том. II стр. 100—101.

ниями и не спрашивает их мнения. В венгерских делах Леопольд слушается, собственно говоря, только государственного советника Изденци и Ференца Балашша, назначенного иллирским канцлером, они оба являются олицетворением крайней монархической, ярко выраженной антивенгерской точки зрения. Участники движения 1790 года получают всеобщую амнистию, но не могут остаться в руководящих должностях. В канцелярию и в наместничество были возвращены церковники, вытесненные оттуда при Иосифе II. А по их следам туда проникли бывшие иезуиты, — к середине 1791 года руководство культурой, политикой и образованием уже полностью находилось в их руках не только у нас, но и в Австрии. Ван Свистен, сторонник политики Иосифа II, уходит, и руководителем цензорского бюро назначается Мартини, ставленник иезуитов. Цензура становится все строже, иностранные прокламации едва пропускаются, и начинаются преследования сторонников демократических реформ. И все это только подготовка к всеобщим изменениям, в ходе которых всюду, даже на места укрощенных средневосточных реформистов вступают монархисты.⁵⁴ Леопольд под влиянием французской революции, которая в это время уже все более открыто выступает против монарха, оставляет всякую мысль о реформах, и самая главная его забота — преградить путь прогрессивным движениям, симпатизирующим революции. Поэтому Леопольд отвернулся от крестьянства и буржуазии и считает необходимым уничтожить ростки патриотического дворянского движения. Требования Леопольда II по отношению к своим подданным можно сформулировать следующим образом: рабская преданность по отношению к династии и решительный отказ от революционных идей.

Средние дворяне уже летом 1791 года жалуются, что из решений государственного собрания ничего не осуществляется, и руководство страной все больше переходит в руки аристократии и высшего духовенства.⁵⁵ Комитаты недовольны и между ними начинается переписка, которую Леопольд II тщательно пытается остановить своими указами.⁵⁶ Недовольство разделяют и бывшие чиновники дворяне, сторонники политики Иосифа II. Все это уже представляет ядро нового движения. Французские события не пугают их и даже увеличивают их антиаристократические, антиклерикальные и антимонархические настроения. Борьба французского национального собрания, сентябрьская конституция 1791 года, сделавшая институт королевства безвластным, и о которой отечественные газеты подробно рассказывали, только питают недовольство комитатов, которые видели в этих событиях олицетво-

⁵⁴ Документы венгерских якобинцев, том I, стр. 78. Документы Александра Леопольда.

⁵⁵ Донесение Протулепца от 27 июля 1791 года: O. L. Privatbibl. fasc. № 14, приложение к донесению Готтхарди № 657, сравни с письмом Яноша Лацковича от 10 ноября 1791 года. Документы венгерских якобинцев, том I, документ № 32/с.

⁵⁶ Документы венгерских якобинцев, том I, документ № 22.

рение своих стремлений. В северо-восточных комитатах с большим энтузиазмом наблюдают за польскими событиями: король Станислав Август II присоединился к среднедворянской национальной партии, и сейм в новой конституции, принятой 3 мая 1791 года, сломил власть аристократии. Законодательство было возложено на отчасти дворянский, отчасти буржуазный парламент, которое несколькими законами в пользу буржуазии и крестьянства пробило стену феодальной системы. И когда польские патриоты развернули знамя освободительной войны против предателей, просящих помощь у царицы Екатерины II и против русских войск, патриотическое венгерское дворянство с безраздельным энтузиазмом встало на сторону польской национальной партии. Бачани в стихотворении приветствует короля Станислава,⁵⁷ граф Лайош Тёрёк, генеральный директор в г. Кашша (Кошице), при одобрении земпленских дворян пьёт за здоровье Костюшко.⁵⁸

Глашатаи этой патриотической оппозиции, которая, следовательно, в первую очередь выступила против самодержавия иностранного монарха, а не против феодального порядка, группируются вокруг Ласло Орци, заместителя председателя Венгерской Палаты. Орци в 1790 году был среди тех, которые вступили в связь с прусским королем; после смерти Иосифа II сословия поручили ему командование дворянскими ополчениями. Придворный доносчик уже тогда называл Орци «вождем аристократов — бунтарей».⁵⁹ Орци не отказывался от умеренных реформ и считал нужным делать некоторые уступки крепостным, но все же в первую очередь его сокровенной мечтой было завоевание национальной независимости. Орци с большим благоволением смотрел на французов, осмелившихся выступить против своего монарха, и стены его комнаты украшал портрет орлеанского герцога Филиппа Эгалите.⁶⁰ Пештский дом Орци еще во время государственного собрания был местом встречи радикальных оппозиционеров и теперь продолжал оставаться местом встреч. Начиная с осени 1791 года, тайные агенты все чаще доносили в Вену, что во дворце Орци часто бывают известные патриоты и продолжительно совещаются. Конкретно о предмете совещаний они ничего не знали, но предполагали, что там говорят об организации недовольных.⁶¹ Аббат Габельхофер осенью 1791 года уже докладывал: они хотят привлечь на свою сторону крестьян.⁶² «Из господ заговорщиков»⁶³ по фамилии мы знаем немногих. Донесения упоминают известных патриотических и реформист-

⁵⁷ Собрание сочинений Бачани. стр. 351. Первый вариант стихотворения «На европейские войны».

⁵⁸ Документы наместника Иосифа, Том. I стр. 157.

⁵⁹ Относительно этого см. Документы венгерских якобинцев, том. I, документ № 40 стр. 677.

⁶⁰ Документы венгерских якобинцев, том. II, стр. 206.

⁶¹ Документы венгерских якобинцев, донесение Йозефа Гроссинга, (цитирует Граггер), стр. 83, см. еще донесение Мартиновича ук. соч., том. I, документ № 83/f.

⁶² Без датировки O. L. Privatbibl. fasc. № 11.

⁶³ В донесении Габельхофера от 14 марта 1791 года ук. соч.

ских вельмож — барона Йозефа Подманицкий — советника наместничества, графа Яноша Сапари — серемского губернатора, графа Михая Стараи, затем Йозефа Фодора и Шамуэля Лани, этих двух представителей образованных и просвещенных средних дворян, молодого Ференца Сентмарьяи, секретаря Орци, который согласно мнению одного писаря являлся душой общества.⁶⁴ Другие источники отмечают среди них Пастори, вицегубернаторов Марьяши из комитата Хонт и Шпишшиха, вицегубернатора из комитата Зала, отмечают и Яноша Надьвати.⁶⁵

Из комитатов подряд поступают вести об увеличении лагеря недовольных. В комитатах Ваш и Зала генерал граф Янош Фекете и граф Дьёрдь Фештетич организуют «заговор против монарха»⁶⁶. В комитате Земплен задают тон Казинци, Сирмаи и Бернати, в комитате Сабольч—Ваи, в комитате Бихар — Бёти.⁶⁷ Осенью 1791 вице-губернатор Шпишших своему масонскому брату Штромайеру, о котором он даже не подозревает, что тот является доносчиком двора, объясняет, — что комитаты уже ясно видят, что только революционным выступлением могут преградить путь самодержавию монарха. Поэтому вицегубернаторы находятся в постоянных сношениях друг с другом и по более важным делам выступают согласованно. Они уже разработали свои планы и порешили, что не дадут двору обмануть себя еще раз.⁶⁸ «Друг мой, — говорил один из недовольных полицейскому доносчику, — сейчас уже несущественно, что русская или прусская или какая-нибудь другая династия господствует над Венгрией, сейчас существенно только одно, чтобы австрийская династия больше не господствовала над нами».⁶⁹ Стало известно, что хотят созвать государственное собрание в Пеште для того, чтобы «из города сделать второй Париж».⁷⁰

Все это, конечно, преувеличенные вести, но настолько точно, что дворянская оппозиция еще при жизни Леопольда находилась в сильном брожении. Например, осенью 1791 года, когда наместника назначили губернатором комитата Пешта, оппозиционеры уже громкими возгласами мешали торжеству, и немного позже начали организованную деятельность, попытались взять в свои руки руководство деятельностью комиссий государственного собрания. Поскольку они боялись того, что король Леопольд может подкупить часть членов комиссии, и эти последние смогут стать рупором двора, они требовали отпечатать работы и предложения комиссий для того,

⁶⁴ Документы венгерских якобинцев, том. I, документ № 40.

⁶⁵ См. уже цитированное донесение Мартиновича у Граггера, ук. соч. стр. 84.

⁶⁶ Донесение Протулупеца от 23 июля 1791 года. О. L. Privatbibl. fasc. № 14.

⁶⁷ Относительно этого см. документы наместника Иосифа, ук. соч., том. I, документ № 46.

⁶⁸ Донесение Штромайера от 11 августа 1791 года, ук. соч., том. I документ № 30.

⁶⁹ Донесение Гроссинга от 31 июля 1791 года, цитирует Граггер, ук. соч. стр. 84.

⁷⁰ Донесение Колмайера от 28 мая 1791 года, О. L. Privatbibl. fasc. № 11.

чтобы комитаты смогли бы высказать свое мнение.⁷¹ Их требования не осуществились, но это все страшно беспокоило двор. В самом начале 1792 года Леопольд уже считает настолько опасным движение дворянской оппозиции, что он опять прибегает к тактике 1790 года: его агенты опять начинают поднимать недовольное крестьянство и буржуазию, чтобы они требовали для себя представительства в государственном собрании.⁷²

Внезапная смерть Леопольда II прервала эти попытки, но остановила и патриотическое движение. Ряды оппозиции, которые уже начали организовываться, вдруг расстроились, так как не знали, чего можно ждать от нового молодого монарха. Первое впечатление было благоприятно для них.⁷³ Они только после государственного собрания поняли, что все остается по-прежнему, и что король Франц даже еще более беспощадно идет дальше в абсолютистском и реакционном направлении, начатом его отцом. Едва закрылось государственное собрание, тайные донесения один за другим извещают об увеличивающемся недовольстве среднего дворянства, буржуазии, крестьянства и о непопулярности короля. В июле одно неизвестное лицо уже отчитывается в том, что если не будут осторожными, может разразиться революция, настолько плохое настроение во всей стране. Это лицо объехало северные венгерские города, — читаем в донесении, — и увидело поразительные вещи. Деспотизм городских советов буржуазия уже не хочет терпеть, и она не скрывает свое недовольство. Всеобщим явлением в кругах буржуазии является разочарование и отчаяние, потому, что государственное собрание ничего не сделало, только расширило и укрепило дворянские привилегии, а на буржуазию не обратило даже внимания. От работы депутатов буржуазия не ожидает ничего хорошего. Военным налогом все возмущены, дворянин — потому, что ему платить надо, буржуа — потому, что предвидит, что из-за нехватки денег и без того слабая торговля еще больше ослабнет, и еще потому, что государственное собрание и на них распространило действие венских вексельных законов. Сербы возмущаются отменой иллирской канцелярии, средние дворяне точат ножи для аристократии и ругают духовных лиц. Наконец я всюду видел, — говорится в донесении, — что люди испытывают большую симпатию к французской конституции. Все, что происходит во Франции, интересует их, с жадностью читают известие о французских событиях. Правда, не одобряют мероприятия, проведенные против королевской семьи, но вполне согласны с отстранением аристократии и часто поговаривают: «В Венгрии будет такой же конец всем делам». Положение гораздо тревожнее, чем многие предполагают это. «Я не хочу заниматься

⁷¹ Относительно этого см.: донесение Штромайера, ук. соч., том I, документ № 30.

⁷² См. меморандумы Мартиновича королю Францу, ук. соч., том I, документ № 3.

⁷³ Например, созыв государственного собрания в Буде, — королевские предложения, которые прячут в признательных словах требование новобранцев для продолжения войны и т. д. и т. п. См. документы Александра Леопольда, ук. соч., стр. 515—528.

вопросами, через сколько времени может вспыхнуть революция в Венгрии, но мне кажется, что министерство сильно ошибается, если думает, что из-за разногласий вообще не может вспыхнуть революция в стране. Я согласен, что не может возникнуть прочное единство (среди классов), но на основе моего опыта считаю возможным, что под влиянием всеобщего угнетения и деспотизма все разделенные силы могут объединиться, на короткое время, для разрешения центрального вопроса, находящегося в центре событий, а это одним ударом могло бы уничтожить власть».⁷⁴ На несколько дней позже об этом же докладывает Готтхарди: «чувства буржуазии и крестьянства в Венгрии уже сошлись против аристократии и высшего духовенства. Сторонники политики Иосифа II создают планы, согласно которым нужно объединить среднее дворянство с недворянами и создать двухпалатное государственное собрание.»⁷⁵

Слияние «проиосифской» интеллигенции и дворянской оппозиции не является плодом фантазии авторов тайных донесений. Но эта интеллигенция уже не является проиосифской, за истекший период эта интеллигенция под давлением внешних и внутренних событий семимильными шагами продвигалась по пути радикализма.

Первые неуверенные донесения говорят только об увеличивающемся недовольстве интеллигенции, о «революционных» высказываниях университетских профессоров, о беспокойных движениях радикального левого крыла масонов. Запутанные противоречивые донесения постепенно становятся более конкретными, и к 1793 году перед нами разворачивается картина радикальной интеллигенции, идущей к революции.

Первым характерным этапом развития этой интеллигенции является объединение одинаково мыслящих, которые, перерастая реформизм масонских программ, выделяются из масонских лож и создают отдельную группу. В Пеште и Буде они организуют читательские кружки, общества по самообразованию, которые полицейские донесения с самого начала называют клубами. Институт «*Lese kabinet*» они переняли из Германии, которые там тоже были тайными организациями радикальной интеллигенции. В Буде был создан читательский кружок, который назывался и кружком образованных — *Societas Eruditorum* —, среди его основателей мы встречаемся с именами Хайноци, Сентмарьяи, Берзевици, Вершеги, а среди их членов мы находили весь круг их друзей: Габора Ратони, директора королевской фискалии, коллекционера памятников венгерских государственных собраний; чиновника камеры Мартона Дьёрдя Ковачича, поэта, живущего у Ковачича, Ласло Сабо Сентйоби, а также чиновников камеры Якоба Сечанаца и Йожефа

⁷⁴ Донесение от июля 1792 г., Документы венгерских якобинцев, том. II, стр. 770 и следующие.

⁷⁵ Донесение Готтхарди от 30 июля 1792 года, ук, соч., том. II, стр. 771.

Штаттнера, которые вместе с Хайноци выписывали газету «*Moniteur*», затем служащих наместничества Шамуеля Лани и Ференца Фодора, адвокатов, друзей Сентмарьяи, Шандора Соларчика, Игнаца Тантишша и Пала Ёза, далее из круга Хайноци мы находим Коппи, Абаффи, Верховски и других.⁷⁶

С этими же лицами мы встречаемся в доме Ференца Абаффи, где время от времени они собираются для дружеских разговоров. Сам хозяин выходец из комитатских владетельных дворян, является одним из самых смелых приверженцев прогрессивного реформизма на государственном собрании 1790 года. В этом обществе мы всегда находим Хайноци, Сентмарьяи и Коппи, а кроме них еще профессоров университета: Ференца Дьюрковича, левого масона Антала Крейла, Андраша Халички, Адальберта Барича, молодого адвоката Верховски, студента юриста Шандора Соларчика и других.⁷⁷ Вокруг них группируются симпатизирующие, чиновники государственных учреждений, студенты университета, последние собираются и отдельно для обсуждения своих проблем.⁷⁸

Не только в Пеште, но и в других больших культурных центрах мы встречаем подобные общества. В Кашше в масонских ложах действуют вместе профессора высшей школы, врачи, адвокаты, даже торговцы, но среди них встречаются и отдельные представители комитатского дворянства.⁷⁹ В Надьвараде (Орадья Маре) преподаватели юридической академии, главный окружной судья, главный нотариус составляют одно небольшое общество.⁸⁰ На западной окраине страны в Кёсеге регулярно собираются несколько судей окружного суда, директор пиаристской гимназии, один адвокат и аптекарь,⁸¹ но о тайных клубах, «распространяющих» французский яд, мы слышим и в Кежмарке (Кежмарок) и Лёче (Лёвоча).⁸²

Как эти разрозненные факты показывают, члены обществ далеко не представляли одно монолитное целое. В них мы находим крупнопоместного дворянина, даже аристократа, иностранного профессора и венгерского патриота, потомка старинной исторической семьи и плебей. Их объединяет оппозиция по отношению к венгерским условиям и убеждение, что необходимо изменить существующую систему. Относительно радикализма осуществляемых изменений должна была существовать между ними разница, и, наверняка была такая разница, хотя вначале она не проявлялась остро. Кроме всего этого, их объединял исключительный интерес, проявляемый к французской революции, и возможность того, чтобы с помощью друг друга получать

⁷⁶ Относительно этого см. ук. соч., том. I, стр. 45, 746, 815; том. II, стр. 116, 166 и примечание № 1; Документы Александра Леопольда ук. соч., стр. 122, примечание № 3.

⁷⁷ Ук. соч., том. II, стр. 166, 170 и след.

⁷⁸ Ук. соч., том. II, стр. 63 и след., стр. 166.

⁷⁹ Ук. соч., том III, стр. 29 и 54—55.

⁸⁰ Ук. соч., том III, стр. 122, 129, 190 и 205.

⁸¹ Ук. соч., том III, стр. 58.

⁸² Документы Александра Леопольда, ук. соч., стр. 612.

известия о событиях, волнующих всю Европу, объединяла и возможность обмена мнениями.

Главная программа этих «клубов» заключалась именно в том, чтобы способствовать политической ориентации. Вицегубернатор доносил о кёсегском обществе следующее: «Они читают вольнодумные статьи, критикуют церковь и церковные догмы», разговаривают о французской революции.⁸³ Они совместно выписывают «*Moniteur*», и кто знает по-французски, тот переводит её для других. Они с такой жадностью набрасываются на французские известия, что Сентмарьяи со своими друзьями ежедневно собирается для чтения газет.⁸⁴ Когда одному из них — Якабу Сечанцу надо было уехать в провинцию, Хайноци в письмах извещал его о французских событиях и посылал ему подробные выписки из речей ораторов французского национального собрания.⁸⁵ С таким же вниманием следят и обсуждают прокламации о французской революции, а также знаменитую книгу Пьена о правах человека,⁸⁶ и «Общественный договор» Руссо, который Сентмарьяи перевел на венгерский язык.⁸⁷ Кто не знает по-французски, старается быстро овладеть этим языком. Молодые жадно читают литературу по материалистической философии и не один из них, преодолев деизм, считает себя атеистом.

«Все взоры интеллигенции устремлены на Париж, где после казни короля вся власть перешла в руки якобинцев, и рождаются одна за другой радикальные реформы. И пока революционные войска «республики-убийцы короля» наносят один удар за другим коалиционным войскам на Рейне, следовательно, и войскам императора Франца, внутри страны демократическая интеллигенция празднует победу после вести о каждом поражении коалиционных войск. В таких случаях они собираются в доме Абаффи. Они празднуют французские успехи и отпраздновали день рождения французской республики, 10 августа. Они провозглашают здравицу в честь французов, поднимают тост за здоровье Робеспьера, и в это время они исполняют революционные песни Карманьоль и Са ира».⁸⁸ Они называют друг друга «гражданином» и пьют за смерть «самодержцев и деспотов», провозглашают здравицу в честь свободы и равенства, что представляют они по-разному, но идеал которых они видят у французов. Неописуемая радость охватывает Сентмарьяи и вместе со своими друзьями он поет Марсельезу. При каждом удобном случае они демонстрируют против непопулярной коалиционной войны. И тогда, когда двор организует благодарственные молебны в честь каждой «победы», они в широких кругах распространяют псевдонимную листовку Мартиновича, его открытое письмо к императору Францу, которое с едким

⁸³ Ук. соч., том. III, стр. 58 и 63.

⁸⁴ Ук. соч., том. II, стр. 63.

⁸⁵ Ук. соч. том. I, документ № 77.

⁸⁶ *The rights of Man* (1791) там же (Письмо без даты № 51 — лист № 17).

⁸⁷ Ук. соч., том. I, документ № 93.

⁸⁸ Относительно этого см. ук. соч., том. II, стр. 170 и следующие.

сарказмом высмеивает потуги монарха, мечтающего об уничтожении французской революции. Чтобы доказать свои братские чувства, Сентмарьян вместе с Лайошом Редей в городе Ваце встречают эшелон французских военнопленных, прибывших в Венгрию, приветствуют их поцелуями и кокарду, полученную от них, хранят как реликвию и показывают только тому, кто встав на колени, целует её.⁸⁹ Янош Слави в своей прокламации вкладывает в уста одного венгерского солдата, попавшего во французский плен, слова защищающие республику от клеветы реакции,⁹⁰ один неизвестный поэт в лице французов приветствует «распространителей света».⁹¹

Эти штрихи освещают развитие венгерских демократов. Тот же самый Хайноци, который в своих работах, вышедших в свет в начале 1792 года, еще искренне верил в то, что умеренными реформами, совместной доброжелательностью сословий и монарха можно заложить фундамент преобразования, а в 1793 году он уже переводит якобинскую конституцию на латинский язык и распространяет ее в кругу своих друзей.⁹² Хайноци в конце 1792 года пишет о неудержимом самоуправстве магнатов и епископов и в противовес этому в законных рамках старается укреплять власть монарха,⁹³ а 10 августа 1793 года вместе со своими друзьями уже празднует годовщину провозглашения французской республики.⁹⁴ Путь усиления его радикализма показывает, что в своем письме от конца июня 1793 года он еще стоит на стороне жирондистов, и хвалит мужество и храбрость Вернио,⁹⁵ а спустя несколько месяцев он уже поднимает тост за здоровье Робеспьера.⁹⁶ Хайноци знает все подробности революции так, как будто он жил в Париже, и вместе с этими событиями формируется его мышление. «Его душа была пламенной, он телом и душой жил с французской революцией», — писал о Хайноци Казинци.⁹⁷ Парижские события являются школой венгерской интеллигенции, и когда статьи «*Moniteur*» разоблачают двуручническое поведение Людовика XVI, венгерские демократы это относят и к королю Францу.

Разумеется, не все могут идти в ногу с французскими событиями, и только немногие смогли дойти до якобинства.⁹⁸ Хайноци, как мы видели,

⁸⁹ Ук. соч., том II, стр. 118, 171—172.

⁹⁰ Ук. соч., том I, документ № 89.

⁹¹ Ук. соч., том I, документ № 73.

⁹² Ук. соч., том II, стр. 64, 117 и 512.

⁹³ Ук. соч., том I, стр. 840—841.

⁹⁴ Ук. соч., том II, стр. 171.

⁹⁵ Его письма от 22 июня 1793 года к Якову Сечанапу, O. L. Vertr. A. fasc. № 53 ad A лист № 51; сравни ук. соч., том I, документ № 77.

⁹⁶ Ук. соч., том II, стр. 171.

⁹⁷ Ук. соч., том III, стр. 367.

⁹⁸ Нас не должно ввести в заблуждение то, что современные донесения не только демократов, но даже средневоянских патриотов называли большей частью якобинцами. Общую позицию хорошо выразила жена Ласло Сирман в одном из своих писем к губернатору барону Йозефу Орци: «Я считаю якобинцами всех тех, — пишет она, — которым нравится французская конституция, и которые радуются успехам французов в войне, и которые всячески мешают успехам нашего двора». Ук. соч., том III, стр. 179, примечание № 2.

к осени 1793 года уже является сторонником буржуазной республики, в сущности он согласен с якобинскими идеями, но осуждает массовые казни революционного трибунала и все еще верит в том, что в Венгрии перемены могут произойти без кровопролития.⁹⁹ Сентмарьяи является самым радикальным. Он со всем энтузиазмом молодости бросается в водоворот французских событий; он переводит отчет Давида перед конвентом и обвинительную речь Сен Жюста жирондистов; открыто поносит монархов и всех их сторонников.¹⁰⁰

Но большинство не заходит так далеко. Пал Ёз, молодой адвокат, сторонник республики, даже перед судом излагает, почему республика самая совершенная государственная форма, но возражает против всякого революционного насилия.¹⁰¹ Абаффи хотя и был заклятым врагом самодержавия, аристократии и высшего духовенства, но все же до конца остался сторонником конституционной национальной монархии. Абаффи добивался буржуазных реформ, но свободу печати не распространял на атеистическую литературу.¹⁰² Адальберт Барич, которого Габельхофер причислял к «особенно опасным людям», тоже выступил против республиканского строя, но выступал и против самодержавия и дворянского господства, и считал, что принципы свободы и равенства совместимы с конституционной монархией.¹⁰³

Молодежь является уже революционно радикальным республиканцем и демократом.

Студенты пештского университета из-за симпатии к французам коротко постригли свои волосы «по-якобински», и начали носить французскую «якобинскую» шапку, пока наместничество не запретило это.¹⁰⁴ Студенческая молодежь сажает деревья свободы и на балах на масленицу пугает гильотиной роялистов и реакционеров.¹⁰⁵ Она действительно желает, «чтобы не только дворянин был гражданином страны, но и недворянин», она против «заносчивого аристократизма», хочет стать защитницей неотчуждаемых прав человечества.¹⁰⁶ Центральной мыслью молодежи является уже не модификация конституции, а полное наделение правами буржуазии и в первую очередь полное освобождение крепостных крестьян. Их идеи и цели еще далеко не были оформленными, но их энтузиазм явился серьезным фактором движения интеллигенции. Из перелисок и прочих записок эпохи перед нами вырисовывается молодое поколение, воодушевленное событиями французской ре-

⁹⁹ Показания Хайноци перед судом, ук. соч., том II стр. 102.

¹⁰⁰ Ук. соч., том II, стр. 64, том. I, документ № 40.

¹⁰¹ Ук. соч., том II, стр. 730 и след.

¹⁰² Ук. соч., том I, документ № 88.

¹⁰³ Ференц Экхарт, История венгерского королевского университета имени Петра Пазмания, История факультета права и теории государства, Будапешт, 1936, том. II, стр. 208.

¹⁰⁴ Документы венгерских якобинцев, том. II, стр. 72.

¹⁰⁵ Ук. соч., том. I, стр. 998.

¹⁰⁶ Письмо Ёза к Казинци, ук. соч., том. I, документ № 82.

волюции, убежденное в необходимости буржуазного преобразования, которое вместе с некоторыми глубокообразованными старшими представителями ищет пути развития. Их взоры устремлены на Париж, но корни их находятся в венгерской действительности, и их самосознание и призванность умножает знание того, что во Франции интеллигенция шла во главе революционного движения, следовательно, в Венгрии тоже им нужно завоевать свободу и равенство.¹⁰⁷

Между демократической интеллигенцией и оппозиционным средним дворянством с самого начала существовали отношения, но эти тонкие нити начинают укрепляться только с 1793 года. Это объясняется общим политическим положением. Коалиционная война против французов ставит имперское правительство перед все более и более трудными задачами: требуются деньги и войска, а война повсюду является непопулярной. Наместник уже в конце 1792 года жалуется, что очень многие «злые» люди взбудораживают граждан.¹⁰⁸ Набор новобранцев губернаторы могут осуществить только в результате быстрых и энергичных мероприятий. В начале 1793 года уже ведутся переговоры о прекращении деятельности комиссий государственного собрания, и из-за общего настроения наместник рекомендует, чтобы газеты печатали только внутренние политические новости. Донесения, поступающие из комитатов, говорят о распространении «французского яда», даже о том, что главным образом «в комитатах по реке Тиссе, всегда склонных к беспокойству» этот яд уже распространился. Двор быстрыми мероприятиями хочет опередить события, его распоряжения затрагивают в равной мере и дворян и интеллигенцию. Начинается серия расследований, демократ и оппозиционный дворянин в равной мере являются подозрительными в глазах правительства. Бачани 10 февраля 1793 года уже жалуется Дьёрдью Аранка о том, что «очень стерегут людей, мыслящих по-французски, а трезвомыслящих и говорящих людей быстро причисляют к якобинцам». «Наше положение здесь очень опасное, — пишет Бачани 10 марта, — всегдашние враги здравого смысла получили новую силу. Они хотят ввести настоящую испанскую инквизицию.»¹⁰⁹ Бачани за два своих стихотворения, вышедших в свет в 1790 году отдается под суд, и после продолжительной волокиты он теряет свою должность.¹¹⁰ Вершеги за перевод всемирной истории аббата Милло был заточён в монастырь,¹¹¹ комитаты получают указ, что без королевского разрешения нельзя иметь типографию и без цензуры ничего нельзя издавать.¹¹² Реакционный абсолютистский режим одинаково

¹⁰⁷ Заявление Андраша Шемшен, ук. соч., том I, стр. 502, примечание № 4.

¹⁰⁸ См. документы Александра Леопольда, ук. соч., стр. 583, 589, 594, 595, 612—614 и 633.

¹⁰⁹ Документы венгерских якобинцев, том I, документ № 72.

¹¹⁰ Относительно подробностей см. ук. соч., том I, документ № 86.

¹¹¹ Ук. соч., том I, документ № 78.

¹¹² Ук. соч., том I, документ № 84.

давит на буржуазных демократов и на оппозиционных дворян, но тогда, когда первые не имеют никакого оружия, дворяне в комитатах могут сопротивляться. Это комитатское сопротивление с весны 1793 года все больше усиливается.

Но уже только кажется, что комитатским сопротивлением руководят феодальные дворяне патриотической оппозиции. На переднем плане эти дворяне, на комитатских собраниях выступают они, они подписывают докладные записки, но если посмотрим за кулисы, то находим там демократическую интеллигенцию, которая направляет комитатское движение из-за кулис.

Общую позицию, последовательный ряд мероприятий, методы борьбы определяют тайные общества интеллигенции, читательские кружки — «клубы». Здесь ставятся на обсуждение различные вопросы, а потом в духе здесь оформленных позиций выносят решения. Мы знаем, что уже упомянутую комитатскую кампанию, направленную на проверку деятельности комиссий государственного собрания, требующую публикации работ комиссии, организовали в клубе Пешт-Буда. В вопросе барщины тоже вначале в клубе выяснили общую позицию и вынесли решение о том, что надо стремиться к тому, чтобы каждый дворянин заключил договор со своим крепостным, а уже затем это требование появилось в кругах комитатского дворянства.¹¹³ Полицейские донесения наполнены отчетами о «решениях» клубов, и если сами решения мы не можем восстановить на основе этих донесений, то они ясно доказывают то, что требования оппозиции формулировались в клубах, а не на комитатских собраниях.¹¹⁴

Интеллигенция видела, что своими силами она не может добиться никаких изменений. В борьбе против двора, аристократии и высшего духовенства она может опираться только на союз с патриотическим средним дворянством, и этот союз большинству интеллигенции был симпатичен не только по тактическим причинам, но и вообще. Интеллигенция придает большое значение комитатскому сопротивлению, она видит единственную возможность борьбы против правительственной системы чужой династии в организации комитатского дворянства, этого единственного защитника национальной независимости.

Убеждение и направление отдельных комитатов возлагается на отдельных представителей демократической интеллигенции. Полицейские агенты постоянно жалуются на них: они агитируют, дают советы, убеждают сомневающихся, поощряют на борьбу нерешительных. Профессора университета в Пешт-Буде Колпи, Шрауд, Крайль и другие на лекциях, в обществе и вообще всюду хвалят «французскую систему», — «они гораздо вреднее са-

¹¹³ См. донесение Колмайера, ук. соч., том I, документ № 30.

¹¹⁴ Ук. соч., том I, документ № 31., 45, 57 и 63.

мого дикого французского эmissара».¹¹⁵ Часто можно их видеть, особенно Крайля в обществе Ласло Орци, Йожефа Подманицки, графа Яноша Фекете и других «политических борцов за свободу».¹¹⁶ Вообще очень много хлопот с преподавателями и студентами и в других местах. Адам Подконицки, преподаватель кежмаркской лютеранской гимназии объяснял своим ученикам, что война французов правая, справедливая, а всяна короля Франца наоборот.¹¹⁷ В Надькёрёше преподаватели и учащиеся гимназии приветствуют французов,¹¹⁸ студенты коллегии в Шарошпатаке организовали общество для распространения революционных идей.¹¹⁹

О Сентмарьяи доносят уже в 1792 году, что он является руководителем недовольных, группирующихся вокруг Ласло Орци. Мартинович перед судом сказал, что Сентмарьяи является «можно сказать одним лицом» со своим начальником.¹²⁰ Янош Шпишших, вице-губернатор передового оппозиционного комитета Зала является самым хорошим другом Хайноци. Шпишших из-за деятельности комиссий государственного собрания в течение нескольких месяцев живет в Пеште, он часто бывает вместе с Хайноци. Политический агент отмечает: «они находятся в весьма дружеских отношениях».¹²¹ В восточных комитетах действует казинци. Писатель Ференц Казинци, который в 1800 годах, боясь тюрьмы, отстранился от политической жизни, в это время еще со всеми своими молодыми силами ушел в комитатскую жизнь, он вел публичные дискуссии с представителями высшего духовенства и двора, и когда болезнь приковывает его к постели, то он сожалеет о том, что не может идти на комитатское собрание, «хотя, — пишет он Хайноци, — я очень полезно мог бы там действовать».¹²² Деятельность Казинци значительно содействовала тому, что восточные комитаты единогласно сопротивлялись указам о цензуре и о печати, и посылали монарху докладные записки настолько нахального тона, по выражению Канцелярии, что монарх выступил против них с репрессиями. Подобно Казинци Дьёрдь Слави агитирует в Бихаре, а Янош Бачани в комитате Абауй. Хотя Бачани и недворянин и на комитатских собраниях он не мог присутствовать, но через своих друзей его мнение выражается там, более того, он участвовал в составлении докладной записки комитета.¹²³

¹¹⁵ Относительно Коппи и Шрауда см. ук. соч., том I, документ № 52 и донесение Штрамайера от 29 декабря 1792 года: O. L. Privatbibl. A. fasc. № 15, лист № 1.

¹¹⁶ Цитированное донесение Хоффмана от конца 1792 года.

¹¹⁷ Донесение кежмаркского полицейского префекта от 2 февраля 1793 г. O. L. Vertr. A. fasc. № 40.

¹¹⁸ Ук. соч., том III, стр. 139 и 276.

¹¹⁹ O. L. Наместничество ad polit., 1798, № 73, IV—V № 24.

¹²⁰ Ук. соч., том I, стр. 625 и том II, стр. 57.

¹²¹ Донесение Штрамайера от 1791 и 1792 годов, O. L. Privatbibl. fasc. № 11, лист № 3.

¹²² Ук. соч., том I, документ № 92.

¹²³ Ук. соч., том I, стр. 932.

Ко всему этому надо добавить еще то, что члены «клубов» сидят в Наместничестве, в Камере, предложения которых Канцелярия постоянно порицает за то, что они «мягкотелые» и «уступчивые» по отношению к комитатам. Эти «якобинцы» «ставят свечку дьяволу», как говорит о них Меднянски, советник наместничества, и где только возможно защищают и поддерживают движение оппозиционеров.

А движение все больше и больше оформляется и распространяется на все более широкие круги. Граф Перген, министр полиции, уже в конце 1792 года испуганно доносит, что в Венгрии бурно растет число тех, кто симпатизирует французским порядкам. Весной 1793 года Мартинович, — который получает свои сведения от Яноша Лацковича, имеющего непосредственные связи с интеллигенцией, — уже докладывает, что восемь комитатов (среди них Зала является самым радикальным) пришли к соглашению в следующем: 1. Землевладения высшего духовенства надо конфисковать, 2. аристократию надо уничтожить, 3. низшую палату двухпалатного государственного собрания должны составлять недворяне, 4. необходимо создать новую конституцию, соответствующую условиям страны, 5. Венгрия должна стать республикой, т. е. она должна оторваться от Габсбургской монархии, 6. секретарь Юрмени должен стремиться к тому, чтобы для выполнения этого заручиться поддержкой венгерских полков.¹²⁴ Сведения относительно Юрмени мы принимаем с большим сомнением, но всё остальное ни что иное, как конкретное оформление мыслей, выраженных в работах и в выступлениях Хайноци.¹²⁵

В сентябре 1793 года Мартинович отчитывается о большом развитии движения. «Секта якобинцев» в Венгрии пустила глубокие корни, — пишет он, — хотя демократической революции рано еще бояться. Якобинцы имеют своих сторонников в городах и даже селах, и якобинские идеи особенно «сильно заразили» университетскую молодёжь. Студенты еще не имеют оформленной организации, они на неорганизованных сходках знакомят друг друга с принципами свободы и равенства, и слышанное каждый передает еще двум другим лицам. Дворянство против французской войны, симпатия к французам и к народному управлению растет изо дня в день. Комитаты ждут только подходящего случая, чтобы восстать против двора.¹²⁶

Местные, до сих пор изолированные, сопротивления начинают приобретать всеобщий характер. Ответ на указы о цензуре и печати уже является протестом в государственном масштабе, тон, стиль и «французские аргументы» протестов доказывают, что их составляли «клубисты».¹²⁷ В конце

¹²⁴ Ук. соч., том I, документ № 74/а.

¹²⁵ В этом проявилось стремление Лацковича или Мартиновича отомстить Юрмени. К этой части донесения не относились серьезно.

¹²⁶ Ук. соч., том I, документ № 83/б.

¹²⁷ Ук. соч., том I, документ № 84.

1793 года набор новобранцев прекращается, один комитат за другим отказываются давать солдат, чтобы король «не лишил страну народа и военной силой не выступил для подавления свободы».¹²⁸ В начале января 1794 года из Пожонья (Братиславы), из Пешта и Заграба (Загреб) сразу докладывают, что недовольство распространилось на все классы населения: комитаты возмущаются, не хотят давать ни денег, ни солдат для войны против французов, крестьяне хотят представительства в государственном собрании, всюду ходят по рукам «бунтарские» прокламации, «якобинцы» ждут только подходящего момента для начала революции.¹²⁹ Комитат Сабольч обратился в Наместничество и просил ходатайствовать у монарха, чтобы он прекратил войну против Франции, потому что все деньги кончились, торговля полностью приостановилась, и, в связи с уходом новобранцев, страна почти обезлюдела.¹³⁰ Для настроения характерно, что, например комитат Земплен фискальной акцией угрожает семейству Алмаши, потому что они на свои деньги вербовали солдат для войны против французов.¹³¹

Военная комендатура в Буде постоянно жалуется на демонстративную симпатию, проявляемую комитатским дворянством и буржуазией по отношению к французским военнопленным.¹³² Адам Сирмаи, земпленский дворянин, объясняет причину этой симпатии: «Дай бог, — сказал он, — чтобы французам и полякам посчастливилось, потому что тогда мы тоже смогли бы сбросить иго немцев и стали бы свободными как французы».¹³³ Янош Женьеи, земпленский дворянин объясняет это же самое лелесскому конвентскому адвокатскому чиновнику в конце 1793 года, что было бы гораздо лучше, если бы страна сама управлялась, чем «одному человеку господствовать над миллионами». Шандор Розгони говорит: «Было бы хорошо, если бы страна покончила с австрийским домом, мы и действуем в этом направлении». Отец Имре Сентмарьяи, неоднократно упомянутого секретаря Ласло Орци в начале 1794 года наставляет осторожных дворян на комитатском собрании следующим образом: «Разве вы не знали, в какое время мы живем? Если сейчас не решимся что-нибудь предпринять, то уступим самое подходящее время». Граф Михай Старай говорит о предстоящей революции и добавляет, что он сам работает над тем, чтобы она осуществилась. В мае 1794 года одна прокламация, составленная в Пшкольте комитата Бихар, обращается к комитатам, чтобы они по примеру поляков объединились

¹²⁸ Письмо Лацковича, ук. соч., том I, документ № 85.

¹²⁹ Ук. соч., том I, документ № 90.

¹³⁰ 19 декабря 1793 года, St. A. Informationsbüro. Polizeiberichte, fasc. No. 1.

¹³¹ Документы Александра Леопольда, ук. соч., стр. 644 и следующие.

¹³² См. Золтан Барчай Аманд, Военнопленные французских революционных войн в Венгрии. 1793 г. Будапешт, 1934, — см. еще донесения Тобиаша Айгнера, O. L. Privatbibl. fasc. No. 14.

¹³³ Относительно этого см. документы наместника Иосифа, ук. соч., том I, стр. 156—157, 140 и 160.

против господства австрийского дома. «Если в нас, в венгерцах, не застыла кровь наших знаменитых предков, — говорится в прокламации — если еще дышит в нас храбрость, привитая нам богиней Беллоной, то мы должны восстать, потому что сейчас лучи нашего восходящего солнца несут с собой возможность того, чтобы мы сбросили со своей шеи тяжелое иго австрийского деспотического дома». Листовка подчеркивает сословные обиды 1790 г. — в армии притесняют венгров, в стране командуют чужие, венгерский дворянин должен молчать, но выводы этой прокламации совершенно иные, чем в 1790 году. В 1790 году даже Берзевици, относящийся к самым радикальным, и не думал об уничтожении Монархии, а сейчас самым естественным образом говорит, что «наша страна могла бы обойтись без короля; если бы каждый комитат управлялся бы сам, и каждый комитат знал бы одного губернатора, то доходы принадлежали бы стране, а не разросшейся королевской семье».¹³⁴ Вот стремления французской революции в сословном изложении — идея дворянской республики. После этого мы не должны удивляться тому, что министр полиции Перген уже в конце 1793 года докладывал следующее: недовольные через цюрихское французское консульство ищут связи с парижским конвентом.¹³⁵

В начале 1794 года большинство комитатов находится в брожении, и глашатаи среднего дворянства все более решительно выступают в Венгрии, Хорватии и в Трансильвании.¹³⁶ Общее настроение и организованность губерний являются настолько страшными, что монарх боится созвать государственное собрание. Наместник советует королю Францу, чтобы тот не отвечал на комитатские докладные записки, напоминающие о нарушениях законов, потому что «в настоящее время человек не может сделать многого, поэтому надо молчать, чего не делал бы при более благоприятных условиях».¹³⁷

Патриотическое движение, направляемое демократами, весной 1794 года уже приобрело общегосударственный масштаб. Двор решил не отступать, террор и насилия становятся все более невыносимыми. В дальнейшем все зависит от того, удастся ли объединить в одну прочную организацию демократов и средних дворян, удастся ли силами губерний мобилизовать всю страну в интересах национальной независимости, а затем в интересах буржуазных преобразований. В одном современном письме, написанном в Пеште мы читаем: «Всюду уже много дышащих якобинским духом, только силы нет. Но дай им в руки факел, видно будет, смогут ли они нести его».^{138*}

¹³⁴ Ук. соч., том I, документ № 100.

¹³⁵ Ук. соч., том I, документ № 87.

¹³⁶ Ук. соч., том I, документы №№ 87, 90 и 91.

¹³⁷ Документы Александра Леопольда, стр. 655.

¹³⁸ Шандор Марки, Письма Ференца Креснерич. Бп. 1914, стр. 16.

* Продолжение в следующем номере.

Histoire du mouvement des jacobins hongrois, I.

K. BENDA

R é s u m é

Deux grands problèmes attendent d'être résolus dans la Hongrie de la fin du XVIIIe siècle : celui de l'indépendance nationale et celui de la transformation bourgeoise. La résistance nobiliaire qui s'était déployée vers la fin des années 80 défendait les privilèges féodaux contre le système de Joseph II, mais du même coup elle protégeait l'indépendance nationale. La noblesse voulait réaliser la monarchie nobiliaire en réleguant le pouvoir royal à l'arrière-plan. Elle ne sympathisait guère avec les aspirations josephinistes et ne voulait rien entendre des réformes de caractère bourgeois. Le mouvement qui au début avait été national, laissa de plus en plus transparaître son caractère de classe, ce qui en détourna d'abord la paysannerie, plus tard aussi la bourgeoisie. Cependant aucune des classes roturières ne possédait ni la conscience, ni la force politique nécessaires pour conquérir la transformation bourgeoise.

Les revendications bourgeoises réussirent néanmoins à se faire valoir en 1790, notamment par l'intermédiaire des intellectuels. En ce qui concerne sa composition et ses conceptions politiques, le petit nombre des intellectuels n'était guère uni. Vers la fin des années 80 il s'en détacha pourtant un petit groupe, dont les idées politiques étaient à peu près homogènes ; les josephinistes. En majeure partie d'origine nobiliaire, ils comptent cependant bon nombre de roturiers. La plupart en possède une vaste culture, ce sont des hommes qui ont voyagé, se sont nourris des idées de l'Époque des Lumières françaises et ne trouvent plus leur place dans les cadres de la société féodale. Ce ne sont pas des révolutionnaires, mais des réformateurs, partisans de l'absolutisme éclairé qui considèrent les décrets de Joseph II comme le début prometteur des réformes bourgeoises.

Lorsqu'à la mort de Joseph II le mouvement de la noblesse gagne du terrain, ses mots d'ordre nationaux conquièrent la majorité des intellectuels josephinistes. Ils se rangent du côté de la noblesse, en s'efforçant de remplir les revendications de celle-ci par le plus possible de contenu bourgeois. Ils espèrent que les états réunis à la diète comprendront que la protection des lois doit être étendue sur la nation entière, et que l'intérêt général demande que par certaines concessions les classes jusqu'alors opprimées viennent se ranger près de la noblesse. Ils proposent la déclaration du principe de l'égalité devant la loi et de la participation égale aux charges publiques. Le chef de ce groupe est Joseph Hajnóczy, le sous-préfet d'origine roturière, excellent connaisseur des lois hongroises. Hajnóczy qui auparavant avait déjà plaidé pour la libération des serfs, élabore le projet de la nouvelle constitution, dans lequel il fait valoir les revendications nationales relatives à l'indépendance de l'État hongrois, mais où, partant de considérations d'ordre tactique, il ne traite que très peu de réformes sociales, autant que selon son opinion la noblesse pourra accepter en tant que premier pas. C'est ainsi qu'il propose d'insérer dans la loi le droit du serf au rachat des biens féodaux, l'extension du droit d'achat de terres sur tous les citoyens hongrois et l'énoncement de ce que des propriétaires terriens d'origine roturière peuvent également être investis dans les fonctions publiques.

La diète de 1790 ne réalisa pas les espoirs des intellectuels. La noblesse se contenta de s'assurer une fois de plus ses privilèges, et en opposition à la bourgeoisie et à la paysannerie, elle raffermi son alliance avec le souverain. Les intellectuels espéraient quelque temps que le roi Léopold II, puis après la mort inattendue de celui-ci, son fils François I embrasserait la cause des réformes. Cependant François ne tarda pas à démontrer qu'en face de la révolution française se déployant victorieusement, il tenait à maintenir intact l'ordre féodal, à consolider les aspirations réactionnaires, et n'était même pas enclin à accorder des semblants de réformes. Tout ceci ne manqua pas à mettre les intellectuels démocratiques en opposition avec le souverain et de déplacer leurs vues politiques vers le côté radical. En même temps la partie patriote de la noblesse fut obligée de reconnaître que les lois de 1790 n'étaient que des concessions apparentes, et que le roi François régnait de façon absolutistique, sans l'associer aux affaires du pays. Cette noblesse patriote fait face à l'aristocratie et au haut-clergé, et en même temps estime qu'il est nécessaire de faire certaines concessions aux serfs.

Sous l'influence de la Révolution Française les idées des intellectuels démocratiques revêtent des formes de plus en plus radicales. Les intellectuels se groupent en cercles de lecture, sociétés culturelles et clubs, où ils discutent régulièrement les événements politiques, se font lecture des pamphlets révolutionnaires français et du *Moniteur*, et une partie des réformateurs josephinistes, se mettant au pas avec la Révolution parvient jusqu'au jacobinisme. Ils sont républicains, partisans conséquents des idées de la liberté, et de l'égalité, et plus d'un parmi eux, surtout des jeunes, professent le matérialisme et l'athéisme. Quoique le radicalisme

de leurs vues politiques n'atteigne pas celui des Jacobins français, les rapports policiers les nomment déjà à cette époque-là des «Jacobins» hongrois. Leur chef est toujours Hajnóczy, qui analyse dans une série de travaux la constitution de la Hongrie féodale, et en continuant de proclamer la nécessité d'une collaboration avec la noblesse, élabore également le programme de base des réformes générales.

A partir de 1793 le contact entre les intellectuels démocratiques et la noblesse de l'opposition devient de plus en plus intense. La politique d'oppression d'un gouvernement sans cesse plus réactionnaire rassemble les démocrates et la noblesse patriote dans un camp commun. Les dirigeants de la collaboration sont cependant les intellectuels. Ce sont les démocrates radicaux qui élaborent les principes, les directives de leur maintien politique dans les clubs, par contre, sur le plan politique, c'est la noblesse qui se fait porte-parole de leurs aspirations aux réunions de comitat. Selon les rapports secrets de la police, au début de 1794, l'atmosphère du pays est sur le point de se décharger, de façon que le souverain n'ose pas convoquer la diète.

Die deutsche wirtschaftliche Expansion und das ungarische Wirtschaftsleben zur Zeit des zweiten Weltkrieges

I. BEREND und Gy. RÁNKI

Nach der Machtergreifung durch den Faschismus (nach dem nationalsozialistischen Umsturz) wurde die deutsche Wirtschaftspolitik in den Dienst der Vorbereitung eines neuen imperialistischen Krieges gestellt. Diese brachte einen bedeutenden Anstieg der Industriekapazität, in erster Reihe natürlich den der Kriegsproduktion, sowie die Einführung einer Wirtschaftsautarkie mit sich. Ein wichtiges Moment der letzteren bestand in der schnellen Entwicklung der deutschen landwirtschaftlichen Produktion und in der Aufspeicherung bedeutsamer Vorräte an landwirtschaftlichen und industriellen Rohstoffen. Die Verwirklichung dieser Maßnahmen stand aber im engsten Zusammenhang mit der Modifizierung der deutschen Außenhandelspolitik zu Beginn der dreißiger Jahre. Ein wichtiger Faktor der deutschen Kriegsvorbereitung bestand nämlich in der Schaffung eines entsprechenden Hinterlandes für die deutsche Kriegswirtschaft in den südosteuropäischen Ländern, die für diese Rolle aus mehrfachen Gründen als geeignet befunden wurden. Diese Gebiete bildeten eine alte Interessensphäre des deutschen Imperialismus, und die Deutschen verfügten hier — trotz der starken Zurückdrängung seit den zwanziger Jahren — noch immer über zahlreiche wirtschaftliche Positionen. Die südosteuropäischen Kleinstaaten erschienen für Deutschland schon wegen ihrer geographischen Lage günstig, da die Benützung der wirtschaftlichen Quellen dieser Länder im Laufe eines geplanten Krieges selbst im Falle einer vermeintlichen Seeblockade als gesichert schien, und dies um so mehr, als auf diese Länder verhältnismäßig leicht ein politischer, militärischer, sowie wirtschaftlicher Druck ausgeübt werden konnte. Die südosteuropäischen Staaten waren größtenteils Agrarländer, verfügten aber auch über außerordentlich wichtige strategische Rohstoffe: in Ungarn Bauxit, in Rumänien Öl, in Jugoslawien verschiedene Buntmetalle, Holz usw. Gleichzeitig waren sie aber infolge ihrer verhältnismäßigen industriellen Rückständigkeit auf einen bedeutenden Import von zahlreichen Industrieartikeln angewiesen und kamen daher — nach den Vorstellungen des deutschen Finanzkapitals — als organische Ergänzung der deutschen faschistischen Kriegswirtschaft in Betracht. Bekräftigt wurde die Aussicht auch dadurch, daß Deutschland,

über eine ungünstige Zahlungsbilanz und nur geringfügige Gold- und Valutenvorräte verfügend, das Prinzip des multilateralen Handelsverträge aufgab und den Abschluß von bilateralen Handelsabkommen erstrebte. Da die erwähnten Länder ähnliche Valutenschwierigkeiten hatten, waren sie ebenfalls geneigt, Clearingabkommen abzuschließen.

Deutschland gab seine, in den zwanziger Jahren verwirklichte protektionistische Zollpolitik gegenüber dem Agrarexport der südosteuropäischen Länder auf und sicherte den Ausfuhrländern auf diesem Gebiet Begünstigungen. Für die mit schwerer Agrarkrise und Verwertungsschwierigkeiten ringenden südosteuropäischen Länder war das sehr wichtig, selbst wenn sie als Gegenleistung große Importbegünstigungen beim Industrieimport gewähren mußten. Infolgedessen nahmen die Handelsbeziehungen Deutschlands mit Südosteuropa und dadurch auch der deutsche Einfluß in diesen Ländern in den dreißiger Jahren in hohem Maße zu. Ohne uns im Rahmen dieses Artikels auf eine ausführliche Untersuchung des Problems einzulassen, möchten wir kurz darauf hinweisen, daß während der deutsche Außenhandel im Jahre 1937 im ganzen erst 40% seines Standes von 1929 betrug, er in den südosteuropäischen Ländern bereits das Niveau des Jahres 1929 erreichte. Die Beteiligung dieser Länder an der deutschen Ausfuhr stieg von 4,3% des Jahres 1929 auf 9,4% im Jahre 1937, an der Einfuhr hingegen von 3,8% auf 10,5%.¹

Die schon anfangs der dreißiger Jahre beginnende Expansion des »deutschen Lebensraumes« erfuhr nach dem Abschluß des Münchener Abkommens und später nach der Entfesselung des zweiten Weltkrieges zweifelsohne einen größeren Auftrieb. Die politische Bedeutung Münchens bestand darin, daß das faschistische Deutschland nach Osten hin freie Hand erhielt, und das bedeutete unter anderem auch die stillschweigende Preisgabe Osteuropas. Für den deutschen Vorstoß war selbstverständlich ausschlaggebend, daß Deutschland durch die Einverleibung Österreichs und der Tschechoslowakei seine Positionen den südosteuropäischen Ländern gegenüber sowohl wirtschaftlich als auch politisch weiter hin bedeutend verstärkte. Der veränderten Lage entsprechend begann Deutschland 1939 eine umfangreiche Wirtschaftsoffensive gegen die südosteuropäischen Länder. Deutschen Plänen gemäß sollte Südosteuropa im Rahmen der »Großwirtschaftsraum-Theorie« offen in eine deutsche Lebensmittel- und Rohstoffbasis verwandelt werden und den ganzen diesbezüglichen Bedarf decken. Die Frage stand nunmehr nicht so, welche Mengen Deutschland von den landwirtschaftlichen Überschüssen dieser Länder übernimmt, sondern wieweit die betreffenden Länder den deutschen Bedarf befriedigen können. Die Deutschen ertstrebten mit allen

¹ Antonin Basch: *The Danube Basin and the German Economic Sphere*. London. S. 180—181. Die Angaben beziehen sich auf Ungarn, Jugoslawien, Bulgarien, Rumänien und Griechenland.

Mitteln eine erhöhte Einfuhr von landwirtschaftlichen Erzeugnissen, bei unveränderten Preisen. Diese Offensive war Rumänien und Jugoslawien gegenüber besonders stark, weil sich diese Länder damals politisch noch nicht unter dem unmittelbaren deutschen Einfluß befanden. In Ungarn hatten sie leichteres Spiel, stand doch Ungarn von allen südosteuropäischen Staaten schon seit Jahren in den engsten wirtschaftlichen und noch mehr politischen Beziehungen zu Deutschland.

*

Anfang 1939 machte Ungarn dem nazionalsozialistischen Deutschland auch politisch neue Zugeständnisse. Horthy-Ungarn, das sich als erstes auf die Seite des faschistischen Deutschlands gestellt hatte, unterstützte Hitler in seiner aggressiven Politik. Ungeachtet dessen, daß Ungarn durch den Römischen Dreierpakt eng mit Österreich verbunden war, versicherte man Hitler bereits im Herbst 1937, daß Ungarn keine Einwände gegen eine Einverleibung Österreichs habe.² Im Herbst 1937 bzw. im Frühjahr 1938 schlossen sich die Regierungskreise den gegen die Tschechoslowakei geschiedeten deutschen Pläne an. Dem Rate Hitlers folgend richteten sie ihre Revisionsforderungen in erster Reihe gegen die Tschechoslowakei. Im Sommer 1938 — eine westliche Einmischung befürchtend — waren sie zwar noch nicht bereit, sich uneingeschränkt zur Teilnahme an einem bewaffneten Angriff gegen die Tschechoslowakei zu verpflichten.³ Als jedoch die Richtlinien der westlichen Politik bereits offenbar wurden, flogen Ministerpräsident Imrédy und Außenminister Kánya in der Hoffnung auf Beute am 20. September zu Hitler. Ungarn enger an das deutschen Bündnis fesselnd, kündigten sie ihre Ansprüche auf tschechoslowakisches Gebiet noch während der Verhandlungen zwischen Hitler und Chamberlain an. Im Laufe der Besprechungen äußerte Hitler seine Unzufriedenheit mit der ungarischen Außenpolitik, worauf die Vertreter der ungarischen Regierung eine aktivere Außenpolitik und militärische Vorbereitungen in Aussicht stellten.⁴ Als Ergebnis der engeren deutsch—ungarischen Beziehungen wurde im November 1938 auf Grund eines Schiedsspruches (»Erster Wiener Schiedsspruch«) der an Ungarn grenzende Landstreifen der Slowakei an Ungarn zurückgegliedert.

Der mit deutscher Hilfe erfolgte Gebietszuwachs festigte den bedingungslos deutschfreundlichen Flügel der ungarischen herrschenden Klasse, die der bedingungslosen deutschen wirtschaftlichen und politischen Unterwerfung bereitwillig zustimmte. Die Positionsstärkung der absoluten Anhänger der Nazipolitik und das zunehmende Hervortreten der deutschen Bestre-

² Documents of German Foreign Policy. Series D Volume V. S. 203 und 242.

³ Ebendort S. 301.

⁴ Ebendort.

bungen innerhalb des Landes ging mit einer Neubelebung des deutschen Kapitals in Ungarn einher. Der ungarische Außenhandel mit Österreich und der Tschechoslowakei wurde nunmehr als ungarisch-deutscher Außenhandel weiter geführt, wodurch Deutschland sozusagen eine *Monopolstellung* erlangte. Sándor Knob, einer der Leiter des Landesverbandes der Ungarländischen Fabrikindustriellen (GYOSZ) bezeichnete die ungarisch-deutschen Außenhandelsbeziehungen folgendermaßen: »Fast 50% der ungarischen Ausfuhr kommt gegenwärtig auf den deutschen Markt. Ein 48%iges Verhältnis steht also einem dreiprozentigen gegenüber . . .« (Das war nämlich die Verhältniszahl der ungarischen Ausfuhr innerhalb der deutschen Einfuhr.) »Dieses Verhältnis bzw. Mißverhältnis, bedeutet meiner Überzeugung nach ein solches Maß der wirtschaftlichen Ausgeliefertheit und Abhängigkeit, das schon an diejenigen Gefahren grenzt, die nicht ganz unbegründet erwähnt werden, wenn wir über die wirtschaftliche und politische Unabhängigkeit des Landes sprechen.«⁵

Diese Monopolstellung im Außenhandel wurde überdies durch einen sich auf dem Gebiet der Kapitalinteressen geltend machenden deutschen Einfluß ergänzt. Die deutschen Kapitalbeteiligungen betragen nach der Besitzergreifung der österreichischen und tschechischen Kapitalanlagen 12% des ungarischen industriellen Aktienkapitals. Selbstverständlich wäre dieses Verhältnis an und für sich noch nicht sehr bedeutend gewesen, obwohl die deutschen Kapitalanlagen die entscheidenden industriellen Schlüsselstellungen an sich gebracht haben. Wenn wir aber in Betracht ziehen, daß diese verhältnismäßig kleine Kapitalbeteiligungen von einem wirtschaftlichen Druck im Außenhandel und, was noch entscheidender ist, von einem immer stärker werdenden politischen Druck begleitet waren, so wird uns klar, daß der deutsche wirtschaftliche Einfluß in Ungarn große Ausmaße annahm. Pál Teleki, Imrédys Nachfolger, hat im Jahre 1939 im Zusammenhang mit dem deutschen wirtschaftlichen Einfluß in einem Brief folgende Feststellungen gemacht: »Das deutsche Reich verfügt in unserem Vaterland über so großangelegte und weitverzweigte wirtschaftliche Interessen, daß durch diese das ganze ungarische Wirtschaftsleben kontrolliert, bis zu einem gewissen Maße sogar beeinflußt werden kann.« Teleki wies darauf hin, daß diese Interessen nicht neueren Ursprungs sind, doch »seit dem Machtantritt der nationalsozialistischen deutschen Regierung, insbesondere seit der Entfaltung der nach dem Südostraum gerichteten Lebensraumpolitik einerseits neue Interessen entstanden, andererseits sich die alten Beziehungen erweiterten und eine *politische Bedeutung* erhielten.«⁶

Das faschistische Deutschland wollte seinen in jeder Beziehung erhöhten Einfluß durch die Verwirklichung seiner immer mehr wachsenden politi-

⁵ Landesarchiv. Parlamentsausschuß. VII. 170—171.

⁶ L. A. Außenministerium. Wirtschaftspolitische Sektion (= Wp S.) 1939. Deutsches Dossier. 358. Res.

sehen und wirtschaftlichen Ansprüche realisieren und noch mehr steigern. Sie erzielten auch immer neue und neue Erfolge. So war z. B. der Anschluß Ungarns an den Antikominternpakt ein bedeutsamer Schritt auf politischem Gebiet. Auf wirtschaftlichem Gebiet aber schnitten die deutschen Expansionsbestrebungen direkt ins lebendige Fleisch der wichtigen, die Wirtschaftsmacht des Landes in ihren Händen haltenden Gruppen der ungarischen herrschenden Klassen. Dennoch brachten die deutschen Monopolisten — mit voller Unterstützung ihrer ungarischen Vasallen — zu jener Zeit ihre diesbezüglichen Forderungen unmißverständlich zum Ausdruck.

Der laut des Handelsabkommens vom Jahre 1931 alljährlich tagende Deutsch-Ungarische Gemischte Ausschuß hielt seine Jahreskonferenz im Frühjahr 1939 in München ab, zwecks Besprechung der mit dem Warenverkehr des Jahres 1939 zusammenhängenden Fragen. Auf dieser Konferenz forderte die deutsche Regierung größere Lieferungen von landwirtschaftlichen Produkten, was ihnen seitens der ungarischen Delegation auch zugesagt wurde. So wurden 50% des Weizenexportüberschusses (höchstens 2,5 Millionen Doppelzentner), 35% des Roggenexportüberschusses und 60% des Maisexportüberschusses den Deutschen angeboten. Die Deutschen erklärten, sie wären geneigt jede Menge Gerste, Hafer und Mais zu übernehmen. Außerdem verpflichtete sich Ungarn selbstverständlich, die Tier- und Tierprodukten-, Obst-, Gemüseausfuhr usw. zu intensivieren.

Gleichzeitig mit der Forderung nach einer Steigerung der Ausfuhr von landwirtschaftlichen Erzeugnissen erklärte Deutschland, daß es im weiteren nicht geneigt sei, die hohen ungarischen Weizenpreise zu bezahlen⁷ und daß der neue Preis aus einer Kombination der ungarischen und der Weltmarktpreise festgelegt werden müsse. Das war der erste Schritt zur späteren ungünstigen Entwicklung der Ausfuhr-Einfuhrpreise während des Krieges.

Noch nachteiliger als die Frage des Preisniveaus war aber die Ankündigung über die Steigerung des deutschen Exports von Industriewaren. Und dies um so mehr, als die deutschen Monopolisten hauptsächlich Kraftwagen, Kunstdünger, Glas- und Porzellanwaren zu exportieren wünschten, hingegen die Ausfuhr von Werkzeugmaschinen und Roheisen, was die ungarischen Kapitalisten dringend benötigten, ganz oder teilweise verweigerten. Da aber die wachsende Ausfuhr von landwirtschaftlichen Erzeugnissen den Außenhandelssaldo notwendigerweise zugunsten Ungarns vergrößerte, war die ungarische Delegation gezwungen, einer Erhöhung des industriellen Einfuhrkontingents zuzustimmen.^{7a} Es ist nur zu natürlich, daß nach alledem die Dele-

⁷ Zu Beginn der dreißiger Jahre hat Deutschland — um für die politischen und späteren wirtschaftlichen Vorteile seines Handelsverkehrs mit Ungarn eine Grundlage zu schaffen — von Ungarn das Getreide zu höheren Preisen als der damalige Weltmarktpreis übernommen.

^{7a} L. A. A. M. Wp. S. Res. 30—1939.

gation ihren Bericht über die Verhandlungen in einem erbitterten Ton erstattete, wonach »die Tendenz zu beobachten gewesen sei, Ungarn auf das Niveau eines Rohproduzentenlandes herabzudrücken«. ⁸

Kurz danach überreichte die deutsche Regierung den ungarischen Behörden ein Memorandum, in dem im wesentlichen Ungarns Platz und Rolle in den deutschen Plänen festgelegt wurde. Der erste Teil des Memorandums behandelte Fragen der ungarischen Landwirtschaft. Die wichtigsten deutschen Forderungen wurden folgendermaßen zusammengefaßt: »Die ungarische Landwirtschaft muß sich stärker als bisher den Bedürfnissen des deutschen Marktes anpassen.« Unter einer stärkeren Anpassung an die Bedürfnisse des deutschen Marktes verstand man, daß die ungarische Landwirtschaft ihre Produktion besonders von solchen Waren heben müsse, die die deutsche Kriegswirtschaft brauchte, vorwiegend Ölsamen, Weizen, Fettstoffen und Futterpflanzen. Die Deutschen waren geneigt die ganze ungarische Ausfuhr dieser Waren zu übernehmen. Gleichzeitig wurde auch darauf hingewiesen, daß eine Hebung des ungarischen Exports von landwirtschaftlichen Erzeugnissen — der ein erstrangiges Interesse der ungarischen Groß- und Mittelgrundbesitzer bildete — nur dann möglich sei, wenn als Gegenleistung Ungarn von Deutschland mehr Industrieprodukte übernimmt. Es wurde klipp und klar erklärt, daß parallel mit der zunehmenden Agrarausfuhr ». . . bei jeder Verhandlung die Notwendigkeit einer Steigerung der deutschen Einfuhr nach Ungarn in den Vordergrund zu stellen ist«. Im Interesse einer erhöhten Einfuhr von Industriewaren wurde sogar »eine Revidierung der ganzen ungarischen Einfuhrpolitik« gefordert, was die Aufhebung des Systems von Schutzzöllen und Einfuhrbeschränkungen nach sich gezogen hätte. Das wäre einer Auslieferung der ungarischen Industrie an die Interessen des deutschen Finanzkapitals gleichbedeutend gewesen. Bezüglich der ungarischen Industrie erhielt der zweite Teil des Memorandums völlig extreme »Vorschläge«. Vielsagend ist schon der Titel dieses Kapitels im Memorandum: »Anpassung der ungarischen industriellen Produktion an die deutschen Ausfuhrbedürfnisse«. Unter »Anpassung an die deutschen Ausfuhrbedürfnisse« verstand man folgendes: Da die Einfuhr der deutschen Industrieartikel sehr wichtig sei, ist für Ungarn die Entwicklung der landwirtschaftlichen Industrie am zweckmäßigsten, und das stünde auch in keinem Gegensatz zu den deutschen Einfuhrinteressen! Außer den Zoll- und anderen Forderungen gingen sie in der Einmischung in die inneren ungarischen Angelegenheiten so weit, daß sie die Abschaffung der Steuer- und Kreditbegünstigungen für ungarische Fabriken verlangten, da diese — wie offen erklärt wurde — der deutschen Konkurrenz auf dem ungarischen Markt Schwierigkeiten bereiten. ⁹

⁸ L. A. A. M. Wp. S. Res. 30. — 1939.

⁹ Zentralwirtschaftsarchiv. Ungarische Nationalbank 7/1940.

Die deutschen Ansprüche waren darum so gefährlich, weil sie — selbst in ihren extremsten Formen — auch ungarische Fürsprecher fanden, und zwar gerade in den Regierungskreisen unter den Leitern der zuständigen Ministerien. Industrieminister Antal Kunder schlug z. B. in seiner Eigenschaft als Sprachrohr des deutschen Finanzkapitals den ungarischen Fabriksbesitzern vor, sie sollen mit den Vertretern der entsprechenden deutschen Industriezweige ein Abkommen abschließen, und feststellen, für welche Artikel »die Produktionsbedingungen in Ungarn am günstigsten seien und bei welchen eine Einfuhr aus Deutschland zweckmäßiger wäre«. Kunder verkündete auch die deutsche Forderung, wonach »der deutsche Import von den bisherigen Beschränkungen zu befreien sei«.

Der Landesverband der Ungarländischen Fabrikindustriellen verwahrte sich aufs schärfste dagegen. Unter anderem wurde darauf hingewiesen, es hänge davon ab, ob deutsche oder ungarische Industrievertreter feststellen, was für die ungarische Industrieproduktion als rentabel zu betrachten sei. Das deutsche Finanzkapital wendet nämlich Ungarn gegenüber oft besondere Exportpreise an, um auf die Weise die ungarische Industrie bewußt zu untergraben. Diese Preise sind aber nicht rentabel und im Falle der Stilllegung der ungarischen Fabriken würden sie zweifelsohne sofort erhöht werden. Gleichzeitig sehen sie aber klar — und das war meistens bestimmend für die Stellungnahme der deutschfeindlichen Gruppen in den ungarischen herrschenden Klassen —, daß »die Zeit der prinzipiellen Ablehnung vorbei ist . . . und . . . wir die bestehende Lage in Betracht ziehen müssen«. Ebendeshalb traten sie mit Überbrückungsvorschlägen auf: sie schlugen Marktsicherungsabkommen vor, bezogen den Standpunkt, daß »die zukünftigen Industrieentwicklungsmöglichkeiten nicht geopfert werden dürfen . . . Es kann nur von einer Aufschiebung der Industrieentwicklung die Rede sein, und gerade auf diesem Gebiet könnten wir den Deutschen wesentliche Zugeständnisse machen«.¹⁰ Diese Konzeption — Positionssicherung durch Zugeständnisse — war ebenfalls für die Stellungnahme derjenigen Vertreter der herrschenden Klassen bestimmend, die sich um den Landesverband der Ungarländischen Fabrikindustriellen gruppiert hatten.

Das Finanzkapital erkannte in dem gegen die Industrie gerichteten Angriff auch die politischen Bestrebungen, István Bethlen hat in diesem Zusammenhang erklärt: ».. Bei den unlängst stattgefundenen Verhandlungen zog sich wie ein roter Faden die seitens unserer Verhandlungspartner an uns gerichtete Warnung: Forcieren Sie die ungarische Industrie nicht . . . Sie sind doch ein Agrarland, bleiben Sie auch weiterhin ein Bauernland und verkaufen Sie uns ihre landwirtschaftlichen Produkte . . . Wir werden Sie schon mit Industrieartikeln versehen . . . Das bedeutet eine völlige wirtschaftliche

¹⁰ Honi Ipar (Heimische Industrie) in den Nummern vom 15. März. 1., April und 1. Mai 1939.

Abhängigkeit, eine völlige wirtschaftliche Penetration seitens Deutschlands, der nur eine politische Abhängigkeit folgen kann.«¹¹

Über die drohende Gefahr der deutschen wirtschaftlichen Expansion hinaus erkannten das Finanzkapital und die Großgrundbesitzerkreise in den deutschen Großmachtbestrebungen die Schranken ihrer eigenen politischen Bestrebungen.

Am 1. September 1939 entfesselte Hitler-Deutschland durch den Angriff auf Polen den zweiten Weltkrieg. Die deutschen militärischen Anfangserfolge in Polen und später in Westeuropa gingen mit einer Steigerung der Ansprüche und des Druckes einher. Nach Kriegsbeginn forderten die nazistischen Führerkreise — gestützt auf ihre treuen Vasallen — immer dringlicher die Verwirklichung ihrer Ungarnpläne. 1940 war die oben angedeutete Wandlung im deutschen Verhalten bei den damaligen Handelsverkehrsverhandlungen bereits klar zu beobachten. Die deutsche Regierung kündigte schon damals an, daß sie ihren Lieferungsverpflichtungen bei einer ganzen Reihe von wichtigen Artikeln nicht nachkommen würde, die ungarische Ausfuhr aber dessen ungeachtet bis zur Grenze des Möglichen zu steigern wäre! Nun wird das Programm der völligen Ausraubung des Landes zum erstenmal offen in Worte gefaßt. Dieses Programm wurde in den folgenden Jahren unzähligemal wiederholt: »Die beiden Länder, von denen das eine in einem Kampf auf Leben und Tod steht, das andere aber keinen Krieg führt, haben einander in allem zu helfen, was das eine dem anderen geben kann, ohne die Lieferungen momentan in ein genaues Gleichgewicht zu bringen, so wie es unter guten Freunden üblich ist, jeder bis zur äußersten Grenze seiner Leistungsfähigkeit, eingedenk dessen, daß der andere die erhaltene Hilfe rückerstatten werde, wenn er sich wieder in einer leichteren Lage befinde.«¹²

Die immer aggressiveren Aktionen gegen Ungarn bildeten natürlich einen organischen Teil der nach allen südosteuropäischen Ländern gerichteten Expansion, die bereits zur Zeit der Kriegsvorbereitungen zur Geltung kam. Nach der Entfesselung des Krieges ist für das Dritte Reich die völlige Verwirklichung seiner Pläne dringend notwendig geworden. Zu diesem Zweck wurde im Frühjahr 1940 die Südosteuropäische Gesellschaft ins Leben gerufen. Der Berliner ungarische Gesandte stellte in seinem Bericht fest, daß die deutschen Wirtschaftskreise infolge der Einführung der Seeblockade mit erhöhter Intensität auf die weitere Entwicklung ihrer wirtschaftlichen Beziehungen mit Südosteuropa hinarbeiten.

Auf dem Gebiet der Landwirtschaft wurde im Interesse des Ausfuhrvolumens der auf Ungarn lastende Druck immer mehr verstärkt. Im Herbst

¹¹ L. A. Parlamentsausschuß. XVII. — 84. — I. 23. 1939.

¹² L. A. A. M. Wp. S. Res. 1940. 12.

1940 wurden die Moritz—Jurcssecschen Besprechungen geführt. In dem Abkommen vom 9. Oktober wurde zwischen Deutschland und Ungarn eine engere wissenschaftliche und praktische Zusammenarbeit auf dem Gebiet der Landwirtschaft festgelegt. Die Agrarexperten beider Länder sollten unter Anleitung der deutschen Versorgungs- und Landwirtschaftsminister sowie des ungarischen Ackerbauministers einen gemeinsamen Versuchs- und Forschungsplan ausarbeiten und dessen Ergebnisse gegenseitig austauschen. Ferner wurden laut der Vereinbarung deutsch—ungarische gemischte Ausschüsse gebildet, deren Aufgabe darin bestand, die Qualität der nach Deutschland gehenden und in dem Abkommen erwähnten Agrarprodukte zu verbessern und im Interesse der Mehrproduktion — aber im Einklang mit den Verbrauchstraditionen — neue Saatkörner und Produktionsmethoden einzuführen. In einem Punkt wurde die stufenweise Vergrößerung der ungarländischen Ölsamensaatgebiete und parallel damit eine bestimmte Steigerung der nach Deutschland gerichteten Ölsamenausfuhr auch zahlenmäßig festgestellt, während ein anderer Punkt ähnliche Vereinbarungen in bezug auf die Futtersamen enthielt^{12a}. Trotz des immer empfindlicher werdenden deutschen Druckes hat die landwirtschaftliche Ausfuhr selbst im Jahre 1940 nicht zugenommen, sondern abgenommen. Die Ursache davon lag in einer katastrophalen Mißernte. Nicht nur daß von bedeutenden Produktionsüberschüssen keine Rede sein konnte, nicht einmal die einheimischen Bedürfnisse vermochten befriedigt zu werden, und dies um so weniger, als im Herbst 1940 die Bevölkerung des Landes durch die Eingliederung eines Teils von Siebenbürgen wesentlich gewachsen ist und diese Territorien selbst auf einen Agrarimport angewiesen waren.

Die Lage in der Industrie war vor allem dadurch gekennzeichnet, daß zu jener Zeit keine bedeutenden Operationen zu Lande im Gange waren. In Deutschland wurde die Kriegsproduktion nicht gesteigert,¹³ ein Teil der mächtigen deutschen Schwerindustrie ist frei geworden. Das deutsche Finanzkapital war demzufolge bestrebt, seine Märkte zu erweitern, die Fertigwarenausfuhr zu vergrößern, um auf diese Weise eine Vollbeschäftigung zu sichern. Die früher bemerkbaren deutschen Eroberungsbestrebungen und die wirtschaftliche Expansion wurden jetzt unverhüllt. Gleichzeitig verstärkte sich der politische Terror des deutschen Faschismus, der besonders nach dem Überrennen Südosteuropas bedrohlicher und für Ungarn noch dadurch unheilvoller wurde, daß er auch innerhalb des Landes eine starke Basis besaß. Der deutsche Faschismus verlieh seinen maßlosen Ansprüchen durch eine zynisch offene Formulierung seiner schon früher bemerkbaren Tendenzen Ausdruck. Im Frühjahr 1941 teilte der provisorische ungarische Geschäfts-

^{12a} L. A. A. M. Wp. S. Res. 336—1942.

¹³ Vgl.: Die deutsche Industrie im Kriege. 1939—1945. Berlin 1954.

träger in Berlin, Szentmiklóssy, in einem Geheimschreiben an den ungarischen Ministerpräsidenten Bárdossy mit, daß die Deutschen in der Frage der »Neuordnung Europas« durch den halbamtlichen Sprecher des Außenamtes ihr Wirtschaftsprinzip ganz offen und klar dargelegt hätten. Unmißverständlich haben sie dort ihre dahingehende Meinung zum Ausdruck gebracht, daß sich die südosteuropäischen Staaten »an ihre natürlichen Bedingungen anzupassen hätten« und daß die Industrialisierung »im Gegensatz zum landwirtschaftlichen Charakter dieser Länder stünde. Als eine brutale Abfassung ihrer Kolonialisierungsinteressen wurde folgendes erklärt: »Gleichzeitig mit der politischen Revision haben sich die südosteuropäischen Länder auch wirtschaftlich den Anforderungen der kontinentalen Ökonomie (d. h. des deutschen Finanzkapitals) anzupassen. Ihre landwirtschaftliche Produktion wird von den Bedürfnissen der anderen Teile des Kontinents gelenkt. Als Hauptprodukte kommen Getreide und Ölsamen in Betracht, ergänzungsweise sind auch andere Industriepflanzen anzubauen, und in diesem Zusammenhang kann sich auch eine landwirtschaftliche Industrie entfalten. . . Die Rohstoffproduktion (gemeint sind Öl, Erze und Leichtmetalle) wird unter Ausnützung von Wasserkraften durch ihre örtliche Verarbeitung zu Halbfabrikaten ergänzt« wurde jetzt nun viel gebieterischer, als in den Jahren 1938 und 1939 erklärt. Zum Abschluß machte Geschäftsträger Szentmiklóssy auf Folgendes aufmerksam: »In industrieller Hinsicht können wir vom ungarischen Gesichtspunkt aus mit dreierlei deutschen Plänen rechnen, die sich in kleinerem Maße auch bisher geoffenbart hatten: Bei der Schaffung und Entwicklung der landwirtschaftlichen Industriezweige arbeiten die Deutschen auf eine »gelenkte Zusammenarbeit« hin, was bedeuten würde, daß sie durch ihre ständig zu gewärtigenden Einmischungen die Entwicklung auf diesem Gebiete den Bedürfnissen des deutschen Marktes gemäß gestalten würden. Bei den schon bestehenden Industriezweigen hingegen besteht die Absicht, diese in die deutschen Interessensphären einzubeziehen. Schließlich wird die Entstehung von vom deutschen Gesichtspunkt aus ungünstigen Industrieunternehmungen mit allen Mitteln hintangehalten, die als nützlich erachteten aber mit deutschem Kapital oder zumindest mit deutscher Kapitalbeteiligung gegründet werden.«¹⁴

Die immer hemmungsloseren imperialistischen Eroberungsbestrebungen gingen zu dieser Zeit schon weit über die prinzipiellen Erklärungen hinaus und zielten darauf hin, die für sie unnötigen, sogar unvorteilhaften Zweige der ungarischen Industrie durch einen verschärfteren Wirtschaftswettbewerb zugrunde zu richten bzw. eine Entfaltung ihrer Produktionskapazität zu vereiteln. Demzufolge wurde der deutsche Warenimport nach Ungarn im Laufe des Jahres 1940 *erheblich gesteigert*. Unter Berufung auf die ungarischen

¹⁴ L. A. A. M. Wp. S. Res. 466—1941.

bzw. deutschen Gebietserweiterungen ist es den Deutschen mehrmals gelungen, ihre Einfuhrkontingente beträchtlich zu erhöhen. So z. B. im Januar 1940 und laut des für das folgende Wirtschaftsjahr gültigen Vertrags vom Juli 1940 unter Berufung auf die Eingliederung der Karpato-Ukraine an Ungarn und auf die Gebietserweiterungen Deutschlands, sowie am 15. September 1940 unter Bezugnahme auf die Einverleibung Nordsiebenbürgens und 1941 der Südgebiete. Demzufolge ist der schon an sich enorme deutsche Warenimport im Laufe eines einzigen Jahres (1940) um 35% gewachsen und die deutsch—ungarischen Außenhandelsbilanz war seit langen Jahren zum erstenmal wieder passiv.¹⁵ Dazu trug auch der Umstand bei, daß auf deutsche Forderung der Preiszuschlag der deutschen Mark erhöht wurde.

Über den, auf dem inneren Markt ausgetragenen erbitterten Konkurrenzkampf hinaus, bei dem die deutschen Monopolisten von den Schleuderpreisen bis zur Industriespionage zu allen Mitteln griffen, trat das deutsche Finanzkapital *auch auf dem Balkan* gegen die ungarischen Unternehmen, insbesondere die ungarische Schwerindustrie auf. Obwohl die ungarische Delegation bereits anläßlich der deutsch—ungarischen Wirtschaftsverhandlungen im Jahre 1939 zur Sprache brachte, daß die ungarische Industrie für die durch den deutschen Fertigwarenimport verursachten Schäden in der Form zu entschädigen wäre, daß »Deutschland uns auf den Balkanmärkten keine Konkurrenz machte«...¹⁶, wurde die deutsche Konkurrenz auch auf diesem Gebiet immer rücksichtsloser. So hat sie den ungarischen Industrieexport nach Jugoslawien zurückgedrängt, wodurch für Ungarn ein Passivsaldo von mehreren Millionen entstand.¹⁷ Kennzeichnend für die deutsche Konkurrenz und ihre Methoden ist folgendes : Als die bulgarische Regierung bei der ungarischen Firma »Standard« Fernsprechzentralen und Apparate im Werte von 100 Millionen Leva bestellte, intervenierten die zuständigen deutschen Ministerien bei der bulgarischen Regierung und verlangten die Bestellung für sich selbst, wobei sie ihre Forderungen sogar mit militärischen Lieferungen verbanden, so daß die bulgarische Regierung nachzugeben gezwungen war.¹⁸ Die ungarische Gesandtschaft in Ankara teilte in ihrem Bericht mit, daß die Deutschen billigere Eisenhalbfabrikate zu liefern versprochen, als dies in der Weiss-Manfred—Sumer-Bank-Abmachung vorgesehen war.¹⁹ Ein Bericht der Berliner ungarischen Gesandtschaft besagt über die mächtige deutsche Konkurrenz folgendes : »In letzterer Zeit erleiden wir nicht nur bei unseren konkreten Bitten eine Abfuhr, sondern ich muß auf Schritt und Tritt die Erfahrung machen, daß uns deutscherseits

¹⁵ Magyar Gyáripár (Ungarische Industrie). Nr. 12, 1940. Statisztikai Évkönyv (Statistisches Jahrbuch) 1940.

¹⁶ L. A. A. M. Wp. S. Deutsches Dossier. 101.

¹⁷ ZWA. Industriesekretariat der Commerzbank 39.

¹⁸ L. A. A. M. Wp. S. Chiffredepesche vom 28. Januar 1941.

¹⁹ L. A. A. M. Wp. S. Res. 1941.

auch in dritten Ländern . . . durch die dort angewandten politischen Erpressungsmaßnahmen Konkurrenz gemacht wird . . .«²⁰

Es wäre aber irrig, aus alldem die Schlußfolgerung zu ziehen, daß es den deutschen Monopolisten in den Jahren 1939 und 1940 gelungen wäre, die ungarische Industrieproduktion zurückzudrängen. Die große Kriegskonjunktur hat der ungarischen Industrie wachsende Produktionsmöglichkeiten gesichert, die durch den zunehmenden deutschen Export nur in geringem Maße gestört werden konnten. Den Deutschen ist es zwar gelungen, einige Gebiete der ungarischen Wirtschaft — Landwirtschaft, Rohstoffherzeugung — vor 1941 in den Dienst der Interessen der deutschen Kriegswirtschaft zu stellen, doch vermochte das wirtschaftlich mächtige ungarische Finanzkapital trotz des großen Druckes seine Positionen in Bezug auf die Industrie, an die sich keine unmittelbaren deutschen kriegswirtschaftlichen Interessen knüpften, weiterhin zu wahren.

Nachdem die ganze Wirtschaft der unterjochten Länder Europas in den Dienst der eigenen Kriegswirtschaft gestellt wurde, brachen die hitlerfaschistischen Truppen am 22. Juni 1941 treubruchig in das Gebiet der Sowjetunion ein. Mit dem Angriff gegen die Sowjetunion trat der Krieg in eine neue Phase. Die deutsche Kriegsführung, die — von ihren bisherigen Erfolgen geblendet — auch hier mit einem Blitzkrieg rechnete, machte ungeheuerere Vorbereitungen zur raschen Niederwerfung der Sowjetunion. Hitler-Deutschland verlangte, daß das Wirtschaftsleben der Vasallenstaaten noch mehr in den Dienst der deutschen Kriegsmaschinerie gestellt werde. Die Teilnahme an dem antisowjetischen Krieg bedeutete für Horthy-Ungarn, daß es noch mehr zu einem Vasallenstaat herabsank und sich wirtschaftlich und politisch Deutschland auslieferte. Dieser Schritt der ungarischen herrschenden Klassen war der Gipfel landesverräterischer Politik und trieb das Land an den Rand der unvermeidlichen Katastrophe.

Die deutsche Kriegsführung war sich schon vor der Entfesselung des antisowjetischen Krieges bewußt, daß dieser Angriff eine alles bisherige übersteigende Anstrengung von der deutschen Kriegsmaschinerie und vom deutschen Wirtschaftsleben erfordern würde. Deshalb wurde die ganze Wirtschaft der unterjochten und Vasallländer in die Kriegsvorbereitungen mit einbezogen. So wurden vor allem die Ausfuhrtransporte der Rohstoffe und Lebensmittel bedeutend gesteigert. Im Laufe der deutsch—ungarischen Wirtschaftsverhandlungen vom Juli 1941 für die Jahre 1941 und 1942, verpflichtete sich die ungarische Abordnung, daß Ungarn 5% seiner »Weizen- und Roggenüberschüsse« — was nach der Befriedigung der dürftigen Rationen noch übrigbleibt — Deutschland sichern werde. Außerdem verpflichtete sich die ungarische Regierung, bis zur Beendigung des Krieges die Agrarüberschüsse

²⁰ L. A. A. M. Wp. S. Res. 1941. — 111.

aus den einverleibten Südgebieten auszuführen. Der Vertrag gestattete Ungarn nur die Deckung des eigenen Ölkuchen- und Hanfbedarfes, und zwar lediglich in einer, der früheren jugoslawischen Einfuhr entsprechenden Menge. Außer den Getreideüberschüssen wurden die gesamten Ölsamen und 80% der Maisüberschüsse nach Deutschland ausgeführt. Zur Sicherstellung der großen »Überschußmengen« erschien am 15. August eine Verordnung, die das Getreideausmahlen regelte, höheres Ausmahlprozent vorsah und eine sparsame Mehlwirtschaft vorschrieb. Dieser Verordnung folgte aber bald eine noch strengere »Sparsamkeitsverordnung«: am 6. September wurde in Budapest und Umgebung — also in erster Reihe zuungunsten der breitesten Arbeitermassen — das Mehl- und Brotkartensystem eingeführt. Die Ration wurde auf monatlich 2 kg Mehl und täglich 250 g Brot festgestellt.

Auf dem Gebiet der Tierausfuhr wurde eine Ausfuhrverpflichtung von jährlich 56 000 Rindern und ebensoviel Schafen übernommen. Entgegen dem ungarischen Angebot, 100 000 Schweine zu liefern, forderten die Deutschen 175 000 Stück.²¹

Innerhalb von wenigen Monaten ist aber infolge der Niederlage der deutschen Truppen bei Moskau klar geworden, daß die Aussichten auf einen Blitzkrieg zusammenstürzten und die faschistischen Eindringlinge noch harte, langwierige Kämpfe werden bestehen müssen. Dieser Umstand stellte das deutsche Wirtschaftsleben vor immer größere Schwierigkeiten, denen es nicht mehr gewachsen war. In dem Maße, wie die deutschen Schwierigkeiten wuchsen, wurden auch die Maßnahmen gegen die unterjochten und Vasallenstaaten drückender. Im Dezember 1941 beordnete Ribbentrop den ungarischen Ministerpräsidenten Bárdossy zu sich und forderte mit unmißverständlicher Offenheit eine weitere Steigerung der Ausfuhr. In seinen vertraulichen Aufzeichnungen berichtete Bárdossy über sein Gespräch mit Ribbentrop: »Er berief sich darauf, daß sie gegenwärtig auf dem Maximum ihrer Kraftanstrengungen stünden und er zugeben müsse, daß sie jetzt alles bedürften, um das augenblickliche gigantische Ringen mit Erfolg zu Ende führen zu können. Er sage es mir offen, daß es in erster Reihe auf Öl und Getreide ankomme! Er bittet uns, alles zu tun, wir müßten doch selbst einsehen, daß in den jetzigen Kämpfen sie die größten Opfer brächten, und alle, die über entbehrliche Vorräte verfügen, müßten dem Deutschen Reich zu Hilfe eilen . . .« Zwei Tage später waren schon konkrete Verhandlungen über die Erhöhung der Ausfuhrtransporte im Gange. Die Verhandlungen wurden deutscherseits von Clodius und Moritz, ungarischerseits vom Staatssekretär im Versorgungsministerium István Losonczy geführt. Im Laufe dieser Verhandlungen begnügte sich die Nazi-Regierung schon nicht mehr mit den sogenannten »Überschüssen«, sondern for-

²¹ L. A. A. M. Wp. S. Geheimprotokoll Nr. 21 über die deutsch—ungarischen Besprechungen 7—29. Juli 1941.

derte weitere Opfer. Und was in der Ribbentropschen Abfassung noch als Übergabe von »entbehrlichen Überschüssen« figurierte, wurde hier schon mit brutaler Offenheit folgendermaßen gefordert: ». . . wir mögen uns nicht darauf berufen, daß wir von dem einen oder anderen Produkt heute oder im folgenden Jahr keine Überschüsse hätten, sondern eilen wir ihnen selbst um den Preis einer gewissen Beschränkung der einheimischen Versorgung zu Hilfe«. ²² Wie es in dem Bericht des Berliner ungarischen Gesandten Döme Sztójay über die Verhandlungen heißt, »gab Losonczy sein Versprechen, daß er das berücksichtigen würde, und daß die ungarische Regierung deshalb beabsichtigte, bei wichtigen Versorgungsgütern noch weitere Beschränkungen und Rationen einzuführen, um einem solchen Ersuchen gerecht werden zu können«. ²³ Demzufolge wurde im Februar 1942 und in den folgenden Monaten die Brotration auf 200 g, die monatliche Mehltration auf 1,6 kg herabgesetzt. Im Sommer 1942 wurden noch weitere Einschränkungen eingeführt und die Brotration auf 150 g gesenkt. Die bedingungslose Auslieferung der ungarischen Wirtschaft dem deutschen Faschismus brachte die ungarischen Arbeiter und Werktätigen in eine sehr schwere Lage. Die Bevölkerung Ungarns war selbst in europäischer Relation am schlechtesten versorgt. Im Frühjahr 1942 betrug die tägliche Brotration in Deutschland 286 g, die monatliche Zucker- bzw. Fettration 1012 bzw. 927 g — in Ungarn hingegen war die Brotration nur 200 g, die monatliche Zuckerration 600 g und die Fettration 720 g. ²⁴

In den Jahren 1942—43 vermochte man trotz äußerster Einschränkung des einheimischen Verbrauchs den deutschen Ansprüchen immer weniger gerecht werden. Der Grund hierfür lag aber nicht etwa darin, als ob die Politiker Horthy-Ungarns die Lieferungen sabotiert hätten, wie einige emigrierte Politiker nachträglich zu erklären suchten, sondern ganz entschieden darin, daß Ungarn während der Kriegsjahre einige Mißernten hatte. Wenn wir die Durchschnittsziffer der Brotgetreideproduktion in den Jahren 1929 bis 1938 mit 100 annehmen, so betrug sie 1940 — 83,1, 1941 — 84,1 und 1942 insgesamt nur 76,2. Eine gute Ernte hatte das Land nur in den Jahren 1943 und 1944. Ähnlich gestaltete sich die Lage bei Gerste, Mais und anderen landwirtschaftlichen Produkten. Hinzu kam der Bedarf der angeschwollenen Armee und die Deckung der Bedürfnisse der an Ungarn gegliederten Territorien. Diese Gebiete konnten nämlich ihre eigenen Bedürfnisse nur in geringem Maße decken (Siebenbürgen, Karpato-Ukraine). Wo aber Überschüsse vorhanden waren (Batschka), wurden diese — wie erwähnt — samt und sonders von den Deutschen beschlagnahmt. Unter solchen Umständen war die Auf-

²² L. A. A. M. Wp. S. Res. 996. vom 10.12. 1941.

²³ L. A. A. M. Wp. S. Res. 1006. vom 12.12. 1941.

²⁴ Lagebericht Nr. 50 des Ungarischen Wirtschaftsinstituts, S. 111.

rechterhaltung der früheren Exportquoten — ohne im Lande eine katastrophale Hungersnot hervorzurufen — ein Ding der Unmöglichkeit geworden.

Man war aber bestrebt, auf zahlreichen anderen Gebieten Entschädigungen zu bieten, und zu diesem Zweck wurden in der bisherigen Struktur der ungarischen Landwirtschaft einige Abänderungen vorgenommen. Das Saatgebiet der von den Deutschen geforderten Ölpflanzen wurde im Verordnungswege erweitert, der Sonnenblumenanbau wurde auf Landgütern von über 50 Joch für obligatorisch erklärt, und zwar auf 5% des gesamten Saatgebietes; hinzu kam ein weiterer 2prozentiger Rizinusanbau auf Landgütern von über 200 Joch. Im Jahre 1942 wurde der Pflichtanbau für Ölpflanzen auch auf Landgüter von über 15 Joch ausgedehnt, und zwar in einem noch höheren Maße als früher (7%). Demzufolge sind während des Krieges auch in der Struktur der Saatgebiete bedeutende Verschiebungen eingetreten. Am meisten ist das Saatgebiet der Industriepflanzen gewachsen: im Vergleich zu 1931—1939 stieg es bis zum Jahre 1944 fast auf das 3,2fache. Besonders erfuhr der Anbau von Ölsamen einen stürmischen Auftrieb. Wenn wir das Sonnenblumensaatgebiet der Jahre 1936—1938 als 100 annehmen, so war es 1944 schon 1858, für Flachs 407 usw. Im Zusammenhang mit der Ablieferungsverordnung war die Entwicklung der Halmfutterproduktion ebenfalls bedeutend.²⁵

Die im Krieg vorgenommenen Veränderungen kamen in der gegebenen Lage in erster Reihe den Interessen der deutschen Kriegswirtschaft zustatten und haben zur Sicherung der deutschen Rohstoffversorgung beigetragen.

Außer der Ausfuhr von Getreide, Fleisch, Fett usw. traten die deutschen Monopolisten auch in Bezug auf die Ausfuhr von militärisch lebenswichtigen ungarländischen Rohstoffen (z. B. Öl und Bauxit) mit immer höheren, enormen Forderungen auf. Die ungarische Abordnung verpflichtete sich bereits bei den im Juli 1941 stattgefundenen Verhandlungen zur Lieferung großer Mengen der erwähnten Rohstoffe. Laut Vereinbarung sollten im nächsten Jahr 830 000 Tonnen Bauxit sichergestellt werden. Tatsächlich wurden im Jahre 1942 865 000 Tonnen exportiert, wobei die Gesamtproduktion 988 547 Tonnen betrug. Am 1. August 1942 verpflichtete sich die ungarische Regierung auf Grund zwischenstaatlicher Vereinbarungen zu einer jährlichen Ausfuhr von einer Million Tonnen Bauxit. Die gesamte Produktion lag damals noch unter dieser Ziffer, und das erwünschte Ausfuhrniveau wurde erst 1943 erreicht. Fast die gesamte Produktion wurde auch in jenem Jahr Deutschland zur Verfügung gestellt, doch genügte sie nicht mehr. In einer Vereinbarung von 1943 wurde eine weitere Steigerung der Bauxitproduktion im Wirtschaftsjahr 1943/44 bis auf 1,5 Millionen Tonnen, und im Wirtschaftsjahr 1944/45 sogar bis auf 2 Millionen

²⁵ *Miklós Szuhay*, Staatliche Einnischung und die ungarische Wirtschaftsproduktion im zweiten Weltkriege (Manuskript).

Tonnen vorgesehen, um diese Mengen sogleich nach Deutschland exportieren zu können.²⁶

In gleichem Maße wuchsen die deutschen Ansprüche auf einen immer größeren Teil des ungarischen Ölschatzes. In Ungarn nahm die Ölproduktion erst am Vorabend des Krieges (1937) ihren Anfang. Die amerikanisch interessierte MAORT (Ungarisch—Amerikanische Ölindustrie-Aktiengesellschaft) trieb ihre Produktion in den Kriegsjahren immer mehr in die Höhe und trug damit zur Versorgung der Wehrmacht bei. Der Großteil der jährlich wachsenden Ölproduktion wanderte nämlich nach Deutschland. Im Jahre 1937 betrug die Ölproduktion noch kaum mehr, als 2000 Tonnen, und selbst 1938 bewegte sie sich noch um 43 000 Tonnen. In den Kriegsjahren nahm die Produktion einen stürmischen Anlauf. 1939 wurden 143 000, 1941 bereits 422 000, und 1943 bereits 842 000 Tonnen Öl erzeugt.^{26a} Wie sich der Industrieminister 1942 auf einer Geheimkonferenz äußerte, »könnte diese Politik den ganzen Landesbedarf auch ohne Beschränkungen reichlich decken. Der Grund der Einschränkungen liegt im Kriegsbedarf und darin, daß wir zu Zwecken der gemeinsamen Kriegsführung nach Deutschland und Italien beträchtliche Mengen von verarbeitetem Rohöl und sogar auch Rohöl ausführen.«²⁷ Ende 1941 konnte zum Beispiel ein außerordentlicher Öltransport von 80 000 Tonnen erst nach völliger Lahmlegung des privaten Kraftwagenverkehrs nach Deutschland ausgeführt werden. Als bei der erwähnten Besprechung zwischen Bárdossy und Ribbentrop der ungarische Ministerpräsident sich hierauf berief, »holte Ribbentrop eine Aufzeichnung hervor, warf einen Blick darauf und bemerkte, daß die Deutschen tatsächlich von uns unlängst 80 000 Tonnen erhalten hätten und sehr dankbar dafür seien. Seines Erachtens könnte aber diese Menge auf 120 000 Tonnen erhöht werden.«²⁸ Im Jahre 1942 wurden rund 300, 1944 400 000 Tonnen Öl nach Deutschland ausgeführt — größtenteils raffiniert. Das war ungefähr die Hälfte der gesamten ungarischen Ölproduktion.²⁹

Neben Bauxit und Öl legten die Deutschen großes Gewicht auf die Ausfuhr jedes auffindbaren und transportfähigen Rohstoffes. Stark forcierten sie zum Beispiel die ungarische Manganerzproduktion. Deutschland konnte seinen Bedarf an Manganerz bei weitem nicht aus eigenen Mitteln decken und bedurfte eines Imports von ungefähr 500 000 Tonnen. Während der zeitweiligen Besetzung der Ukraine konnten sie sich an den sowjetischen Mineralschätzen

²⁶ L. A. A. M. Material des Ausschusses für Friedensvorbereitung II/2—28/13 und I/1—3/1—24/20. L. A. A. M. Wp. S. Geheimprotokoll Nr. 25 über die deutsch—ungarischen Besprechungen. 13.2—7.8. 1943.

^{26a} Auf Grund der Statistischen Jahrbücher.

²⁷ L. A. Parlamentsakten. Protokoll des 42er Ausschusses vom 19.10. 1942. XXX. S. 349.

²⁸ L. A. A. M. Wp. S. Res. 996, vom 10.12. 1941.

²⁹ L. A. A. M. Wp. S. Paket 706. Geheimprotokoll Nr. 25 über die deutsch—ungarischen Besprechungen. S. 71—73.

schadlos halten, nach dem deutschen Rückzug und nach dem Verlust der geraubten Gebiete war der Mangel an Manganerz besonders spürbar. In jener Zeit hat das deutsche Finanzkapital die ungarische Manganproduktion auch mit eigenen Kapitalinvestitionen gefördert. Im Jahre 1938 machte die Produktion alles in allem nur 15 000 Tonnen aus, nach Kriegsausbruch belief sie sich auf 60 000, 1941 auf 70 000, 1942 auf 87 000 Tonnen, während sie 1943 schon 102 000 Tonnen erreichte.³⁰

Auch ein Großteil der ungarischen Holzschätze wurde von den Deutschen ausgebeutet. Im Jahre 1942 wurden 110 000 m³ Holz nach Deutschland exportiert, darüber hinaus wurde noch um weitere 80 000 m³ Nadelholz für den Bedarf der Wehrmacht ersucht. »Obzwar uns der von den Deutschen gewünschte Rahmen als zu hoch erscheint...« stellte der ungarische Außenhandelsausschuß fest, »... werden sie mit Rücksicht auf höhere Interessen den Deutschen bewilligt, es kommt sogar die Schaffung einiger, ausschließlich für die Wehrmacht arbeitender Sägewerke in den Ostkarpaten in Betracht.« Selbst auf Kosten des »Zivilkontingents« sollten den Deutschen gewisse Holzmengen zur Verfügung gestellt werden.³¹

All das bedeutete, daß die entscheidenden rohstoffproduzierenden Industriezweige in hohem Maße mit der Erfüllung deutscher Bestellungen beschäftigt waren.

Die gesteigerte Ausfuhr von Lebensmitteln, landwirtschaftlichen und industriellen Rohstoffen stimmte vollkommen mit jenem schon früher bemerkbaren deutschen Wunsch überein, wonach Ungarn auf das Niveau eines rohstoffproduzierenden Landes herabgedrückt werden sollte. Hierin brachte der Krieg nur insofern eine Änderung, daß die deutschen Forderungen *quantitativ* außerordentlich anstiegen und die Ausfuhr bis zur maximalen Grenze anwuchs. Der antisowjetische Krieg erforderte aber vom faschistischen Deutschland solche Anstrengungen, die seine Kräfte überstiegen. Es genügte nicht mehr, die Wirtschaftsquellen der besetzten Teile Europas mit allen Mitteln in den Dienst der eigenen Kriegsmaschinerie gestellt zu haben. Deutschland war gezwungen, in diesen Gebieten weitere Schritte zur Erweiterung der ihm zur Verfügung stehenden Industriekapazität zu unternehmen. So sah sich Deutschland bemüßigt, Ungarns *Industrie* ebenfalls in die industrielle Versorgung der deutschen Armee einzuschalten. Das Wesen der Dinge bestand darin, daß — obwohl sie unverändert, ja sogar in gesteigertem Maß eine völlige wirtschaftliche Unterwerfung Ungarns erstrebten und bezüglich der ferneren wirtschaftlichen Entwicklung Ungarns im Grunde genommen ihre alten Pläne

³⁰ L. A. A. M. Material des Ausschusses für Friedensvorbereitung I/1—3/1—24/20 und II/2—28/13.

³¹ L. A. A. M. Wp. S. Protokoll 697 des außenpolitischen Ausschusses über die Sitzung vom 10.12.

aufrechterhielten — sie zumindest für *die Dauer des Krieges gezwungen waren, die ungarische Industrie*, hauptsächlich die Kriegsindustrie, zu fördern. Auch solche Industriezweige waren darunter, deren Entwicklung sie früher mit allen Mitteln zu hintertreiben versuchten: jetzt aber benötigten sie die Produkte dieser Industriezweige und waren auch ihrerseits bestrebt, ihren Ausbau zu fördern. In diesem Zusammenhang schreibt der Berliner ungarische Gesandte Sztójay in einem Bericht, daß durch den antisowjetischen Krieg »der wirtschaftliche und politische Schwerpunkt sich von Südosten nach Osten verschiebt und die Pressuren nach Südosten hin vielleicht nicht so intensiv wird. Eine Bekräftigung dieser These erblickte ich auch darin, daß die früheren wirtschaftspolitischen Grundsätze, wonach der Südosten seine Industrie abzurüsten und sich immer mehr auf eine reine Agrarproduktion einzurichten habe, jetzt aufgegeben worden sind und die Deutschen damit vorlieb nehmen, daß die mittel- und südosteuropäische Industrieproduktion — wenigstens vorläufig — Deutschland versorgt.«³²

Seit der Entfesselung des antisowjetischen Krieges erhielt die ungarische Industrie — von früherer Regel abweichend — von der deutschen Kriegsführung große Aufträge. Im Sommer 1941 begannen die deutsch—ungarischen Industrieverhandlungen, bei denen die ungarische Industrie von einem deutschen Ausschuß einer Prüfung unterzogen wurde, welche Kapazität sie für die deutsche Armee sichern könnte.³³ Während der Verhandlungen wurde ungarischerseits erklärt: »Wir sind gern bereit, die bisher frei gewordene bzw. in der Zukunft frei werdende Kapazität zur Deckung des Bedarfs der Wehrmacht zu überlassen. Ungarn« — wird später nochmals wiederholt — »überläßt einen bedeutenden Teil seiner Industriekapazität dem Deutschen Reich.«³⁴ Vereinbart wurde auch folgendes: »Jede neue Kapazität, die Ungarn in der nahen Zukunft mit deutscher Hilfe ausbauen kann, soll ständig bis zu 70% für deutsche Lieferungen vorbehalten bleiben.«

Die ungarischen Schwerindustriebetriebe, Waffen- und Munitionsfabriken erhielten immer größere Bestellungen von den Deutschen. So übernahmen hauptsächlich die Weiss-Manfred-Werke und die MÁVAG (Ungarische Staatliche Eisen-, Stahl- und Maschinenfabriken) bereits 1941 die Lieferung von monatlich 300 000 Stück Munition. Sehr bald genügte das nicht, und zur Deckung der steigenden deutschen Bestellungen stellten die Weiss-Manfred-Werke eine neue Munitionsfabrik in Betrieb. Die Monatskapazität der neuen Fabrik belief sich auf 125 000 Stück, und 100 000 Stück wurden davon den Deutschen vorbehalten.³⁵ Die bedeutendsten Kriegsbetriebe führten den größ-

³² L. A. A. M. Wp. S. Res. 751. — 1941.

³³ ZWA. Weiss-Manfred-Munitions-Fabrik 85., MÁVAG 3467/res.—1941. Allgemeine Korrespondenz. Aufzeichnung über die Sitzung vom 25.8. 1941.

³⁴ L. A. A. M. Wp. S. Res. 402/1941—3—29.

³⁵ ZWA. Weiss-Manfred-Munitionsfabrik 85.

ten Teil ihrer Produktion nach Deutschland aus. So bekamen z. B. die MÁVAG im Herbst 1941 eine Bestellung auf Patronenhülsen im Werte von 5 Millionen Mark, auf Granaten im Werte von 8 Millionen Mark und auf Fliegerabwehrkanonen FLAK im Werte von mehr als 10 Millionen Mark usw.³⁶ Allein dieser Betrieb lieferte den Deutschen im Jahre 1942 300 44-mm-Automatenkanonen, eine Million Geschosse und 100 000 15-cm-Granaten.³⁷

Über die Ausfuhr des Kriegsmaterials nach Deutschland stehen uns keine vollständigen, die ganze Kriegsperiode umfassenden Ziffern zur Verfügung. Doch ist es sehr aufschlußreich, daß — nach den Angaben einer zusammenfassenden Statistik — bis April 1942 allein die Kriegsmaterialausfuhr 425,8 Millionen Pengő und die übrigen militärischen Lieferungen (in Form von Halbfabrikaten) 319,2 Millionen Pengő betragen. Dazu kommen noch die enormen Summen für Flugzeuglieferungen.³⁸

Im Jahre 1942 diente die ungarische Kriegsindustrieproduktion zum weitaus größeren Teil der deutschen als der ungarischen Armee. Das geht aus einem Bericht des Industrieministers hervor, den er Ende 1942 vor dem sogenannten 42-er Ausschuß erstattete. (Die Mitglieder dieses Ausschusses rekrutierten sich aus den führenden Abgeordneten der Nationalversammlung.) Der Industrieminister führte aus: »Die Frage, was von der Landesverteidigungsproduktion für uns bleibt, und was die anderen erhalten, kann ich nur später beantworten. Doch möchte ich wiederholen, was ich von einem ziemlich bedeutenden Industriellen gehört hatte, und zwar daß nur 15% (von der gesamten Kriegsproduktion) uns verbleibe, alles andere Fremde erhalten. Diese Ziffer muß ich dementieren, denn es bleiben doch in sehr bedeutsamen Produktionszweigen volle 100% für uns . . .«³⁹ Auch aus diesem Dementi geht klar hervor, daß — wenn auch die 15% unreal sind — der größere Teil der ungarischen industriellen Produkten zweifelsohne den Deutschen zufiel. Nach der Niederlage der deutschen Armee bei Stalingrad verschärfte sich die Lage noch mehr. Im Jahre 1943 wurde auf Ungarn ein wachsender Druck ausgeübt, durch den sich die Deutschen einen noch größeren Teil der ungarischen Kriegsproduktion sicherten. Zum Anlaß wurde der Untergang der bestausgerüsteten ungarischen militärischen Einheit, der 2. ungarischen Armee, bei Woronesh genommen, wo mehr als die Hälfte der Kriegsausrüstung der Horthy-Armee vernichtet wurde. Diesen Umstand benützten die Deutschen, als Entschädigung für die Übernahme gewisser Verpflichtungen — wie die Lieferung einzelner Kriegsmaterialien, die Übergabe von Konstruktionsentwürfen und technologischen Verfahren usw. — einen noch größeren Teil der ungarischen

³⁶ L. A. Finanzministerium, H-res. 1943. 962/1941., 53.222/1941.

³⁷ L. A. Industrieministerium. 82.366/1946.

³⁸ L. A. A. M. Wp. S. Res. 336/42.

³⁹ L. A. Protokoll des 42-er Ausschusses vom 14.10. 1942. S. 429.

Industriekapazität für sich in Anspruch zu nehmen. So wurden zum Beispiel 80% der Produktion der Waffenfabrik (Fegyvergyár), 50% der Artillerie- und Munitionskapazität der MÁVAG und 60—90% der Kapazität der neugegründeten Kriegsbetriebe der deutschen Armee zugesichert.⁴⁰

Eine wichtige Form der Inanspruchnahme der ungarischen Kriegsin- dustriekapazität bestand im *System der für die deutsche Armee verrichteten Aufträge*. Die deutschen Armeelieferanten erteilten den ungarischen Fabriken große Arbeitsaufträge und stellten sehr oft auch die zur Ausführung der Aufträge erforderlichen Patente und Entwürfe zur Verfügung. Das militärische Lohnarbeitssystem wurde stufenweise ausgebaut. Anfangs diente es hauptsächlich der Versorgung der deutschen Landesarmee mit leichten Gewehren und Munition. Bis September 1941 war die Übernahme von Arbeitsaufträgen für ein ausländisches Heer an eine besondere Erlaubnis des Ministerpräsidenten gebunden, entsprechend der juristischen Lage, wonach Ungarn bis Mitte 1941 dem Krieg nicht beigetreten war und formell seine Neutralität aufrechterhielt. Vor dem antisowjetischen Kriege erteilten die Deutschen keine bedeutenden Aufträge für Lohnarbeiten. Bis zum 30. September 1941 vergaben sie nur einen Arbeitsauftrag im Werte von 130 Millionen Pengő. Seit der zweiten Hälfte des Jahres 1941 waren die deutschen Monopolisten in gesteigertem Maße bestrebt, das Lohnarbeitssystem auszudehnen, worauf auch die ungarischen Kapitalisten gern eingingen. In Verbindung damit wurde die Verordnung über eine besondere Erlaubnis des Ministerpräsidenten abgeschafft. Man bestimmte die ziemlich hohe Rahmenciffer von 580 Millionen Pengő, die im Juli 1943 auf 660 Millionen, und im Mai 1944 abermals auf 825 Millionen Pengő erhöht wurde.⁴¹

Das deutsche Finanzkapital und die faschistische Kriegsführung haben zur Kontrolle der Lohnarbeit der ungarischen Industrie einen Sonderausschuß, die sogenannte DIKO (Deutsche Industrie-Kommission in Ungarn) ins Leben gerufen. Diese übte — unter dem Vorwand der Kontrolle — eine amtliche Aufsicht über die ganze ungarische Industrie aus, da sich ja die Lohnarbeit auf die gesamte ungarische Kriegsindustrie erstreckte. Der Wirkungskreis der DIKO ging weit über die Kontrolle der Lohnarbeit hinaus. Und so führte das Lohnarbeitssystem, obzwar es den ungarischen Kapitalisten einen enormen Profit sicherte und ihnen dadurch auch gewisse Betriebserweiterungen ermöglichte — letzten Endes zur verstärkten wirtschaftlichen Unterwerfung Ungarns. Das kam nicht nur in der deutschen Kontrolle der Industrie zum Ausdruck, sondern auch darin, daß die Rohstoff- und Arbeitsmaschinenversorgung der ungarischen Industrie infolge des Lohnarbeitssystems in erhöhtem Maße von den Deutschen abhängig, und die Lieferung dieser Rohstoffe bzw. Arbeits-

⁴⁰ L. A. A. M. Material des Ausschusses für Friedensvorbereitung I/1—12—B/28.

⁴¹ L. A. A. M. Material des Ausschusses für Friedensvorbereitung II/2—28/13.

maschinen ausschließlich von deutschen Interessen bestimmt wurden. Die Deutschen schränkten Ungarns Rohstoffversorgung auf der ganzen Linie ein und drückten die ungarische Industrie hauptsächlich zur Verrichtung von Lohnarbeit herab.⁴²

Das Lohnarbeitssystem nahm aber nicht selten solche Formen an, daß die Deutschen die zur Ausführung des Auftrages benötigten Rohstoffe gar nicht lieferten, sondern diese einfach aus den ungarischen militärischen Reserven »ausliehen«. Das geschah bei Lieferungen seitens der MÁVAG, der Ungarischen Optischen Werke (Magyar Optikai Művek) und anderer Firmen.⁴³ Selbstverständlich wurden diese Anleihen nicht zurückerstattet — später kam es sogar des öfteren vor, daß selbst die Löhne für die verrichtete Arbeit nicht ausbezahlt wurden. Und so gestaltete sich das Lohnarbeitssystem zu einem weiteren Mittel der völligen Ausplünderung Ungarns und da der Staat den ungarischen Kapitalisten einen großen Teil der deutschen Schulden auszahlte, trug er in großem Maße zur sich entfaltenden Inflation bei, die in erster Reihe die Volksmassen traf.

Im Lohnarbeitssystem nahm das sogenannte *gemeinsame Flugzeugbauprogramm* einen besonderen Platz ein. Flugzeuge wurden in Ungarn seit der zweiten Hälfte der dreißiger Jahre hauptsächlich in der Weiss-Manfred-Flugzeugfabrik hergestellt, aber nur in sehr geringem Maße, was auch daraus ersichtlich ist, daß die Fabrik auf Serienproduktion gar nicht eingerichtet war und vorwiegend nach italienischen Mustern nur veraltete Schultypen baute. Im Jahre 1940 wurde mit der deutschen Regierung auf zwischenstaatlichen Verhandlungen eine Vereinbarung getroffen, die den Ausbau der ungarischen Flugzeugbauindustrie vorsah. Angeregt wurde diese Vereinbarung seitens der ungarischen finanzkapitalistischen Kreise, und zwar in erster Linie seitens der Pester Ungarischen Commerz-Bank (Pesti Magyar Kereskedelmi Bank) und dem Barone Weiss, da der Flugzeugbau hauptsächlich für die Weiss-Manfred-Werke ein enormes Geschäft bedeutet hätte. Die Bestellung des ungarischen Verteidigungsministeriums und die im Budget angewiesenen Vorschüsse ermöglichten schon im Herbst 1940, die Flugzeugbaukapazität durch eine 12-Millionen-Pengő-Investition zu erweitern.⁴⁴

Die ungarische Flugzeugindustrie wurde erst beim Ausbruch des anti-sowjetischen Krieges rascher ausgebaut. Im Sommer 1941 verpflichtete sich das Verteidigungsministerium in einem erneuten zwischenstaatlichen Vertrag, die ungarische Flugzeugindustrie außer zur Befriedigung des eigenen Bedarfes auch auf die Ergänzung der deutschen Flugzeugindustrie umzustellen. Der Flugzeugbau machte den Großteil des deutschen Lohnarbeitssystems aus.

⁴² L. A. A. M. Wp. S. Res. 703, 252—1942.

⁴³ L. A. A. M. Wp. S. Res. 400—1941.

⁴⁴ ZWA. Urkundensammlung Weiss Manfred. 55—1048/2—31.

Diese Form der Lohnarbeit paßte im wesentlichen in jenen deutschen Plan hinein, welcher — zwecks Steigerung und Sicherung der Kriegsproduktion und um sie vor Luftangriffen zu bewahren — eine umfassendere Dezentralisation der deutschen Kriegsindustrie vorsah. Die deutschen Pläne zogen nicht nur die deutschen Gebiete in Betracht, sondern wollten die Aktion auch auf die Gebiete der Vasallenstaaten des deutschen »Lebensraumes« ausdehnen, und dies um so mehr, als sie damit rechneten, daß diese Länder von Luftangriffen weniger heimgesucht würden. Im Laufe dieser Aktion waren die Deutschen bestrebt, nicht nur in Deutschland, sondern auch in den Vasallenstaaten eine Erweiterung gewisser Produktionszweige in die Wege zu leiten, selbstverständlich völlig unter deutscher Kontrolle.

Um vor allem die deutschen Bedürfnisse zu befriedigen, genügte der Ausbau der Flugzeugproduktion der Weiss-Manfred-Werke schon nicht mehr. In der Vereinbarung vom Jahre 1941 war ein Flugzeugbauprogramm festgelegt, der sogenannte Messerschmidt-Plan, mit einem ursprünglichen Kostenvoranschlag von einer Milliarde Pengő.⁴⁵ Bezeichnend für die Ausmaße dieses Planes war, daß er *in seiner Endsumme dem Investitionsplan des berichtigten Győrer Programms gleichkam*. Selbstverständlich wurde der Löwenanteil in der Ausführung dieses Programms wiederum dem Weiss-Manfred-Konzern übertragen. Demgemäß begannen die Weiss-Manfred-Werke und die Commerz-Bank — unter Beteiligung von bedeutendem deutschem Kapital — mit der Errichtung der Donau Flugzeugbau Aktiengesellschaft (Dunai Repülőgépgyár Részvénytársaság) mit einem Kostenaufwand von 95 Millionen Pengő. Laut Vertrag wurde in das Unternehmen auch die schon früher in geringem Maße Flugzeugbau betreibende Ungarische Waggon- und Maschinenfabrik Aktiengesellschaft (Magyar Waggon- és Gépgyár Részvénytársaság) zugezogen. Hier wurde die Abteilung für Flugzeugreparatur mit einem Kostenaufwand von 43 Millionen Pengő erweitert. In der Ungarischen Waggon- und Maschinenfabrik wurden dem Programm gemäß anfangs monatlich 50 Flugzeugrümpfe Typ Messerschmidt (ME) 109 hergestellt, in der Donau Flugzeugbau A. G. hingegen wurden monatlich 50 Stück vom Typ ME 120 und 700 Flugzeugmotore Typ Daimler-Benz (DB) eingeplant. Die Motoren zu den in der Győrer Fabrik hergestellten Flugzeugrümpfen wurden teilweise in den Wienerneustädter Flugzeugwerken gebaut. Im Sommer 1941 wurden insgesamt 1800 Rümpfe und 3100 Motore bestellt.⁴⁶ In diesen Plan wurden gleichzeitig mehrere andere Unternehmungen als Subunternehmer für einige Detailarbeiten eingeschaltet. In diese Unternehmungen wurden

⁴⁵ ZWA. Urkundensammlung Weiss-Manfred. 55—1048/2—31.

⁴⁶ ZWA. Urkundensammlung Weiss-Manfred. Ungarische Waggon- und Maschinenfabrik 26.; Landesarchiv. Außenministerium. Wirtschaftspolitische Sektion. Res. 238—1941.; Landesarchiv. Außenministerium, Material des Ausschusses für Friedensvorbereitung II/2—28/13.

12 Millionen Pengő investiert. Wie ersichtlich, wurde ein großzügiger Ausbau der ungarischen Flugzeugindustrie auf Grund der diesbezüglichen deutsch—ungarischen Verhandlungen vom Jahre 1941 mit einem Kostenaufwand von 150 Millionen Pengő in Angriff genommen, aber nicht zu Gunsten Ungarns, sondern ausschließlich zum Vorteil des deutschen Finanzkapitals.

Im Februar 1943 wurden auf deutsche Aufforderung die Investitionen von ursprünglich 1 Milliarde *durch eine Erweiterung der Programms auf 2,7 Milliarden Pengő erhöht*. Das bedeutete eine 50prozentige Steigerung der Kapazität der Donau Flugzeugbau A. G. und der Ungarischen Waggon- und Maschinenfabrik durch eine neuere Investition von 50 Millionen Pengő. Im Zusammenhang damit wurde auch die unlängst ins Leben gerufene Pestszentlőrincer Industrieanlagen-Aktiengesellschaft (Pestszentlőrinci Ipartelepék Részvénytársaság) in das Flugzeugbauprogramm eingeschaltet. Sie richtete sich mit einer Investition von 50 Millionen Pengő auf die Herstellung von monatlich 30 Flugzeigrümpfen Typ Junkers (JU) 52 ein. Bis Ende 1943 wurden die Donau Flugzeugbau A. G. und die Flugzeugabteilung der Ungarischen Waggon- und Maschinenfabrik ebenfalls völlig ausgebaut und seitdem wurden dort die Maschinen in voller Serie hergestellt.⁴⁷

An das Flugzeugbauprogramm knüpfte sich ein »gemeinsames Programm für die fernmeldetechnische Einrichtung der Flugzeuge«. Außerdem wurde die Standard Elektrizitäts-Aktiengesellschaft (Standard Villamossági Részvénytársaság) — die schon früher fernmeldetechnische Ausrüstungen für Focke-Wulf Maschinen gefertigt hatte — zusammen mit der Telephonfabrik Aktiengesellschaft (Telefongyár Részvénytársaság) in das sogenannte Gustav-Programm einbezogen. Sie stellte Instrumente für Rundfunkausrüstungen für die in Ungarn gebauten Flugzeuge her, wozu sie auch die entsprechende deutsche Lizenz erhielt.⁴⁸ Zwecks Produktion von Flugzeugbordwaffen und Munition schlossen sich dem Flugzeugbauprogramm auch die »Danuvia« Waffen- und Munitions-Fabrik Aktiengesellschaft (»Danuvia« Fegyver- és Lőszergyár Részvénytársaság), die »Elzett« Eisenwarenfabrik Aktiengesellschaft (»Elzett« Vasárugyár Részvénytársaság) und die Weiss-Manfred-Munitionsfabrik usw.an.

Die im März 1944 erfolgte Besetzung Ungarns durch die deutschen Faschisten, die Ungarn auf Gnade und Ungnade dem faschistischen Unwesen auslieferte und eine offene Ausplünderung des Landes ermöglichte, offenbarte sich auf dem Gebiete der Flugzeugindustrie in der Form, daß sie nunmehr einer unbeschränkten deutschen Kontrolle unterstellt wurde. Die deutsche Heeresleitung vereinigte die ungarischen und einige deutsche Flugzeugfabriken in zwei sogenannte »Arbeitsgemeinschaften«. Die eine Arbeitsgemein-

⁴⁷ Archiv des Instituts für Parteigeschichte. II/2. Betriebsmaterial. Donau Flugzeugbau A. G. und Zentralwirtschaftsarchiv. Ungarische Waggon- und Maschinenfabrik. 122.

⁴⁸ Archiv des Instituts für Parteigeschichte. II/2. Betriebsmaterial. Standard.

schaft — die Wienerneustädter Flugzeugwerke, die Donau Flugzeugbau A. G., die Ungarische Waggon- und Maschinenfabrik — baute Flugzeugrümpfe, die andere hingegen — die Steyer-Daimler-Puch A. G., die Donau Flugzeugbau A. G. — Flugzeugmotoren. Der Produktionsplan beider Arbeitsgemeinschaften sah den Bau von monatlich 550 Flugzeugrümpfen und 650 Flugzeugmotoren vor. In der »Arbeitsgemeinschaft« lag sowohl die politische als auch technische Leitung in deutscher Hand. Im diesbezüglichen Vertrag war sogar festgelegt, daß der Maschinenpark der einzelnen Unternehmungen nach Belieben aus einem Land ins andere *überführt werden könne*. Dies bedeutete im Endergebnis, daß die ungarischen Kapitalisten sich mit dem eventuellen Abtransport des Maschinenparks ihrer Betriebe nach Deutschland einverstanden erklärten. Die deutschen Faschisten ließen durch die Sztójay-Marionettenregierung einen Regierungskommissar für Flugwesen ernennen, der einen sehr ausgedehnten Wirkungskreis hatte und bevollmächtigt war, die Kontinuität des Flugzeugbaus auch auf Kosten anderer Kriegsproduktionen sicherzustellen. Im Sinne des Abkommens wurde der Betrieb in den Felsenkeller der »Steinbrucher Bierbrauerei« (Kőbányai Serfőző) verlegt.⁴⁹

Auch die Entwicklung der Aluminiumindustrie während des Krieges hängt teilweise mit dem erhöhten Flugzeugbau, mit dem »gemeinsamen« Flugbauprogramm zusammen — deutet aber gleichzeitig auch darauf hin, daß die Deutschen jetzt schon nicht nur die ungarischen Rohstoffschätze, sondern auch die Industriekapazität des Landes benötigten. Das deutsche Finanzkapital drängte bereits in den dreißiger Jahren auf eine Ausweitung der Bauxitförderung in Ungarn, widersetzte sich aber der weiteren einheimischen Verarbeitung des Bauxits und hintertrieb den Ausbau einer Aluminiumindustrie in Ungarn. Vor dem Krieg wurde der Bauxit nur in der Magyaróvárer Tonerdefabrik (Magyaróvári Timföldgyár) — mit einer minimalen Kapazität von 10 000 Tonnen — und in der Csepeler Aluminiumhütte verarbeitet. In den ersten Kriegsjahren begann man in Ajka eine zweite Tonerdefabrik (20 000 Tonnen) sowie eine Aluminiumhütte und in Felsőgalla eine weitere Hütte zu errichten. Alle diese Betriebe vermochten aber nur einen Bruchteil des einheimischen Bauxits zu verarbeiten. Bis zum Ausbruch des Krieges gegen die Sowjetunion »haben bestimmte fremde industrielle Kreise uns darauf aufmerksam gemacht, daß die ungarischen Aluminiumfabriken nicht rentabel sein würden . . .«,⁵⁰ erklärte der Industrieminister. »Nach dem Ausbruch des antisowjetischen Krieges hingegen fielen die Deutschen — die jahrelang gegen die Errichtung einer ungarischen Aluminiumfabrik gekämpft hatten — ins andere Extrem.«⁵¹ Auf deutsche Anregung ist im März 1942

⁴⁹ ZWA. Ungarische Waggon- und Maschinenfabrik, Akte Nr. 23 und Landesarchiv. Außenministerium. Material des Ausschusses für Friedensvorbereitung, II/2—28/13.

⁵⁰ L. A. Protokoll der Parlamentsausschüsse vom 4.11. 1941. V. S. 132.

⁵¹ L. A. Protokoll des 42er Ausschusses vom 19.10. 1942. XXX. S. 416.

eine Vereinbarung zur Gründung der Donautaler Tonerde-Industrie-Aktiengesellschaft (Dunavölgyi Timföld-Ipar Részvénytársaság) zustande gekommen, wodurch eine bedeutende Erweiterung der ungarischen Tonerde- und Aluminiumproduktion bezweckt wurde. Man wollte mit einer Investition von 70 Millionen eine Tonerdefabrik mit einer Jahreskapazität von 60 000 Tonnen einrichten und diese auch mit einer Aluminiumfabrik versehen. Da die deutsche Heeresleitung diese Fabrik benötigte, übernahmen die deutschen Vereinigten Aluminiumwerke die Lieferung der Einrichtung, doch behielt sich das deutsche Kapital beim neuen Unternehmen eine führende Rolle vor. Somit wurde dafür gesorgt, daß selbst eine ungarische Tonerde- und Aluminiumindustrie unter der Kontrolle des deutschen Kapitals stehe. Es wurde vertraglich festgelegt, daß der Ausbau der ungarischen Aluminiumindustrie in einem solchen Rahmen zu halten sei, der die ungarischen Rohstoffe der deutschen Aluminiumindustrie nicht entziehen würde. Die am Unternehmen beteiligte ungarische Kapitalistengruppe, die Aluminiumerz Bergbau- und Industrie Aktiengesellschaft (Alumíniumércbánya és Ipar Részvénytársaság), verpflichtete sich, »mit allen ihr zur Verfügung stehenden Mitteln danach zu streben, daß der Bauxitbedarf der Donautaler Tonerde-Industrie A. G. die Bauxitversorgung der deutschen Tonerdefabriken weder qualitativ, noch quantitativ beeinflusse«. Zur Bekräftigung dessen verpflichtete sich die ungarische Regierung, daß »Ungarn 25 Jahre lang, vom 1. August 1942 angefangen, die Ausfuhr von einer Million Tonnen Bauxit nach Deutschland bewilligen und auf diese Ausfuhr weder Zoll noch irgendwelche andere Gebühr erheben werde«.⁵²

Die deutschen Bestellungen nahmen neben der Schwerindustrie auch einen bedeutenden Teil der Kapazität der Lebensmittelindustrie in Anspruch.

Die Produktion für die ungarische Armee, insbesondere aber für die deutsche Kriegsmaschinerie hat die Entwicklung der ungarischen Schwerindustrie bis 1943 erheblich beschleunigt. Die Produktion der Eisen- und Metallindustrie, der Maschinenfabrikation, der Elektrizitätswerke und der chemischen Industrie überstieg 1943 um beinahe 50% das Niveau des Jahres 1938. Dessenungeachtet wurden die für den Zivilverbrauch produzierenden Industriezweige zurückgedrängt, was eine kriegsbedingte Verschiebung in der Struktur der Industrie mit sich brachte.

Es entstand also die merkwürdige Lage, daß obwohl die kolonisatorischen Bestrebungen des deutschen Finanzkapitals die Entwicklung der ungarischen Industrie mit allen Mitteln hintertrieben, sich die Deutschen gerade zu einer Periode, als sich Ungarns Abhängigkeit vom faschistischen Deutschland immer mehr vertiefte, gezwungen sahen, die Entwicklung der ungarischen Industrie mit Rücksicht auf ihre militärischen Interessen vorübergehend zu fördern. Da die deutsche Industrie selbst durch eine totale Mobilisation nicht

⁵² L. A. A. M. Wp. S. Res. 30/1942.

mehr imstande war, die eigenen Kriegsbedürfnisse zu decken, erforderten ihre Kriegsinteressen, daß Ungarns Unterwerfung *vorläufig* nicht in einer völligen Verkümmern der ungarischen Industrie, sondern eher in einem immer vollständigeren Einbau in die deutsche Kriegsmaschinerie zum Ausdruck komme. Dieser Umwandlungsprozeß spiegelte sich in der Gestaltung des deutsch—ungarischen Außenhandelsverkehrs während des Krieges, was bei einer beständigen quantitativen Steigerung der ungarischen Ausfuhr gleichzeitig auch eine Vergrößerung der Verhältniszahl der ungarischen Industrieartikel innerhalb der gesamten ungarischen Ausfuhr aufweist.

Deutsch-ungarischer Außenhandelsverkehr 1938—1944

Jahr	Einfuhr (Mill. Pengő)	% der gesamten Einfuhr	Ausfuhr (Mill. Pengő)	% der gesamten Ausfuhr
1938*.....	171	40,9	239	45,7
1939.....	237	48,4	304	50,3
1940.....	316	52,4	249	49,4
1941.....	429	58,5	475	61,4
1942.....	483	51,5	632	54,9
1943.....	612	53,4	776	60,3
1944.....	568	70,3	628	73,6

* Österreich mitinbegriffen⁵³

Es muß noch bemerkt werden, daß der Außenhandel mit Deutschland in Wirklichkeit noch bedeutsamer war, da obige Daten die geheime Ausfuhr nicht beinhalten. Sie kann auf 15% der gesamten Ausfuhr geschätzt werden.

Die Warenszusammensetzung der Deutschlandausfuhr belegt die Hebung der Industrieausfuhr mit folgenden Zahlen :

	1940	1941	1942	1943
Landwirtschaft	82,1%	76,4%	68,9%	69,0%
Industrie	17,9%	23,6%	31,1%	31,0%
	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

⁵³ Auf Grund der Daten der Statistischen Jahrbücher.

Da die Geheimausfuhr ausschließlich nach Deutschland ging und aus Industrieartikeln und Kriegsmaterial bestand, würden ihre Angaben das Konto der Industrie noch mehr belasten. Die Unterwerfung unter die deutsche Kriegswirtschaft drückte ihren Stempel auch der Industrieentwicklung und damit der Gestaltung ihrer Struktur während des Krieges auf. Die Entwicklung der Industrie während des Krieges ruft im allgemeinen strukturelle Veränderungen hervor. Die Industrie stellt sich nämlich auf die Produktion von größtenteils unproduktiven Artikeln um, während die Bedarfsartikel und Produktionsmittel erzeugenden Industriezweige der Schwerindustrie zurückfallen. Diese strukturellen Verschiebungen kamen in der ungarischen Industrie besonders anschaulich zum Ausdruck und riefen große Mißverhältnisse hervor, war sie doch schon im Voraus in erster Linie als ein Bestandteil der *deutschen* Kriegsmaschinerie ausgebaut worden. Die kriegsbedingten Mißverhältnisse der Industrie machen sich in den kapitalistischen Ländern durch die Ausgestaltung gewisser »Kriegsproportionen« bemerkbar, indem die Kapitalisten bestrebt sind, die Industrie auf eine allseitige Befriedigung der Heeresbedürfnisse umzustellen.

Die ganze Industrie des Vasallenstaates Ungarn wurde als eine Ergänzung der deutschen Kriegsindustrie betrachtet. Demzufolge wurden gewisse Relationen der Kriegsbedürfnisse — nach deutschen Bedürfnissen — ungeheuer überentwickelt (so beispielsweise der Flugzeugbau, die Munitionserzeugung usw.), andere Relationen hingegen — wenn es die deutschen Interessen erforderten — sind weit hinter dem damaligen Stand der Kriegstechnik zurückgeblieben (so z. B. die Produktion von Militärfahrzeugen und schweren Waffen). Die deutsche wirtschaftliche Expansion verschärfte also nur noch mehr die kriegsbedingten Verschiebungen der ungarischen Industrie, und ungeachtet der erheblichen Entwicklung der Schwerindustrie entstanden in der gesamten Struktur der ungarischen Industrie besonders eklatante Mißproportionen.

Aus der Entwicklung gewisser Zweige der Schwerindustrie konnte aber nicht darauf geschlossen werden, daß die deutschen Monopolisten auf ihren früheren Plan verzichtet hätten, wonach Ungarn die Rolle eines rohstoffproduzierenden, lebensmittelliefernden, und höchstens über eine bescheidene Lebensmittelindustrie verfügenden Landes innerhalb des Lebensraumes des faschistischen Deutschlands zufiel. Das deutsche Finanzkapital setzte nämlich selbst während des Krieges alles daran, diesen Plan — nach der, ihres Erachtens, siegreichen Beendigung des Krieges — in die Tat umzusetzen.

Diese Bestrebung äußerte sich auch darin, daß die Deutschen hauptsächlich die Produktion solcher kriegswichtigen Artikel förderten und dem Ausbau solcher kriegsindustriellen Kapazitäten zustimmten, deren Brauchbarkeit unter den Bedingungen einer Friedensproduktion als am wenigsten wahrscheinlich erschien. Sie hintertrieben aber gleichzeitig mit allen Mitteln

die Weiterentwicklung von zahlreichen wichtigen Industriezweigen, die zwar zur Steigerung der ungarischen Kriegsindustrie außerordentlich wichtig, für Deutschland aber von weniger Interesse waren. Die gleichen Industriezweige hätten einen wichtigen Bestandteil der ungarischen Friedensproduktion bilden können, hätten zur Verstärkung der ungarischen Industrie beigetragen und das Erlangen ihrer Unabhängigkeit vom Ausland zur Folge gehabt. Die besondere kriegsbedingte Verschiebung der Industrie, als Folge der deutschen kolonialisatorischen Bestrebungen, bezweckte auch die Erdrosselung der weiteren Entfaltung der ungarischen Industrie.

Auf dem Gebiete der Eisenmetallurgie warfen die ungarischen herrschenden Klassen den Plan zur Errichtung einer neuen Hütte auf, da die Kapazität der bestehenden Hochöfen schon maximal ausgenützt und eine Steigerung der Produktion ohne die Aufstellung einer neuen Hütte nicht mehr möglich war. Sie rechneten damit, daß die deutschen Kapitalisten, die damals die Erweiterung der Industriekapazität in mehreren Beziehungen ermöglichten, auch bezüglich des neuen Hochofens keine Schwierigkeiten bereiten würden. Ende 1942 äußerte sich der Industrieminister diesbezüglich folgendermaßen: »... jene Abneigung, sogar Angst, die Deutschland der ungarischen Industrie gegenüber früher an den Tag legte, ist völlig im Erlöschen begriffen, so daß wir eventuell auch eine Eisenhütte erlangen können.«^{53a}

Man wollte die neue Hütte an der Donau aufbauen, und darin das Eisenerz aus dem zeitweilig besetzten Kriwoj-Rog verarbeiten. Da die Deutschen das Eisenerz in großen Mengen zu Wasser nach Deutschland zu befördern beabsichtigten, »... war die Daseinsberechtigung einer solchen Hütte hinsichtlich des Erzes gegeben«,⁵⁴ stellte der Industrieminister des weiteren fest. Der Ministerrat hat am 6. Januar 1943 sogar einen Beschluß über die Errichtung der neuen Hütte gefaßt.

Man rechnete damit, daß die Hütte verhältnismäßig schnell in Betrieb gesetzt werden könne, »da sich dazu durch den Ankauf zweier, in Deutschland schon im Bau befindlicher, wegen des Krieges aber nicht gelieferter Hochöfen eine günstige Gelegenheit bot«.⁵⁵ Die Verhandlungen zum Ankauf der Hochöfen sind auch in Gang gesetzt worden, die deutschen finanzkapitalistischen Kreise waren jedoch nicht geneigt, die schon fertiggestellten, in Deutschland aber ungebraucht liegenden Hochöfen an Ungarn zu verkaufen.

Dieselben Erscheinungen können wir auch bei anderen wichtigen Industriezweigen beobachten. Auf ähnliche Weise ist auch die Aufnahme der ungarischen Sodafabrikation hintertrieben worden. Die ungarischen industriellen Kreise waren auch hier der Meinung, daß sie infolge des Krieges deutscher-

^{53a} L. A. Parlamentsakten. Protokoll des 42er Ausschusses vom 10.10. 1942. XXX. S. 414.

⁵⁴ Ebendort.

⁵⁵ L. A. Parlamentsakten. Protokoll des 42er Ausschusses von 19.8. 1942. XXX. S. 334 ff.

seits keinen Widerstand zu gewärtigen hätten, und die Deutschen der Errichtung einer Sodafabrik in Ungarn zustimmen würden, »obzwar sie früher lange bestritten hatten, daß wir tatsächlich eine bedürfen«,⁵⁶ fügte der Industrieminister hinzu. Auch hier bestand die Möglichkeit, eine von der deutschen Ferrostahl-Firma für Iran fertiggestellte, aber infolge des Ausbruchs des Krieges nicht mehr gelieferte Sodafabrik mit einer Kapazität von 18 000 Tonnen für Ungarn zu übernehmen. Die Ende 1942 stattgefundenen Verhandlungen sind aber erfolglos geblieben, da der ungarische Markt im Sinne des internationalen Kartellvertrages von deutschen Firmen mit Soda versehen wurde und das deutsche Finanzkapital nicht geneigt war, darauf zu verzichten.⁵⁷

In der chemischen Industrie haben die deutschen finanzindustriellen Kreise den Ausbau der Kunstkautschukerzeugung bis zu Ende verhindert. Auch diesbezüglich sind ungarischerseits Versuche eingeleitet worden, da die Kapitalisten darin sehr große Profitmöglichkeiten erblickten. Die dazu erforderlichen Maschinen, Materialien und technische Hilfe wollten die Deutschen nur unter der Bedingung zur Verfügung stellen, wenn die Regierung sich verpflichtet hätte, den ungarischen Kunstkautschukbedarf nach dem Kriege noch 5 Jahre hindurch ausschließlich aus Deutschland zu beziehen. Die Verhandlungen verzogen sich deshalb und blieben ergebnislos.

Man könnte noch in der Aufzählung fortfahren. Nehmen wir z. B. die Frage der Schwarzplattenfabrikation. Im Laufe des Krieges sind die Rohstoffvorräte für Konservendbüchsen der ungarischen Konservenindustrie, die größtenteils für die Versorgung der deutschen Armee arbeitete, völlig erschöpft. Die Weiss-Manfred-Werke wollten deshalb die Lizenz der Schwarzplattenfabrikation von den Deutschen erkaufen, um die einheimische Produktion in Angriff nehmen zu können. Die Deutschen wollten aber die Lizenz nur in dem Falle überlassen, wenn die in Ungarn zu errichtende Fabrik mit Beteiligung des deutschen Kapitals aufgebaut worden wäre. Ungeachtet dessen, daß die Überlassung der Lizenz auch von der deutschen Heeresleitung mehrmals urgiert wurde, haben die deutschen Finanzkapitalisten den Verkauf der Lizenz und damit die Inangriffnahme der Schwarzplattenfabrikation in Ungarn bis zum Ende des Krieges unmöglich gemacht.⁵⁸

Die Siemens-Werke verhinderten die für die deutsche Armee arbeitende Standard-Elektrizitäts-A. G. daran, sich auf Staubeisenkernfabrikation einzurichten, obwohl dies zur Herstellung gewisser Spezialrundfunkapparate notwendig gewesen wäre und der erforderliche Rohstoff (das Carbonil) nur von der I. G. Farbenindustrie hätte bezogen werden können. Die I. G. Farbenindustrie exportierte zwar diesen Artikel in die verschiedenen Länder, »die

⁵⁶ Ebendort S. 414.

⁵⁷ L. A. A. M. Material des Ausschusses für Friedensvorbereitung II/2—28/13.

⁵⁸ L. A. A. M. Wp. S. Res. 283.—1942.

Siemens-Werke ließen es aber auf Grund einer mit der I. G. Farbenindustrie abgeschlossenen Vereinbarung nicht zu, daß die Firma auch uns liefert.«⁵⁹

Die Entwicklung der ungarischen Industrie während des Krieges stand also in unmittelbarem Zusammenhang mit den deutschen militärischen Interessen und richtete sich nach diesen. Den Ansprüchen der deutschen Kriegswirtschaft gemäß wurde ihr Entwicklungsweg einerseits von weiten Entwicklungsmöglichkeiten, andererseits aber von engegezogenen Schranken bestimmt. Die bedeutende Hebung der Industrie trug in erster Linie zur weiteren Stärkung der Wirtschaftsmacht des seine Positionen fest in den Händen haltenden ungarischen Finanzkapitals bei. Dessenungeachtet kam aber in Form der *Eroberungsbestrebungen des deutschen Finanzkapitals* eine entgegengesetzte Tendenz während des Krieges in der Entwicklung der ungarischen Industrie zur Geltung. Die deutschen finanzindustriellen Kreise strebten danach, immer mehr Wirtschaftspositionen an sich zu reißen und vermochten im Interesse der Verwirklichung dieser Zielsetzung die politische Abhängigkeit Ungarns in hohem Maße auszunützen. Es ist sehr bezeichnend und gleichzeitig vom Gesichtspunkt der Wirtschaftsexpansion des deutschen Finanzkapitals sehr wesentlich, in welchem hohem Maße die deutschen Industrie- und Bankkreise die ungarischen Gebietseingliederungen sich zunutze machen konnten. In den Ungarn einverlebten Gebieten konnten sie durch Enteignung von ehemals in serbischem, kroatischem und tschechischem Besitz befindlichen Aktien zahlreiche Unternehmungen erwerben bzw. an diesen für sich eine Beteiligung sichern. So geriet zum Beispiel die Ujverbászzer Heimische Ölfabriks-Aktiengesellschaft, die früher die größte Pflanzenöl produzierende Unternehmung Jugoslawiens war, in deutsche Hände. Die interessierten ungarischen Kapitalisten konnten bei dieser Unternehmung nur 20% der Aktien erwerben. Die dem Skoda-Konzern angehörende Karpatische Elektrizitätswerke A. G. wurde einem Unternehmen des Göring-Konzerns angeschlossen. Die Özörenyer Zellulosefabrik war vor dem ersten Weltkrieg eine Unternehmung der Ungarischen Escompte- und Wechsler-Bank (Magyar Leszámitoló és Pénzváltó Bank). Die Bank wollte sie nun wieder in Besitz nehmen, das deutsche Kapital trat aber dazwischen, indem es das Eigentumsrecht von den Slowaken übernahm. So geriet auch diese Unternehmung völlig in die Hände des deutschen Kapitals. Eine geheime schriftliche Information des Außenministeriums stellte in diesem Zusammenhang fest, daß »dieser Prozeß Erbitterung in den ungarischen großindustriellen Kreisen hervorrufe, da er der ganzen Sache den Anschein verleihe, als hätten die Ungarn diese Gebiete nur zur Hälfte wieder in Besitz genommen.«⁶⁰

⁵⁹ L. A. A. M. Wp. S. Res. 450.—1941.

⁶⁰ L. A. A. M. Wp. S. Res. 83.—1942.

Das deutsche Finanzkapital gab sich damit freilich nicht zufrieden, daß es in den Ungarn einverleibten Gebieten wertvolle Positionen erwarb. In seinen imperialistischen Plänen gehörte doch Ungarn dem deutschen »Lebensraum« an, und obwohl es während des Krieges seine ursprünglichen Bestrebungen zur Erdrosselung der ungarischen Industrie nicht geltend machen konnte, so wollte es sich wenigstens in der ungarischen Industrie einen immer größeren Einfluß sichern. Natürlich verletzten diese Bestrebungen die Interessen der ungarischen Finanzkapitalisten, obzwar sofort hinzugefügt werden muß, daß auf gewissen Gebieten für sie zweifelsohne auch einige Vorteile erwachsen waren. Dies bezieht sich vor allem auf die neuentwickelten Kriegsindustrieweige. Zu den enormen Investitionen hatten nämlich — gerade zwecks Ausdehnung ihres Einflusses — auch die Deutschen erheblich beigetragen, oft lag sogar die führende Rolle bei ihnen. All das — wie schon oben erwähnt — hat zwar den größten ungarischen finanzkapitalistischen Gruppen gewisse Möglichkeiten gesichert, war aber im Grunde genommen ein wichtiges Moment der deutschen Expansion. So hatte z. B. beim Ausbau des ungarischen Flugzeugbaus nebst der Weiss-Manfred — Commercial-Bank-Gruppe — wie wir eben gesehen haben — auch das deutsche Kapital einen sehr großen Einfluß inne. Bei der Errichtung und Einrichtung der Donau Flugzeugbau A. G. spielte das deutsche Kapital die führende Rolle.⁶¹

Die Ungarische Bauxitgruben Aktiengesellschaft (Magyar Bauxitbánya Részvénytársaság) wurde ebenfalls auf deutsche Initiative gegründet, wobei die Dürener Metallwerke A. G. eine große Rolle spielte.⁶² Ebenfalls auf Grund einer Vereinbarung mit den deutschen Kapitalisten kam es zur Gründung der Donautaler Tonerde-Industrie Aktiengesellschaft (Dunavölgyi Timföldgyár Részvénytársaság), woran nebst den ungarischen finanzkapitalistischen Gruppen und dem ungarischen Staat auch die deutschen Vereinigten Aluminium Werke bis zu einem Drittel beteiligt waren, und laut den Vereinbarungen im wesentlichen das ganze Unternehmen beherrschten.⁶³ Die Deutschen waren bestrebt, ihre Hand auch auf die ungarischen Ölförderungsindustrie zu legen. Daran war aber auf Grund eines Vorkriegsvertrages bereits die amerikanische Standard Oil interessiert. Die deutsche I. G. Farbenindustrie A. G. wollte schon im Juli 1941 mit der amerikanischen Unternehmung über die Übernahme der MAORT-Aktien (MAORT = Magyar—Amerikai Olajipari Részvénytársaság = Ungarisch—Amerikanische Ölindustrie Aktiengesellschaft) Verhandlungen führen und sie war bereit, als Gegenleistung ihre südamerikanischen Kapitalbeteiligungen abzutreten. Die Standard Oil war geneigt, auf dieses Geschäft einzugehen, hat aber schließlich infolge der Mißbilligung

⁶¹ ZWA. Weiss-Manfred-Urkundensammlung 55. 1048/2.

⁶² L. A. A. M. Wp. S. II/2—28/13.

⁶³ L. A. A. M. Wp. S. Res. 30/42.

seitens der amerikanischen Behörden ihre MAORT-Aktien doch nicht abgetreten.⁶⁴

Über den Versuch hinaus, die schon bestehenden Ölförderungsunternehmungen für sich zu erwerben, wollte sich das deutsche Finanzkapital die Beschlagnahme etwaiger neuer Rohstoffquellen sichern. In diesem Zusammenhang schloß die deutsche Winterschall-A. G. bereits im August 1940 mit der Regierung einen Vertrag zur Erdölschürfung ab und erhielt gleichzeitig Vorkaufs- und Konzessionsrechte darauf. Schon in diesem Vertrag wurde ausbedingt, daß »das an das Vertragsgebiet im Süden angrenzende Territorium, sollte es an Ungarn rückgegliedert werden, ebenfalls der Firma Winterschall überlassen wird.«⁶⁵ Die Deutsch—Ungarische Mineralöl-Werke Aktiengesellschaft (Magyar—Német Ásványolaj-Művek Részvénytársaság) nahm im Südteil des Alföld (Große Ungarische Tiefebene) in der Umgebung der Gemeinde Tótkomlós Bohrungen vor. Ein geheimer Gesandtschaftsbericht von 1942 setzt uns darüber in Kenntnis, daß unter dem Vorwand eines kulturellen Abkommens die Ankunft einer deutschen Forschungsgruppe erwartet wurde, um in der Umgebung der Stadt Gyula Ausgrabungen vorzunehmen, wie aber hinzugefügt wird, »verbirgt sich hinter den Ausgrabungen irgendeine Petroleumforschungsaktion. Unseres Wissens hielten sich in Ungarn schon auch andere unter dem Vorwand von archäologischen Forschungen auf, und wenn sie zu Petroleumbohrungen geeignete Landstücke entdeckten, ließen sie die betreffenden Gebiete durch Strohmänner aufkaufen.«⁶⁶ Auf diese Weise wurde die deutsche Erdölschürfung in Ungarn nicht nur offen, sondern auch im Geheimen fortgesetzt.

Außerdem war das deutsche Finanzkapital bestrebt, auch auf anderen Gebieten der ungarischen Industrie Fuß zu fassen oder seine Positionen zu erweitern. Es versuchte, die wichtigsten Gebiete und Unternehmungen der Industrie in seinen Einflußkreis einzubeziehen. In einem seiner Berichte an den ungarischen Ministerpräsidenten Bárdossy teilte der Berliner ungarische Gesandte Sztójay darüber folgendes mit: »Die Reichsgruppe für Industrie hat Auftrag zur eingehenden Ausarbeitung von Propositionen erhalten, die sich auf die Beteiligung einiger deutscher Industriezweige und Kapitalistengruppen an ungarischen Unternehmungen oder aber auf die Beteiligung an Kapitalerhöhungen schon bestehender Unternehmungen beziehen.«⁶⁷

Einer der wichtigsten Wege zum Eindringen des deutschen Kapitals und zur Erweiterung seiner Interessensphären bestand in der Ergatterung eines Teils des Aktienbestandes der ungarischen Unternehmungen. Das ungarische Finanzkapital überließ natürlich den Deutschen nicht freiwillig die

⁶⁴ L. A. A. M. Wp. S. Chiffretelegramme vom 22.7. und 2.8. 1941.

⁶⁵ L. A. A. M. Wp. S. Res. 41.—1942 und Zentralwirtschaftsarchiv. Korrespondenz des Industrieseekretariats der Commerzbank. Auslandspressemeldungen.

⁶⁶ L. A. A. M. Wp. S. Res. 249.—1942.

⁶⁷ L. A. A. M. Wp. S. Res. 572.—1941.

bestehenden eigenen Positionen und die deutsche Expansion ergab sich im wesentlichen daraus, daß die in ungarischen Kreditorganisationen und in der ungarischen Industrie vorhandenen österreichischen, französischen usw. Kapitalbeteiligungen durch die Unterwerfung Europas in deutsche Hände gerieten. Vom Gesichtspunkt des Eindringens des deutschen Kapitals war besonders bedeutsam, daß fast 140 000 Aktien der Ungarischen Allgemeinen Creditbank (Magyar Általános Hitelbank) in den Jahren 1941 und 1942 aus französischen Banken zur Dresdner Bank gelangten, denn dadurch war — zusammen mit den von den Wiener Rotschilds schon früher erworbenen rund 20 000 Aktien — eine mehr als 18prozentige Kapitalbeteiligung für die Dresdner Bank gesichert. Demzufolge konnten sich die Vertreter des deutschen Kapitals auch unmittelbar in die Direktion der Creditbank hineinsetzen und sie erlangten Einfluß im ungarischen Wirtschaftsleben. Außer der Beteiligung an der Errichtung neuer Industriezweige waren eben diese Aktionen der bedeutsamste Schritt auf dem Wege der deutschen Kapitalexpansion.⁶⁸

Das deutsche Kapital war überdies bestrebt, sich in den meisten Großunternehmungen Positionen zu erwerben. Es muß in diesem Zusammenhang hervorgehoben werden, daß es auch an der Ganz & Co. Elektrizitäts-, Maschinen-, Waggon- und Schiffbau-Aktiengesellschaft (Ganz és Tárza Villamossági, Gép-, Waggon- és Hajógyár Részvénytársaság) erhebliche Beteiligung erlangte, da die amerikanischen Aktionäre — nach einer Mitteilung des Handelsattachés der englischen Gesandtschaft aus dem Jahre 1940 —, ihre Aktien an die Deutschen verkauft hätten.⁶⁹

Seitens des deutschen Finanzkapitals waren selbstverständlich auch andere Bemühungen zur Erwerbung von wichtigen Unternehmungen zu beobachten. So machte z. B. die I. G. Farbenindustrie Schritte zur Beteiligung an der Chemisch-Pharmazeutischen »Chinoin« Fabrik (»Chinoin« Gyógyszer-és Vegyészeti Termékek Gyára Részvénytársaság), und dies um so mehr, als »Chinoin« auch eine weitverzweigte Exporttätigkeit entfaltete. Im Sommer 1941 wurden in der Fabrik Verhandlungen geführt, ». . . die deutschen Fabriken und Exporteure belegen unser Unternehmen seit einigen Wochen mit einem Materiallieferungsverbot . . . Dieses Materiallieferungsverbot läßt sich auf eine Anordnung des deutschen Wirtschaftsministeriums zurückführen . . . Es läßt sich auch mit den früheren Versuchen in Zusammenhang bringen, die schon immer darauf gerichtet waren, daß sich die großen deutschen Firmen, in erster Linie die I. G. Farbenindustrie und die Schering-Werke, bei der Chinoin eine Kapitalbeteiligung und einen entscheidenden Einfluß sichern.«⁷⁰ Zur Abwehr des deutschen Druckes ließ die an der Spitze der Chinoin stehende

⁶⁸ ZWA. Creditbanksekretariat. 1. Paket und Metallwaren-, Waffen- und Maschinenfabrik A. G. Material von I. Perényi.

⁶⁹ ZWA. Ganz-Fabrik. Protokoll der Präsidialsitzungen. 19.6. 1940.

⁷⁰ ZWA. Chinoin. Protokoll des Exekutiv-Komitees vom 21. 8. 1941.

Kapitalistengruppe die Vertreter einer kleineren deutschen Firma (Walter Haupt) und Hitlers Hausarzt in die Direktion wählen.⁷¹

Das deutsche Finanzkapital konnte aber außer den neuentwickelten Industriezweigen und der Erwerbung von im österreichischen, tschechischen, französischen usw. Besitz befindlichen ungarischen Aktien trotz seiner ständigen Versuche, nicht so große Kapitalbeteiligungen erwerben, wie es erstrebt hatte, demnach spielte es in der ungarischen Industrie während des Krieges keine große Rolle. Die meisten deutschen Positionen bestanden aus früheren deutschen, österreichischen und tschechischen Kapitalbeteiligungen. Nach einem Ende 1942 von den Großbanken verfertigten *internen Ausweis*⁷² belief sich die deutsche Aktienbeteiligung in der ungarischen Industrie auf mehr als 200 Millionen Pengő. Das deutsche Kapital war sozusagen an allen größeren Unternehmen mehr oder minder beteiligt. Die deutsche Aktienbeteiligung erstreckte sich auf die folgenden wichtigsten Unternehmungen:

Name der Unternehmung	Aktien %
Ganz-Fabrik (Ganz-Gyár)	17,3
Rimamurányer Eisenwerk (Rimamurányi Vasmű)	18,3
Vereinigte Glühlampen (Egyesült Izzó)	15,3
Elektrotrust (Villamos Tröszt)	34,0
Salgótarjáner Steinkohlenbergbau (Salgótarjáni Kőszénbánya)	13,1
Urikány—Zsiltaler Steinkohlenbergbau (Urikány—Zsilvölgyi Kőszénbánya) ..	8,7
Ungarischer Allgemeiner Kohlenbergbau (Magyar Általános Kőszénbánya) ...	6,7
»Hungária« Chemische Werke (»Hungária« Vegyiművek)	17,5
Gummiwarenfabrik (Ruggyantagyár)	22,8

Außerdem besaßen die deutschen Kapitalisten noch bei folgenden Unternehmungen Kapitalbeteiligungen:

Hundertprozentig in deutscher Hand befanden sich die Angyalföldi Textilwerke A. G. (Angyalföldi Textilművek RT.), Bantlinsche Chemische Fabriken A. G. (Bantlin-féle Vegyigyárak RT.), Baumwolltextilwerke A. G. (Pamuttextilművek RT.), Budanil A. G. (Budanil RT.), Erste Ungarische Schriftgießerei A. G. (Első Magyar Betűöntőde RT.), Stephan Felmayer & Söhne Blaufärberei und Kattendruckfabrik A. G. (Felmayer István és Fiai Kékfestő és Kartonnyomógyár RT.), Albert Förster Steinindustrie A. G. (Albert Förster Kőipari RT.), Philipp Haas und Söhne A. G. (Haas Fülöp és Fiai-féle RT.), Kispester Seidenweberei Gebrüder Schiel A. G. (Kispesti Selyemszövőgyár Schiel testvérek RT.), Julius Meinel Kaffeeimport A. G. (Meinel Gyula Kávébehozatali RT.) mit den zu ihr gehörenden kleineren Unternehmungen für Lebensmittel, Mercedes Benz Automobil A. G. (Mercedes-

⁷¹ ZWA. Chinoin. Protokoll des Exekutiv-Komitees vom 21. August 1941. Protokoll vom April 1944. Nach der deutschen Besetzung ist Dr. Morell zum stellvertretenden Generaldirektor ernannt worden.

⁷² ZWA. Material der Creditbankdirektion. Deutsch—ungarischer Aktientausch. Liste der deutschen Kapitalbeteiligungen.

Benz Automobil RT.), Neusiedler Papierhandel A. G. (Neusiedler Papírkereskedelmi RT.), die Firma Ohrenstein & Koppel, N. Rella & Neffe Bauunternehmung A. G. (Rella N. és Unokaöccse Építési Vállalat RT.), Guido Rütgers Holzimprägnierungs- und Holzpflasterungs A. G. (Rütgers Guido Fatelítő és Faburkoló RT.), Schimmel & Co A. G. (Schimmel és Társa RT.), Stölzles Söhne Ungarische Aktiengesellschaft für Glaswaren (Stölzle C. Fiai Üvegárúk Magyar RT.), »Tudor« Akkumulatorenfabrik A. G. (»Tudor« Accumulátorgyár RT.), Ungarische Siemens-Werke Elektrizitäts-A. G. (Magyar Siemens Művek Villamossági RT.), Papier- und Rohpappenfabrik A. G. (Papír- és Nyersfedéllemezzgyár RT.), Ford Motor A. G. (Ford Motor RT.), Naxos Polierwarenfabrik A. G. (Naxos Csiszolóárugyár RT.), Újvidéker Schrauben- und Eisenwarenfabrik A. G. (Újvidéki Csavar- és Vasárugyár RT.), Ungarische Siemens-Reiniger-Werke A. G. (Magyar Siemens-Reiniger Művek RT.), Zinkwalzwerk A. G. (Horganyhengermű RT.).

Auch an vielen anderen Fabriken hatte das deutsche Finanzkapital bedeutende Beteiligungen (vgl. Anmerkung⁷³).

⁷³ Das deutsche Kapital war an folgenden Fabriken und Betrieben beteiligt: Telefongyár A. G. (Telefongyár R. T.) 14,8%; Magyar Cukoripar R. T. (Ungarische Zuckerindustrie A. G.) 13,9%; Hazai Fésűsfonó és Szövőgyár R. T. (Vaterländische Kammgarnspinnerei und Weberei A. G.) 57%; Magyar Rabbethge és Giesecke Magtenyészítő R. T. (Ungarische Rabbethge und Giesecke Samenzucht A. G.) 40%; Zichy Béla Gróf Urkúti Bányaművei R. T. (Graf Béla Zichys Urkuter Bergwerke A. G.) 81%; Zagyvapálfalvi Üveggyár R. T. (Zagyvapálfalvaer Glasfabrik A. G.) 24,5%; Dreher Kőbányai Serfőzde és Csokoládégyár (Kőbányaer Dreher Bierbrauerei und Schokoladenfabrik A. G.) 13,7%; Felten és Guillaume Kábel-, Sodrony- és Sodronykötélgyár R. T. (Felten & Guillaume Kabel-, Draht- und Drahtseilfabrik A. G.) 74,4%; Szegedi Kenderfonógyár R. T. (Szegediner Hanfspinnerei A. G.) 15,8%; »Klotild« Első Magyar Vegyipar és »Acetic« Vegyiművek Egyesített R. T. (Vereinigte »Clotilde« Erste Ungarische Gesellschaft für Chemische Industrie und »Acetic« Chemische Werke A. G.) 8,4%; Hazai Papírgyár R. T. (Vaterländische Papierfabrik A. G.) 20%; Délmagyarországi Villamos Áramszolgáltató R. T. (Südungarische Elektrische Stromlieferung A. G.) 57,1%; Drávavölgyi Villamos Áramszolgáltató R. T. (Drautaler Elektrische Stromlieferung A. G.) 90%; Petőházi és Nagycenki Cukorgyárak R. T. (Zuckerfabriken A. G. von Petőháza und Nagycenk) 82,5%; Continental Szalagszövőgyár R. T. (Continental Bandweberei A. G.) 41,1%; Vasárugyár R. T. Sopron (Eisenwarenfabrik A. G. Sopron) 84,5%; Hartmann Testvérek Nyomdafestékgyára R. T. (Gebrüder Hartmann Druckfarbenfabrik A. G.) 40%; Hartmann Vilmos-féle Papír- és Papírforgalmi R. T. (Wilhelm Hartmannsche Papierindustrie und Vertriebs-A. G.) 82,6%; Magyarországi Odolművek R. T. (Ungarische Odolwerke A. G.) 50%; Schember Magyar Mérleg- és Gépgyár R. T. (Schember Ungarische Waagen- und Maschinenfabrik A. G.) 10%; Schmoll és Kallós R. T. (Schmoll und Kallós A. G.) 25%; Soproni és Ujpesti Posztó- és Szőnyeggyárak (Soproner und Ujpester Tuch- und Teppichfabriken A. G.) 89,8%; Piatnik Kártyagyár (Spielkartenfabrik Piatnik) 84,4%; Ipari Robbanóanyaggyár R. T. (Industrielle Sprengstoffe A. G.) 12%; Felsőmagyarországi Bánya- és Kohómű R. T. (Oberungarische Berg- und Hüttenwerks-A. G.) 21,1%; Hazai Likőr-, Rum- és Szeszárugyár R. T. (Vaterländische Likőr-, Rum- und Spirituosenfabrik A. G.) 47,1%; Első Magyar Cipőrugany-, Szalag és Húzógyár Wellesz, Schwitzer és Társai R. T. (Erste Ungarische Gummizug-, Band- und Strumpffabrik Wellesz, Schwitzer & Co. A. G.) 17,9%; Gerő Adolf Szövött- és Kötöttárugyár R. T. (Adolf Gerő Strick- und Wirkwarenfabrik A. G.) 50%; Székesfehérvári Légszeszgyár és Vegyiművek R. T. (Székesfehérvári Gasfabrik und Chemische Werke A. G.) 90,3%; Újvidéki Kábelgyár R. T. (Ujvidéker Kabelfabrik A. G.) 33,3%; »UWAG« Magyar Szövőgyár R. T. (Ungarische Weberei A. G. »UWAG«) 85%; Prometheus Szén- Fa- és Koks- R. T. (Prometheus Kohle-, Holz- und Koks-A. G.) 15%; »Chemicolor« Vegyészeti és Metallurgiai R. T. (Chemische und Metallurgische A. G. »Chemicolor«) 30%; Kárpáti Villamosművek RT. (Karpatische Elektrizitäts-

Wie ersichtlich, überließ das ungarische Finanzkapital den Deutschen auch während des Krieges nicht die wichtigen Positionen und der Raumgewinn des deutschen Kapitals in der ungarischen Industrie erfolgte in erster Linie nicht auf Kosten der ungarischen, sondern vielmehr des österreichischen, tschechischen, französischen usw. Finanzkapitals. Der deutsche Einfluß machte sich aber in diesen Jahren auch durch andere Mittel, so durch den politischen Druck geltend und stellte die ungarische Industrie in den Dienst der deutschen Interessen. Für die ungarischen Finanzkapitalisten war das nicht unmittelbar nachteilig, erhielten sie doch mehr Bestellungen, vermochten ihre Betriebe zu erweitern, ihre Kriegsprofite zu erhöhen usw. usw. Die einseitige Berücksichtigung der deutschen Interessen verletzte aber die Interessen des ungarischen Finanzkapitals, da sie es gleichzeitig auf vielen Gebieten einschränkte. Die meisten nach Deutschland ausgeführten Waren wurden nämlich nicht bezahlt. Auch das war ein wesentliches Moment in der Ausplünderung unseres Vaterlandes. Außerdem blieben auch die ungarischen Lieferungen an die Deutschen sowie die für die Deutschen verrichtete Lohnarbeit usw. usw. ohne Gegenleistung, worauf wir später noch zurückkommen werden. Die an der Ausfuhr interessierten Unternehmungen gelangten nur so zu ihren Forderungen, daß auf Grund eines zwischenstaatlichen Abkommens teilweise unmittelbar die Nationalbank, teilweise die großen Geldinstitute ihnen Geldsummen vorstreckten. Obzwar auch die von den Geldinstituten vorgestreckten Summen vom ungarischen Staat mittels ungedeckter Papiergeldemission durch die Notenbank refinanziert wurden, blieb das für das Finanzkapital doch ungünstig. Das ungarische Finanzkapital strebte also im Zusammenhang mit der Begleichung der deutschen Schulden danach, die in deutscher Hand befindlichen ungarischen Aktien als Begleichung der Schulden zurückzugewinnen. Diese Absichten waren schon zu Beginn des Krieges offensichtlich. Ein Führer der GYOSZ, Sándor Knob, warf bereits Anfang 1939 den Gedanken auf, man sollte den nach Deutschland gehenden großen Ausfuhrüberschuß nicht durch Erhöhung der Industrieimporten decken, sondern die Deutschen sollten dafür einen Teil ihrer, damals bereits auf 120—130 Millionen Pengő geschätzten ungarländischen Kapitalbeteiligungen der ungarischen Industrie überlassen.⁷⁴ In der ersten Periode des Krieges konnten diese Wünsche noch nicht verwirklicht werden. Um die weiteren Lieferungen aus Ungarn zu sichern und keine Störungen eintreten zu lassen, zeigte sich die deutsche Regierung seit

werke A. G.) 51% ; Magyar Fémdobozművek R. T. (Ungarische Blechballagen-Werke A. G.) 50%. Darüber hinaus ist außer den zahlreichen kleineren Beteiligungen auch die bedeutende deutsche Beteiligung an der Bauxit-Ipar R. T. (Bauxit Industrie A. G.) bekannt, ferner, daß ein erheblicher Teil des einzigen ungarischen Schwarzkohlengebietes im Besitz der ebenfalls in deutscher Hand befindlichen Ersten Donau-Dampfschiffahrts-Gesellschaft (Első Dunagőzhajózási Társaság) war. Bekannt sind schließlich die ungarischen Tochtergesellschaften mehrerer deutscher Unternehmungen, so beispielsweise der Budapester Betrieb der AEG. usw.

⁷⁴ Magyar Gyáripár (Ungarische Industrie) Nr. 4. 1939.

Ende 1942 bereit, das in deutschem Besitz befindliche ungarische Aktienvermögen zu überlassen. In den letzten Jahren des Krieges, von 1943 ab, ist schon die Rückerwerbung eines Teils der in deutscher Hand befindlichen Aktien möglich geworden, da dies zur Vorbedingung der weiteren Lieferungen gemacht wurde. Die diesbezüglichen Verhandlungen sind im November 1942 in Wien aufgenommen worden, wo ungarischerseits auf einen Aktienbesitz von ungefähr 250 Millionen Pengő sowie auf die Pécsér Bergwerke Anspruch erhoben wurde. Die Deutschen — obzwar sie in der gegebenen Lage zu Zugeständnissen gezwungen waren — wollten ihre unmittelbaren Beteiligungspositionen in der ungarischen Industrie und in den ungarischen Geldinstituten nicht verlieren und wollten deshalb entgegen den deutschen Ansprüchen nur die Überlassung einer Aktiensumme von 30 Millionen Pengő in Erwägung ziehen. Sie erklärten sich einverstanden nur 13% ihres ungarischen Aktienvolumens Ungarn zu überlassen, was lediglich 2% der deutschen Schulden beglichen hätte. Sie waren nicht bereit, ihre Aktienbeteiligungen an dem Rimamurányer Eisenwerk, der Ganz-Fabrik, den Vereinigten Glühlampen, der Dreher-Fabrik, der Ungarischen Zuckerindustrie A. G., der Gummiwarenfabrik usw. abzutreten. Diese Gegensätze führten 1942 zum Abbruch der Verhandlungen.⁷⁵ Schließlich kam eine Kompromisslösung doch zustande, nachdem die Deutschen der Rückerstattung eines Aktienvolumens im Werte von 100 Millionen Pengő zustimmten. Tatsächlich haben sie den ungarischen finanzkapitalistischen Gruppen bis Februar 1944 Aktien nur im Werte von 34,75 Millionen Pengő zurückgegeben. So übergab zum Beispiel die AEG ein Ganz-Fabrik-Aktienpaket mit 86 000 Aktien im Werte von 6,5 Millionen Pengő und damit gelangten die Aktien der Ganz-Fabrik vollständig in die Hände der Commerz-Bank.⁷⁶ Der Aktienbestand der Ungarischen Allgemeinen Kohlenbergbau Aktiengesellschaft (Magyar Általános Kőszénbánya RT.) ging im Werte von 8 Millionen Pengő ebenfalls in den Besitz des ungarischen Finanzkapitals über. Im Laufe der sogenannten Aktienrepatriierungen erhielt die Credit-Bank-Gruppe Aktien im Werte von 16 Millionen Pengő, die Commerz-Bank-Gruppe im Werte von 17 Millionen Pengő (hauptsächlich Salgótarjáner [7,7%] und Rimamurányer [13,7%] Aktien) und die anderen Banken Aktien im Werte von nicht ganz 2 Millionen Pengő zurück.⁷⁷ Selbst wenn das nur einen kleinen Teil der deutschen Kapitalbeteiligungen in Ungarn ausmachte, so muß doch festgestellt werden, daß es dem ungarischen Finanzkapital auf einigen Gebieten doch gelungen ist, die deutschen Kapitalbeteili-

⁷⁵ ZWA. Creditbank. Deutsch—ungarischer Aktientausch.

⁷⁶ ZWA. Ganz-Fabrik. Protokoll der Präsidialsitzung vom 16.9.1943.

⁷⁷ ZWA. Creditbank. Deutsch—ungarischer Aktientausch, 4.2.1944. Während des Krieges erwarb das ungarische Finanzkapital gewisse schweizerische (Filtex, »HPS« Textilfabrik A. G.) und — trotz dem Dazwischentreten der Deutschen — auch einige belgische und holländische (Egercschier Kohlenbergbau) Aktien zurück. Die letzteren als Entgelt für Lebensmittellieferungen.

gungen zurückzudrängen, was auf die Stärkung seiner wirtschaftlichen Machtpositionen hindeutet.

Im Jahre 1944, nach der deutschen Besetzung des Landes, war das deutsche Finanzkapital — die gegebene Lage ausnützend — bestrebt, seine Hand nach dem größten Betrieb Ungarns auszustrecken. In diesem Zusammenhang ist es besonders wichtig, daß die SS von der Familie Weiss die Manfred Weiss-Werke käuflich erwarb, ebenso auch die anderen Anteile dieser Familie. (Dadurch gelangte die SS auch in den Besitz eines 12% betragenden Aktienpakets der Salgótarjánier A. G.)⁷⁸

Im letzten Kriegsjahr kam es also schon so weit, daß das ungarische Finanzkapital gezwungen war, einen Teil seiner bedeutendsten Anteile den deutschen Monopolkapitalisten zu überlassen.

Die wirtschaftliche Entwicklung in Ungarn während des Krieges wurde in vieler Hinsicht durch eine nachdrückliche Betonung der deutschen Interessen bestimmt. Wie wir gesehen haben, wurden die Entwicklung der Industrie und die kriegsbedingten Veränderungen ihrer Struktur über die Ausfuhr von enormen Mengen von landwirtschaftlichen Produkten und industriellen Rohstoffen hinaus in entscheidendem Maße von den deutschen Zielsetzungen bestimmt. Die Unterordnung des Wirtschaftslebens des Landes den deutschen Interessen — in welcher Form es auch immer geschah — wurde zum Mittel der Ausplünderung Ungarns in der Hand Nazi-Deutschlands. Die Unterordnung den deutschen Interessen ist wirtschaftlich in Form von »reinen Außenhandelsbeziehungen« zutage getreten. Laut der verschiedenen Handelsvereinbarungen hätte die ungarische Warenausfuhr deutscherseits durch Warenlieferung oder in anderer Form beglichen werden müssen. Diese Vereinbarungen dienten schon an und für sich der Ausplünderung des Landes, da sie auf ungleichem Warenaustausch beruhten. Hinzu kam, daß die Mark während des Krieges im Vergleich zum Pengő aufgewertet wurde, außerdem sind die Preise der deutschen Importartikel in viel größerem Maße gestiegen, als die ungarischen Exportgüter. All das bedeutete aber, daß Ungarn in den Kriegsjahren für dieselbe Menge deutscher Waren viel mehr ungarische Exportartikel als vor dem Kriege liefern mußte. Allein infolge der Maßnahme, wonach die Deutschen das Verhältnis zwischen den Export- und Importpreisen bewußt zu ihren Gunsten abgeändert hatten, zahlte Ungarn bereits in den ersten neun Monaten des Jahres 1941 bei 100 Millionen Pengő des Außenhandels 5 Millionen Pengő drauf.⁷⁹ Bis Ende des Krieges betrug diese Einbuße bereits 29 Millionen bei je 100 Millionen!⁸⁰

⁷⁸ ZWA. Protokoll des Salgótarjánier Exekutiv-Komitees vom 12. 7. 1944.

⁷⁹ Bericht des Landesverbandes der Ungarländischen Fabrikindustriellen (GYOSZ) vom Jahre 1942. Budapest 1943. S. 21 und 22.

⁸⁰ Kállay, Nicholas: Hungarian Premier, a personal account of a nation's struggle in the second World War. New York 1954. S. 302.

Das wird auch von anderen Quellen bestätigt, die die Preiserhöhungen der ungarischen Waren bis Ende 1943 auf 117%, die der Deutschen hingegen auf 190% schätzen.

Diese Methode, wenn auch nicht in derart zugespitzter Form, ist im allgemeinen bezeichnend für die wirtschaftlichen und Außenhandelsbeziehungen zwischen den höher entwickelten imperialistischen Mächten und den rückständigen, abhängigen Ländern. Im Laufe des Krieges wurden derartige Außenhandelsbeziehungen sehr bald zum Mittel der offenen, hemmungslosen Ausplünderung Ungarns. Die nach Deutschland gehenden Ausfuhrtransporte — die ungefähr 60% der gesamten ungarischen Ausfuhr ausmachten — wurden von den Deutschen in immer geringerem Maße beglichen und die deutschen Schulden wuchsen dem ungarischen Staat gegenüber immer mehr an.

Die enorme Verschuldung der deutschen Regierung erfolgte zur Zeit des Krieges gegen die Sowjetunion. Der Außenhandelsaldo wies bereits in den dreißiger Jahren im allgemeinen kleinere deutsche Passiva auf, im Frühling 1941 wurde jedoch die Außenhandelsbilanz für Ungarn passiv: es blieb eine Schuld von etwa 30 Millionen auf der Clearing-Rechnung, die im Juni desselben Jahres beglichen wurde. Des weiteren hat sich aber die Lage geändert: die deutsche Regierung stellte die Bezahlung der ungarischen Lieferungen ein, und wälzte die Begleichung der steigenden Schulden immer mehr auf den ungarischen Staat ab. Anfangs wurde das so gelöst, daß die Nationalbank bzw. das Konsortium der Budapester Geldinstitute der deutschen Verrechnungskasse 300 Millionen Mark »lieh« oder an die ungarischen Kapitalisten auszahlte. Seit Sommer 1942 waren aber die deutschen Schulden so stürmisch angewachsen, daß zur Regelung der Frage zwischenstaatliche Verhandlungen erforderlich wurden. Die deutsche Regierung brachte es wieder einmal mit ihrer gewohnten zynischen Offenheit zum Ausdruck, daß diese Schuld in der Zukunft noch erheblich steigen würde, d. h.: die Deutschen seien nicht geneigt, die ungarischen Lieferungen zu bezahlen, sie wälzen das ganz und gar auf den ungarischen Fiskus ab. Ein führender Beamter des deutschen Finanzministeriums, namens Litter, erklärte, daß der Großteil der ungarischen Lieferungen »... eigentlich ... als Kontributionen zur gemeinsamen Kriegsführung zu betrachten seien, deren Gegenwert verbucht werden würde ... Die Regelung der derart eingetragenen Summen würde eine, erst nach dem Kriege entstehende und zu lösende Frage sein!«⁸¹

Mit Rücksicht darauf, daß die ungarische herrschende Klasse noch damit rechnete, daß sich diese Investition — in erster Linie durch die Teilnahme an der Ausplünderung der unterjochten Länder — später reichlich bezahlt machen wird, stieg die Summe der deutschen Schulden in den Jahren 1942 und 1943 rapid an. Ende 1941 belief sich die Summe der deutschen Schulden auf 140 Millionen Mark. 1942 sprang der Betrag auf 506 Millionen, was mehr als 800 Millionen Pengő entsprach. Wie groß diese Summe war, wird ersichtlich, wenn wir bedenken, daß der gesamte, durch Banknotenemission gedeckte

⁸¹ L. A. A. M. Wp. S. Dossier über die deutsch—ungarischen Verhandlungen 1942.

eigene Bedarf des ungarischen Fiskus um 40% niedriger war. »Dem deutschen Fiskus kreditieren wir um 60% mehr als dem ungarischen« stellte der Präsident der Ungarischen Nationalbank fest. »Das ist also eine sehr große Belastung.«⁸² Bis 1943 hat sich aber auch diese gewaltige Summe verdoppelt und ist auf 1035 Millionen Mark gestiegen!⁸³ Im Jahre 1944 stiegen dann die deutschen Schulden in einem noch schnelleren Tempo weiter an, was noch dadurch gekrönt wurde, daß für die Besatzungskosten Ungarns das ungarische Volk fast 2 Milliarden Pengő aufbringen mußte.

Hitler-Deutschland war also Ungarn gegenüber in hohem Maße verschuldet. Vor dem Kriege gerieten im allgemeinen die Schuldnerländer in eine abhängige Situation und sie wurden von den Gläubigern in Form von Zinsen usw. ausgepreßt. Im Kriege hat sich die Lage geändert. Zahlreiche führende kapitalistische Länder, die früher Gläubigerstaaten waren, sind nun zu Schuldner geworden, und zwar jenen Ländern gegenüber, deren Gläubiger sie ehemals waren. Diese Verschuldung trug jetzt aber einen ganz anderen Charakter, sie bedeutete lediglich, daß die Ausplünderung der abhängigen oder Kolonialländer neue Formen annahm. Die Verschuldung wurde die Hauptform der Ausplünderung dieser Länder, des unentgeltlichen Abtransports ihrer Rohstoffe, Produkte usw. Die Verschuldung Deutschlands Ungarn gegenüber bedeutete also, daß die rasch zunehmenden deutschen Ausfuhrtransporte zu dieser Zeit bereits sozusagen vollkommen unentgeltlich vor sich gingen, d. h. das faschistische Deutschland setzte die Ausplünderung Ungarns noch offener und in einem alles frühere übersteigenden Maße fort. Mit Recht konnte die illegale »Szabad Nép« feststellen: »Der Hitlerismus will unseren letzten Tropfen Blut aussaugen und damit sein Mörderleben verlängern.«⁸⁴

Die ungarischen herrschenden Klassen leisteten dem deutschen Faschismus Vasallendienste und wälzten die enormen Lasten ihrer Politik auf das Land, auf die Schultern des ungarischen Volkes ab. Die auch ohnedies großen militärischen Ausgaben des im Dienste des deutschen Faschismus, entgegen den Interessen des ungarischen Volkes geführten Krieges wurden durch die unbezahlten deutschen Schulden nur noch mehr erhöht.

Die gewaltigen und immer mehr anwachsenden Ausgaben konnte der ungarische Staat aus seinen Einnahmequellen nicht mehr decken. Obzwar die Steuerlasten ungeheuer emporgeschraubt wurden, wurde die Proportion der Steuereinnahmen des Staates bei der Deckung der Kriegsausgaben immer geringer. Es genügte auch die Inanspruchnahme von inneren Anleihen nicht: der Staat griff zum Mittel der *ungedeckten Banknotenemission!*

Das umlaufende Geld war in Ungarn, ebenso wie im allgemeinen in den anderen Ländern, keine echte Banknote, sondern nur Papiergeld. Diese

⁸² L. A. Protokoll des 42er Ausschusses vom 8. 4. 1943. XXXI. S. 384.

⁸³ Statisztikai Szemle (Statistische Rundschau) 1946, S. 131.

⁸⁴ »Az illegális Szabad Nép«. (Die illegale »Szabad Nép«) Szikra 1954. S. 31.

Die Kriegsausgaben des Budgets in Millionen Pengő⁸⁵

Jahr	Ohne deutsche Schulden	mit deutschen Schulden	In % des Nationaleinkommens	
1938/39 ...	618,9	618,9	11,9	11,9
1939/40 ...	1845,7	1845,7	19,8	19,8
1941.....	1170,4	1496,4	15,5	19,9
1942.....	2041,7	2599,7	21,9	27,9
1943.....	3562,0	4525,0	27,6	35,1
1944.....	6915,8	9833,8	31,0	44,1

Beschaffenheit des Geldes sprang zur Zeit des Krieges, als das Geld nicht mehr auf Grund von Handelskrediten, sondern als dem Staate gewährte Anleihen in Umlauf gelangten, noch mehr ins Auge. In den kapitalistischen Ländern hat das Wachstum der Staatsschulden, d. h. die Verschuldung der Regierungen bei den Nationalbanken in den Kriegsjahren sehr große Maße angenommen.⁸⁶

Die umlaufende Geldmenge schwankte in Ungarn in den dreißiger Jahren zwischen 400—500 Milliarden Pengő, in Auswirkung des sogenannten Győrer Programms stieg sie 1938 auf mehr als 800 Milliarden an und erreichte bis 1940, wenn auch etwas langsamer, die enorme Höhe von 1400 Milliarden Pengő. Es muß hinzugefügt werden, daß die Erhöhung des Banknotenumlaufes teilweise damit zusammenhängt, daß sich die Umlaufgeschwindigkeit des Geldes infolge der Kriegsverhältnisse notwendigerweise verlangsamt hatte. Die durch die Gebietseinverleibung erfolgte Bevölkerungszunahme machte eine Erhöhung der umlaufenden Geldmenge ebenfalls erforderlich. Schließlich muß berücksichtigt werden, daß die Produktion und der Warenumsatz zu dieser Zeit ebenfalls eine ansteigende Tendenz zeigten. Infolge des Eintritts Ungarns in den Krieg und infolge des stürmischen Anwachsens der deutschen Schulden nahm aber der Banknotenumlauf nach 1941 im schnelleren Tempo sprunghaft zu und wurde 1944, auf dem Gipfelpunkt der Kriegsanstrengungen und infolge der deutschen Besetzung sogar maßlos.

Die Erhöhung des ungarischen Banknotenumlaufes hat den Banknotenumlauf vieler anderer Länder — darunter auch in den meisten von dem deutschen Faschismus unterjochten Ländern — weitaus überstiegen, während der Banknotenumlauf in Ungarn mehr als auf das 14fache anwuchs, stieg er zur

⁸⁵ Zusammengestellt auf Grund der Daten von Schlußrechnungen. Hinsichtlich der deutschen Schulden s. auch: Sándor Ausch: A háború finanszírozása és az 1938—1944. évi infláció Magyarországon. (Die Finanzierung des Krieges und die Inflation in Ungarn in den Jahren 1938—1944. Közgazdasági Szemle. (Volkswirtschaftliche Rundschau) 1955. Nr. 10, S. 1204.

⁸⁶ Varga J.: A tőkés gazdaság a második világháború után. (Die kapitalistische Wirtschaft nach dem zweiten Weltkrieg). Szikra, Budapest 1947. S. 257—258.

Gestaltung des Banknotenumlaufes⁸⁷

Jahr	In Milliarden Pengő	°o
1938.....	863	100
1939.....	974	112
1940.....	1 386	160
1941.....	1 984	229
1942.....	2 958	342
1943.....	4 391	508
1944.....	12 180	1411

selben Zeit in Deutschland nur auf das Achtfache, in Japan beinahe auf das Fünffache und selbst in den meisten unterjochten Länder im allgemeinen nur auf das 5—6fache.⁸⁸

Selbstverständlich könnte man aus dem schnellen Zuwachs des Banknotenumlaufes und der Menge des Papiergeldes allein noch auf keine inflatorische Erscheinung schließen, die Vorbedingung zur Entwertung des Geldes, zur Inflation wird ja erst durch einen mit der Verminderung des Warenverkehrs einhergehenden Zuwachs des Geldumlaufes geschaffen. Die Verminderung des Warenverkehrs begann aber bereits nach 1940, da die Industrie, und zwar nicht nur die Schwerindustrie, sondern größtenteils auch die Leichtindustrie, für die Armee bzw. für die deutschen Bedürfnisse arbeiteten. Es ist aber eine allgemein bekannte Tatsache, daß für die ungarische Bevölkerung auch von Lebensmitteln nur ein Minimum, manchmal und von einigen Bedarfsartikeln selbst das nicht gesichert werden konnte. Die rapide Zunahme der Papiergeldmenge, gleichzeitig aber die Verminderung der Warendeckung hatten eine bedeutende Preissteigerung zur Folge. Trotz der amtlichen Preisregelungen stieg die Preisindexzahl im Großhandel zwischen 1939 und 1944 nach amtlichen Ausweisen um 22%. Die Preiserhöhungen waren aber in Wirklichkeit viel größer.

Bei den statistischen Ziffern sind einerseits bewußt solche Komponenten berücksichtigt bzw. außer acht gelassen worden, die die Preiserhöhungen geringer erscheinen lassen, andererseits werden nur die amtlichen Preise berücksichtigt, obwohl ein ziemlich bedeutender Teil des Warenverkehrs, etwa 40%, auf dem Schwarzmarkt zu viel höheren Preisen abgewickelt wurde. Die Preise waren auf dem schwarzen Markt ungefähr zehnmal höher als die amtlich angekündigten Preiserhöhungen.⁸⁹

⁸⁷ Auf Grund der entsprechenden Jahrgänge der »Magyar Statisztikai Évkönyvek« (Ungarische Statistische Jahrbücher).

⁸⁸ Magyar Statisztikai Szemle (Ungarische Statistische Rundschau) 1946. S. 122—123.

⁸⁹ ZWÄ. Generalratssitzungsprotokoll der Ungarischen Nationalbank vom 26. 5. 1943. Ansprache des Generaldirektors Richard Quandt.

Die Inflation, der Entwertungsprozeß des Pengő, setzte also die Kaufkraft der Löhne und Gehälter herab und bildete eines der Mittel zur Neuverteilung des Nationaleinkommens zugunsten der herrschenden Klassen.

Die Neuverteilung des Nationaleinkommens wurde aber durch den Umstand in hohem Maße beeinflußt, daß die Inflationspolitik in Ungarn nicht allein zur Abwälzung der zunehmenden Ausgaben des Landes, sondern — wie wir es gesehen hatten — in hohem Maße auch zur Deckung des Mark-Saldos, der unentgeltlichen Ausfuhrtransporte nach Deutschland betrieben wurde.

Die infolge der ungedeckten Ausfuhr enorm angeschwollenen deutschen Schulden beliefen sich in den Kriegsjahren auf 4765 Millionen Pengő. Der Zuwachs des Banknotenumlaufes betrug in der Periode zwischen 1938 und 1944 11 337 Millionen Pengő, d. h. 45% *des gesamten Banknotenzuwachses ist von den deutschen Schulden verursacht worden!* Wie bekannt, spielten die deutschen Schulden erst zur Zeit des antisowjetischen Krieges eine entscheidende Rolle, zwischen 1938 und 1941 noch nicht. Während also der Banknotenzuwachs in diesen Jahren ausschließlich auf die ungarische Aufrüstung zurückzuführen war, waren es zwischen 1941 und 1944 schon die deutschen Schulden, die bei dem immer schnelleren Tempo der Inflation die entscheidende Rolle spielten.

Jahr	Banknoten- zuwachs	Zunahme der deutschen Schulden	Proportion der deutschen Schulden im Banknoten- zuwachs (%)
	jährlich in Millionen Pengő		
1941.....	598	326	54
1942.....	974	558	57
1943.....	1433	963	67
1944.....	7789	2918	37

Auf Grund der angeführten Tatsachen kann mit Recht gefolgert werden, daß bis zum Jahre 1944 die Inverkehrsetzung ungedeckter Banknoten, die sich entfaltende Inflation in erster Reihe eine Folge der deutschen wirtschaftlichen Expansion und jenes Umstandes war, daß die führenden Politiker Ungarns dem deutschen Faschismus dienlich waren. Wenn wir dies auch betonen, müssen wir doch darauf hinweisen, daß die Behauptung einiger führender Politiker dieser Zeit, die die Inflation ausschließlich auf den deutschen Druck zurückführen und die Rolle der eigenen Kriegsausgaben bagatellisieren, unrichtig sind; diese Memoiren wurden hauptsächlich verfaßt, um ihre eigene volksfeindliche Politik zu beschönigen und ihre eigene Verantwortlichkeit zu verwischen.⁹⁰

⁹⁰ Kallay, Nicholas: Hungarian Premier, a personal account of a nation's struggle in the second World War. S. 299.

Das faschistische Deutschland deckte ungefähr ein Viertel seiner Kriegsausgaben aus der Ausplünderung fremder Staaten. Ungarn gehörte zu diesen Staaten. In der Hand des deutschen Finanzkapitals war also der in den Satelliten- und in den besetzten Staaten einsetzende Inflationsprozeß ein wichtiges Mittel, um sich einen Teil des Nationaleinkommens der betreffenden Länder anzueignen. In diesen Ländern also, und so auch in Ungarn, erfolgte die Neuaufteilung des Nationaleinkommens unmittelbar zu Gunsten des deutschen Finanzkapitals.

Die immer totalere Unterjochung und Ausplünderung Ungarns durch den deutschen Faschismus belastete in grundlegender und entscheidender Weise in erster Linie die Arbeiterklasse und die werktätigen Klassen, verletzte aber gleichzeitig auch die Interessen der ungarischen herrschenden Klassen bzw. einiger Schichten dieser Klassen. Nach der deutschen Niederlage bei Stalingrad, als es offenkundig wurde, daß diese »Investition« nach dem Kriege ihnen nicht entschädigt würde, tauchte auch in der Politik die Bestrebung auf, möglichst mit den Deutschen zu brechen, aus dem Kriege herauszuspringen, um dadurch das Horthy-System herüberzuretten. Die sich um den Horthy-Klüngel gruppierenden herrschenden Kreise blieben aber infolge ihres tiefen Hasses gegen das Volk und gegen die Sowjetunion bis Ende des Krieges Hitler-Deutschlands treueste Vasallen.

Zur Krönung der viertelhundertjährigen, schändlichen Herrschaft ihres konterrevolutionären Systems und der deutschen kolonialisatorischen Bestrebungen lieferten sie unser Vaterland vollständig der Herrschaft des deutschen Faschismus und seiner ungarischen Trabanten aus und stürzten damit das Land ins Verderben. Im Jahre 1944 versetzte die Sowjetarmee ununterbrochen Schläge den deutsch-faschistischen Armeen und ihren Vasallenheeren. Im selben Jahre, als die völlige Niederlage Hitler-Deutschlands schon unmittelbar bevorstand, setzten die deutschen herrschenden Kreise noch alles daran, ihren Untergang hinauszuschieben. In Anbetracht der doppelzüngigen Politik der Kállay-Regierung, ihrer lahmen Versuche, aus dem Kriege herauszuspringen, besetzten die Deutschen — von den extremen ungarischen faschistischen Elementen unterstützt — am 19. März 1944 Ungarn und riefen — mit Zustimmung der Horthy-Gruppe — die Sztójay-Marionettenregierung ins Leben. Nahm die Ausplünderung des Landes schon früher ungeheure Ausmaße an und wurde sie auch bis dahin immer offener, so kam die deutsche Herrschaft jetzt, nach der Besetzung in unmittelbarer Form zur Geltung und die Ausplünderung des Landes wurde völlig unverhüllt, in Form des offenen Raubes weitergeführt. Die deutsche Besetzung bedeutete für die Werktätigen einen hemmungslosen Terror, gleichzeitig aber auch — wie wir bereits erwähnten — eine neue, schwere finanzielle Last von 2 Milliarden Pengő, da die ungarische Marionettenregierung die Kosten der Besetzung auf sich nahm.

Seit Oktober 1944, als die Befreiung unseres Vaterlandes durch die sowjetischen Truppen bereits ihren Anfang nahm, begannen auch die Deutschen

und ihre pfeilkreuzlerischen Söldlinge — zur Vollendung ihrer bis dahin betriebenen Raubwirtschaft — mit der Verschleppung der Fabrikseinrichtungen der ungarischen Industrie nach Deutschland, im nichtverschleppten Produktionsapparat hingegen richteten sie eine barbarische Verwüstung an. Bezeichnend ist eine Äußerung des pfeilkreuzlerischen Regierungskommissars für Unterkunftswesen über die Umsiedlung der Industrie nach Deutschland. In dieser Erklärung hieß es: »Die Früchte dieser edlen Arbeit werden nicht nur die heute lebenden Ungarn, sondern auch die Generationen der ewigen nationalen Zukunft zu spüren bekommen und segnen.«⁹¹

Der sogenannte »Lähmungs- und Verschleppungsplan« wurde am 14. November 1944 durch eine Verordnung des Landesverteidigungsministers (Nr. 51673/el. n. H. M. 3. oszt.) geregelt. Die Vorbereitung, Durchführung und Kontrolle oblag den militärischen Behörden. Die Liste der zu sprengenden oder auszuführenden Betriebe wurde deutscherseits vom Hauptquartiermeister der Heeresgruppe Süd, ungarischerseits von der gemeinsamen Kriegsindustriegruppe des Landesverteidigungs- und Industrieministeriums zusammengestellt, die Deutschen gingen aber auch selbständig vor, anhand der Angaben der Deutschen Industrie-Kommission in Ungarn. Nach der Einkesselung von Budapest zerstörten einige deutsche Truppenkommandanten eigenmächtig verschiedene Betriebseinrichtungen.⁹²

Die Verschleppung bzw. Zerstörung der wertvollen Maschinen richtete in zahlreichen — insbesondere in den kriegswichtigen Betrieben — schwere Schäden an. In der Egercsehier Kohlenbergwerks- und Portlandzementfabrik A. G. (Egercsehi Kőszénbánya és Portlandcementgyár RT.), die im September noch in Betrieb war, sprengten die Deutschen bei ihrem Abzug die Elektrizitätszentrale und den Kohlenabschneider.⁹³ In der Ganz-Fabrik erschien am 29. Dezember 1944 ein »Lähmungskommando« und sprengte die Regler- und Schaltanlagen.⁹⁴ Der Großteil der wertvollen Maschinen der Ungarischen Optischen Werke A. G. (Magyar Optikai Művek RT.) wurde hingegen nach Deutschland verschleppt.⁹⁵ Ähnliches Los ist auch der Székesfehérvári Anlage der Jagdpatronen-, Zündhütchen- und Metallwerkenfabrik A. G. (Vadásztöltény-, Gyutacs- és Fémárugyár RT.) widerfahren. Hier wurden 60—70% des modernen Maschinenparks unter der Anleitung der deutschen Todt-Organisation weggeschleppt, und nur die minderwertigen Maschinen sind geblieben.⁹⁶ Die Lage war auch in vielen anderen Fabriken, so z. B. in den Ungarischen Munitionswerken A. G. (Magyar Lőszerművek RT.) die gleiche.

⁹¹ L. A. A. M. Material des Ausschusses für Friedensvorbereitung II/2—28/13.

⁹² L. A. A. M. Material des Ausschusses für Friedensvorbereitung I/1—3/1—24/3.

⁹³ Geschäftsbericht des Egercsehier Kohlenbergbaus, Budapest 1946.

⁹⁴ L. A. A. M. Material des Ausschusses für Friedensvorbereitung I/1—3/1—24/3.

⁹⁵ L. A. A. M. Material des Ausschusses für Friedensvorbereitung I/1—3/1—24/20.

⁹⁶ Zentralwirtschaftsarchiv. Commerz-bank. Industrie 14. Vadásztölténygyár. (Jagdpatronenfabrik).

Ein ähnliches Schicksal haben die Deutschen auch der Ujszegeder Anlage der Ungarischen Hanf-, Flachs- und Juteindustrie A. G. (Magyar Kender, Len és Jutaipar RT.) zgedacht, deren beste Maschinen bereits eingeschifft wurden. Da sie aber infolge des Anmarsches der sowjetischen Truppen nicht mehr abtransportiert werden konnten, wurde der Schlepper mit Ekrasit in die Luft gesprengt.⁹⁷

Es fanden sich im Lande kaum einige Betriebe, die durch die faschistischen Verwüstungen keine Beschädigungen erlitten.

Die ungarischen herrschenden Klassen haben also dadurch, daß sie das Land zum letzten Vasallen Deutschlands herabsinken ließen und es in einen Kriegsschauplatz verwandelten, dem ungarischen Volk die schwersten Leiden zugefügt und die ungarische Volkswirtschaft den Verheerungen des Krieges ausgesetzt. Der an Deutschlands Seite geführte Raubkrieg hat *eine 40prozentige Verwüstung des ungarischen Nationalvermögens zur Folge gehabt*. Die ungarische Industrie hat schwere Verluste erlitten. Der Schaden an Gebäuden und Maschinenanlagen betrug ungefähr 900 Millionen Pengő (Wert 1938), was soviel bedeutete, daß *ungefähr 50% der Anlagenfonds der ungarischen Industrie vernichtet worden sind*. 75% der Arbeitsmaschinen, ungefähr 33% der Energiemaschinen sind zugrunde gegangen. Mehr als die Hälfte der Fabriken ist beschädigt oder vernichtet worden, ihre Kapazität hat um rund 46% abgenommen. *Die Produktionsfähigkeit der ganzen Industrie ist demzufolge um 24% zurückgegangen*. Die in den Betrieben aufgestapelten Rohstoff- und Produktionsvorräte sind beinahe vollständig verloren gegangen, was der Vernichtung von mehr als einer Milliarde Pengő gleichkam. *Etwa 20% der kriegsbedingten Verluste der Industrie sind unmittelbar auf die hitlerfaschistischen und pfeilkreuzlerischen Verwüstungen zurückzuführen*.⁹⁸

Auch die Landwirtschaft hatte erhebliche Schäden. Der während des Krieges erfolgte Verfall der Landwirtschaft machte — auf den Pengőwert des Jahres 1938 umgerechnet — *3,7 Milliarden Pengő aus*. Die im Jahre 1944/45 unbebaut gebliebenen Felder verursachten einen Schaden von weiteren 200 Millionen Pengő. Der in den landwirtschaftlichen Produkten eingetretene Schaden belief sich auf 1320 Millionen Pengő. Der Schaden unter den landwirtschaftlichen Maschinen betrug 162 Millionen, der landwirtschaftliche Gebäudeschaden 218 Millionen Pengő. Den größten Schaden erlitt der Viehbestand, wo die Verwüstung anderthalb Milliarden Pengő betrug. 52,6% des Viehbestandes von 1942, 59% des Pferdebestandes, 46,4% des Schweinebestandes und 82,7% des Schafbestandes gingen zugrunde. Ungefähr 14% der

⁹⁷ ZWA. Englisch—Ungarische Bank, Sitzungsprotokoll vom 8. 4. 1946.

⁹⁸ L. A. A. M. Material des Ausschusses für Friedenvorbereitung II/2—44/45. Statistische Datensammlung der Verluste in der Industrie. Durchgeführt vom Statistischen Amt im Sommer 1945 und Közgazdasági Szemle (Volkwirtschaftliche Rundschau) 1954. Nr. S. 360.

Tierschäden waren unmittelbar auf die deutschen faschistischen und pfeilkreuzerischen Plünderungen zurückzuführen.⁹⁹

Zerstörte Betriebe, eine ausgeplünderte Landwirtschaft, ein zugrunde gerichtetes Land: das war die Schlußbilanz der deutschen »Südostraumpolitik« in Ungarn. Das war das Ergebnis der Politik der ungarischen herrschenden Klassen, die Ungarn und die ungarische Nationalwirtschaft in den Dienst der deutschen Kriegerinteressen gestellt hatten.

И. БЕРЕНД и Дь. РАНКИ:

Экономика Венгрии на службе германского военного хозяйства во время второй мировой войны

Резюме

Юговосточно — европейские страны играли важную роль в германских военных хозяйственных планах в качестве продовольственного и сырьевого базисов. В 1930-ые годы фашистская Германия стремилась обеспечить себе руководящую роль во внешней торговле юговосточно — европейских стран, а после Мюнхена она начала открытое экономическое наступление, чтобы вовлечь эти страны в германский Grosswirtschaftsraum. Германские расчеты и цели в отношении Венгрии сводятся к следующему: развивать сельское хозяйство Венгрии в направлении спроса германского рынка, преобразовать промышленность Венгрии соответственно потребностям германского экспорта. Это последнее в основном означало воспрепятствовать дальнейшему развитию фабрично-заводской промышленности Венгрии, вызывать регресс имеющейся промышленности, или поставить ее под германский контроль. Германский империализм желал терпеть в Венгрии наряду с добывающей промышленностью только пищевую промышленность. Этим обстоятельством характеризовалась германская экономическая политика в отношении Венгрии в первый период войны. В это время были использованы только продукты сельского хозяйства и сырье Венгрии.

Обстановка изменилась с того момента, когда вспыхнула антисоветская война. Германия, хотя и в далеко идущих планах продолжала считаться с Венгрией только в качестве страны, производящей сырьевые материалы, все же вследствие военных потребностей должна была использовать хозяйство страны не только путем усиленного вывоза сельскохозяйственного и промышленного сырья (на пр. 90% боксита, более чем 50% нефти Венгрии вывозились в Германию), а также путем использования военной промышленности Венгрии. Вследствие потребностей германской военной промышленности в этот период венгерская промышленность перегружалась заказами, а так же поддерживалось развитие таких отраслей промышленности (алюминиевая промышленность, авиапромышленность), которые до этого не могли развиваться именно из-за германских интересов. Ввиду того, что развитие венгерской промышленности противоречило перспективным интересам Германии, это стремились уравновесить тем, что германский финансовый капитал обеспечил себе целый ряд новых позиций в новых и старых предприятиях фабрично-заводской промышленности Венгрии, и вместе с тем допускали к развитию в первую очередь только те отрасли венгерской военной промышленности, которые представляли собой пополнение германской военной промышленности.

Все это создало особенно резкое несоответствие в структуре венгерской промышленности.

Нарастающие поставки венгерской промышленности не оплачивались германскими фашистами, и таким образом эти долги играли существенную роль в разворачивающейся инфляции. Экономическое разграбление страны завершилось германской оккупацией в последние месяцы 1944 г., когда значительные ценности экономики Венгрии были перевезены в Германию.

⁹⁹ Ebendort.

Роль национальных комитетов в создании венгерской народной демократии

(Часть II.)

Б. БАЛАЖ

Роль национальных комитетов в восстановлении народного хозяйства

Параллельно с борьбой против фашизма, с восстановлением и демократизацией административного аппарата, национальные комитеты должны были сосредоточить свои силы на организацию производства и общественного снабжения. В условиях разрушенного производственного аппарата и брожащей общественной жизни и на экономическом поприще национальные комитеты являлись одним из крепких точек, вокруг которых в местном отношении начала развиваться, принимать форму новая венгерская жизнь. Естественно, что национальные комитеты и здесь могли настолько решить стоящие перед ними задачи, насколько они находились под руководством коммунистов, насколько их влияние сказывалось внутри комитета.

В городах национальные комитеты играли гораздо меньшую роль в налаживании производства, так как заводские комитеты, государственные органы играли уже с самого начала решающую роль в решении этого вопроса, в руководстве всей экономической жизнью, или же очень скоро приняли от национальных комитетов эти задачи. Однако в деревнях дело обстояло иначе. Вследствие тогдашних неблагоприятных условий связи центральные государственные органы находились далеко, и новый административный аппарат формировался медленнее, и таким образом национальные комитеты должны были брать на себя решение всех вопросов, проблем, которые ставила перед ними жизнь. А в то время таких вопросов и проблем было достаточно.

Самым первым и не терпящим отлагательства вопросом являлась организация весенних сельскохозяйственных работ, т. е. мобилизация рабочего скота, обеспечение зерна для посева, учет имеющихся тракторов и организация их ремонта. Надо было обеспечить, чтобы в стране, находящейся в катастрофальном положении общественного снабжения, не осталось ни пяди необработанной земли, и в то же время надо было заботиться о снабжении необеспеченного местного населения, об организации помощи столице и промышленным центрам, о проведении заготовок и общественных работ. При таких условиях результатов можно было достигнуть лишь исключительно совместными усилиями широчайших масс народа.

Распоряжения Временного Национального Правительства относительно организации производственных комитетов, использования рабочего скота, составления местного сельскохозяйственного рабочего плана и т. д. являлись большой помощью для организации и начала сельскохозяйственных работ. Но наилучшие намерения правительства, ведомств и т. д., остались бы только мертвыми буквами, если бы сам народ не взял самостоятельно в свои руки решение этих вопросов и не преодолевал бы героическими усилиями трудности, с которыми он встречался на каждом шагу. В области производства стирались даже те местные особенности, которые являлись характерными для отдельных частей страны, стоящих на различной ступени развития с политической и общественной точки зрения, что сказывалось в их политической деятельности. Трудолюбивые, прилежные жители районов Затисья и Задуная, Северной и Южной Венгрии, т. н. Вихаршарок и комитата Фейер, — все они взяли на себя героический труд, чтобы нечеловеческими усилиями обеспечить хлеб для всей страны.

Национальный комитет в Кунхедьеш пишет о тогдашнем положении следующее: «...если не удастся выполнить в полной мере задачу сельскохозяйственного производства, мы умрем с голода. Эта работа является настолько всеобщим интересом, что мы должны теперь употребить землю бывших цветочных садов для производства картофеля и бобов.»⁹⁹

Весной 1945 года наибольшим препятствием для начала сельскохозяйственных работ являлся недостаток рабочего скота и машин. Правда, Временное Национальное Правительство приняло решения относительно использования рабочего скота и тракторов, но выполнение этих распоряжений зависело в то время, когда еще не было создано центрального административного аппарата, в первую очередь от самого народа. Рациональное использование оставшегося в стране рабочего скота и машин наталкивалось на ряд препятствий, так как надо было во что бы то ни стало отстоять интересы коллектива, что часто было очень трудно, так как они сталкивались с частными интересами хозяев, имеющих рабочий скот, и собственников машин. При таких обстоятельствах мог достигнуть результатов только весь трудящийся народ и народные органы, представляющие интересы демократического государства и имеющие необходимый моральный авторитет.

Национальный комитет села Шарсентмиклош в комитате Фейер заботится в одном из первых своих распоряжений о распределении рабочего скота: «нравственным долгом каждого лица, имеющего лошадь, является вспахать в совместной работе по два хольда земли бедных... Тот, кому вспахали землю, должен дать за каждый хольд соответствующее количество поденного труда или заплатить зерном.»¹⁰⁰

⁹⁹ Государственный Архив, Сольнок. Из документов национального комитета в Кунхедьеш. Протокол от 24 февраля 1945 года.

¹⁰⁰ Гос. Арх., Секешфехервар. Из документов национального комитета в Шарсентмиклош. Протокол от 14 апреля 1945 года.

Члены национальных комитетов были слишком деловитыми людьми для того, чтобы это распоряжение осталось только на бумаге. На следующем собрании национального комитета в Шарсентмиклош «Тут выделили восемь членов национального комитета, поручив им задачу проверить 25 апреля утром каждому определенные улицы, и там, где обнаружат неработающих лошадей, сейчас же распорядиться относительно их распределения для выполнения необходимых сельскохозяйственных работ. От тех, кто не хотел выполнить этих распоряжений, комитет отнимает лошадь и передает ее человеку, желающему работать...»¹⁰¹

Национальный комитет в Шарсентмиклош выделил также и уполномоченных из рядов своих членов для того, чтобы они позаботились о приведении в действие находящихся на территории села тракторов и паровых плугов. Относительно уборки оставшегося на полях урожая комитет принимает распоряжение, согласно которому от тех, кто не уберет со своих участков или взятых в аренду земель весь прошлогодний урожай, через заведующего хозяйственного отдела отнимет неубранный участок и передаст его беднякам или мелким крестьянам для уборки урожая и обработки.»¹⁰²

Многие национальные комитеты считают первостепенной и важнейшей задачей ими организованных производственных комиссий составление списка имеющегося рабочего скота и его использование.

«Национальный комитет реорганизует производственную комиссию — гласит решение национального комитета в Бихарторда, — ... и разделяет село на семь районов и назначает для каждого района одного члена производственной комиссии с той целью и задачей, чтобы этот уполномоченный установил: кто имеет рабочий скот и точное количество последнего, есть-ли такие коровы, которые не применяются для работы, кто сколько холдов обрабатывает... от того, кто не хочет применить для работы корову, ее надо отобрать.»¹⁰³

Аналогичные решения приходилось принимать национальным комитетам и относительно ввода в эксплуатацию тракторов.

После войны осталось сравнительно много тракторов в работоспособном состоянии, и, вследствие великодушной помощи Советского Союза горючим материалом, включение тракторов в производство зависело в конечном счете от обеспечения необходимых организационных условий для их использования. Но и обеспечение последнего являлось немалой задачей, ибо и здесь речь шла о том — как было выше сказано —, что в целях защиты общих интересов надо было бороться с проявлением частных интересов собствен-

¹⁰¹ Гос. Арх., Секешфехервар. Из документов национального комитета в Шарсентмиклош. Протокол от 24 апреля 1945 года.

¹⁰² Гос. Арх., Секешфехервар. Из документов национального комитета в Шарсентмиклош. Протокол от 3 марта 1945 года.

¹⁰³ Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Бихарторда. Протокол от 10 февраля 1945 года.

ников тракторов, с намерением некоторых использовать конъюнктурное положение. Особенно важной задачей являлось установление реальной оплаты тракторов за вспашку и экономия полученным в подарок дорогим горючим. И в этом вопросе много зависело от решительных распоряжений национальных комитетов. Национальные комитеты и в дальнейшем следили за использованием тракторов, и в отдельных случаях принимали меры против злоупотреблений. Национальный комитет в Надьмайлат, например, приговорил двух собственников тракторов, нарушивших решение, к денежному штрафу и трехдневной «общественной работе» — рубке дров.

«Нельзя разрешить — гласит решение —, чтобы хоть один из собственников тракторов затруднял работу пашки волокитой и мелкими возражениями, а иногда даже серьезно мешал ей ; это комиссия может считать актом саботажа.»¹⁰⁴

Многие национальные комитеты регулярно контролировали или непосредственно, или через производственные комиссии и сельские управления работу тракторов, максимальное использование их мощности. Например, национальный комитет в Кондораш издал распоряжение, чтобы специалисты проверили неработающие тракторы «с целью установить, не имеет ли место преступление саботажа.»¹⁰⁵

Национальный комитет в Ходмезевашархель принял на основании просьбы местной группы профсоюза металлистов решение относительно того, что отнимает и передаст металлистам все те сельскохозяйственные машины, находящиеся на территории города, которых владельцы за 8 дней не пустят в производство.¹⁰⁶

Для рационального использования рабочей силы, рабочего скота и машин многие национальные комитеты принимали решения, основным принципом которых являлось оказание взаимопомощи. Национальный комитет в Фюле единогласно решил, что там, «где нет мужской рабочей силы, или мужчина болен, или же есть мужская рабочая сила, но земельный участок превосходит 10 хольдов, можно требовать выделение ручной рабочей силы. . .»¹⁰⁷

Рабочую силу — в зависимости от величины земельного участка — одного или нескольких человек выделял национальный комитет. Национальный комитет в Дьома принес решение, что семьи, имеющие рабочий скот, но оставшиеся без главы семьи, должны составить договор с крестьянами,

¹⁰⁴ Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Надьмайлат. Протокол от 18 апреля 1945 года.

¹⁰⁵ Гос. Арх., Дьюла. Из документов национального комитета в Кондораш. Протокол от 28 октября 1945 года.

¹⁰⁶ Гос. Арх., Сентеш. Из документов национального комитета в Ходмезевашархель. Протокол от 9 июня 1945 года.

¹⁰⁷ Гос. Арх., Секешфехервар. Из документов национального комитета в Фюле. Протокол от 22 мая 1945 года.

не имеющими рабочего скота, чтобы совместно обработать свои земельные участки.¹⁰⁸

Но национальные комитеты, там, где это являлось необходимым, не колебались прибегнуть и к более строгим распоряжениям для наказания халатности или явно злокозненных поступков. Демократизм народного движения, стоящего за национальными комитетами, его революционность, прорывающая старые законы и параграфы, сказывается в тех решениях национальных комитетов, которые — совершенно не считаясь с параграфами буржуазного частного права, — вмешиваются по-новому в вопрос регулирования отношения личности и коллектива, применяют санкции против лиц, провинившихся против коллектива и защищают великие интересы трудящегося народа и государства против халатно работающих, саботеров и антиколлективных элементов.

Например, национальный комитет в Дьома принял строгие меры против лиц, халатность которых замедляла полное проведение весенних сельскохозяйственных работ.

«Выполнение весенних сельскохозяйственных работ является жизненным вопросом для всего народа — гласит решение национального комитета в Дьома. — Национальный комитет хочет поддержать производственную комиссию в ее связанной с этой целью важной работе. Поэтому, когда обращает внимание всех заинтересованных в этом на то, что необходимо обеспечить планомерную подготовку проведения этих работ, . . . желает одновременно представить производственной комиссии и возможность штрафования, так как знает, что эгоизм отдельных лиц не может подняться до уровня этой высокой цели. Поэтому национальный комитет уже заранее заявляет, что те лица, которые не принимают должного участия в проведении весенних сельскохозяйственных работ, будут считаться саботерами, которые хотят довести народ до голодной смерти и должны будут отвечать за свою антинародную, предательскую деятельность перед народным судом. Если окажется необходимым для проведения работ применять насилие, и оно будет применяться производственной комиссией законно и согласно духу народной демократии в целях успешного проведения работ, национальный комитет всегда будет ее поддерживать со всем своим авторитетом и своей карательной властью.»¹⁰⁹

Национальный комитет в Пюшпекладань составил для учета и контроля всех трудоспособных жителей местности для каждого по рабочей карточке, так как — по его словам — «все еще есть много таких лиц, которые хотят жить без работы на счет трудящегося пролетариата».¹¹⁰

¹⁰⁸ Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Дьома. Протокол от 28 февраля 1945 года.

¹⁰⁹ Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Дьома. Протокол от 28 февраля 1945 года.

¹¹⁰ Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Пюшпекладань. Протокол от 24 апреля 1945 года.

Национальный комитет комитата Чанад,¹¹¹ национальный комитет в Бихарторда,¹¹² национальный комитет в Баттонья¹¹³ и т. д. распоряжаются относительно того, что молотью оставшегося на землях зерна и выполнением прочих сельскохозяйственных работ обязываются лица, которые не могут предъявить удостоверения, что занимаются полезным для общества трудом.

Национальный комитет в Фурта принимает решение относительно уборки оставшегося на полях зерна :

«Национальный комитет издает распоряжение производственной комиссии доложить ей о том, где есть несломленная кукуруза и подсолнух. Если эти работы не были выполнены вследствие халатности собственника, надо его оштрафовать, продукты конфисковать ; лицами, выполняющими общественную работу, собрать их, половину передать им, а другую часть использовать для общественных целей. Если же владелец не собрал урожая не по своей вине, то национальный комитет окажет помощь, предоставляя ему лиц, выполняющих общественную работу. . .»¹¹⁴

Национальный комитет в Весте обязал сельскохозяйственных батраков срезать сорго, находящееся на 50 хольдах бывшей помещичьей земли. «Срезанное сорго должно быть всецело передано батракам. . .»¹¹⁵ Комитет передает не убранный кукурузу, находящуюся на бывшей помещичьей земле, на уборку исполу.

До появления декрета о земельной реформе, т. е. до 18 марта 1945 года, уход за покинутыми помещичьими землями, спасение находящихся там ценностей и обработка оставшихся без хозяина земель являлось особой проблемой, от правильного решения которой зависело спасение больших национальных ценностей, уже и не говоря об интересе начала сельскохозяйственного производства. Национальный комитет в Кондорш в связи с этим принял на своем совещании от 1 февраля 1945 года следующее решение :

«Для управления большими земельными участками надо организовать заводскую комиссию, состоящую из восьми членов, которых надо выбрать из персонала усадьбы. Главой комиссии надо назначить местного представителя. Земельные участки для их обработки в данном сельскохозяйственном году надо распределить среди являющихся добровольно. Для проведения этой задачи надо выбрать комиссию из трех человек. Эта

¹¹¹ Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета комитата Чанад. Протокол от 8 марта 1945 года.

¹¹² Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Бихарторда. Протокол от 24 апреля 1945 года.

¹¹³ Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Баттонья. Протокол от 1-ого июля 1945 года.

¹¹⁴ Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Фурта. Протокол от 23 апреля 1945 года.

¹¹⁵ Гос. Арх., Дьюла. Из документов национального комитета в Весте. Протоколы от 15 и 21 февраля 1945 года.

комиссия должна определить количество передаваемой земли каждому из желающих и должна об этом объявить. Надо составить инвентарь всего оборудования усадьбы. Оно должно быть распределено для проведения сельскохозяйственных работ в справедливом и демократическом духе. . . »¹¹⁶

Национальный комитет в Баттонья тоже принял решение относительно распределения огородов. Решение распоряжается, чтобы «каждому дали столько земли, сколько он хочет».¹¹⁷ Национальный комитет в Фёльдеак распределяет грунты для построения домов среди желающих и на протест бывших помещиков отвечает единогласно принятым решением, согласно которому «претенденты имеют право овладеть выданными им грунтами и соответственно использовать их. . . »¹¹⁸

Хорошо характеризует скорость и самостоятельность, с которой приняла значительная часть национальных комитетов эти в основном революционные решения, являющиеся по существу введением и подготовкой земельной реформы, ответ национального комитета в Кондораш на распоряжение высших органов относительно использования оставшихся без хозяев земельных участков : «Национальный комитет совместно с сельским управлением и производственной комиссией уже передал все брошенные земельные участки, находящиеся на территории местности, за арендную плату желающим на обрабатывание. . . »¹¹⁹

Национальный комитет комитата Чанад, отвечая нескольким боязливым голосам из рядов Партии Малких Хозяев, которые в сущности ссылаясь на законы и параграфы старались напасть на находящуюся в стадии подготовки земельную реформу, решительно установил, что помещики, неспособные обрабатывать свою землю, должны ее передать безземельным крестьянам.

«В данный момент главной целью является обработка земель и кроме этого нельзя принимать во внимание никаких побочных обстоятельств. Даже если обрабатывающий землю не вносит никакой арендной платы, ему надо передать землю, ибо важнее всего, чтобы зерно было засеяно.»¹²⁰

В эти месяцы, когда борьба за начало весенних сельскохозяйственных работ была в полном разгаре, и главной целью являлось обеспечить хлеб для страны, имело место последнее действие великого, продолжавшегося долгие столетия процесса венгерского крестьянства — подготовка и проведение распределения помещичьих земель.

¹¹⁶ Гос. Арх., Дьюла. Из документов национального комитета в Кондораш. Протокол от 1-ого февраля 1945 года.

¹¹⁷ Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Баттонья. Протокол от 3 марта 1945 года.

¹¹⁸ Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Фёльдеак. Протокол от 25 февраля 1945 года.

¹¹⁹ Гос. Арх., Дьюла. Из документов национального комитета в Кондораш. Протокол от 6 марта 1945 года.

¹²⁰ Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета комитата Чанад. Протокол от 22 февраля 1945 года.

Правда, декларация Временного Национального Правительства от 22 декабря 1944 года объявила распределение помещичьих и церковных латифундий, но проведению этого решения мешало множество преград. Больше всего трудностей ставило правое крыло самой коалиции — правые элементы Партии Мелких Хозяев и Социал-Демократической Партии, которые ссылаясь на «специальную подготовку» старались с помощью волокиты — если уже нельзя было совершенно отменить — обеспечить, чтобы земельная реформа могла быть проведена только в узких рамках.¹²¹

За последовательное выполнение антифеодальной аграрной революции, за коренную ликвидацию феодальных отношений собственности, выступала только Венгерская Коммунистическая Партия, которую поддерживала Национальная Партия Крестьян. Она и в этом вопросе, как уже так часто в истории венгерской народной демократии, обратилась к самому народу, к массам безземельных крестьян, мобилизуя их на устранение препятствий, созданных реакцией, на борьбу за проведение и окончательное решение не движущегося с места дела распределения земель.

Начиная с января месяца 1945 года вплоть до издания решения Временного Национального Правительства с датой от 15 марта 1945 года, на освобожденных территориях страны развернулось настоящее народное движение, являвшееся органической составной частью демократических массовых движений за создание демократической государственной власти и ликвидации пережитков фашизма. Собрания, депутации требующие распределения земель, выдача крестьянам за арендную плату или бесплатно помещичьих земель, оставшихся без хозяина, конфискация имущества фашистов и т. д. показывали, что венгерское крестьянство уже взяло в свои руки проведение аграрной революции и что ему удастся с помощью и под руководством рабочего класса, Коммунистической Партии, добиться своей цели.

Когда Венгерская Коммунистическая Партия выдвинула лозунг — «с организацией Комиссий требования земли не надо ждать ни распоряжений высших органов, ни подтверждения властей!»¹²² — большая часть национальных комитетов проведение этого считала своей собственной задачей и во многих местах проявляла инициативу и проводила организацию Комиссий требования земли. Национальный комитет округа Деречке еще до появления декрета о земельной реформе призывает национальные комитеты сёл округа к организации комиссий требования земли.

«...Поэтому мы призываем сельские национальные комитеты предъявить требование партиям, согласно которому они должны немедленно организовать в селах Комиссии требования земли, которые должны состоять из

¹²¹ Деже Немеш : «Освобождение Венгрии», Будапешт, 1955, по-венгерски. Стр. 202.

¹²² Цитирует Деже Немеш в вышеуказанной книге, стр. 208 ; «Неплап» (Газета Народа), 22 февраля 1945 года.

представителей всех требующих землю слоев населения, как владельцев карликовых земельных участков и детей мелких хозяйев, имеющих большую семью, так и батраков и сельскохозяйственных рабочих. Комиссия не должна состоять более чем из 20—25 членов, но она должна являться выразителем творческой силы народа...»¹²³

Национальный комитет в Деваванья, распоряжаясь относительно организации Комиссии требования земли, одновременно установил и ее состав :

«Каждая партия должна делегировать по два члена, Профсоюз Сельскохозяйственных Рабочих — 6 членов, Профсоюз Мелких Ремесленников — 2 члена, Профсоюз Собственников карликовых участков и мелких производителей — 2 члена».¹²⁴

Национальный комитет в Орошхаза организовал уже 1 февраля Комиссию по земельной реформе для подготовки разделения земли.¹²⁵

Национальный комитет в Тэпе призвал организованный вскоре после освобождения для обработки конфискованных земель, арендаторский кооператив, членами которого являлись безземельные крестьяне к расформированию и дал указание «организовать Комиссию требования земли из 25 членов, которая должна сейчас же приступить к своей работе и выделить каждому желающему столько земли, сколько он просит и может обрабатывать. Комиссия должна состоять из тех, кто будет просить и получать землю.»¹²⁶

После появления решения о земельной реформе национальные комитеты и в дальнейшем играли серьезную роль в организации Комиссий и посылали согласно § 48-му декрета о земельной реформе своих уполномоченных в советы комитатов, регулирующих вопросы распределения земель. Национальные комитеты и в дальнейшем следили за ходом распределения земель, поддерживали работу Комиссии требования земли, и там, где это оказывалось необходимым, они успешно отбивали атаки реакционных элементов или выступали против причиняющих незаконности и злоупотребления лиц.

В то время как на освобожденных территориях страны уже полным размахом развертывалась свободная венгерская жизнь, и все выше поднимались над фашистскими развалинами и уничтожениями устои народно-демократического строя, встречались новые трудности и беды, наследие

¹²³ Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Деречке. Протокол от 6 февраля 1945 года.

¹²⁴ Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Деваванья. Протокол от 2 марта 1945 года.

¹²⁵ Гос. Арх., Дьюла. Из документов национального комитета в Орошхаза. Протокол от 1 февраля 1945 года.

¹²⁶ Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Тэпе. Протокол от 13 марта 1945 года.

фашизма, преодоление которых являлось предпосылкой дальнейшей строительной работы. Одной из самых больших бед был угрожающий голод. Венгерская Коммунистическая Партия уже на заседании Центрального Комитета от 6-го января 1945 года занималась вопросом снабжения продовольствием рабочих освобожденных промышленных и горнопромышленных городов и предложила немедленно, еще до принятия соответствующего решения правительства организовать им помощь.¹²⁷ Коммунистическая Партия обратилась к городам и селам Альфельда, к демократическим партиям и профсоюзам, а также к национальным комитетам, и призвала их немедленно начать сбор продовольственных продуктов. На этот призыв Коммунистической Партии первым отозвался национальный комитет г. Сегед, который 10 января 1945 года сообщил жителям Сегеда о тяжелом положении промышленных территорий, начал сбор продуктов и организовал для проведения дальнейших акций помощи организацию Национальной Помощи.¹²⁸

Воззвание национального комитета г. Сегед не осталось без отклика. За одну неделю в городе собрали 400 центнеров продовольственных продуктов (муки, зерна, жира, сала, крупы из пресного теста и т. д. и 60 тысяч пэнге наличными деньгами).¹²⁹

Национальный комитет в Гадорош организует из представителей политических партий комиссию помощи, и дает ей право «првести собирательную акцию для вышеуказанных рабочих (г. г. Мишкольца, Шалготарьяна, и т. д.) с беззаветной преданностью к делу, отстраняя встречающиеся на пути трудности.»

Комиссия скоро уже докладывает национальному комитету о том, что «...на территории Гадорош собрали следующие подарки... пшеница : 266,96 центнеров, бобов : 45,82 ц, кукурузы : 34,77 ц, гороха : 2,48 ц, картофеля : 59,88 ц. и т. д.»¹³⁰

После освобождения столицы большая часть продовольственных продуктов направлялась в Будапешт, который со своими 1,5 миллионами жителей посреди невероятных лишений начал работу восстановления, реорганизации жизни. Национальный комитет г. Будапешт по предложению Коммунистической Партии обратился с возванием ко всему населению страны, призывая помочь жителям находящейся в тяжелом положении столицы.

«...Тысячи неимущих ждут орудий труда — говорится в призыве —, тысячи новых хозяев ждут, чтобы начать обрабатывать полученную землю.

¹²⁷ «Фелсабадулаш», (Освобождение) стр. 370.

¹²⁸ «Делмадьорорсаг» (Южная Венгрия), 12 января 1945 года.

¹²⁹ Архив Института Истории Партии, № К.(5/22) Сегед (II/8). Из документов, собранных гг. Ласло Дер, Мария Майер и Эва Сабо.

¹³⁰ Гос. Арх., Дьюла. Из документов национального комитета в Гадорош. Протокол от 28 февраля 1945 года.

Кто даст плуг, борону, если голод выбьет из рук рабочих Будапешта орудие труда? Нет свободной, демократической Венгрии без Будапешта... Венгерский крестьянин! Народ провинциальных городов, сел, хуторов! Дайте хлеб Будапешту!»¹³¹

И народ Венгрии, крестьянство деревень, борящееся само с тысячами разных трудностей, поспешило столице на помощь. Национальный комитет в Чорваш, прослушав доклад представителя правительства из Дебрецена, принял следующее решение.

«Собрание потрясенно принимает к сведению прослушанный доклад и решает немедленно принять все меры, чтобы собрать как можно больше продовольственных продуктов. Комитет объявит о начале сбора в церквях, публикацией, объявлением барабанным боем...»¹³²

На следующий день после публикации решения согласно предложению Коммунистической Партии созвали народное собрание, на котором обсудили кроме вопросов антинемецкой войны и требования издания решения относительно земельной реформы и помощь Будапешту и голодающим рабочим страны. Население Чорваш собрало до 26 февраля 1945 года пять вагонов продовольственных продуктов, (т. е. 41,176 кг.) и послала их в Будапешт.¹³³

Так же поступили и многие другие национальные комитеты страны.

Транспортировка продовольственных продуктов в Будапешт сама по себе являлась при тогдашних условиях связи тяжелой задачей, но вагоны с продуктами прибыли в столицу и принесли помощь в дни самой большой беды. Продукты были распределены в первую очередь между детьми, больными и рабочими самых важных из точки зрения производства отраслей.

О прибытии такого продовольственного поезда газета «Сабадшаг» (Свобода) в номере от 10 февраля пишет следующее: «...Не случайное явление, а символ, что первыми помогли столице большие крестьянские села Вихаршарок и город сельскохозяйственных рабочих и бедных крестьян... Сотни тысяч рабочих заводов Будапешта понимают значение этого жеста. И будет жизнь на развалинах!»¹³⁴

И действительно, как об этом можно убедиться из списков комиссариата общественного снабжения, первыми помогли Будапешту жители Затисья, территории Вихаршарок. Правда, эти части страны были освобождены первыми, но решающим являлось все-таки то обстоятельство, что там уже работала Коммунистическая Партия, были организованы националь-

¹³¹ «Фелсабадулаш» (Освобождение), стр. 373.

¹³² Гос. Арх., из документов национального комитета в Чорваш. Протокол от 27 января 1945 года.

¹³³ «Сабадшаг» (Свобода), 2 марта 1945 года.

¹³⁴ Статья тов. Аландара Мод в «Сабадшаг» (Свобода), 10 февраля 1945 г.

ные комитеты и народ, массы сельскохозяйственных рабочих, трудящихся крестьян следовали за ними.¹³⁵

Сотрудничество провинциальных национальных комитетов в акции помощи жителям Будапешта и голодающим рабочим промышленных территорий было весьма значительным, хотя являлось лишь частью той гигантской работы, которую провела Венгерская Коммунистическая Партия в связи с этим вопросом жизни или смерти, и решению которого в значительной мере способствовала помощь Советского Союза, давшего неоднократно значительное количество продуктов. Кроме конкретной практической помощи то обстоятельство, что в этой акции приняли участие провинциальные национальные комитеты, с политической точки зрения осуществило союз рабочих и крестьян, крепко связало их. И это сотрудничество не осталось без продолжения и в этом отношении.

Когда Коммунистическая Партия в конце 1945 года выдвинула лозунг борьбы за уголь, добычи 2500 вагонов угля в сутки, сельские национальные комитеты в большинстве случаев помогали героическим горнякам продовольствием, чтобы этот необходимый в жизни страны основной материал имелся в достаточном количестве для производства, транспорта и населения.

«Национальный комитет решил обратиться к руководителям партий, населению села Баттонья и прочих деревень округа, за помощью горнякам продовольствием и другими подарками, чтобы те, которые достойны этого, не терпели нужды и смогли чем скорее приступить к выработке поставленных целью перед ними 2500 вагонов угля в сутки, чтобы стало возможным хотя бы несколько обеспечить нужное количество угля для страны...»

Протокол, составленный о другом заседании национального комитета в Баттонья говорит уже о том, «что собранные продукты горняки уже отвезли...»¹³⁶

Национальный комитет в Медьешедьхаза собрал 30 центнеров продовольствия и деньги. «Это продовольствие и деньги — пишут они — все партии нашего села и его национальный комитет собрали для трудящихся угольных шахт в Шалготарьян, для наших братьев-горняков. Уже сообщили им, чтобы позаботились о приеме и отправке продуктов».¹³⁷

Национальные комитеты в Надькамараше, Кюбекхазе, Медьешедьхазе, Мадьярчанаде значительными продовольственными поставками также способствовали оказанию помощи Будапешту.

¹³⁵ Согласно учету государственного комиссариата по снабжению отдельные города и села страны послали столице до 26 февраля 1945 года следующие количества продовольственных продуктов: Бекешчаба — 9 вагонов, Мезёберень — 1, Дьома — 4, Карцаг — 11, Мако — 3, Ходмезевашархель — 9, Кишуйсаллаш — 10, Сарваш — 7, Ньиредьхаза — 11, Хайдунанаш — 5, Надьсенаш — 3, Береттьоуифалу — 5, Эндрёд — 1 и Ясберень — 1 грузовик. («Фелсабадулаш», — Освобождение —, стр. 376).

¹³⁶ Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Баттонья. Протоколы от 23 февраля и 22 июня 1946 года.

¹³⁷ Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Медьешедьхаза. Протокол от 5 мая 1945 года.

В это время многие сельские национальные комитеты или сельские управления заключили компенсационные сделки с промышленными предприятиями, которые являлись — так как была исключена перепродажа — для обеих сторон выгодными. Так например, национальный комитет в Гадорош заключил договор с шахтерами Татабанья, согласно которому шахтеры должны были поставить по официальной цене один вагон известки, а село поставляло им — тоже по официальной цене — соответствующее количество продовольствия (птицу, картофель, кукурузу и т. д.).¹³⁸ Национальный комитет в Деваванья заключил договор с рабочими Главной северной мастерской железной дороги: «Мы обсуждали предложение представителя Главной северной мастерской, на основании которого национальный комитет договорился относительно того, что принимает в Деваванья 100 центнеров кузнечного угля, 20 центнеров кузнечного железа, 5 ящиков спичек. . . за центнер угля мы даем 8 кг пшеницы, и за центнер железа — 250 кг пшеницы. . .»¹³⁹

Большая часть национальных комитетов помогла также начать работу торговли, выдавала разрешения торговцам на вывоз разных продовольственных продуктов, обязывая их на ввоз в село разных необходимых промышленных товаров: как соль, керосин и т. д. Так например, национальный комитет в Деваванья поручает одному из торговцев ввезти за вывезенные продукты товары широкого потребления, как например, резиновую подошву, резиновые сапоги и т. д.¹⁴⁰ Национальный комитет в Надьсенаш разрешает за ввоз 70 центнеров соли вывезти соответствующее количество кукурузы.¹⁴¹

Во многих местах национальные комитеты организовали вскоре после освобождения, большей частью кооперируя с местными профсоюзами, потребительские кооперативы. Так например, в Эстар и Мезехедьеш организовали рабочий кооператив, в Пюшпекладань народный кооператив.¹⁴² Нацио-

¹³⁸ Гос. Арх., Дьюла. Из документов национального комитета в Гадорош. Протокол от 31 августа 1945 г.

¹³⁹ Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Деваванья. Протокол от 2 июня 1945 года.

¹⁴⁰ Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Деваванья. Протокол от 24 мая 1945 г.

¹⁴¹ Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета Надьсенаш. Протокол от 28 июня 1945 года. В этот период несколько национальных комитетов сделали шаги для урегулирования в известной степени торговли. Главной целью являлась, естественно, ликвидация широко распространившегося черного рынка. Экономическое Ведомство, организованное национальным комитетом в г. Орошхаза, старалось некоторое время обеспечить для себя монополию по линии закупок продовольствия на рынках. Но так как вскоре обнаружилось, что Ведомство не располагает для этого необходимыми средствами, оно разрешило на основе оплаты известного налога с оборота свободную торговлю. Национальный комитет в Чорваш старался обеспечить право на закупку зерна и продуктов на своей территории через Организацию торговцев и ремесленников на покупку и распределение товаров. Тем самым комитет надеялся обеспечить снабжение промышленными товарами. (Государственный Архив, Дьюла. Из документов национального комитета в Орошхаза. Протокол от 11 января 1945 года. Из документов национального комитета в Чорваш. Протокол от 15 мая 1945 года).

¹⁴² Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Пюшпекладань. Протокол от 20 октября 1945 года.

нальный комитет в Гадорош организовал социалистический кооператив, руководителем которого — как это было установлено решением — можно было назначить лишь коммуниста, но принимать участие в управлении или стать членом может каждый трудящийся крестьянин, который согласен со статутами кооператива.¹⁴³

Обеспечение общественного снабжения являлось тяжелой проблемой в первое время после освобождения и в провинции. Почти в каждой местности, и особенно там, где жили массы сельского пролетариата, имелись слои населения, (новые хозяева, не имеющие запасов, члены семьи военных, ремесленники и т. д.) об обеспечении которых продовольствием надо было заботиться. И по этому вопросу национальным комитетам надо было принимать соответствующие решения.

«...Надо заботиться о наших необеспеченных жителях — говорит решение национального комитета в Пюшпекладань, — поэтому нижеуказанная комиссия, назначенная национальным комитетом, ...конфискует все излишки зерна, находящиеся на мельницах, в лавках и у частных лиц, для необеспеченного населения местности...»¹⁴⁴

Национальный комитет в Хайдубесермень издает распоряжение, чтобы все хозяева, располагающие посевной площадью больше трех хольдов, должны передать согласно установленному прогрессивному налогу известное количество зерна для необеспеченного населения местности.¹⁴⁵

Национальные комитеты принимали решения относительно обеспечения населения молоком. Так например, национальный комитет в Меземедьер решил «разыскать для всех необеспеченных молоком лиц держащих коров хозяев, которые должны заботиться о ежедневном снабжении их известным количеством молока, а именно: поллитра на каждое лицо...»¹⁴⁶

Национальный комитет в Каполнашньек для обеспечения снабжения младенцев молоком и для прекращения черной торговли молоком, издал распоряжение провести в неожиданное время у каждой коровы контрольную дойку.¹⁴⁷ Национальный комитет в Деваванья обязал хозяев, имеющих коров, передать ежедневно 10% полученного ими молока для находящихся в селе больных.¹⁴⁸ Большая часть народных комитетов, главным образом в

¹⁴³ Гос. Арх., Дьюла. Из документов национального комитета в Гадорош. Протокол от 2 февраля 1945 года.

¹⁴⁴ Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Пюшпекладань. Протокол от 29 сентября 1945 года.

¹⁴⁵ Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Хайдубесермень. Протокол от 11 августа 1945 года.

¹⁴⁶ Гос. Арх., Дьюла. Из документов национального комитета в Меземедьер. Протокол от 15 апреля 1945 года.

¹⁴⁷ Гос. Арх., Секешфехервар. Из документов национального комитета в Каполнашньек. Протокол от 13 мая 1945 года.

¹⁴⁸ Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Деваванья. Протокол от 20 октября 1945 года.

провинциальных городах и крупных селах регулировала в местном отношении рыночную цену молока и там, где это оказалось необходимым, издала карточки на получение молока, чтобы обеспечить молоком наиболее нуждающихся — детей, больных и т. д.¹⁴⁹

Чтобы дать картину о хозяйственной деятельности и инициативе Национальных Комитетов, мы здесь приведем отдельные решения хозяйственного характера, вынесенные на заседаниях за январь м-ц 1945 года и соответственно апрель — май- и июнь 1945 года двух сел — Дьома и Сабадбатьян.

Дьома : 10 января 1945 года. Устанавливается порядок сдачи жиров («в случае одной свиньи при четырех членах семьи сдача не производится. Если число членов семьи меньше, тогда в случае одной свиньи сдается 2 кг жиров, второй свиньи — 4 кг. . .»).

Дается указание начальникам кварталов, чтобы они списали имеющиеся в наличии запасы дров для обеспечения снабжения населения дровами. Специально говорится о дельной древесине, которая бронируется для местных кустарей. Устанавливается оплата за провоз. Говорится, что «торговцев при закупках сопровождает один представитель от Национального Комитета, который доверенно контролирует закупку. . .». Дается указание полиции на предмет ареста одного спекулянта.

Регулируются работы по трудовой повинности и устанавливается, что в первую очередь кому может быть предоставлена поденная оплата из сумм, ассигнованных на трудовую повинность. Составляется список членов семьи, оставшихся без кормильцев, чтобы позаботиться об оказании им помощи. Организуется местный орган Национальной Помощи.

17 января 1945 года. Инвентаризируются имеющиеся в наличии тракторы и горючее. Организируются станции для сдачи молока, и составляется список претендующих на молоко, в первую очередь детей. Дается распоряжение о снабжении села мукой и дается указание арендатору мельницы, чтобы мельница работала также в ночную смену. В интересах разведения тутового шелкопряда заботиться о сохранении тутовых деревьев. Запрещается вырубка леса на крупных поместьях. Заботиться о восстановлении телефонной линии, проходящей через село.

В связи с трудовой повинностью выносится решение, что ремесленники должны выполнять работы по группам своих специальностей, ежедневно 10 человек. Указывается, что начальники кварталов ответственны за выполнение работ о трудовой повинности.¹⁵⁰

Сабадбатьян : отдельные решения на заседаниях за апрель-май-июнь 1945 года.

¹⁴⁹ Государственный Архив, Дьёр. Из документов национального комитета в Мошонмадьаровар. Протокол от 4 июля 1945 года.

¹⁵⁰ Гос. Арх., Сегед. Документы Национального Комитета в Дьома, 10 января 1945 года, протокол от 17 числа.

Для обеспечения снабжения молоком дается распоряжение о производстве пробных удоев. Выносятся решение о закупке производителей. Устанавливаются цены на ячмень, овес и солому. Регулируется продажа муки (покупать муку имеют право только наиболее сильно нуждающиеся). Выносятся решение, что каждый имеющий упряж ежемесячно должен бесплатно для села сделать три перевозки. За перевозки сверх этого числа выплачивается провозная плата. Одновременно с определением платы за провозку устанавливается также цена картофеля. «Провозная плата на км и центнер устанавливается в 1 пенгэ, следовательно провозка картофеля с Кишланга за метрический центнер составляет 20 пенгэ. Одновременно устанавливается уже сейчас, что цена картофеля, кто будет покупать еще после этого, на месте будет 80 пенгэ.»

Национальный Комитет выносит решение, что для эксплуатации мельницы в месяц ассигнуется 1000 пенгэ и эти деньги «будут собраны Национальным Комитетом путем установления оплаты в 5 пенгэ за помол метрического центнера для лиц, которые пользуются мельницей, и эти деньги должны вноситься в кассу села...» Устанавливается оплата за пахоту, оплата за построй...

Организуется производственный комитет, устанавливается пропорция сдачи крупного рогатого скота и создается фонд возмещения ущербов от падения крупного рогатого скота, (этот фонд был создан для денежной компенсации хозяев крупного рогатого скота, занятого в продовольственных целях), устанавливается зарплата служащих управления села и оплата объездчиков (объездчики нанимались для охраны пашен), дается распоряжение об аресте лица, демонтировавшего местную винокурню.

В пользу национальной помощи продается оставшееся без хозяина имущество, продается имеющаяся в селе сахарная свекла. Устанавливается порядок выполнения работ по гражданской повинности ремесленниками: эти работы должны выполняться по отдельным специальностям.

Для снабжения хлебом не обеспеченных хлебом жителей часть хлебных хозяйств, засеявших более четырех хольдов озимых, используется комитетом.

Выносятся решение, что «в общественных интересах для восстановления железной дороги из всех сил будем способствовать восстановлению и затребованную рабочую силу дадим в распоряжение...» (В интересах восстановления железной дороги обращается также к соседним селам).

Двум членам национального комитета поручается организация работ по восстановлению обрушенных у железной дороги двух мостов.¹⁵¹

В экономической деятельности национальных комитетов, в котором меньше всего сказывалось фашистское и реакционное наследство, больше

¹⁵¹ Гос. арх., Секешфехервар, документы Национального Комитета в Сабадбатьяне, протоколы от 20, 21, 29 апреля, 6, 20, 25 мая, 3 июня 1945 года.

всего развёртывалась активность и самодеятельность трудящегося народа, часто стихийная, приспособляющаяся к моментальным требованиям жизни, и которая естественным образом развивалась среди демократических форм.

Национальные комитеты провели весьма значительную работу и по линии соответственного проведения заготовок в такое время, когда административный аппарат еще не мог решить этой задачи, и правительство могло обеспечить выполнение распоряжений только с помощью народных органов. Только моральный авторитет национальных комитетов, доверие к ним решающего большинства населения дали возможность к осуществлению этого чрезвычайно важного вопроса.

Национальные комитеты, естественно, не приняли старый, реакционный метод заготовок режима Хорти, который налегал в первую очередь на самые бедные слои населения и являлся благоприятным для кулаков и крупных землевладельцев, они выработали новый метод, принимая во внимание интересы народа и требования демократии.

Национальный комитет в Баттонья организовал состоящий из представителей партий, делегирующих в него по три члена, совет для разработки вопроса заготовок с тем, чтобы он составил такой метод, согласно которому «каждый должен принимать участие в заготовке в соотношении с его доходами и имуществом.»¹⁵²

Национальный комитет в Бихарторда организует регистрационную комиссию из семи членов, для учета имеющихся запасов и скота, и для установления количества заготовок.

«Комитет подчеркивает, что в первую очередь надо взять в учет рогатый скот тех хозяев, которые имеют больше двух голов, затем следуют те, которые в прошлом не принимали участия в сдаче. Если этим методом не соберется необходимое количество, то надо учесть хозяев, имеющих двое голов и являющихся более состоятельными. От Элека Сигети, хозяина имеющего 90 хольдов, можно забрать весь скот.»¹⁵³

Национальные комитеты играли важную роль в мобилизации на заготовку и своей контролирующей деятельностью, особенно в самые тяжелые годы общественного снабжения — 1945, 1946 и частично 1947 гг. — тем самым значительно облегчили работу соответствующих правительственных органов. Естественно, были и такие национальные комитеты, которые выполняли плохо или совсем не занимались задачами, связанными с вопросом заготовок и отчета, но надо заметить, что комитеты с общегосударственной точки зрения играли положительную роль и в этой области, так как большинство комитетов работало хорошо.

¹⁵² Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Баттонья. Протокол от 27 октября 1945 года.

¹⁵³ Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Бихарторда. Протокол от 22 марта 1945 года.

Уже из вышеуказанного видно, что одной из важнейших задач национальных комитетов являлась их инициаторская, мобилизующая, контрольная деятельность, которая сказывалась в первую очередь в их работе на экономическом поприще, где речь шла о решении ежедневных, практических задач, и где подпольная работа реакционных элементов могла проявляться меньше всего.

Если даже реакционным элементам иногда удавалось произвести раскол между честными демократическими членами национальных комитетов в политических и личных вопросах, то в экономической области, в которой конкретно и ясно встречались интересы всех трудящихся, их скоро можно было разузнать и устранить. Поэтому можно было найти согласие и единство между представителями различных партий в национальных комитетах (кроме реакционных элементов и членов, находящихся под реакционным влиянием) всегда в тех случаях, если речь шла о принятии решений экономического характера. Это являлось самой прочной основой влияния коммунистических представителей, обеспечения их руководящей роли внутри национальных комитетов, даже в тех частях страны, в которых реакция располагала большим влиянием. По линии решения экономических вопросов коммунистические члены комитетов вносили самые лучшие предложения, в которых остальные члены несмотря на партийную принадлежность видели защиту собственных, представляемых ими слоев населения интересов и присоединялись к ним.

Явно сказывалось это единство национальных комитетов и в таких вопросах, как например, пуска в ход мельниц, при котором члены национального комитета не очень-то спрашивали, кому они принадлежат, особенно, если владелец являлся реакционным элементом или сбежал, не поговаривали о старых законах, а просто конфисковали, пускали в ход и контролировали их деятельность, так как это являлось интересом народа. В таких случаях, если даже реакция старалась отстоять свою точку зрения, она была изолирована и побеждали коммунисты.

Народное собрание, созванное организацией Коммунистической Партии в Хайдубесермень, приняло 8 февраля 1945 года следующее решение : «Надо срочно принять строгие решения в деле мельниц. Надо провести справедливое обложение пошлиной и отчет об этом. Просим муниципализацию мельниц.»¹⁵⁴

Общее собрание организации Партии Мелких Хозяев в Надъканижа, когда Коммунистическая Партия уже поставила на повестку дня муниципализацию мельниц, приняла следующее решение :

¹⁵⁴ Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Хайдубесермень. Протокол народного собрания организации Венгерской Коммунистической Партии, 8 февраля 1945 г.

«...Мы протестовали и еще раз протестуем против муниципализации мельниц, так как считаем это нарушением частной собственности...»¹⁵⁵

Как ответили национальные комитеты на эти два противоположных мнения?

Национальный комитет в Хайдубесермень пишет в своем заявлении, в котором требует муниципализацию мельниц, следующее: «...Настойчивая и прилежная работа народа по строительству государства только тогда может быть успешной и может получить должное признание, если как можно скорее вылечим эти болезненные язвы на теле народа, — в противоположном случае теперешняя напряженная работа оказалась бы бесполезной попыткой...»¹⁵⁶

Национальный комитет в Хайдубесермень послал вышеуказанное заявление всем национальным комитетам городов и сел комитата Хайду с призывом к присоединению. Ответы прибыли через короткое время и национальный комитет в Хайдубесермень может с удовлетворением установить: «Из этого факта мы можем сделать вывод, что идем по правильному пути, так как наше предложение служит и интересам населения других городов...»¹⁵⁷

Национальный комитет в Ходмезевашархель считает неоткладываемым вопрос муниципализации мельниц «с точки зрения обеспечения общественного снабжения и обеспечения хлебом особенно бедных слоев населения», и принимает соответствующее решение, за которое голосуют все члены национального комитета за исключением двух представителей Партии Малых Хозяев.¹⁵⁸

Во многих местах уже с самого начала возникли стремления относительно муниципализации мельниц. Например, национальный комитет в Кондорош отклоняет требования наследников сбежавшего собственника мельницы, обосновывая свое решение следующим: «Только дружеское взаимопонимание между русскими войсками и национальным комитетом в Кондорош сделало возможным, что мельница не разрушена. Поэтому зная эти факты, сельское управление справедливо может считать мельницу собственностью муниципалитета, так как она была ему передана русскими войсками как неимеющее хозяина имущество.»¹⁵⁹

Кроме мельниц национальные комитеты заботились о пуске в эксплуатацию и других местных предприятий. Национальный комитет в Сигетвар издает распоряжение о начале работы местной консервной фабрики и по-

¹⁵⁵ Гос. Арх., Залагерсег. Из документов национального комитета в Надканижа. Протокол общего собрания организации Независимой Партии Малых Хозяев 3 февраля 1946 года.

¹⁵⁶ Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Хайдубесермень. Протокол от 29 февраля 1946 года.

¹⁵⁷ Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Хайдубесермень. Протокол от 13 апреля 1946 года.

¹⁵⁸ Гос. Арх., Сентеш. Из документов национального комитета в Ходмезевашархель. Протоколы от 3 декабря 1945 года и 3 сентября 1946 года.

¹⁵⁹ Гос. Арх., Дьюла. Из документов национального комитета в Кондорош. Протокол от 22 августа 1945 года.

могает фабриканту найти рабочую силу.¹⁶⁰ Национальный комитет в Надьканижа также принимает решение о пуске в ход консервной фабрики.¹⁶¹ Национальный комитет в Мезехедьеш решает наладить работу уксусной фабрики и передает работу ухода за фабрикой местному профсоюзу промышленности.¹⁶² Национальный комитет в Эгер назначает для руководства фабрикой прокатных листов в Боршоднадашд инженера, который получает звание руководящего заводом.¹⁶³

Особенно важным шагом, с точки зрения восстановления, являлось наладить работу кирпичных фабрик, в чем национальные комитеты играли немаловажную роль. Например национальный комитет в Деваванья издает распоряжение собственнику кирпичного завода, тотчас же начать работу и сообщает ему, что сельское управление готово в случае необходимости дать кредит в сумме ста тысяч пенгэ.¹⁶⁴ Национальный комитет в Дьома поручает профсоюзам в Дьома—Эндред организовать пуск в эксплуатацию кирпичного завода и одновременно «сообщает старому арендатору завода, что он должен «без всяких придинок подписать контракт, обеспечивающий приличную аренду, с представителями профсоюзов.»¹⁶⁵

Все эти шаги национальных комитетов, которые предусматривали организацию в местном масштабе производства, являлись очень важными и во многом помогли в решении гигантских задач восстановления даже в тех случаях, если они имели лишь временный переходный характер.

В это время общим явлением являлось то обстоятельство, что при национальных комитетах было организовано множество подкомиссий, члены которых состояли из представителей национальных комитетов, специалистов и т. д. и целью которых являлось выполнение отдельных заданий, от которых зависели в местном масштабе важные вопросы восстановления, производства, общественного снабжения и т. д. Так например, во многих местах (в районах столицы, городов Дебрецен, Печ и т. д.) при национальных комитетах были организованы восстановительные комиссии, которые выработывали с помощью специалистов местные планы уборки развалин, восстановления, и принимали участие в организации и руководстве этих работ. Например, национальный комитет комитата Печ—Баранья послал воззвание всем национальным комитетам комитата, в котором распоряжается о том,

¹⁶⁰ Гос. Арх., Печ. Из документов национального комитета Сигетвар. Протокол от 23 января 1945 года.

¹⁶¹ Гос. Арх., Залаэгерсег. Из документов национального комитета в Надьканижа. Протокол от 22 июля 1945 года.

¹⁶² Гос. Арх., Дьюла. Из документов национального комитета в Мезехедьеш. Протокол от 5 мая 1945 г.

¹⁶³ Гос. Арх., Эгер. Из документов национального комитета г. Эгер. Протокол от 3 января 1945 года.

¹⁶⁴ Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Деваванья. Протокол от 19 июня 1945 года.

¹⁶⁵ Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Дьома. Протокол от 12 мая 1945 года.

чтобы «все сельские национальные комитеты тотчас-же поставили на повестку дня обсуждение местных задач восстановления и организовали участие всего населения в этой великой работе...»¹⁶⁶

Мы не имеем точных данных относительно результатов деятельности национальных комитетов по этой линии. Но безусловно надо подчеркнуть, что и они содействовали — правда, не одинаково успешно во всех местностях — в той гигантской работе, которую провел венгерский народ под руководством Коммунистической Партии в интересах устранения разрушений войны и восстановления всей страны.¹⁶⁷

Восстановительные комиссии, организованные по инициативе районных комитетов столицы, в которых участвовали заведующие инженерными отделениями районного управления, уполномоченные партиями инженера, архитекторы и другие специалисты, составили список тех домов, которые могли быть восстановлены за сравнительно короткий срок, позаботились о том, чтобы как можно скорее могли использовать стройматериалы домов, назначенных на снос, заботились о мобилизации необходимой рабочей силы и ликвидации, вернее прекращения всех тех старых, бюрократических ограничений и правил, которые могли тормозить быстрые темпы восстановления.¹⁶⁸ Восстановительная комиссия, назначенная национальным комитетом г. Дебрецен, состоящая в большинстве из специалистов начала свою деятельность в сотрудничестве с местными профсоюзами.¹⁶⁹ Национальный комитет в Хайдубесермень решил создать восстановительный фонд по примеру многих национальных комитетов и для этого начал восстановительные сборы.¹⁷⁰ Национальный комитет в Тапольца назначил комиссию из трех человек (архитектора, ремесленника и материаловеда) и поручил ей составить учет находящихся в местности стройматериалов и организацию их использования. В то же время национальный комитет назначил и комиссию из четырех членов председателя корпорации ремесленников, столяра, колесного мастера и цементника) для контроля восстановительных работ.¹⁷¹

Национальные комитеты выслали уполномоченных или подкомиссии и для пуска в ход и проверки деятельности мельниц, маслобойнь и дробилок.

¹⁶⁶ Гос. Арх., Печ. № 5985/1945. Вицегубернаторские документы. (Копия.)

¹⁶⁷ Национальный комитет в Ходмезевашархель выслал восстановительную комиссию для организации восстановления города и сельского хозяйства. В этой комиссии участвовали представители партий и профсоюзов. Задачей этой комиссии являлось, как это было установлено: «заботиться о том, чтобы все слои населения приняли участие в восстановительных работах...» (Государственный Архив, Сентеш. Из документов национального комитета в Ходмезевашархель. Протокол от 28 августа 1945 года.)

¹⁶⁸ Гос. Арх., № 1, Будапешт. Из документов национального комитета г. Будапешт. Протокол от 6 июня 1945 года.

¹⁶⁹ Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета города Дебрецен. Протокол от 24 июня 1945 года.

¹⁷⁰ Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Хайдубесермень. Протокол от 7 июля 1945 года.

¹⁷¹ Гос. Арх., Веспрем. Из документов национального комитета в Тапольца. Протокол от 3 мая 1945 года.

Для рационального распределения рабочей силы — принимая во внимание проведение очень важных тогда общественных работ — многие национальные комитеты организовали так называемые комиссии труда. Такие комиссии разрабатывали — в некоторых местах даже еще до появления распоряжения — проекты коммунальных работ и часто предложения относительно налога по общественному труду и формы оплаты общественного труда. Почти все национальные комитеты занимались вопросами цен и зарплат, являющимися очень важными с точки зрения начала развития экономической жизни страны, и часто даже организовали особые комиссии, в которые входили местные специалисты, чтобы регулировать хотябы временно в местном отношении решение этих вопросов. Во время разрастания черного рынка много национальных комитетов организовало комиссии для контроля цен. Национальные комитеты в Бучусентласло, Кишбуча, Немештетеш и т. д. решили на собрании, на котором участвовали также и представители демократических партий, сельуправлений и торговцев, что организуют комиссию для контроля цен: «... Деятельностью этих комиссий будет являться действительный контроль цен; они должны каждые две недели докладывать о своей работе и обязаны контролировать покупку и продажу торговцев, появляющихся на автомашине в селе...»¹⁷²

После стабилизации значительная часть национальных комитетов организовала комиссии для защиты форинта или приняла участие в их создании.¹⁷³

Национальные комиссии назначили также подвижные, принимающие быстрое решение субкомиссии и для решения менее важных вопросов. Так например, были составлены комиссии для организации работы корпорации ремесленников (Надьканижа),¹⁷⁴ для обеспечения снабжения дровами (Бача),¹⁷⁵ для проведения распоряжений в связи с ветеринарными вопросами (Рабапатона),¹⁷⁶ для регулирования вопроса собственности скота, запутавшегося в послевоенный период, (Хайдубесермень),¹⁷⁷ для проведения необходимых распоряжений против наводнения, (Эстар),¹⁷⁸ для разрешения спорных вопросов относительно недвижимого имущества (Полгарди)¹⁷⁹ и т. д.

¹⁷² Гос. Арх., Залаэгерсег. Из документов национального комитета в Бучусентласло. Протокол от 16 ноября 1946 года.

¹⁷³ Гос. Арх. № 1, Будапешт. № I. стр. 571. (Корреспонденция.)

¹⁷⁴ Гос. Арх., Залаэгерсег. Из документов национального комитета в Надьканижа. Протокол от 12 мая 1945 года.

¹⁷⁵ Гос. Арх., Дьёр. Из документов национального комитета в Бача. Протокол от 19 июля 1945 года.

¹⁷⁶ Гос. Арх., Дьёр. Из документов национального комитета в Рабапатона. Протокол от 28 мая 1945 года.

¹⁷⁷ Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Хайдубесермень. Протокол от 26 сентября 1945 года.

¹⁷⁸ Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Эстар. Протокол от 15 февраля 1945 года.

¹⁷⁹ Гос. Арх., Секешфехервар. Из документов национального комитета в Полгарди. Протокол от 2 мая 1945 года.

Национальные комитеты проводили за все время своего существования работу общественного контроля, защищая тем самым повседневные интересы населения. Национальный комитет г. Дебрецен назначил комиссию из пяти человек для контроля деятельности производственной комиссии, против которой было много возражений. Национальный комитет вместе с тем поручил назначенной контрольной комиссии «...определить... также хозяев, которые саботируют распоряжения, изданные Министерством Земледелия. Есть ли такие, которые не заявили о наличии таких земельных участков, которые они не могут обрабатывать сами, ...Национальный комитет желает привлечь их к ответственности...»¹⁸⁰

Национальный комитет в Кондорош назначил «сборную комиссию» (одного крестьянина, одного ремесленника и одного торговца) для работы при сельуправлении, чтобы установить реальные цены и сломать черный рынок.¹⁸¹ Члены национального комитета в Хайдубесермень получили распоряжение контролировать мельницы и лавки, качество муки и хлеба.¹⁸²

Национальный комитет в Фурта назначил двух своих членов для контроля качества молока, «чтобы не мешали козье молоко в коровье».¹⁸³ Национальный комитет в Надьсенаш выступает против торговцев скотом, причинивших ущерб местному Кооперативу Сельскохозяйственных рабочих, и решает, «принимая во внимание интересы народа и общественное мнение», что они не достойны на выполнение торговли и предлагает тотчас же отнять у них промысловое свидетельство...¹⁸⁴

Естественно, что наше обозрение может дать только схематическую, слабую картину той гигантской творческой, помогавшей построить новое общество и государство, работе, которую выполнил трудящийся народ после освобождения страны и которая отражается и в экономической деятельности национальных комитетов. Но и из вышесказанного ясно видно, что и экономические основы народно—демократической Венгрии были заложены широкими народными массами под руководством коммунистов. Начиная с организации производства и проведения земельной реформы вплоть до самых своеобразных местных производственных вопросов массы трудящегося народа выполнили такие исторические задачи, которые обеспечили то, чтобы — хотя надо было еще побороть много трудностей и отвергнуть частые

¹⁸⁰ Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета города Дебрецен. Протокол от 25 апреля 1945 года.

¹⁸¹ Гос. Арх., Дьюла. Из документов национального комитета в Кондорош. Протокол от 1 февраля 1945 года.

¹⁸² Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Хайдубесермень. Протоколы от 13 августа 1947 года, 6 ноября 1947 года, 25 января 1946 года.

¹⁸³ Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Фурта. Протокол от 23 апреля 1945 года.

¹⁸⁴ Гос. Арх., Дьюла. Из документов национального комитета Надьсенаш. Протокол от 6 ноября 1946 года.

реакционные нападения — больше нельзя было руководить в экономической жизни без народа или наперекор народу и влияние капиталистов и прочих эксплуатирующих элементов было все более и более сужено.

Значение деятельности национальных комитетов, особенно в деревнях, являлось и на этом поприще большим.

В заключение, если уже и кратко, все-таки необходимо сказать также о культурной и социальной работе национальных комитетов. Народное просвещение было в первую очередь тем, чем занималось большинство национальных комитетов. После освобождения, благодаря инициативе советских военных комендантов, народное просвещение в большинстве мест было немедленно начато. Об этом упоминается в одном из протоколов национального комитета в Дебрецене, когда устанавливается: «Никогда мы не можем с достаточной благодарностью думать о Красной Армии. Следует вспомнить, что начиная с первых же дней военные комендатуры форсировали начало обучения...»¹⁸⁵

Однако, о дальнейшем развитии народного просвещения должна была заботиться уже венгерская демократия и это не было легкой задачей. В школах, во всей системе народного просвещения остались глубокие следы от фашизма, клерикальной реакции и еще долгое время после освобождения, по существу вплоть до года перелома, эта область была той, которая сталкивалась с наибольшими затруднениями при демократизации. В дополнение ко всему этому было также тяжелое экономическое положение после войны, влияние которого чувствовалось также в области народного просвещения.

При таких условиях во многих местах на национальные комитеты ложилась задача сделать первые шаги по пути нормализации и демократизации народного просвещения. На заседании от 30 мая 1945 года национального комитета г. Дебрецен подробно разбирался вопрос положения в школах, установив, что среди 11 000 обязанных посещать школы детей 5000 детей не посещает школы, комитет разработал целый ряд мероприятий по укреплению школьной дисциплины, между прочим сотрудничая с главным управлением района по просвещению вынес решение об организации Совета по делам просвещения.

Национальный комитет в Ходмезевашархелье поручил каждому из своих членов в интересах более эффективного надзора над школами школы города с тем, чтобы хотя бы раз в месяц отчитываться национальному комитету о жизни и работе порученных им школ.¹⁸⁶ Национальный комитет в

¹⁸⁵ Гос. Арх., Дебрецен, документы национального комитета в Дебрецене, протокол от 30 мая 1945 года.

¹⁸⁶ Гос. Арх., Сентеш, документы национального комитета в Ходмезевашархелье, протокол от 23 июля 1945 года.

Уйиразе выносит решение о принятии строгих мер против таких родителей, «которые не обоснованно не пускают своих детей в школу».¹⁸⁷

Ряд национальных комитетов, как например, национальный комитет в Девавань, Пустаэчеге и т. д. отстранили фашистских реакционных членов и вместо них назначили демократов в школьные советы или надзорные комитеты детских садов.¹⁸⁸

Во многих местах, как например, в Мезехедьеше, Надьсенаше национальные комитеты заботились о ликвидации имеющегося недостатка учителей и временно начало обучения было поручено замещающим учителей лицам, в большинстве студентам высших учебных заведений.¹⁸⁹

Уже в первое время проявилось то стремление национальных комитетов, которое и в этом случае было выражением воли и пожелания народа, чтобы обеспечить для детей рабочих и крестьянской бедноты возможности для учения. В решении от 8 августа 1945 года национального комитета в Шалготарьяне говорится об организации гимназии, для которой будет использовано здание бывшего учебного заведения жандармерии.

«Национальный Комитет должен был вынести такое решение, так как в освобожденном рабочем классе стремление к учебе и обучению появляется с природной силой...»

Национальный комитет в Шалготарьяне немедленно наметил делегацию, чтобы по этому делу хлопотать в Министерстве.¹⁹⁰

Национальный комитет в Кунхедьеше решил организовать школу для взрослых: «Необходимо составить список тех, которые хотят учиться, необходимо предоставить помещение, подыскать учителей и уже будет налажено дело. Для этого необходимы и жертвы, так как помещение необходимо отапливать и освещать, но стоит, так как имеется возможность для учения...» Наряду со школой для взрослых по инициативе комитета начинает работать кружок по ликвидации неграмотности.

«Наша обязанность заключается в том, — сказал товарищ, которому было поручено это дело — чтобы дать возможность для наших сестер и братьев учиться, так как незнающего человека можно придавить а знающего нет.»¹⁹¹

Национальный комитет в Надьсенаше считает необходимым, «чтобы

¹⁸⁷ Гос. Арх., Дебрецен, документы национального комитета в Уйиразе, протокол от 4 апреля 1945 года.

¹⁸⁸ Гос. Арх., Сегед, документы национального комитета в Девавань, протокол от 29 декабря 1945 года.

¹⁸⁹ Гос. Арх., Дюла, документы национального комитета в Надьсенаше, протокол от 8 июня 1945 года.

¹⁹⁰ Гос. Арх., № 2 Будапешт, документы национального комитета в Шалготарьяне, протокол от 8 августа 1945 года.

¹⁹¹ Гос. Арх., Солнок, документы национального Комитета в Кунхедьеше, протокол от 16 октября 1945 года.

учить детей уже в детских садах, чтобы они могли бы писать уже перед посещением школы...»¹⁹²

Национальный комитет района Орошхаза требует от Министерства народного просвещения издание демократических учебников и введение бесплатного народного образования, так как — дается более обоснованное мотивирование — «тогда можно будет быстрее осуществить венгерскую демократию...»¹⁹³

Национальный комитет в Бекешшамшоне протестует против старых клерикальных методов обучения церковных школ и требует введения демократических учебников, так как — как это пишется — «наша демократия требует от венгерской нации много разумных людей.»¹⁹⁴

Стремление венгерского народа к культуре, которое после освобождения проявилось с грандиозной силой, нашло выражение не только в демократизации и повышении уровня школ. Красной нитью проходит через работу в этом направлении национальных комитетов стремление, чтобы после столетий угнетения и унижения, нищеты и безкультурности работать над созданием новой и лучшей жизни. Национальный комитет в Кондореше указывает на большую важность народного просвещения вне школы: «на основе воспитательной работы вне школы демократически мыслящих и чувствующих воспитателей можно достигнуть, чтобы у широких слоев населения привилась в мозги и сердце благородное понятие демократии...»¹⁹⁵

Национальный коимитет в Баттонья в интересах распространения идей демократии и поднятия культурного уровня деревни организует комитет народного просвещения.¹⁹⁶ Комитет по культурным вопросам национального комитета в Элеке организует курсы по ликвидации неграмотности а также курсы по кустарному ремеслу и крестьянскому хозяйству, драматический кружок и вечера культуры.¹⁹⁷

Эта же самодеятельность характерна для большей части национальных комитетов в отношении мероприятий, касающихся социальных вопросов, а также инициативы в этом отношении. Национальный комитет в Чорваше уже в марте месяце 1945 года организует т. н. комитет по планировке деревни, состоящий из местных каменщиков, садовников, представителей

¹⁹² Гос. Арх., Дьюла, документы национального комитета в Надьсенаше, протокол от 6 ноября 1948 года.

¹⁹³ Гос. Арх., Дьюла, документы национального комитета в Орошхаза, протокол от 3 октября 1946 года.

¹⁹⁴ Гос. Арх., Дьюла, документы национального комитета в Орошхаза (Письмо национального комитета в Бекешшамшоне в протоколе от 25 сентября 1947 г.).

¹⁹⁵ Гос. Арх., Дьюла, документы национального комитета в Кондореше, протокол от 25 августа 1946 года.

¹⁹⁶ Гос. Арх., Сегед, документы национального комитета в Баттонья, протокол от 2 июня 1945 года.

¹⁹⁷ Гос. Арх., Сегед, документы национального комитета в Элеке, протокол от 10 октября 1948 года.

профессиональных союзов, и поручает этому комитету разработать план развития поселения.¹⁹⁸

Ряд национальных комитетов, так например, в Меземедьере, Весте, Гадороше, Орошхазе, Чорваше и т. д. уже непосредственно после освобождения вынесли решение об организации детских садов, домов для престарелых людей. Сельский совет в Меземедьере (предшественник национального комитета) уже в декабре месяце 1944 года вынес решение, что престарелым людям выше 65 лет, у которых чистый доход по кадастру не превышает 20 золотых крон, начиная с 1 декабря 1944 года будет выдаваться месячное пособие.¹⁹⁹

Конечно во всех этих мероприятиях и инициативах было и ряд таких, прочное введение которых непосредственно после освобождения еще не располагало соответствующими материальными условиями и таким образом они носили временный характер. Но несмотря на это они показывают все более смелую и большего размаха охоту к созиданию венгерского трудового народа, его стремление к лучшей и счастливой жизни.

Отмирание и роспуск национальных комитетов

Как уже было упомянуто выше, деятельность национальных комитетов пришла в общем и целом медленно в упадок после организации общегосударственного административного аппарата, т. е. с апреля-мая 1945 года, хотя временами в отдельных местностях и происходило временное оживление. Это отмирание национальных комитетов произошло в отдельных местностях и частях страны не одновременно (за Дунаем скорее, за Тисой медленнее), и прекратили свою деятельность сами только в сравнительно небольшом количестве местностей. Национальные комитеты существовали и действовали вплоть до момента их роспуска во всей стране. Они помогали и в этой второй, регрессивной стадии своей деятельности в местном отношении борьбе Коммунистической Партии, выступали на защиту венгерской народной демократии и поднимали свой голос всякий раз, когда требовали этого интересы народа в вопросах, имеющих общегосударственное значение.

То общественное возмущение, которое было вызвано заговором правого крыла Партии Мелких Хозяев в массах трудящегося народа, верно отражается в изданных в это время национальными комитетами большим количестве решений, заявлений, в которых они выражают свой протест против направленной против народной демократии реакционной, подпольной работы, требуют самого строгого наказания преступников и выражают

¹⁹⁸ Гос. Арх., Дьюла, документы национального комитета в Чорваше, протокол от 29 марта 1945 года.

¹⁹⁹ Гос. Арх., Дьюла, документы национального комитета в Меземедьере, протокол от 24 декабря 1944 года.

горячими сердечными словами свою верность к народной демократии, желание отстаивать достижения трудящегося народа :

«Мы трудящиеся — пишет национальный комитет в Надькёрю Всевенгерскому Национальному Комитету —, члены национального комитета села с 3500 жителями, чувствуя тяжелое положение нашей Нации, оценив ту громадную катастрофу, в которую опять хотели ввергнуть нашу Страну ныне уже арестованные бездушные гады, от имени всего населения, в защиту демократии оглашаем наш приговор одним словом : «смерть заговорщикам» и просим юстицию наложить на них соответствующее наказание.»²⁰⁰

«...они хотели не восстановления страны — выносит резолюцию национальный комитет в Мезешаш —, а навалить опять на плечи измученного войной венгерского народа еще более тяжелые испытания, а демократическое развитие они желали остановить, хотели опять закабалить народ аристократами...»²⁰¹

Национальный комитет в Токод, требуя от имени населения самый строгий приговор заговорщикам, клянется : «...Мы стояли и будем стоять и в дальнейшем на вахте за демократию...»²⁰²

В заявлениях подобного содержания требовали и остальные национальные комитеты наказание заговорщиков.

Национальные комитеты играли значительную роль в борьбе за национализацию церковных школ, имевшую место в 1948 году, когда под предлогом защиты церковных школ реакционные силы, сплотившиеся вокруг клерикальной реакции, направляли бешеные атаки против народной демократии. Особенно тяжелым было положение в деревнях, где реакция воспользовалась религиозностью крестьянских масс и распространяла в широких кругах населения, что национализация церковных школ в сущности является началом нападения против религии. Коммунисты хотели выиграть и это сражение с помощью мобилизации самых широких масс, путем убеждения, разоблачения реакционных махинаций, и поэтому имело большое значение, чтобы национальные комитеты, как олицетворители воли демократических народных масс, и в самом маленьком селе выработали свою точку зрения по этому вопросу. Подавляющее большинство национальных комитетов стояло на стороне Коммунистической Партии, поддерживало коммунистов в обостренной борьбе, разыгравшейся вокруг национализации школ.

Так например, национальный комитет в Перката выражает свое возмущение в связи с реакционными махинациями, которые проводят под при-

²⁰⁰ Гос. Арх., № 1, Будапешт. Корреспонденция I национального комитета г.Будапешт. Заявление от 9 марта 1947 года национального комитета в Надькёрю.

²⁰¹ Гос. Арх. № 1, Будапешт. Корреспонденция I национального комитета г. Будапешт. Заявления национального комитета в Мезешаш от 7 февраля 1947 года.

²⁰² Гос. Арх. № 1, Будапешт. Корреспонденция I национального комитета. Заявление национального комитета в Токод от 8 июня 1947 года.

крытием религии и церкви, и торжественно заявляет, что готов защитить мирную работу свободного народа и не позволит реакции одержать верх :

«Мы все являемся верующими католиками — пишет комитет —, и верны нашей религии. Именно поэтому мы просили за последнее время неоднократно церковь сотрудничать с нами. Она не была намерена сделать это. То, что она не хотела помочь нам, мы, правда, жалели, но приняли к сведению... но то, что она прямо посягает на нас, и притом самым подлым способом, мы больше терпеть не можем.»²⁰³

Национальный комитет в Менфечанак поднимает свой голос на защиту приобретенной тяжелыми кровавыми жертвами венгерской демократии, для обеспечения демократического воспитания и развития детей, за национализацию школ.

«Пусть священник обучает детей закону божью, но он не должен иметь право вмешиваться в прочую работу учителя... комитет просит высшие органы чем скорее провести национализацию школ...»²⁰⁴

Заслуживает внимания тот факт, что и в тех комитатах, в которых клерикальная реакция располагала значительным влиянием, большинство национальных комитетов принимало свои решения единогласно. Во всей стране было сравнительно мало таких национальных комитетов, в которых мнения расходились в этом вопросе. Так например, национальный комитет в Залабер голосовал за национализацию школ в соотношении 8 : 2, ²⁰⁵ национальный комитет в Дунаментпал — 11 : 7. ²⁰⁶ Были однако и такие случаи, в которых, как например, в Дунаремете, девять членов национального комитета воздержались от голосования, и два были против и только один член голосовал за национализацию школ. ²⁰⁷ Были и случаи, как например, в комитатах Дьёр, Шопрон и Фейер, в которых некоторые сельские национальные комитеты голосовали против национализации школ.

Вышеуказанные решения национальных комитетов рождались во многих случаях в ожесточенной борьбе, в которой национальные комитеты боролись на стороне местных организаций коммунистической партии и демократических сил против местной реакции по особенно тяжелому и деликатному вопросу.

²⁰³ Гос. Арх., Секешфехервар. Из документов национального комитета в Перката. Протокол от 20 декабря 1948 года.

²⁰⁴ Гос. Арх., Дьёр. Из документов национального комитета в Менфечанак. Протокол от 4 июня 1948 года.

²⁰⁵ Гос. Арх., Залаэгерсег. Из документов национального комитета в Залабер. Протокол от 26 мая 1948 года.

²⁰⁶ Гос. Арх., Дьёр. Из документов национального комитета в Дунаментпал. Протокол от 30 мая 1948 года.

²⁰⁷ Гос. Арх., Дьёр. Из документов национального комитета в Дунаремете. Протокол от 7 июня 1948 года.

Например, национальный комитет в Хайдудорог установил на основании местного опыта, что подписные списки протестного собрания в связи с национализацией школ были фальсификацией, так как на этом собрании принимало участие не две тысячи, а всего лишь 150—200 обманутых человек, и лицо, собирающее подписи и ведущее протокол собрания, являлось функционером бывшей местной фашистской партии нилашов.

«Эта фальсификация истории была проведена не греко-католическим населением состоящим из 12 тысяч душ, а реакцией, прятающейся за церковь...»²⁰⁸

Национальный комитет в Почай очень остро выступает от имени демократического большинства населения против подстрекательства антидемократических элементов, проводящегося под предлогом «родительских собраний», и принимает меры для обезвреживания фашистских провокаторов.²⁰⁹

После национализации школ многие национальные комитеты в значительной мере участвовали в работе ремонта и оборудования старых, запущенных зданий церковных школ.

Картина являлась бы, однако, односторонней, если бы мы, показывая положительную роль деятельности национальных комитетов и во втором этапе их развития, не говорили и о тех внутренних слабостях, которые тормозили, тянули назад работу значительной части национальных комитетов, проводимую именно в области политической и общественной деятельности. Как уже было упомянуто, правому крылу коалиции удалось — главным образом через Партию Мелких Хозяев — послать своих представителей в значительную часть национальных комитетов. Таким образом удалось проникнуть в часть национальных комитетов реакционным и даже фашистским элементам, которые в некоторых из них даже стали задавать тон и оттесняли коммунистических, левых представителей. Внедрению реакции в национальные комитеты способствовали фашистские элементы административного аппарата — губернаторы, вице-губернаторы и бургомистры, являющиеся членами Партии Мелких Хозяев. В отдельных комитетах, в которых влияние реакции являлось более сильным, часть сельских национальных комитетов попала в руки реакционных элементов. Председатель национального комитета г. Шопрон Кальман Такач пишет об этом в своих воспоминаниях следующее :

«Так случилось, что в селах, часто в противоречии с установленными предписаниями, сельский национальный комитет состоял из более состоятельных хозяев, местных священников, нотариусов, учителей, так что почти

²⁰⁸ Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Хайдудорог. Протокол от 17 мая 1948 года.

²⁰⁹ Гос. Арх., Дебрецен. Из документов национального комитета в Почай. Протокол от 13 сентября 1948 года.

все члены сельского национального комитета являлись и открыто членами Партии Мелких Хозяев, или же — согласно общему секретному соглашению — поручили одному или другому члену национального комитета играть роль представителя Венгерской Коммунистической или Социал-Демократической Партий в сельском национальном комитете...»²¹⁰

В других местностях, как например, в Мошонмадьаровар, все три представителя Партии Мелких Хозяев являлись местными руководителями фашистской правительственной партии, а председатель национального комитета являлся «витязем».* Когда представитель коммунистической партии протестовал против этого, члены национального комитета, являющиеся представителями Партии Мелких Хозяев, достигли с повторением старой фашистской фразеологии («опять один венгерец обвиняет другого, опять подняло свою голову вечное венгерское проклятие — интрига одного против другого» и т. д.), что большинство национального комитета высказалось против предложения коммунистических представителей и не требовало отзыва этих фашистских элементов, и оставила председателя «витязя» дальше на своем посту.²¹¹ В г. Тапольца через Партию Мелких Хозяев попали в национальный комитет бывший секретарь «Союза Барошш»** и бывший член партии венгерских фашистов.²¹² В Каполнашньек временно председателем национального комитета был лейтенант районного собрания витязей.***²¹³ В этих национальных комитетах коммунистическим представителям — которых поддерживали представители профсоюзов и часто представители Национальной Крестьянской Партии и Социал-Демократической Партии — надо было вести ожесточенную борьбу для парализования подрывной деятельности реакции внутри национального комитета. Например, в Тапольца, члены национального комитета, являющиеся представителями Партии Мелких Хозяев, которых поддерживал и председатель, бывший правым социал-демократом, подняли вопрос освобождения находящихся в концентрацион-

²¹⁰ Кальман Такач : «Шопрон, 1944—46.» стр. 78. (Рукопись).

²¹¹ Гос. Арх., Дьёр. Из документов национального комитета в Мошонмадьаровар. Протокол от 28 мая 1945 года.

²¹² Гос. Арх., Веспрем. Из документов национального комитета в Тапольца. Протокол от 25 мая 1945 года.

²¹³ Гос. Арх., Секешфехервар. Из документов национального комитета в Каполнашньек. Протокол от 29 июня 1947 года.

* «Витязи» являлись членами т. наз. Сословия витязей. Эта контрреволюционная, фашистская организация была создана после подавления Венгерской советской республики, в 1920 г. «Витязи» получили землю в размере кулацких хозяйств, инвестиционные займы, и взамен этого они должны были всегда быть готовыми для вооруженного подавления какого-нибудь коммунистического, социалистического или хоть только прогрессивного демократического выступления.

** «Союз Барошш» являлся контрреволюционной, фашистской организацией, его членами были главным образом мелкие предприниматели, торговцы, самостоятельные ремесленники.

*** Организация т. наз. Сословия витязей была построена по районам. Витязи отдельных районов составили т. наз. Собрание витязей, во главе которого стоял лейтенант.

ном лагере нилашов и неоднократно проводили выпады против находящейся под коммунистическим руководством полиции. В Мор правые члены национального комитета проводили спасательные попытки в интересах «фольксбундистов». Коммунистические представители выступали против этих реакционных махинаций и отбивали их.²¹⁴

Благодаря решительному выступлению коммунистических представителей, за которыми стояло большинство членов национальных комитетов, во многих селах национальные комитеты уже с самого начала дали решительный отпор реакционным представителям Партии Мелких Хозяев. Например, национальный комитет в Кунхедеш вынес в соотношении 10 : 2 вотум недоверия саботирующим представителям Партии Мелких Хозяев, «так как они отнюдь не стараются построить демократию, а действуют именно в противоположном направлении. . .»²¹⁵

Национальный комитет в Мезековачхаза на основании предложения коммунистических представителей отвергнул представителей Буржуазной Демократической Партии, потому что она была создана антинародными элементами. К предложению коммунистических представителей присоединились и трудящиеся крестьяне, являвшиеся членами Партии Мелких Хозяев.²¹⁶ Национальный комитет в Ходмезевашархель заставил отказаться от членства одного из представителей Партии Мелких Хозяев, о котором выяснилось, что являлся бывшим членом правления Партии венгерской жизни.²¹⁷ Национальные комитеты в Надьсенаш и Эстар отвергнули шовинистических, антинародных представителей Партии Мелких Хозяев и предложили ей послать на их место демократических представителей.²¹⁸ Национальный комитет в Пюшпеклеле требовал отзыва представителей Социал-демократической Партии, «так как они в прошлом не показали себя демократами и во время выборов старых правительственных партий стояли на их службе. . .»²¹⁹

Всю деятельность национальных комитетов сопровождала борьба за чистоту их состава. После выборов 1945 года и особенно контратаки Коммунистической Партии в начале 1946 года, реакция неоднократно вновь и вновь пыталась — если уже не могла их ликвидировать, так хотя-бы распространить свое влияние на большинство народных органов, чтобы этим осла-

²¹⁴ Гос. Арх., Секешфехервар. Из документов национального комитета в Мор. Протокол от 14 сентября 1946 года.

²¹⁵ Гос. Арх., Сольнок. Из документов национального комитета в Кунхедеш. Протокол от 17 июня 1945 года.

²¹⁶ Гос. Арх., Дьюла. Из документов национального комитета в Мезековачхаза. Протокол от 10 февраля 1945 года.

²¹⁷ Гос. Арх., Сентеш. Из документов национального комитета в Ходмезевашархель. Протокол от 14 июля 1945 года.

²¹⁸ Гос. Арх., Дьюла. Из документов национального комитета в Надьсенаш. Протокол от 12 октября 1945 года; Государственный Архив, Дебрецен. Из документов национального комитета в Эстар. Протокол от 13 октября 1945 года.

²¹⁹ Гос. Арх. Сегед. Из документов национального комитета в Пюшпеклеле. Протокол от 23 сентября 1945 года.

бить влияние Венгерской Коммунистической Партии на народные массы и тем самым подорвать существование народной демократии. Правое крыло Партии Мелких Хозяев требовало для себя большинства внутри национальных комитетов и всеми силами старалось провести принятие «Крестьянского Союза», чем хотело парализовать роль профсоюзов. Но ему не удалось достигнуть более серьезных результатов. (Правда, в отдельных местностях ему удалось временно провести принятие «Крестьянского Союза».) Коммунисты, честные, демократические члены национальных комитетов в большинстве случаев защищали национальные комитеты и отбивали атаки реакции. Например, национальный комитет комитата Шомодь в апреле 1946 года в циркуляре обратился ко всем сельским национальным комитетам комитата с воззванием, чтобы всюду тотчас—же прекратили членство «Крестьянского Союза», где ему удалось пробраться в состав национальных комитетов.²²⁰

Во многих местностях сами национальные комитеты отклонялись от принятия «Крестьянского Союза». Например, национальный комитет в Чанадпалота после горячего спора отвергнул требование Партии Мелких Хозяев относительно принятия в национальный комитет и в коммунальную комиссию «Крестьянского Союза».

«... Мы не намерены терпеть — гласит решение — расторжения святого дела демократии, за которое так много мучеников отдало жизнь, здоровье, чтобы обеспечить его для потомков...»²²¹

Эти атаки реакции против национальных комитетов не были новыми. Правое крыло коалиции, под руководством Партии Мелких Хозяев, уже вскоре после создания национальных комитетов осознало их революционную роль в мобилизации широких народных масс, в закладывании основ народно-демократического строя, и начало на них сильно нападать. Представители правых партий в печати и в выступлениях заявляли о том, что после организации административного аппарата больше не нужны национальные комитеты, и они должны быть распущены. Но то обстоятельство, что Венгерская Коммунистическая Партия последовательно заступалась за существование национальных комитетов, сорвало эти попытки. Так как эти попытки оставались безрезультатными, реакция пробовала разлагать национальные комитеты изнутри. Одной из ее методов являлось то, что она — как мы видели выше — посылала в комитет своих представителей и через них старалась захватить руководство в свои руки и превратить их в антидемократические органы. Там, где она не видела никакой надежды на достижение результатов, она отзывала своих представителей из национальных

²²⁰ Гос. Арх., Капошвар. Из документов национально комитета в Сигетвар. Циркуляр от 11 апреля 1946 года национального комитета комитата Шомодь.

²²¹ Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Чанадпалота. Протокол от 4 июня 1946 года.

комитетов и старалась этим способом сделать невозможной их деятельность. Представители Партии Мелких Хозяев, являющиеся членами национального комитета г. Будалешт и Всевенгерского Национального Комитета, уже начиная с 1946 года не посещали собраний этих национальных комитетов. Те члены национального комитета в Ходмезевашархель, которые принадлежали к Партии Мелких Хозяев, отказались от работы в национальном комитете с тем обоснованием, «что все те вопросы, которые впредь могут обсуждаться национальным комитетом, могут быть решены распоряжениями правительства и действующими властями, и они поэтому не видят необходимым дальнейшее существование национальных комитетов...»²²²

Но представители остальных партий, в первую очередь Венгерской Коммунистической Партии, остались на своем месте. Организация Венгерской Коммунистической Партии в Ходмезевашархель в специальном письме выразила свое доверие председателю национального комитета, всеобщему уважаемому, демократическому кальвинистскому священнику Арпаду Мартону, уверяя его в своей поддержке.²²³ В селе Барч, в которой представители Партии Мелких Хозяев также отказались далее работать в национальном комитете, коммунисты и представители остальных левых партий приняли решение, согласно которому «национальный комитет является и без представителей Партии Мелких Хозяев полномочным.»²²⁴ В Озоре, где представители Партии Мелких Хозяев и Буржуазной Демократической Партии совместно саботировали деятельность национального комитета (этими представителями являлись: один нотариус, один хлеботорговец, один мясник и бывший реакционный председатель национального комитета) и на пригласительных билетах демонстративно вычеркивали свои имена, представители Коммунистической Партии, профсоюзов и остальных левых партий приняли решение, согласно которому:

«Несмотря на все это еще имеется большинство двух третьих членов национального комитета, которое единогласно не разрешит препятствовать работе восстановления и требует от двух не появившихся партий, чтобы они приняли участие в национальном восстановлении. Если они от этого откажутся, то национальный комитет продолжит свою работу и без них.»²²⁵

Но многие национальные комитеты не довольствовались только тем, что давали отпор атакам реакции и продолжали свою работу, а принимали активное участие в разоблачении реакции, организующейся внутри отдельных партий коалиции, и следили за тем, чтобы она не могла проводить свою

²²² Гос. Арх., Сентеш. Из документов национального комитета в Ходмезевашархель. Протокол от 12 июля 1946 года.

²²³ Гос. Арх., Сентеш. Из документов национального комитета в Ходмезевашархель. Протоколы от 26 июня и 12 июля 1946 года.

²²⁴ Гос. Арх., Капошвар. Из документов национального комитета в Барч. Протокол от 10 апреля 1947 года.

²²⁵ Гос. Арх., Сексард. Из документов национального комитета в Озоре. Протокол от 15 января 1946 года.

раскольническую деятельность, ослаблять изнутри демократическое объединение сил. Роль, которую играли национальные комитеты в защите демократии, часто оказывала Венгерской Коммунистической Партии серьезную помощь в том, чтобы она могла, опираясь на все демократические силы, изолировать и уничтожить организационные попытки реакции. Целый ряд национальных комитетов, как например в Мезековачхаза,²²⁶ в Бекешшамшон,²²⁷ в Мадьярдомбэдьхаза²²⁸ и т. д. заявляли свои протесты уже непосредственно после создания местных организаций Партии Мелких Хозяев и Буржуазной Демократической Партии в связи с тем, что в их руководствах и между их членами находились реакционные, фашистские элементы, бывшие доносители жандармерии и т. д. Эти национальные комитеты объявили недействительными такие партийные организации и не допустили, чтобы они делегировали своих представителей в национальные комитеты, прочие народные органы и в коммунальную комиссию. Национальный комитет в Мадьярчанад разоблачил на учредительном собрании Партии Мелких Хозяев выбранного председателем доносчика жандармерии и других антинародных элементов, находящихся в руководстве партии.

«... не является подходящим для руководства партией, так как он у с. Тапэ, когда принужденные бежать мадьярчанадские люди хотели убежать от жандармов, чтобы возвратиться домой, он, как доносчик, действовал заодно с жандармами и тем самым воспрепятствовал тому, чтобы эти люди могли вернуться домой...»²²⁹

Национальный комитет в Дунафельдвар принял в связи с организацией местной Буржуазной Демократической Партии следующее решение :

«... Так как в переданном членском списке находятся кооперировавшие со старым режимом фашисты, а со стороны руководителей на одном межпартийном собрании были высказаны мнения, противоположные демократическим идеям, национальный комитет не видит обеспеченным то, что вышеназванная партия с таким руководством хочет принять участие в построении страны согласно демократическим идеям, и поэтому национальный комитет не может принять к сведению формирование партии с этим руководством.»²³⁰

Если анализировать по всей стране борьбу демократических и реакционных сил внутри национальных комитетов, которую мы осветили выше несколькими примерами, надо установить, что — хотя и удалось в некото-

²²⁶ Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Мезековачхаза. Протокол от 5 апреля 1945 года.

²²⁷ Гос. Арх., Дьюла. Из документов национального комитета в Бекешшамшон. Протокол от 4 апреля 1945 года.

²²⁸ Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Баттонья. Протокол от 9 декабря 1946 года. (Решение национального комитета в Мадьярдомбэдьхаза).

²²⁹ Гос. Арх., Сегед. Из документов национального комитета в Мадьярчанад. Протокол от 19 июня 1945 года.

²³⁰ Гос. Арх., Сексард. Из документов национального комитета в Дунафельдвар. Протокол от 13 апреля 1945 года.

рых местах реакции вторгнуться в национальные комитеты и тормозить их работу, или же повернуть их против демократии, а в других комитетах создать большие трудности и кризисы в их деятельности, все-таки *в своём большинстве национальные комитеты являлись за все время своего существования опорой народной демократии*. Главной причиной их отмирания является то, что после того, как прекратился их административный круг обязанностей, а руководство экономической жизни частично приняли организованные для этого специальные ведомства, а частично удалось решить среди соответствующих экономических условий первой стадии народно-демократического строя со стабилизацией экономической жизни большую часть проблем производства и общественного снабжения, *круг деятельности национальных комитетов сильно сузился*. Их деятельность ограничивалась на роль политического эксперта и контролера, на предъявление предложений и проведение отдельных общегосударственных политических или экономических акций, как например, участие в подготовке выборов в 1945 и 1947 гг., проведение заготовок, учетов, контроль молотьбы, организация торжеств в связи с столетней годовщиной революции 1848 года, выдача политических удостоверений и т. д. Сам Всеенгерский Национальный Комитет ограничивал свою деятельность относительно центрального руководства национальными комитетами на проведение вышеуказанных акций и кроме общих директив не давал почти никакой помощи национальным комитетам в их повседневной работе.

Всеенгерский Народный Фронт в январе 1949 года объявил о роспуске национальных комитетов.

Последние заседания национальных комитетов в общем и целом по всей стране отличались торжественностью. Председатели, члены национальных комитетов оценивали проведенную работу, говорили об исторической роли национальных комитетов в создании народной демократии.

«...Национальный комитет всегда принимал во внимание социальную волю и интересы народа — выступил один из членов национального комитета в Инота на последнем заседании — и всегда предпринимал все для того, чтобы помочь этой измученной стране, этому селу, чтобы идти на пути, ведущему к социализму. Поэтому мы много боролись, проводили много бессонных ночей. Я желаю только то, чтобы те, которые следуют за нами, тоже стремились к этой же цели...»²³¹

Члены национального комитета в Херцегфальва на своем последнем заседании обязались «работать и строить дальше основы осуществления демократической, социалистической страны...»²³² Заседание национального комитета окончилось здравствованием Советской Армии.

²³¹ Гос. Арх., Секешфехервар. Из документов национального комитета в Инота. Протокол от 3 февраля 1949 года.

²³² Гос. Арх., Секешфехервар. Из документов национального комитета в Херцегфальва. Решение № 5/1948 национального комитета.

Как наилучшее обобщение деятельности национальных комитетов, строящих нашу страну, пусть стоит здесь выступление председателя национального комитета в Вайта, так, как увековечивает его в протоколе последнего заседания :

«Роль национального комитета этим решением окончилась. Когда (председатель) благодарит членов за их добросовестную, неутомимую, преданную работу, он подчеркивает, что в борьбе играла наибольшую роль революционная партия рабочего класса и находящихся с ним в союзе крестьян и интеллигенции, Венгерская Коммунистическая Партия, (потом Партия Венгерских Трудящихся), да, эта партия привела нас к победе. Но мы не должны забывать и о работе наших народных органов, которые являлись истинными источниками суверенитета нашего народа уже во время освободительных боев победоносной Советской Армии, также как и после освобождения. Основы новой народной Венгрии не только в нашем селе, а также и во всей стране положили национальные комитеты, которые решили целый ряд очень трудных задач, наложенных на них историей. Наша деятельность будет стоять перед следующим поколением как вечное и неотъемлемое доказание революционной силы нашего народа. И сейчас, когда мы после выполненной огромной работы расформируемся, мы оцениваем проведенную нами работу, определяя сделанные ошибки и их источники. Мы это делаем для того, чтобы помочь — если в другой области — борьбе нашей Народной Демократии, которую сможем на основании приобретенных опытов лучше и сильнее поддерживать.»²³³

Анализируя деятельность национальных комитетов надо установить, что — хотя из-за их коалиционного состава и указанных в предисловии исторических и общественных условий реакционные и в некоторых местах даже фашистские элементы проникли в ряды их членов и отклоняли их деятельность или же создавали кризисы в их работе — все же с общегосударственной точки зрения можно говорить об их работе только с наибольшим признанием, оценивая ту гигантскую работу построения страны, в которой приняли участие тысячи честных демократических членов национальных комитетов, создав и укрепив народную демократию. Национальные комитеты потому могли выполнить так хорошо свои задания, потому могли стать представителями воли и стремлений народа, потому что в большинстве случаев с самого начала их руководителями являлись коммунисты, члены коммунистических местных партийных организаций, которые приобрели своими предложениями, своей инициативой в интересах народа, доверие и других членов национальных комитетов. Все это выражает простыми, но горячими словами доклад о работе прошшедих лет сотого заседания национального комитета в Чорваш :

²³³ Гос. Арх., Секешфехервар. Из документов национального комитета в Вайта. Протокол от 1 февраля 1949 года.

«...Национальный комитет имел за время своей деятельности до сих пор всего 50 членов, из которых некоторые были делегированы только один раз... Если каждое заседание национального комитета продолжалось бы только три часа в среднем, то члены национального комитета на ста заседаниях провели 2514 часов, т. е. 318 восьмичасовых рабочих дней. Если считать за день 10 форинтов, это было бы 3180 форинтов. Члены национального комитета с радостью собирались на эти заседания после их повседневной работы, ибо знали, что нельзя строить новой жизни, нового мира без приносящих жертвы людей... Возможно, что национальный комитет делал и ошибки, но если мы возьмем результаты и ту гигантскую работу, которую провели национальные комитеты во всех местностях страны, мы должны высоко оценивать его работу...»²³⁴

Чорваш является селом, жители которого сельскохозяйственные рабочие и бедные крестьяне, в нем с первого дня после освобождения ведущую роль играла Венгерская Коммунистическая Партия.

*

В заключение мы должны кратко касаться вопроса, вызывающего и в наши дни дискуссии в среде венгерских историков, занимающихся периодом народной демократии: было-ли правильно оставить национальные комитеты, чтобы они отмирали, и распустить их, или было-ли возможным, сохранив их функции как органов государственной власти, вставить их в качестве местных органов государственной власти в систему диктатуры пролетариата (как это произошло например в Чехословакии). По нашему мнению в 1948 г., в году перелома, когда коммунистическая партия уже приобрела поддержку большинства трудящихся масс, имелась возможность реорганизации национальных комитетов, исключения реакционных элементов и преобразования комитетов в местные органы государственной власти диктатуры пролетариата. Если это произошло бы так, то многие тысячи рядовых трудящихся, которые своей деятельностью в национальных комитетах освоили искусство управления государством, которые приобрели неоценимый политический опыт и завоевали себе авторитет и признание в среде населения, сумели бы продолжать в своей деятельности. Таким образом перерастание в государство диктатуры пролетариата, в систему советов произошло бы, по всей вероятности, более органическим образом, при сохранении многих тысяч опытных, ценных, обладающих уже авторитетом административных кадров.

Не в этом, однако, заключается основная ошибка, учиненная роспуском национальных комитетов. Система советов и так была построена и в

²³⁴ Гос. Арх., Дьюла. Из документов национального комитета в Чорваш. Протокол от 11 февраля 1947 года.

ходе своей деятельности приобрела такого опыта, знания и авторитета также, которыми она так сильно пустила корни в глубь венгерского трудящегося народа, что даже во время контрреволюционного наступления в октябре — ноябре 1956 г. в основном она устояла. Основная ошибка при роспуске национальных комитетов заключалась, по нашему мнению, в том, что созданный в 1949 г. Народный фронт независимости, призванный продолжать в условиях диктатуры пролетариата деятельность созданного в 1945 г. коалиционного Венгерского национального фронта независимости (местными органами которого и являлись национальные комитеты), не образовал местных организаций. Таким образом деятельность национальных комитетов по мобилизации масс, опирающаяся на самодеятельность масс и развивающая ее, не продолжалась на высшем уровне — с содержанием и в формах, соответствующих условиям и требованиям диктатуры пролетариата — в местных органах Народного фронта независимости. Исправление ошибок, допущенных в связи с развитием движения народного фронта с 1949 г. — хотя в этом направлении не однократно сделаны инициативные шаги — началось в основном только теперь, после подавления кровавого контрреволюционного мятежа от октября—ноября 1956 г. Деятельность Отечественного народного фронта до сих пор является залогом того, что венгерское движение народного фронта под руководством коммунистов в скором времени станет активным, самодеятельным движением самых широких масс, способствующим в большой мере социалистическому строительству.

Die Bedeutung der Nationalen Komitees im Entstehen der ungarischen Volksdemokratie

B. BALÁZS

(Zweiter Teil)

(Zusammenfassung)

Die Tätigkeit der nationalen Komitees war auch auf dem Gebiete der Produktion von großer Bedeutung. Eine ihrer ersten und wichtigsten Aufgaben war, die Produktion, das wirtschaftliche Leben wieder in Gang zu setzen; und wenn in dem von den Faschisten ausgeplünderten und durch den Krieg verwüsteten Lande die Bestellung der Felder und die Arbeit in den Betrieben unglaublich rasch und schwungvoll wieder aufgenommen wurde, so hatten daran die nationalen Komitees hervorragenden Anteil.

Diese Organe des Volkes haben bereits vor der Aufteilung des Großgrundbesitzes die Bauern mobilisiert, um die herrenlos gewordenen Felder in Gemeinschaftsarbeit zu bestellen; sie verschafften Saatgut, sicherten dem Lande das tägliche Brot. In vielen Ortschaften riefen die nationalen Komitees die Bodenbeanspruchungs-Komitees ins Leben, die dann den Boden an die besitzlosen armen Bauern verteilten; sie gründeten Produktions-Komitees, um die landwirtschaftlichen Arbeiten zu lenken und zu kontrollieren.

In zahlreichen Ortschaften waren es die nationalen Komitees, die die Wiederaufnahme der Arbeit in den Mühlen und sonstigen Betrieben veranlaßten, die Lebensmittelversorgung organisierten und dafür sorgten, daß niemand erwerbslos und brotlos sei. Beträchtlichen Anteil hatten sie auch an der Organisierung der Versorgung der Roten Armee.

All diese Aufgaben von entscheidender Wichtigkeit wurden von den nationalen Komitees mit revolutionärem Schwung rasch gelöst. So wurden z. B. innerhalb einiger Tage der Bestand

an verfügbaren Zugtieren und Motoren in den Dörfern aufgenommen; Landwirte, die über Zugtiere oder Traktoren verfügten, wurden streng angewiesen, auch die Äcker der Bauern zu pflügen, die keine Zugtiere hatten. Besondere Bauernkomitees wurden beauftragt, die Großgrundbesitze zu verwalten. Die nationalen Komitees setzten die Preise und Löhne fest, organisierten den Handel und traten energisch gegen den Schwarzhandel auf. Sie sorgten für die Waisen, Kriegswitwen, beaufsichtigten die Schulen usw. Mit einem Wort: sie waren überall zugegen, ergriffen überall die Initiative und waren führend tätig, wo es das Interesse des Volkes erforderte. Die nationalen Komitees konnten die unzähligen brennenden Probleme selbstverständlich nur deshalb lösen, weil sie das Vertrauen des Volkes genossen, weil sie sich auf das Volk, das sie ins Leben gerufen hatte, stützen konnten.

Nachdem das ganze Land befreit war (4. April 1945), wurde von der Regierung der Verwaltungsapparat ausgebaut und die Zuständigkeit der nationalen Komitees wurde stark eingeeengt. Funktionen der Staatsgewalt wurden ihnen entzogen, die Lenkung der Produktion wurde von den hierzu berufenen Organen übernommen; daher mußte sich ihre Tätigkeit auf die gesellschaftlich-politische Ebene beschränken. Sie konnten sich zwar auch weiterhin mit Anträgen an die Organe der Staatsgewalt wenden, die Kontrolle auf gesellschaftlichem Gebiete weiter ausüben, aber sie hatten keine tatsächlichen Machtbefugnisse mehr.

Von da an begann die Tätigkeit der nationalen Komitees zu verfallen; der allmähliche Verfall führte zu ihrer Auflösung (die im Januar 1949 verfügt wurde).

Zusammenfassend kann gesagt werden, daß sich in der Tätigkeit der nationalen Komitees die gesellschaftlich-politischen Verhältnisse, unter denen sie entstanden und tätig waren, getreu widerspiegeln. Das waren die Jahre, in denen die fortschrittlichen Kräfte mit der kommunistischen Partei an der Spitze den entscheidenden Kampf gegen die reaktionären Kräfte führten, die sich in den verschiedenen bürgerlichen und kleinbürgerlichen Parteien sammelten, als die Erkämpfung der Diktatur des Proletariats oder die Restaurierung des Kapitalismus die Hauptfrage dieses Kampfes bildeten. Auch in den nationalen Komitees traten die von den Kommunisten angeführten fortschrittlichen Kräfte den reaktionären Elementen entgegen. Die reaktionären Elemente, die die Kleinlandwirtpartei unterwandert hatten, konnten fallweise noch Erfolge erzielen, aber im allgemeinen war die überwiegende Mehrheit der nationalen Komitees auch in diesem Abschnitt ihrer Tätigkeit das getreue Spiegelbild der schöpferischen Kraft und der demokratischen Gesinnung des werktätigen ungarischen Volkes. Wenn auch mit stets geringerem Geschäftsbereich und Einfluß, standen sie doch an Seite der kommunistischen Partei, unterstützten sie und hatten so ihren Anteil an der Festigung der Macht des werktätigen Volkes, der ungarischen Volksdemokratie.

RAPPORT SUR LES RECHERCHES

Les historiens hongrois commémorent le quarantième anniversaire de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre

Comme nous l'avons signalé dans le précédent numéro de notre revue, en novembre 1957, les historiens hongrois, parallèlement aux commémorations du monde entier, ont tenu une séance solennelle pour commémorer le quarantième anniversaire de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre.

Le 1er novembre 1957, l'Institut d'histoire militaire, l'Institut de l'histoire du Parti Communiste près le Comité Central du Parti Ouvrier Socialiste Hongrois, la Société historique hongroise, l'Institut de science de l'histoire près l'Académie Hongroise et les Archives Nationales de Hongrie ont organisé une série de conférences sous la présidence d'E. Molnár, de l'Académie Hongroise, directeur de l'Institut d'histoire près l'Académie Hongroise, Gy. Ember, membre correspondant de l'Académie Hongroise, directeur général des Archives Nationales de Hongrie, M. Horváth, lieutenant-colonel, commandant de l'Institut d'histoire militaire, I. Kubitsch, chef de section de l'Institut de l'histoire du Parti Communiste, I. Tóth et M. Vinke, vétérans de la Grande Révolution de 1917. Plusieurs centaines de personnes, travailleurs des instituts d'histoire et des archives, professeurs d'histoire des Universités et des écoles secondaires, représentants des sciences apparentées et tous ceux qui s'intéressaient au sujet, entre autres plusieurs vétérans hongrois de la Grande Révolution de 1917, se sont réunis pour commémorer le grand événement.

Après l'allocution d'ouverture d'E. Molnár, de l'Académie Hongroise, L. Réti, membre de l'Institut de l'histoire du Parti Communiste près le Comité Central du Parti Ouvrier Socialiste Hongrois a donné lecture de son étude, intitulé : «La révolution prolétarienne de Hongrie, premier grand mouvement s'inspirant de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre.» En guise d'introduction, L. Réti a traité des thèses générales formulées par Marx et Engels sur la dictature du prolétariat. Il a ensuite analysé la thèse de Lénine sur la victoire de la révolution prolétarienne. M. Réti a souligné que les révolutions russes de 1917 avaient donné raison à Lénine et aux bolchéviks en effet. La révolution prolétarienne avait éclaté d'abord dans le pays où la chaîne de l'impérialisme était la moins forte. Puis, l'orateur a posé la question de savoir pourquoi était-ce précisément la Hongrie le premier pays à suivre, en 1919, l'exemple de la Russie révolutionnaire?

La Hongrie, comme on le sait, était, au début du XIXe siècle, en proie à de violents antagonismes sociaux. Le développement du pays était empêché par sa dépendance semi-coloniale vis-à-vis de l'Autriche. Au début de XXe siècle la Hongrie conservait encore dans un très grande mesure

les rapports féodaux de la propriété, en même temps presque 25 % de ses habitants formaient un prolétariat rural. Le début du XXe siècle avait vu le développement rapide du capital industriel hongrois, mais l'état de dépendance vis-à-vis de l'Autriche et la prédominance politique de la grande propriété foncière empêchaient la bourgeoisie industrielle de se préparer à assumer la conduite de l'État et de la société. De plus, par crainte du prolétariat, la bourgeoisie renonçait à assumer directement un rôle dirigeant.

Avant la première guerre mondiale, la structure sociale de la Hongrie était essentiellement marquée par la contradiction entre l'organisation semi-féodale de la production et la transformation capitaliste relativement rapide de son économie agraire. Cette structure a aussi été analysée entre autres par Lénine, qui avait été frappé par la ressemblance entre les structures sociales de la Russie et de la Hongrie. Il en résultait toute une série de contradictions comme l'opposition de l'ensemble du peuple travailleur hongrois à l'oppression autrichienne; l'opposition des classes dominantes hongroises aux minorités nationales, ces dernières constituant plus de la moitié de la population; l'opposition des grands propriétaires fonciers féodaux au prolétariat rural de plusieurs millions d'âmes; l'opposition de la jeune bourgeoisie hongroise à une classe ouvrière d'esprit combattif. La première guerre mondiale contribua à aggraver ces contradictions. Pour le peuple, la guerre n'apporta que de sanglantes pertes et la misère, et tout cela pour des intérêts étrangers. Les travailleurs comprirent de plus en plus que la victoire militaire n'aurait pour eux aucun sens, d'ailleurs elle était de moins en moins possible. La défaite, par contre, qui était probable, promettait à la fois l'indépendance aux minorités nationales, la terre aux paysans, et la liquidation de l'exploitation à la classe ouvrière. Les conditions du renversement révolutionnaire du régime capitaliste mûrissaient chaque jour en Hongrie, aussi les événements de la Grande Révolution d'Octobre exercèrent-ils une influence profonde sur les travailleurs hongrois. C'est pour cette même raison que des dizaines de milliers de prisonniers de guerre hongrois se sont associés à la révolution prolétarienne de la Russie et qu'en rentrant en Hongrie, ils y ont répandu son idéologie. Les ouvriers hongrois avaient constaté en Russie la réalisation des objectifs pour lesquels ils avaient lutté et les paysans y avaient compris que seule l'alliance avec la classe ouvrière peut leur assurer la prise de possession des terres. L'intelligentsia et la petite bourgeoisie citadine, d'abord enthousiastes pour une révolution démocratique-bourgeoise, étaient de plus en plus pour la révolution socialiste.

Le bouleversement qui a suivi la défaite, a emporté la Monarchie Austro-Hongroise. Les classes dominantes de la Hongrie devaient assurer en toute indépendance le maintien de leur régime. Mais elles étaient politiquement et économiquement mal préparées pour une telle tâche. Voilà pourquoi elles cherchèrent une fois de plus le secours et le soutien de l'étranger, et les Empires Centraux s'étant désagrégés, elles s'imaginèrent les trouver auprès des Puissances de l'Entente. C'est ce qui explique la hâte avec laquelle capitalistes et grands propriétaires fonciers offrirent leur aide et leur soutien au Conseil National et au gouvernement de Michel Károlyi. Ces derniers voulaient maintenir et consolider la société bourgeoise grâce à l'appui de l'Entente, dont ils espéraient l'aide militaire pour mater la révolution prolétarienne qui mûrissait. Or, si les Puissances de l'Entente se proposaient effectivement d'anéantir le bolchévisme, ce n'était pas avec le concours de la Hongrie,

mais avec celui des gouvernements de Tchécoslovaquie, de Roumanie et de Yougoslavie.

A la fin de la première guerre mondiale, les leaders sociaux-démocrates en Hongrie, comme dans le monde entier, considéraient comme leur tâche essentielle la conservation de la société bourgeoise menacé par la révolution prolétarienne, se préparant même à des répressions militaires, comme cela apparut à l'occasion des événements de Salgótarján en janvier 1919, de l'expulsion des communistes des Conseils Ouvriers et de la provocation du 20 février 1919. Pourtant, la social-démocratie hongroise de droite, à l'opposé de la social-démocratie allemande, n'engagea jamais des combats armés contre les communistes, d'abord parce qu'elle n'osait pas agir ouvertement devant la classe ouvrière hongroise, dont la majorité avait adopté les idées de la Révolution d'Octobre, ensuite parce qu'il existait dans les milieux dirigeantes du Parti social-démocrate, et jusqu'à la proclamation de la République Soviétique de Hongrie, une opposition de gauche, devenue plus tard communiste, et enfin parce qu'une répression ouverte supposait le secours de la bourgeoisie hongroise et étrangère, mais, pour le raison que nous venons d'exposer, la sociale-démocratie hongroise ne pouvait pas compter.

Pour terminer, L. Réti a analysé les raisons principales qui avaient fait, que la République Soviétique de Hongrie était la première à suivre l'exemple de la Révolution d'Octobre. Ce sont, d'après l'orateur, une certaine analogie entre les structures sociales de la Russie et celles de la Hongrie, ce qui avait créé chez les travailleurs hongrois une forte prédisposition à adopter les idées de la révolution prolétarienne ; la situation politique internationale ; en raison de laquelle les classes dominantes hongroises ne pouvaient espérer de secours que du côté de l'Entente, secours qui leur fut refusé ; la faiblesse relative des sociaux-démocrates hongrois et l'activité du parti révolutionnaire, communiste de la classe ouvrière. Le Parti Communiste de Hongrie démasqua devant les masses les attaches du gouvernement social-démocrate bourgeois avec les exploiters et démontra que ce gouvernement était incapable de défendre les droits et les aspirations nationales du peuple hongrois. Il amena les travailleurs à reconnaître que les leaders sociaux-démocrates de droite étaient les défenseurs du régime capitaliste et dénonça leur politique. Le mérite imprescriptible du Parti Communiste de Hongrie consistait à s'emparer du pouvoir en mars 1919, alors que les circonstances historiques offraient cette occasion au prolétariat. La Grande Révolution d'Octobre avait ouvert la voie à la transformation du monde à l'inauguration d'une ère nouvelle de l'humanité. L'une des étapes les plus importantes conduisant à cette nouvelle ère fut la création de la République Soviétique de Hongrie, dont l'existence démontra, une fois de plus, que l'époque des révolutions prolétariennes était arrivée et que, d'autre part, les pays capitalistes les plus évolués n'étaient pas nécessairement les premières à réaliser le passage du régime d'exploitation au régime socialiste.

Après la conférence de L. Réti un compte-rendu complémentaire a été fait par Gy. Millei, membre de l'Institut de l'histoire du Parti Communiste, sous le titre : «La lutte de la section hongroise du Parti Communiste (bolchévique) de Russie en 1918 pour la fondation du Parti Communiste de Hongrie». Dans l'introduction Millei a souligné que la classe ouvrière hongroise n'avait de parti combattant, révolutionnaire ni avant la première guerre mondiale, ni pendant celle-ci. Ceci, malgré l'activité de plus en plus intense

des masses et la crise politique des classes dominantes qui auraient exigé la création d'un tel parti. A la suite de la première guerre mondiale et de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre les prisonniers de guerre hongrois en Russie pouvaient se familiariser avec le Parti Bolchévique ; l'exemple de ce dernier a permis la naissance du nouveau parti révolutionnaire de la classe ouvrière hongroise : le Parti Communiste. Un certain nombre de prisonniers de guerre hongrois avaient pris connaissance du programme du Parti Bolchévique et avaient commencé à le propager dès avant la révolution d'Octobre ; quelques-uns d'entre eux (Béla Kun, Ferenc Münnich etc.) adhérèrent au Parti Bolchévique.

Après le soulèvement d'octobre dans tous les centres importants de prisonniers de guerre des organisations socialistes et révolutionnaires des ouvriers et des paysans hongrois se constituèrent. Les membres les plus révolutionnaires de ces organisations fondèrent, le 24 mars 1918 la Section Hongroise du Parti Communiste (bolchévique) de Russie, ce fut la première organisation communiste hongroise. La section accepta la Plateforme théorique et pratique du Parti Bolchévique et se fixait comme but de propager des idées communistes et de lutter contre le réformisme. L'activité de la section a créé les conditions préalables de la constitution du Parti Communiste de Hongrie. En quelques mois, dans beaucoup de grandes villes se formèrent, les unes après les autres, les cellules de la Section Hongroise du Parti Communiste de Russie. La cellule hongroise engendra la vie du parti, elle organisa des réunions, et des écoles pour la propagation des idées du Parti Bolchévique et de Lénine, édita brochures et journaux. Dès avril 1918 l'organe central de la Section Hongroise du Parti Communiste de Russie, «Szociális forradalom» («La Révolution Sociale»), parut deux fois par semaine, son tirage atteignait quinze à vingt mille exemplaires. La section édita en hongrois Le Manifeste Communiste, plusieurs ouvrages de Lénine et une brochure de Béla Kun intitulée : «Que veulent les communistes?» Cette brochure résumait pour la première fois en hongrois les thèses de Lénine. La Section Hongroise du Parti Bolchévique déployait une activité multiple ; ses adhérents s'efforçaient d'acquérir l'idéologie et l'expérience du Parti Bolchévique et jetaient les bases de l'application de cette idéologie et de cette expérience en Hongrie. Ils mirent en relief les phénomènes démontrant que le régime capitaliste était arrivé, en Hongrie également, au stade de l'impérialisme et comprirent que, dans ces circonstances la réalisation de la révolution prolétarienne et de la dictature du prolétariat étaient à l'ordre du jour. Ils proclamaient que seule la classe ouvrière pouvait diriger cette révolution ; ils reconnaissaient aussi la nécessité d'une alliance durable avec la paysannerie, la nécessité de l'expropriation sans indemnisation des grandes propriétés (mais ils prirent position contre le partage des terres). Ils poursuivaient une lutte acharnée pour démasquer la politique des leaders sociaux-démocrates de droite, en démontrant que la Parti social-démocrate de Hongrie ne représentait pas les intérêts des masses exploitées : et que ces masses avaient besoin d'un nouveau parti qui fut révolutionnaire et communiste. La Section Hongroise du Parti Bolchévique établit aussi, quelles étaient les forces sur lesquelles on pouvait compter en Hongrie, en vue de la constitution du Parti Communiste de Hongrie.

Réunie le 4 novembre 1918, à Moscou, la conférence des communistes hongrois prit la décision de former le Parti des Communistes de Hongrie. Au cours de cette même mois de novembre, la Section Hongroise envoya en

Hongrie deux cents communistes, agitateurs et simples militants ; en mars 1919 ce nombre atteignait trois cents. Les chefs du groupe communiste hongrois repatriée de Russie Soviétique (Béla Kun, Tibor Szamuely, Ferenc Jancsik, Sándor Kellner etc.), étaient les fondateurs et les combattants éminents du Parti des Communistes de Hongrie, constitué le 20 novembre 1918, par le groupe des socialistes révolutionnaires et les sociaux-démocrates de gauche.

Prenant ensuite la parole, I. Tóth, un des vétérans hongrois de la Révolution d'Octobre évoqua ses souvenirs, sur un ton vibrant de sincérité et d'enthousiasme. En 1917, M. Tóth se trouvait dans un camp de prisonniers en Russie, avec des camarades de différente nationalité. Le camp était souvent fréquenté par des agitateurs appartenant à des partis et des groupements différents, mais les plus écoutés étaient les communistes qui se prononçaient sans équivoque en faveur du partage des terres. En octobre 1917, les bolchéviques visitèrent à nouveau le camp, la plupart des prisonniers hongrois se joignit alors à eux et les suivit à Moscou. Ils participèrent au siège du Kremlin et aux combats de rue, nettoyant certains quartiers maison par maison. Blessé au cours de ces combats, M. Tóth une fois remis, reprit la lutte et participa aussi aux guerres d'intervention.

Cette évocation très chaleureusement accueillie fut suivie par un compte-rendu complémentaire de J. Györkei et d'A. Józsa, membres de l'Institut d'histoire militaire, portant le titre : «Internationalistes hongrois dans la Grande Révolution d'Octobre et dans la guerre civile de Russie». Pendant la première guerre mondiale — souligne l'exposé — les Russes avaient fait plus de deux millions de prisonniers, dont à peu près un demi million de Hongrois. Les antagonismes de classe se répercutaient jusque dans les camps de prisonniers. Les prisonniers de guerre hongrois considéraient comme leurs alliés naturels les ouvriers et les paysans russes qui travaillaient avec eux. De plus en plus nombreux étaient ceux qui voyaient dans le renversement du régime capitaliste et féodal la seule issue à la guerre et à la situation catastrophique qu'elle engendra. Au printemps de 1916 commença le rassemblement des prisonniers de guerre hongrois sur la base des principes marxistes. Le compte-rendu a exposé par la suite l'activité militaire des prisonniers de guerre hongrois pour la victoire de la révolution prolétarienne et dans les combats pour l'écrasement des contre-révolutionnaires à l'étranger et à l'intérieur du pays. Les prisonniers de guerre hongrois prirent part aux soulèvements les plus importants, comme à celui de Pétrograd, en octobre 1919, à celui de Moscou en novembre de cette même année, aux manifestations et aux combats à Penza, à Astrakhan, à Saratov, à Orenburg, à Tomsk, à Irkoutsk, à Tachkent.

Au printemps de 1918 commença l'intervention militaire des Puissances de l'Entente. Les unités internationales de l'Armée rouge, constituées en vertu d'une résolution du Congrès, tenu en avril 1918 des prisonniers de guerre et des émigrés politiques en Russie on joué un rôle primordial dans les luttes contre les armées d'intervention. De nombreux Hongrois se trouvaient dans le commandement des premiers unités internationales. (Jenő Viernemann, Gerendás, Gyula Varga, Lajos Gavró, Gyula Nikli, Sándor Kellner, Ferenc Münnich etc.) A Omsk s'était constituée une unité hongroise de la Garde Rouge, commandée par Károly Ligeti. Les Hongrois, avec Béla Kun à leur tête, prirent part à l'écrasement de l'émeute contre-révolutionnaire de Moscou, en 1918.

La proclamation de la République Soviétique de Hongrie incita les anciens prisonniers de guerre hongrois à de nouveaux combats. Avec l'Armée rouge internationale ils accoururent à Kiev, pour gagner la Hongrie révolutionnaire. Mais l'émeute de l'Ataman Grigorieff et l'activité des bandes de Piètloura firent échouer ce projet.

En 1919, plusieurs milliers de soldats rouges hongrois prirent part aux opérations militaires d'Orlov et de Kromks et sur les fronts de Fergana et de Séméritscheff. Pour repousser l'attaque des «pans» (seigneurs) polonais, la Section Hongroise du Parti Communiste (bolchévique) de Russie envoya 20% de ses adhérents sur les divers fronts. Les Hongrois prirent part aussi à la défaite infligée aux troupes de Wrangel : la bataillon internationale de Máté Zalka combattit sur les forteresses de Pérékop ; Béla Kun était membre du Conseil Militaire du Front du Sud.

Pour terminer, les auteurs du compte-rendu ont attiré l'attention de leurs auditeurs sur de nombreux problèmes relatifs à l'histoire des internationalistes hongrois.

L'orateur suivant, M. Vinke, ancien membre de la Section Hongroise du Parti Communiste (bolchévique) de Russie relata ses expériences de la Grande Révolution d'Octobre. Typographe, il fut fait prisonnier, à l'âge de vingt-six. En captivité, il apprit à connaître et à aimer les ouvriers et les paysans russes. Le printemps de 1918 le trouva dans un camp de prisonniers près de Moscou, où il apprit qu'on cherchait un typographe. Il se présenta ; gagna Moscou et arriva dans la Section Hongroise du Parti Communiste de Russie, au moment où celle-ci lança son organe «Szocialista forradalom» (La révolution sociale) Il travaillait à l'imprimerie de cet organe, logé, nourri et payé par ses camarades hongrois. Il rencontrait souvent Béla Kun et Tibor Szamuely. M. Vince évoqua en termes particulièrement chaleureux la mémoire de Lénine, qu'il a souvent vu de près. Lénine avait confiance dans les Hongrois — dit-il — c'est ainsi que le 1er mai 1918 ce furent les combattants hongrois de la Garde Rouge qui assurèrent sa défense personnelle. Les anciens prisonniers hongrois de l'armée russe se trouvant alors à Moscou, ont aussi pris part aux combats révolutionnaires. Lors de l'émeute contre-révolutionnaire de juillet 1918, la Poste Centrale de Moscou fut reprise par un détachement de 160—180 soldats, auxquels Lénine exprima ses remerciements personnels. A la nouvelle de la révolution d'octobre 1918 de Hongrie M. Vinke rentra dans son pays. Il y arriva en décembre 1918 pour travailler dans le Parti Communiste à Cegléd. Après la proclamation de la République Soviétique de Hongrie, il devint membre du Tribunal révolutionnaire de Cegléd. Arrêté après la chute de la République Soviétique de Hongrie, il passa trois ans dans la prison de Kecskemét.

Dans son compte-rendu complémentaire, intitulé : «Les échos des mouvements révolutionnaires de Russie dans les lettres écrites par les travailleurs hongrois aux prisonniers de guerre», Mme S. Gábor, collaboratrice de l'Institut de l'Histoire du Parti, relata la fondation, les attributions et l'activité de la Commission impériale et royale chargée de la censure de la correspondance des prisonniers de guerre, ainsi que les documents qu'elle nous a laissés. La Commission résumait tous les mois les lettres envoyés de Hongrie aux prisonniers de guerre en Russie, et sur la base des lettres faisait des rapports sur la situation et sur les sentiments politiques des différents milieux de la population. Les rapports, qui citent de nombreux extraits de

lettres sont devenus des documents historiques de première importance. Analysant les rapports de la Commission impériale et royale de censure, Mme Gábor a montré la profonde influence que la Révolution d'Octobre exerça sur les travailleurs hongrois. Les rapports de juin et de juillet 1917 rendent compte d'une effervescence générale de la population : quant aux extraits de lettres joints aux rapports, ils expriment l'espoir de voir la révolution russe apporter la paix. Après la victoire de la Révolution d'Octobre cet espoir se précise, dans les lettres on retrouve de plus en plus la pensée suivante : «La Russie, c'est la paix!» Il apparaît dans ces lettres, qu'il existe en Hongrie une sympathie générale envers les prisonniers de guerre russes, que l'on se refuse à considérer comme des ennemis. Les pourparlers d'armistice de Brest-Litovsk étaient suivis avec une grande attention par les auteurs des lettres. Beaucoup d'entre eux estiment — à juste titre — que les ambitions impérialistes des Puissances de l'Europe centrale constituent l'obstacle majeur de la conclusion de la paix. En janvier 1918, la nouvelle de la suspension des pourparlers d'armistice provoque, en Hongrie, une grève politique générale. «Ici il y a grève générale et vraisemblablement la révolution ne tardera pas à éclater» lisons-nous dans les lettres. Le traité de paix séparée du 3 mars 1918 permit le retour des prisonniers hongrois de Russie, mais des lettres envoyés de Hongrie préviennent ceux-ci des dangers qui les attendent : «Beaucoup de monde est rentré de Russie ; après une permission de quatre semaines, ils partent de nouveau au front, donc en Russie!» — écrit-on. Or, la plupart des repatriés de Russie propageaient des idées et organisaient des mouvements révolutionnaires. A propos de la deuxième grève générale politique de juin 1918 on lit dans le rapport de la Commission de censure : «Si la grève a pu avoir lieu, c'est aussi l'œuvre de la révolution russe de l'année dernière, qui a suscité de secrètes aspirations chez les ouvriers.» Dans le rapport de septembre 1918 on lit : «Si nous considérons le bolchévisme importé de Russie par les prisonniers de guerre, nous avons toutes les raisons de craindre que la fin de la guerre ne soit suivie par de graves excès.» Et en octobre 1918 c'est le prolétariat hongrois lui-même qui mit fin à l'effusion du sang hongrois pour les intérêts étrangers, faisant triompher par la suite la République Soviétique de Hongrie.

Le dernier compte-rendu de la séance solennelle a été lu par Z. Baksay, membre de l'Institut d'histoire près l'Académie Hongroise, sous le titre : «La Grande Révolution Socialiste d'Octobre et les ouvriers des usines de Csepel.» Dans l'introduction de son compte-rendu le rapporteur a constaté que le développement des usines Manfréd Weiss de Csepel, spécialisées dans la fabrication du matériel de guerre, avait pris une ampleur considérable pendant la première guerre mondiale. En même temps, les salaires et les conditions de travail des ouvriers des usines s'aggravaient de plus en plus. A partir de 1916, les ouvriers de Csepel répondirent à l'aggravation de l'exploitation par des grèves de plus en plus fréquentes, d'abord pour obtenir l'amélioration de leurs conditions de travail et de vie, puis, devant l'échec de ce mouvement, ils décidèrent de s'engager sur des voies nouvelles. Ils entrèrent en relation avec le Comité interprofessionnel, organisé au sein de l'Union nationale des employés de l'industrie et des transports. Le comité soulignait la nécessité d'une activité ardente contre la guerre. A partir de ce moment-là, la lutte pour la paix s'intensifia dans les usines de Csepel, elle se manifestait constamment par une agitation continuelle contre la guerre, par la distribution de

feuilles volantes et de tracts, et par des sabotages et des grèves. La plupart des grèves eut lieu dans les usines de petites munitions et dans les cartoucheries, mais comme elles ne gagnaient pas l'ensemble des usines, la direction peut en venir à bout en faisant appel à la troupe. Les grévistes les plus intransigeants furent mobilisés.

Poursuivant son exposé, Z. Baksay analysa l'influence des révolutions de Russie sur les ouvriers de Csepel. Après la révolution de février 1917 ceux-ci constatèrent qu'ils n'étaient pas seuls dans leur lutte pour la paix ; après la Révolution d'Octobre ils reconnurent de plus en plus qu'il ne suffisait pas de mettre fin à la guerre, c'est le régime capitaliste lui-même qu'on devait renverser. Dès lors éclatèrent des grèves de plusieurs jours qui gagnaient toutes les usines de Csepel : on exigeait ouvertement qu'on mit fin à la guerre et qu'une paix séparée fut conclue avec la Russie. Ce fut à Csepel que sur l'initiative du Comité interprofessionnel des Usines s'organisa le premier Conseil ouvrier en Hongrie. Le 18 janvier 1918 les ouvriers de Budapest déclenchèrent une grève générale. Bien que la direction du parti social-démocrate, d'accord avec le gouvernement se prononçât le 21 janvier, pour la reprise du travail, les ouvriers de Csepel ne cédèrent pas, et seule, l'intervention de la troupe mit fin à la grève. Cependant l'agitation ouvrière continua. Dès la fin de février les grèves recommencèrent. En juin 1918 une grève générale de huit jours démontra la ferme décision des ouvriers de renverser le régime capitaliste. Comme l'a montré la suite des événements, leur lutte fut couronnée de succès.

La séance solennelle de l'Académie fut clôturée par une courte allocution de I. Kubitsch, chef de section de l'Institut de l'histoire du Parti Communiste près le Comité Central du Parti Ouvrier Socialiste Hongrois.

Plusieurs autres rapports figuraient encore à l'ordre du jour de cette séance solennelle, comme celui de F. Mucsi sur l'influence de la révolution russe de février 1918 en Hongrie, celui de V. Sándor sur la dislocation de la Monarchie Austro-Hongroise et la Grande Révolution Socialiste d'Octobre, celui de Mme Zs. Nagy sur les mouvements révolutionnaires dirigés contre la guerre en Transdanubie, mais ils n'ont pu être lus faute de temps. Ils seront publiés dans le procès-verbal imprimé de la conférence solennelle.

*

Le 5 et 6 novembre 1957, l'Académie des Sciences de Hongrie a organisé une séance solennelle à l'occasion du quarantième anniversaire de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre. Y ont assisté notamment Gy. Kállai, ministre de la culture, P. T. Komaroff, chef de la délégation du gouvernement soviétique séjournant à Budapest, M. N. Djavornokoff, membre correspondant de l'Académie des Sciences de l'Union soviétique et L. Ligeti, vice-président de l'Académie des Sciences de Hongrie, qui présidait la séance.

Devant la salle archi-comble de l'Académie des sciences de Hongrie M. N. Djavornokoff a salué l'assistance. Ensuite M. E. Molnár est monté à la tribune pour prononcer son discours intitulé «La Grande Révolution d'Octobre», et dont nous avons publié le texte dans les numéros 1 et 2 des *Acta Historica*.

Faisant suite à la séance solennelle de l'Académie Hongroise, la Section des Sciences sociales et historiques de l'Académie Hongroise a donné une série de conférences, dont la première a été tenu par Gy. Göncöl, chef

de section de l'Institut d'économie politique, sous le titre de «Économie et politique dans la théorie de Lénine sur l'imperialisme».

Cette conférence a été suivie par l'exposé de V. Sándor, chef de section de l'Institut d'histoire près l'Académie des Sciences de Hongrie, sous le titre : «La dislocation de la Monarchie Austro—Hongroise et la Grande Révolution d'Octobre.»

Dans l'introduction le rapporteur a souligné que dans l'année même où éclata la première révolution russe, dans les pays multinationaux d'Europe orientale et dans les Balkans une nouvelle ère révolutionnaire s'ouvrit. C'était ainsi que la plupart des nationalités de la Monarchie Austro—Hongroise engagèrent la lutte pour la liquidation de l'absolutisme. Les nationalités opprimées luttèrent surtout pour se libérer de la domination austro—hongroise et pour s'unir à leurs frères de langue.

La force motrice des mouvements nationaux était constituée par l'évolution capitaliste des nationalités. Dès lors l'existence de la Monarchie Austro—Hongroise, État multinational, dépendait de l'essor des mouvements démocratiques et bourgeois pour l'indépendance des nationalités et des peuples voisins. L'un des liens les plus forts entre les États de la Monarchie Austro—Hongroise était le dualisme entre l'Autriche et la Hongrie. Or, après la révolution russe de 1905, le régime dualiste des classes dirigeantes austro—hongroises s'affaiblit de plus en plus sous les coups de boutoir des mouvements nationaux sans cesse s'intensifiant. Les deux classes dirigeantes — autrichienne et hongroise — prévoyaient des solutions opposées à la crise de l'Empire. L'affaiblissement de la domination autrichienne en Autriche flattait l'amour-propre national des classes dirigeantes hongroises, qui se considéraient de plus en plus comme les véritables dépositaires du pouvoir sur les peuples de l'Empire des Habsbourg, aussi elles voulaient conserver le dualisme en s'efforçant d'y obtenir un rôle dirigeant. Les classes dirigeantes autrichiennes voyaient au contraire la cause de la crise de la Monarchie dans le dualisme et se proposaient de le remplacer par une forme renouvelée du centralisme autrichien.

La dislocation de la Monarchie Austro—Hongroise se trouva ainsi préparée d'une part «d'en bas», par le mécontentement pré-révolutionnaire des minorités nationales dû à la non-satisfaction de leurs aspirations bourgeoises et démocratiques, d'autre part «d'en haut», par la crise des classes dirigeantes autrichiennes et hongroises.

Parallèlement aux problèmes intérieurs de la Monarchie Austro—Hongroise et en étroite indépendance avec ceux-ci, les tendances de la politique internationale latèrent, dès 1905 la disagrégation de la Monarchie. Au début de l'époque de l'imperialisme l'évolution capitaliste de la Monarchie avait été bien plus lente que celle des pays occidentaux, son capital financier était sous la dépendance du capital financier des pays impérialistes, surtout de celui de l'Allemagne, elle était donc dans l'impossibilité d'assurer des sphères d'intérêts et des colonies à son capital. Pendant les deux guerres balkaniques, la Monarchie Austro—Hongroise avait beaucoup perdu de son prestige de grande puissance ; et se trouva, à la veille de la première guerre mondiale asservie à l'impérialisme allemand. Pour empêcher sa dislocation, la Monarchie avait conclu une alliance militaire avec l'Allemagne. Aussi les Puissances de l'Entente voyaient-elles dans le soutien moral et matériel des mouvements nationaux de la Monarchie Austro—Hongroise et des pays balkaniques un moyen d'affaiblir l'Allemagne. Certains milieux de l'Entente attribuaient

même une importance démesurée à ces mouvements (surtout à ceux des Slavons et des Tchécoslovaques) au point qu'ils croyaient au début de la première guerre mondiale en la désagrégation immédiate de la Monarchie.

Le rapporteur analyse par la suite l'influence de la première guerre mondiale et de la Révolution d'Octobre sur les mouvements nationaux. Après le commencement de la guerre, à la fin de 1914, que se manifesta, en Hongrie, le premier signe de résistance des nationalités, la majeure partie des minorités nationales et leurs établissements de crédit, ayant refusé de souscrire l'emprunt de guerre. Dès 1915 et 1916, les soldats des détachements tchèques, roumains et ukrainiens passèrent de plus en plus nombreux dans le camp des russes. Dans les territoires situés à proximité des fronts la population allogène aidait les opérations militaires des adversaires de la Monarchie. En représailles, le commandement suprême de l'armée austro-hongroise et le gouvernement hongrois firent évacuer la zone frontalière croato-slovène dans un rayon de quarante kilomètres et de nombreux procès de haute trahison furent intentés.

Après la Grande Révolution Socialiste d'Octobre les mouvements nationaux deviennent de plus en plus intenses. L'Appel à la paix lancé par la Russie Soviétique qui désignait le principe des nationalités comme étant l'un des principes les plus importants de la solution des questions politiques d'après-guerre, eût une influence décisive sur le développement des mouvements nationaux qui menaçaient l'existence même de la Monarchie Austro-Hongroise. Cette prise de position amena la France et l'Angleterre à accepter à leur tour le principe des nationalités.

Le fait que le principe des nationalités ait été accepté comme un des principes essentiels de la vie internationale d'après-guerre, et du règlement des questions en suspens, a intensifié les mouvements nationaux opposés au maintien de la Monarchie Austro-Hongroise. Dès ce moment-là ces mouvements s'associèrent de plus en plus étroitement avec le mouvement ouvrier et dans certains cas, ont abouti à la résistance armée.

Sous l'influence de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre, les masses prolétariennes, les paysans et les soldats des deux nations dirigeantes de la Monarchie Austro-Hongroise exigèrent la fin de la guerre. Le mouvement pour la paix, le pain et la terre s'est élevé au niveau d'une révolution démocratique et bourgeoise, qui cherchait à anéantir le régime politique en vigueur. Les émeutes militaires dans l'arrière du front se multipliaient, le nombre des déserteurs croissait sans cesse.

Les derniers soutiens de la Monarchie Austro-Hongroise, à savoir le système du dualisme, l'armée austro-hongroise et l'armée allemande s'écroulèrent à leur tour. La Grande Révolution Socialiste d'Octobre mûrit la conscience des masses travailleuses de la Monarchie Austro-Hongroise et le dernier obstacle s'opposant à l'anéantissement de la Monarchie était écarté.

La révolution démocratique et bourgeoise de Hongrie balaya non seulement le règne des Habsbourgs, mais aussi la classe des grands propriétaires fonciers et des grands capitalistes. Elle fit accéder au pouvoir une coalition composée du parti de la petite bourgeoisie et de celui de la classe ouvrière, à direction droitnière. Le nouveau gouvernement se retira aussitôt de la guerre.

Cette série de conférences a été clôturée par un rapport d'I. Kovács, directeur adjoint de l'Institut des sciences politiques et juridiques près l'Académie Hongroise, sous le titre : «La première Constitution soviétique.»

Une conférence intitulée «Analogies et différences dans le développement agraire de type prussien en Hongrie et en Russie dans la seconde moitié du XIXe siècle» fut tenue par P. Zsigmond Pach, professeur à la Faculté des Lettres de Budapest, à l'occasion de la séance solennelle de la Faculté d'Économie Politique «Karl Marx».

Dans son introduction le conférencier a évoqué les divers types de développement capitaliste de l'économie agricole. Le type «classique» de l'économie agraire se trouvait réalisé en Angleterre où l'accumulation primitive des capitaux subordonnait entièrement les rapports agricoles aux intérêts du mode des productions capitalistes et où les salariés agricoles se trouvaient en face du capitalisme agraire du propriétaire foncier (landlord). Lénine, de son côté, distingue deux types de développement capitaliste dans l'agriculture, la voie «prussienne» et la voie «américaine». Ces types, dont il a donné une analyse fouillée, ne ressemblent pas au type classique «anglais». Dans le cas de la voie prussienne, de l'économie foncière féodale on passe graduellement à une économie agricole de type bourgeois (économie des «junkers»), tandis que dans le cas de la voie américaine le paysan lui-même devient le principal représentant de l'économie agricole, en devenant «fermier capitaliste». En dehors de la Prusse, la voie prussienne était la tendance générale du développement capitaliste de l'économie agricole dans les pays de l'Europe orientale, donc en Russie et en Hongrie. Voilà pourquoi, dans la seconde moitié du XIXe siècle le développement agricole de la Russie et celui de la Hongrie suivent une voie sensiblement analogue, malgré quelques différences.

L'orateur a poursuivi en retraçant l'évolution de l'économie agricole en Russie. La réforme agraire de 1861 avait assuré les conditions d'un développement de type prussien : la répartition des domaines avait gardé son caractère féodal, mais les propriétaires foncières s'engageaient petit à petit, dans la voie du capitalisme. L'agriculture paysanne qui, elle aussi, suivait cette voie, s'était entravée dans son développement par les survivances du système féodal de propriété, et du servage. Ces entraves étaient moins fortes toutefois dans les régions frontalières de la Russie où dominait le développement de type américain, l'agriculture était pratiquée, dès le début, par des paysans libres. Cependant, l'issue de la lutte entre les tendances prussienne et américaine demeura incertaine jusqu'au début du XXe siècle, surtout, parce que dans les régions qui constituaient le centre agricole de la Russie même le développement capitaliste des propriétés seigneuriales avançait très lentement : l'exploitation sur les terres seigneuriales, et surtout sur les latifundia revêtait des formes antérieures au capitalisme, plutôt que de suivre le système capitaliste. Cela s'expliquait d'une part par le fait que les propriétaires fonciers avaient la possibilité de maintenir le système économique ancien et extorquer aux paysans des prestations qui rappelaient la corvée et les autres servitudes féodales ; d'autre part par le maintien de l'absolutisme tsariste qui défendait le système agricole féodal et avec lui les procédés féodaux de l'exploitation. En effet, le point de départ du développement suivant la voie prussienne n'était pas, en Russie, une révolution, mais une réforme accomplie par des seigneurs féodaux pratiquant une économie agricole basée sur la corvée et désireux de la maintenir.

En raison de la lenteur du développement capitaliste des exploitations paysannes, la désagrégation de la paysannerie, malgré certains progrès n'en était encore à la fin du XIXe siècle, qu'à ses débuts. La paysannerie entière

voyait son adversaire principal dans le système seigneurial et dans les rapports de propriété foncière héritées du Moyen Âge et dans l'essentiel, elle prit unanimement position dans les combats dirigés contre ce système. C'est pourquoi, comme l'a dit Lénine, la Russie connut au début du XXe siècle des mouvements de paysans profondément révolutionnaires, c'est ce qui explique aussi les tendances nationalistes de la paysannerie. C'est pourquoi la question agraire s'est posée comme un problème central de la révolution démocratique et bourgeoise en Russie.

L'orateur aborda ensuite le problème du développement capitaliste de l'économie agricole en Hongrie. A la différence de la Russie la liquidation du système agricole fondé sur le servage, fut dans notre patrie le résultat de la révolution démocratique et bourgeoise de 1848. Mais la classe dirigeante de la révolution ayant été la noblesse agraire moyenne, de tendances libérales, l'affranchissement des serfs était le fait des seigneurs serviens et non pas d'un intracement démocratique des paysans : les conditions préalables d'un développement agraire de type prussien s'en trouvaient assurées, encore que la variante hongroise était plus mitigée que la variante russe. En ce qui concerne la répartition des terres et les conditions de travail de l'exploitation seigneuriale, la situation de l'agriculture en Hongrie, à l'époque de l'absolutisme autrichien ressemblait beaucoup à celle de la Russie d'après la réforme agraire. Bien que la capitalisation des grandes propriétés en Hongrie fut plus développée qu'en Russie, dans la plupart d'entre elles les méthodes d'exploitation antérieures au capitalisme y étaient également prédominantes. Le remboursement des dettes, de vivres, de grains et de semence ou d'argent, sous forme de prestations de travail, les prestations pour payer la terre que l'on cultive, formes qui correspondent aux indemnités féodales des produits agricoles, y étaient courants.

Le compromis de 1867 assura dans l'agriculture la prédominance du type prussien. Le maintien de la répartition des terres d'origine féodale signifiait la survivance de nombreux vestiges des indemnités de type féodal. A la fin du siècle, en même temps que le système seigneurial, beaucoup de restes de l'oppression et de l'exploitation féodales étaient encore conservés, ainsi la tâche primordiale de l'évolution historique était, en Hongrie également, l'accomplissement de la révolution démocratique bourgeoise. C'est là une concordance fondamentale avec la Russie des Tsars. Or, le régime des bourgeois et des grands seigneurs fonciers créé par le dualisme austro-hongrois non seulement maintenait les vestiges de la féodalité, mais encore il contribua, en le hâtant, au développement de type prussien des grandes propriétés foncières. L'extension des chemins de fers et la constitution capitaliste de l'organisation de crédit impulsèrent un nouvel essor à la capitalisation de l'économie agricole hongroise, surtout dans les grandes propriétés foncières. Le système fondé sur les prestations de travail, sur un outillage paysan suranné et sur les indemnités précapitalistes était de plus en plus remplacé par le salariat, par des machines et par le profit et la rente foncière capitalistes. Au début du XXe siècle, l'exploitation des grandes propriétés foncières en Hongrie, à l'opposé de celles de Russie, était basée sur le système de type capitaliste.

Le développement de l'économie paysanne était retardé par les vestiges du système féodal, mais les signes de la désagrégation de la paysannerie se manifestèrent, dès le lendemain de l'abolition du servage et après 1867, à partir du moment où les grands propriétaires fonciers adoptèrent de plus en

plus le salariat, ce procédé de désagrégation s'accéléra. Il atteignait son point culminant dans certaines régions de la Grande Plaine Hongroise, où s'était constituée d'ailleurs une forme particulière de l'évolution du type américain : en effet, la majeure partie des paysans des bourgs de la Grande Plaine Hongroise s'était affranchie en rachetant aux seigneurs les droits seigneuriaux, ceci dès avant la libération légale des serfs, leurs terres étaient ainsi moins entourées de domaines seigneuriaux que celles des paysans d'autres régions ; ce qui permettait à la paysannerie d'étendre ses terres jusqu'à la limite de ses «pusztas». Ces régions de la Grande Plaine Hongroise constituaient, à partir de 1890 des centres de rayonnement des mouvements paysans, qui, à la différence de ceux de la Russie, n'engloutaient pas toute la paysannerie, mais seulement le prolétariat rural et la paysannerie pauvre. Les points entraînants de ces mouvements étaient marqués par des grèves de moissonneurs et des valets de ferme, ce qui indiquait que le procédé de désagrégation de la paysannerie en était à un stade plus avancé en Hongrie qu'en Russie.

Pour terminer, le rapporteur dégagea brièvement les traits divergents du développement de l'économie agricole en Hongrie et en Russie, traits divergents qui rendirent objectivement plus difficile la tâche de la classe ouvrière hongroise que celle des ouvriers de Russie, à savoir l'accomplissement de la révolution démocratique bourgeoise et le passage à la révolution prolétarienne. La différence fondamentale entre la politique révolutionnaire conséquente de Lénine et des bolchéviques russes d'une part et la direction opportuniste et révisionniste du Parti social-démocrate hongrois de l'autre explique pourquoi cette tâche historique n'avait pas été réalisé pendant si longtemps en Hongrie.

Un compte-rendu complémentaire a été lu ensuite par P. Sándor «docens» à la Faculté de Lettres de Budapest, sous le titre : «Les problèmes posés par le développement agricole de type capitaliste en Russie et en Hongrie.» Après avoir salué l'esprit d'initiative du rapport de P. Zsigmond Pach, qui en analysant les traits concordants et divergents du développement agricole de type capitaliste en Russie et en Hongrie, avait étudié une série de problèmes importants de l'histoire agricole, P. Sándor a souligné que les sources de l'histoire agricole des temps modernes ne sont pas suffisamment étudiées et que nos connaissances relatives à l'histoire agricole hongroise de la seconde moitié du XIXe siècle sont assez modestes, c'est pourquoi nous sommes encore dans l'impossibilité de donner à ce sujet des conclusions générales absolument valables. Puis il engagea une polémique avec P. Zsigmond Pach sur trois sujets, soulignant que le rapport de P. Zsigmond Pach en affirmant la prédominance des prestations de travail sur la pratique du salariat, attribue une trop grande importance aux vestiges du régime féodal en Russie au début du XXe siècle. Une statistique de Lénine, utilisée d'ailleurs aussi par P. Zsigmond Pach dans son rapport, pour l'ensemble de la Russie d'Europe a démontré la prédominance du salariat. Il est vrai que les restes de la féodalité pesaient lourdement sur les paysans, et que les prestations de travail étaient encore largement répandues, mais le système fondamental était déjà le salariat capitaliste.

P. Zsigmond Pach affirme que la lutte entre les tendances de type prussien et américain se décida avec le compromis austro-hongrois de 1867 ; P. Sándor de son côté estime que l'issue de la lutte était décidée dès 1848. En effet, il n'existait, en Hongrie, ni en 1848, ni entre 1849 et 1867 une classe

sociale capable de liquider le système des grandes propriétés foncières et ses vestiges féodaux, ainsi seules les conditions objectives du développement de type prussien y étaient réunies, ceci bien que pendant l'époque de l'absolutisme autrichien les anciens seigneurs féodaux et les anciens serfs aient continué à se combattre pour la possession des terres. S'il est vrai qu'en raison du développement économique et social précapitaliste de la Hongrie la liquidation de la féodalité en 1848 n'avait pu être opérée qu'«d'en haut», il restait à savoir jusqu'à quel point la liquidation de la féodalité serait conséquente, étant entendu que le système des grandes propriétés allait être conservé. Cette lutte ne se décida définitivement qu'avec le compromis de 1867.

D'ailleurs, faute de statistiques dignes de foi et établies à l'échelle nationale, il est difficile d'affirmer avec certitude la prédominance absolue du système du paiement par travail dans les grandes propriétés foncières à l'époque de l'absolutisme autrichien. M. Sándor estime pour sa part que le salariat capitaliste était prépondérant dans la plupart des domaines seigneuriaux de cet époque.

Pour terminer M. Sándor a constaté que P. Zsigmond Pach s'était abstenu d'analyser les deux types des grands propriétaires fonciers hongrois, à savoir : ceux qui administraient eux-mêmes leurs terres et ceux qui louaient à bail une partie considérable ou même majeure partie de leurs propriétés. Mais le type du rentier foncier proprement dit était assez rare, car même dans le cas extrême où la majeure partie de la propriété était donnée à bail, (comme dans le cas des Esterházy) le propriétaire administrait lui-même une certaine partie de ses terres, réalisant aussi un profit capitaliste. C'est pourquoi le système à bail tel qu'il se pratiquait en Hongrie, différait singulièrement de celui qui était en vigueur en Angleterre : le propriétaire hongrois qui louait ses terres à bail était loin de correspondre au «landlord» anglais, qui ne vivait que de ses rentes.

Dans son compte-rendu complémentaire, M. Szuhai, assistant de la chaire d'histoire de l'économie a tracé un parallèle entre les rapports de propriété paysanne hongrois et russes. Analysant les statistiques le rapporteur a démontré que l'étendue moyenne des propriétés paysannes russes était supérieure à celle des propriétés hongroises. En Russie, en raison du développement insuffisant de l'exploitation paysanne, les limites des catégories «paysans pauvres» et «paysans moyens» avaient du être fixées, (comme le fit plus tard Lénine) plus haut qu'en Hongrie. Cette différence s'explique d'une part par la différence des données géographiques, et d'autre part par le fait qu'à l'époque de l'abolition du servage les rapports capitalistes de l'économie en Russie étaient moins développés qu'en Hongrie. La différence entre le degré de développement capitaliste existant dans l'agriculture des deux pays était encore évidente même au début du XXe siècle. Des mesures de politique agricoles du même genre des lois stolipiniennes de 1906 avaient été prises bien plus tôt en Hongrie et les dispositions prises par les gouvernements hongrois en vue de fixer les paysans, ne servirent pas uniquement la création ou le renforcement des propriétés «koulaks», — comme c'était le cas des dispositions analogues de la réforme agraire de Stolipine ; — mais visaient aussi — entre autres — à assurer des ouvriers agricoles aux grandes propriétés de type prussien, plus évoluées.

P. Hanák, candidat des sciences historiques, membre de l'Institut d'histoire près l'Académie des Sciences de Hongrie a critiqué, à son tour,

certaines observations de P. Sándor relatives au système de bail de type capitaliste en Hongrie. P. Sándor avait, en effet, reproché au rapport de P. Zsigmond Pach, d'avoir omis d'analyser ce problème. P. Hanák a rappelé que ce problème avait déjà été posé dans une précédente conférence de P. Zsigmond Pach et P. Sándor en évoquant le problème du système de bail, n'a fait que répéter les conclusions de Pach. Quant au rapport de P. Zsigmond Pach, P. Hanák a exprimé son regret de voir que l'étude comparée de la marche du développement capitaliste de l'agriculture et des techniques agricoles n'y ait été que très brièvement abordée.

Dans sa réponse, P. Zsigmond Pach, tout en acceptant la critique de P. Hanák concernant le problème des techniques agricoles, a refusé d'une façon détaillée les thèses soutenues par P. Sándor. Quant à l'importance des vestiges du régime féodal dans l'agriculture russe au début du XXe siècle, il ne s'agit pas de la «prédominance» du salariat ; (ce qui est évident, à l'époque qui a suivi l'affranchissement des serfs) mais du fait que dans les centres agricoles de la Russie l'économie des propriétés seigneuriales était encore fondée plutôt sur les prestations de travail et sur d'autres vestiges des redevances féodales que sur le salariat. Lénine, dans les oeuvres datant de la première révolution russe, a souvent souligné ce fait, en mettant en garde contre la surestimation du degré du développement capitaliste de l'agriculture russe ; les spécialistes soviétiques de la question (Dobrovski, Choumiloff, Emeiliah et autres) partagent son opinion. De même les statistiques publiées par Lénine dans son oeuvre intitulée : «Le développement du capitalisme en Russie» montrent que la prédominance de l'économie capitaliste était très nette dans les territoires industriels du centre de la Russie et dans les régions frontalières, tandis que dans les territoires purement russes, c'est le paiement en travail qui dominait.

Quant à la voie spécifique du développement capitaliste en Hongrie, a continué P. Zsigmond Pach, P. Sándor suppose à tort que la question eut été tranchée dès 1848, elle ne le fut qu'en 1867, alors que se termina l'ère de la révolution bourgeoise en Hongrie. En ce qui concerne plus particulièrement le développement de l'économie agricole, la lutte des tendances de type américain et de type prussien n'était pas décidée en 1848, même si les seules conditions objectives du développement de type prussien étaient réunies ; le degré de la liquidation du système féodal dépendant précisément de la lutte des propriétaires fonciers et des paysans, et — objectivement — de la lutte des tendances de type américain et de type prussien, mais cette lutte, comme le reconnaît aussi P. Sándor, a continué après l'échec de la révolution 1848 jusqu'à la fin de l'ère de la révolution bourgeoise.

Quant à l'hypothèse de P. Sándor, selon laquelle la plupart des grandes propriétés était de type capitaliste dès l'époque de l'absolutisme autrichien, elle ne fait que corroborer les thèses du rapport relatives aux traits divergents du développement agricole en Russie et en Hongrie, mais ne réfute nullement la prédominance du système des prestations de travail du métayage et des autres vestiges féodaux existant dans la plupart des propriétés seigneuriales hongroises, et surtout dans les propriétés moyennes à l'époque qui a suivi la révolution de 1848.

En ce qui concerne le système à bail de l'économie agricole de type prussien, la prise de position de P. Sándor ne nous a pas donné satisfaction sur un certain point ; d'une part, parce qu'il n'a pas indiqué la source dont

il avait emprunté ce problème, d'autre part, parce qu'en parlant du système de bail, il n'a cité que des faits hongrois, ne cherchant même pas à les confronter aux faits correspondants du développement russe, c'est à dire à les appliquer au problème donné.

Il est d'autant plus réjouissant de voir que l'intervention de M. Szuhay ait abordé le fond du problème qui fait l'objet du rapport et qu'il ait réussi à le développer.

*

A la séance solennelle organisée par la Faculté des Lettres de l'Université Loránd Eötvös, pour commémorer le quarantième anniversaire de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre, le professeur Gy. Székely a tenu une conférence à «Quelques problèmes relatifs aux débuts du deuxième servage et la guerre paysanne de 1514». Le conférencier a d'abord retracé l'évolution du droit de libre déplacement de la paysannerie. Les débuts de la liquidation de ce droit remontent au règne des Hunyadis, qui, tout en se prononçant en sa faveur, le suspendirent pour quelques années. Après leur mort, les grands propriétaires fonciers enlevèrent les serfs en nombre illimité, quant à la noblesse moyenne et roturière il les retint en violation de la loi. L'échec de la révolte des paysans de 1514, entraîna la suppression *de jure* du droit de libre déplacement des paysans. Cet état, qui après la défaite de Mohács (1526) devint de plus en plus un système général, fut appelé avec raison «servage perpétuel».

Cependant, l'évolution du droit de libre déplacement n'explique pas à elle seule la «Jacquerie» des paysans hongrois : l'explication en réside dans le caractère de l'économie paysanne et dans les changements du système des redevances féodales.

A la fin du XVe siècle la classe dirigeante intensifia ses efforts en vue de l'acquisition des profits de la production marchande, et de la participation directe au commerce des marchandises. Les lois de 1492 et de 1498 sur l'extension de la levée du «neuvième» des grains et du vin tendaient à rendre possible aux seigneurs terriens le placement des produits de leurs serfs. Ces lois menaçaient surtout certaines couches sociales des bourgs et partiellement aussi certaines couches des villes dans leur production de marchandises. Quoique de nombreuses indices tendent à montrer que les habitants des bourgs et les preneurs à bail des villes ne s'acquittaient pas de la redevance, les lois en question facilitaient le commerce des vins des propriétaires fonciers féodaux. Le commerce du vin seigneurial s'efforçait de pénétrer dans les villages, réduisant ainsi les possibilités d'écoulement des paysans viticulteurs. Le droit du débit de vin des seigneurs fonciers était acquis ; il limitait sérieusement les droits de vente des paysans. La tendance à assurer le privilège du débit de vin aux seigneurs fonciers avait apparu dès au cours du XVe siècle, mais elle ne devint une source lucrative de revenus qu'après la défaite de Mohács. Les seigneurs fonciers avaient d'ailleurs divers moyens pour se procurer du vin, ils défendaient à leurs serfs de vendre leur vin jusqu'à la Saint-Michel, les forçant ainsi à le vendre à eux ; il arrivait même qu'ils confisquassent le vin aux serfs réfractaires. En somme, le plupart des vins vendus par les seigneurs fonciers provenaient de la propre récolte des serfs. Ces faits expliquent pourquoi jusqu'à la moitié du XVIIe siècle, du point de vue à revenus, l'exploitation accrue des droits seigneuriaux représentait un facteur égal à l'économie allodiale.

La conférence s'est poursuivie par l'analyse des problèmes de l'économie allodiale fondée sur la corvée. Au début du XVe siècle cette économie n'était pas encore répandue en Hongrie. Au cours du XVe et au début du XVIe siècle l'importance de la corvée agricole n'augmenta que très lentement, les dispositions de la loi de 1514 elles-mêmes n'étaient pas observées. Le caractère restreint de celle-ci est indiqué aussi par le fait que le nombre des terres servies abandonnées était très élevé même dans les domaines où se trouvaient des biens allodiaux, qui montre que ces terres servies n'avaient pas été incorporées aux terres allodiales. A la fin du XVe et au début du XVIe siècles c'est surtout le système des redevances en grains qui est pratiqué, en raison de l'importance grandissante de la production marchande. Au cours du XVIe et du XVIIe siècles, les seigneurs fonciers firent accroître leurs terres allodiales soit par le défrichage des forêts et des briches, soit aussi par l'expropriation des terres servies. En même temps la corvée s'aggravait et débordait petit à petit les cadres prescrits par la loi de 1514.

Les paysans des villages ayant perdu leurs terres allaient travailler dans les bourgs où, par la suite, le pourcentage des ouvriers des champs était plus élevé que dans les villages ; ils constituaient parfois la moitié de la population. La plupart d'entre eux travaillait comme journalier agricole. Le travail à la journée était rendu possible par la demande de main-d'œuvre des terres prises à bail et des vignes des paysans riches des bourgs et des villes ; mais aussi en raison de la situation particulière des grandes propriétés foncières. Quand la corvée ne couvrait pas les besoins des seigneurs féodaux, ils devaient payer la main-d'œuvre en espèces (comme l'a fait l'évêché d'Eger à la fin du XVe siècle).

Dans la production marchande en Hongrie l'élevage jouait un rôle primordial. L'élevage en grand et l'exportation des bestiaux prenait le pas sur la production céréalière en grand. L'exportation s'effectuait surtout en direction de l'Ouest et du Sud-Ouest. L'élevage était particulièrement important dans les gros bourgs à population bourgeoise de la Grande Plaine Hongroise, bourgs qui étaient en plein essor et allaient devenir des villes.

Le conférencier aborda ensuite l'analyse du développement de l'industrie dans les bourgs. A la fin du XVe et au début du XVIe siècles les bourgs avaient une industrie relativement développée et des corporations surgirent même dans les bourgs d'une importance moyenne. Pour constater le pourcentage des artisans dans les bourgs, le seul moyen dont nous disposons, dans la plupart des cas, c'est l'analyse des noms des serfs. Or, l'emploi des noms d'artisans n'était pas du tout homogène, les opinions des spécialistes diffèrent sur la question. D'après Gy. Székely jusqu'à la fin du XVIe siècle, il n'y existait pas encore de noms de famille constants en Hongrie, et les noms désignant une profession et employés soit comme patronymes, soit comme prénoms peuvent être considérés comme désignant la profession de leurs porteurs. Ce qui, entre autres, distinguait les bourgs des villages, c'est que dans les premiers vivait un nombre relativement élevé d'artisans, indice du développement industriel des bourgs. L'armée de mercenaires du roi Mathias avait déjà été équipée par des artisans des bourgs. La conquête de la Grande Plaine Hongroise par des Turcs arrêta le développement des bourgs, la disparition des habitants des villages, qui se rendaient habituellement dans leurs marchés, retarda longtemps leur développement industriel ; les bourgs reprirent alors leur caractère agricole.

Pour terminer, le professeur Gy. Székely a souligné que pour bien comprendre la jacquerie de 1514, il faut lier l'analyse générale de la société de la Hongrie médiévale aux recherches d'histoire locale. Quand on cherche les causes de cette jacquerie, outre les antagonismes et les luttes violentes qui se manifestent dans l'économie des terres serves et des bourgs, les recherches historiques doivent suivre avec une attention accrue les phénomènes qui montrent la désagrégation de l'économie des terres serves et la caractère féodale, réactionnaire de cette désagrégation, de même que les tentatives d'utiliser l'essor de la production des marchandises en faveur de la réaction féodale. Ainsi la guerre paysanne de 1514 aboutit en dernière analyse à la lutte des deux tendances du développement féodal, à savoir la féodalité fondée sur la corvée et la paysannerie libre anti-féodale, tendant vers le développement bourgeois.

*

Les travaux des séances solennelles montrent que les efforts des historiens hongrois relatives à la recherche des rapports internationaux et hongrois de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre ont d'ores et déjà de nouveaux résultats.

COMPTE RENDU DE LIVRES

C. A. Macartney : October Fifteenth

A History of Modern Hungary, 1929—1945. Edinburgh 1956. 1—2.

1

C. A. Macartney, Professor of International Relations, University of Edinburgh, has written a two volume book of nearly a thousand pages on the history of Hungary between 1929 and 1945. The author begins with the onset of the economic crisis of 1929—1933 in the counter-revolutionary Horthy regime and ends with the downfall of the regime at the end of World War II.

This epoch is a very important one in the history of modern Hungary, and has not been treated adequately so far by the historians. Although a comprehensive appraisal of the history of this epoch has been made by our national historiography and many important problems were resolved, especially, with regard to their economico-historical implications, there has been no monographic treatment of the political history by Hungarian historians of a scope similar to Macartney's book. Therefore, the monographic period between 1929 and 1945 is, no doubt, a serious and worthy undertaking, especially if approached abroad where Hungarian sources — above all archival sources — are available only on a limited scale.

2

Macartney begins his book with bibliographical notes. We must follow him along this way in order to become familiar with his source-material, its character and reliability, as well as with the sources bearing on the history of this epoch, which are available only in the West, and either unknown or little known in Hungary.

The author depends on primary sources only to a limited extent. Besides the material of the contemporary Hungarian press — a considerable part of which he himself collected when the events treated in his book occurred — the most important source, having at the same time an archival character, is the *Sz. I. MS.* As to the contemporary Hungarian press, it is, of course, an indispensable, but not basically important source for historical works of such a character. Of course, the confidential documents to be found in the National Archives of Hungary are very important, and their collation with the news of the contemporary press is — as experience proves — very useful, since the chief purpose of them was the control of the press according to the concepts of government circles. The *Sz. I. MS.* is a substantial collection of Hungarian Foreign Ministry documents, covering mainly the period from 1938 to 1943. The collection is selective — as mentioned by the author — and has been made with a view to demonstrating the Western connections of Hungarian foreign policy. This renders unavoidable a certain bias and prejudice overshadowing the genuine historic panorama. From the point of view of character and source value, we should treat similarly the documents placed at the disposal of the author by the ex-Prime Minister Miklós Kállay, the ex-Minister in London Barcza and the ex-Minister in Belgrade and Berne Bakách-Besseney. These documents are essentially reproductions of official political correspondence of the above-mentioned persons. The

bias referred to above with respect to the selected Foreign Ministry documents, that is the unilateral focusing of attention on the documents reflecting the western orientation of Hungarian foreign policy, is still more to be felt in the processing of the relevant data, principally the reports of the Ministers in the West. Another source which, from the formal point of view, must be considered as a primary one, is the Diary of Ferenc Szálasi, used by Macartney. However, its value as an authority is practically useless, for it contains principally Szálasi's flights of wit. The primary sources are completed by the notes of the Under-Secretary of State István Bárczy, reproducing the minutes of Ministerial Councils. The study is based to a large extent on the published collections of German and, partly, British diplomatic documents. The author was, of course, in a far better position than any Hungarian research worker to exploit the relevant data beyond the published collections. However, he did not avail himself of this possibility, although the more than 200 archival batches of documents of the ex-German Legation in Budapest, the documents of the South-East European Section of the German Foreign Ministry and the documents of the British Legation in Budapest could well have rounded off the primary sources of the work, dealing with all facets of Hungarian Foreign Policy during World War II.

The author utilized the printed sources published in Hungary after World War II, up to 1948. However, this source-group is circumscribed. It covers in essence reports of war criminal trials in Hungary published in print, the *memoirs* of Vilmos Nagy of Nagybacon, ex-Minister of Defence, József Darvas' book *Város az ingoványon* which is a fictional work and merely of a semi-historical nature, and some recollections of lesser value, as for instance apologetic pamphlets published at the time of the Paris Peace Conferences and having but little source value.

The author has freely drawn on the printed sources published abroad after World War II. Thus, he utilized the records and

documentation of the Nuremberg war criminal trials (in this connection we may mention that he used also that part of the trial of Edmund Veessenmayer, German Chief Commissioner in Hungary, which did not appear as yet in print). Furthermore, he strongly depended on personal records of Miklós Horthy, Miklós Kállay and other Hungarian ex-politicians living in the West, as well as on the recollections of ex-leading politicians of Hungary's neighbour-countries and of German politicians and military leaders, who figured in Hungary during the epoch dealt with or who had some connection with Hungarian affairs. Finally, the writer included in his printed sources articles which were published, after World War II, in the Hungarian émigré press — *Látóhatár*, *Hadak útján* — and some irrelevant books published after the war and treating the Hungarian situation during the war (e. g. *A Magyar Katona a Második Világháborúban* by the avowed fascist, V. Adonyi). Their value as source-material is negligible, as they are articles and books written *post festa* in a journalistic style, subordinating statement of facts to the strongly biased points of view of the contemporary Hungarian émigré groups in the West.

Professor Macartney, in order to bolster his statements, relies strongly on his personal conversations with Hungarian and German politicians, who played an important role in Hungarian events during the Horthy regime. He called on every person in the West who had anything noteworthy to do with the events in Hungary, from Miklós Horthy to Otto Habsburg, from Miklós Kállay to Edmund Veessenmayer, from Tibor Eckhardt to Rahn. The compilation and use of these personal messages have an unquestionable value for Hungarian historians too, for they can constitute a useful complement to the inadequate, and partly destroyed archival material of the epoch, bearing on domestic policy during the pre-war period, as well as on the contradictions within the ruling classes. At the same time, their use is the chief weakness of the book, for the author draws on them as a fundamental

source. One must not forget that the persons in question, with a very few exceptions, are anxious to excuse their political role or to present it in a more favourable light, and their messages are therefore questionable. At the very best, information so obtained should have been sifted seriously by the author, but, unfortunately, this happened only in a few instances.

The author makes scant use, or none at all, of the findings of the Hungarian Marxist historiography covering this period and published after 1949. The work gives evidence of the use of an abridged version of the book of Gyula Kállai, *The Hungarian Independence Movement*, and of Dezső Nemes's *The Liberation of Hungary*. He does not use the material — not to speak of synthetic essays attempting a comprehensive evaluation — published in 1953 and covering the period of 1919—1921, of the first volume of the series *Papers on the History of Counter-revolution*, nor the treatise *White Terror*, published in 1951, nor the paper published in English in 1954 in the *Acta Historica* on the situation of the working class, the peasants and middle-classes between 1920 and 1937, etc. (Access to the economic-historical monographies, recently published, was, of course, impossible for the author.)

To sum up: Professor Macartney has, generally speaking, thoroughly drawn on sources which were at his disposal abroad, with the limitations mentioned above. But these sources do not lend themselves outright to the construction of a general picture truly reflecting historical reality: therefore they cannot make up for the lack of the use of Hungarian archival source-material (the confidential political and politico-economic material of the Foreign Ministry, papers of Miklós Kozma, the private material of the Hungarian Telegraphic Agency, etc.).

3

Before beginning the exposition of his circumscribed subject and in order to lay the foundations of the historic framework, Macartney outlines, in the introductory chapters of his book, the history of Hungary

starting with the bourgeois revolution of 1848—1849 and the epoch following the defeat of the War of Independence.

His brief summary of the Compromise Era (beginning with the Austro—Hungarian Compromise of 1867 and ending with the end of World War I) testifies to the author's awareness of many important economic and social problems of this epoch. He points for instance to the unsolved problems of the nationalities and land distribution; the denial of political rights to the broad masses of people and their economic exploitation; the development of the Jewish question in Hungary; the composition and social role of the Hungarian "middle-class", etc. As to the revolutions in Hungary of 1918 and 1919 — that is another story; Macartney devotes merely one or two pages to this brief, yet extremely important period, accepting uncritically the official — and reactionary — Hungarian point of view of the inter-war period which, in its abhorrence of even a western-type bourgeois democracy, put a sign of equality between the bourgeois revolution of October 1918 and the proletarian revolution of 1919.

The author gives a more detailed account of the period from 1920 to 1929, devoting four chapters (Chapters II—V) to it. These chapters, too, contain some very pertinent remarks referring to important problems. The author underscores the importance and role of the clandestine associations which sprang up like mushrooms after the counter-revolution came to power, the problem of the impoverishment of the middle-class, the still unresolved agrarian problem, etc.

The author is right in asserting that two groups contended within the ruling classes for power in Hungary between the two wars, and that these two groups had formed, already at the time of the proletarian revolution and the Republic of Councils, around two counter-revolutionary centres: Vienna and Szeged. The Viennese counter-revolutionary group rallied substantially those politicians from big landowners' and capitalist circles, who had played a more or less important role in the Compromise Era between

1867—1918, and who strove, in 1919, to restore, with the least possible change, the pre-1918 regime. On the other hand, the Szeged group consisted of politicians belonging to the gentry and the officers staff, who had played an important role in the counter-revolution following the defeat of the Republic of Councils, although their former activity and political influence was negligible. The latter were inclined to initiate and support political and social changes which — far from being of any structural character — were suited for creating a base among the broad masses of people, and strengthened their political and economic influence. Although the author makes no attempt at either analysing the social forces standing behind the Viennese and Szeged concepts or pointing to their strong interconnections and transitions — and, consequently, he is not always able to assess the importance and role of this struggle in the shaping of the home and foreign policy of the country—his point of departure is in our opinion nevertheless correct and his distinction undoubtedly had its historic role. An adequate historical elaboration of the correct theme would of course require—over and above a thorough class analysis—the examination of the Hungarian social strata of that time from another angle than that of the author. For Macartney narrows down the driving forces of Hungarian society to the point where the forces standing outside of the circles mentioned above do not exist for him or do not, at least, play any important role in the development of Hungarian political affairs. The bourgeois-democrats, the Populists and the Social-Democrats—not to speak of the Communists—signify scarcely nothing to the author, and while he followed with meticulous care all doings of Bethlen, Gömbös and their retinue, he bypasses the working classes of Hungary and virtually excludes them, in consequence, from the history of the country.

We should lay particular stress on the characterization of the Government Party established by Count István Bethlen, the Unity Party, and on the whole Bethlen Era,

in the chapters covering the period between 1920—1929. The author shows, in these sections, the anti-democratic nature of this “most liberal” epoch of Hungary in the inter-war period, and draws attention to the fact that Bethlen established under his own control what was in effect a parliamentary dictatorship (Vol. I. pp. 62—63). The politicians and deputies of the Unity Party were merely puppets in the hands of Bethlen (“This Party . . . a serviceable and willing instrument of Government.” Vol. I, p. 48), etc. Macartney concludes, too, that “The Bethlen ‘camp’ . . . represented the ‘haves’ against the ‘have-nots’, and amongst the former, the larger ‘haves’ against the ‘smaller’”. (Vol. I, p. 61.)

4

The treatment of the period between 1929 and 1945 begins with Chapter Six and covers about 900 pages. We have no place for a detailed review and a sketchy review would not be expedient, for drawing on substantial source-material, these chapters deal copiously, and thoroughly with the events of this epoch in the field of both home and foreign policy. Therefore we shall attempt here to stress some details where the author publishes new particulars known only in part to the Hungarian historians, chiefly referring to problems of home policy.

The dissertation of Macartney with regard to the formation of the first Gömbös Government is very interesting. No doubt, the Hungarian historians did not take note of the Bill of Incompatibility of Prime Minister Count Gyula Károlyi which had, according to the author, a decisive role in the fall of Károlyi and in the appointment of Gömbös. Therefore the statement of the author that Gömbös obtained the support of big capital interested in rescinding the Bill, seems to be acceptable. Equally important is the section in which the author describes the background to Gömbös public announcement (that he, the leader of the “Anti-Semites” had, as Prime Minister, revised his views on the Jewish question). According to the author, Gömbös entered, a day or

two after his appointment as Prime Minister, into negotiations with Samu Stern, President of the Jewish Community, a prominent representative of big capital. After secret negotiations, a protocol was signed under which the Hungarian Jews recognised and approved of Gömbös' "progressive policy", while Gömbös promised to carry that policy through without detriment to the Jews' material interests (Vol. I, p. 117). Even with due consideration for these important points of view, we have the impression that the author does not devote sufficient attention to the attempts by which Gömbös tried to form his first Government exclusively from his own men, or to the circumstances which led to the formation of a mixed government (consisting partly of old followers of Bethlen's party, and partly of Gömbös' retinue). In this connection, copious material can be found in the "Kozma papers" (the legacy of Miklós Kozma of Leveld, Minister of the Interior in the second Gömbös Government) in the National Archives of Hungary.

The historical description of the prelude to the formation of the second Gömbös Government in 1935 (the antagonism between Bethlen and Gömbös, the secret pact between Gömbös and the leader of the Smallholders' Party, Tibor Eckhardt, etc.) is equally interesting, although rather in its particulars than in its interconnections.

The collaboration of Gömbös and Eckhardt of the Smallholders' Party, with a view to rising to power, can be traced back to 1931. The National Archives of Hungary possess a letter written by Endre Meccsér, in 1931, in which he offers advice concerning the form of collaboration between Gömbös of the Government Party and Eckhardt of the Opposition, in order to implement the programme of the anti-Semites. (In his letter, Meccsér warned them about personal wrangling which could, in his opinion, compel Eckhardt eventually to defend the Constitution against the dictatorial ambitions of Gömbös. This eventually happened.)

The analysis of the circumstances leading to the downfall of Gömbös is also worthwhile mentioning. It is generally known that

Gömbös was, in the summer of 1936, already a defeated man. Although formally he was still Prime Minister, Kálmán Darányi was already the *de facto* head of the Government. Some political antecedents of the programme of Győr, unknown up to the present, are also given etc.

According to Macartney, Prime Minister Darányi got in touch with Szálasi, in February 1938, and tried to learn the conditions under which the Arrow-Cross Party would co-operate with the Government. No full agreement was arrived at; but a promise was given that only legal methods would be resorted to both by the Government and the Arrow-Cross Party in their struggle against each other. Further negotiations ended with an agreement that the Government would, at the next elections, give a certain number of seats in Parliament to the Arrow-Cross Party. But the negotiations leaked out and Horthy, who hated Szálasi because the latter aimed at his position, dismissed Darányi for this reason—according to Macartney. The author—in flat contradiction to the opinion based on information at our disposal—explains Horthy's broadcast on 4th April by this fact and not by the Anschluss. However, his data fall short of convincing us.

The author explains the resignation of Imrédy's first Government by reasons of foreign policy, and not by the well-known reasons of home policy. In his opinion the German—Italian *démarche* of November 20, 1938, which banned military action in Rutenia, and not discord in home policy caused the activity of the so-called Dissidents (Deputies having left the Government Party). In our opinion, Macartney underestimates here the contradictions which prevailed in home policy. But it cannot be denied that his analysis concerning the possibility of the formation of a Government by the Dissidents is very interesting.

An attentive study of Macartney's book highlights — notwithstanding all efforts of the author to the contrary — the real, and condemnable role Miklós Horthy played in Hungary's home and foreign policy. The second Gömbös Government—a major shift

of the Right admitted even by the author—was formed with the support of Horthy. Nor is Horthy's role more praiseworthy in the formation of the second Imrédy Government, whose proclamation of the December 18, 1938 was a major step towards fascism in Hungary, in both home and foreign policy. Other instances in point were: the resignation, in the autumn of 1940, of Prime Minister Teleki, which he explained—according to the author—by the fact that Horthy had supported the German General Staff against him; the message sent by Hitler to Horthy on March 27, 1941, declaring his willingness to satisfy Hungarian revisionist claims against Yugoslavia, whereupon Horthy wrote — despite the protests of Prime Minister Teleki — his famous letter. (The letter was printed for the first time in the above-mentioned book of Vilmos Nagy of Nagybacon, *Fateful Years*.) On top of all this came the well-known activity of Horthy on March 19, 1944, when he promoted the fulfilment of the Margarethe Plan in favour of the Germans and handed over power to Ferenc Szálasi on October 16, 1944.

Macartney describes in remarkable detail Kállay's contact with the Western Allies. He traces practically hour by hour, Horthy's attempts to withdraw from the war in the autumn of 1944. All these facts contribute new and fascinating particulars to the historiography of the epoch and makes the book a thorough and exciting work.

5

The well-grounded character of Macartney's book is, unfortunately, limited by the fundamental conception of the author and his objectives based on it: the defence of Hungarian policy during World War II.

Macartney, dealing with the period between 1939—1945—which is covered by the greatest part of the work and considered by the author as of main importance, — gives a summary and far from satisfactory outline of economic history. Then, disregarding important social and other problems, and even his own former and correct remarks

on the regime, he attempts to depict events in Hungary during World War II in hindsight, from the angle of reactionary circles of the West in 1956, whose main object in the field of foreign policy was directed against the Soviet Union. This policy aimed at an ultimate war with the Soviet Union, and not at reconciliation and peaceful co-existence. From the angle of this conception, Macartney tries subsequently to excuse every step undertaken by Hungary during World War II in either home or foreign policy, which was directed against the Soviet Union or the revolutionary forces within Hungary. And he does so even in instances when these steps were directed—at least objectively—in the given historical situation, also against the Western Allies.

How do these ideas of the author manifest themselves in the historic presentation of the period in question? First of all, in the field of source criticism. In this respect, there are sharp contrasts and discrepancies in Macartney's work. While the author handles sources in an impeccable way on many issues which have no bearing on his fundamental political concept or are not closely interrelated (e.g. in the presentation of the events of October 15, 1944, he does his best to establish the facts, carefully to sift all data and compare the most diverse sources with each other), he virtually puts all criticism of sources aside when questions directly concern his conception. He alleges, for instance, that the Hungarian Communists were entrenched in the Arrow-Cross Party—finding only a single sentence taken from the anti-Communists book written by Dezső Sulyok, who fled from Hungary to the West, to bolster his statement. Perhaps this accounts for the fact that he—as we have already mentioned—did not use the unpublished archival material of the German Foreign Ministry, although this undoubtedly would give a fuller picture of Hungarian Foreign Policy during the war, than the *Sz. I. MS.* used by him.

Another essential manifestation of Macartney's basic idea consists in excusing and in fact justifying the Hungarian collabora-

tionist policy during the war. For the sake of this he often contradicts his former standpoint and makes statements which flatly contradict historic truth. Thus he tries to present all steps of Hungarian foreign policy which were not fully approved by Hitler—for they were not aimed at unconditionally serving German fascism, but expressed the aspirations of the Hungarian ruling circles, primarily with a view to realizing their revisionistic programme, — as distinctly anti-German steps. He presents in this way the events leading up to the occupation of Ruthenia in 1939, when he relates in detail the well-known preparations of the Hungarian ruling circles, in the autumn (November) of 1938 to the occupation of Ruthenia, which ceased on German—Italian intervention. (The papers of Miklós Kozma mentioned above give a diary-like summary of the whole plan, for Kozma was in charge of the organization of the manoeuvre.) The German intervention was, no doubt, strongly resented by Hungarian governmental and ruling circles, and although military operations were halted after November 21st, the question continued, in the field of diplomacy, to be on the order of the day. Yet it would be an exaggeration to deduct from these manoeuvres and exploratory talks any Hungarian determination to occupy Ruthenia without German consent (Vol. I, p. 334). Macartney himself refers, in another part of his work, to the standpoint of Henrik Werth who was then Chief of the General Staff. Werth declared on receiving, on March 12, 1939, German permission or rather an order to occupy Ruthenia, that they had not made, up to that time, the necessary military preparations, and since they had to take Czech resistance into account, the Hungarian Army would need some more weeks for preparations.

He displays the same unilateral tendency — as an excuse for the policy of the Hungarian Government — on the question of joining the “Steel Pact”. This “Steel Pact”, signed by Germany and Italy on May 22, 1939, included, *inter alia*, provision for a joint Permanent Military Commission to be

set up with the aim of co-ordinating military and economic preparations for war. The Hungarian Government hastened to announce, on June 28, that Hungary wished to participate in the work of the Commission. Macartney explains this haste by rumours purporting that Germany proposed, in the event of war simply to occupy the countries of South-East Europe and to place their economies in the service of the Axis war machine. It was possible, the author remarks, that these rumours were unfounded, but it was certain that Hungary “took them very seriously” (Vol. I, p. 357), and believed the occupation could be avoided by giving voluntary support to them.

However, a very important trend of Hungarian foreign policy escaped the author’s attention: The Hungarian ruling circles wanted Hungary to join the German—Italian agreement as a third and “equal” partner. A case in point was the Hungarian note drawing attention to equality of rights of Hungary in the Anti-Comintern Pact of May 24, 1939 (cf. Documenti Diplomatici Italiani, Ottava Serie, Volume XII, 180). Such steps cannot be simply regarded as made under compulsion and one cannot pass over in silence the initiative taken in this direction by the Hungarian Government.

According to Macartney, Hungary sabotaged economic service to Germany. We do not wish to enter into details on this question, especially since the author — in striking contrast with the detailed elaboration of questions in the field of home policy, foreign policy and diplomacy — superficially sketches the economic history of the epoch. In this connection, we wish to point out only such contradictions as the thesis of the author alleging that Hungary limited her exports to Germany. He aims at proving this by the fact that, in 1940, the value of exports to Germany decreased by 20% despite the rise in prices, but he disregards the fact — mentioned in a other part of his book — that the harvest in Hungary was, in 1940, extremely bad, which necessarily curtailed the exports of that year. In our opinion, quite apart from this, the

whole question requires a more comprehensive investigation. It is one question to sabotage economic service to fascist Germany — which was not really the case — and another question if the Hungarian governments attempted, during the economic negotiations, to give consideration to the Hungarian national economy, or rather to the interests of Hungarian big capitalists and big landowners — which actually happened — in the face of the unrestricted claims of the Germans aiming at the total spoilation of the country. And this is not to speak of the undisguised German attempt, which prevailed up to 1941 — the beginning of the anti-Soviet war — to hold back Hungarian industry. But after 1941 they needed— besides the agricultural produce—the war production of the Hungarian industry too. In connection with the cession of Northern Transylvania to Hungary in 1940, Macartney declares that “Hungary paid no secret price for forcing her own wishes through” (Vol. I, p. 425), “Germany made no conditions or demands during the negotiations, except the Volksgruppe agreement” (Vol. I, p. 426). However, the author himself enumerates, a few pages later, the series of measures — from the joining of the Tripartite Pact to the repeal of Order 3400 — with which Hungary had to pay for the Second Vienna Award. It is of course possible that, during the negotiations preceding the Award, the Germans did not put forward new claims in direct connection with the cession of territory; but it was generally known that Hungary would have to pay a stiff price for the Award. Prime Minister Teleki himself knew about this fact and the denial of it merely proves the readiness of the author to use methods unworthy of a historian, in order to excuse the policy of the Hungarian ruling circles in World War II.

The policies of the Hungarian governments during World War II undoubtedly have common traits. To these belong the anti-Soviet policy and a stubborn refusal of any internal change affecting the system. Yet no equality sign can be put between the policies of Teleki and Bárdossy, or Bárdossy

and Kállay, respectively, with regard to Hungarian foreign policy vis-à-vis the Western Allies. Although we do not consider Teleki's suicide and Bárdossy's appointment as a turning point in Hungarian politics either, we cannot agree with the approach of Macartney tending to efface all differences between the two political lines — and of course the grave political responsibility of Bárdossy (Vol. 2, p. 3). We should add that it is not by chance that Kállay depicts, in his *memoirs* published abroad, the anti-national policy of Bárdossy in a far more realistic manner, even if he does it primarily to present his own political line in a better light.

Macartney constructs apologetic explanations for nearly all activities of the wartime governments of Hungary. He completely understands, for instance, the attitude of Horthy and the ruling circles regarding the dismemberment of bourgeois-democratic Czechoslovakia, an ally of the Western Powers who was left in the lurch by them. As far as the most shameful act of wartime Hungarian policy is concerned, that is, participation in the action against Yugoslavia, he assumes the point of view that the fault of Hungarian diplomacy consisted, in formulating the text of the Treaty of Eternal Friendship, of failure to construct an adequate formula concerning changes in Yugoslav home policy, etc. Macartney condemns the British Government, too, for having broken off diplomatic relations with Hungary.

The work does not deal much with the anti-minorities policy of the Horthy regime. Apart from the description of the notorious massacre in Újvidék (Novisad), there is hardly a hint about these questions. Depicting the situation in Ruthenia, he confines himself to mentioning the fact that the territory did not obtain the promised autonomy, but remained to the end under military administration. Without entering into particulars, we must point out that the Hungarian military authorities executed 200 men between March 15 and 25, 1939, as proved by the Kozma material. No doubt,

Macartney's living sources did not boast about these deeds, but even if sources outside this country did not facilitate exhaustive research in this connection, persons well-informed on the history of this epoch were fully aware of the grave crimes for which the Hungarian ruling classes were responsible. Macartney deals briefly with this question — a fact which can be explained only by lack of desire to probe it deeply.

Macartney approves of and endorses Kállay's plan for the spring of 1944, providing for the occupation of the Carpathians by Hungarian troops before the arrival of the Soviet Army. According to the plan, the Hungarian troops were to declare that they would not participate in any more battles, except the defence of the country's frontiers, Hungary would not formally declare her willingness to conclude a peace with the Allies, nor would she break off relations with Germany, but she would not tolerate German soldiers on her territory and would grant only a minimum of economic support to Germany; in return, the Soviet troops would avoid Hungary. In our opinion, the impracticability of this plan was manifest with respect both to the Germans and the Soviet Union. However, the correctness and "cleverness" of a conception cannot, from a historical standpoint, be established merely on a logical basis and in a vacuum, but only with due regard for the concrete historical conditions, on the ground of historical reality.

The author characterizes, in detail, the chief political individuals of the epoch, and scrutinizes their personality which is, of course, both important and indispensable for a historical monography of this kind. We do not agree with every characterization of Macartney, but we must dwell on this topic because of his description of Szálasi. The sympathetic approach of Macartney, who was a friend of Pál Teleki, towards Szálasi is something remarkable. We are at a loss to find any explanation for his standpoint when he declares the following, in connection with Szálasi's demagogic and empty plan "Carpathian-Danubian-Great Fatherland", which not a single serious Hun-

garian politician, or any sensible person ever took seriously: "Any student of Central Europe will recognise in it simply one more of the innumerable plans which innumerable Hungarians from Eötvös and Kossuth to Jászi, Mihály Károlyi and Pál Teleki have elaborated for organizing the Danube basin . . ." (Vol. I, p. 161). However, we must add that the author's friend, Pál Teleki, who was a scholar in spite of his reactionary political views, and who was hated by the unscientific, deranged Szálasi, would certainly be ashamed of being placed on the same plane with Szálasi.

We cannot help wondering whether the author did not discover any contradiction between his portrayal of Szálasi and his last chapter covering the regime of Szálasi. According to Macartney, Szálasi is one of the most fascinating figures in the history of modern Hungary. In our opinion, any historian striving to record the historical truth should at least be puzzled by the fact that Szálasi eventually received his power from the Germans and acted to the bitter end as the last puppet of fascist Germany. Is it possible to take seriously the statement of the author that the innumerable crimes and murders committed during the regime of Szálasi were perpetrated without his consent and knowledge? What blindness is required for a British historian of this epoch to forget, on the pretext of the anti-Communist struggle, the attitude of the Arrow-Cross Party as opposed to the Western Powers, as well as the responsibility of Horthy and, later on, of Szálasi for the atrocities committed against British and American airmen.

The book deals extensively with Horthy's attempts to break away in the autumn of 1944. The author wanted, in selecting the title for his book, to express the importance he attributed to October 15, 1944 in the history of Hungary. He devotes nearly 150 pages to the period from the end of August to October 15, 1944, with a view to presenting the tragedy of Horthy through the failure of his attempt to break away. However, even the most unbiassed reader of this chapter

will be left without any impression of tragedy. For what could be the opinion of a "statesman", who informs General Guderian — sent to him by Hitler to inquire whether rumours about Horthy's intentions to break away were founded — that in politics one must always keep two irons in the fire? We may add that we could enumerate many similar cases. How right was the critic of the *Journal of Modern History* in writing that this chapter impressed him rather as a "Comedy of Errors" than as a "tragedy". Yet, we who had to endure this epoch and are fully aware of the sufferings and damages caused to the Hungarian people by these "games" of Horthy, see clearly the tragic side of this policy: It was the tragedy of a people plunged into war by Horthy and his followers, for the sole reason of upholding and extending their rule.

After all has been said and done, it is no wonder that Macartney treats the labour movement, especially the Communist Party, with hatred. No one wishes to allege that the Communist Party in Hungary — which had to work under the most difficult circumstances of illegality — was, during the inter-war period, a broad mass party. In any case, its political influence, although circumscribed, substantially exceeded its organizing weight. However, the author makes light of the role of the Communist Party, scarcely deigning to even mention it up to the time of World War II. Later on, when he could not avoid dealing with the role of the Communists in the Hungarian independence movement, his chief method was, beside brevity, belittling their importance, and falsifying their historic role. When it comes to discrediting the Communists, he accepts

without any criticism — as we have already mentioned — the calumniations put forward by the Horthy regime, for instance in connection with the dynamiting of the railway bridge at Biatorbágy. And he rounds them off with his own conceptions about history, in which there remains — contrary to reality — very little place for the working classes and their parties.

6

Despite its richness of material and partial results, the book of Professor Macartney bears the imprint of the anti-progressive political ideas of the author. Macartney attempts to apologize for the policy of the Horthy regime during World War II, that policy which eventually made Hungary the last satellite of Hitlerite Germany. It is not necessary to be a Marxist to reach this conclusion. Professor T. A. P. Taylor condemns, from a bourgeois democratic point of view, the anti-progressive historic conception of Macartney, in the April 6, 1957 issue of the *New Statesman*. The criterion of the value of a historian's work consists not only of the factual material and the standard of their elaboration, but also in its social impact. The book of Macartney underrates, on the one hand, the forces which fought fascism in Hungary and, on the other hand, apologizes for those individuals, who have already been condemned by history. All this, of course, is apt to mislead progressive public opinion in the West and to culminate, by failing to present a true history of this important epoch of our country in disorienting it, despite some interesting statements of partial importance.

M. INCZE — GY. RÁNKI

NOTES BIBLIOGRAPHIQUES

Textes hongrois du moyen âge. Rédigé par L. Mezey. Édition Magvető, Budapest, 1957. 433 p. (Série de la Bibliothèque hongroise)

Le choix contient les plus anciens fruits moyenagistes de la littérature hongroise. Dans la postface, L. Mezey nous rappelle que l'apparition de la littérature moyenagiste européenne en Hongrie a été considérée par notre histoire de la littérature d'hier comme une réalisation du XVIe siècle et plus précisément de la réformation et seulement selon des considérations plus hardies ont-elles été datées au milieu du XVe siècle. Cependant, d'après les résultats des recherches plus récentes nul doute existe en ce que les origines de la littérature en langue hongroise — en tant profane que religieuse — ne datent du début ou bien du milieu du XIIIe siècle. C'est ce qui s'avère juste aux lumières des documents publiés dans le volume à l'étude. Le principe directeur observé au cours du choix a été de pouvoir faire ressortir à l'aide des textes l'évolution du style hongrois moyenagiste et son développement en vigueur et en ses moyens d'expression.

Le volume est divisé en deux groupes, d'après genre, et contient la prose d'abord, ensuite les monuments en vers. Pour commencer, publication est faite de notre plus ancien monument linguistique «Halotti beszéd» (L'oraison funèbre), originaire du XIIe siècle, on présente ensuite au lecteur des traductions de Bible, des légendes, paraboles, sermons, les origines de drames et la Pieuse Rhétorique (Istenes Retorika). La succession des monuments en vers est ouverte par notre plus ancien poème Máriasisiralom (la Plainte de Marie), datant du XIIIe siècle, qui est suivi par des traductions d'hymnes moyenagistes, chants et vers liturgiques, et les vers profanes et d'incantation. Dans la postface L. Mezey fait connaître les genres et détermine la place qu'ils occupent dans l'ensemble de la littérature hongroise du moyen âge.

Par l'annexe le lecteur est renseigné du lieu de découverte des morceaux choisis publiés et tout spécialement de la littérature des chroniques qui gardent les plus anciens textes de nos monuments linguistiques du moyen âge.

Le roi Matthias dans les sources contemporaines. (Mémoires et lettres). L'introduction par L. Elekes — Textes choisis par Mme. E. H. Balázs. Bibliotheca, Budapest, 1957. XL + 202 p. (Aurora V.)

La publication est une documentation populaire de sources historiques sur Matthias Hunyadi [1458—1490], souverain remarquable de l'histoire de la Hongrie. La publication est d'une actualité particulière, le 500. anniversaire de la succession au trône de Matthias ayant été célébré cette année dans tout le pays. Dans l'introduction M. L. Elekes donne une analyse de caractère poussée du roi, de l'homme, du souverain de la Renaissance, du héros des contes populaires hongroises, du mécène des arts et sciences. En énumérant les actes du souverain, une importance particulière est mise dans l'étude à la portée des aspirations centralisatrices avec l'analyse du fond social et économique ainsi que des conditions de la politique extérieure et intérieure de cette grande tentative. Dans le cadre de cette analyse l'auteur examine entre autre les deux tendances (occidentale et orientale) du développement de l'agriculture et il en tire la conséquence que le rôle joué par les forces économiques et sociales en faveur d'une évolution plus libre était au temps du roi Matthias encore plus marquant.

Mme. E. H. Balázs, à qui nous devons le choix des sources, a groupé la matière suivant le sujet autour des événements et rapports du règne de Matthias. Dans le chapitre premier, un tableau est donné des circonstances de l'élection du roi Matthias

d'après les mémoires contemporaines. Les autres chapitres traitent des guerres menées contre le Croissant, de la politique extérieure, des relations diplomatiques, de la politique intérieure, de la cour royale, de la politique ecclésiastique, des circonstances de la mort de Matthias, en esquissant un portrait du roi en tant qu'homme d'État, stratège et personne privée. Dans le chapitre dernier, publication est faite des légendes populaires recueillies qui se sont rattachées à sa personnalité.

Les sources publiées dans le volume se composent en premier lieu des écrits, mémoires et vers des humanistes contemporains du roi Matthias — Bonfini, Galeotto, Janus Pannonius — ainsi que de la correspondance étendue de Matthias et d'autres documents de l'histoire diplomatique de l'époque. Ample publication est faite aussi en forme de citations de l'essai du grand homme d'État et stratège hongrois, Nicolas Zrinyi, écrit en 1656—57 du roi Matthias. La publication est riche en illustrations.

M. Belényessy : Sur les méthodes de recherche de notre histoire d'agriculture du moyen âge. Edition d'Agriculture, Gödöllő—Budapest, 1957. 37. p. (Études de l'histoire d'agriculture N° 1.)

L'importance capitale du rôle que joue la production des biens matériels dans l'histoire universelle n'était pas reconnue par l'historiographie idéaliste d'hier qui borna ses recherches surtout à l'analyse des motifs idéaux des faits et gestes historiques. Cette conception a eu pour conséquence que les recherches historico-économiques n'avaient pas été classées aux parties organiques des sciences historiques.

Par son étude Mlle M. Belényessy donne une vue d'ensemble sur les branches de science d'origine relativement récentes que sont l'histoire et les méthodes de recherches de l'historiographie hongroise économique et agraire. Au cours de la critique des traités d'histoire agraire du passé, l'auteur émet l'opinion que les auteurs anciens concentrèrent leurs efforts sur les activités organisatrices économiques, politiques et militaires du latifundium, c'est-à-dire sur les activités de la classe des grands propriétaires ruraux, par contre, ils négligèrent d'effectuer des recherches sur la manière de vie et sur l'agrotechnie de la paysannerie. Elle fait ressortir que l'autre cause de l'état arriéré de notre histoire économique doit être cherchée dans l'absence d'une méthode complexe de recherche, plus précisément dans l'absence de tous rapports qui auraient dû être établis entre les sciences historiques et d'autres branches

apparentées : l'archéologie, l'ethnographie, la linguistique et l'histoire de l'art. L'auteur fait connaître les expériences de la collectivité de travail récemment organisée pour l'étude de la vie agricole du XVe siècle en nous donnant une vue d'ensemble détaillée sur les diverses catégories de sources [manuscrits du moyen âge, chroniques, nomenclatures, étymologies, formules de diplômes, représentations imagées, fresques, sceaux, armoiries, incunables, calendriers, carreaux de poêles anciens, trouvailles d'orfèvrerie, etc. etc.] qui doivent être prises plus largement en considération dans le domaine des activités de recherche par les travailleurs scientifiques de l'histoire de l'économie.

G. Heltai : Écrits choisis (1552—1575) Choix de I. Nemeskürty. Éditions «Magvető» Budapest, 1957. 276 p. (Bibliothèque Hongroise.)

Issu d'une famille de la bourgeoisie saxonne, Gáspár Heltai, le plus grand prosateur hongrois du XVIe siècle n'apprit cette langue qu'après s'être familiarisé avec les idées de la Réforme. Au cours de son évolution, il traversa presque toutes les phases de la Réforme ; d'abord pasteur de l'église luthérienne saxonne, il rejoignit, vers la fin des années 1550, les partisans de l'Église calviniste, pour se mettre, à la fin, aux côtés de l'antitrinitaire Ferenc Dávid. Il passa une grande partie de sa vie comme prêcheur à Kolozsvár ; il y fonda une imprimerie, aménagea un moulin à papier et publia 45 livres en 20 ans.

Le recueil qui vient de paraître contient des passages des 4 oeuvres principales de Heltai (ses écrits théologiques n'y figurent pas). Dans son «Dialogue» (1552), inspiré d'un essai de l'Allemand Sébastien Franck, il fait l'éloge de la sobriété et de la mesure bourgeoises, face à la débauche et à l'ivrognerie. En travestissant les Fables d'Ésope (Cent fables, 1566), il exposa les doctrines sociales et morales de la Réforme et prit position contre les méthodes féodales qui s'apparentaient au vol. Son écrit le plus combattif s'intitule «Filet». Écrit en 1570, d'après un original espagnol, il dénonce les méthodes criminelles et inhumaines de l'Inquisition. Le recueil publie aussi certains passages de la «Chronique hongroise», parue en 1575, après la mort de Heltai. Dans cette dernière oeuvre, il traduisit en hongrois, en la remaniant «L'histoire de la Hongrie», écrite en latin par l'humaniste Bonfini.

Bien que ces oeuvres fussent d'inspiration étrangère, Heltai traitait ses sources avec une grande liberté et ses écrits reflètent avec fidélité les conditions qui régnaient à son

époque en Transylvanie. Ils sont tous caractérisés par les traits saillants de sa conception du monde, à savoir son opposition irréductible à la féodalité et à l'Église catholique.

La «Postface» d'I. Nemeskürty expose brièvement les principaux événements de la vie de Heltai, contient une description du contenu et de la forme de ses œuvres et explique les considérations qui ont présidé au choix des œuvres.

L. Makkai : Exploitation agricole paysanne et fermière au XVIe siècle. Édition Agriculture, Budapest—Gödöllő, 1957. 32 p. (Études de l'histoire d'agriculture N° 2.)

Dans son étude L. Makkai donne un aperçu — dans les rapports des régions septentrionales et orientales du pays — sur le plus saillant caractéristique de l'agriculture hongroise du XVIIe siècle : de la séparation de l'exploitation paysanne et fermière, plus précisément de la séparation survenue entre l'exploitation seigneuriale et paysanne. L'exploitation fermière est considérée par l'auteur comme partie du «second servage» développé en Europe orientale et l'essor de son évolution est mis dans la perspective de la transformation capitaliste de l'agriculture. Au cours de ses recherches l'auteur se penche d'abord sur le problème du fermage (l'utilisation de la terre) et des conditions du travail, il nous expose ensuite la structure de l'exploitation des propriétés fermières (allodiales) et leurs outillages techniques. Il nous donne à l'aide des relevés en tableaux le rapport et l'état de l'exploitation paysanne et fermière dans le domaine de la production végétale (production des céréales et de la viticulture), de l'élevage du bétail (chevalin et bovin, l'élevage des porcs, la bergerie et l'apiculture). Par le parallèle établi entre l'exploitation paysanne et fermière du XVIIe siècle, l'auteur tire la conclusion finale que les fermes de l'époque n'étaient autres que de grandes exploitations paysannes et qu'elles ne parvinrent à former que les prémisses et les germes des possibilités techniques inhérentes à la grande culture.

Ouvrages pédagogiques choisis de J. Apáczai Csere. Rédaction, introduction, notes et traduction des textes latins par L. Orosz. Budapest, Édition des Manuels Scolaires, 1957. 217 p. Bibliothèque de l'histoire de l'Éducation.

Le Transylvain J. Apáczai Csere est l'une des personnalités les plus intéressantes de l'histoire de la pédagogie hongroise. Né en

1625 en Transylvanie, il fit ses études supérieures en Hollande. Comme professeur, il inaugura une nouvelle phase du puritanisme en cette Transylvanie qui, depuis un siècle déjà, connaissait la vie d'un État indépendant et dont le développement politique, social et culturel différait à plus d'un égard de celui des autres parties de la Hongrie. Au moment où commença l'activité d'Apáczai, le puritanisme possédait, en Transylvanie un passé de plusieurs dizaines d'années. C'était l'idéologie qui correspondait le mieux aux intérêts des éléments paysans et bourgeois en pleine ascension : elle était propagée par des prêtres et des professeurs ayant terminé leurs études en Angleterre et en Hollande et qui voulaient obtenir la démocratisation de l'Église réformée et la réforme de l'enseignement en la rendant plus conforme aux exigences de la vie pratique. Dans l'enseignement, ils suivaient la méthode et utilisaient les manuels de Comenius. C'est la philosophie de Descartes qui exerça sur Apáczai une influence décisive, lorsque celui-ci poursuivait ses études en Hollande, et c'est sur la base de la philosophie cartésienne qu'il entreprit, en Transylvanie, la réforme du programme de l'enseignement puritain. Il voulait remplacer l'enseignement formel et unilatéral par une formation encyclopédique et par un système de connaissances universelles, en mettant l'accent sur les sciences naturelles. Il réalisa une «Encyclopédie hongroise», en s'inspirant notamment des œuvres de Descartes, de Regius, de Ramus et d'Amesius. Ce gros volume, écrit en hongrois, était destiné à servir de manuel pour le nouvel enseignement. Plus tard, en s'inspirant de la logique de Ramus, Apáczai a publié une Logique en hongrois. Il exposa ses conceptions relatives à la réforme de l'enseignement dans deux discours rédigés en latin : «De studio sapientiae» et «De summa scholarum necessitate». Dans ce dernier, il insistait — dans l'esprit du puritanisme — sur la nécessité de remplacer dans l'enseignement élémentaire, le latin par la langue maternelle, et critique vigoureusement les conditions sociales et économiques arriérées, dues aux défauts du système scolaire.

Les propositions d'esprit moderne d'Apáczai, critique passionné, l'opposèrent souvent aux milieux dirigeants ecclésiastiques et politiques de l'Église protestante orthodoxe de Transylvanie et lui valurent de nombreuses persécutions. Rien ne fut réalisé de ses projets qu'il compléta par une proposition relative à la création d'une Académie. Lorsqu'il mourut à l'âge de 34 ans, la Transylvanie indépendante en était déjà à son déclin et aucune possibilité n'existait plus de réaliser ses projets.

L'ouvrage publie les oeuvres d'Apáczai dont nous venons de faire mention, ou certains passages particulièrement importants du point de vue de la pédagogie et de l'histoire de l'éducation, avec d'abondantes notes éclairant le monde des sciences de l'époque. En esquissant le milieu hongrois et étranger dans lequel Apáczai exerça son activité, l'introduction analyse cette activité en se basant sur des recherches personnelles.

T. Wittman : La «révolution du prix» et les phases initiales des rapports du marché mondial (1566—1618). Maison d'Édition de l'Académie Hongroise de Sciences Budapest, 1957. 70 p. (Études du domaine des sciences historiques — Nouvelle série No 4)

L'auteur traite dans le livre des origines et le développement des rapports du marché mondial dans l'époque indiquée sur la base des plus récentes données de la littérature étrangère, et, plus particulièrement, les relations réciproques des unités de développement de l'Europe occidentale et orientale. Au cours de ses recherches l'auteur s'efforce de déterminer les causes économiques qui ont contribué à la consolidation du régime du «deuxième servage» en Europe centrale.

Les chapitres du livre de T. Wittman sont les suivants : «Les origines de l'époque des manufactures et des guerres commerciales» qui enquête sur certains problèmes de périodicité de la transition du féodalisme au capitalisme, ainsi que sur l'importance de la révolution néerlandaise pour toute l'Europe. Dans le deuxième chapitre intitulé «La révolution du prix, facteur spécifique de la première phase de développement du marché mondial» l'auteur fait l'analyse des répercussions dues au développement industriel des sociétés occidentales et qui résultèrent en la permanence du caractère agraire des pays orientaux. Le troisième chapitre «Nouvelles lignes de force européennes des échanges mondiaux» qui s'occupe en premier lieu du développement régulier des principales artères du commerce ouest-est, des régions méditerranéennes et de la Baltique. Dans le quatrième chapitre «Hausse des prix, dévaluation de la monnaie et l'évolution agraire en Hongrie» l'auteur met en relief les conséquences des répercussions fâcheuses et retardatrices de la révolution du prix de l'Occident dans les relations hongroises, autrichiennes et tchèques. Pour terminer, dans le chapitre cinq, intitulé «Contributions au problème des relations des domaines du développement» un vaste horizon nous est donné de la bibliographie étrangère sur la question du «deuxième servage», en esquisant les conséquences négatives de l'évolution

tardive que celle-ci avait eu dans la vie des pays de l'Europe centrale et orientale.

L'auteur émet l'opinion que malgré les différences du développement entre les pays occidentaux et orientaux, l'unité de la vie économique européenne était parvenue à un échelon plus élevé et devint plus moderne au tournant des XVIe et XVIIe siècles.

A la mémoire d'Hegel. Ouvrage commémoratif publié sous la direction de J. Szigeti. Éditions de l'Académie, Budapest, 1957. 239 p.

A l'occasion du 125e anniversaire de sa mort, les philosophes marxistes hongrois ont consacré un recueil d'études à la mémoire du grand philosophe allemand G. W. Fr. Hegel. Dans sa brève introduction de ce recueil, J. Szigeti souligne qu'en donnant une vue d'ensemble des lois du mouvement dialectique, Hegel était l'un des principaux précurseurs de la philosophie marxiste. Ce n'est pas un hasard, si, dans les commémorations organisées dans le monde entier, les philosophes marxistes ont joué un rôle si important.

L'ouvrage contient six études. La première due à B. Fogarasi et intitulée : «La conception de la contradiction dans la Logique de Hegel» analyse la nouveauté et la supériorité de la conception hégélienne de la contradiction par rapport à la logique formelle aristotélicienne et à la dialectique pré-hégélienne, et, tout en indiquant, du point de vue marxistes, certaines limites de la Logique de Hegel, le défend contre les critiques bourgeoises selon lesquels Hegel aurait fait de la contradiction logique une loi de la réalité. La seconde étude, de la plume de Gy. Lukács, s'intitule : «Le plan de la Phénoménologie de l'Esprit». C'est un extrait de l'ouvrage «Le jeune Hegel» que l'auteur a publié en langue allemande à Berlin, en 1954. Lukács s'en prend aux commentateurs bourgeois de Hegel qui ne comprenaient pas ou comprenaient mal la méthode du philosophe allemand employé dans la «Phénoménologie». Lukács démontre que la «triple marche de l'histoire» qui caractérise les méthodes employées dans cet ouvrage, n'est pas une thèse arbitraire de l'auteur, mais une conséquence nécessaire de la conviction que l'individu et l'ensemble du genre humain acquièrent en différentes phases les expériences historiques. Dans son essai intitulé : «Contribution à l'étude de la philosophie de droit de Hegel», I. Szabó, polémisant à la fois avec les appréciations bourgeoises-libérales et marxistes vulgaires de Hegel, recherche, dans la philosophie hégélienne du droit les éléments qui, placés sur une base matérialistes, peuvent contribuer au déve-

loppement d'une théorie dialectique et marxiste de l'État et du droit. I. Szabó souligne qu'une interprétation de la philosophie hégélienne du droit diamétralement opposée à l'appréciation marxiste de l'ensemble de la philosophie hégélienne est, a priori, absurde. Dans son étude intitulée : «Le rationalisme de Hegel et de Spinoza — Contribution à la problématique contemporaine du rationalisme» Gy. Nádor indique que les noms de Spinoza et de Hegel dominent deux phases successives du développement du rationalisme moderne et examine les rapports entre le rationalisme dialectique et le rationalisme ancien. L'étude de M. István Hermann est intitulée : «La pensée hégélienne dans la conception du monde des démocrates révolutionnaires hongrois.» L'auteur démontre que la conception du monde des démocrates révolutionnaires hongrois — tel Sándor Petőfi et Pál Vasvári — est la résultante de la conception de l'histoire des philosophes et des utopistes français et de la conception hégélienne de l'histoire, transmise par le mouvement «Jeune Allemagne» et le poète Henri Heine. La dernière étude du recueil, due à A. Heller, s'intitule : «La philosophie hégélienne de l'histoire et les démocrates révolutionnaires russes.» L'auteur souligne que chez les démocrates révolutionnaires russes — Belinski, Herzen, Tchernichevski — l'influence de la philosophie hégélienne de l'histoire se manifestait avant tout par la rupture avec le subjectivisme et le romantisme et par la recherche de la réalité objective. Elle indique en outre, qu'à l'origine de la polémique des démocrates révolutionnaires russes contre Hegel à propos de la question de la nécessité et du hasard se trouvait le fait que, contrairement à l'attitude purement contemplative du philosophe allemand, ils voulaient participer activement à la modification de la réalité russe de l'époque.

Zs. Trócsányi : *A propos de l'histoire du collège de Nagyenyed (1831—1841). Éditions de l'Académie, Budapest, 1957, 83 p. (Cahiers d'Histoire littéraire — N° 9)*

Fondé par Gábor Bethlen, prince de Transylvanie, le collège réformé de Nagyenyed était l'un des foyers des mouvements oppositionnels ayant précédé la révolution de 1848. L'ouvrage de M. Zs. Trócsányi évoque certains épisodes pittoresques de la lutte des étudiants de Nagyenyed pendant «l'ère des Réformes».

M. Trócsányi a placé au premier plan de son ouvrage le professeur de droit Károly Szász, personnage central de la vie du collège dans les années 1830. L'auteur analyse la

conception du monde progressiste de Szász, nourri des idées des philosophes français et cite, entre autres, un de ses articles consacrés à l'importance historique de l'insurrection lyonnaise de 1831. M. Trócsányi souligne en outre que, du point de vue pratique, Károly Szász était également progressiste, sans être révolutionnaire ; partisan de la monarchie constitutionnelle, il ne sut se hausser au niveau de l'internationalisme révolutionnaire. C'était l'un des derniers savants universels de Transylvanie ; spécialiste des sciences juridiques, il était aussi versé dans les sciences naturelles, écrivit des grammaires et des poèmes et était un pédagogue hors pair.

Le livre traite ensuite des mouvements dirigés contre les Habsbourg des étudiants de Nagyenyed. Il évoque la sympathie de la jeunesse envers les insurgés polonais de 1831 et expose en détail l'activité du «cercle de lecture» du collège de Nagyenyed où les idées de liberté, répandues par la Révolution française étaient maintenues vivaces. A propos de l'histoire des étudiants de Nagyenyed, M. Trócsányi expose constamment l'évolution de la vie politique de Transylvanie, et présente les luttes, à l'intérieur du collège, comme l'un des chapitres de la lutte des forces oppositionnelles en Transylvanie.

Textes choisis de M. Tánácsics. Rédigé par L. Geréb. L'étude d'introduction par L. et F. Vince. Édition Tánácsics, 1957 527 p. (Bibliothèque Tánácsics — 2)

Dans le volume les écrits de Michel Tánácsics, combattant hongrois pour la liberté des peuples du XIXe siècle et personnalité marquante de la révolution hongroise de 1848 sont présentés dans un riche choix aux lecteurs. Grâce à l'étude d'introduction très poussée le lecteur peut suivre le chemin mouvementé de Michel Tánácsics [1799—1884] et être renseigné de l'activité et de la qualité d'écrivain et publiciste de celui-ci. Venu du servage, Tánácsics devint un écrivain et politicien d'un renom national qui ne renonça jamais à proclamer la justice des siens, du peuple.

Pour commencer on trouve dans le volume le pamphlet de Tánácsics au sujet de la *liberté de la presse*, écrit en 1844, dans lequel il apporte toutes les raisons de la philosophie française du XVIIIe siècle pour la liberté de penser contre la tyrannie haine des Habsbourgs. Dans le deuxième pamphlet publié, intitulé «*Voix du peuple — voix de Dieu*,» écrit en 1847 et qui lui valut la prison, il exprime avec toute aptitude d'un démocrate révolutionnaire la nécessité de l'abolition de l'ordre féodal et la revendication de l'affranchissement complet des serfs sans aucune

indemnit . Le volume contient dans la suite un ample choix puis  de la Gazette des Ouvriers (*Munk sok Ujs gja*) de 1848, du journal lanc  par T ncsics deux semaines apr s sa lib ration de la prison par la r volution victorieuse de Mars. Ce journal bien que feuille populaire au d but, devint dans la suite l'organe de l'opposition au gouvernement hongrois de 1848 et a exprim  seul, jusqu'  sa suppression survenue en d cembre 1848, les revendications de la paysannerie. Des  crits dat s des ann es d'exil qui succ d rent   la chute de la guerre d'ind pendance hongroise, le volume donne deux pamphlets intitul s *Les r publicains rouges et ce qu'ils veulent* (1851) ainsi que *L'alliance de sept nationalit s* (1857). Dans le premier pamphlet T ncsics d veloppe ses opinions sur le socialisme utopiste, sur l' galit   conomique et sociale entre les gens, dans le deuxi me il lance l'id e d'un ralliement des nationalit s oppr s es par la tyrannie autrichienne, turque et russe. De la p riode d'apr s le compromis de 1867, publication est faite des articles publicistes de T ncsics  crits en tant que pr sident de L'Association G n rale des Ouvriers pour le journal intitul  *Arany Trombita* (Trompette d'or) qui portent t moignage de sa compr hension de l'interd pendance qui existe entre la classe ouvri re et la paysannerie. Pour terminer, le volume publie l'oeuvre la plus m re aussi du point de vue litt raire de T ncsics, intitul e «* letp ly m*» (Ma vie) qu'il a r dig e en plusieurs  tapes et dont les derni res parties datent de 1880.

Par la richesse des annotations la lecture du volume T ncsics devient tr s ais e.

G. G. Kem ny: *Probl mes sociaux et nationaux dans la presse militaire de la guerre d'ind pendance*.  dition de l'Institut d'Histoire Militaire, Budapest, 1957. 173 p. 2 cart.

A partir de d cembre 1848, la presse de la r volution et de la guerre d'ind pendance hongroises de 1848—49 s'enrichit d'un nouvel organe ; en vue d'assurer l'information r guli re de la population et de l'arm e, le g n ral   la renomm e l gendaire Joseph Bem lan a   Kolozsv r le journal «*Honv d*». Ce premier journal militaire fut suivi de cinq autres, en 1849, dont trois paraissaient en Transylvanie et deux dans la ville de Kom rom, investie en d cembre 1848 par les troupes imp riales et lib r es en avril 1849 par les forces hongroises de la Honv d.

L'ouvrage de G. G. Kem ny rend compte des origines, de l'histoire et de la disparition des journaux militaires de la guerre d'ind pendance de 1848—49, et, sur la base de l'analyse des diff rents articles et

compte-rendus, il essaie de montrer comment ils refl taient les principaux probl mes militaires, politiques et sociaux de la guerre d'ind pendance. Au cours de cette analyse, l'auteur souligne l'opposition entre les seigneurs et les paysans qui divisait le camp de la guerre d'ind pendance et la fa on dont cette opposition se manifesta dans les rangs de l'arm e. L'auteur expose la prise de position des diff rents journaux militaires dans la question du soul vement populaire, de la garde nationale et dans la question des nationalit s, ainsi que leurs opinions sur la monarchie et sur la r publique, sur la d ch ance des Habsbourg et sur la politique  trang re   suivre. En ce qui concerne ce dernier sujet, l'auteur souligne la sympathie de ces journaux   l' gard de la France et s' tonne du manque d'int r t   l' gard des  v nements d'Allemagne.

L'auteur insiste sur le fait que les journaux militaires constituaient la presse de gauche de la guerre d'ind pendance. Ayant surmont  de nombreuses difficult s techniques et personnelles, ils sont rest s jusqu'au bout fid les   la cause de la r volution et de la guerre d'ind pendance et pr conisaient une  volution bourgeoise   base populaire. Leur importance  tait particuli rement grande dans la derni re phase de la guerre, apr s la d claration d'ind pendance du 14 avril 1849, alors qu'ils  taient l'interpr te des sentiments r volutionnaires de l'arm e contre la r action nobiliaire, qui,   l'arri re du front, relevait la t te . . .

L' tude de G. G bor Kem ny est suivie d'une bibliographie compl te de la presse des ann es 1848 et 1849, due   M. Busa.

I. Hajnal: *La politique  trang re du gouvernement Batthy ny*.  ditions de l'Acad mie, Budapest, 1957. 132 p.

L'ouvrage de M. Hajnal est consacr  aux probl mes de politique  trang re de la premi re p riode de la r volution hongroise de 1848 (mars-septembre 1848). Durant cette p riode, le gouvernement hongrois chercha surtout   faire reconnaître par les puissances europ ennes l'ind pendance de la Hongrie en mati re de politique  trang re et, en particulier, son droit de nommer des ambassadeurs ind pendants. M. Hajnal montre documents   l'appui, comment ces efforts du gouvernement hongrois  chou rent en automne 1848,   la suite du glissement vers la droite qui s' tait op r  dans toutes les r volutions de 1848 et de la plus grande habilet  diplomatique de la Cour de Vienne.

Apr s les victorieuses journ es de mars, le gouvernement r volutionnaire hongrois chercha    tablir des liens d'amiti  avec

l'Angleterre. Cependant, le gouvernement britannique, soucieux avant tout de maintenir l'équilibre en Europe, ne voulait pas l'affaiblissement de la monarchie des Habsbourg et fut hostile aux tentatives de rapprochement du gouvernement hongrois. Dès l'été 1848, la politique étrangère du gouvernement hongrois s'orienta avant tout vers l'Allemagne unifiée et vers le Reichstag de Francfort, qui, fin août, reconnut effectivement la souveraineté de la Hongrie en matière de politique étrangère. Le gouvernement hongrois envoya alors László Teleki à Paris, avec la mission d'établir des relations diplomatiques directes entre la France et la Hongrie, mais l'énergique protestation du gouvernement autrichien, en septembre, incita les gouvernements européens à la prudence. Les espoirs placés en Francfort et en Paris se révélèrent vains.

L'ouvrage de M. Hajnal esquisse dans ses grandes lignes presque tous les grands problèmes de politique étrangère qui agitaient l'Europe de 1848. L'auteur traite notamment des tentatives prusso-hongroises de rétablir l'indépendance de la Pologne, de la question de l'Italie unifiée et du point de vue adopté à ce sujet par le gouvernement et l'Assemblée nationale hongrois. L'auteur insiste sur les grandes perspectives qui s'ouvraient, au début de l'été 1848, devant le gouvernement hongrois. A l'opposé des ouvrages précédemment parus, il souligne que la politique d'indépendance en matière de politique étrangère n'était pas uniquement celle de Kossuth, mais qu'elle était partagée par l'ensemble du gouvernement hongrois et notamment par le président du Conseil Lajos Batthyány.

Après septembre 1848, alors que la direction de la guerre d'indépendance fut assumée par le Comité National de la Défense de la Patrie, Kossuth ne fit que poursuivre la politique inaugurée au printemps et en été 1848 par le gouvernement Batthyány. Enfin, l'ouvrage de M. Hajnal montre la justesse de la Révolution et de la guerre d'indépendance hongroises de 1848—49 et aussi son tragique isolement.

«La politique étrangère du gouvernement Batthyány» est un ouvrage posthume de cet éminent historien. Dans la préface, l'éditeur retrace l'activité de M. Hajnal en tant qu'historien et pédagogue, souligne la grande valeur de son travail posthume tout en indiquant certains points problématiques de la conception qui y est exposée.

I. Révész: Quelques chapitres de la politique ecclésiastique de l'époque Bach. Éditions de l'Académie, Budapest, 1957. 212 p. (Essais d'histoire — Nouvelle série 2-3).

Vainqueur de la guerre d'indépendance hongroise de 1848—49, le gouvernement des Habsbourg avait comme objectif principal de créer une monarchie centralisée en y intégrant la Hongrie. La politique ecclésiastique poursuivie à cette époque par la Cour de Vienne avait un rôle important dans la réalisation de cet objectif.

L'ouvrage de M. I. Révész traite des répercussions, en Hongrie, de la politique du gouvernement de Vienne vis-à-vis des Églises catholiques et protestantes, dans les années 1850. Contrairement aux ouvrages précédemment parus et traitant d'un sujet analogue, l'auteur écarte délibérément tout préjugé confessionnel et présente les phénomènes religieux et ecclésiastiques en partant de la situation sociale et historique. Après avoir, suivant cette méthode, exposé les antécédants et le contenu du concordat de 1855, réglementant les affaires de l'Église catholique, l'auteur révèle les dessous historiques et la véritable destination de l'«Entwurf» et de la patente impériale (1856 et 1859) qui devaient présider à la vie des églises protestantes. Pour régler la situation de l'Église catholique, et des Églises protestantes, le gouvernement de Vienne avait en vue le maintien de la cohésion de la monarchie, mais alors que dans les conditions de la politique intérieure et étrangère donnée, il devait abandonner la conception de Joseph II et souffrir l'accroissement du pouvoir des évêques et du Pape, il soumit, à l'exemple de la Prusse, les corps ecclésiastiques autonomes des églises protestantes à une rigoureuse surveillance de la part de l'État. L'auteur a exposé en détail la résistance provoquée par la patente sur les Églises protestantes, résistance qui, en mai 1860, finit par contraindre la Cour à abandonner ses positions, préparant ainsi indirectement la chute du système absolutiste.

Contrairement aux opinions qui prévalaient jusqu'à présent, I. Révész met en relief les contradictions qui caractérisaient la résistance des protestants en 1859 et en 1860. Il démontre que le rôle dirigeant, dans ce mouvement, était joué par les «laïcs», c'est-à-dire par des aristocrates, grands et moyens propriétaires, désireux de recouvrer leurs anciennes positions. M. Révész souligne que, dans la situation historique donnée, une telle attitude était au service du progrès; elle mobilisait, en effet, le peuple de Hongrie contre l'absolutisme des Habsbourg; mais elle avait aussi des conséquences négatives, puisqu'elle renforça l'influence et le prestige des forces féodales dans la vie des Églises protestantes. Pour terminer, l'auteur souligne le rôle historique négatif joué par le cléricalisme catholique et protestant dans le système parlementaire du «dualisme» instauré à la suite du compromis de 1867.

L. Ruzsás: *L'évolution capitaliste de l'industrie dans les parties sud-est de la Cisdanubie (1848—1900)*. Édition de l'Institut Scientifique Cisdanubien de l'Académie Hongroise des Sciences Pécs, 1957. 38 p. (Collection scientifique cisdanubienne)

Dans son étude topographique L. Ruzsás traite du développement industriel de trois départements hongrois, notamment de Baranya, Somogy et Tolna et dans le cadre de celle, en premier lieu, du développement industriel de la ville Pécs, dans la période d'essor du capitalisme. Pour commencer l'auteur se réfère aux obstacles du développement industriel capitaliste qui existèrent en Hongrie : à la dépendance semi-coloniale de la Hongrie de Vienne, à l'insuffisance des débouchés intérieurs, étroitement liée au premier, ainsi qu'aux restes considérables du féodalisme dans la vie économique et sociale. Il constate que ces circonstances limitantes ont exercé une influence plus importante sur le développement des villes provinciales que sur celui de Budapest. De plus, l'allure du développement a été entravée aussi par la concurrence de l'industrie de la capitale.

Dans la suite l'auteur nous donne un aperçu du développement des communications, de l'échange des marchandises et de l'organisation de crédit des parties sud-est de la Cisdanubie et esquisse aussi les étapes parcourues au cours desquelles la vie industrielle a été organisée par le capital commercial. Après avoir esquissé l'état des diverses branches industrielles, l'auteur relate amplement l'activité organisatrice industrielle de Guillaume Zsolnay, qui, en dépit de la modicité de son capital, de ses stocks minimes en matières premières et de la concurrence acharnée des usines autrichiennes et tchèques réussit à développer son usine à l'aide d'inventions techniques à une entreprise de première importance de l'industrie de porcelaine. Cette usine devint dans le cadre du développement de la haute industrie le prototype de celles, développées indépendamment du capital financier. La survie des entreprises industrielles de la partie sud-est de la Cisdanubie, même leur accroissement en dépit des conditions défavorables doit être imputée selon l'auteur à l'application de nouveaux procédés de fabrication et d'inventions techniques.

A la fin de son étude, L. Ruzsás se réfère sommairement aux conséquences sociales du développement capitaliste.

Les Mémoires de Madame Déry. Introduction, notes et mise sous presse de P. Réz. Budapest, 1955. 1—2. Éditions des Belles Lettres. (Magyar Századok)

Sous le titre de «Magyar Századok» (Siècles hongrois) les Éditions des Belles Lettres ont lancé, en 1955, une série dans laquelle étaient publiés des mémoires, des journaux intimes et des correspondances d'auteurs hongrois. Le premier livre de la série était l'autobiographie de Madame Déry (Róza Széppataki), actrice née en 1793 et morte en 1872. Ce n'était pas la première fois que cette biographie était publiée ; cependant sa réédition fut fort bien accueillie à la fois par les spécialistes qui y trouvaient une source précieuse pour éclairer son époque et par le grand public pour lequel c'est une lecture passionnante.

Jusqu'en 1837, date de la création du Théâtre National de Pest, le théâtre de langue hongroise était essentiellement ambulante. Cependant, les meilleurs intellectuels et les meilleurs aristocrates cultivés de l'époque soutenaient les acteurs qui connaissaient les difficultés de tous les pionniers, parce qu'ils avaient compris que le théâtre national hongrois était une cause nationale et faisait partie de la lutte qui se poursuivait alors pour la création d'une Hongrie indépendante, bourgeoise et nationale, notamment dans le domaine de la culture, de la littérature et des sciences.

Madame Déry était la personnalité la plus marquante de cette première grande génération d'acteurs hongrois et de l'époque héroïque du théâtre hongrois. Elle jouait dans des pièces de théâtre et dans des opéras, dans des comédies et dans des drames. Par l'agrément de sa voix, par l'attrait de sa personne, par son jeu naturel, correspondant au goût de l'époque, elle obtint un grand succès auprès du public et jouissait, entre 1820 et 1830, d'une popularité incomparable.

Elle rédigea ses mémoires — d'ailleurs inachevés — plusieurs dizaines d'années après avoir pris sa retraite, de 1869 à 1872. Elle y fait preuve d'un talent littéraire incontestable, retraçant sa carrière dans un style très personnel, avec un sens aigu de l'observation et un sens dramatique nourri par la littérature dramatique de l'époque. Ses succès et ses échecs, toute la vie des artistes et des amateurs du théâtre de l'époque sont retracés dans cet ouvrage remarquable par son authenticité historique et artistique. Ses mémoires soutiennent la comparaison avec les mémoires d'acteurs français, anglais et allemands du XIXe siècle et leur sont même supérieur par l'intimité de leur ton et le caractère pittoresque du récit.

J. Kelen: *Un procès Galilée au XXe siècle. Budapest, 1957. Éditions Kossuth. 205 p.*

Alors qu'elle était jeune institutrice, l'auteur participait elle-même à l'activité du cercle Galilée, mouvement de jeunes intellectuels. Elle expose dans son livre, la lutte que menait l'aile gauche de Cercle contre la guerre, des recherches idéologiques et de principe dans lesquelles il s'engagea et le procès qui lui fut intenté.

Le livre relate les événements des années de 1917 et de 1918, au lendemain de la révolution prolétarienne de Russie qui exerça une profonde influence sur la jeunesse intellectuelle. Tout en relatant ses événements historiques, l'auteur retrace aussi son évolution personnelle, ce qui donne à son récit un cachet personnel.

A propos de l'interdiction du cercle Galilée et du procès qui lui fut intenté, Mme Kelen cite les documents des tribunaux à l'aide desquels il reconstitue les principales phases du procès. En 1918, le tribunal militaire fit arrêter cinq jeunes gens, dont I. Duczynska et J. Kelen (l'époux de l'auteur) sous l'inculpation d'incitation à la révolte contre l'ordre établi. L'auteur ne se borne pas à exposer les faits, elle présente aussi les personnages du drame. Les inculpés, condamnés, ne furent libérés qu'après la victoire de la révolution démocratique bourgeoise.

F. József: «Nous courons à la Révolution...» Le chemin de la littérature hongroise de 1914 à 1919. Budapest, 1957. Éditions Bibliotheca. 264 p.

Cette monographie traite de la vie littéraire des difficiles années de la première guerre mondiale, et de l'attitude des écrivains. L'auteur parle aussi, dans son livre, de la période de la révolution démocratique-bourgeoise et de celle de la République des Conseils.

Dans son introduction, l'auteur, tout en analysant l'activité de la littérature bourgeoise et ouvrière, celle des revues «Nyugat» (Occident) et «Tett» (Action), constate le renforcement de la littérature dirigée contre la guerre. Les révolutions russes de 1917 et, en particulier, la Révolution d'Octobre a communiqué un nouvel essor à la littérature hongroise; dans la littérature bourgeoise, nous constatons un raffermissement idéologique et une partie des représentants de la littérature ouvrière devinrent les précurseurs idéologiques de la révolution prolétarienne. Sous la République des Conseils, la littérature révolutionnaire prolétarienne se renforça considérablement.

L'ouvrage traite d'une façon fort nuancée de la littérature de ces années-là, en analy-

sant judicieusement écoles, tendances et écrivains. Une abondante documentation est publiée à titre d'illustrations.

C'est là une lecture passionnante jusqu'au bout, non seulement, parce que l'ouvrage traite de toutes les personnalités importantes de la littérature hongroise, d'Ady à G. Gyóni, mais aussi parce que l'auteur sait toujours dire quelque chose de neuf à leur sujet. La méthode de l'auteur est remarquable: il s'emploie à présenter la littérature comme une partie organique de la société et ne manque jamais de signaler l'étroite interdépendance des problèmes littéraires, politiques et sociaux de l'époque...

T. Szamuely: Alerte! Un choix d'articles et de discours. Budapest, 1957. Éditions Kossuth, 210 p.

Publié à l'occasion du 38e anniversaire de la proclamation de la République des Conseils en Hongrie, avec une préface de B. Kun, ce livre se propose de mieux faire connaître la personnalité de T. Szamuely, commissaire du peuple de la République des Conseils.

La préface, fort bien documentée, de B. Kun, s'appuie à la fois sur des données biographiques de Szamuely et sur les expériences personnelles du préfacier: elle trace un portrait vivant de Szamuely et réfute les calomnies dont celui-ci avait été l'objet avant et après sa mort.

La plupart des écrits de Szamuely, datant de 1918, furent publiés dans le journal «Szociális Forradalom» (Révolution Sociale), édité à l'intention des prisonniers de guerre communiste hongrois de Russie. Szamuely se prononça vigoureusement contre la guerre, pour la cause internationale de la révolution, pour la révolution prolétarienne hongroise. (Notre guerre; Alerte; Deux voix, etc.) Il critiqua sans pitié les chefs de la révolution démocratique et bourgeoise de Hongrie (Que s'est-il passé en Hongrie?) et à partir de janvier 1919, luttâ, dans son pays, pour la dictature du prolétariat. Il publia de nombreux articles dans l'organe du Parti des Communistes de Hongrie.

Sous la République des Conseils, il s'occupait successivement des problèmes de logements des ouvriers et du maintien de l'ordre dans les territoires situés en arrière du front. En mai 1919, il transmit le salut de Lénine aux ouvriers hongrois et se prononça aux Congrès du parti et du Conseil, ainsi qu'aux réunions du conseil ouvrier de Budapest, en faveur de la République des Conseils. Ses discours et articles enflammés en sont les vibrants témoignages.

Vue par les contemporains... La presse hongroise de 1917 et de 1918 sur la révolution prolétarienne russe. Choix, préface et texte de liaison de L. Remete. Budapest, 1957. Éditions Kossuth. 248 p.

Publié à l'occasion du 40e anniversaire de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre, cet ouvrage se propose de répondre à la question suivante : «Que pensaient les lettrés hongrois des événements mondiaux qui se déroulaient loin de leur pays?» Déjà, la préface nous avertit que la réponse ne peut être complète, puisque la seule presse est incapable de refléter les multiples effets provoqués par la Révolution d'Octobre.

Pour composer l'ouvrage, L. Remete a puisé dans 300 quotidiens, hebdomadaires et revues de l'époque. Journaux de Budapest et de province, journalistes connus et inconnus, communiqués laconiques et commentaires verbeux reflètent l'écho extraordinaire suscité dans toutes les classes de la société hongroise par la révolution prolétarienne de Russie.

Particulièrement précieux sont les articles de F. Karinty, D. Kosztolányi, F. Móra, I. Tömörkény, L. Biró, E. Nagy et d'autres qui montrent que les grands hommes de notre vie intellectuelle et de notre vie littéraire ont toujours compris la voix de leur époque, même s'ils n'ont pas toujours su en être les interprètes.

Les fac-similés des coupures de journaux constituent de riches illustrations de ce volume.

Nous sommes la jeune garde. Pages du mouvement de la jeunesse ouvrière. Rédigé par Mme E. Lányi. Budapest, 1957. Institut de l'Histoire du Parti du Comité Central du PSOH — Éditions „Ferenc Móra” pour la jeunesse. 301 p.

Dans ce volume — dont la préface est due à L. Orbán — d'anciens militants du mouvement communiste de la jeunesse évoquent leurs souvenirs. Trenteneuf d'entre eux (dont J. Kádár, I. Horváth, S. Sziklai, D. Nemes, etc.) décrivent leur rencontre avec le mouvement clandestin et leurs luttes pour les idées du socialisme.

Publiés dans l'ordre chronologique, ces écrits offrent une attrayante vue d'ensemble de près d'un demi-siècle du mouvement de la jeunesse ouvrière. Le mouvement des jeunes ouvriers faisait partie du mouvement ouvrier, en général, et, plus tard, du large mouvement social contre le fascisme. Les événements marquants et les tournants de cette lutte (grève des moissonneurs en 1905, le jeudi «rouge sang», révolution de 1918,

République des Conseils, grandes actions et manifestations organisées par le Front Populaire, etc.) sont relatés avec beaucoup de chaleur et de détails par ceux qui y avaient directement participé.

Les récits ne portent pas uniquement sur des événements de Hongrie ; on y relate également les luttes que les Hongrois de l'étranger livrèrent contre le régime hitlérien.

Comme l'indique la préface, le but de cet ouvrage est de faire connaître aux jeunes gens d'aujourd'hui le passé héroïque du mouvement des jeunes ouvriers communistes. Le volume semble avoir atteint son but, d'autant plus que les militants l'expriment en un langage simple et direct.

Écrits choisis de K. Ligeti Budapest, 1957. Institut de l'Histoire Militaire — Éditions Kossuth, 150 p.

K. Ligeti était, pendant la première guerre mondiale l'un des chefs du mouvement des prisonniers de guerre hongrois de Russie. Son nom, cependant, n'est guère connu, et le mouvement dont il faisait partie ne fait que depuis quelques temps l'objet de recherches historiques. Ce livre, publié à l'occasion du 40e anniversaire de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre, constitue un véritable monument en l'honneur de Ligeti, militant de la révolution prolétarienne.

La préface du commandant S. Sziklai retrace la vie militante de Ligeti, fils d'un forgeron de campagne, devenu révolutionnaire. Tombé en captivité lors de l'offensive de Brousilov, Ligeti ne tarda pas à devenir l'un des organisateurs des prisonniers de guerre hongrois d'Omsk et à lutter aux côtés de la Révolution. Il fut exécuté en été 1919, par les soldats de Koltchak, qui l'avaient capturé à l'issu d'un combat armé.

Dès son jeune âge, Ligeti aimait à écrire. Son premier poème date de 1907. Ses poèmes écrits avant la guerre sont empreints de sentiments lyriques et aussi de la révolte contre l'oppression.

Des quelques brèves lignes adressées du front à ses parents, à ses amis et à ses camarades émane la haine qu'il avait de la guerre.

Pendant sa captivité à Omsk, il fonda le journal «Forradalom» (Révolution) qui devait devenir l'organe des prisonniers de guerre hongrois. Par la suite, c'est dans ce journal qu'il publia ses articles qui reflétaient l'esprit mûr d'un révolutionnaire. Ses écrits (Aux barricades ! Aux armes ! Que l'honneur des ouvriers soit vigilant ! etc.) devaient jouer un rôle d'organisateur dans la lutte pour la défense de la Révolution. Ses articles

et son exemple personnels amenèrent de nombreux prisonniers de guerre hongrois à lutter, en Russie, pour la victoire de la Révolution.

Les décrets de la République des Conseils sur l'éducation nationale. Publié sous la direction de S. Kóte. Budapest, 1957. Institut Scientifique de Pédagogie. Manuscrit. 184 p.

Chercheurs, enseignants et revues spécialisées ne se sont guère penchés sur la politique culturelle, pourtant très importante de la République des Conseils. En publiant ces matériaux assez difficilement accessibles, l'Institut Scientifique de Pédagogie se propose précisément de susciter l'intérêt envers ce beau sujet.

Les documents relatifs à l'éducation publique sont groupés en trois parties. La première partie est constituée par la publication presque intégrale du rapport, fait en juin 1919, sur l'activité du Commissariat Populaire à l'Éducation nationale. La seconde contient, en ordre chronologique, les décrets relatifs à la protection de l'enfance (comme le décret sur «La protection physique et psychique de l'enfant, etc.»). La troisième partie comprend, également par ordre chronologique, les décrets relatifs à l'éducation et à l'enseignement proprement dits, et notamment celui sur «l'expropriation, au profit de la communauté des institutions d'éducation et d'enseignement.»

Enseignants et chercheurs consulteront avec profit cet ouvrage.

Gy. Hajdu : En lutte contre les oppresseurs et les envahisseurs. (Pages glorieuses du mouvement ouvrier de Pécs.) Pécs, 1957. 451 p.

Vieux militant du mouvement ouvrier, le professeur Gy. Hajdu évoque les luttes ouvrières de Pécs, sa ville natale, du début du siècle jusqu'en 1921.

Dans la première partie de son livre, il expose la lutte des ouvriers syndiqués de Pécs au cours des années précédant la première guerre mondiale, pour leurs droits politiques, et pour leur mieux-être économique.

La plus grande partie du volume est consacrée à la période de la Révolution d'Octobre de Russie et aux événements des révolutions hongroises. De l'automne 1918, jusqu'en août 1921, Pécs était occupée par les troupes yougoslaves. Hajdu décrit à ce propos la vie de la ville occupée, ainsi que l'histoire de la révolution démocratique bourgeoise et de la République des Conseils à Pécs. En outre, il expose les détails des

luttres fort complexes qui opposaient les masses de la ville de Pécs et du département de Baranya au régime Horthy.

La valeur de l'ouvrage ne réside pas uniquement dans le fait que son auteur était une personnalité éminente du mouvement ouvrier de Pécs, mais aussi parce qu'il contribue à l'étude scientifique des nombreuses questions. L'auteur, en effet, puise largement dans la presse de l'époque et dans les matériaux des archives. Certains documents précieux sont publiés en annexe.

Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae. Sectio Historica, Tomus I. Redigit : Z. I. Tóth. Édition des Manuels Scolaires, Budapest, 1957. 252 p.

Cet annuaire donne un aperçu du travail scientifique qui se poursuit aux différentes chaires de la Faculté d'Histoire de l'Université Loránd Eötvös. L'idée d'éditer cet ouvrage ainsi que les travaux de rédaction sont dus à Z. I. Tóth, ex-doyen de la Faculté, décédé dans des conditions tragiques qui voulait, par ce projet, donner la possibilité à de jeunes enseignants de publier des oeuvres scientifiques et renforcer les relations entre le travail d'enseignement et la recherche scientifique. Le premier volume de l'annuaire qui vient de paraître contient des études de spécialistes du Moyen Age ; le volume suivant, dont la publication est envisagée sera consacré aux résultats des recherches historiques de la période moderne et contemporaine.

L'annuaire publie un article de J. Perényi, dédié à la mémoire de Z. I. Tóth et une bibliographie d'I. Varga, consacré aux ouvrages publiés par Z. I. Tóth. Celui-ci, de son côté, avait écrit, pour l'annuaire, un article commémoratif sur M. Gyóni, éminent byzantologue hongrois mort en 1955.

L'annuaire contient dix études. La communication de J. Banner, intitulée : «La représentation de l'homme sur un ustensile de l'époque de bronze, retrouvé à Tószeg», soulève, à propos d'une récente trouvaille, le problème des ustensiles dits «à grenouille», et, polémisant avec des archéologues allemands soutient que ces dessins représentent non pas des grenouilles, mais des hommes. L'étude de J. Sarkady, intitulée : «A propos des origines de la société esclavagiste grecque», traite de certains problèmes de périodisation relatifs aux époques minéennes, helléniques, mycéniennes et achaïques de la Grèce antique. L'auteur corrige certaines constatations faites par Engels et discute avec des historiens

soviétiques. — Dans l'étude suivante, «Transformation technique et organisatrice de l'industrie de la filature en Flandre aux XIe et XIIIe siècles», l'auteur, P. Váczy, décrit les instruments de travail introduits au Moyen Age dans les filatures de Flandre (rouet, métier à tissé horizontal à pédale) et montre comment, au Moyen Age, la composition essentiellement aristocratique de la clientèle avait empêché la mécanisation des travaux. Dans son étude «Mouvements sociaux à l'époque de la Bulle d'Or, dans le miroir du "Regestrum" de Várad» G. I. Bolla décrit, sur la base de cette précieuse source de l'histoire du Moyen Age hongrois, les changements importants survenus dans la première moitié du XIIIe siècle dans la vue économique, sociale, et politique, l'émiettement des domaines-fortresses royaux, le renforcement des grandes propriétés laïques, les procès frontaliers et les conflits de pouvoir que ces changements ont entraînés, ainsi que les mouvements des couches sociales inférieures. Dans son étude intitulée : «Contributions à la solution des problèmes soulevés par la chronique Kézai» J. Gerics polémisant avec P. Váczy qui avait déjà étudié cette question, montre que ce chroniqueur de la Cour de la seconde moitié du XIIIe siècle considérait l'ensemble de l'histoire de la Hongrie en se plaçant sur la pérennité de la communauté nobiliaire et que la source principale de sa conception de la société était le droit romain. L'étude «La loi de l'année 1298 du roi Endre III» de L. Szilágyi examine les circonstances dans lesquelles est née cette loi, et, après une analyse critique approfondie des sources, l'auteur conclut qu'une partie des articles considérés jusqu'à présent comme faisant partie de la loi de 1298 était rédigé sans doute entre 1312 et 1315, sous le règne de Charobert. L'étude de J. Perényi : «La légende de Saint Ladislav en Russie» retrace les formes dans lesquelles apparut au XVe siècle, en Russie, la légende de ce roi de Hongrie ayant vécu au XIe siècle et en conclut à l'existence de fortes relations culturelles entre les milieux culturels de l'Est et l'Ouest ; la Hongrie y ayant joué un rôle d'intermédiaire. L'étude d'E. Nagy : «Les problèmes de l'écoulement des produits agricoles à l'époque du règlement des domaines seigneuriaux en Hongrie» montre, sur la base d'une enquête nationale effectuée à l'occasion du règlement des domaines seigneuriaux décrété par Marie-Thérèse, la faiblesse du marché intérieur hongrois du XVIIIe siècle et voit, dans cette faiblesse, la principale raison du niveau assez bas de la production agricole hongroise de l'époque. Dans son étude intitulée : «Le Triple Miroir, base de l'enseignement de l'Histoire de la Hongrie dans la première

moitié du XIXe siècle» montre le rôle important qu'a joué ce manuel de géographie et d'histoire de la Hongrie, publié dans les années 1770, dans la formation de la conscience nationale. Enfin l'étude intitulée : «Splendeur et décadence d'un maître de corporations d'un bourg hongrois sous l'ère des réformes» de Gy. Szabad décrit la ruine d'un fabricant d'étoffes de Transdanubie, rapidement enrichi, sous l'effet de la crise économique européenne des années 1830—1840, et notamment, de la chute des prix et la crise du crédit qui en étaient les conséquences.

Études historiques du passé de Budapest XII. Maison d'édition de l'Académie hongroise des sciences, Budapest, 1957. 571 p.

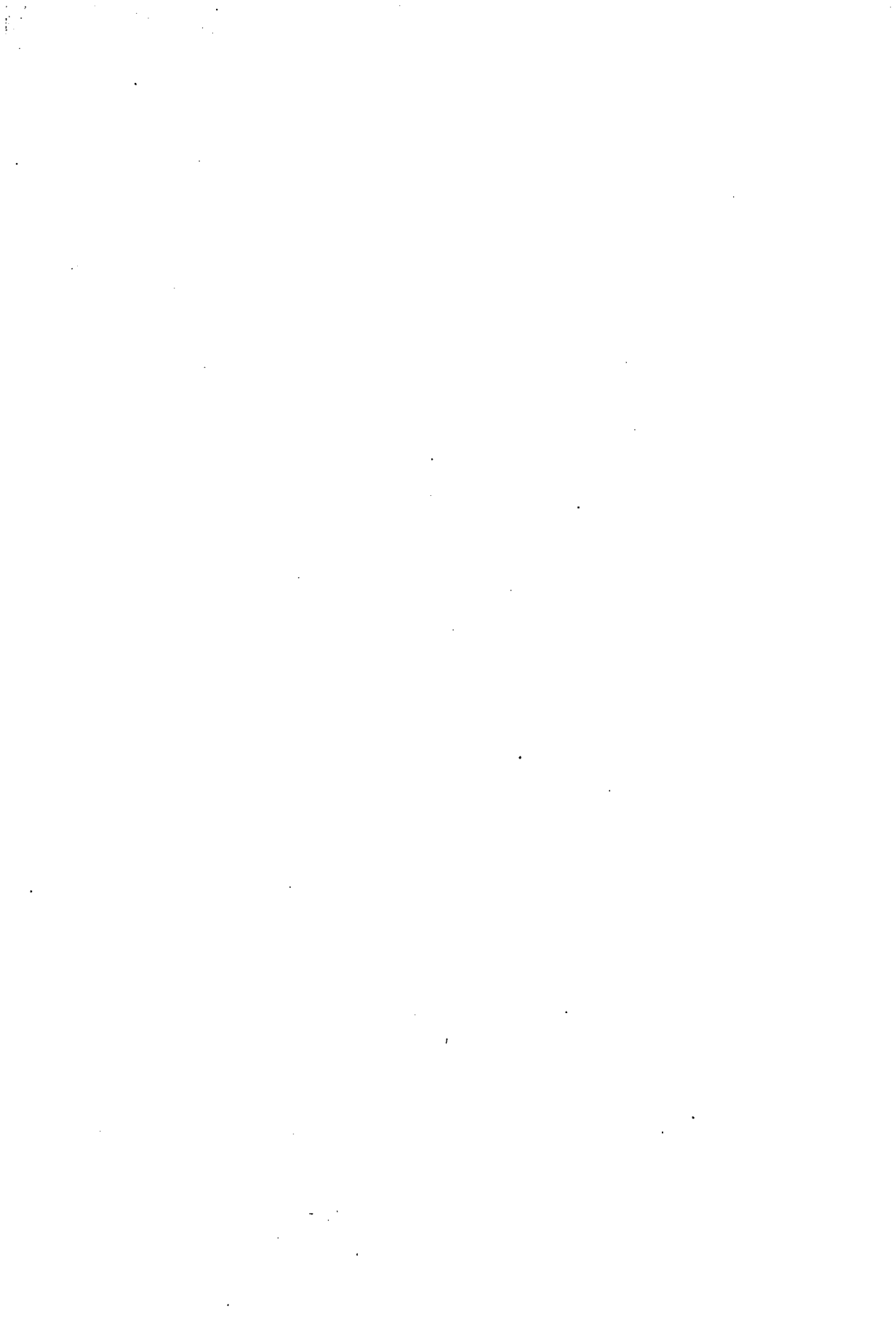
Le volume très représentatif, richement illustré, avec des résumés rédigés en langues étrangères (russe, français, allemand et anglais) contient dix études séparées traitant de l'histoire de la capitale hongroise.

Dans l'étude «*Le problème de la continuité des colonies pannoniennes et les origines de l'évolution des villes du pays*» Gy. Székely donne un aperçu critique de l'école bourgeoise d'histoire étudiant les origines de l'évolution urbaine — plus précisément de l'école de Dopsch —. La continuité romaine ne peut être établie selon l'auteur dans les relations hongroises que pour Pécs et pour quelques colonies des environs de Balaton. A. Kubinyi dans son étude «*Le personnel de la trésorerie à la fin du XVe siècle*» fait des recherches sur l'importance de l'institution de la familiarité dans le travail de la trésorerie générale de Buda au Moyen Age. Dans l'étude intitulée «*L'économie et les dettes de la ville de Buda dans la première partie du XVIIIe siècle*», I. Nagy suit de près l'économie de Buda depuis 1686 — date de l'affranchissement de Buda de la domination turque. Bien que la bourgeoisie de la ville ait réussi à s'assurer le privilège du statut de la ville royale libre en dépit de l'opposition des organes administratifs viennois et d'une coterie municipale détentrice illégale du pouvoir, l'évolution de la ville a été freinée par l'état grave de l'économie municipale et le progrès de Buda en comparaison du développement d'autres villes hongroises a été retardé. Dans son étude «*L'agriculture à Pest au XVIIIe siècle*», L. Nagy constate que l'agriculture se trouva bientôt reléguée au second plan et le commerce ainsi que l'industrie gagnèrent une importance accentuée dans la vie de Pest qui prit de plus en plus sensiblement la position d'une capi-tale au XVIIIe siècle. S. Gyömrői, décédé récemment, a suivi de près dans son

étude «*La formation du capital commercial et son rôle à Pest-Buda jusqu'à 1849*» le processus de l'accumulation du capital commercial depuis 1686 dans la première ville du pays. Il a insisté sur l'influence retardatrice de l'économie politique de la cour des Habsbourgs exercée sur l'épanouissement du capital commercial hongrois et sur la formation du capital industriel. Dans son étude «*Données sur l'architecture de Buda dans la première partie du XIXe siècle*», S. G. Zakariás s'efforce de reconstruire au moyen de données sur plus de 500 bâtiments et à l'aide de nombreux plans la carte architectonique de Buda au début du siècle passé. L'auteur de l'étude suivante «*La région de Budapest en 1848*», E. Lakatos traite d'une manière détaillée de l'aspect féodal de la structure sociale et historique des villages suburbains de Budapest et constate que la vie de ces villages a été déterminée en premier lieu par les mouvements des masses de colons, mécontentes des expédients de la réforme sociale de 1848. Dans l'étude de J. Berlász, intitulée «*Les premiers 50 ans de l'usine Ganz, 1845—1895*» on peut suivre de près l'évolution imposante de l'entreprise depuis la petite fonderie d'Abraham Ganz à Buda l'usine gigantesque de machines, wagons et d'électricité de la fin du siècle dernier qui acquit le renom partout au monde et dont le succès immense est à attribuer à ses

ingénieurs, excellents inventeurs (André Mechwart, Charles Tscheuke, Charles Zipernovsky, Otto Bláthy, Donat Bánki, Coloman Kandó, etc.) aux centaines de techniciens et contre-maîtres, aux milliers de simples travailleurs. Sous le titre «*La bibliothèque de l'Université et la vie scientifique de 1849 à 1876*» A. Tóth publie une étude sur les fractions scientifique, social et politique assumées par cette institution importante et fait une appréciation des mérites du personnel affecté à la bibliothèque à l'époque traitée. La série des études se termine par celle de Mme A. Lenkei intitulée *Les origines du Musée Historique de Budapest* qui nous révèle les circonstances historiques ayant contribué dans la seconde partie du siècle passé à un accroissement de l'intérêt général pour l'histoire de villes partout en Europe. L'auteur brosse un tableau détaillé sur l'histoire de l'enrichissement des collections du Musée Historique de Budapest.

Il faut souligner l'importance que revêt l'aperçu d'E. Fügedy sur la bibliographie allemande récente de l'histoire des villes du Moyen Âge dans la partie bibliographique, ainsi que l'intérêt que présente le compte rendu de V. Bélay sur le premier volume de l'histoire de Moscou (Isztorija Moszkvi) en six volumes publié par l'Académie des Sciences de l'Union Soviétique à l'occasion du 800e anniversaire de Moscou.

Ferenc Eckhart

(1885—1957)

Une grande perte vient de frapper les sciences historiques hongroises. Ferenc Eckhart, professeur d'Université, titulaire de la chaire des sciences politiques et juridiques hongroises de l'Université Loránd Eötvös, ex-doyen de la Faculté des Sciences Politiques et Juridiques, docteur en droit, savant et éducateur éminent, s'est éteint après une longue maladie. M. Eckhart était membre du comité directeur de la Société Hongroise de l'Histoire, ancien directeur de la revue «Századok»; avec lui a disparu un historien remarquable qui avait déployé son activité pendant un demi-siècle.

La carrière de Ferenc Eckhart était longue et brillante. La période pendant laquelle il exerçait son activité était particulièrement mouvementée pour la vie de la société et de l'Etat hongrois. C'était là une époque particulière qui ne permettait à aucun érudit de se retrancher dans sa tour d'ivoire, surtout s'il recherchait la vérité avec autant d'ardeur et dans d'aussi nombreux domaines que le fit le professeur Eckhart. C'est aussi peut-être la raison pour laquelle son oeuvre fut plus discutée que celle de la plupart des érudits. Serviteur de la science, M. Eckhart a vécu pour son travail; c'était sa passion, sa raison d'être. Pendant les 28 années qu'il enseignait, il a formé de très nombreux élèves dans l'amour de la justice, dans l'esprit de l'humanité, de la droiture, et de l'inflexibilité.

M. Eckhart était l'un de nos historiens les plus érudits et les plus actifs; il avait acquis une véritable maîtrise dans les recherches archivistiques. Son oeuvre est celle d'un des derniers grands personnages de la science bourgeoise hongroise, dans le domaine de l'histoire politique et juridique du Moyen Âge comme dans celui de l'histoire économique contemporaine. Il ne craignait pas d'aborder les problèmes les plus complexes. Depuis longtemps, il traitait les multiples problèmes des rapports du progrès et de l'indépendance nationale, qui est la question théorique la plus importante de notre histoire du XVe au XIXe siècle. Avec l'humilité qui caractérise les hommes de science, il ne cessait d'étudier, se familiarisant, à un niveau élevé, et, puisant, autant que possible dans des sources originales, avec les tendances de la science bourgeoise et les résultats des historiens occidentaux et slaves, et les utilisait avec un esprit critique, en les confrontant sans cesse avec les faits.

Il fondait son activité d'historien juridique sur des chartes et s'occupait à fond des problèmes relatifs à l'application des lois et à l'évolution réelle et souple de la coutume. Il élargit considérablement les sujets et les époques sur lesquels portait l'histoire du droit, et applique hardiment la méthode comparée, même à une époque où la majorité des étudiants en droit étudiait, en fait d'histoire du droit, le droit nobiliaire de Werbőczy. Il avait incité ses élèves

les plus chers — disparus trop tôt — à traiter de sujets très importants qui apparaissent comme tels même aujourd'hui. Dans ses publications qui se succédaient pendant un demi-siècle, le professeur Eckhart traita toute une série de questions, comme la contribution royale, les «lieux authentiques», la politique économique de la Cour de Vienne au XVIIIe siècle, les questions théoriques de l'histoire constitutionnelle, le pourvoiement des sièges épiscopaux, la loi familiale de la maison Habsbourg-Lorraine, les conceptions juridiques du soulèvement Boeskaï, l'évolution historique de l'idée de la Sainte Couronne, le livre des formulaires de l'époque de Werbóczi, les problèmes de la révolution bourgeoise de 1848, la juridiction criminelle des seigneurs aux XVIe et XVIIe siècles, la politique de la cour de Vienne envers les serfs, etc. Il a écrit l'histoire de la Faculté des Sciences Politiques et Juridiques de l'Université de Budapest, publia une Histoire de la Hongrie et une histoire de la constitution et du droit hongrois, ouvrage d'une grande valeur pour lequel il puisait dans des sources directes. Dans tous ses ouvrages, le professeur Eckhart a su, avec maîtrise, rattacher les problèmes de l'histoire de la société et de l'histoire politique à ceux de l'histoire de l'Etat et du droit. Plusieurs de ces livres furent publiés à l'étranger et le professeur Eckhart fit de nombreux exposés à des Congrès internationaux.

Professeur, M. Eckhart dénonça, de bonne heure, les graves fautes des anciens historiens de l'Etat et du droit hongrois. Il déplorait que leurs ouvrages fussent aptes à entretenir un esprit de suffisance nationale et à susciter un certain sentiment de supériorité, et il combattait l'école dite «de droit public», dont les vues étaient peu compatibles avec l'enseignement de l'histoire. Cette attitude, pourtant digne d'un savant, lui valut en 1931 de violentes attaques de la part de la presse de droite et des injures à la Chambre des Députés ; il faillit en perdre sa chaire. Mais les meilleurs historiens de l'époque le félicitèrent sur les colonnes de «Századok», soulignant le caractère positiviste de son oeuvre. Par la suite, son activité continua à évoluer dans les limites que lui imposaient ses conceptions bourgeoises, mais, refusant toute popularité de mauvais aloi, il demeura homme et savant. Il sut prendre position à sa manière dans ses conférences sur l'histoire du droit et sur l'histoire universelle, en exposant ses conceptions historiques objectives et critiques, en réfutant de nombreuses fausses conceptions, en détruisant des mythes et en découvrant les aspects positifs des relations hungaro-slaves. Ses conférences, les séminaires qu'il dirigeait personnellement, ses efforts en vue de faire connaître les sciences historiques auxiliaires maintenaient vivantes les meilleures traditions de la science bourgeoise. Il ne dissimula pas les méthodes subtiles qu'il employait pour l'analyse scientifique, ni ses méthodes dans le recherche des sources, il permit que s'expriment des opinions indépendantes et donna, devant ses élèves, la parole à ses anciens étudiants devenus érudits à leur tour. Non content d'enseigner à ses étudiants, il les aimait, les formait, les éduquait, redoutant pour eux les vicissitudes de ces années critiques, mais pourtant décisives, alors que le savant, s'il voulait demeurer savant et l'homme s'il voulait demeurer homme ne pouvait ne pas parler. Dès qu'il eut la possibilité de reprendre ses publications, il stigmatisa, dans un manuel paru en 1946, le régime de Horthy, qualifiant de «meurtrière» sa politique de guerre et de mépris des droits.

Ce sont ses sentiments humains et son amour envers les petits-fils des serfs qui l'aiderent, après la Libération, à surmonter sa crise idéologique.

Il pouvait désormais affirmer sans aucune crainte que l'évolution des institutions juridiques dépendait, en tout temps, de l'évolution de la société. Cependant, il ne lui était pas facile d'adopter les nouvelles méthodes et de se débarrasser de ses vues et de ses méthodes acquises au cours de longues dizaines d'années. Mais pendant que le savant était en proie à de graves combats intérieurs, le professeur s'empressa de reprendre son service, et demeura un enseignant érudit, actif, digne de l'estime de tous. Il assume aussi des tâches qui souvent passaient pour compromettantes dans les milieux intellectuels, et participa, de bonne heure, à des discussions de principe sur les questions posées par la science marxiste.

Les dix dernières années de sa vie étaient consacrées à un travail acharné. Afin de dispenser l'enseignement le plus efficace possible à la génération d'étudiants qui promettait le plus — et dont la majorité était recrutée parmi les enfants des classes travailleuses — M. Eckhart se familiarisa avec les conceptions de la classe ouvrière et, déjà dans son manuel publié en 1946, il tint compte de la littérature historique marxiste hongroise; il apprit la langue du premier pays socialiste et utilisa, dans son travail, les possibilités offertes par la nouvelle conception du monde et par une méthode de travail perfectionnée. Il sut appliquer à sa propre oeuvre la critique historique, l'une de ses plus belles qualités. Aussi, continua-t-il à se développer. Auteur et critique, il travailla avec enthousiasme, participa à de fraternelles discussions, servait le progrès de la science en incitant ses confrères à produire des ouvrages d'un niveau élevé et en fustigeant les parutions défectueuses ou de faible qualité. Les historiens de notre époque nouvelle ont largement profité de ses observations. Lui-même d'ailleurs a appris au contact de ce monde nouveau; ses récents ouvrages indiquent une connaissance parfaite de la nouvelle littérature et révèlent un esprit toujours attentif aux progrès de la science. Il attira parfois l'attention des historiens sur l'importance des mouvements populaires dans l'évolution des rapports politiques. Notre nouvelle société entoura d'une grande estime sa personne et son oeuvre. A l'occasion de son 70e anniversaire, une fête intime fut organisée en son honneur à l'Université et l'Ordre de Mérite du Travail lui fut attribué. Peu après il contracta sa longue et douloureuse maladie.

Le professeur Eckhart n'abandonna pas pour autant sa tâche et continua à enseigner jusqu'à l'épuisement de sa force. Bien que gravement malade, il se rendit à son poste pendant les journées contre-révolutionnaires afin de lutter contre les manifestations extrémistes de la réaction. Il ne put participer que par ses conseils au travail de redressement, mais il poursuivit son travail scientifique, corrigeant sur son lit de mort le manuscrit de son ouvrage posthume, consacré à la politique économique de la Cour de Vienne de 1780 à 1815.

La mort de cet érudit connu également à l'étranger représente pour l'histoire politique et juridique hongroise une perte qui pendant longtemps ne pourra être réparée. La science hongroise utilisera pendant de longues années encore tout ce qu'il y a de précieux dans son oeuvre et son souvenir restera éternellement vivant dans l'esprit de ses confrères et de ses élèves.

GY. SZÉKELY

Parution du volume I/2 du manuel universitaire «Histoire de la Hongrie»

C'est en mars 1958 que parut le volume I/2 du manuel universitaire «Histoire de la Hongrie» qui traite de l'histoire de la Hongrie de 1526, début de l'occupation turque, jusqu'en 1790, date de l'échec de la tentative de centralisation de Joseph II. Les travaux préparatoires du manuel furent entrepris en 1951. Son texte a été soumis à la discussion en été 1954 par l'Institut d'Histoire de l'Académie des Sciences de Hongrie. Le texte qui vient de paraître est le résultat du remaniement effectué sur la base des enseignements de cette discussion.

La première partie du volume due à István Sinkovics, Tibor Wittmann, Gusztáv Heckenast et László Makkai, décrit la division du pays en trois parties, la création et l'installation du royaume des Habsbourg, des provinces sous l'occupation turque et de la principauté de Transylvanie, la création et le renforcement du système du «servage à perpétuité» et de la lutte du peuple hongrois contre les envahisseurs étrangers (turcs et allemands). Dans cette partie, le manuel décrit en détail la lutte menée par le peuple hongrois contre l'absolutisme des Habsbourg, en s'appuyant sur les forces de la principauté de Transylvanie. En analysant les luttes de Bocskai, de Bethlen et de György I Rákóczi, les auteurs traitent en détail des tentatives de réaliser l'union nationale contre les velléités de colonisation des Habsbourg. Ces efforts culminèrent en la lutte pour l'indépendance nationale de François II Rákóczi, de 1703 à 1711, après l'expulsion des occupants turcs du territoire de la Hongrie.

La seconde partie de l'ouvrage — dont les différents chapitres ont été écrits par Győző Ember, Imre Wellmann et Éva Balázs — décrit le début de la nation bourgeoise dans le cadre du système de colonisation. Après avoir présenté l'évolution de l'absolutisme colonialiste des Habsbourg, l'essor formidable des forces productrices au XVIIIe siècle et les luttes de la paysannerie contre la féodalité et pour la nation, les auteurs analysent les débuts de l'absolutisme éclairé, de l'extension de l'agriculture des métairies, la réglementation des terres seigneuriales et les problèmes des systèmes douaniers colonialistes. Par la suite, le manuel expose l'évolution de l'absolutisme éclairé sous Joseph II et la chute du système de Joseph II. L'ouvrage consacre un chapitre à part à la prise de conscience des peuples non-hongrois de la Hongrie et aux conditions sociales et politiques de leur transformation en nation.

Débat sur le manuel universitaire d'histoire (1849-1880)

C'est en 1954 que fut terminé le manuscrit du tome II/1 du manuel universitaire «Histoire de la Hongrie», qui traite de la période allant de 1849 à 1880. Depuis 1954, il sert de notes aux étudiants. Le débat sur le manuel, organisé par l'Institut d'Histoire de l'Académie des Sciences de Hongrie, a eu lieu le 11 et le 17 décembre 1957.

Les opposants désignés et les personnes ayant participé aux débats ont souligné l'importance du manuel qui a réalisé la première synthèse de niveau marxiste de cette époque, assez négligée jusque-là par les historiens hongrois. Ceux d'avant la Libération ne se sont guère préoccupés de l'histoire économique et sociale de l'époque à laquelle ce manuel attribue la place qu'il convient. Opposants et participants au débat ont souligné aussi que ce manuel traite d'une époque particulièrement importante du point de vue des problèmes de notre temps. Il est très important, à cet égard, de présenter le développement du capitalisme, de la classe ouvrière et du mouvement ouvrier.

Cependant, tout en reconnaissant les mérites du manuel, opposants et participants au débat ont critiqué certaines de ses importantes affirmations. Presque tous les critiques ont reproché aux auteurs de ne pas avoir envisagé cette période de l'histoire de la Hongrie en

étroite corrélation avec le développement de l'Autriche, de ne pas l'avoir considéré suffisamment en rapport avec la situation internationale. La conception «provincialiste» de la période de 1849 à 1867, de la période de «l'absolutisme» a fait d'objet de critiques particulièrement sévères. Les problèmes de l'histoire de l'agriculture de l'époque a également donné lieu à un intense débat. Les critiques ont constaté qu'en décrivant le passage à l'économie socialiste, le manuel prend pour bases les constatations de principe de Lénine, mais se borne uniquement à illustrer les thèses par des exemples et des données. Les auteurs du manuel omettent, en outre, de confronter le développement de l'agriculture hongroise avec celle des pays d'Europe orientale.

Le débat fut particulièrement vif autour de l'appréciation des mouvements d'indépendance nationale. Certains opposants et participants aux débats ont reproché aux chapitres traitant de l'époque de l'absolutisme, de donner un tableau romantique, idyllique des luttes pour l'indépendance nationale et de la politique de l'émigration et négligent, en même temps, les faits indiquant les problèmes sociaux, les contradictions de classe et la lutte des classes. La discussion roulait aussi sur le caractère de l'Etat absolutiste, sur le jugement à porter sur le compromis de 1867, sur le dualisme et sur la phase initiale du mouvement ouvrier. Plusieurs orateurs ont reproché aux auteurs de ne pas décrire les rapports de forces internationaux qui déterminèrent les conditions objectives du compromis de 1867 et le rendirent nécessaire. A propos de l'histoire du mouvement ouvrier, les participants aux débats ont dénoncé les contradictions que contient le manuel concernant l'organisation de la classe ouvrière, en tant que classe. Les orateurs ont déclaré en outre que le manuel ne traitait pas d'une façon rassurante de l'influence du lassallénisme en Hongrie, ni des conditions dans lesquelles le Parti Général des Travailleurs était né. On a reproché aussi la manière dont le manuel traitait l'histoire des nationalités vivant sur le territoire de la Hongrie. En effet, les auteurs voient uniquement dans ce problème un problème national. Cependant, certains participants aux débats ont souligné qu'il serait nécessaire de traiter à part du développement de chaque peuple et de présenter le plus complètement possible, leur cohabitation et leur influence réciproque les uns sur les autres.

Le débat sur le texte du manuel a permis d'élucider tous les problèmes soulevés, même si on n'est pas parvenu à se mettre d'accord au sujet de tous les problèmes. La nécessité d'analyser les événements historiques sous un aspect multilatéral a été vigoureusement soulignée et les enseignements de ce débat pourront sans doute être utilisés lors des travaux préparatoires des tomes suivants du manuel.

Publication de documents diplomatiques du Ministère hongrois des Affaires étrangères, relatifs à l'histoire de la seconde guerre mondiale

En 1957, en accord avec le Ministère des Affaires étrangères et en coopération avec les Archives Nationales, l'Institut d'Histoire de l'Académie des Sciences de Hongrie a entrepris la publication des archives diplomatiques du Ministère hongrois des Affaires étrangères, et, notamment, des documents relatifs aux années de 1936 à 1944. En réalisant ce travail, l'Institut entend s'acquitter d'une vieille dette des historiens hongrois. De nombreuses sources d'une valeur incontestable, relatives à l'histoire de cette période ont été publiées à l'étranger, au cours des dernières années. Cependant, malgré toute la bonne volonté qui anime les auteurs de ces publications, celles-ci ne peuvent être complètes, les documents diplomatiques de l'Union Soviétique et des pays de démocratie populaire en étant absents. Or, sans ces documents-là, l'histoire de la diplomatie à la veille et pendant la seconde guerre mondiale ne peut être présentée que d'une façon unilatérale.

En Union Soviétique, la publication des documents diplomatiques relatifs aux antécédents de la seconde guerre mondiale et à la période de cette guerre a déjà commencé. C'est dans le cadre de ces travaux que fut publiée, notamment la correspondance Staline—Churchill—Roosevelt. En publiant, à notre tour, les documents diplomatiques du Ministère hongrois des Affaires étrangères, nous voulons participer à un grand travail qui se poursuit à l'échelle internationale. Nous sommes convaincus qu'en agissant de la sorte, nous contribuerons à l'étude scientifique de l'histoire de la seconde guerre mondiale, non seulement du point de vue hongrois, mais aussi du point de vue international.

Ces travaux revêtent une grande importance scientifique, idéologique et politique ; ils permettront, en effet, de contribuer aux recherches portant sur un domaine peu exploré, mais particulièrement important du point de vue de la politique étrangère de la période de 1919—1945. L'alliance de la Hongrie avec les puissances fascistes de l'Axe, le refus de coopérer avec les peuples voisins, liés pourtant au peuple hongrois par une communauté d'intérêts, l'asservissement à l'égard de l'Allemagne, le rôle de la Hongrie dans la guerre contre l'Union Soviétique, — voilà les principaux problèmes dont la publication entreprise facilitera l'étude approfondie.

En établissant les plans de l'ouvrage, il fallait tenir compte de notre manque d'expériences dans le domaine de la publication des sources diplomatiques récentes. Cependant, les publications étrangères et les critiques parues à leur sujet montrent l'exemple à la fois sur le plan méthodologique et sur le plan général et facilitent la réalisation des objectifs fixés.

À la fin de l'année dernière, trois collaborateurs de l'Institut — Mme Gy. Ádám, MM. Gy. Juhász és L. Kerekes — ont commencé à rassembler les matériaux relatifs aux trois sujets suivants : 1. La Hongrie et l'Anschluss (1936—1938) ; 2. L'accord de Munich, la crise tchécoslovaque et la Hongrie (1938—1939) ; 3. la première phase de la seconde guerre mondiale (1939—1941).

Mû par le désir de réaliser une publication de sources répondant aux plus hautes exigences sur le plan archivistique et sur le plan général, la direction de l'Institut a institué, le 18 novembre 1957, une large communauté de travail, avec la participation de chercheurs spécialisés dans le rassemblement et l'interprétation des matériaux et de collaborateurs ayant une grande pratique des recherches archivistiques. La communauté de travail décida d'organiser des délibérations périodiques en vue de trancher les questions surgissant en cours de travail et d'établir son règlement. Aux termes de cette décision, la réunion du 21 février 1958 avait inscrit à son ordre du jour l'harmonisation du rassemblement des matériaux et de la copie des documents. L'expérience a montré la nécessité d'écrire l'histoire administrative du Ministère des Affaires Étrangères, pendant la période envisagée, en raison des fréquents changements survenus dans les procédés administratifs de ce Ministère. Un collaborateur des Archives Nationales s'est chargé de ce travail.

En ce qui concerne le caractère et l'ampleur de la publication projetée, il fallait, avant tout, tenir compte des lacunes que présentent les Archives du Ministère des Affaires étrangères. En effet, un grand nombre des documents diplomatiques relatifs à la seconde phase de la guerre avait été transporté à l'Occident et, à partir de 1944, une partie seulement des archives des ambassades fut transmise à Budapest. Tout cela rend assez malaisé les travaux sur la politique étrangère de la Hongrie, mais, étant donné que nous disposons de matériaux assez complets, relatifs à la période de 1936 à 1941 et que seuls, les documents datant de 1942 à 1944 présentent des lacunes, la publication des sources est justifiée, ne serait-ce que pour faciliter la rédaction de monographies.

Dans la phase actuelle des travaux, il est encore impossible d'indiquer la date exacte de la parution des différents volumes, ni l'ampleur que revêtira cette publication. Cependant, on prévoit qu'un volume spécial pourra être consacré à chacun des trois sujets précédemment mentionnés et que le premier volume pourra paraître dès 1960.

Recherches sur l'histoire de la culture matérielle à l'Institut des Sciences Historiques

L'examen de l'histoire de la culture matérielle est l'un des domaines les moins explorés par les historiens hongrois. Pourtant, dans toute l'Europe, ethnographes, archéologues et historiens coopèrent depuis longtemps et d'une façon systématique pour élucider les problèmes qui se posent dans ce domaine. Une nouvelle science, celle de l'histoire de la culture matérielle est en train de naître. Elle traite de l'aspect *technique* de la production, de la répartition et de la consommation des biens produits et complète l'économie politique qui, elle, s'occupe des problèmes *économiques* de la production, de la répartition et de la consommation. Bien entendu, l'histoire de la culture matérielle est une science sociale et non seulement l'histoire d'une technique, elle étudie, en effet, le développement technique dans ses rapports sociaux, et le considère avant tout comme la lutte de l'homme pour subjuguer les forces de la nature, mettant l'accent sur l'aspect technique de la division sociale du travail et attirant l'attention, en dehors des instruments de travail, sur la force productrice la plus importante, qui est l'homme. Ainsi, dans les recherches sur l'histoire de la culture matérielle, une certaine place est accordée à l'étude de l'organisation de la production, et même de la répartition et de la consommation des biens produits.

C'est pour introduire cette nouvelle science en Hongrie que l'Institut des Sciences Historiques de l'Académie des sciences de Hongrie a constitué, en été 1957, un groupe de travail chargé de l'étude de l'histoire de la culture matérielle. Cette initiative, toute modeste qu'elle fût, avait néanmoins une grande portée. Certes, nos forces — matérielles et intellectuelles — n'ont pas encore permis, bien entendu, de nous lancer dans une entreprise aussi vaste que celle réalisée par l'Institut Polonais de l'Histoire de la Culture Matérielle. Pour utiliser le mieux possible les modestes possibilités dont nous disposions, il fallait, avant tout, opérer un choix judicieux parmi les sujets à traiter.

Ainsi, la tâche essentielle du groupe de travail de l'Institut des Sciences Historiques de l'Académie des Sciences de Hongrie consistait à effectuer des recherches sur les branches de la production qui occupaient une position-clé dans la répartition, les échanges et la consommation des produits. A l'époque de la féodalité, de telles branches de production étaient : l'agriculture, les deux industries-clé, la sidérurgie et l'industrie textile, ainsi que la minoterie, qui produisait aussi de l'énergie. En élucidant les principaux problèmes qui se posent dans ces branches de la production, nous verrons se dégager les traits principaux de l'histoire de notre culture matérielle. Cependant, pour l'instant, nous devons nous borner à l'étude de sujets bien délimités et qui ne demandent pas un temps trop long.

Les membres du groupe de travail se penchent, actuellement, sur les conditions de la production agricole aux XVIe, XVIIe et XVIIIe siècles. C'est à l'époque du «servage à perpétuité» que se constituèrent, pour la première fois, en Hongrie, les grandes exploitations agricoles dans les métairies des seigneurs, c'est alors qu'apparut, à côté de la corvée, le travail salarié et que commença l'accumulation primitive du capital. Toutefois, nous ignorons encore l'arrière-fonds technique de ce processus très important, et, pour l'instant, les rapports démographiques qui régnaient à l'époque sont, eux-mêmes, assez mal élucidés. Aussi, pour commencer, nous sommes nous proposé d'étudier les 13 comitats de la Haute Hongrie qui furent les théâtres des grands mouvements paysans et des luttes d'indépendance de l'époque. A côté de cette tâche essentielle, les membres de la communauté de travail s'occupent aussi de questions relatives à l'exploitation minière et à l'industrie.

Les résultats les plus importants que nous avons obtenus au cours des dernières années résident dans le développement de certaines recherches méthodologiques et l'élaboration des principes méthodologiques les plus importants. En effet, les historiens hongrois qui s'étaient

occupés de recherches sur l'histoire de la culture matérielle, omirent d'utiliser les riches résultats obtenus par nos archéologues et par nos ethnographes et ne firent aucune tentative d'examiner sous l'aspect de l'histoire de la culture matérielle les sources écrites dont nous disposons. Aucun effort, même initial, ne fut fait pour rattacher les sources écrites aux vestiges matériels existants. Aussi, avons-nous consacré la première année de notre activité à arrêter nos principes de méthodologie et à passer en revue les sources dont nous disposons. Certains résultats ont été obtenus à cet égard. C'est ainsi que M. I. Barta fit, grâce à l'examen d'un ciseau à os, datant de l'époque de la conquête de la Hongrie, d'intéressantes constatations sur le niveau de l'industrie de la forge et sur son organisation sociale dans la Hongrie du Xe siècle. De son côté, Mme É. Veress fit de très importantes révélations au cours de ses recherches sur l'histoire des familles, en examinant suivant les méthodes ethnographiques et socio-graphiques, les formes familiales qui subsistaient au XVIIe siècle dans les villages appartenant au domaine de Sárospatak et les rapports de ces formes de famille avec l'économie et l'organisation du travail chez les paysans. Quant à M. I. Kiss, il a travaillé sur les listes de dîmes du XVIe siècle, source assez peu utilisée jusqu'à présent. M. Kiss étudia à fond les listes de dîmes se rapportant à plusieurs comitats. Ce travail permit d'éclairer la stratification sociale de la paysannerie, l'extension des produits agricoles, le développement important que connut à cette époque-là la division du travail dans l'agriculture, et aussi d'apporter certaines contributions à l'étude de l'évolution de la monoculture de la vigne dans certains territoires. Enfin, l'examen de cette source permit à M. Kiss d'aboutir à de nouveaux résultats, différents des précédents, en ce qui concerne le système de la propriété paysanne. M. P. Gunst étudia, sur la base de multiples sources, les rapports démographiques du comité de Bereg, l'un des centres des luttes pour l'indépendance, au XVIIe siècle. Ses recherches attirent l'attention sur le processus de régénération qui, à la fin du XVIIe siècle, devait constituer la base matérielle de la lutte pour l'indépendance conduite par Ferenc II Rákóczi. Au cours de ses recherches sur les villes hongroises fondées grâce au capital commercial allemand, M. O. Paulinyi étudia les plans de plusieurs cités minières et, essaya, à l'aide de ses plans, d'esquisser la stratification sociale de ces villes.

En dehors des résultats concrets auxquels ils ont permis d'aboutir, les travaux effectués jusqu'à présent sont importants, parce qu'ils ont permis de mettre au point des méthodes communes à l'aide desquelles l'agriculture des comitats de la Haute Hongrie, au XVIe, au XVIIe et au XVIIIe siècles (jusqu'au décret de l'Impératrice Marie-Thérèse sur la réglementation des domaines seigneuriaux) pourra être efficacement traitée sous forme de monographies. Bientôt, le groupe de travail chargé d'étudier l'histoire de la culture matérielle entreprendra, en dehors des recherches sur l'agriculture, de réunir des collections de documents comparatifs. L'on travaille avant tout à réunir des documents relatifs à la sidérurgie, à l'industrie textile et à la minoterie en Europe Orientale, ce qui, plus tard, permettra l'étude comparative de l'histoire de la culture matérielle dans les différents pays d'Europe Orientale.

L'étude de l'historiographie hongroise

Début 1955, le Société d'Histoire Hongroise a constitué une communauté de travail en vue d'étudier l'histoire des ouvrages historiques hongrois et de publier les résultats de ces travaux. Plusieurs faits ont rendu nécessaire l'accomplissement d'une telle tâche. L'histoire des ouvrages historiques, que l'on appelle aujourd'hui généralement historiographie, était l'un des domaines les plus négligés par les historiens bourgeois hongrois. La dernière tentative de donner un aperçu du développement de l'historiographie hongroise a été faite en 1877 par un historien de la Suisse alémanique, Alexandre Flegler. Depuis, de nombreuses études de détail ont paru ; elles traitaient des problèmes soulevés par certains ouvrages ou par l'acti-

vité de certains historiens. Des tentatives — hélas! peu durables! — ont été faite en vue d'éclairer certains domaines particuliers, ou certaines époques de l'historiographie. Cependant, tous ces ouvrages ne pouvaient — en raison même des considérations qui présidaient à leur rédaction — servir de point de départ d'un nouvel aperçu de l'historiographie hongroise.

Après 1945, et parallèlement aux progrès réalisés en Hongrie par la conception marxiste—léniniste de l'histoire, d'importants résultats ont été obtenus dans les recherches sur les ouvrages historiques datant de la féodalité et du régime bourgeois, et dans la critique de ces ouvrages. Recherches et critiques portaient sur certains problèmes, sur certaines écoles, et sur certaines tendances particulières. Les premiers résultats sont dus à *E. Lederer*, *E. Pamlényi* et *J. Szigeti*. *E. Lederer* a donné la critique des ouvrages historiques relatifs à la féodalité; *E. Pamlényi* a écrit une biographie de *Mihály Horváth*, le plus grand historien bourgeois du siècle dernier, tandis que *József Szigeti* a critiqué à fond la conception de la philosophie de l'histoire des tenants de la tendance dite «de l'histoire de l'esprit».

L'étude des ouvrages historiographiques a été encouragée par l'essor international de cette science qui a pris une place importante dans les travaux du Xe Congrès International des Historiens, tenu à Rome. L'importance des travaux d'historiographie dans la lutte contre les vieilles conceptions bourgeoises et contre les tendances nourris par l'impérialisme contemporain apparut avec évidence.

Les recherches de la communauté de travail fondée en vue d'étudier l'historiographie hongroise ont porté leurs premiers fruits cette année. Tout en effectuant des recherches sur les traditions progressistes de l'historiographie hongroise, *Á. R. Várkonyi* a donné une appréciation moderne de l'oeuvre de *Kálmán Thaly*, historien hongrois de la fin du XIXe siècle. De son côté, *P. Gunst* a terminé son étude sur l'oeuvre d'*Ignác Acsády*, le premier historien hongrois qui se soit penché sur l'histoire économique et sociale de son pays. Les autres travaux actuellement en cours portent, d'une part, sur l'oeuvre d'historiens de valeur (*Mátyás Bél*, *Benedek Virág*, *István Horváth*, *László Szalay*, *Sándor Márki*, *Gyula Szekfü*) d'autre part sur le rôle joué par certaines tendances (positivisme, etc.). D'autres problèmes seront également traités; certaines études seront consacrées à la conception de l'histoire des sociaux-démocrates hongrois, à une appréciation critique des ouvrages portant sur l'ensemble de l'histoire de la Hongrie, ou — comme celle de *Zs. Lévai* — à la critique des ouvrages bourgeois sur la République Hongroise des Conseils.

L'Institut d'Histoire de l'Académie des Sciences de Hongrie s'est chargé récemment de certaines tâches importantes relatives à l'historiographie. A côté de certains problèmes de détail, les recherches de cet Institut portent surtout sur les tendances impérialistes de l'«*Ostforschung*» allemand, sur les éléments et l'influence de la conception dite «est-européenne» des ouvrages historiques, enfin sur l'analyse de la conception de l'histoire de l'émigration hongroise.

BIBLIOGRAPHIE

I. Extrait du répertoire des ouvrages historiques (livres, études, articles) (1er janvier — 30 juin 1957)

1. Список избранных произведений (книг, исследований, статей) по истории (1-ое января — 30-ое июня 1957 г.)

1. Bibliographie — Библиографии

Életrajzok — életművek. Folyóiratcikk-bibliográfia. 1956. augusztus. (Összeáll. Köves E.) (Kiad. a Fővárosi Szabó Ervin Könyvtár. (Vies — oeuvres. Bibliographie d'articles de revues. Août 1956. (Présentées par —. — Библиографии творчества. Библиография журнальных статей. Август 1956 г. Publ. par —. Сост. —.] Вр. 1957. Polycor. 20 p.

Az 1955. évi hazai hadtörténeti irodalom bibliográfiája. [Bibliographie de la littérature hongroise de l'histoire militaire de l'année 1955. — Библиография венгерской литературы по военной истории в 1955 г.] НК. 1956. 3ème année, Nr. 3—4. p. 361—381.

Külföldi folyóiratok hadtörténelmi reper-

tórium. 1955—1956. [Répertoire de l'histoire militaire des revues étrangères. 1955—1956. — Реперторий заграничных журналов по военной истории 1955—1956 г.] НК. 1957. 4ème année, Nr. 1—2. p. 331—400.

(Németh E.): Magyar régészeti irodalom. Bibliographia Archaeologica Hungarica. 1955. [Littérature archéologique hongroise. 1955. — Венгерская литература по археологии.] (Вр. 1956.) p. 112—121. (Tirage à part de Archaeológiai Értesítő. — Отд. отпечаток из Archaeológiai Értesítő.)

Sopron bibliográfiája 1955-ben. [Bibliographie de Sopron en 1955. — Библиография города Шопрон в 1955 г.] SSz. 1956. 10ème année, Nr. 4. p. 391—392.

2. Marxisme—léninisme — Марксизм—ленинизм

Engels, Fr.: A hadsereg. [L'armée. — Армия.] НК. 1956. 3ème année. Nr. 3—4. p. 3—39.

Eddig ismeretlen Lenin-dokumentumok. [Documents inconnus de Lénine. — Ненизвестные до сих пор документы Ленина.] TáSz. 1957. 12ème année. Nr. 1. p. 63—70.

Lenin V. I. Művei 1. köt. 1893—1894. [Oeuvres. 1er vol. — Сочинения. Т. 1.] Вр. Kossuth Kiadó. 1957. XIV. 575 p. 5 pl.

Marx K.: A tőke. A politikai gazdaságtan bírálata. (Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie.) 3. köt. 3. könyv. A tőkés termelés összefolyamata. (Ford. Rudas L., Nagy T.) [Le capital. Critique de l'économie politique. Т. 3. Livre 3. Le processus d'ensemble de la production capitaliste. (Trad. par —.) — Капитал. Критика политической экономии. т. 3. кн. 3. Процесс капиталистического производства. (Перевод —.)] 2e éd. Вр. Kossuth Kiadó. 1956 (1957). 910 p.

Kautsky K.: Marx gazdasági tanai. (Karl Marx' ökonomische Lehren.) Népszerű ismeretetés és magyarázat. (A korábbi magyar kiadások felhasználásával ford. Fedor J.) [Doctrines économiques de Marx. Compte rendu et explication populaires. (Trad. avec utilisation des éditions hongroises antérieures par —.) — Экономические доктрины Маркса. Популярное изложение и объяснение. (Перевод с использованием прежних венгерских изданий —.)] Вр. Kossuth Kiadó. 1957. 214 p.

Maller S.: Marx és Szemere. [Marx et Szemere. — Маркс и Семере.] Száz. 1956. 90ème année. No. 4—6. p. 667—708.

Török G.: Milyen jelentésben használja Engels az ideológia szót? [Signification du terme «idéologie» dans les oeuvres d'Engels. — В каком значении использует Энгельс слово идеология?] MNyőr. 1956. 80ème année. No. 4. p. 425—428.

3. Ouvrages généraux et recueils d'études — Общие труды и сборники

Acta Universitatis Szegediensis. Sectio philologica. Nyelv és irodalom. 2. (Szerk. Baróti D., Mészöly G.) [Langue et littérature. 2. (Réd. par —.) — Язык и литература. (Ред. —.)] Szeged 1956 (1957). 142 p.

Du contenu : Из содержания сборника :

J. Koltai-Kastner : Cagliostro [Кайостро.]

E. Halász : Germán eredetű magyar személynévek oklevelezésünk kezdeteitől a könyvnyomtatás koráig. [Noms de personne hongrois d'origine germanique depuis les premières chartes jusqu'à l'époque de l'imprimerie. — Венгерские личные имена германского происхождения от начала использования грамот по время книгопечатания.]

A. Nyíri : A had és a szer. [Recherches sur les mots hongrois «armée» et «moyen» (had et szer). — Венгерские слова had (армия, война) и szer (обзор, способ).]

Arató F.: Iskoláink létesítésének, fejlesztésének problémáiról a múltban és jelenben. [Sur les problèmes de l'institution et du développement de nos écoles au passé et au présent. — О проблемах создания и развития венгерских школ в прошлом и в настоящее время.] Szabolcs—Szatmári Szemle. 1956. No. 1—4., p. 83—93.

Dégh L.: Some questions of the social function of story-telling. [Некоторые вопросы общественной роли сказок.] АЕт. 1957. Т. 6. fasc. 1—2. p. 91—147.

Dömötör T.: Erscheinungsformen des Charivari im ungarischen Sprachgebiet. [Различные виды Шаривари на венгерской территории.] АЕт. 1957. Т. 6. fasc. 1—2. p. 73—89.

Az egri Pedagógiai Főiskola évkönyve. (Szerk. Bakos J.) [Annales de l'École Supérieure de Pédagogie d'Eger. (Réd. par —.) — Сборник Педагогического института г. Эгер. (Ред. —.)] Eger 1957. 547 p. (Acta Academiae Paedagogicae Agriensis 3.)

Du contenu : Из содержания сборника :

J. Bakos : A szép magyar beszéd. (A magyar beszédművelés és beszédnevelés fejlődéstörténete.) [Le beau langage hongrois. (Histoire du développement de la culture et de l'enseignement du parler hongrois). — Правильная венгерская речь. (История развития речевой культуры и воспитания правильной речи в венгерском языке.)]

L. Némegy : Bessenyei elődei és kortársai. (Adalék a magyar felvilágosodás

történetéhez.) [Précurseurs et contemporains de Bessenyei. (Contribution à l'histoire des Lumières hongroises.) — Предшественники и современники Бешенеи. (Данные по истории венгерского просвещения.)] (Tirage à part. — Отд. оттиск.)

I. Szántó : A parasztság helyzete a veszprémi káptalan birtokain (1711—1780). [Situation des paysans sur les domaines du chapitre de Veszprém 1711—1780. — Положение крестьянства в имениях соборного капитула г. Веспрем. 1711—1780.] (Tirage à part. — Отд. оттиск.)

J. Nagy : A magyar tanácsköztársaság vörös hadseregének hadműveletei Heves megye területén. [Opérations militaires de l'Armée Rouge de la République Hongroise des conseils sur le territoire du comitat de Heves. — Военные действия Красной Армии Венгерской Советской Республики в территории комитата Хевеш.] (Tirage à part. — Отд. оттиск.)

I. Hahn : Iulianus és Antiochia. [Iulianus et l'Antiochie. — Юлиан и Антиохия.] (Tirage à part. — Отд. оттиск.)

Z. Szőkefalvi-Nagy : Adatok a magyar kémia történetéhez. (A másfél évszázados »Magyar Chémia«. [Contribution à l'histoire de la chimie hongroise. (La »Magyar Chémia« parue il y a 150 ans.) — Данные по истории венгерской химии. (150-летняя «Венгерская химия».)] (Tirage à part. — Отд. оттиск.)

Mihail Ilarionovics Kutuzov levelei. Közli Bihari J. [Lettres de Mikhaïl Ilarionovitch Koutousoff. Prés. par —. Письма Михаила Илларионовича Кутузова. Сообщ. —.]

Adat a magyar könyvkiadás történetéhez. Közli Bakos J. [Contribution à l'histoire de l'édition de livres en Hongrie. Prés. par —. — Данные по истории венгерского книгоиздательства. Сообщ. —.]

Adatok a Thaly-vitához. Közli Bakos J. [Contribution à la polémique autour de l'oeuvre de l'historien Thaly. Prés. par —. — Данные по дискуссии о творчестве историка Тали. Сообщ. —.]

Ember Gy.: A kétszázéves Országos Levéltár. [Les deux cents ans des Archives Nationales. — 200 лет Венгерскому Национальному Архиву.] ЛК. 1956. 27ème année. p. 3—30.

A Fővárosi Szabó Ervin Könyvtár évkönyve. 5. 1955. (Szerk. biz. Flórián L., Katona K. stb.) [Annales de la Bibliothèque Municipale

«Szabó Ervin» à Budapest. 5. 1955. (Réd. par —, etc.) — Сборник Столичной Библиотеки им. Эрвина Сабо. (Ред. ком. —.) Вр. 1957. 107 p.

Du contenu: Из содержания сборника:

L. Remete: A Szabó Ervin Könyvtár a Tanácsköztársaság alatt. [La Bibliothèque «Szabó Ervin» pendant la République Hongroise des Conseils. — Библиотека им. Эрвина Сабо во время Венгерской Советской Республики.]

M. Schreiber: A régi Pest-Buda az egykorú újságok hirdetésein és kishíreiben. [L'ancien Pest-Buda à travers les annonces et les nouvelles brèves des journaux de l'époque. — Старый город Пешт-Буда в свете анонсов и мелких известий современных газет.]

J. Zoltán: Buda visszavívása évfordulójának megünneplése. [Commémoration de l'anniversaire de la reprise de Buda. — Ознаменованье годовщины взятия крепости Буда (1686).]

A Francia Nemzeti Levéltár Magyarország történetére vonatkozó anyaga. [Matériel relatif à l'histoire de la Hongrie dans les Archives Nationales de France. — Материалы Французского национального архива, относящиеся к истории Венгрии.] LH. 1957. 7ème année. No. 1—2. p. 91—94.

Görög L.: A magyar mezőgazdaság fejlődése (1895—1954). [Développement de l'agriculture hongroise (1895—1954). — Развитие венгерского сельского хозяйства (1895—1954).] Agrártudomány. 1957. 9ème année. No. 3. p. 6—10. No. 4. p. 5—9.

Gunda V.: A hortobágyi pásztorkodás múltja. [La vie des pâtres du Hortobágy dans les temps passés. — Прошлое пастушеской жизни на территории Хортобадь при г. Дебрецен.] EIT. 1957. 12ème année. No. 25. p. 782—787.

(Hatvany L.—Belia Gy.): Magyarok beszélnek. Szemelvények emlékiratokból. Vál. — (Rev. Hatvany L. Jegyz. ell. Belia Gy.) [Des Hongrois parlent. Morceaux choisis de mémoires. — (Préf. de —, notes de —.) — Венгры говорят. Отрывки мемуаров. (Введ. — Примеч. —)] (Вр.) Szépirod. Kiadó, 1957. 638 p. pl. h.-t.

Jakóby L.: A magyar szoboröntészet (műöntészet) története. [Histoire du coulage des statues en Hongrie. — История отливки старуи в Венгрии.] Öntöde. 1957. 8ème année. No. 1—2. p. 1—8.

Keresztury D.: A magyar irodalom képeskönyve. (Összeáll. —) [Album d'images de la littérature hongroise. Prés. par —.] — Книга с картинками по истории венгерской ли-

тературы. (Сост. —)] Вр. Magvető. 1956 (1957), 343 p. 10 pl. h.-t.

Lipták G.—Zákonyi F.: Veszprém megye a szabadságháborúkban. [Le comitat de Veszprém dans les luttes de l'indépendance. — Комитат Веспрем в освободительных борьбах.] Veszprém, Veszprém m. Tanács, 1957. 112 p. (Veszprémi könyvek 1.)

Manga J.: Die Hochzeitsgebräuche der Paloczen und ihre slowakischen Analogien. [Свадебные обычаи венгерских половцев и их словацкие аналогии.] AEt. 1957. T. 6. fasc. 1—2. p. 194—218.

Mollay K.: Sopron vármegye vázlatos története. [Esquisse d'une histoire du comitat de Sopron. — Очерк истории комитата Шопрон.] Вр. Akad. Kiadó. 1957. p. 39—112. (Tirage à part de la 2e éd. de l'ouvrage «Monuments historiques de Sopron et ses environs». — Отдельный оттиск из 2. издания «Художественные памятники города Шопрон и окрестностей».)

Molnár E.: A kapitalizmus gazdasági törvényeiről. [Sur les lois économiques du capitalisme. — Об экономических законах капитализма.] TáSz. 1957. 12ème année. No. 2. p. 29—43.

Művészettörténeti tanulmányok. (Művészettörténeti Dokumentációs Központ évkönyve. 1954—55.) (Szerk. Dávid K.) [Études de l'histoire d'art. (Annales du Centre de Documentation de l'Histoire d'Art. 1954—55.) (Réd. par —.) — Статьи по истории искусств. (Сборник Центра документации по истории искусств.) (Ред. —)] Вр. Kézsműv. Alap. 1957. 471 p.

Du contenu: — Из содержания сборника:

J. Csemegi: Trinitász-szimbólumok és ábrázolások a középkori Magyarország művészetében, eredetük, továbbélésük és népművészeti kapcsolataik. [Symboles et représentations de la trinité dans l'art de la Hongrie du moyen-âge. Origines, survivance et relations avec l'art populaire. — Символы и изображения троицы в искусстве средневековой Венгрии, их происхождение, дальнейшая жизнь и связи с народным искусством.]

P. Voit: Gyarmati Dénes mester és a régi magyar építőgyakorlat. [Dénes Gyarmati maître-maçon et l'ancienne pratique de la construction en Hongrie. — Магистер Денеш Дярмати и старая венгерская строительная практика.]

S. Mihalik: Adatok a regézi porcelángyártás történetéhez. [Contribution à l'histoire de la fabrication de porcelaine de Regécz. — Данные по истории фарфорового производства в с. Перец.]

Zlinszkiné Sternegg M.: Az első magyar «butorgyárnok» (Vogel Sebestyén Antal 1779?—1837). [Le premier «fabricateur de meubles» hongrois (Sebestyén Antal Vogel 1779?—1837). — Первый венгерский фабрикант мебели (Шебештен Антал Фогел 1779?—1837).]

Ybl E.: A budai várpalota építése. [La construction du château de Buda. — Постройка крепостного дворца в г. Буда.]

Aradi N.: A magyar történeti festészet az 1880-as évektől az 1919-es proletárdiktatúráig. [La peinture historique hongroise des années 1880 jusqu'à la dictature du prolétariat en 1919. — Венгерская историческая живопись с 1880-х годов по время диктатуры пролетариата 1919 г.]

Farkas Z.: A Munkácsy-ösztöndíj története. [Histoire de la bourse Munkácsy. — История стипендии им. Мункачи.]

Néprajzi Értesítő. Nemzeti Múzeum, Néprajzi Múzeum évkönyve. 38. 1956. (Szerk. biz.: Diószegi V., Kardos L. stb.) [Bulletin Ethnographique. Annales du Musée National et du Musée Ethnographique. 38. 1956. (Réd. par —.) — Этнографический Бюллетень. Ежегодник Этнографического Музея Национального Музея. 38. 1956. (Ред. ком. —.)] Вр. 1956. (1957), Műveltség 336 p. 2 tabl.

Du contenu : — Из содержания :

Belényesy M.: Az állattartás a XIV. században Magyarországon. [L'élevage dans la Hongrie du XIVe siècle. — Животноводство в Венгрии XIV в.]

Nagy Gy.: Az utolsó működő szárazmalom. [Le dernier moulin à manège en service. — Последняя действующая мельница с конной тягой.]

Boros M.: A nagybudapesti és pestkörnyéki paradicsomkultúra gazdasági és néprajzi vizsgálata. [Analyse économique et ethnographique de la culture de tomates de Grand-Budapest et de ses environs. — Экономическое и этнографическое исследование культуры томата в г. Большом Будапеште и его окрестностях.]

Sándor I.: Otthon és summásság a mezőkövesdi matyók életében. [Les Matyós chez eux et comme moissonneurs à participation. — Домашний очаг и отхожие промыслы в жизни крестьян окрестностей г. Мезекевешд.]

Kovács Á.: Ipolyi Arnold folklór-gyűjteménye a Néprajzi Múzeum kéziratgyűjteményében. [Le recueil de folklore

d'Arnold Ipolyi dans la collection de manuscrits du Musée Ethnographique. — Фольклорная коллекция Арнолда Ипольи в коллекции рукописей Этнографического Музея.]

K. Kovács L.: A falu tehene. (Szerepe, jelentősége Bőcs község szarvasmarhatartásának tükrében.) [La vache du village. (Son rôle et son importance vus à travers l'élevage de bétail de la commune Bőcs. — Корова деревни. (Ее роль, значение в свете скотоводства деревни Беч.)]

Raksányi L.: A magyar borok és borkülönlegességek jellegének kialakulása. Irányos J., Domahidy M. stb. hozzászólásával. [La formation du caractère des vins et des spécialités de cru hongrois. Avec les contributions de —. — Образование характера венгерских вин и винных специалитетов. С выступлениями —.] Magyar Tudományos Akadémia Agrártudományok Osztályának Közleményei. 1957. T. 12. No. 1—4. p. 259—279.

Szenci M.: A költői és történeti igazság kérdéséhez. [Sur le problème de la vérité poétique et de la vérité historique. — К вопросу о поэтической и исторической правде.] FK. 1956. 2ème année. No. 4. p. 437—449.

A történeti statisztika forrásai. Szerk. Kovácsics J. [Sources de la statistique historique. Réd. par. —. — Источники исторической статистики. Ред. —.] Вр. Közgazd. és Jogt. Kiadó. 1957. 460 p. 16 pl. h.-t. 8 cartes. (A Központi Statisztikai Hivatal és az Országos Levéltár kiadványa.)

Du contenu: Из содержания сборника:

Kovácsics J.: Bevezetés a történeti statisztika forrásainak tanulmányozásába. [Introduction à l'étude des sources de la statistique historique. — Введение в изучение источников исторической статистики.]

Bakács I.: A dicális összeírások. [Les recensements «dicalis». — Дикальные переписи.]

Pa B.: A dézsmajegyzékek mint a történeti statisztika forrásai. [Les registres des dîmes comme sources de la statistique historique. — Оброчные списки, как источники исторической статистики.]

Maksay F.: Urbáriumok. [Listes des relevances féodales. — Урбарии (барщинные ведомости).]

Dávid Z.: Az 1715—20. évi összeírás. [Le recensement des années 1715—20. — Перепись 1715—1720 гг.]

Felhő I.: A Mária Terézia úrbérrendezése során készült adatfelvételek. [Les enquê-

tes faites au cours de la réorganisation des redevances féodales sous Marie Thérèse. — Обследования, проведенные в ходе урегулирования барщины во время Марии Терезии.]

Acsádi Gy.: Az 1784—85. évi népszámlálás és az ezen alapuló népességnyilvántartások. [Le recensement des années 1784—85 et les enregistrements de la population dont il fut à la base. — Перепись населения 1784/85 гг. и учеты народонаселения, составленные на этой основе.]

Bottló V.: Az 1828. évi országos összeírás. [Le recensement national de l'année 1828. — Общегосударственная перепись 1828 года.]

Trócsányi Zs.: Erdélyi összeírások. [Recensements en Transylvanie. — Трансильванские переписи.]

Thirring G.: A városok népességének 1848. évi összeírása a soproni «Népszámlálás» és főbb eredményei tükrében. [Recensement de la population dans les villes en 1848 à travers le «Recensement» de Sopron et ses résultats principaux. — Забытая старая венгерская перепись — шопронская перепись 1848 года.]

Bibliográfia. (Bibliographie. — Библиография.)

Történeti statisztikai táblázatok. [Tableaux de statistique historique. — Таблицы по исторической статистике.]

4. La préhistoire hongroise. La Hongrie à l'époque romaine et pendant la migration des peuples. Histoire de la Hongrie jusqu'à 1526 — Предистория венгров. Венгрия во время римской империи и переселения народов. История Венгрии по 1526 г.

Balázs É. N.: Mátyás a kortársak között. Írások, levelek. A szövegeket vál. — Bev. Elekes L. [Mathias parmi ses contemporains. Documents écrits. Textes choisis par —. Préface par. — Король Матиас в кругу современников. Сочинения, письма. Тексты выбрала —. Введ. —.] Вр. Bibliotheca. 1957. XXXIX. 201 p. 10 pl.

Belényesi M.: A földművelés Magyarországon a XIV. században. [L'agriculture en Hongrie au XIVème siècle. — Земледелие в Венгрии в XIV в.] Száz. 1956. 90ème année, No. 4—6. p. 517—555. 2 pl.

Belényesi M.: Középkori mezőgazdaságtörténetünk kutatási módszereiről. [Sur les méthodes de recherches de l'histoire de l'agriculture de Hongrie au moyen-âge. — О методах исследования истории сельского хозяйства Венгрии в средние века.] Вр. Mezőgazd. Kiadó. 1957. 37 p. (Az Agrártudományi Egyetem Központi Könyvtárának kiadványai. 5. sor. Agrártörténeti tanulmányok 1.)

Bóna I.: Die Longobarden in Ungarn. Die Gräberfelder von Várpalota und Bezenye. [Лонгобарды в Венгрии. (Могильники в сс. Варпалота и Безень.)] AAg. 1956. T. 7. Fasc. 1—4. p. 183—244. 15 pl.

Csallány D.: Памятники византийского металлообрабатывающего искусства. [Les monuments de l'industrie byzantine des métaux.] I—II. AA. 1954. T. 2. Fasc. 3—4. p. 311—348. 1956. T. 4. Fasc. 1—4. p. 261—291.

Csallány D.: A X. századi avar továbbélés problémája. [Le problème de la survivance

avare au Xe siècle. — Проблема продолжения аварского населения в X. в.] Szabolcs-Szatmári Szemle. 1956. No. 1—4. p. 39—48. 4 pl.

Dienes I.: Un cimetière de Hongrois conquérants à Bashalom. (Fouilles exécutées par L. Kiss.) Avec un Appendix de M. Frech: Les restes de bois recueillis au cimetière de Bashalom. [Венгерский могильник времени завоевания родины из Башалом (ком. Саболч). С приложением: Деревянные остатки, найденные в могильнике из Башалом.] AAg. 1956. T. 7. Fasc. 1—4. p. 245—277. 8 pl.

Elekes L.: Hunyadi János. [János Hunyadi. — Янош Хуняди.] Száz. 1956. 90ème année, No. 4—6. p. 509—516.

Fitz J.: A középkori Székesfehérvár. [La ville de Székesfehérvár au moyen-âge. — Г. Секешфехервар в средние века.] Székesfehérvár. 1956. (1957.) 28 p. (István király Múzeum közleményei B. sor. 11.)

Fügedi E.: Kaschau, eine osteuropäische Handelsstadt am Ende des 15. Jahrhunderts. [Кашша (Кошице), торговый город Восточной Европы в конце XV в.] SSl. 1956. T. 2. fasc. 1—4. p. 185—213. (Tirage à part. — Отд. оттиск.)

Gerics J.: A királyi kápolna tagjai által folytatott hiteleshelyi tevékenység történetéhez. [Contribution à l'histoire de l'activité de «lieu authentique» poursuivie par les membres de la chapelle royale. — К вопросу о деятельности членов королевской капеллы в качестве ведомственного учреждения (locus credibilis).] LK. 1956. 27ème année p. 31—34.

- Horváth J. jun.: A prózaritmus és forrás-kritika. Válasz Mezey Lászlónak. (Mezey László megjegyzéseivel.) [Le rythme de prose et la critique des sources. Réponse à L. Mezey. (Avec les remarques de Mezey.) — Ритм в прозаических произведениях и критика источников. Ответ Л. Мезей. (С замечаниями Л. Мезей.)] FK. 1957. 3ème année. No. 1. p. 135—150.
- Horváth M.: A magyar állam nemzetközi helyzetének főbb vonásai és a magyar—szláv katonai együttműködés a XI. században. [Les traits principaux de la situation internationale de l'état hongrois et la coopération militaire hungaro—slave au XIème siècle. — Основные черты международного положения венгерского государства и военное сотрудничество венгров и славян в XI. в.] НК. 1956. 3ème année. No. 2. p. 27—58. 1 pl. h.-t.
- Horváth M.: Nyugati határvédelmünk stratégiai-taktikai jelentőségének néhány kérdése a XI—XII. században. [Quelques problèmes de l'importance stratégique-tactique de la défense des frontières de l'Ouest de la Hongrie aux XI—XIIe siècles. — Некоторые вопросы стратегического и тактического значения обороны западной границы Венгрии в XI—XII вв.] НК. 1957. 4ème année. No. 1—2. p. 120—178.
- Hrabek I.: Ein arabischer Bericht über Ungarn (Abu Hamid al-Andalusi al-Garnati, 1080—1170.) [Арабское сообщение о Венгрии.] АО. 1955. Т. 5. fasc. 3. p. 205—230.
- Hunyadi I.: Kelták a Kárpátmedencében. Leletanyag. [Les Celtes dans le bassin des Carpathes. Matériel de fouilles. — Кельты в бассейне Карпат. Материал находок.] (Вр.) Tört. Múz 1957. Polycop. 268 p.
- Intereisa. 2. (Dunapentele.) Geschichte der Stadt in der Römerzeit. (Red. von I. Borzsák. Übers. von J. Kende. Vorw. von L. Barkóczy. [История города в римскую эпоху. Ред. — Немецкий перевод —. Введ. —.] Вр. Akad. Kiadó. 1957. 655 p. 95 pl. h.-t. (Archaeologia Hungarica. Dissertationes archaeologicae Musaei Nationalis Hungarici ser. nov. 36.)
- Járdányi-Paulovics I.: Nagytétényi kutatások. [Recherches à Nagytétény. — Раскопки в с. Надьтетьень.] (Вр.) 1957. Tört. Múz. Polycop. 57 p. 10 pl. 3 cartes. (Régészeti füzetek 3.)
- Komjáthy M.: Hunyadi kormányzói cancelláriájáról. [La chancellerie du gouverneur Hunyadi. — О правительской канцелярии Яноша Хуньяди.] LK. 1956. 27ème année. p. 35—47.
- László Gy.: Jegyzetek a Homokmégyhalomi késő avar temetőhöz. [Notes sur le cimetière avare de Homokmégyhalom. — Замечания к позднему аварскому могильнику в с. Хомокмедьхалом.] AnK. 1956. Т. 4. Cahier 2. p. 43—45. 2 pl.
- Lipták P.: Contributions à l'anthropologie des temps avars de la région de Kiskőrös. [Данные к антропологии аварской эпохи в окрестностях г. Кишкереш.] CrH. 1956. Т. 1. No. 2. p. 47—52.
- Lipták P.: Homokmégy-Halom avarkori népessége. [Population de Homokmégy-Halom aux temps avars. — Население с. Хомокмедьхалом в аварскую эпоху.] AnK. 1956. Т. 4. No. 2. p. 25—42.
- Lipták P.: Zur Frage der anthropologischen Beziehungen zwischen dem mittleren Donaubekken und Mittelasiien. [К вопросу об антропологических связях между средним Дунайским бассейном и Центральной Азией.] АО. 1955. Т. 5. Fasc. 3. p. 271—312. 5 pl.
- Magyarország régészeti leletei. Szerk. B. Thomas E. [Fouilles archéologiques de Hongrie. Réd. —. — Археологические находки Венгрии. Ред. —.] Вр. Corvina. 1957. 446 p. 4 cartes.
- Magyarország története. 1. Magyarország középkori története a honfoglalástól 1790-ig. 1. Elekes L. — Léderer E. — Székely Gy.: Magyarország története a korai és virágzó feudalizmus korszakában. (A honfoglalástól 1526-ig.) (Bev. Elekes L. A kép- és térképmelléleteket tervezte és összeáll. Györfly Gy.) Egyetemi tankönyv. [Histoire de la Hongrie. I. Histoire de la Hongrie au moyen-âge, de la conquête du pays jusqu'à 1790. 1. —: Histoire de la Hongrie à la première époque du féodalisme et à l'époque du féodalisme florissant (De la conquête du pays jusqu'à 1526.) (Préf. par — III. et cartes h.-t. par —.) Manuel d'enseignement universitaire. — История Венгрии I. История Венгрии в средние века от завоевания родины по 1790 г. 1. — История Венгрии в период раннего и расцветающего феодализма. (От завоевания родины по 1526 г.) Введ. —. Карты и приложения сост. —. Университетский учебник.] Вр. Tankönyvkiadó. 1957. 359 p.
- Malán M.: L'anthropologie du cimetière de Bodrogszerdahely. (Xe siècle.) [Антропология могильника в с. Бодрогсердахель. (X в.)] CrH. 1956. Т. 1. No. 2. p. 61—74.
- Megay G.: Az Ároktó-dongóhalmi honfoglalás kori magyar temető. [Le cimetière hongrois à Ároktó-Dongóhalma de l'époque de la conquête du pays. — Венгерский могильник времен завоевания родины в с. Арокте-Донгохалом.] ММК. juin 1956. p. 15—21.
- Megay G.: A Miskolc-repülőtéri honfoglalás kori magyar temető. [Un cimetière hongrois

de l'époque de la conquête du pays près de l'aérodrome de Miskolc. — Венгерский могильник времен завоевания родины при аэродроме в г. Мишколц.] ММК. déc. 1956. p. 14—21.

Melich J.: Einige Personen- und Völkernamen. [О некоторых личных именах и названиях народов.] AL. 1957. T. 6. fasc. 4. p. 425—440.

Mithay S.: A kőbaltás ember Győrött. [L'homme à la hache de pierre à Győr. — Человек каменного топора в г. Дьёр.] Győr. 1957. 48 p.

Mithay S.: Régészeti adatok a győri járás történetéhez. [Données archéologiques de l'histoire du district de Győr. — Археологические данные к истории района Дьёр.] Győr, Győr-Sopron megyei Tanács. 1956. (1957.) 99 p.

Mócsy A.: Die Entwicklung der Sklavenwirtschaft in Pannonien zur Zeit des Prinzipates. [Развитие рабовладельческого хозяйства в Паннонии во время принципата.] AA. 1956. T. 4. fasc. 1—4. p. 221—250.

Moór E.: Die Ausbildung der Betriebsformen der ungarischen Landwirtschaft im Lichte der slawischen Lehnwörter. [Формирование производственных приемов венгерского сельского хозяйства в свете заимствованных славянских слов.] SSI. 1956. T. 2. fasc. 1—4. p. 31—117. (Tirage à part. — Отд. оттиск.)

Nagy T.: The military diploma of Albertfalva. [Военный диплом из с. Албертфалва.] AAg. 1956. T. 7. fasc. 1—4. p. 17—71.

Nemeskéri J.: La population de Brigetio (II—IVe siècles). [Население г. Бригетцио (II—IV вв.)] CrH. 1956. T. 1. No. 2. p. 37—46.

Párducz M.: Beiträge zur Geschichte der Sarmaten in Ungarn im II. und III. Jahrhundert. [Материалы к истории сарматов в Венгрии в II—III вв. н. э.] AAg. 1956. T. 7. fasc. 1—4. p. 139—182. 5 pl.

Pataki P.: A Szerencs-hajdúréri rézkori temető. [Un cimetière de l'âge de cuivre à Szerencs-Hajdúrét. — Могильник медного века при с. Серенч—Хайдурет.] ММК. juin 1956. p. 5—14.

5. Histoire de la Hongrie 1527—1790 — История Венгрии в 1527—1790 гг.

Benda K.: Bónis György Hajnóczy-könyvéről. [Une biographie de Hajnóczy par G. Bónis. — О книге Дьердя Бониш о Йозефе Хайноци.] Száz. 1956. 90ème année. No. 4—6. p. 736—740.

Berényi O.: Ismeretlen dokumentumok Bes-

Perényi J.: Взаимоотношения между венграми и восточнославянскими племенами. [Relations entre les Hongrois et les tribus slaves de l'Est.] SSI. 1956. T. 2. No. 1—4. p. 1—29. (Tirage à part. — Отд. оттиск.)

Rónay Gy.: Bogumilizmus Magyarországon a XI. század elején, Gellért püspök «Deliberatio»-jának tükrében. [Le bogomilisme en Hongrie au début du XIe siècle, à travers la «Deliberatio» de l'évêque Gellért. — Богомилство в Венгрии около начала XI в. в отражении сочинения Deliberatio (размышление) епископа Геллерта.] ИТК. 1956. 60ème année, No. 4. p. 471—474.

Sodró L.: Sopron környéki őskori vaskohászatra vonatkozó eddigi kutatásokról. [Les recherches sur la métallurgie du fer de l'âge primitif dans les environs de Sopron. — О произведенных до сих пор исследованиях относительно черной металлургии в первобытные времена в окрестностях г. Шопрон.] SSz. 1956. 10ème année. No. 4. p. 335—344.

Székely Gy.: A huszitizmus és a magyar nép. [Le hussitisme et le peuple hongrois. — Гуситизм и венгерский народ.] Száz. 1956. 90ème année. Nos. 3—6. p. 331—367., 556—590.

Szőke B.: Spuren des Heidentums in den frühmittelalterlichen Gräberfeldern Ungarns. [Следы язычества в ранне-средневековых могильниках Венгрии.] SSI. 1956. T. 2. fasc. 1—4. p. 119—155. (Tirage à part — Отд. оттиск.)

Thoma A.: Antropológiai vizsgálatok az Ároktő-dongóhalmi temető csontvázáin. [Recherches anthropologiques sur les squelettes du cimetière de Ároktő-Dongóhalma. — Антропологические изучения скелетов из могильника в с. Арокте-Донгохалом.] ММК. juin. 1956. p. 22—36.

Vértes L.: Az őskor embere Magyarországon. [L'homme de l'âge préhistorique en Hongrie. — Человек первобытных времен в Венгрии.] (Bp. 1957.) Tört. Múz. Polycop. 16 p. 2 pl.

Wenger S.: Les découvertes anthropologiques de Kunszentmárton provenant de la période avar. [Антропологические находки при с. Кунсентмартон из аварской эпохи.] CrH. 1956. T. 1. No. 2. p. 53—59.

senyei György életéből. [Documents inconnus de la vie de György Bessenyei. — Неизвестные документы из жизни Дьердя Бешенеи.] Szabolcs—Szatmári Szemle. 1956. No. 1—4. p. 60—67.

Csapodi Cs.: Kiadatlan Zrínyi-levelék az

- Eszterházy-levéltárból. [Lettres inédites de Zrínyi dans les archives Eszterházy. — Неизданные письма Миклоша Зрини в архиве семьи Эстерхази.] ИТК. 1956. 60ème année. No. 4. p. 490—497.
- Cseh-Szombathy L.: I. Rákóczy György 1644-es hadjárata. [La campagne de 1644 de György Rákóczy I. — Поход Дьердя Ракоци I в 1644 г.] НК. 1956. 3ème année. No. 1. p. 43—76. 1957. 4ème année. No. 1—2. p. 170—203.
- Csillag F.: Budavár visszafoglalása 1686-ban. [La reconquête de Budavár en 1686. — Взятие крепости Буда в 1686 г.] НК. 1956. 3ème année. No. 3—4. p. 150—157.
- Dankó I.: A hajdúnánási Testhalom mondája és a hajdúk eredete. [La légende du Testhalom à Hajdúnánás et l'origine des Hatdouks. — Предание о «Тештхалом» (Куча тел) в с. Хайдунаш и происхождение хайдуков.] ЕТ. 1956. 67ème année. No. 4. p. 519—535.
- Dávid Gy.—Tordai Z.: A kuruckor költészet. (Antológia.) [Bev.] Tordai Zádor. [La poésie de l'époque kouroutz. (Anthologie.)] (Préf. par —.) — Пoesия времен восстаний куруцев. (Антология.) Введ —.] 1—2. Bukarest—Вр. Ал. Irod. és Művészeti Kiadó—Szépirod. Kiadó. 1957.
- Décsey Gy.: К вопросу об оценке чередских текстов. [Question de l'appréciation des textes de Csergöd.] SSL. 1956. T. 2. fasc. 1—4. p. 215—219. (Tirage à part — Отд. оттиск.)
- Dezsényi M.: Hadiesemények a Dunán Buda 1686-os ostroma idején. [Opérations militaires sur le Danube lors du siège de Buda en 1686. — Военные действия на Дунае во время осады крепости Буда в 1686 г.] НК. 1957. 4ème année. No. 1—2. p. 241—251.
- Durza S.: Weszprémi István levelei Pray Györgyöz. [Lettres d'István Weszprémi à György Pray. — Письма Иштвана Веспреми к Дьердю Прай.] МК. 1957. 73ème année. No. 2. p. 166—170.
- Esze T.: A szepesi kamara levéltára a Rákóczi-szabadságharc idejében. (Fejezet a Rákóczi-szabadságharc levéltár-ügyének történetéből.) [Les archives de la chambre de Szepes à l'époque de la guerre d'indépendance de Rákóczi. (Un chapitre de l'histoire des archives de la guerre d'indépendance de Rákóczi.) — Архив сепешской (спишской) камеры в эпоху борьбы за свободу, руководимой Ференцем II Ракоци. (Глава из истории архивного дела во время борьбы за свободу.)] ЛК. 1956. 27ème année. p. 48—73. 2 pl.
- Fodor F.: Szatmárvár. (Egy török- és kuruckori végvár életrajza.) [Monographie d'un château des confins à l'époque de la domination turque et à l'époque kouroutz. — Крепость Сатмар. (Жизнеописание пограничной крепости в эпоху турецких и куруцких войн.)] НК. 1956. 3ème année. No. 3—4. p. 63—116.
- Hadnagy A.: Tanulmányok Tolna megye parasztságának XVIII. századi történetéből. [Etudes de l'histoire de la paysannerie du Comitat de Tolna au XVIIIe siècle. — Исследования по истории крестьянства комитата Толна в XVIII в.] Sárkőz. 1956. No. 2. p. 31—38., No. 3—4. p. 30—36.
- Hadrovics L.: Ein Bussgebet der ungarländischen Slowenen aus dem 17. Jh. [Молитва покаяния словенцев Венгрии из XVII в.] SSL. 1956. T. 2. fasc. 1—4. p. 388—394.
- Halmaj J.: A Taxa Pharmaceutica Posoniensis (1745) instrukciói. [Les instructions de la Taxa Pharmaceutica Posoniensis (1745). — Инструкции Таха Фармацевтика Посониенсис (Братиславского фармацевтического порядка) из 1745 г.] Gyógyszerészet. 1957. 1ère année. No. 1—2. p. 29—31.
- Heltai G.: Válogatott írások. 1552—1575. (Összeáll. [és az utószót írta] Nemeskürthy I.) [Oeuvres choisies. 1552—1575. (Prés. et postface par —.) — Избранные сочинения. 1552—1575. Сост. и послесловие —.] Вр. Magvető. 1957. 275 p. (Magyar Könyvtár).
- Herepei J.: A Heltai-nyomda sorsa. [L'héritage de l'imprimerie transylvaine de Gáspár Heltai. — Судьба типографии Гашпара Хелтаи в Трансильвании.] МК. 1957. 73ème année. No. 1. p. 55—58.
- Herepei J.: A legyeződiszes könyvkötés kolozsvári mestere. [Un maître de la reliure en style éventail à Kolozsvár. — Мастер книжного переплета с веерообразными украшениями в г. Коложвар (Клуж).] МК. 1957. 73ème année. No. 2. p. 155—165.
- Horváth B.: A miskolci görögkeleti templom építésének története. [Histoire de la construction de l'église orthodoxe de Miskolc. — История строительства православной церкви в г. Мишколц.] ММК. juin. 1956. p. 61—67.
- Kakuk Zs.: Les mots d'emprunt turcos-omanlis dans le hongrois et les recherches d'histoire phonétique de la langue turque-omanlie. [Венгерские слова, заимствованные из османли-турецкого языка и исследования по фонетической истории османли-турецкого языка.] АО. 1955. T. 5. fasc. 3. p. 181—194.

Kapossy J.: Művészettörténeti regeszták a királyi határozatokból és rendeletekből. I—II. (Közlí) Bánrév Gy. [Extraits des arrêtés et décrets royaux concernant l'histoire de l'art. I—II. Présentés par. — Реестры по истории искусства из королевских решений и декретов. Сообщ. —.] MűÉ. 1956. 5ème année. No. 1—4. p. 47—53., 190—197., 318—330.

Kótay P.: Pápai Páriz Ferenc orvosdoktori értekezése. [Dissertation du médecin Ferenc Pápai Páriz. — Медицинская докторская диссертация Ференца Париз Палаи.] OTKK. 1956. No. 4. p. 62—83.

Krizsán L.: Török vázlat Szigetvár 1566. évi ostromáról. [Esquisse turque du siège de Szigetvár dans l'année 1566. — Турецкий эскиз об осаде крепости Сигетвар в 1566 г.] НК. 1956. 3ème année. No. 2. p. 147—151. 1 pl.

Maday P.: Az 1735. évi békésszentandrási parasztfelkelés. [La révolte des paysans de Békésszentandrás en 1735. — Крестьянское восстание 1735 г. в с. Бекешсентандраш.] Békéscsaba. 1957. 55 p. (Békés megyei népszerű-történelmi ismeretterjesztő sorozat 1.)

Makkai L.: Paraszti és majorsági mezőgazdasági termelés a XVII. században. [Production agricole des paysans et des fermes au XVIIe siècle. — Крестьянское и барское сельскохозяйственное производство в XVII в.] Вр.—Gödöllő. Mezőgazdasági Kiadó. 1957. 31 p. (Az Agrártudományi Egyesület Központi Könyvtárának kiadványai. 5. sor. Agrártörténeti tanulmányok 2.)

Markó Á.: Helyzetjelentések II. Rákóczi Ferenc szabadságharcából. [Rapports sur la situation dans la guerre d'indépendance de François II. Rákóczi. — Сводки о положении из освободительной борьбы Ференца II. Ракоци.] НК. 1956. 3ème année. No. 2. p. 177—188.

Marót K.: «Adriai tengernek Syrenaia groff Zrini Miklos.» [«Syrène de la mer Adriatique, comte Miklós Zrini». (Le poète figure comme syrène sur le titre de son ouvrage.) — «Сирена Адриатического моря», граф Миклош Зрини. (Поэт называется сиреной на первой странице своего произведения.)] ITK. 1956. 60ème année, No. 4. p. 475—477.

Nagy L.: A császári hadsereg támadása a Bocskai szabadságharc ellen 1604 őszén. [L'attaque de l'armée impériale contre la guerre d'indépendance de Bocskai en automne 1604. — Наступление австрийской императорской армии против освободительной борьбы Бочкаи осенью 1604 г.] НК. 1956. 3ème année, No. 3—4. p. 117—149.

Nagy L.: Okmányok a Bocskai-szabadságharc idejéből. [Documents de l'époque de la guerre d'indépendance de Bocskai. — Документы времен освободительной борьбы Бочкаи.] НК. 1956. 3ème année. No. 3—4. p. 291—332.

Ráby Máttyás Önéletírása. (Justizmord und Regierungsgreuel in Ungarn...) (Ford. és [bev] Komlós A. Jegyz. [ell.] Eckhart F.) [Autobiographie de Máttyás Ráby. (Trad. et préf. par —. annot. par —.) Автобиография Маттьяша Раби. (Незаконная казнь и террор правительства в Венгрии.) (Перевод и введ. — Прим. —.)] Вр. Szépirod. Kiadó. 1956. (1957.) 255 p. 8 pl. (Magyar Századok.)

Radó Gy.: A magyar—orosz irodalmi kapcsolatok történetéből. Egy 1790. évi magyar vers az oroszok ocsakovi győzelmét dicsőíti. [De l'histoire des relations littéraires hongaro—russes. Un poème hongrois de 1790. célébrant la victoire des Russes à Otchakoff. — Из истории венгерско-русских литературных связей. Венгерское стихотворение из 1790 г. прославляет русскую победу при Очакове.] FK. 1957. 3ème année. No. 1. p. 112—116.

Rózsa Gy.: A Birckenstein-féle metszetes könyv. (Justus van der Nypoort magyar vonatkozású művei.) [Le livre à gravures de Birckenstein. (Oeuvres relatives à la Hongrie de Justus van der Nypoort.) — Книга Биркенштейна с гравюрами. (Сочинения Юстуса ван дер Найпорт, имеющие отношение к Венгрии.)] МК. 1957. 73ème année. No. 1. p. 25—46.

Schleicher A.: A kislődi vashámor története. Nyersvastermelés bauxitos elegyből a XVIII. században. [Histoire de la forge de fer de Kislőd. Production de fer brut à partir d'un mélange alumineux au XVIIIe siècle. — История чугунолитейного завода в с. Кишлед. Производство чугуна из бокситовой шихты в XVIII в.] A Magyar Tudományos Akadémia Műszaki Tudományok Osztályának Közleményei. 1957. T. 21. No. 1—4. p. 395—411.

Szénássy B.: Martinovics Ignác matematikai munkássága. [Travaux mathématiques de Ignác Martinovics. — Труды Игнаца Мартинович по математике.] Matematikai Lapok. 1956. 7ème année. No. 3—4. p. 277—290.

Tasnádi Kubacska A.: Johannes Patersonius Hain. OTKK. 1957. No. 5. p. 78—106. 1 pl.

Tinódi-emlékkönyv. Összeáll., bev. és jegyz. ell. Horváth I. K., Naszádos I. [Album de Tinódi. Réd., préf. et annot. de —, —. — Сборник в память Тиноди. Сост., введ. и прим. —.] (Sárvár). 1956. (1957.) Sárvári Közs. Tanács. 207 p.

- Du contenu: Из содержания сборника: Klaniczay T.: Tinódi Sebestyén emlékezete. [Mémoire de Sebestyén Tinódi. — Памяти Шебештена Тиноди.]
- Legány D.: A magyar zene Tinódiig. [La musique hongroise jusqu'à Tinódi. — Венгерская музыка по время Тиноди.]
- Horváth I. K.: Sárvár szerepe a XVI. század magyar kultúrájában. [Le rôle de Sárvár dans la vie culturelle hongroise au XVIe siècle. — Роль с. Шарвар в венгерской культуре XVI в.]
- Naszádok I.: Tinódi rövid életrajza és énekeinek történeti háttere. [Biographie de Tinódi et le fond historique de ses chants. — Краткая биография Тиноди и исторический фон его песен.]
- Vita a magyar irodalmi barokk kérdéseiről. (Összeáll. Végh F.) [Discussion sur les problèmes de baroque littéraire hongrois. (Prés. par —.) — Дискуссия о вопросах венгерской литературы эпохи барокко. (Сост. —.)] IT. 1957. No. 1. p. 50—64.
- Wittman T.: A magyarországi államelméleti tudományosság XVII. század eleji alapvetésének németalföldi forrásaihoz. Justus Lipsius. [Contributions aux sources néerlandaises des fondements des théories de l'État du début du XVIIe siècle en Hongrie. Justus Lipsius. — К нидерландским источникам основоположения политическx наук в Венгрии в начале XVII в. Юстус Липсиус.] FK. 1957. 3ème année. No. 1. p. 53—66.
- Zolnai B.: Megjegyzések a Rákóczi-kérdéshez. [Remarques sur le problème Rákóczi. — Замечания к вопросу Ракоци.] IT. 1957. No. 1. p. 1—8.
- Zrínyi Miklós Válogatott művei. (Vál. [és bev.] Klaniczay T. Sajtó alá rend. Bán I. [Oeuvres choisies de Miklós Zrínyi. (Choix et préf. de —. Prés. par —.) — Избранные сочинения Миклоша Зрини. Сост. и введ. —. Подгот. к печати —.] Bp. Szépirodalmi Kiadó. 1957. 483 p.
- Zsindely E.: A péceli Ráday-kastély. [Le château Ráday à Pécel. — Замок Радай в с. Пецел.] MűÉ. 1956. 5ème année. No. 4. p. 253—276. (Tirage à part. — Отд. оттиск.)

6. Histoire de Hongrie 1791—1849 — История Венгрии в 1791—1849 гг.

- Acta Universitatis Debreceniensis de Ludovico Kossuth nominatae. T. 2/3. 1956. Red. D. Berényi. Adiuvantibus J. Barta, L. Imre etc. Bp. Tankönyvkiadó. 1957. 247 p. 1 carte.
- Du contenu: Из содержания :
- Szénássy B.: Kerekes Ferenc matematikai tevékenysége. [Travaux mathématiques de Ferenc Kerekes. — Деятельность Ференца Керекеш в области математики.]
- Benda K.: A magyar jakobinusok iratai I. A magyar jakobinus mozgalom iratai. Sajtó alá rend. — (Kiad. a) Magyar Történelmi Társulat. [Documents des Jacobins hongrois. I. Documents du mouvement des Jacobins hongrois. — Документы венгерских якобинцев. I. Документы венгерского якобинского движения. Подгот. к печати —.] Bp. Akadémiai Kiadó, 1957. СІІ, 1142 p. 16 pl. (Magyarország újabbkori történetének forrásai.)
- Benda K.—Hadvovics L.: Kroatisches Freiheitsgedicht aus dem Jahre 1794. [Хорватское стихотворение о свободе из 1794 г.] SSI. T. 2. fasc. 1—4. p. 381—388.
- Berkó I.: Az 1848/49. évi szabadságharc hadkiegészítése. [Le recrutement dans la guerre d'indépendance de 1848—49. — Комплектирование армии в освободительной борьбе 1848/49 гг.] НК. 1957. 4ème année. No 1—2. p. 204—225.
- Csekey I.: Hannulik János oroszországi kapcsolatai. [Relations russes de János Hannulik. — Связи Яноша Ханнулик с Россией.] FK. 1956. 2ème année. No. 4. p. 460—469.
- Dezsényi B.—P. Lakatos É.: Egy téves adat a sajtószabadság napjának történetében. [Rectification d'une erreur de l'histoire hongroise concernant le rôle de Mihály Táncsics et d'Eftimiu Murgu dans les événements du 15 mars 1848. — Оправдание ошибки венгерской историографии относительно роли Михалы Танчич и Эфтимiu Мургу в событиях 15-го марта 1848 г.] МК. 73ème année. No. 2. p. 175—78.
- Erdős J.: A «Kolozsvártól Gratzig hajózható Országos Nagy Csatorna» tervezője, Beszédes József. [József Beszédes, auteur des projets du «Grand Canal National naviguable de Kolozsvár jusqu'à Gratz». — Конструктор плана «Общегосударственного большого судоходного канала от Коложвара до Граца», Йожеф Беседеш.] ÉIT. 1957. 12ème année. No. 10. p. 291—294.
- Gáldi L.: Az akadémiai Értelmező Szótár első terve. [Le premier projet du Dictionnaire Encyclopédique de l'Académie. — Первый план академического Толкового словаря.] MNYbr. 1957. 81ème année. No. 1. p. 86—91.
- Gáldi L.: De Gyarmathy à Miklosich. Un chapitre de l'histoire des recherches ety-

mologiques slavo—hongroises. [От Дьярмати к Миклошичу. Глава из истории славянско-венгерских этимологических исследований.] SSI. 1956. T. 2. fasc. 1—4. p. 289—329. (Tirage à part. — Отд. оттиск.)

Hatvany L.: Így élt Petőfi. 4—5. [Ainsⁱ vécut Petőfi. — Таким образом жил Петёфи.] Bp. Akadémiai Kiadó. 1957.

Jáky Gy.: Adatok Schoepf Merei Ágost élet-történetéhez. [Contribution à l'histoire de la vie du médecin Ágost Schoepf Merei. — Материалы к биографии врача Агошта Шенф-Мереи.] OTKK. 1957. No. 5. p. 5—57.

Jávorka S.: Kitalabel Pál. (Az ásványok és kőzetek jegyzékét közreadta Tokody L.) [Pál Kitalabel. (Liste des minéraux et roches publiée par —.) — Венгерский естествовед Пал Кятайбел. (Список ископаемых и горных пород сообщ. —.)] Bp. Akadémiai Kiadó. 1957. 213 p. 4 pl. h.-t.

Kemény G. G.: Társadalom és nemzetiség a szabadságharc hadi lapjaiban. [Bev.] Dezsényi B. A sajtóbibliográfiát összeáll. Busa M. [Société et nationalité dans les journaux militaires de la guerre d'indépendance. (Préf. par —. Bibliographie de presse réd. par —.) — Общество и национальность в военных газетах освободительной борьбы 1848—49 гг. (Введ. —. Библиография печати сост. —.)] Bp. Hadtört. Int. 1957. 173 p. 3 cartes.

Kovács E.: A magyar—délsláv megegyezés ügye 1849 tavaszán. [L'affaire du pacte hungaro—sud-slave au printemps 1849. — Дело венгерско-югославского соглашения весной 1849 г.] НК. 1956. 3ème année. No. 3—4. p. 158—185.

Magyarország története. 2. Magyarország újkori története. 1790—1918. 1. Magyarország története a feudalizmusról a kapitalizmusra való átmenet korszakában. 1790—1849. Szerk. Mérei Gy., Spira Gy. Írták Arató E., Mérei Gy., Spira Gy., Varga Z. (A térképmelléleteket Bognár G., Takács J. tervezte.) Egyetemi tankönyv. [Histoire de la Hongrie. 2. Histoire de la Hongrie dans les temps modernes. 1790—1918. 1. Histoire de la Hongrie à l'époque de la transition du féodalisme au capitalisme. 1790—1849. Réd. par —. —. Texte par —., —., —., —.) (Cartes en hors-texte par —., —., —.) Manuel universitaire. — История Венгрии. 2. Новая история Венгрии. 1790—1918. 1. История Венгрии в период перехода от феодализма к капитализму 1790—1849. Ред. —. Написали —. (Карты сост. —.)] Bp. Tankönyvkiadó. 1957. 523 p. 15 cartes. Markó Á.: A Beresényi-család legutolsó tagja, gróf Beresényi László huszáralezredes. 1781—1835. [Comte László Beresényi, lieutenant-colonel de hus-

sards, le dernier membre de la famille Beresényi. 1781—1835. — Последний член семьи Берчени, гусарский подполковник граф Ласло Берчени.] НК. 1957. 4ème année. No. 1—2. p. 227—240.

Mérei Gy.: Mezőgazdasági árutermelés és a parasztság helyzete Magyarországon a feudalizmus válságának elmélyülése idején. [Production des denrées agricoles et la situation des paysans en Hongrie à l'époque de l'aggravation de la crise du féodalisme. — Сельскохозяйственное товарное производство и положение крестьянства в Венгрии в период углубления кризиса феодализма.] Száz. 1956. 90ème année. No. 4—6. p. 591—616.

Mezősi K.: Mihálka Endre 48-as honvédtiszt emlékiratából. [Des mémoires de Endre Mihálka officier de Honvéd dans la guerre d'indépendance de 1848—49. — Из мемуаров хонведского офицера 1848—49 гг. Эндре Михалка.] НК. 1956. 3ème année. No. 2. p. 189—210.

Nagy L.: Tessedik Sámuel közgazdasági nézetei. [Les opinions économiques de Sámuel Tessedik. — Экономические взгляды Ша́муела Тешшедик.] Kgsz. 1956. 3ème année. No. 11—12. p. 1420—1432.

Nagyrévi Gy.: Az első magyarországi forradalmár-dráma bemutatójának nyomán. (A nagy francia forradalom hadseregének az Újépületben őrzött hadifogllyai által tartott színelőadásokról.) [Sur les traces de la représentation du premier drame révolutionnaire en Hongrie. (Les représentations théâtrales des prisonniers de guerre de l'armée de la Grande Révolution Française, gardés dans le Neugebäude.) — По следам премьеры первой революционной драмы в Венгрии. (О спектаклях, организованных военнопленными армии Великой французской революции в военной тюрьме в г. Пешт.)] FK. 1957. 3ème année. No. 1. p. 132—133.

A Petőfi eltűnése körülményeinek tisztázására kiküldött román—magyar akadémiai munkaközösség jelentése. [Rapport du comité de travail académique roumano—hongrois, délégué en vue de l'éclaircissement des circonstances de la disparition de Petőfi. — Отчет румынско-венгерского академического коллектива, высланного для выяснения обстоятельств исчезновения Петёфи.] MTANyI. 1957. T. 10. fasc. 3—4. p. 237—261.

Pražák R.: Vörösmarty levele Palackýhoz. [Lettre de Vörösmarty à Palacký. — Письмо венгерского поэта Верешмарти к Ф. Палацкому.] FK. 1957. 3ème année. No. 1. p. 134—135. 1 pl.

- Bors K.: 80 éves a Magyar Optikai Művek. [Les 80 ans des Usines Optiques Hongroises. — 80 лет Венгерскому оптическому заводу.] Geodézia és Kartográfia. 1956. 8ème année. No. 4. p. 311—321.
- Böloni Gy.: Ady, az újságíró. [Ady comme journaliste. — Ади — журналист.] Вр. Magvető. 1956. (1957). 68 (30), p. 8 pl.
- Csenger M.: Prielle Kornélia. (Emlékbeszéd és adattár.) [Kornélia Prielle. (Discours commémoratif et recueil de données.) — Корнелия Приелль. (Реч, посвященная ее памяти и материалы.)] Вр. Színháztud. és Filmtud. Intézet — Orsz. Színháztört. Múz. 1957. Polycop. 34 p. (Színháztörténeti Füzetek 2.)
- Csatkai E.: A képmutogatók. [Les chanteurs forains. — Ярмарочные певцы.] SSz. 1956. 10ème année. No. 4. p. 347—379.
- Diener P.: Из малоизвестных страниц наследства Л. Кошута. [Des pages peu connues de l'héritage de L. Kossuth.] SSI. 1956. T. 2. fasc. 1—4. p. 271—288. (Tirage à part. — Отд. оттиск.)
- Domanovszky Gy.: Видоизменения образа злого духа «Lidérc» в суверенных представлениях венгерского народа. [Changements dans la représentation du fantôme malin «Lidérc» dans l'imagination superstitieuse du peuple hongrois.] AEt. 1957. T. 6. fasc. 1—2. p. 41—72.
- Gergely E.: A nemzetiségi politika Magyarországon a kiegyezéstől az Osztrák—Magyar Monarchia felbomlásáig. [La politique minoritaire en Hongrie à partir du compromis austro—hongrois jusqu'à la dissolution de la Monarchie Austro—Hongroise. — Политика в отношении национальностей в Венгрии от соглашения по время распада Австро-венгерской монархии.] JK. 12ème année. No. 1—3. p. 74—81.
- Hoffmann T.: Egy palóc falu földművelő technikájának néhány jellegzetessége a századforduló tájékán. [Quelques aspects caractéristiques de la technique agricole d'un village palóc au tournant du siècle. — Некоторые характеристики техники земледелия половецкой деревни в конце XIX — начале XX в.] ET. 1956. 67ème année. No. 4. p. 536—561.
- Kiss L.: Vásárhelyi művészet. (A képeket gyűjt. és vál. Bényi L. [Bév.] Pogány Ö. G.) [Vie artistique à Vásárhely. (Coll. et choix par —, préf. par —.) — Жизнь художников в г. Вашархель. (Картины сост. —, Введ. —.)] Вр. Képzőműv. Alap. 1957. 291 p. 32 pl.
- Komlós A.: A magyar szocialisztikus líra előzményei és kezdetei. [Antécédents et débuts de la poésie lyrique socialiste hongroise. — Предпосылки и начало венгерской социалистической лиры.] MTANyI. 1957. T. 10. No. 3—4. p. 263—319.
- Kovács E.: Das Lebenswerk von Adam Mickiewicz und die ungarische Öffentlichkeit. [Творчество Адама Мицкевича и венгерское общественное мнение.] SSI. 1956. T. 2. fasc. 1—4. p. 251—269. (Tirage à part. — Отд. оттиск.)
- Krejčí K.: Epizódok a XIX. század hatvanas éveinek cseh—magyar kapcsolataiból. [Épisodes des relations tchéco—hongroises des années soixante du XIXe siècle. — Эпизоды чешско-венгерских связей 60-х годов XIX в.] FK. 1957. 3ème année. No. 1. p. 33—52.
- Kresz M.: Ungarische Bauertrachten. (1820—1867.) Trad. par J. Hajdu. [Венгерская крестьянская одежда 1820—1867] (Нем. перевод —.) Berlin—Вр. Hensche. Verl. — Akad. Kiadó. 1957. 163 p. 1 h.-t. 96 pl.
- Kun J.—Böhm J.: Adatok az olaszországi magyar légio történetéhez az 1860—62-es évekből. [Contribution à l'histoire de la légion hongroise d'Italie dans les années 1860—62. — Материалы к истории венгерского легиона в Италии в 1860—1862 гг.] НК. 1957. 4ème année. No. 1—2. p. 299—329.
- Lengyel G.: Ady a Budapesti Naplónál. [Ady publiciste au journal Budapesti Napló. — Ади как сотрудник газеты Будапешти Напло.] IT. 1957. No. 1. p. 66—78.
- Perényi J.: Из истории закавказских украинцев. [De l'histoire des Ukrainiens Transcarpathiques (Ruthènes).] Вр. Akad. Kiadó. 1957. 159 p. (Studia historica Academiae Scientiarum Hungaricae 14.)
- Póth I.: Eine Ergänzung zu Jakov Ignjatovič's Memoiren. [Дополнение к мемуарам Якова Игнатовича.] SSI. 1956. T. 2. fasc. 1—4. p. 372—373.
- Pölöskei F.: Az 1868-as alföldi parasztmozgalom. [Le mouvement paysan de la Grande Plaine hongroise en 1868. — Крестьянское движение 1868 г. в Венгерской низменности.] Száz. 1956. 90ème année. No. 4—6. p. 617—656.
- Sziklay L.: A dualizmus korának nemzetiségi kérdéséhez. (Kemény G. G.: Iratok a nemzetiségi kérdés történetéhez Magyarországon a dualizmus korában I—II. megjelenésével kapcsolatban) [Contribution au problème minoritaire à l'époque du dualisme. (A propos de la parition des «Documents de l'histoire du problème minoritaire en Hongrie à l'époque du dualisme» I—II. par G. G. Kemény.) — К национальному вопросу эпохи дуализма. (По случаю выхода двух

томов Габора Г. Кемень: Документы к истории национального вопроса в Венгрии.] FK. 1957. 3ème année. No. 1. p. 100—111.

Szűcs S.: Pusztaí szabadok. Rajzok a régi Alföld életéből. (Népi ábrázolások nyomán [ill.] Csikós Tóth A.) [Les hommes libres de la puszta. Dessins de la vie de l'ancienne Grande Plaine hongroise. (Ill. d'après des dessins populaires par —.) — Вольные люди венгерской пусты. Эскизы из старой жизни Венгерской низменности. Илл. на основе простонародных изображений —.] Vp. Magvető. 1957. 303. p.

8. Historie de Hongrie 1917—1957 — История Венгрии в 1917—1957 гг.

Déri E.—Pataki L.: Az ellenforradalom Miskolcon. [La contre-révolution à Miskolc. — Контрреволюция в г. Мишколц.] Vp. Kossuth Kiadó. 1957. 69 p.

Dokumentumok a magyar partizánharcok történetéhez. (Írta: N. S.) [Documents de l'histoire des luttes des partisans hongrois. (Prés. par N. S.) — Документы к истории венгерских партизанских боев. (Сообщ. Н. Ш.)]. НК. 1956. 3ème année. No. 3—4. p. 357—359.

Dömötör G.: A Magyar Tanácsköztársaság hadigazdasága. I—II. [L'économie de guerre de la République Hongroise des Conseils. — Военное хозяйство Венгерской Советской Республики.] НК. 1956. 3ème année. No. 1. p. 120—149. No. 3—4. p. 208—239.

Ellenforradalmi erők a magyar októberi eseményekben. 2. kiad. [Forces contre-révolutionnaires dans les événements d'octobre en Hongrie. 2e éd. — Контрреволюционные силы в октябрьских событиях в Венгрии. 2. изд.] Vp. Magyar Népköztársaság Minisztertanácsa. 1957. 157 p.

Féja G.: Viharsarok. (A Viharsarok-per törvényszéki tárgyalásának anyaga. [Viharsarok. (Le matériel du procès du Viharsarok, livre traitant les mouvements des paysans dans le comitat de Békés. — Материалы следственного дела в связи с выходом книги о крестьянском движении в ком. Бекеш.)] Vp. Magvető. 1957. 456 p.

Gábor V.: Egy kommunista (Csizmadia Gyula) harcok élete, munkássága. [La vie et l'activité militante d'un communiste (Gyula Csizmadia). — Боевая жизнь и деятельность одного коммуниста (Дьюлы Чизмадия.)] (Komló. 1957.) 14 p. (Történetek a komlói munkásmozgalomból I.)

Hajdu Gy.: Harcban elnyomók és megszállók ellen. Emlékezések a pécsi munkásmozgalomról. [Lutte contre les oppresseurs et les envahisseurs. Souvenirs du mouvement

Vincze G.: Ady és az orosz forradalmi mozgalmak. [Ady et les mouvements révolutionnaires russes. — Ади и русские революционные движения.] Száz. 1956. 90ème année. No. 4—6. p. 657—666.

Zöldhelyi Zs. D.: Néhány magyarországi Gercen-nyom az abszolutizmus korában. [Quelques traces des ouvrages de Herzen dans la presse hongroise à l'époque de l'absolutisme. — Некоторые следы произведений Герцена в венгерской печати эпохи абсолютизма.] FK. 1956. 2ème année. No. 4. p. 470—475.

ouvrier de Pécs. — В борьбе против угнетателей и оккупантов. Воспоминания о рабочем движении в г. Печ.] Pécs, Pécs Város Tanácsa, 1957. 451 p. 1 pl.

Harc a munkáshatalomért. 1956. november—1957. május. (Kiad. az MSzMP Győr-Sopron megyei Intéző Bizottsága.) [La lutte pour le pouvoir ouvrier. Novembre 1956—mai 1957. (Publ. par —.) — Борьба за рабочую власть. Ноябрь 1956—май 1957 г. Изд. —.] Győr. 1957. 80 p.

Harsányi J.: Zalka Máté. Születésének 60. évfordulójára. [Máté Zalka. Pour le 60ème anniversaire de sa naissance. — Матэ Залка. К 60-летию рождения.] НК. 1956. 3ème année. No. 2. p. 122—142. 2 pl.

Határőreink helytálltak az ellenforradalom viharában. (Dokumentumgyűjtemény.) Kiad. a Magyar Népköztársaság Határőrség Politikai Csoportfőnökség(e). [Nos gardes de frontières ont tenu ferme dans la tempête de la contre-révolution. (Recueils de documents.) — Наши пограничники исполнили свой долг в вихре контрреволюции. (Сборник документов.)] Vp. 1957. 48 p.

Havasi T.—Herczeg J.—Kerek Gy.: A Rádió ostroma. 1956. október 23. [Le siège de la Radio le 23 octobre 1956. — Осада здания радио. 23-е октября 1956 г.] (Vp.) Kossuth Kiadó. 1957. 95 p.

Kállai Gy.: A magyarországi ellenforradalom a marxizmus—leninizmus fényében. [La contre-révolution en Hongrie à la lumière du marxisme—léninisme. — Контрреволюция в Венгрии в свете марксизма-ленинизма.] TáSz. 1957. 12ème année. No. 1. p. 12—39. (Tirage à part. — Отд. оттиск.)

Kállay I.: Az ellenforradalom fegyveres erejének szervezése és működése 1919—1920-ban a Dél-Dunántúl területén. [Organisation et fonctionnement des forces armées de la contre-révolution dans la partie Sud de la Transdanubie en 1919—1920. —

Организация и действие вооруженных сил контрреволюции на Южно-Задунайской территории в 1919—1920 гг.] НК. 1957. 4ème année. No. 1—2. p. 3—31.

Lovas M.: Mi történt Budapesten október 23-tól november 4-ig? Dokumentumok és jelentések alapján. [Ce qui arriva à Budapest du 23 octobre jusqu'au 4 novembre. A la base de documents et de rapports. — Что произошло в Будапеште от 23-го октября по 4-ое ноября? На основе документов и отчетов.] Вр. 1957. 155 p. 8 pl.

Mucs S.: A magyar fegyveres ellenállási mozgalom megszervezése és szerepe Magyarország felszabadításában. (1941—1945.) [Organisation du mouvement hongrois de la résistance armée et son rôle dans la libération de la Hongrie. (1941—1945.) — Организация венгерского движения вооруженного сопротивления и его роль в освобождении Венгрии.] НК. 1957. 4ème année. No. 1—2. p. 32—54.

Az októberi ellenforradalmi események. Cikkgyűjtemény. Kiad. a Magyar Népköztársaság Határőrség Parancsnokság. [Les événements de la contre-révolution d'octobre. Recueil d'articles. — Октябрьские контрреволюционные события. Сборник статей.] Вр. 1957. 117 p. 4 pl.

Péter L.: József Attila Makón. Életrajzi részlet. [Attila József à Makó. Détail de biographie. — Атила Йозеф в г. Мако. Отрывки биографии.] IT. 1957. No. 1. p. 9—33. 2 pl.

Studia memoriae Bélae Bartók sacra. Adiuvantibus Z. Kodály, L. Lajtha curant B. Rajeczky, L. Vargyas. Ed. 2. Вр. Aedes Acad. Scientiarum Hung. 1957. 535 p. 3 pl. h.-t. cartes.

9. Histoire générale — Всеобщая история

Artamonov M. I.: Хазарская крепость Саркель. [Le fort khazare de Sarkel.] AAr. 1956. T. 7. fasc. 1—4. p. 321—341.

Balázs J.: A nemzeti nyelvek nyelvtan-irodalmának kialakulása. A vulgáris nyelvek harca a latin ellen. [Formation de la littérature grammaticale des langues nationales. Luttés des langues vulgaires contre le latin. — Образование грамматической литературы национальных языков. Борьба простонародных языков против латинского.] MT. 1956. T. 1. No. 7—12. p. 313—322.

Bebel A.: A nő és a szocializmus. (Die Frau und der Sozialismus.) (Ford. Nyilas V.) [La femme et le socialisme. Trad. par —. Женщина и социализм. (Венг. перевод —.)] Вр. Kossuth Kiadó. 1957. XXXI, 567 p.

Bersényi I.: Az 1907-es romániai paraszt-

Szamuely T.: Riadó. Válogatott cikkek és beszédek. [Bev.] Kun B. [Alarme. Articles et discours choisis. (Préf. de —.) — Тревога. Избранные статьи и речи. Введ. —.] Вр. Kossuth Kiadó. 1957. 210 p. 1 pl.

A Szépművészeti Múzeum. 1906—1956. (Szerk. Pogány Ö. G., Bacher B. A tárgyfelvételeket Petrás I. készítette.) [Le Musée des Beaux-Arts. 1906—1956. (Réd. par —. Phot. de —.) — Музей изобразительных искусств 1906—1956. (Ред. —. Снимки —.)] Вр. Képzőművészeti Alap. 1956. (1957.) 260 p. 169 pl.

Tóth S.: Magyar katonák a hitleri fasizmus ellen. [Soldats hongrois contre le fascisme hitlérien. — Венгерские солдаты против гитлеровского фашизма.] НК. 1957. 4ème année. No. 1—2. p. 94—119.

Vagyunk az ifjú gárda. Emlékezések az ifjúmunkás mozgalomra. 1900—1944. (Szerk. Lányi E.) [Kiad.] Az MSzMP Központi Bizottságának Párttörténeti Intézete. [Nous sommes la jeune garde. Souvenirs du mouvement de jeunes ouvriers. 1900—1944. (Réd. par —.) Мы — молодая гвардия. Воспоминания о движении молодых рабочих. 1900—1944. (Ред. —.)] Вр. Móra Kiadó. 1957. 301 p.

Vendl A.: A budapesti Műszaki Egyetem ásvány- és földtani tanszékének története. [Histoire de la Chaire de minéralogie et géologie de l'Université Technique de Budapest. — История кафедры минералогии и геологии Политехнического университета в Будапеште.] Вр. Tankönyvkiadó. 1957. 98 p. 6 pl. (Budapesti Műszaki Egyetem Központi Könyvtára. Műszaki tudománytörténeti kiadványok 7.)

felkelés. [La révolte de paysans roumains en 1907. — Крестьянское восстание 1907 г. в Румынии.] ÉIT. 1957. 12ème année, No. 26. p. 803—806.

Borzás I.: Tacitus. AT. 1956. T. 3. No. 4. p. 241—256. (Tirage à part. — Отд. оттиск.) Cellini, Benvenuto mester élete, amiképpen ő maga megírta Firenzében. (La vita di Benvenuto Cellini.) (Ford. Füsi J.) [La vie de Benvenuto Cellini, telle qu'il l'a écrite à Florence. (Trad. par —.) — Жизнь мастера Бенвенуто Челлини, как он сам ее написал в Флоренции. (Венг. перевод —.)] Вр. Képzőművészeti Alap. 1957. 356 p. 19 pl.

Josephus Flavius.: A zsidó háború. (Historia Iudaikou polemon pro Romaious. Függelek: — önéletrajza. Ford. és jegyz. ell.) Révay J. 2. jav. kiad. [La guerre juive.

- Annexe: Biographie de —. Trad., préf. et annot. par —. 2e éd. corr. — Еврейская война. В приложении: Автобиография —. Венг. перевод, введ. и прим. —. 2. испр. изд.] Вр. Gondolat. 1957. 547 p.
- Koltay-Kastner J.: Pietro Aretino. I—II. FK. 1956. 2eme année. No. 4. p. 377—398. 1957. 3eme année. No. 1. p. 1—22.
- Kovacsik J.: A Párizsi Kommün fegyveres harcai. [Luttes armées de la Commune de Paris. — Вооруженная борьба Парижской коммуны.] НК. 1956. 3eme année. No. 2. p. 87—121. 1 carte.
- Lutter T.: „John Milton, az angol polgári forradalom költője” című doktori disszertációjának vitája. A vitát összefoglalta Gáldi L. [Discussion de la thèse de doctorat sur „John Milton, poète de la révolution bourgeoise anglaise”. Résumé par —. — Дискуссия о докторской диссертации Тибора Луттер: Джон Милтон, поэт английской буржуазной революции. Сост. —.] МТАNyI. 1957. 10eme année. No. 3—4. p. 378—388.
- Maróti E.: „A kalózkodás szerepe a római polgárháborúkban” című kandidátusi disszertációjának vitája. A vitát összefoglalta Szilágyi J. Gy. [Discussion de la thèse de candidature sur „Le rôle des pirates dans les guerres civiles de Rome”. Résumé par —. — Дискуссия о кандидатской диссертации Эгона Мароти «Роль пиратства в римских гражданских войнах». Сост. —.] МТАNyI. 1957. 10eme année. No. 3—4. p. 374—377.
- Maróti E.: Пиратство около Сицилии во время пропреторства Верреса. [La piraterie autour de Sicile au temps du propraetor Verres.] АА. 1956. Т. 4. fasc. 1—4. p. 197—210.
- Mezey L.: Forrásszemelvények a kéziratosság korának könyvtörténetéhez. (Összeáll. —. A szemelvényeket ford. Borzsák I., Kumorovitz L. B. stb. [Kiad. az] Eötvös Loránd Tudományegyetem Nyelv- és Irodalomtudományi Kar. [Choix de sources de l'histoire des bibliothèques à l'âge des manuscrits. (Prés. par —. Traduction des morceaux choisis par —.) — Отрывки из источников по истории книги в эпоху до появления книгопечатания. (Сост. —. Перевод —.)] Вр. 1956. (1957.) Polycop. 252 p.
- Mijatev P.: A bolgár levéltárügy Bulgáriának a török uralom alól való felszabadulásától az állami levéltári fond 1951. évi létrejöttéig. [Les archives de Bulgarie depuis la libération du pays de la domination turque jusqu'à la constitution du Fonds National d'Archives en 1951. — Болгарское архивное дело со времени освобождения Болгарии от турецкого ига до создания Государственного архивного фонда в 1951 г.] — ЛК. 1956. 27eme année. p. 163—183.
- Nádor Gy.: Фатализм и верование в чудеса в мировоззрении эллинизма. [Le fatalisme et la croyance aux miracles dans la philosophie hellénistique.] АА. 1956. Т. 4. fasc. 1—4. p. 153—170.
- Nagy T.: Les campagnes d'Attila aux Balkans et la valeur du témoignage de Jordanes concernant les Germains. [Походы Атиллы на Балканы и достоверность данных о германах у Йордана.] АА. 1956. Т. 4. fasc. 1—4. p. 251—260.
- Nebenfürher L.: A syphilis történeti kutatásának útja. [Voie des recherches historiques sur la syphilis. — Путь исторического исследования сифилиса.] ОТКК. 1956. No. 4. p. 108—132.
- Obermann K.: A Kommunista Szövetségének történetéhez 1849—1852. (Zur Geschichte des Bundes der Kommunisten 1849 bis 1852.) [Contribution à l'histoire de la Fédération des Communistes 1849—1852. — К истории Союзу коммунистов 1849—1852.] Вр. Kossuth K. 1957. 123 p.
- Rázsó Gy.: August Wilhelm Antonius Neithardt von Gneisenau (1760—1831). НК. 1956. 3eme année. No. 3—4. p. 241—250.
- Rázsó Gy.: A kínai nép felszabadító háborúja 1937—1949. [La guerre de libération du peuple chinois 1937—1949. — Национально-освободительная война китайского народа 1937—1949.] НК. 1957. 4eme année. No. 1—2. p. 55—93.
- Révay J.: A császári Róma. Szerk. és bev. —. (Ford. Borzsák I., Földy J. stb. A képanyagot Kanizsay M. állította össze.) [Rome à l'époque des empereurs. Réd. et introd. par —. (Trad. par —. Choix des illustrations de —.) — Императорский Рим. Ред. и введ. —. Венг. перевод. —. Картины сост. —.] Вр. Bibliotheca. 1957. XXII, 244 p. 16 pl.
- Róna Tas A.: Social terms in the List of Grants of the Tibetan Tun-Huang Chronicle. [Социальные термины в Списке подарков тибетской хроники Тун-Хуан.] АО. 1955. Т. 5. fasc. 3. p. 249—270.
- Rózsa Z.: A Duecento polgári világnézetének néhány problémája az északolasz morális-didaktikus irodalomban. [Quelques problèmes de la conception du monde bourgeoise du Duecento dans la littérature moralisante et didactique de l'Italie du Nord. — Некоторые проблемы буржуазного мировоззрения XIII в. в северо-итальянской морально-дидактической литературе.] FK. 1956. 2eme année. No. 4. p. 449—460.
- Spinoza Baruch: Politikai tanulmány és levelezés. Maximilien Lucas és Johannes Colerus Spinoza-életrajzaival. (Ford. Szemere S. Sajtó alá rend., bev. és jegyz. ell. Nádor

Gy.) [Traité politique et correspondance. Biographies de Spinoza de Maximilien Lucas et Johannes Colerus. Trad. par —. Prés. introd. et annot. par —. — Политический трактат и корреспонденция. С биографиями Спинозы от Максимилиана Люкаса и Иоганнеса Колеруса. (Венг. перевод —. Подгот. к печати, введ. и прим. —.)] Вр. Akad. Kiadó. 1957. 556 p. (Filozófiai írók tára. U. F. 14.)

Szabó Á.: Wie ist die Mathematik zu einer deduktiven Wissenschaft geworden? [Каким образом стала математика дедуктивной наукой?] AA. 1956. T. 4. fasc. 1—4. p. 109—152.

Szádeczky-Kardoss S.: К истории общества Паннонии во время царствования Марка Аврелия. [Contribution à l'histoire de la société de Pannonie au temps du règne de

Marc-Aurèle.] AA. 1955. T. 3. fasc. 4. p. 321—328. (Tirage à part. — Отд. оттиск.) Tötössy Cs.: The Name of the Greeks in Ancient India. [Наименование греков в Индии в древние века.] AA. 1955. T. 3. fasc. 4. p. 301—319. (Tirage à part. — Отд. оттиск.)

Visky K.: Ager vectigalis és tartományi földtulajdon. [Ager vectigalis et propriété foncière provinciale. — Ager vectigalis и провинциальная земельная собственность.] AT. 1956. T. 3. No. 4. p. 257—267.

Wessetzky V.: Munkamódszerek kérdése az óegyiptomi könyvtártörténetben. [Questions de méthode dans les recherches historiques sur les bibliothèques de l'ancienne Egypte. — Вопрос о методах труда в истории древнеегипетских библиотек.] MK. 1957. 73ème année. No. 1. p. 47—49.

10. Vie scientifique — Научная жизнь

Ballenegger R.: A talajkutatás múltja Magyarországon. [Le passé des recherches du sol en Hongrie. — Прошлое почвенных исследований в Венгрии.] A Magyar Tudományos Akadémia Agrártudományok Osztályának Közleményei. 1957. T. 11. No. 1—4. p. 1—6.

Bartucz L.: A magyar antropológia múltja és szakosztályunk jövő feladatai. [Le passé de l'anthropologie hongroise et les tâches de notre section à l'avenir. — Прошлое венгерской антропологии и будущие задачи нашей секции.] AnK. 1956. T. 4. cahier 2. p. 3—13.

Bélay V.: A levéltártudomány és a történeti segédtudományok egyes kérdései a Moszkvai Állami Történeti Levéltári Intézet munkájában. [Quelques problèmes de la science des archives et des sciences auxiliaires de l'histoire dans le travail de l'Institut National des Archives Historiques de Moscou. — Отдельные вопросы архивной науки и вспомогательных исторических наук в работе Московского государственного исторического архивного института.] LH. 1957. 7ème année. No. 1—2. p. 244—247.

Borsa I.: A magyar levéltárügy irányításának újjászervezése. [Réorganisation de la direction des archives hongroises. — Реорганизация руководства венгерским архивным делом.] LH. 1957. 7ème année. No. 1—2. p. 3—7.

Dávid Z.: Térképek leltározása a Magyar Országos Levéltárban. [Inventarisation des cartes géographiques aux Archives Nationales de Hongrie. — Инвентаризация географических карт в Венгерском Нацио-

нальном архиве.] LK. 1956. 27ème année p. 96—102.

Entz G.: Műemlékvédelem Sopronban. [Protection des monuments d'art à Sopron. — Охрана художественных памятников в г. Шопрон.] SSz. 1956. 10ème année. No. 4. p. 360—366.

Entz G.: Az utolsó három év műemlékvédelme. [Protection des monuments d'art dans les dernières trois années. — Охрана художественных памятников за последние три года.] MűÉ. 1956. 5ème année. No. 4. p. 314—317.

Fekete L.: Beszámoló az 1956. évi török történelmi kongresszusról. [Compte rendu du congrès d'histoire turque de 1956. — Отчет о съезде турецких историков 1956 г.] MTANyI. 1957. T. 10. No. 3—4. p. 405—413.

Iványi E.: Beszámoló a Magyar Országos Levéltár 200 éves jubileumáról. [Compte rendu du 200e anniversaire des Archives Nationales de Hongrie. — Отчет о 200-ой годовщине Венгерского национального архива.] LK. 1956. 27ème année. p. 184—204.

Iványi E.: Beszámoló a Magyar Országos Levéltár 200 éves jubileumáról. [Compte rendu du 200e anniversaire des Archives Nationales de Hongrie. — Отчет о 200-ой годовщине Венгерского национального архива.] Száz. 1956. 90ème année. No. 4—6. p. 834—840.

Józsa S.: A kínai történettudomány általános helyzetéről, feladatairól és néhány problémájáról. [Sur la situation générale, les tâches et quelques problèmes de l'historiographie

- chinoise. — Об общем положении, задачах и некоторых проблемах китайской исторической науки.] Száz. 1956. 90ème année. No. 4—6. p. 741—747.
- Komjáthy M.: Hajnal István 1892—1956. [István Hajnal. 1892—1956. — Иштван Хайнал 1892—1956.] LK. 1956. 27ème année. p. 272—273.
- Makkai L.—Szabolcs O.: Történettudományi kandidátusi disszertációk vitái. [Les discussions des thèses de candidature historiographiques. — Дискуссии кандидатских диссертаций по истории.] Száz. 1956. 90ème année. No. 4—6. p. 841—853.
- Marót K.: Egy új Pindaros-könyv és a magyar ókorkutatás. [Un nouveau livre sur Pindare et les recherches hongroises sur l'antiquité. — Новая книга о Пиндаре и исследование древнего мира в Венгрии.] AT. 1956. T. 3. No. 4. p. 275—281. (Tirage à part. — Отд. оттиск.)
- Niederhauser E.: Geschichtswissenschaftliche Arbeiten in Ungarn über die Beziehungen zu den slawischen Völkern zwischen 1945—1955. [Труды по истории славянских народов, вышедшие в Венгрии в 1945—1955 гг.] SSL. 1956. T. 2. fasc. 1—4. p. 437—441.
- Oltvai F.: Állami gazdaságok ügyvitele és iratanyaga. [Administration et documents des fermes d'État. — Делопроизводство и бумага государственных хозяйств.] LH. 1957. 7ème année. No. 1—2. p. 35—49.
- Országos Levéltár. 11. Paulinyi O.: Bécsi levéltárakból kiszolgáltatót iratok. [Archives Nationales. 11. —: Documents délivrés par les archives de Vienne. — Национальный архив. 11. —. Документы, переданные из венских архивов.] Vp. Levéltárak Orsz. Közp. 1956. (1957.) Polycop. 86 p. (Levéltári alaplétárak 1/11.)
- Az Országos Levéltár alaplétározott anyagában 1956. november 6—8-án bekövetkezett károk jegyzéke. [Registre des dommages survenus du 6 au 8 novembre 1956 dans le matériel faisant partie de l'inventaire de base des Archives Nationales. — Список ущербов, причиненных 6—8-го ноября 1956 г. в материале Национального архива, описанном в основных инвентарях.] LH. 1957. 7ème année. No. 1—2. p. 8—23.
- Régészeti leletek és kutatások Szabolcs-Szatmár megye területén 1945—1956. között. [Fouilles et recherches archéologiques sur le territoire du comitat de Szabolcs-Szatmár de 1945 à 1956. — Археологические находки и исследования в территории комитата Саболч-Сатмар в 1945—1956 гг.] Szabolcs-Szatmári Szemle. 1956. No. 1—4. p. 51—60.
- Szabó F. S.: A hazai agrármuzeológia kezdetei és eredményei. [Débuts et résultats de la muséologie agraire en Hongrie. — Начало и достижения аграрной музеологии в Венгрии.] Kísérletügyi Közlemények. 1957. T. 50. Cahier 1. p. 9—39.
- Szedő A.: Beszámoló a Levéltárak III. Nemzetközi Kerekasztal Értekezletéről. [Compte rendu de la IIIe Conférence Internationale de Table Ronde des Archives. — Отчет о III Международной конференции круглого стола архивов.] LH. 7ème année. No. 1—2. p. 127—131.
- Tóth A.: A budapesti Egyetemi Könyvtár kéziratárának újabb szerzeményei. [Nouvelles acquisitions du département des manuscrits de la Bibliothèque Universitaire de Budapest. — Новые приобретения отдела рукописей Университетской библиотеки в Будапеште.] MK. 1957. 73ème année. No. 2. p. 186—191.
- Vörös K.: A levéltári iratanyag nemzetközi felhasználásának néhány kérdése. (Különös tekintettel a magyar levéltárügy helyzetére és feladataira.) [Sur quelques problèmes de l'utilisation internationale du matériel des archives (compte tenu particulièrement de la situation et des tâches des archives hongroises). — О некоторых вопросах международного использования архивных материалов. (С особым взглядом на положение и задачи венгерского архивного дела.)] LK. 1956. 27ème année. p. 103—117.
- Wellmann I.: Hajnal István. 1892—1956. [István Hajnal (1892—1956). — Иштван Хайнал (1892—1956).] Száz. 1956. 90ème année. No. 4—6. p. 830—833.
- Wellmann I.: Levéltári terminológiai problémák. [Problèmes de terminologie dans les archives. — Проблемы архивной терминологии.] LK. 1956. 27ème année. p. 74—95.

II. Liste des abréviations des titres des revues

II. Список сокращений заглавий журналов

AA.	— Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae	MNy.	— Magyar Nyelv [La Langue Hongroise.—Венгерский язык]
AAr.	— Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae	MNyőr.	— Magyar Nyelvőr [Gardien de la Langue Hongroise. — Сторож венгерского языка]
AEt.	— Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae	MT.	— Magyar Tudomány [Science Hongroise. — Венгерская наука]
AL.	— Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae	MTANyI	— Magyar Tudományos Akadémia Nyelv- és Irodalomtudományi Osztályának Közleményei [Comptes Rendus de la Section des Sciences Linguistiques et Littéraires de l'Académie Hongroise des Sciences. — Известия Отделения Языка и Литературы Академии Наук Венгрии]
AnK.	— Anthropológiai Közlemények [Comptes Rendus Anthropologiques. — Антропологические Известия]	MTATT.	— Magyar Tudományos Akadémia Társadalmi és Történeti Tudományok Osztályának Közleménye [Comptes Rendus de la Section des Sciences Sociales et Historiques de l'Académie Hongroise des Sciences. — Известия Отделения Общественно-исторических наук Академии Наук Венгрии]
AO.	— Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae	MűÉ.	— Művészettörténeti Értesítő [Bulletin d'Histoire d'Art. — Бюллетень истории искусства]
AT.	— Antik Tanulmányok [Etudes Antiques. — Античные Исследования]	OTKK.	— Az Országos Orvostörténeti Könyvtár Közleményei [Comptes Rendus de la Bibliothèque d'Histoire Médicale. — Известия Общегосударственной библиотеки истории медицины]
CrH.	— Crania Hungarica	SSL.	— Studia Slavica
ET.	— Ethnographia	SSz.	— Soproni Szemle [Revue de Sopron. — Шопронское Обозрение]
ÉIT.	— Élet és Tudomány [Vie et Science. — Жизнь и Наука]	StSZ.	— Statisztikai Szemle [Revue de Statistique. — Статистическое Обозрение]
FK.	— Filológiai Közöny [Comptes Rendus Philologiques. — Филологические Известия]	Száz.	— Századok [Siècles. — Века]
HK.	— Hadtörténelmi Közlemények [Comptes Rendus d'Histoire Militaire. — Военно-исторические Известия]	TáSz.	— Társadalmi Szemle [Revue Sociale. — Общественное Обозрение]
IT.	— Irodalomtörténet [Histoire Littéraire. — История Литературы]		
ITK.	— Irodalomtörténeti Közlemények [Comptes Rendus d'Histoire Littéraire. — Известия по истории литературы]		
JK.	— Jogtudományi Közöny [Bulletin des Sciences Juridiques. — Вестник Юридических Наук]		
KgSz.	— Közgazdasági Szemle [Revue Économique. — Экономическое обозрение]		
Kts.	— A Könyvtáros [Le Bibliothécaire. — Библиотекарь]		
LH.	— Levéltári Híradó [Nouvelles des Archives. — Архивный Вестник]		
LK.	— Levéltári Közlemények [Comptes Rendus des Archives. — Архивные Известия]		
MK.	— Magyar Könyvszemle [Revue Hongroise du Livre. — Венгерский книжный обзор]		
MMK.	— A Miskolci Herman Ottó Múzeum Közleményei [Comptes Rendus du Musée «Herman Ottó» à Miskolc. — Известия Музея им. Отто Херман в г. Мишколц.]		

Les titres des revues qui se trouvent plus fréquemment sont abrégés seulement. Les tirages à part des articles des revues sont dénotés après le titre des articles. — Сокращены только заглавия чаще встречающихся журналов. На отдельные отписки журнальных статей мы ссылались после надписи статьи.

I N D E X

ÉTUDES

<i>K. Benda</i> : История венгерского яacobинского движения I.	263
<i>C. Benda</i> : Histoire du mouvement des jacobins hongrois	310
<i>I. Berend und Gy. Ránki</i> : Die deutsche wirtschaftliche Expansion und das ungarische Wirtschaftsleben zur Zeit des zweiten Weltkrieges	313
<i>И. Беренд — Дь. Ранки</i> : Экономика Венгрии на службе германско-о военного хозяйства во время второй мировой войны	359
<i>B. Балаж</i> : Роль национальных комитетов в создании венгерской народной демократии II.	361
<i>B. Balázs</i> : Die Bedeutung der nationalen Komitees im Entstehen der ungarischen Volksdemokratie	399

RAPPORT SUR LES RECHERCHES

Les historiens hongrois commémorent le quarantième anniversaire de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre	401
--	-----

COMPTE RENDU DE LIVRES

<i>C. A. Macartney</i> : October Fifteenth. A History of Modern Hungary, 1929 — 1945 (<i>M. Incze — Gy. Ránki</i>)	419
--	-----

NOTES BIBLIOGRAPHIQUES	429
------------------------------	-----

CHRONIQUE

Ferenc Eckhart (par <i>Gy. Székely</i>) — Parution du volume I/2 du manuel universitaire „Histoire de la Hongrie” — Débat sur le manuel universitaire d'histoire (1849 — 1880) — Publication de documents diplomatiques du Ministère Hongrois des Affaires Étrangères, relatifs à l'histoire de la seconde guerre mondiale — Recherches sur l'histoire de la culture matérielle à l'Institut des Sciences Historiques — L'étude de l'historiographie hongroise	443
--	-----

BIBLIOGRAPHIE

Extrait du répertoire des ouvrages historiques (livres, études, articles) (1 ^{er} janvier — 30 juin 1957)	453
Список избранных произведений (книг, исследований, статей) по историр (1. января — 30. июня 1957 г.)	453

A kiadásért felel az Akadémiai Kiadó igazgatója

Műszaki felelős: Farkas Sándor

Kézirat beérkezett: 1958 szept. 30. Terjedelme 18,3 (A/5) fv

.....
Akadémiai Nyomda, Budapest — 46803/58 — Felelős vezető: Bernát György

«*Acta Historica*» публикует трактаты из области исторических наук на русском, французском, английском и немецком языках.

«*Acta Historica*» выходит отдельными выпусками разного объема. Четыре выпуска составляют один том (25—30 печатных листов) в год.

Подписная цена «*Acta Historica*» — 110 форинтов за том. Заказы принимает предприятие по внешней торговле книг и газет «Kultura» (Budapest 62 POB 149) или его заграничные представительства и уполномоченные.

The *Acta Historica* publish papers on history in French, English, Russian and German

The *Acta Historica* appear in issues of various size making up volumes. One volume of 400—500 pages appears every year.

The rate of subscription to the *Acta Historica*, is 110 forints a volume. Orders may be placed with “Kultura” Foreign Trade Company for Books and Newspapers (Budapest 62, POB. 149) or with representatives abroad.

Die *Acta Historica* veröffentlichen Abhandlungen aus dem Bereiche der Geschichtswissenschaft in französischer, deutscher, russischer und englischer Sprache.

Die *Acta Historica* erscheinen in Heften wechselnden Umfanges. Vier Hefte bilden einen 25—30 Bogen starken, jährlich erscheinenden Band.

Abonnementspreis pro Band beträgt 110 Forint. Bestellbar bei dem Buch- und Zeitungs-Außenhandels-Unternehmen »Kultura« (Budapest 62, POB. 149) oder bei seinen Auslandsvertretungen und Kommissionären.

INDEX

Avant-propos	1
ÉTUDES	
Б. Балаж: Роль национальных комитетов в создании Венгерской народной демократии I	109
II	361
<i>B. Balázs: Die Bedeutung der nationalen Komitees im Entstehen der ungarischen Volksdemokratie I.</i>	150
II.	399
К. Бенда: История венгерского якобинского движения I	263
<i>C. Benda: Histoire du mouvement des jacobins hongrois I.</i>	310
I. Berend und Gy. Ránki: Die deutsche wirtschaftliche Expansion und das ungarische Wirtschaftsleben zur Zeit des zweiten Weltkrieges	313
<i>И. Беренд—Дь. Ранки: Экономика Венгрии на службе германского военного хозяйства во время второй мировой войны</i>	359
L. Makkai: The Hungarian Puritans and the English Revolution	13
<i>Л. Маккаи: Венгерские пуритане и английская революция</i>	44
Э. Мольнар: Великая Октябрьская социалистическая революция	3
<i>E. Molnár: La Grande Révolution Socialiste d'Octobre</i>	11
L. Zsigmond: Versuche des deutschen Imperialismus, seine Machtpositionen nach Ost- und Südosteuropa hinüberzuretten (1919—1920)	47
<i>Л. Жигмонд: Попытки германского империализма сохранить свои позиции в Восточной и Юго-восточной Европе (1919—1920)</i>	107
DOCUMENTS	
B. Köpeczi: Politique et jansénisme. Lettres de François II. Rákóczi, prince de Transylvanie au cardinal Filippo-Antonio Gualterio (1714—1717)	153
<i>Б. Көпечьи: Политика и янсенизм. Письма трансильванского князя Ференца Ракоци II к кардиналу Филиппо-Антонио Гуалтерлио (1714—1717)</i>	173
RAPPORT SUR LES RECHERCHES	
Institutions de science historique en Hongrie	175
Les historiens hongrois commémorent le quarantième anniversaire de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre	401
COMPTE RENDU DE LIVRES	
L. Fekete: Die Siyāqat-Schrift in der türkischen Finanzverwaltung I—II. (<i>J. Perényi</i>)	188
Избранные документы истории венгерского рабочего движения (<i>И. Дуосеги</i>)	198
Г. Г. Кемень: Документы истории национального вопроса в Венгрии в эпоху дуализма. Т. 1—2. (<i>Э. Том</i>)	192
A. Macartney: October Fifteenth. A History of Modern Hungary, 1929—1945. (<i>M. Incze—Gy. Ránki</i>)	419
The Influence of the World Economic Crisis on Hungary. Edited by M. Incze. Authors: M. Incze, E. Karsai, I. Kubitsch, P. Petőcz, A. Sipos (<i>Gy. Ránki</i>)	207
NOTES BIBLIOGRAPHIQUES	213, 429

CHRONIQUE

Commémorations solennelles d'historiens hongrois à l'occasion du 40 ^e anniversaire de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre	230
Débat sur le manuel universitaire d'histoire (1849—1880)	446
Ferenc Eckhart (par Gy Székely)	443
Étienne Hajnal (par I. Wellmann)	221
Zoltán I. Tóth (par L. Makkai)	226
La publication des deux premiers tomes du manuel d'enseignement universitaire «Histoire de Hongrie»	233
L'assemblée générale du Comité International des Sciences Historiques à Lausanne ...	232
L'étude de l'historiographie hongroise	450
Parution du volume I/2 du manuel universitaire «Histoire de la Hongrie»	446
Publications de documents diplomatiques du Ministère Hongrois des Affaires Etrangères, relatifs à l'histoire de la seconde guerre mondiale	447
Recherches sur l'histoire de la culture matérielle à l'Institut des Sciences Historiques ...	449

BIBLIOGRAPHIE

Extrait du répertoire des ouvrages historiques (livres, études, articles) parus en 1956 ...	235
Список избранных произведений (книг, исследований, статей) по истории, вышедших в Венгрии в 1956 г.	235
Extrait du répertoire des ouvrages historiques (livres études, articles; 1 ^{er} janvier—30 juin 1957)	453
Список избранных произведений (книг, исследований, статей) по истории (1. января — 30. июня 1957 г.)	453